

В помощь школьнику

Андрей Румянцев

**ПЕВЦЫ РОДНОЙ ЗЕМЛИ
ТҮРЭЛ НЮТАГАА ТҮҮРЭЭН
ДОМОГЛОГШОД**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ • 2017

УДК 89
ББК 83.3(2Рос=Буря)
Р 865

*Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры
Республики Бурятия в рамках реализации Государственной программы
Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка
в Республике Бурятия».*

*«Буряад хэлэ Буряад Уласта сахин хүгжөөхэ»
гэһэн Буряад Уласай гүрэнэй программын хэмжээндэ
Буряадай Уласай Соёлой яаманай мүнгэн сангай
дэмжэлгээр энэ ном хэблэгдэбэ.*

Румянцев А.Г.

Р 865 ПЕВЦЫ РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Литературные портреты писателей Бурятии.
Пер. Н. Гармаевой. Послесловие К. Балкова. – Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография». – 2017. – с.: ил.

В книге рассказывается о жизни и творчестве писателей Бурятии, произведения которых уже давно пользуются любовью читателей. Многих из мастеров слова автор знал, поэтому живо передаёт особенности их судеб и характеров, приводит интересные беседы с ними. Его размышления о самобытности творчества каждого поэта, прозаика, драматурга освещены теплым личным отношением к каждому из них, стремлением постигнуть и открыть для читателя духовное богатство их литературного наследия. Книга адресована педагогам, студентам, старшеклассникам – всем тем, кто любит родную словесность.

ТҮРЭЛ НЮТАГАА ТҮҮРЭЭН ДОМОГЛОГШОД. Буряадай уран зохёолшодой литературна дүрэ-зураглалнууд. Н. Гармаева буряад хэлэндэ оршуулаа. Һүүлдэнь хэлэгдэхэ үгэ К. Балковой. – Улаан-Үдэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография» хэблэл. – 2017 он. – нюур.: зурагл.

Зохёолнуудайнь олон тоото уншагшадтаа үнинэй мэдээжэ болоһон Буряадай уран зохёолшодой намтар болон зохёохы зам тухай энэ ном соо бэшээтэй. Уран үгын дархашуулай олонтойнь автор танил, һайн мэдэхэ байһан хадаа, тэдэнэй хуби заяанайнь, зан абариинь онсо талануудые тэмдэглэжэ, юун тухай хөөрэлдэһэнөө тон һонирхолтойгоор дурсана. Шүлэгшэн, прозаик, драматург бүхэнэй зохёохы ажалайнь онсо талые тэмдэглэхэ зуураа, дурсагдаһан авторнуудай зохёолнуудай уншагшадта бүри ойлгосотой болохын тула, ехэ дулаанаар, удха түгэлдэрөөр бэшэнхэй. Тус ном багшанарта, оюутадта, ехэ клас-суудай һурагшанарта – түрэл хэлэнэйнгээ баялиг сэгнэжэ ябадаг бүхы зондо – зориулагданхай.

ISBN 978-5-91407-160-5

УДК 89
ББК 83.3(2Рос=Буря)

© Румянцев А.Г., 2017

**Хоца Намсараевич
НАМСАРАЕВ
(1889-1959)**

УРОКИ МАСТЕРА

В судьбе каждого выдающегося писателя есть какое-то чудо, предопределенное местом его рождения, средой, в которой он вырос, жизненными испытаниями, которые выпали на его долю, особенно в детские и юношеские годы. В судьбе Хоца Намсараева неожиданных переплетений трагического и счастливого, тяжкого и исцеляющего душу было, пожалуй, больше, чем у любого другого из его коллег.

Начнем с того, что родился мальчик в семье бедного кижингинского скотовода и в двухлетнем возрасте был отдан в сыновья более состоятельному арату Намсараю Цыбикову. К несчастью, новый отец вскоре умер, и юный Хоца остался на попечении приемной матери и бабушки. Сиротское детство сулило только лишения. Но жизнь стала преподносить добрые подарки. Один местный старик, знавший монгольскую грамоту, обучил его чтению, заронил страстную любовь к знаниям. Человеком особенным оказалась и его новая бабушка. Она знала множество бурятских улигеров, сказок, песен, благопожеланий. Этим двум людям, оказавшим огромное влияние на судьбу талантливого мальчика, он остался благодарен навсегда.

А далее опять жизнь чередовала недоступное, недостижимое с неожиданно возможным, подаренным самим временем. Улусный юноша не смог получить систематического образования, так необходимого для будущего писателя, но зато грянувшая вскоре революция открыла перед ним неведомые прежде возможности – много читать, пробовать свои силы в творчестве, общаться и работать со сверстниками, страстно желающими приобщиться к культуре. И, конечно, уже с профессиональной целью осваивать богатства национального фольклора.

Первыми произведениями Хоца Намсараева стали пьесы для самодеятельных артистов из улусов его родной округи. Например, пьеса «Тьма», написанная в 1919 году, ставилась тогда на многих сельских сценах. Сразу же нашли зрителей в местных клубах и следующие пьесы Намсараева: «Оракул Дамби», «Темная жизнь», «Старик Барбадай», «Смотри на свою слепоту». Конечно, творческую активность молодого человека постоянно подпитывало его участие в бурной послереволюционной жизни родного края. Хоца Намсараевич работал в хошунном (сельском) совете, несколько лет преподавал в школе, заведовал отделом в исполкоме родного Кижингинского района. И все молодые годы вместе с сельскими ребятами и девушками показывал для земляков спектакли: как режиссер ставил на сцене собственные пьесы и сам играл в них. Именно тогда прошел он свою главную творческую школу – учебу у народных сказителей. Позже, но еще при жизни Намсараева, об этом очень интересно рассказал его младший друг, поэт Цэдэн Галсанов. В предисловии к сборнику стихов Хоца Намсараевича «Слаблю я» он писал:

«В боргойских степях и кижингинских долинах, где безвестные пастухи пасли бесчисленные табуны лошадей, стада коров и овец, принадлежавшие нойонам, не умолкали песни о невзгодах и лишениях, о любви и страданиях, о баторах и мэргэнах и о грядущем счастье. В длинные зимние вечера у очага в юрте бедного одноулусника, в свежую летнюю ночь вокруг костра, на традиционных сурхарбанах раздавались эти песни, подхватываемые тысячными устами народа.

Смуглый старик, один из многих замечательных улигершинов, приглашенный на хоймор (почетное место) юрты, засучив рукава, берет в руки звонкий хур и с полузакрытыми глазами, под собственный аккомпанемент поет и рассказывает многочисленные улигеры насчитывающие несколько десятков тысяч стихотворных строк. Удивительные полеты поэтической фантазии, эпическая широта в показе событий, тонкость и красота словесной ткани, богатство лексики – вот что покоряло слушателей этих поэм».

Одно из них – народное сказание «Сагадай Мэргэн батор и мудрая девица Ногодой» – Хоца Намсараев мастерски обработал и опубликовал. Чтобы вы убедились, как непринужденно и музыкально льется поэтический рассказ, как много в нем примет степного быта, с какой национально-сказочной образностью рисуются поступки героини, ее душевное состояние, приведу отрывок из этой эпической поэмы. После смерти батора Сагадая его сестра Ногодой решила продолжить дело брата – бороться с черными силами:

*Молча девушка Ногодой
С кротким и сердечным нравом
Положила на колени
Мощный лук с колчаном тонким,
Нежно-нежно прикоснулась,
Пыль рукой дрожащей стерла.*

*Помутило злое горе
Свет очей ее прекрасных,
Щеки нежные девичьи
Стали серыми от скорби.*

*Голову на грудь уронит –
Так безудержно рыдает,
Что по всей степи обширной
Начинают литься реки.
Запрокинет очи к небу –
Так безудержно рыдает,
Что идут, не утихая,
Нескончаемые ливни.*

*Долго так она рыдала,
Уронив лицо в ладони,
Но слыла недаром мудрой
У сородичей Ногодой.
Поднялась она с порожка,
Стала землю рыть под домом,
Вынула сундук железный
На серебряных застежках,
Десять раз, как полагалось,
Повернула ключ волшебный,
С силой сдвинула задвижку,
Отперла сундук заветный.*

*Шубу новую достала,
Воротник-то соболиный,
А сама она покрыта
Дорогим китайским шелком,
На себя ее надела,
Обернулась тут же парнем,
Добрый молодец удалым,
Статным воином суровым.*

*После этого схватила
В дорогой оправе пояс,
Тонкий стан перетянула,
Что есть сил – до самых ребер.
Вынула унты – из кожи,
Снятой с щиколоток выдры:
Семислойные подошвы,
По бокам барсучьи ранты.
По наряду ей и шапка:
Мех на ней бобровый, черный,
Пуговка – размером с кочку,
Шапка с кисточкой бухарской,
С козырьком длиною в войлок¹.*

¹ Старинная бурятская шапка в форме конуса, на макушке которой пришивается большая пуговица, обтянутая материей.

*Наконец, она за пояс
Затыкает нож огромный,
Наконец-то, прицепляет,
Ладит к поясу огниво,
За спиною поправляет
Меткий лук, служивший брату,
Подбирает по колчану,
Стрелы острые считает.*

*Вскоре только звон раздался
Вздрогнувших стремян пудовых,
Только тонкий посвист плетки –
Серебра в ней – фунт, не боле...
Мчится девица, как ветер,
Над угрюмою равниной,
Ни словечка не обронит
По дороге аргамаку.
А внизу молчат вершины,
Синь серебряного неба...*

Одновременно с обработкой образцов народного творчества Хоца Намсараев неуклонно осваивает новые жанры литературы. В 1925 году в газете «Буряад-Монголой Үнэн» появилось его первое стихотворение, в 1929 году напечатана сатирическая поэма «Слово старого гэлэна», в 1935-м – сборник рассказов «Так было». Трудности и успехи первого десятилетия творчества писателя мы сможем лучше понять, обратившись опять к мнению Цэдэна Галсанова:

«Там, где не было литературной традиции в прошлом, классической традиции, несомненно, было трудно найти свой оригинальный поэтический голос. Но огромную помощь в этом Хоца Намсараеву оказали русская классическая литература и современная советская литература.

Выход в свет сборника новелл «Так было», в которых Хоца Намсараев воспевает народную мудрость, человеческое достоинство простых людей, их смелость, находчивость, остроумный выход из положений, явился фундаментом подлинно народной, реалистической литературы. Это событие стало поворотным пунктом в развитии молодой литературы.

Сборник воочию показал то высокое литературное мастерство писателя, которое глубоко волновало уже выросших в культурном отношении читателей, заставляло переживать вместе с героями новелл, любить или ненавидеть их. Рассказы полны неподдельного народного юмора и мудрости, пленительны по естественной простоте».

Творческий дар писателя обретает поистине орлиный размах. Намсараев создает повести «Цыремпил» и «Однажды ночью», публикует сборники стихотворений, пишет на основе народных сказаний новые эпические поэмы – «Аламжи Мэргэн», «Харалтур Хан». После Отечественной войны выходят в свет его повести «Луч победы» и «Золотая стрела», знаменитый роман «На утренней заре» и, как итог большой плодотворной творческой деятельности, – пятитомное собрание сочинений. Оно давало возможность осознать как читателям, так и коллегам-писателям бесценные уроки мастера.

Один из уроков Хоца Намсараева заключается, вероятно, в том, что художник всегда должен быть вместе со своим народом, делить с ним все горести и радости. О судьбах людей, а, значит, и о судьбе народной, нельзя рассказать, не понимая чужую боль, глядя на мир равнодушным взглядом обывателя.

Придет время, говорил Лев Толстой, когда литератор не будет сочинять, а будет лишь записывать истории, происшедшие в жизни. Жизнь создает романы, повести, рассказы, а литератор только записывает их на бумаге.

Хоца Намсараев записывал искрометным, афористичным языком возвышенное и печальное, светлое и трагическое в жизни своего народа. «Так было» – назвал он книгу рассказов о дореволюционной Бурятии, и эти страницы, написанные саркастически, лукаво, грустно, – не только одно из первых произведений молодой литературы, но и одно из точных свидетельств дооктябрьской истории народа. Его сатирическая поэма «Слово старого гэлэна» – это рассказ от имени ламы, буддийского священника; автор как бы перевоплощается в своего героя. И вновь ловишь себя на мысли, что эта судьба не сочинена; она увидена, внутренне «прожита» писателем, прежде чем воплотиться в поэме. А стихи Хоца Намсараева?

*Двадцать лет прожив на свете,
Доли я не знал счастливой,
Дни мои текли впустую –
До сих пор мне жаль тех лет.
Тьма была, пора тяжелая...
Так и жил я – мальчик маленький, –*

*Пас стада в степи родимой,
Пастухам был лучший друг.
Я простился с бедной юностью,
Я прочел страницы новые.
В дни весенние, грозовые
Взор по-новому прозрел.*

Это уже собственная судьба, изложенная просто и правдиво.

Правда, выраженная в художественных произведениях, близка любому читателю. Радость или горе, счастье или невзгоды, о которых поведал писатель, понятны людям независимо от их национальности. Поэтому книги о судьбах народных, где бы и когда бы они ни создавались, учат каждого из нас.

В пятидесятых годах я прочел роман Хоца Намсараева «На утренней заре». Бурятское село не было для меня чем-то неизвестным. Между моей родной деревней Шерашово и бурятским селом Корсаково лежало только три-четыре километра, только «поле, не разделенное межей». Никакая граница не разделяла и судьбу, труд жителей двух сел – друзей, побратимов, детей одной земли. И книга Хоца Намсараева открыла мне вчерашний день нашего края, истоки дружбы русских и бурят. Так было, наверное, с каждым читателем, живущим в Бурятии. Но я представляю сейчас читателя этого романа где-нибудь в Калмыкии, Татарии или Якутии. Разве убавится интерес его к этой книге из-за того, что Бурятия для него неблизкий край? Разве уменьшается значение книги, рассказывающей о переломных событиях в жизни страны, из-за того, что она рисует именно этот уголок Родины, а

не иной? Важна глубина постижения писателем народной жизни. Вот почему следующий урок Хоца Намсараева я бы определил так: задача писателя – осмыслить судьбу героев книги как судьбу народа, их время как отрезок большой и сложной эпохи. И тогда книга будет поучительна для читателя любой национальности.

Говорят, произведения Хоца Намсараева трудно переводить на русский язык. Колокольцы звонких эпитетов, тонкая ирония иносказательных присловий, звукопись каламбуров зачастую звучат лишь на родном языке и не имеют точного, адекватного перевода. Переводить сложно, но урок извлечь полезно. Прекрасный знаток бурятского народного творчества Х. Намсараев понимал, что фольклор – это способ выражения народом своего мироощущения, своего самосознания. И фольклорную стихию он рассматривал, судя по его писательской практике, как ту естественную атмосферу, в которой только и может творить поэт, прозаик, драматург. Писатели нередко прибегают к поверхностной стилизации фольклорной формы – сказа, улигера, частушки, используют фольклор как вставной номер, иллюстрируя им народный быт, разбавляя им собственные строки. Связь же творчества Намсараева с народной поэтикой глубинна. Меткость и емкость слова, естественность образа, высокая простота нашли прекрасное воплощение в творчестве одного из основоположников бурятской литературы.

Из бесценной кладовой народной мудрости черпал выдающийся мастер, и эту же кладовую пополнил он своими лучшими творениями.

Он всегда будет с нами – мудрый, лукавый, добрый писатель. Вот его живой, близкий голос:

*Не будет счет годов моих несметным.
И я, конечно, смертный человек.
Но в то же время стать могу бессмертным,
Коль, как река – теченью новых рек,

Вам передам свой опыт по работе,
Коль вы, горячий, молодой народ,
Вперед, как эстафету, понесете
Мой труд, мое стремление вперед!*

УРАН УГЫН ДАРХАН, УРАН ЗОХЁОЛШОДОЙ БАГША

Хаана түрэжэ, ямар зоной дунда эрэ болон үндыжэ, илангаяа бага балшар наһандаа, эдир залуу хаһадаа ямар бэрхэшээлнүүдые зохёолшо хүн дабажа гаранаб – эдэ бүгэдэ зохёохы намтартань, зохёолнуудтань тон ехэ нүлөө үзүүлдэг. Хоца Намсараевай хуби заяанда муушье, хайншье, хүндэ хүшэршье, сэдхэл зориг бадараамашье юумэнүүд яһала үзэгдөө. Хэжэнгын нэгэ үгытэй ядуу малша бүлэдэ түрэжэ, хоёртойхон байхадань Цэбэгэй Намсарай гэдэг шадалтайхан айлайда үгтэһэниинь, үргэжэ абаһан эсэгэнь гэнтэ наһа баража, үргэмэл эжы, хүгшэн эжы хоёртоёо үлэһэниинь Хоцада ямар байгаа гээшэб!

Багаһаа үншэрхэ гээшэ ямар ехэ хохидол, зоболон бэ! Гэбэшье, эрьехэ наран гэхэн үгэ бии, монгол хэлэ бэшэг мэдэдэг нютагайнь нэгэ үбгэн Хоцые үзэг бэшэг-

тэ хургажа, тэрэ уншадаг, бэшэдэг боложо, багаһаань эрдэм мэдэсэ тээшэ эрмэлзэдэг болоо һэн. Хүгшэн эжынышые баһал юрын эхэнэр бэшэ, үльгэр, онтохонуудые, арадай дуунуудые олоор мэдэдэг, хөөрөжэ, дуулажа үгэдэг байгаа. Тиигэжэ хуби заяандань буян хэшэг асарһан эдэ хүнүүдые Хоца бүхы наһаараа баяр баясхалан-тайгаар дурсажа, ханажа ябадаг бэлэй.

Хүдөө газарта хүмүүжэһэн хүбүүн зохёохы ажалданы хэрэгтэй болохо хайн эрдэм мэдэсэ шудалха арга үгы байгаа. Зүгөөр газар дэлхэйе доһолгон ерэхэн Октябрийн хубисхал хүбүүнэй урда үргэн харгы нээжэ, номуудые уншаха, зохёол бэшэжэ туршаха, соёл искусствэдэ дуратай зоноор харилсаха эрхэ олгоо.

Иигэжэ Хоца Намсараев арадайнгаа баян дэлгэр аман зохёолнуудые зохёолдоо хэрэглэхэ золтой байгаа.

Тэрэнэй бэшэһэн түрүүшын зүжэгүүдые уран хайханай артистнар хүдөөгэй зондо харуулдаг һэн. Жэшэнь, 1919 ондо бэшэгдэһэн «Харанхы», тэрэнэй удаа бэшэгдэһэн – «Дамби жоодшо», «Мунхаг байдал», «Барбаадай үбгэн», «Харанхыгаа хараад мэдэ» – гэхэн зүжэгүүдыень олон нютагуудта зон хаража хабарханы юм. Хубисхалай хүлээр түрэл нютагтань боложо байгаа бүхы үйлэ хэрэгүүдтэ эдэбхитэйгээр хабаадалсадаг хүбүүн хараһан үзэхэнөө зохёолнууд соогоо бэшэн, түүрээдэг бэлэй. Хоца Намсараевич хошуунайнгаа соведтэ хүдэлөө, хэдэн жэлэй туршада хургуулида багшалаа, Хэжэнгынгээ аймагай гүйсэдкомой таһагые дааж байгаа. Ажалда хүдэлжэ, ниитын хэрэгтэ саг үргэлжэ хабаадалсажа байхынгаа хажуугаар, зүжэгүүдые миин лэ бэшээд байдаг бэшэ, режиссёр-найруулагша болон, тэдэнээ табилсадаг, өөрөө наадалсадаг байгаа. Зохёолшон иматгал тэрэ үедөө үльгэршэдөөр дүтэ харилсажа, ехэ дүй дүршэлтэй болоһон. Энээн тухайнь Хоца Намсараевичын үшөө мэндэ ябахата, дүтын нүхэр – поэт Цэдэн Галсанов «Магтанаб» гэхэн шүлэгүүдэйнь номой урид хэлэгдэхэ үгэ соо тон һонирхолтойгоор бэшэһэн байдаг:

«Боргой болон Хэжэнгын намжар үргэн тала дайдаар баяд ноёдой үй түмэн адуу мал харюулжа ябахатаа, үлдэһэн, даараһанаа, дурлаһан, зобоһоноо дуун болгон дурсажа, агуу хүсэтэ баатарнууд, арадай бэрхэ мэргэшүүл, ерээдүйн ехэ жаргал тухай малшад дуу зохёон дуулалдажа ябадаг бэлэй. Эдэ дуунуудые һэеы гэр соогоо үбэлэй хүнийн утата галайнгаа хажууда, зунай хүнийн һэрюүндэ түүдэг тойрожо һуугаад, Сурхарбаанай үедэшые дуулалдадаг байгаа.

Һэеы гэрэй хоймрто уригдаһан хара хүрин нюуртай үльгэршэ үбгэнэй гартаа морин хуур абаад, хамсыгаа тохоногтоо хүрэтэр шамажа, нюдөө анин, арбаад мянган мүнүүдһээ бүридэһэн үльгэр хуур дээрээ наадажа, түүрээн дуулажа эхилхэдэнь, шагнагшад шэхээ шэмэн, зүрхөө хүлгүүлэн шагнадаг һэн».

Тиигэжэ Хоца Намсараев «Сагаадай Мэргэн баатар Ногоодой сэсэн басаган хоёр» гэжэ арадай үльгэр шадмар бэрхээр уянгатуулан бэшээд, хэблүүлэ һэн. Хүдөөгэй зоной һуудал байдалые, Ногоодой дүүхэйн уян сэдхэлые ямар гоёор, урин дулаанаар зохёолшон харуулаа гээшэб гэжэ гэршэлһэн нэгэ хуби эндэ дурдая. Сагаадай баатарай наһа бараһан хойно Ногоодой дүү басаган ахынгаа хэргые үргэлжэлүүлжэ, хара хүсэнүүдтэй тулалдаха шиидхэбэри абана.

*Ногоодой Сэсэн басаган
Дүү хүбүүнэйнгээ
Номо наадагые абажа,
Ара бэеыень аршажа,*

Үбэр бэеыень аришажа,
Хоёр хара нюдэндэнь
Манан тооһон татана.
Хонгор улаан хасартань
Гуниг гомдол хатана.
Хурса сагаан шарайгаа
Хүхэрүүлжэ унана.
Уруугаа хаража уйлана,
Уһан дэлхэй дэбэлнэ.
Өөдөө хаража үгэлнэ,
Үһөө бороо хёморно.
Гэрэйнгээ баруун хаяае
Огло хүшэн уудална.
Түдгэ мүнгэн түлхюүртэй,
Төөриг мүнгэн суургатай
Түмэр абдар гаргана.
Ара бэеынь оньһые
Үргэн татан угзарна.
Хажуу тээнээ нээгдэжэ,
Хана туласа дэлинэ.
Булган химбүүр захатай,
Буха магнал гадартай,
Буряад дэгэл гаргажа,
Бугзан абажа үмдэнэ.
Хүдэлэн эрьен байхадаа,
Хүрин улаан шарайтай
Хүбүүн боложо хубилна.
Хажуу таладаа хажсатай
Хажа мүнгэн бүһые
Хам барин угзаржа,
Хабһа туласа горьёлно.
Долоон дабхар улаатай,
Доргон булгайр зулагтай
Годон халюун гуталаа
Гүя тулган татана.
Болдогой шэнээн тэбэгтэй,
Бухайр гогшоо залаатай,
Хаяабишын шэнээн һарабишатай
Хара бообор малгайгаа
Һэгсэд гэсэ һэхэжэ,
Һэмбэд гэсэ үмдэнэ.
Алтан мүнгөөр таблаһан
Ама хэтэ хадуужа,
Алда хутага һуйбадана.
Харбаха номыень агсажа,
Хадхаха зэбыень үргэлнэ.
Пүүд мүнгэн дүрөөгэй
Хан гэхэ дуулдаба,

*Пүүнтэ мүнгэн ташуурай
Шаб гэхэ дуулдаба.
Хээрэ буурал мориндоо
Хэлэ оложо хэлэбэгүй,
Хээрын сагаан талада
Галхи дамжсан дэгдэнэ.
Хүхэ мүнгэн тэнгэрийн
Орьёл дээгүүр хөөрэнэ,
Хүрьһэтэ аман дэлхэйн
Нюруу дээгүүр шургана.*

Арадай аман зохёол тэрэ доронь буулгажа бэшэдэггүй, заһабарилан найруулдаг, ульгам хурса үгэнүүдээр шэмэглэн, тодо һонор болгодог байгаа. Арадай аман зохёол шүлэглэн бэшэхэ ажалайнгаа хажуугаар Хоца Намсараев уран зохёолой шэнэ жанрнуудта хам оробо. 1925 ондо түрүүшын шүлэг, 1929 ондо «Үбгэн гэлэнэй үгэ» гэжэ шог ёгто поэмэнь «Буряад-Монголой Үнэн» сониндо толилогдожо, 1935 ондо – «Тиимэ байгаа» гэхэн гаршагтайгаар хөөрөөнүүдэйн суглуулбари ном боложо, хэблэлһээ гараба. Зохёохы ажалайн түрүүшын арбан жэлэй ямар байһые мэдэхын тула Цэдэн Галсановай бэшэгтэ дахинаа хандая: «Түшэглэн хүгжэхэ гэхэдэ түшэглэмөөр заншал маяг буряад уран зохёолдо байгаагүй ха юм даа, тиимэһээ зохёолдоо тон өөрын онсо маяг олохо хэрэгтэй байгаа. Энэ хэрэгтэ ородой классическа уран зохёол болон мүнөө үе сагай совет уран зохёол Хоца Намсараевта угаа ехэ туһаламжа, түшэлгэ боложо үгөө.

Юрын ажалша малша зонй сэсэн мэргэн, хүбэлгэн һонор ухаа, уршагта байдалда оробошье, угаа сэсэнээр тэндэһээ мултарха арга шадал харуулһан «Тиимэ байгаа» гэхэн гаршагтай Хоца Намсараевай новеллэнүүдэй ном ёһотойл реализмын шэглэлтэй зохёолнууд болоо гээшэ. Энэ ехэ хэрэг залуу буряад уран зохёолой хүгжэхэ ябадалда тон ехэ удха шанартай байгаа юм. Новеллэнүүдые уншаһан зониие геройнуудтайнь хамта зүрхэ сэдхэлээ доһолуулжа, заримандань дурлуулжа, заримыень үзэн ядуулжа шадаһан авторайнь бэлиг талаанай дали хүсэ урган хүгжэһые энэ ном гэршэлээ. Ном соо ороһон хөөрөөнүүд арадай хүбэлгэн һонор сэдхэл харуулхаһаа гадна, тон ульгам тодоор, хүнэй ойлгохоор бэшээтэй».

Уран зохёолшын бэлиг бүри хурса, бүргэд шубуунай дали шэнги үргэн дэлисэтэй боложо, «Цыремпил», «Нэгэтэ һүни» гэхэн туужануудые, арадай аман зохёолдо үндэхэлһэн «Аламжа Мэргэн», «Харалтуур Хаан» гэхэн эпическа поэмэнүүдые бэшэжэ, шэнэ шүлэгүүдэй согсолборинуудые хэблүүлбэ.

Эсэгэ Ороноо хамгаалгын Агуухэ дайнай һүүлдэ бэшэһэн «Илалтын туяа», «Алтан зэбэ» гэхэн туужануудын, «Үүрэй толон» гэхэн романиинь, зохёохы замайнь ехэ дүн болоһон – зохёолнуудайнь суглуулбаринуудай табан боти номууд хэблэгдэн гараа. Эдэ зохёолнууд болон номууд уран зохёолшын сэнгүй ехэ талаан бэлигэй үргэн дэлисые арад зондоо, ээм ээмээ түшэлсэжэ ябаһан аха дүү зохёолшодтоо гэршэлэн харуулаа.

Хоца Намсараевай бэшэндэ үгэхэн эгээл нэгэ гол хэшээл, хургаал захяа гэбэл, зохёолшо хүн гээшэ хододоо – найр нааданай, баяр жаргалай, хохидол зоболоной үедэшье – арадтаяа хамта баяр, гашуудалыень хубаалдажа ябаха гэхэн хургаал захяа мүн. Арад зонй хуби заяан тухай бэшэхэдээ, хажуу тээһээ юрын нюдөөр хаймадан хаража байгаад бэшэхэ бэшэ, хүнэй сэдхэлэй уйдхар гашуудал, үбшэ зоболон ойлгожо, мэдэжэ бэшэхэ гэнэ бшуу.

«Зохёолшон хүн юрэл юумэ зохёогоод нууха бэшэ, ажабайдалда болоһон үйлэ хэрэгүүдые саарһан дээрэ гэршэлэн бэшэдэг саг ерэхэ юм» гэжэ Лев Толстой хэлээ бэлэй. Ажабайдал өөрөө романуудые, туужануудые, расказуудые зохёон бүтээнэ, харин зохёолшон тэдэниен саарһан дээрэ бэшэжэ үрдинэ.

Арад зонойнгоо ажабайдалда ушарһан сэдхэл хүдэлгэмэ уян, уйламаар уйдхартай, харуул хайханшье, муу муухайшье ушарнуудые уран гоёор, хурса хэлээр, далда үгэнүүдээр дүлэ гаратар тэрэ бэшэдэг байгаа. Буряад оронойнгоо хубисхалай урдахи байдал нуудалые зураглан харуулһан хөөрөөнүүдэй номые «Тиимэ байгаа» гэжэ нэрлээ. Хорон хурса, заримдаа энээдэ наадатай, заримдаа уйдхар га шуудалтай үгэнүүдээр бэшэгдэһэн эдэ зохёолнууд далижажа эхилһэн залуу буряад совет уран зохёолой түрүүшын ехэ бүтээлнүүдэй нэгэн боложо, алтан жасадань орохоороол ороо.

«Үбгэн гэлэнэй үгэ» гэхэн сатирическа поэмэнь буддын санаартанай, лама хүнэй нэрэхэ түүрээгдэһэн; автор эндэ өөрөө геройены болошоно. Зохёолшон ханаанһаа абажа бэшэһэн бэшэ, хүнүүдэй хуби заяанда ушарһан бэрхэшээлнүүдые мэдэхэ, заримыень өөрөө бэе дээрээ мэдэрһэн, сэдхэл дотороо эдэниие дабажа гараһан хүн гэжэ харагдана.

*Хуби золоо мэдээгүй
Хорёод арбаад наһанайнгаа
Холиор хүнгэн наадые
Хододоо ханан гайхагшаб.*

*Эгээл тиимэ үе соо
Энэ бэем ургаа һэн.
Эльгэ зүрхэн хоёртом
Эрын эршэшье байгаагүй.*

*Үетэн залуу нүхэдһөө
Үлүү ондоош ябаагүйб.
Үлгэн дайдын эльгэн дээрэ
Үдэһэн гансал түүхэтэйб.*

*Хүн түрэхэн ёһоёо
Хүлээһэн сагаа ханахадам,
Хүшэр хүндэ шабарһаа
Хүсэлэн гараһан үльгэртэйл.*

*Тэрэ үеын байдал соо
Тэмгэ таамаг ябаашам.
Тэнэг эндүү олоншье һаа,
Тэмсэл байһаншье магадгүй.*

*Саг жэлнүүд ерээ һэн,
Саарһа бэшэг уншаа һэм,
Үнэн байдал хараа һэм,
Үнэтэй заяан угтаа һэн.*

Иигэжэ өөрынгөө хуби заяан тухай Хоца Намсараев «Минии заяан» гэжэ шүлэг соогоо бэшэһэн байдаг.

Ажабайдалыг үнэн зүбөөр, гоё болгонгүй, хэм соонь харуулхан зохёолнууд уншагшадай зүрхэ сэдхэл дайража шададаг. Зохёолнууд соо харуулагдахан баяр ба гомдол, жаргал ба хохилон ямаршье яһанай хүндэ ойлгосотой. Тиимэһээл арад зоной хуби заяан тухай түүрээһэн зохёолнууд бидэниие олон юумэндэ хургана бшуу.

Табяад онуудаар Хоца Намсараевай «Үүрэй толон» гэжэ роман уншаа һэм. Буряад зоной байдал һуудал би хайн мэдэхэб. Минии түрэхэн Шерашово гэжэ ород һуурин болон Корсаково гэжэ буряад һуурин хоёрой хоорондо юугээршье хоорондуураа таһалагдаагүй гурба-дүрбэн километр зайда томо пооли байдаг һэн. Нэгэл газарта үдэжэ томо болоһон арадуудай хуби заяан одоол нэгэ, ямаршье хилэ эндэ хэрэггүй, хоорондоо «шинии, минии» гэжэ буляалдаха юумэгүй, эб хамта ажаһуудаг байгаабди. Хоца Намсараевай ном уншаад байхадаа, манай түрэл хизаарай урданайн байдал, ород буряад арадуудай хоорондын нүхэсэлэй уг үндэһэн тухай ехэ юумэ ойлгожо абаа һэм. Буряад орондо түрэжэ үдэхэн хүн бүхэндэ энэ роман ойлгосотойл байха. Харин Хальмагта, Татаар Республикада гү, али Яхадта түрэхэн хүн уншабал, юун тухай бэшгэдэһыень ойлгохо гү? Ойлгохо, юундэб гэбэл, гүрэнэй алишье газарта болоһон үйлэ хэрэгүүд номой удха шанар ондоо болгохогүй. Арад зоной ажабайдал гүнзэгыгөөр харуулха хэрэгһээ шухала юумэн зохёолшондо байхагүйл. Эгээл тиимэһээ – арадай хуби заяае, тэрэнэй дабажа гараһан үе саг сэдхэлээрээ мэдэржэ, өөрынгөө хуби заяан мэтээр харуулха гэшшэ Хоца Намсараев мэтын томо зохёолшодой үшөө нэгэ шухала хэшээл гэшшэ гэхэ байнаб.

Хоца Намсараевай зохёолнуудыг ород хэлэндэ оршуулхань тон хүшэр гэлсэдэг. Задарюу солбон эпитедүүд, оньһон далда үгэнүүд, уран гоёор түүрээһэн буряад үгын аялга – эдэ бүгэдэ түрэл хэлэн дээрээ хэнэйшье зүрхэ дайраха, тэрэл хэбээрнь ондоо хэлэн дээр гаргаха гэшшэ орёол байха. Оршуулхада хүндэшье юм бээ, зүгөөр туһатай хэшээл абамаар. Буряад арадай аман зохёол тон бэрхээр мэдэдэг Х.Намсараев аман зохёол болбол арадай зүрхэ сэдхэл харуулхан арга гэжэ тон хайнаар ойлгодог байгаа.

Поэт, прозаик, драматург хүн арадай сэдхэл, ажабайдал харуулха гэбэл, энэл агаараар амилжа, юумэ бэшэхэдээ, үльгэр, онтохо, дуу хэрэглэхэ гэбэл, минин лэ үгэнүүдэй хоорондо нэмэлтэ шэнгээр хабшуулжархиха бэшэ, тэрэнь арадай байдал зураглан харуулжа шадаха ёһотой, үгы хаа, удха түгэлдэр зохёол болохогүй. Намсараевай зохёолнууд тиимэ бэшэ, удхынгаа талаар гүнзэгы, арадай сэдхэлтэй, арадай ажабайдалтай сэхэ холбоотой.

Буряад уран зохёолой эхи һуури табилсагшадай нэгэн болохо Хоца Намсараевай тематикаараа үргэн, удхаараа гүнзэгы, жанраараа олон янзын, баян хурса хэлэтэй зохёолнуудынь бүхэдэлхэйн уран зохёолой алтан жасада орожо, өөрын һуури эзэлэнхэй. Арадай аман зохёолой дундаршагүй ехэ далайһаа уран үгын дархан, уран зохёолшодой багша Хоца Намсараев удхан абабашье, энэ ехэ далайда өөрынгөө эрхим бүтээлнүүдыг дуһал дуһалаар оруулаа. Бэлиг ехэтэ зохёолнуудынь, хүсэ ехэтэ хургаалнуудынь хэтэ мүнхэдөө бидэниие хайн хайханда уряалжа байха.

*Сэсэн хурса зориг соо
Сэгээн шулуун хайладаг юм.
Уран хурса удха соо
Олоной хүсэн байдаг юм.*

*Ажлал дээрэ амжуулдаг
Арга шадал хурсахан.
Арад зондоо харуулдаг
Алдар нэрэ үндэрхэн.*

*Мэдэн шадан ябаа хаа,
Мэргэн харгы гэрэлтэй.
Зорин зохёон шадаа хаа,
Зоной хүсэн эриэтэй.*

*Галхяар найрхан дуулаагүйб,
Ганаа зүрхэм даагуужан.
Дэмы хамуу хэлээгүйб,
Дэлхэй тэрэним таагуужан.*

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Үбгэн гэлэнэй үгэ.* Сатирическа поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1929, 1954.
Цыремпил. Туужа. 1-дэхи хуби. – Улаан-Үдэ, 1935, 2-дохи хуби. 1937.
Тиймэ байгаа. Хөөрөөнүүд. – Улаан-Үдэ, 1936.
Аламжа Мэргэн хүбүүн Агуу Гоохон дүүхэй хоёр. Буряадай эпическэ поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1936.
Нэгэтэ хүни. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1938.
Сагаадай Мэргэн баатар Ногоодой сэсэн басаган хоёр. Эпическэ поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1940.
Илалта. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1942.
Тайшаагай ташуур. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1943.
Зүрхэнэй баяр. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1945.
Шэлэгдэмэл зохёолнууд. – Улаан-Үдэ, 1948.
Үүрэй толон. Роман. – Улаан-Үдэ, 1950, 1956.
Зүжэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1950.
Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1951.
Томоогүй унаган. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1954, 1973.
Табан боти зохёолнуудай суглуулбари. 1-дэхи боти. Рассказууд, туужанууд. 2-дохи боти. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. 3-дахи боти. Ульгэрнүүд, зүжэгүүд. 4-дэхи боти. Туужанууд, статьянууд. 5-дахи боти. Үүрэй толон. Роман. – Улаан-Үдэ, 1957-1959.
Цыремпил. Туужа. Рассказууд, статьянууд. – Улаан-Үдэ, 1979.
2 боти зохёолнууд. 1-дэхи боти. – Улаан-Үдэ, рассказууд, туужанууд. 2-дохи боти.
Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1986-1987.

На русском языке:

- Славлю я.* Стихи. – Улан-Удэ, 1947.
Золотая весна. Сборник стихотворений. – М.: Советский писатель, 1950.
Цыремпил. Повесть. – Улан-Удэ, 1950.
Однажды ночью. Повесть. – Улан-Удэ, 1950.
Золотая стрела. Повесть. – М.: Детгиз, 1950.
Повести (Луч победы; Золотая стрела). – М.: Советский писатель, 1950.

- Три неразлучных друга.* Повесть. – Улан-Удэ, 1950; М.: Детгиз, 1960.
- Избранное.* Стихотворения и поэмы. Так было. Рассказы. На утренней заре. Роман. – М.: Изд-во художественной литературы, 1959.
- Кнут тайши.* Пьеса. – Улан-Удэ, 1959; М.: Искусство, 1960.
- На утренней заре.* Роман. – Улан-Удэ, 1950 (Пер. В.Ференс и В.Авдеев), 1954 (Пер. А.Ференчук и В.Авдеев), 1956 (Пер. М.Степанов), 1962 (Пер. М.Степанов); М.: Советский писатель, 1959, М.: Советская Россия, 1978. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 1. Улан-Удэ, 2006.
- Таёжная, озёрная, степная.* Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2012.
- Сагадай Мэргэн.* Эпическая поэма. – Улан-Удэ, 1962, 1990.
- На утренней заре.* Роман. Так было. Рассказы. Однажды ночью. Повесть. – Улан-Удэ, 1972.
- Стихи* (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
- Так было.* Рассказы. – Улан-Удэ, 1982.
- Цыремпил.* Повесть. – М.: Детгиз, 1989.
- На утренней заре.* Роман. Так было. Рассказы. Однажды ночью. Повесть. – Улан-Удэ, 1989.
- Сагадай Мэргэн.* Эпическая поэма. – Улан-Удэ, 1990.
- Стихи.* Антология литературы Бурятии XX-XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
- Кнут тайши.* Пьеса. Антология литературы Бурятии XX-XXI веков в 3 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Долецкий П., Черемисов К.* О прозе Х.Намсараева. – Ленинград, 1940, № 19-20.
- Цыдендамбаев Ч.* О книгах Хоца Намсараева для детей. – Бурят-Монголой Үнэн, 1945, 24 марта.
- Очиров Ц.* Избранные произведения Хоца Намсараева. – Буряад Унэн, 1949, 17 июля.
- Хамаганов М.* Творческий путь Хоца Намсараева. Улан-Удэ, 1949.
- Михайлов Г.* Первая проза (О повести Х.Намсараева «Золотая стрела»). – Литературная газета, 1950, 26 декабря.
- Тумунов Ж.* О поэме «Резвый жеребенок». – Буряад Унэн, 1954, 29 сентября.
- Найдаков В.* Историческая пьеса Х.Намсараева «Кнут тайши» // Труды ИГУ, 1956.
- Михайлов Г.* Как сбылись надежды (О романе «На утренней заре»). – Литературная газета, 1956, 17 апреля.
- Найдаков В.* Встреча со старыми героями. К выходу первого тома собрания сочинений Хоца Намсараева. – Бурят-Монгольская правда, 1957, 25 декабря.
- Шаракишинова Н.* Хоца Намсараев. Критико-биографический очерк. – Улан-Удэ, 1958.
- Абрамович А.* Заметки о бурят-монгольском романе. – Свет над Байкалом, 1958, № 3.
- Соктоев А.* Устная народная новелла и влияние ее на рассказы Х.Намсараева // Ученые записки Бурятского педагогического института. – Улан-Удэ, 1959.
- Тармаханова О., Жарков Д.* Намсараев Хоца Намсараевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
- Хомонов М.* О романе «На утренней заре». – Буряад Унэн, 1961, 17 мая.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* Повесть Хоца Намсараева «Цыремпил» // Советская литература и фольклор Бурятии. Улан-Удэ, 1961.
- Галсанов Ц.* Из воспоминаний о Х.Намсараеве. – Буряад Унэн, 1969, 29 мая.
- Соктоев А.* Хоца Намсараев. Путь к эпосу социалистического реализма. – Улан-Удэ, 1971.
- Балдано Н., Белоусов А., Дондокова Ц.-Д.* Подборка материалов к 90-летию со дня рождения Х.Намсараева. – Буряад Унэн, 1979, 24 мая.

- Старикова Г.* О сатире Хоца Намсараева. – Байкал, 1982, № 3.
- Найдаков В.* Уроки Х.Намсараева // Найдаков В. Непроторенными путями. Улан-Удэ, 1984.
- Очиров Н.* Хоца Намсараев. Литературный портрет. Улан-Удэ, 1988.
- Очирова Т.* Истоки художественного слова // Намсараев Х. Цыремпил. Повесть. М.: Детгиз, 1989.
- Жалсараев Д.* Учитель, старший товарищ. – Буряад Унэн, 1989, 6 апреля.
- Бабуев С.* Из родословной Х.Намсараева. – Буряад Унэн, 1989, 15 апреля.
- Номтоев Ц.* Ключ от богатств бурятского языка. – Буряад Унэн, 1989, 12 мая.
- Творчество Хоца Намсараева // Сборник Бурятского научного центра СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1991.
- Дырхеева Г.* Русские заимствования в произведениях Х.Намсараева // Слово в русской народной речи. Улан-Удэ, 1991.
- Без указ. автора.* Намсараев Хоца Намсараевич // Писатели Бурятии. Улан-Удэ, 1994.
- Балданов С.* Х.Намсараев и роль его творческого наследия в современной бурятской литературе. – Вершины, 1999, № 2.
- Дондокова Ц-Д.* Задушевные слова. – Буряад Унэн, 1999, 13 мая.
- Хоца Намсараев* – летописец народной жизни. – Улан-Удэ, 1999.
- Найдаков В.* Хоца Намсараев (1889-1959) // Выдающиеся бурятские деятели. – Улан-Удэ, 2001, 2009.
- Забадаев С.* Намсараев Хоца Намсараевич (1889-1959) // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Намжил Гармаевич
БАЛДАНО
(1907-1984)**

ТАЛАНТ, ОБРУЧЁННЫЙ С ТЕАТРОМ

Как-то в семидесятых годах мне посчастливилось выступать в одной из школ Бурятии вместе с Намжилом Гармаевичем Балдано. Крепкий, красивый, с величаво посаженной головой, писатель уютно устроился за учительским столом и оглядывал большой зал теплым, улыбчивым взглядом. Думаю, он казался мальчишкам и девчонкам родным ахай¹, который приготовился рассказать улигер, услышанный им в таком же возрасте. Рассказ Намжила Гармаевича оказался, конечно, не улигером, но он был не менее захватывающим. Обаяние человека, связавшего свою жизнь с театром, и необычность того, что он говорил, приковало внимание детей с первых минут. Моё внимание – тоже.

Начну с того, что в конце двадцатых годов в его родной Иволгинской долине появилась киноэкспедиция из Москвы. Знаменитый режиссер Всеволод Пудовкин решил снять здесь, под Верхнеудинском², отдельные эпизоды своего фильма «Потомок Чингисхана», ставшего впоследствии всемирно известным³. Главную роль в нем играл бурятский актер Валерий Инкижинов. А вот участников массовых сцен для съемок по просьбе режиссера собирал Намжил Балдано, тогда вожак сельских комсомольцев. Увидеть рождение игрового фильма (и где – в родной степи за околицей!) в те времена было чудом из чудес. Не тогда ли двадцатилетний паренек начал мечтать о профессии, связанной с театром? Во всяком случае, через год он поступил в театральную студию Дома национального искусства, открытого в Верхнеудинске. Вскоре студию преобразовали в техникум искусств. Время его

¹ Так в бурятской семье уважительно называют старшего по возрасту.

² Город Улан-Удэ (до 1934 года).

³ За рубежом он получил название «Буря над Азией».

окончания совпало с созданием в республике театра бурятской драмы. И это знаковое событие в истории культуры Бурятии оказалось для Балдано, особенно, радостным: во-первых, он был принят артистом театра, а во-вторых, храм искусства открылся спектаклем по пьесе Намжила Гармаевича «Прорыв». К тому времени, то есть к двадцатипятилетнему возрасту, он написал уже несколько пьес. Они ставились на улусных сценах. Но драма, поставленная профессиональным коллективом, означала, что творческий путь выбран окончательно, на долгую жизнь.

О пьесах писателя мы еще поговорим. А пока продолжу рассказ о памятной встрече со школьниками. Намжил Гармаевич спросил ребят: «Все ли они читали о Гэсэре, герое бурятского народного эпоса?» Зал дружно ответил: «Конечно!». «А знаете ли вы...», – продолжил писатель, и того, о чем он поведал дальше, конечно, никто из подростков не знал. Жемчужину народного фольклора в свое время чуть ли не похоронили. Эпос был объявлен произведением «нойонско-ламаистским», запрещен к изданию. Имена сказителей, сохранивших фольклорный шедевр, полагалось предать забвению. Намжила Балдано эта история поношения великого сказания коснулась лично. Дело в том, что молодой драматург выполнил огромную работу, связанную с национальным эпосом. Он изучил все многочисленные ветви сказания, сохраненные талантливыми улигершинами, отобрал самые выразительные, художественно ценные из них, свел истории героических подвигов Гэсэра в одно логически стройное повествование, поэтически обработал его и подготовил к печати. И вдруг – дикая команда: образец многовекового народного творчества выбросить и забыть о нем. Мало этого: все, кто пекся о сохранении шедевра, в том числе и Балдано, подверглись преследованию. Намжил Гармаевич вынужден был оставить плодотворную писательскую деятельность, любимую работу в театре и скрыться в деревне. Только со временем, благодаря таким людям, как он, не смирившимся с невежеством ретивых запретителей, мужественно отстаивавшим сокровище национальной культуры, эпос «Гэсэр» был издан.

И еще одно в запомнившемся рассказе писателя стало для ребят открытием. Тогда в репертуаре Бурятского театра оперы и балета прописались надолго три спектакля, которые по праву можно назвать национальной классикой – балет «Красавица Ангара» и оперы: «Энхэ-Булат батор» и «Побратимы». Наверное, не было в столице республики ни взрослого, ни школьника, который не посмотрел бы на сцене театра балет Л.Книппера и Б.Ямпилова «Красавица Ангара» с превосходными исполнителями главных партий Ларисой Сахьяновой и Петром Абашевым. Но увидеть перед собой одного из создателей этого и двух других спектаклей, человека, который написал либретто для них, увидеть сказочника или, говоря по-старинному, улигершина... Тут уж точно будешь слушать, открыв рот!

А нам, взрослым, огромный вклад Намжила Гармаевича в развитие бурятской драматургии, сценического искусства, его заслуги актера, режиссера, переводчика, наконец, неутомимого организатора национального театра были хорошо известны. В Бурятском театре драмы, где, как говорилось, он начинал артистическую деятельность, вскоре оценили его энергию и способность спланировать коллектив: Балдано был назначен художественным руководителем.

А национальное искусство республики бурно развивалось. Для подготовки к первой Декаде бурятской литературы и искусства в Москве, состоявшейся в 1940 году, в Улан-Удэ приехали известные театральные режиссеры, педагоги по вокалу, художники, концертмейстеры, дирижеры. Достаточно сказать, что артистов бале-

та к столичному смотру готовил выдающийся постановщик танцев И.Моисеев, а художественным руководителем Декады в Москве был знаменитый оперный режиссер И.Туманов. В августе 1939 года в Улан-Удэ приехал композитор, ректор Уральской консерватории Маркиан Фролов. Он принял предложение написать оперу «Энхэ-Булат батор» по либретто Намжила Балдано. Композитор исколесил многие районы республики, записывая мелодии бурятских народных танцев и песен, вникая в особенности национальной музыки. Весною 1940 года опера была написана – первое произведение такого рода в истории бурятского музыкального театра. Спектакль «Энхэ-Булат батор» с большим успехом прошел на московской сцене. По итогам выступлений бурятских артистов в столице, большой группе их были присвоены почетные звания. Как видим, в гуще всей этой работы был Намжил Гармаевич.

После Отечественной войны на основе музыкально-драматического театра возникло два творческих коллектива – театр бурятской драмы и театр оперы и балета. Для искусства республики это событие было историческим. И с ним опять связано имя Балдано. С его участием формировались оперная и балетная труппы, решались организационные проблемы, которых при создании нового коллектива, конечно, возникало немало. В последующие годы Намжил Гармаевич возглавлял и театр бурятской драмы, и театр оперы и балета.

А творческая деятельность писателя всегда шла рядом с работой организаторской. Около сорока его пьес ставились на профессиональных и самодеятельных сценах, многие либретто стали основой для музыкальных спектаклей. К тем нескольшим, что названы выше, нужно добавить хорошо известные зрителям пьесы «Один из многих», «Два друга», «Эржэн», «Бабжа-Барас батор», «Рыбаки Байкала», «Баянгол», либретто балетов «Свет над долиной», «Сердце Гэсэра».

Намжил Балдано, пожалуй, один из тех немногих драматургов, которые, как и бурятские прозаики старшего поколения, принес на сцену (а те – на страницы книг) подлинно народную жизнь с ее национальным бытом, укорененными традициями, нравственными правилами, богатым самоцветным языком. Возьмите драматическую историю, положенную в основу пьесы «Бабжа-Барас батор». Писатель использовал улигер, народную легенду, но как приближены к будничной, повседневной жизни арата, как узнаваемы судьбы, поступки, мысли и чувства героев! То и дело в их разговорах обычная житейская подробность и мудрые народные изречения стоят рядом, будто по-другому бурят и не может вести беседу:

*Неправедный совет – что волчья яма,
Прикрытая пластом травы пахучей...*

.....
*Петляет мысль твоя, ты криво говоришь,
А я не гончая, чтобы за дичью гнаться...*

.....
*Не то ты говоришь. Свернул с дороги.
Ум по тропе бежит, но тянут в чащу ноги,
В них трусость вся твоя, нойон!..*

.....
Слыхали? Он клянется! Он еще клянется!

*Сухой навоз, измолотый копытом,
Негодный даже для костра, клянется!
Чем ты клянешься? Может, честью предков,
Которые в гробах перевернулись
От вероломства и измен твоих?!
Иль именем народа, что ты предал?
Молчишь!*

Иногда весь разговор героев Балдано – это затейливое словесное состязание остроумцев, поединок людей, усвоивших богатства народного творчества. Так начинается и драма «Бабжа-Барас батор». Манжа-хан и его приближенные советуется как уничтожить предводителя непокорных бурят и привести его народ под твердую руку хана. Беседа постоянно переходит в ядовитый спор соперничающих друг с другом интриганов:

Сэсэн-нойон

*Но деды говорили так: кто одолел – тот прав,
И кто сильнее, тот выше...*

Мэргэн Заргаша (зло)

*А мудрости такой нойон не слышал:
«Чтобы поймать коня – готовь аркан,
Чтоб господином стать – нужны
И ум, и хитрость»?*

Сэсэн-нойон (резко)

*Как воин, знаю я другое:
«Остыл булат – и молот не берет,
И мудр лишь тот, кто вовремя кует».*

Любая картина из жизни степняков рисуется драматургом в традициях народного эпоса, красками всегда живописными, часто неожиданными, но близкими любому арату. Даже в сценическом произведении, написанном на основе легенды, слова, как пахучая хвоя кедра, доносят аромат родного леса; цветы и травы, окружающие героев, живут только на отчей земле; поступки людей, плохие и добрые, подсказаны живой народной памятью. И эти особенности творчества Намжила Балдано сделали его пьесы долговечными. Сейчас, вспоминая давнюю беседу Намжила Гармаевича с юными земляками, я осознаю это лучше, ярче.

ТЕАТРАЙ ХОЛБООТОЙ ХУБИ ЗАЯАН

Далаад онуудаар түрэл Буряадайнгаа хургуулинуудай нэгэндэ Намжил Гармаевич Балданотой суг ошоожо, уулзалга үнгэргөө хэмди. Намжил Гармаевич багшын шэрээгэй саана налагар зохидоор хуушанхай, үргэн заал мийхэрэд гэхэн дулаан харасаар хаймадажа хуухадаа, үльгэр түүрээхээ байһан ехэ ахань мэтээр хургуулиин хүбүүд, басагадта харагдаһан байжа болоо гэжэ ханадагби. Намжил Гармаевичын хөөрөөн һонирхолтой байжа, хурагшадшые шууяагаа хуряанхай, бишые тон анхаралтайгаар шагнажа хуугаа хэм.

Хорёод онуудай һүүл багаар түрэл Ивалгадань Москваһаа киноэкспедици ерэхэн юм. Юуб гэхэдэ, суута режиссёр Всеволод Пудовкин Дээдэ-Үдын (Улаан-Үдэ 1934 он болотор Дээдэ-Үдэ гэжэ нэрэтэй байгаа) дэргэдэ бүхы дэлхэйгээр суурхаһан «Чингис хаанай үри хадаһан» («Ази дээгүүр шуухирһан шуурган» гэжэ хилын саана нэрлэдэг байба) гэхэн фильмын зарим хубинуудые буулгаха гэжэ шийдэхэн байгаа. Тус фильмын гол ролиие буряад актёр Валерий Инкижинов гүйсэдхэн бэлэй. Тэрэ үедэ хүдөөгэй комсомолшуудай удамаршан ябаһан Намжил Балдано режиссёрой гуйлтаар олоной хабаадаха сценэнүүдтэ зоние олохо ёһотой һэн.

Шэнэ фильмын мүнделхые нютагтаа байгаад хараха гээшэ ямар нэгэн эди шэди шэнги һэн бээ. Хоритойхон наһандаа ябаһан хүбүүхэн тиихэдэ магад театртай холбоотой мэргэжэл олохо тухай хүсэлдэ абтаһан байжа болоо. Жэл болоод, Дээдэ-Үдын үндэхэтэнэй искусствын Байшанай театральна студидэ хурахаа тэрэ ороһон юм. Уданшьегүй студи искусствын техникум боложо, техникумээ дүүргэжэ байхадань, республикэдэмнай Буряад драмын театр нээгдэхэн юм. Бурядай соёлой түүхэдэ болоһон энэ ехэ үйлэ хэрэг Балдано до тон ехэ удха шаартай байгаа: нэгдэхээр, театрта тэрэ артистаар абтаа, хоёрдохёор, Намжил Гармаевичын бэшэхэн «Прорыв» гэжэ зүжэгөөр театр нээгдэхэн байгаа. Тиихэдэ хорин табатай ябаһан хүбүүн хэдэн зүжэгүүдые бэшэхэн, тэрэ зүжэгүүдын хүдөө нютагуудта харуулагдадаг байба.

Зүгөөр мэргэжэлтэдэй табиһан драма зохёохы замаа шэлэхэ хэрэгтэнэ ехэ туһатай байгаа.

Зохёолшын зүжэгүүд тухай үшөө хэлсэхэбди. Нурагшадтай тиихэдэ уулзажа, өөр тухайгаа хөөрөһыень саашань бэшэхүү. «Буряад арадай эпос «Гэсэрые» уншаа һэн гүт?» – гэжэ Намжил Гармаевич үхибүүдхэ нураба. «Уншаа» – гэжэ заал нэгэн доро эбтэйгээр харюусаба. «Мэдэнэ гүт?...» – гээд лэ, нурагшадайшье, миниишье дуулаагүй, мэдээгүй байһан юумэ Намжил Гармаевич хөөрөжэ эхилхэдэ, нэгэ үедэ энэ арадай гайхамшагта зохёол шүүд лэ үгы хэгдэн алдаһан юм, эпосые ламанар ноёдой зохёол гээд хэблүүлдэггүй байгаа гэжэ хөөрөбэ. Гэсэрые түүрээдэг үльгэршэдэй нэрэ мартагдаха ёһотой байгаа. Гэсэрэй энэ гашуудалта түүхэ Намжил Гармаевичын хуби заяанда баһал мур үлөөһэн байба. Юуб гэбэл, залуу драматург бэлиг ехэтэ үльгэршэдэй түүрээдэг эпосэй олон халаануудые шэнжэлэн, эгээл удхатайень абажа, шүлэглэмэл мурнуудээр найруулан нэгэ зохёол болгожо бүридхэн, хэблэлдэ бэлдэжэ, аргагүй ехэ ажал бүтээгээд байн гэхэнь – хэдэн зуугаад жэлнүүдые дамжан ерэхэн арадай аман зохёолой эрдэни зэндэмэни болохо энэ зохёолые үндэхөөрнь үгы хэжэ, мартаха гэхэн муу муухай захиралта үгтөө бшуу. Гэхэхэ гадна, энэ зохёолые үлөөхэ тухай ханаата болоһон зон, тэрэ тоодо Намжил Балдано мүшхэлтэ, мурдэлгэндэ оробо. Театрайнгаа ажал, зохёохы ажалаа орхин, хүдөө нютагаа ошожо, хоргодохо саг ерэбэ. Арадай алтан жасада ороһон энэ шэдитэ «Гэсэр» эпос Намжил Балдано мэтын эрэлхэг зоригтой зоной хайгаар хэблэгдэн гараһан юм. Уран зохёолшын хөөрөөнһөө үхибүүд үшөө нэгэ юумэ мэдэжэ абаба. Тиихэдэ Бурядай оперо болон баледэй театрай репертуарта – «Агуу гоохон Ангара дүүхэй», «Энхэ-Булад баатар», «Аха дүүнэр» – гэхэн арадай классика гэжэ эрхэ дүүрэн нэрлэмээр гурбан зүжэгүүд ородог байгаа. Композитор Б.Ямпилловой хүгжэм дээрэ Л.Книпперэй найруулан табиһан, гол рольнуудыень Лариса Сахьянова Пётр Абашеев хоёрой гүйсэдхэн «Агуу гоохон Ангара дүүхэй» гэхэн балет хараагүй хүн тиихэдэ республика соо хомор байһан хаш.

Зүгөөр эдэ гурбан зүжэгүүдые бүтээжэ, либреттэ бэшэһэн хүниие, ондоогоор хэлэбэл, ёһотойл амиды үльгэршэнэй урдань нуугаад, өөрөө хөөрөжэ байхые хараха золдо хүртэхэ гээшэ дээдын ехэ буян жаргал байгаа аалам.

Буряад драматургийн болон сценическэ искусствын саашадаа халбаран хүгжэхэ хэрэгтэ аргагүй ехэ хубитаяа оруулһан Намжил Балдано өөрөө актёр, режиссёр, оршуулагша, үндэһэтэнэй театр эмхидхэгшэ гэжэ зондо мэдээжэ һэн. Буряад драмын театрта актёроор ажаллажа байхадань, коллективэй хүсэл зориг нэгэ тээшэнь зорюулжа, тэдэниие эб нэгэн хүсэн болгожо шадаха бэлигтэйень хаража, уран хайханай хүтэлбэрилэгшөөр табиһан байха юм.

Арадай искусство республикада улам саашаа хүгжэн халбаржал байгаа. 1940 ондо Москвада үнгэргэгдэһэн буряад соёл, искусство болон литературы нэгэдэхи Декадада хабаадаха зониие бэлдэхээ мэдээжэ режиссёрнууд, вокалаар багшанар, уран зураашад, концертмейстернүүд, дирижёрнууд Улаан-Үдэ ерээ һэн.

Баледэй артистнуудые хатар наада табидаг суута найруулагша И.Моисеев бэлдэхэ ерэжэ, оперын мэдээжэ режиссёр И.Туманов Декадые хүтэлбэрилхөөр уригдаһан байгаа. 1939 оной август харада Ураалай консерваториин ректор, композитор Маркиан Фролов Улаан-Үдэ ерээ бэлэй. Намжил Балданогой либреттээр «Энхэ-Булад баатар» гэжэ оперо табиха шиидхэбэри Маркиан Фролов абаһан юм.Буряадай арадай дуунуудай болон хатарнуудай хүгжэм миндаһан дээрэ бэшэжэ, буряад хүгжэмэй юрэнхы маягай оншо олохо хүсэлтэйгөөр композитор республикын олон районуудаар ябаһан байна. Буряадай оперо болон баледэй түүхэдэ түрүүшынхэ 1940 оной хабар оперо бэшэгдэһэн болоно. «Энхэ-Булад баатар» гэжэ зүжэг ехэ амжалтатайгаар Москвагай тайзан дээрэ харуулагдаһан юм. Ниислэл хотын тайзанууд дээрэ концерт наада харуулһан олон буряад артистнууд үндэр нэрэ зэргэнүүдтэ хүртөө бэлэй. Энэ ехэ ажал хүдэлмэрийн тэгэн дунда Намжил Балдано ябалсаа гэжэ харагдана.

Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай һүүлдэ хүгжэмэй драматическа театрай үндэһэн дээрэ зохёохы хоёр коллектив – Буряадай драмын театр ба Оперо болон баледэй театр хоёр байгуулагдажа, республикын искусствын саашадаа хүгжэхэ замда ехэ үүргэ боложо үгөө бэлэй. Энэ ехэ үйлэ хэрэг Балданотой холбоотой һэн. Оперо болон баледэй труппануудые эмхидхэхэ хэрэг тэрэнэй хабаадалгагүй үнгэржэ шадахагүй байгаа. Шэнэ коллективүүдые эмхидхэхэ хэрэгтэ шиидхэхээр олон асуудалнууд гаража ерэдэг ха юм. Һүүлдэнь Намжил Гармаевич Буряадай драмын, оперо болон баледэй театрнуудайшые хүтэлбэрилэгшэ ябаа.

Эмхидхэлэй ажал ябуулжа байхынгаа хажуугаар зохёолнуудаа Намжил Гармаевич таһалгараягүй бэшэдэг байба. Тэрэнэй дүшөөд зүжэгүүдые мэргэжэлтэ коллективүүд болон уран хайханайшые бүлгэмүүдэй артистнар наадажа, олон либреттэнүүдын хүгжэмтэ зүжэгүүдэй үндэһэн боложо үгөө. Дээрэ дурсагдаһан, харагшадта ехээр хайшаагдаһан зүжэгүүдые нэрлэбэл: «Олоной нэгэн», «Анда нүхэд», «Эржэн», «Бабжа-Барас баатар», «Байгалай загһаһад», «Баянгол», «Дүлэн» ба «Гэсэрэй зүрхэн» гэжэ баледүүдтэ либреттэ бэшэһыень нэмэжэ дурдаха хэрэгтэй. Аха заха буряад прозаигууд мэтэ ёһотойл арад зоной ажаһуудал, ёһо заншал, захяа заабаринуудые, хэлэнэй баялиг тайзан дээрэ асарһан (тэдэнь – номууд соонь ороо) үсөөн драматургнуудай нэгэн гэжэ Намжил Балдано тухай хэлэхээр. «Бабжа-Барас баатар» гэхэн зүжэгы табихада үндэһэниинь боложо үгэһэн драматическа түүхэ абажа харахада, үльгэр, арадай домог зохёолшон хэрэглэхэдээ, юрын малша хүнэй ажабайдалда тон дүтэ боложо, геройнуудайнь

хуби заяан, хэһэн хэрэгүүд, бодоһон бодолнуудын бидэндэ ойлгосотой болоно. Геройнуудын хоорондоо харилсахадаа, оньһон хошоо үгэнүүдые, сэсэн мэргэн хургаалай үгэнүүдые, үрээлнүүдые ходо хэрэглэнэ:

*Эрэ хүн эндүүрдэг, эритэ мэсэ соходог гэнэ,
Эндүүтэй зүбиөөлөө хэшээгээрэйтэ, Сэсэн ноён.*

*Хүн хүлэг хүрөөдүй дайдада хүрэхые яарадаг,
Эзэн эрхэтэ эзэлээгүй дайдые эзэлхые яарадаг.*

Заримдаа Балданогой геройнууд хоорондоо харилсахадаа, арадай аман зохёолой баялигыгэ найн мэдэхэ зоной бэе бээтээ сэсэн мэргэнээ туршалсажа байһан мэтээр харагдана. Иимээр лэ «Бабжа-Барас баатар» гэхэн драма эхилнэ. Хүндэ баһуулжа үзөөгүй омог дорюун бурядуудай удамаршаниие яагаад диилэжэ, бурядуудыгэ хаанай мэдэлдэ оруулха тухай Манжа хаан дүтынгөө зоноор зүбшэхэдөө, зугаань мэнэ мэнэ болоод лэ хоорондоо мүрысэжэ байһан дайсадай хорон хошоо үгэнүүдээр бэе бээ хадхажа байһан мэтээр үзэгдэнэ.

Мэргэн заргаша:

*Эрэ хүн эндүүрдэг, эритэ мэсэ моходог гэнэ.
Эндүүтэй зүбиөөлөө хэшээгээрэйтэ, Сэсэн ноён.*

Сэсэн ноён:

*Эзэлжэ шадабал эндүүрэлгүй гэдэг зүб бээ?
Тээд мэргэн заргаиын мэхэ мохобо гү, али мэдэлтэ түлгэиын түлгэ төөрибэ гү?
Түшүүлхэ, хандуулхын тэмдэг харагдана үзэгдэнэгүй хэбэртэйл.*

Мэргэн заргаша:

*Сэсэн ноён, амитан зониие эзэлхэдэ арга мэхэ хэрэгтэй.
Адуун хүлэгыгэ эдлэхэдэ, урга, ногто хэрэгтэй гэдэг бээ?*

Манжа хаан:

*Сэсэн ноёной яарахыгэ шүүмжэлжэ яажа болохоб?
Хүн хүлэг хүрөөдүй дайдада хүрэхыгэ яарадаг,
Эзэн эрхэтэ эзэлээгүй дайдыгэ эзэлхыгэ яарадаг.
Аба хайдагай һүүлдэ алдуугүй шиидхэбэри гаргагдана бээ.*

Нэмжын хушуурһан үргэн тала газарта ажаһуудаг зоной байдалыгэ үльгэр домогой маягаар драматург харуулхадаа, заримдаа ханаанда бэлээр орохогүй юумэнүүдыгэ оруулбашье, энэнь юрын зондо тон дүтэ, ойлгосотой байгаа. Үльгэр домогуудта үндэлжэ бэшэгдэһэн сценическэ зохёолнуудта арадай байдал зураглан харуулһан үгэнүүд хушын һамарай хангал мэтээр түрэл ой модыень, сэсэг ногооень һануулжа, Намжил Балданогой зохёолнуудта өөрын онсо түхэл оруулан, мүхэшэгүй мүнхэ боложо, буряад совет уран зохёолой алтан жасада ёһото һуурияа эзэлэ. Тиихэдэ тэрэ далаад онуудаар һургуулийн хүүгэдтэй болоһон уулзалга дээрэ Намжил Гармаевичын юун тухай хөөрэһыень мүнөө хүрэтэр сэдхэлдээ ханажа ябадагби.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Таһалдал (Тэмсэл дүүрээдүй).* Зүжэг. – Дээдэ-Үдэ, 1933.
Эржэн. Хүгжэмтэ зүжэг. – М.-Л.:Искусство, 1940.
Олоной нэгэн. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1940.
Хоёр нүхэд. Драма. – Улаан-Үдэ, 1940.
Энхэ-Булад баатар. Оперын либреттэ. – Улаан-Үдэ, 1941.
Бабжа-Барас баатар. Домогто драма. – Улаан-Үдэ, 1943.
Арадай аман зохёол. «Гэсэр» эпосхээ абтаһан оньһон хошоо үгэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1943.
Хуса үбгэн. Рассказ. – Улаан-Үдэ, 1947.
Баян тала. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1948.
Булагай эхиндэ. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1949.
Нэгэ акттай зүжэсгүүд. – Улаан-Үдэ, 1954.
Зүжэсгүүд. – Улаан-Үдэ, 1957.
Бүргэд дэгдэхэдээ һодо нэмэдэг. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1963.
Зүжэсгүүд. – Улаан-Үдэ, 1963.
Зүжэсгүүд. 2 боти. – Улаан-Үдэ, 1967.
Зүжэсгүүд. – Улаан-Үдэ, 1977.
Энхэ-Булад баатар. Домог. – Улаан-Үдэ, 1982.

На русском языке:

- Бабжа-Барас батор.* Народный героический эпос. – Улан-Удэ, 1943.
Рыбаки Байкала. Пьеса. – Улан-Удэ, 1947.
У истока родника. Пьеса. – М.:Искусство, 1950.
Конец семьи Шаралдая. Драма. – Улан-Удэ, 1958.
Пламя. Драма. – М.: Искусство, 1959.
Избранное. Пьесы. – М.: Советский писатель, 1959; Улан-Удэ, 1973.
Пламя великого костра. Пьесы. (Пламя; Эржэн; Рыбаки Байкала; У истока родника). – Улан-Удэ, 1964.
Пьесы. – М.:Советский писатель, 1980.
Бабжа-Барас батор. Драма-легенда. Антология бурятской литературы XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Линхобоев Д.* О музыкальной драме Н. Балдано «Эржэн». – Бурят-Монгольская правда, 1940, 11 августа.
Бальбуров А. О пьесе Н. Балдано «Энхэ-Булат батор». – Бурят-Монгольская правда, 1941, 9 мая.
Александров М. «Рыбаки Байкала».О пьесе Н.Балдано. – Бурят-Монгольская правда, 1942, 15 ноября.
Бардичевский Я. Музыкальная драма Н.Балдано «Бабжа-Барас батор». – Бурят-Монгольская правда, 1943, 28 мая.
Тумунов Ж. Пьесы Намжила Балдано // Балдано Н. Избранные пьесы. – Улан-Удэ, 1948.
Плишкина А. Н.Г. Балдано // Балдано Н. Пьесы. – Улан-Удэ, 1957.
О пьесах Н. Балдано Найдаков В. Идеи и образы. К выходу сборника пьес Н.Балдано. – Бурят-Монгольская правда, 1957, 17 ноября.
«Богатая долина», «У истока родника», «Пламя» и др.// Очерки истории бурятской советской литературы. – Улан-Удэ, 1959.

Тармаханова О., Жарков Д. Балдано Намжил Гармаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.

Бадаев А. Неутомимое стремление. – Буряад Унэн, 1973, 21 июля.

Уланов Э. Дыханье дня и лет услышав... – Правда Бурятии, 1974, 27 июня.

Найдаков В. Страницы большой жизни. – Правда Бурятии, 1977, 20 октября.

Без указ. автора. Балдано Н.Г. // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Найдаков В. Певец дружбы народов. – Байкал, 1981, № 6.

Жанчилов Б. Служащий народу. – Буряад Унэн, 1982, 31 октября.

Гомбоин Ч. Служение музам. – Правда Бурятии, 1982, 20 октября.

Найдаков В. Намжил Балдано. – Улан-Удэ, 1987.

Балдано М. Отец – моя опора. – Буряад Унэн, 1992, 12 ноября.

Бальжинимаев Д. Один из основоположников. – Буряад Унэн, 1992, 12 ноября.

Без авт. Гэсэриада в творчестве Н.Балдано. – Буряад Унэн, 1992, 12 ноября.

Батуев Ж. Работали сообща. Воспоминания композитора. – Буряад Унэн, 1992, 12 ноября.

Будаев Ю. Богатство его таланта. – Правда Бурятии, 1992, 12 ноября.

Без указ. автора. Балдано Намжил Гармаевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Дамдинова Е. Автор первого либретто. – Буряад Унэн, 1997, 3 декабря.

**Бавасан Доржиевич
АБИДУЕВ
(1909-1940)**

СКАЗКИ ИЗ ВОЛШЕБНОГО СУНДУКА

Основоположники бурятской литературы хорошо понимали, что интересную книгу нужно дать в первую очередь малышу. Из него, любознательного, страстного читателя, вскоре выйдет подлинный хозяин своей судьбы и своей родины. Но слушать из уст учителя или читать сам ребенок будет, затаив дыхание, только книгу необыкновенную, увлекательную, открывающую перед малышом и дальний мир, полный тайн и загадок, и мир близкий, лежащий прямо за порогом родной юрты.

У бурятских писателей «первой волны» (назовем их так) были под рукой несметные богатства – накопленные народом за века героические улигеры, волшебные и бытовые сказки, приготовленные к случаю истории, задушевные песни. Да и сама жизнь первой четверти XX века приносила скотоводам много, если не сказочного, то все же неведомого ранее нового.

На этой богатой основе знатоки родного слова и начали создавать книги для самых юных читателей. Одним из тех, кто открыл перед детьми волшебный сундук со сказками старыми, дедовскими и сказками новыми, только что сочиненными, был Бавасан Доржиевич Абидуев.

Он родился в улусе Янгажин Селенгинского района. В двадцатые годы вместе с сельской молодежью участвовал в культурно-просветительской работе. Первые стихи он напечатал в республиканских газетах еще в пору своей ранней юности. В 1928 году в журнале «Наука и религия» появилась на бурятском языке поэма Бавасана Абидуева «Самолет». В ней новое, необычное для того времени содержание совершенно не входило в противоречие с формой – улигерным, шутливым повествованием о забавном сельском происшествии.

...Улус проводил на службу в армию своего молодого земляка Сэдэна. Вскоре он написал родителям, что учится в летной школе и уже поднимался в небо. Односельчане не поверили этому: о таких чудесах, чтобы человек летал по воздуху, даже мудрые старики никогда не слыхивали. «Выдумщик парень», – решили земляки.

А на полях выдался богатый урожай. Но пришло несчастье: ниву начала обгладывать саранча. В таких случаях у хлеборобов одна, из дедовских времен, «оборона»: отслужить молебен. У полевой межи собрался весь улус. Когда лама заканчивал молебен, в небе послышался гром. «Ну вот, боги уже посылают спасение», – заверил священнослужитель. Каково же было изумление людей, когда спасителем оказался Сэдэн. Он прилетел на самолете, чтобы с воздуха обработать поля смертельной для саранчи водяной пылью. Оправившись от счастливого потрясения, земляки молодого летчика решили собрать деньги для покупки собственного, улусного самолета.

Комизм рассказа, живой, разговорный язык, достоверные приметы сельской жизни – все это сделало поэму Абидуева любимым произведением детворы и взрослых.

Бавасан Доржиевич обладал тем врожденным чувством изобретательного рассказчика, которое всегда является принадлежностью настоящего детского писателя. О таких людях говорят: он волшебник слова. Он умеет заморозить малышей необычным сюжетом своего стихотворного или прозаического рассказа, неиссякаемым юмором, теплотой интонации. Это не та обманчивая способность, которую приписывают себе иные авторы книг, сочиненных на «языке детей», а редкий дар будить фантазию юных читателей, увлекать их в мир доброты и солнечного света. Этот талант Бавасана Абидуева особенно проявился в сказках «Храбрый козленок Бабана», «Шалай и Шанай», «Оседлавший тигра», «Летучая мышь» и других. Часть из них – это обработки фольклорных сказочных сюжетов, другие – созданы самим писателем.

Но в каждой сказке Абидуева есть неожиданный взгляд на привычного персонажа, в каждой – шуточный рассказ о его необычном поведении.

Например, «храброго козленка Бабану», пришедшего в лес, испугались... Волк и Медведь. Почему? Медведь спросил «страшного» козленка: «Борода тебе зачем?»:

*Бабана не растерялся,
Он ответ дает такой:
– Вот, допустим, мне попался
Волк иль зверь какой другой,
Принимаюсь я за дело:
Убиваю зверя смело,
Освежаюсь водой,
Утираюсь бородой.*

Услышав этот ответ, медведь снова задал вопрос: «А зачем тебе острые рога?»:

*Удивился Бабана,
Удивленью нет предела:
– Ты в уме ли, старина?*

*Их-то и пускаю в дело,
Эти острые рога,
Как завизжу я врага.
И мотнул он головой,
Вызывая всех на бой.*

Тут бросился наутек Медведь, таща за собой Волка, с которым они были вместе связаны.

Вечерком Бабана рассказал о своих подвигах малышам.

*Дети весело смеялись,
Кувыркались, обнимались,
Тормошили Бабану:
Молодчина! Ну и ну!
Перед их шумливым строем
Взад-вперед ходил героем
(Поступь храброго видна!)
Наши козленок Бабана.*

Герой другой сказки – «Оседлавший тигра» – шестилетний внучек старушки Зудай пас овец «на лесной поляне» и к вечеру привел на поводке бурого медведя. На другой день после пастьбы он приехал верхом на черном медведе, а на третий – оседлал тигра. А кроме этого мальчишка завел дружбу с двумя богатырями. Один из них мог набрать в рот столько воды, сколько вмещает море, а другой был способен переставлять руками горы. Все трое играли «в богатырские игры», построили общее жилище. Собираясь на охоту, они оставляли одного сторожить дом. Тот, кто оставался, варил обед на всех. Но вот беда: в те дни, когда в жилище хозяйничал тот или другой друг малыша, сюда заходил «махонький старичок», бил богатыря кулаком, съедал обед и уходил. Когда же пришла очередь внука старушки Зудай, он привязал старичка за его ус к сосне. Пришелец сумел развязать узел, съел обед и удалился. Тогда малыш пошел по его следу, нашел его жилье в подземелье на склоне горы и в схватке победил коварного старца. Однако выбраться из подземелья оказалось невозможно: вход – дыра в горе – был очень высоко над головой. На счастье нашего героя, в подземелье залетел птенец-турпан. Мальчик помог ему выжить, а когда птенец вырос в большую и сильную птицу, он вынес на крыльях из неволи своего спасителя. Так доброта, смелость, находчивость помогли юному батору.

Бавасан Абидуев выбирал из сокровищ народного творчества только те сказки и улигеры, которые учили малышей отваге, верности в дружбе, взаимовыручке. А такие произведения найдут читателей всегда. Неудивительно, что после ранней кончины Бавасана Доржиевича его книги продолжали публиковаться с завидным постоянством. В 1948 году был издан сборник сказок на бурятском языке, в 1950-м и 1956-м годах – книги лучших произведений на родном и русском языках, в последующие годы, вплоть до нынешних дней, к читателям приходили все новые и новые выпуски. Пройдя испытание временем, эти книги стали классикой бурятской литературы.

ШЭДИТЭ СҮНДҮҮГЭЙ ШЭМЭГЛЭЛ ОНТОХОНУУД

Үхибүүдтэ бэшэгдэһэн ном тэдэнэй һонирхол татаха ёһотой гэжэ буряад уран зохёолой үндэнэ һуури табилсаһан зохёолшод одоол мэдэхэ зон байгаа. Мүнөөдэр ехэ һонирхолтойгоор ном уншажа байһан уншагша үглөөдэр хуби заяанайнгаа, гүрэн түрынгөө эзэн болоод байха бшуу. Тойроод байгаа таамаг түби дэлхэйн үзэсхэлэн гоё һайхан тухай, богоһын саана эхилдэг ойро тойроной нюусанууд тухай багшаһаа дуулажа бэшэ, амисхаал таһалдуулан уншадаг һонирхолтой ном соо өөрөө уншахаһаа гайхалтай юумэн бии юм аал?

«Түрүүшын долгиной» (иигэжэ нэрлэе) буряад зохёолшод үльгэр, онтохонууды, арадай дуунууды олоор мэдэдэг, тэдэнэй тоодо Баваасан Доржиевич Абидуев ороно, өөрөөшье тэрэ иимэ онтохонууды зохёодог байгаа. Баваасан Абидуев Сэлэнгын аймагай Янгаажан нютагта түрэнһэн намтартай. Хорёод онуудаар хүдөөгэй залуушуултай хамта соёл гэгээрэлэй ажалда хабаадаһан юм. Үшөө эдирхэн ябахандаа түрүүшынгээ шүлэгүүды республикын сонинуудта толилуулһан бэлэй. «Самолёт» гэжэ поэмэнь 1928 ондо «Эрдэм ба шажан мүргэл» сэтгүүлдэ толилогдоһон байгаа. Тэрэ үе сагта шэнэ удхатай энэ зохёол соогоо автор хүдөө нютагта болоһон ушар тухай шогтой хүхюунээр үльгэрлэн хөөрөө һэн.

...Нютагаархидынь Сэдэн гэжэ эдир хүбүүгээ сэрэгэй албанда үдэшэнэ. Лётчигууды бэлдэдэг һургуулида һуранаб, нэгэ дахин ниидэжэ үзөөб гэжэ гэртэхиндээ тэрэ бэшэһэн байгаа. Нютагаархидынь энээндэнь этигээгүй: хүн агаараар ниидэжэ болохо юм гэжэ сагаан толгойтой үбгэдшые дуулаагүй байгаа. «Һанаанһаа абажа хэлэнэ», – гэжэ нютагаархидынь һанаһан ха.

Тэрэ жэл ургаса баян байба. Зүгөөр хорхой шумуул бии боложо, ургаса муудаба. Тэрэ үедэ таряашад нэгэл арга хэрэглэдэг һэн – ламанары асаржа, үргэл мүргэл бүтээхэ. Талмайн дэргэдэ нютагай бүхы зон сугларба. Ламын номоо уншажа дүүргэхэдэ, тэнгэри хүнхинэхэдэл болобо. «Бурхадууд дуулажа, бороо эльгээхэнь», – гэжэ лама хэлэбэ ха. Теэд Сэдэнэй самолёодоор ниидэн ерэжэ, гандаһан таряанай поолине агаарһаа уһаар сүршэхэдэнь, хүнүүд ехэтэ гайхалдаба. Угаа ехээр гайхан гэлыһэн нютагаархидынь нютагтаа самолёт худалдан абахаяа мүнгэ суглуулха гэжэ шиидэбэд.

Тэрэ хэмдэнь зураглаһан хүдөөгэй байдал, хүнүүдэй хоорондын харилсаае шогтой хүхюунээр бэшэжэ харуулһаниинь – тус поэмые һонирхолтой болгожо, ехэ багагүй зон уншажа эхилбэ.

Хүүгэдтэ бэшэдэг зохёолшон гээшэ эхэнээ түрэхэһөөнь юумые зураглан харуулхадаа, үхибүүды хужарлуулжа, онсо үгэнүүды олоходоо бэрхэ байха ёһотой. Баваасан Доржиевич шүлэглэмэл зохёолнууды бэшэнэ гү, расказууды бэшэнэ гү – хүүгэды энеэлгэжэ, хүхэжэ, дура зүрхыень буляжа шададаг, ёһотойл хүүгэдэй зохёолшон һэн.

«Хүүгэдэй хэлээр» бэшэнэб – гэжэ байжа өөрыгөө магтадаг, һайрхадаг авторнууд олон байдаг. Эдиршүүлэй һонирхол һэрэжэ, тэдэниие гэрэл туяа тээшэ дахуулан, зүрхэ сэдхэлдэнь сэсэг тариха бэлиг талаан хоморой гэдэг.

«Тэхэ бабанын түүхэ», «Шаалай Шаанай хоёр», «Эрөөн гүрөөһэ эмээллэгшэ», «Үрэмшөө» гэнэн онтохонууд соонь Баваасан Абидуевай энэ бэлиг элирэн тодороо. Эдэ зохёолнуудай зариманиинь арадай аман зохёолнуудһаа абтажа найруулагдаһан, заримыень өөрөө зохёоһон юм.

Зүгөөр Абидуевай онтохон бүхэндэ хүлээгдээгүй нэгэ персонаж байжа, тэрэнхүнэй ухаа заяанда орошогүй ушарта орожо, оршогто ябадалнуудые хэдэг. Жэшээнх, ойдо ошоһон тэхэ Бабаные хараад... Шоно Баабгай хоёр айшана. Юундэ тиигээ юм? Баабгай тэхэһээ һурана:

*«Үргэн дорош бамбалзуур,
Үргэлжэ һагсалзадаг юун гээшэб?»*

*Бабана тэхэ дорюухан
Баһал дахин һэртыхэ,
Шэрүүн шангаар һархайжа,
Бардам омогоор дэбхэржэ,
Бабанажа дахин хэлэхэдээ:
– Энэмни болбол
Арьяатаниие алажа эдихэдээ,
Амаа шуһадаад аришадаг
Аманайм аришуул гээшэ.
Шүдөө шуһадаад зүлгэдэг
Шүдэнэйм зүлгүүр гээшэ,–
Гэжэ бабанаба ха.*

*Бартахи дүлижэ, зүрхэлжэ,
Баһа дахин асууба:
– Тархи дээрэһи һарайлдааша,
Таража гэдэргээ ядайлдааша,
Шон шэнги ёдойлдоошо
Хоёр һарагаршани юун гээшэб?*

*Манай Бабана тэхэ
Баһа ехээр бабанажа,
Бардам ехээр һархайжа,
Харюу хэлэжэ үгэхэдөө:
– Тархи дээрэм һарайлдаһан,
Таража гэдэргээ ядайлдаһан,
Шон шэнги шодойлдоһон,
Шоро шэнги ёдойлдоһон
Хоёр ядагарни болбол,
Хоёр ехэ багажамни гээшэ,
Хорон хурса жадамни гээшэ.
Энэ хоёр эритээрээ,
Хорон хоёр жадаараа,
Арьяатаниие ойро хараа һаа,
Амин голоорнь хадхагшаб, –
Гэжэ хэлэһэн бэээрээ,
Гэнтэ муухайгаар гэтэжэ,
Дэб гэтэр дэбхэржэ,
Дээшээ сэхэ соройжо,
Дээрэһэнь буужа дарахаар
Тэдээн тээшэ даб гээд,*

*Бартахи баабгайн бахардахаар
Бажаганатар бабанаба.
Мэгдэжэ байһан баабгай
Мэдээ табин айһандаа
Уяатай шоноёо шэрэжэ,
Ухаангүйгөөр харайба,
Бусалтагүйгөөр арилба.*

Үдэшэлэн боложо байхада Бабана хүүгэдтэ ябаһан ябадалаа хөөрөжэ үгэнэ.

*Бабана тэхэ баяртай,
Баатар ехэ зоригтой,
Эбэрээ һарайлганаар,
Хахалаа бамбалзуулһаар,
Хүрэжэ гэртээ ерэбэ.
Хүхюу ехээр бабанан,
Хүүгэдэй наадан боложо,
Баһа ехээр бабанан,
Басагадай наадан боложо,
Бахархажэ хэлэхэдээ,
– Би мүнөө энэ үдэр
Хүбиэдэ хоноод ерээб,
Боро шоные барижа,
Боолтын уян бурсаанаар
Боожо алаад ерээб.
Бартахи баабгайе барижа,
Бала тэнэ сохёод,
Хүзүүень хуха мушхажэ,
Хүхэ шулуунай хоорондо,
Хүһөө шулуунай забһарта
Хабиуулжа алаад ерээб,–
Гэжэ бабанан хэлэжэ,
Гэдэлзэжэ байгаа һэн.*

«Эрээн гүрөөһэ эмээллэгшэ» гэхэн онтохоной герой – Зудай хүгшэнэй зургаатайхан аша хүбүүн «ойн талмайда» хонидоо харюулжа ябаад, үдэшэ ерэхэдээ, боро баабгай хүтэлөөд ерэбэ. Хойто үдэрын ерэхэдээ, хара баабгай унанхай ерэбэ. Гурбадахи үдэшэнь – эрээн гүрөөһэндэ һуунхай ерэбэ. Гэхэһээ гадна, хүбүүхэн хоёр баатартай нүхэсэбэ. Нэгэ баатарын далайе балгажархиха хаба шадалтай, нүгөөдэнь – хадануудые һууряарнь һэлгэн табижархиха шадалтай. Гурбуулан «баатарнуудай наада наададаг», хамтаран нэгэ байра барихые хэлсэбэд. Агнуурида ошохо үедэнь нэгэниинь гэрээ һахижа, гэртээ үлэдэг, үдын хоол бултандаа бэлдэдэг байба. Хүбүүнэй хоёр нүхэд – баатарнуудай – гэртээ үлэхэн үдэрнүүдтэ гэртэнь нэгэ «бишыхан үбгэжөөл» орожо ерээд, баатарые нюдаргадан наншажа, бэлдэхэн эдеэнь эдеэд, гаража талиидаг байба.

Зуудай хүгшэнэй аша хүбүүнэй гэртээ үлэхэ ээлжээн ерэжэ, хүбүүхэн энэ үбгэниие һахалһаань абажа, нарһан модондо уяжархиба. Тэрэнь уялаань тайлажа, эдеэнь эдеэд, арилшаба. Тиихэдэнь хүбүүхэн мүрөөрнь мүшхэн ошожо,

хада доро байдаг гэртэнь орожо, үбгэнтэй тэмсээд диилэжэ, гэдэргээ гараха гээд, шадабагүй: гараха орохо нүхэнийн хүрэхөөр бэшэ үндэр байшаба. Хүбүүнэй зол боложо, ангир шубуунай ангаахай нийдэжэ ерэбэ. Хүбүүн тэрэ дальбараае харууналжа томо болгоходонь, бээ хүсэһэн шубуун абарагшaya дали дээрээ абан газашань гаргаба. Тиигэжэ эдир баатар хүбэлгэн хурса ухаатай байһандаа эндэһээ гараһан байгаа.

Арадай үльгэр домогуудай алтан абдар сооһоо зохёол шэлэжэ абахадаа, Баваасан Абидуев хүүгэдые эрэлхэг зоригто, эб нүхэсэлдэ, зондо туһатай байхаар хургадаг зохёол шэлэдэг бэлэй. Иимэл зохёолнууд ута наһатай, уншагшадаа олохо золтой байдаг ха юм. Баваасан Доржиевичай саһаа урид наһа барабашье, зохёолнуудайнь саг үргэлжэ хэблэгдэжэ байһаниинь гайхалгүй. 1948 ондо бу-
рыад онтохонуудайнь согсолбори, 1950, 1956 онуудта – эрхим зохёолнуудайнь ород, бу-
рыад хэлэн дээрэ номууд, һүүлдэнь – мүнөө үе саг хүрэтэр – эдэ зохёол-
нуудынь саг үргэлжэ, шэнээр хэблэгдэн гаражал байдаг юм. Үе сагуудай холжороо дабажа гараһан эдэ зохёолнууд бурыад уран зохёолой классика боложо тодорон-
хой.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

Наранай туяа. Шүлэгүүд. – Дээдэ-Үдэ, 1931.

Баяр. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1938.

Тэхэ Бабанын түүхэ. – Улаан-Үдэ, 1938, 1940, 1989.

Эрэн гүрөөһэ эмээллэгшэ. Онтохон. – Улаан-Үдэ, 1938.

Шаалай Шаанай хоёр. Онтохон. – Улаан-Үдэ, 1938, 1940, 1972, 1999.

Коти баатар. Онтохон. – Улаан-Үдэ, 1939.

Үрэмшөө. Онтохон. – Улаан-Үдэ, 1939, 1973.

Шэлэгдэмэл зохёолнууд (1928-1940). Онтохонууд. – Улаан-Үдэ, 1948.

Шэлэгдэмэл зохёолнууд. Онтохонууд (шэнээр бүридхэгдэһэн). – Улаан-Үдэ, 1956.

На русском языке:

Сказка о храбром козлёнке Бабане. Бурятская народная сказка в стихах // Литературно-художественный сборник. – Улан-Удэ, 1940, 1967, 1985.

Сказки. – Улан-Удэ, 1950.

Храбрый козленок Бабана. Сказка. – 1967.

Летучая мышь; Учитель Мура; Коти-батор. Сказки // Три молодца, три мудреца. – Улан-Удэ, 1975.

Храбрый козленок Бабана. Сказка (в ином переводе). – 1985.

Оседлавший тигра. Сказки. – Улан-Удэ, 1986.

Стихи, поэма. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Рассвет. Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Балдано Н, Норбоев Д. Поэт Бавасан Абидуев. // Абидуев Б. Сказки (1928-1940). – Улан-Удэ, 1948.

Цыдендамбаев Ч. Произведения Бавасана Абидуева // Абидуев Б. Сказки. – Улан-Удэ, 1956.

Дугар-Нимаев Ц-А. Поэт-агитатор. К выходу «Избранного» Б.Абидуева // Записки Бурятского научно-исследовательского института культуры. – Улан-Удэ, 1958.

Тармаханова О., Жарков Д. Абидуев Бавасан Доржиевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.

Без указ.автора. Абидуев Бавасан Доржиевич // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1964.

Ким И. Бурятская советская поэзия двадцатых годов. (О творчестве Б.Абидуева – стр.143-149). – Улан-Удэ, 1968.

Дугаржапова Т. Употребление образно-выразительных средств (метафор, олицетворений, эпитетов) в поэтических произведениях Б.Абидуева // Цыбиковские чтения. – Улан-Удэ, 1969.

Токтохоев Г. Бавасан Абидуев – выдающийся поэт. – Буряад Унэн, 1979, 26 августа.

Дугар-Нимаев Ц-А. На родине поэта. – Буряад Унэн, 1979, 8 декабря.

Аюрзанайн А. Бавасан Абидуев // Аюрзанайн А. Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1981.

Никифорова С. «Я – сын своей земли...» – Молодежь Бурятии, 1984, 4 декабря.

Дамдинов Н. Благодарная работа стиха. Штрихи к портрету поэта Б.Абидуева. – Правда Бурятии, 1989, 8 апреля.

Номтоев Ц. Призывал детей на подвиг. – Буряад Унэн, 1989, 9 апреля.

Жанчилов Б. Со светлой душой. – Буряад Унэн, 1989, 9 апреля.

Жамбалон А. Когда он работал в Аге... – Буряад Унэн, 1989, 14 апреля.

Балданов С. Поэт и сказочник. – Детская литература, 1990, № 8.

Без указ. автора. Абидуев Бавасан Доржиевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Дамдинова Е. Бессмертные творения писателя. К 90-летию Б.Абидуева. – Буряад Унэн, 1999, 22 апреля.

Абидуева М. Прерванная жизнь... // Абидуев Б. Шалай и Шанай. – Улан-Удэ, 1999.

Жапов В. Абидуев Бавасан Доржиевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Жапов В. Бавасан Абидуев // Выдающиеся бурятские деятели. Том I. – Улан-Удэ, 2009.

**Цокто Номтоевич
НОМТОВЕЧ
(1910-2003)**

СУДЬБА, СРАВНИМАЯ С ЛЕГЕНДОЙ

Это не преувеличение. Судьбу писателя Цокто Номтоева вполне можно сравнить с легендой, сочинённой самой жизнью.

Он родился в кижингинском улусе Куорка в семье скотовода и вскоре стал сиротой. Пастушествовал, в школу смог пойти только в четырнадцать лет. К тому времени улеглись смерчи Гражданской войны, и новая власть помогла ему закончить семилетку, а затем и педагогический техникум. Учительский талант как-то естественно переплетался у юного Цокто с даром писательским. Начиная с тридцатых годов, в родных местах уже хорошо знали его и как одарённого педагога, и как подающего надежды автора стихов, рассказов и пьес. Но сколько на российской земле школьных наставников, пробующих силы или даже утвердившихся в литературе? Немало. Однако Цокто Номтоевич стал подлинным мастером и в том, и в другом творческом деле. К концу своей педагогической деятельности он имел звания: «Заслуженный учитель школ Бурятской АССР», «Заслуженный учитель школ РСФСР», «Отличник народного образования СССР», наконец, звание Героя Социалистического Труда. Причём, «Золотую Звезду» Героя ему вручили в Кремле в числе двух первых педагогов страны, удостоенных этой высокой награды в 1968 году. Такими счастливицами оказались директор Ульдургинской средней школы Еравнинского района Бурятии Цокто Номтоев и другой подвижник народного просвещения, признанный в стране новатор в обучении и воспитании детей Василий Сухомлинский. Ну, разве это не страница удивительной, сказочной легенды: сирота из степного сибирского захолустья стал выдающимся педагогом, отмеченным званием Героя!

Но это была не первая высота, которую к тому времени взял Цокто Номтоевич. Пожалуй, более трудные он одолел в годы Великой Отечественной войны. Призванный уже в первые её месяцы, он прошёл ад ожесточённой Сталинградской битвы, затем такое же кровавое сражение на Курской дуге, наконец, участвовал в знаменитом штурме Кенигсберга, который фашисты считали неприступным. Успел Ц.Номтоев и на вторую войну – с Японией. За свой тяжкий ратный труд он был награждён орденами Отечественной войны первой и второй степеней, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

В 1946 году Ц.Номтоев вернулся в Бурятию и начал работать учителем в Еравнинском районе. А три года спустя стал директором Ульдургинской средней школы этого аймака и оставался на этом беспокойном посту более двадцати лет, до выхода на пенсию.

А когда же он находил время для творчества? А всегда, при любой занятости. И студентом педагогического техникума, и юным учителем, «ликвидатором неграмотности» в Эхирит-Булагатском районе, и комиссаром в минометной части на фронте, и директором школы. Ещё в 1930 году вышла его первая книжица на родном языке – пьеса «Праздник Белого Месяца».

Затем читатели получили его поэмы «Смелость» и «Сэндэма». После войны, в преддверии Декады бурятской литературы и искусства в Москве, Цокто Номтоевич выпускает книгу стихов «Сила». Ну, а дальше, как бывалый человек, зрелый писатель, увлеченный педагог, он публикует множество повестей и рассказов для детей – «Односельчане», «Аргамак», «Пёстрая берёза», «У лесного озера», «Сын табунщика» и другие. Выходит в свет его роман «Витим – река таёжная». Любители бурятской поэзии получают его стихотворные сборники «Слава Родине», «Еравна», «Прекрасная страна», том лирических произведений – «Избранное».

Мне приходилось не раз слушать старого писателя. В первое время знакомства думалось, что фронтовик с орденскими колодками и звездой Героя на груди будет говорить непререкаемым тоном наставника. А он всегда скромно садился в людской гуще, молчал среди словесных баталий, и если просили высказаться, говорил коротко и не громко. Он был близок нам, новобранцам от литературы, как отец, как добрый надёжный друг. Эта высокая простота жила и в его лирических стихах:

*Голубая грань горизонта,
Степь зелёная и тайга.
Моя родина, моё тоонто,
Дорогой улус Ульдурга.*

Цокто Номтоевич был шутником. В дружеском или семейном кругу он нет-нет да произносил какую-нибудь бурятскую народную остроту, присказку, смешное замечание, притчу. Вспомнив как-то, что он, будущий педагог, трижды осваивал чтение и письмо на разных алфавитах – вначале на старомонгольском, потом – на латинице, а ещё позже – на кириллице, Цокто Номтоевич с улыбкой заметил: «Пришлось три раза проходить курсы ликбеза». В другой раз кто-то в его присутствии сказал, что среди педагогов страны Героев – раз два и обчёлся и в числе этих

избранных он, Номтоев. Старый учитель остановил говорившего: «Э... среди педагогов я стал Героем один раз. А если бы остался таким чабаном, каким был в молодости, то получил бы звание трижды».

У него и герои произведений наделены этой мягкой шутливостью. В повести «Пестрая берёза» дедушка Нанзад, мастер вырезать из дерева красивые вещицы, изготавливать любую посуду и мебель, на вопрос внука: «Почему ствол у этой сосны кручёный? – отвечает. – Рядом гнилой пень стоял. Сосна всё время отворачивалась от него и повредила себе сухожилия».

Трудно удержаться, чтобы не привести несколько строк из этой занимательной повести. Главные герои её – шестиклашки, которые в лесу пилят чурочки, заготавливают берёзовую кору, собирают веточки, чтобы было из чего на уроках труда мастерить так, как дедушка Нанзад. Старый умелец тоже здесь. А ребят в таёжной чаще интересует всё. Вот, например, на тропке видны две цепочки следов. Одни вмятины мелкие, а другие – крупные.

«Дядюшка Нанзад долго и внимательно рассматривал следы.

– Косуля прошла прошлой ночью, края вмятин уже высохли и начинают осыпаться. А изюбрь прошёл этой ночью. Следы ещё влажные, совсем свежие.

– Почему же они в разное время по одной тропе прошли? – спросил Солбон.

– Всё очень просто, – сказал дядюшка Нанзад. – И косуля, и изюбрь нуждаются в солончаках, лижут солёную почву. Изюбрь обычно находит солончак по следу косули. Так проще и вернее.

– А косуля как находит? – спросил Солбон.

– Нюхом. Нюх у диких животных обострён – часто сморкаются, – ответил старик, коснувшись пальцами повлажневшего носа Солбона.

Все засмеялись».

Сам Цокто Номтоевич, проживший более девяноста лет, до почтенного возраста косил сено, пилил дрова, охотился и рыбачил в богатых еравнинских озёрах и речках. И, конечно, хорошо знал тайную жизнь лесов, лугов, водоёмов. Всё это богатство знаний он передал читателям своих стихов, рассказов, фронтовых былей, повестей, романа. Жаль, что его роман «Витим – река таёжная», за который он получил Государственную премию Бурятской АССР, не переведён на русский язык. Сколько новых читателей могло появиться у этого произведения!

В родной литературе имя народного писателя Бурятии Цокто Номтоевича Номтоева останется легендарным...

ДОМОГТО ЗАЯАН

Уран зохёолшо Цокто Номтоевой хуби заяан ямар нэгэн юрын бэшэ домог шэнгээр үзэгдэдэг.

Хэжэнгын аймагай Хөөрхэ нютагай юрын малша бүлэдэ түрэжэ, хара багаһаань үншэржэ, ажалай амтые эртэ мэдэһэн хүбүүн арбан дүрбэтэйдөө (!) хургуулида ороһон юм. Граждан дайн замхажа, шэнэ саг ерэхэдээ, хургуулида орожо эрдэм бэшэг шудалха арга олгоо бэлэй. Хургуулида долоон класс дүүргээд, багшанарай техникумдэ орожо хураа. Хургуулийн хүүгэдтэ эрдэм зааха талаан, уран зохёол бэшэхэ бэлиг Цокто хүбүүндэ хоюулаа бурханһаа үгтэһэн. Бэлиг ехэтэ баг-

ша, мүн шүлэг, рассказ, зүжэгүүдые уран гоёор найруулдаг зохёолшон байһаниинь гушаад онуудһаа нютагайхидынь харажал байгаа. Зүгөөр уран зохёол бэшэжэ бэлиг талаанаа туршадаг багшанар Орос гүрэнэй олон хургуулинуудта ушардаг лэ хэн бээ. Тээ Цокто Номтоев багшалхадаашье, уран зохёол бүтээхэдээшье, алиш талаараа бэрхэ, дүүрэн бэлигтэй байжа, бурханай үгэһэн хэшэг буяниие гүйсэд бээлүүлжэ шадаха хүн байһанаа ажалайнгаа дүнгүүдээр, уран гоё зохёолнуудаараа гэршэлээ бэлэй.

Багшаар хүдэлхэ үедөө «Бурядай АССР-эй габыята багша», «Ородой Холбооной габыята багша», «СССР-эй арадай гэгээрэлэй отличник», «Социалис Ажалай Герой» гэхэн үндэр нэрэ зэргэнүүдтэ хүртэһэн байна. Хүүгэдые шэнэ аргаар хурган хүмүүжүүлжэ байһан багша Василий Сухомлинский ба Яруунын аймагай Ульдэргын дунда хургуулийн директор Цокто Номтоев хоёр лэ иимэ үндэр шанда хүртэһэн байна бшуу. Аяар холын Сибирьтэ оршодог хүдөө нютагай үншэн үрөөһэн ябажа хүмүүжэһэн хүн Геройн нэрэ зэргэдэ хүртэжэ, бэлигтэ ехэ багша болохо юм гэжэ ханахада, эгээл үльгэр домог шагнажа байһандал үзэгдэнэ...

Цокто Номтоевич энэл дабаанай оройдо гараад, буугаа бэшэ. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай хүшэр хүндэ жэлнүүдэй эгээл ехэ бэрхэшээлнүүдыень бэе дээрээ үзэһэн хүн. Дайнай эхилхэтэй зэргэ албанда абтажа, Сталинград шадарай ехэ тулалдаанда хабаадаһан, һүүлдэнь Курска дүхэригэй тулалдаанда, Кенигсбергыге абаха байлдаанда хабаадаһан. Дайнай түгэсэхөө байхада, Япон дайнда хабаадалсаа. Эхэ ороноо иигэжэ хамгаалалсаһанайнгаа түлөө Эсэгын дайнай I, II шатын, Улаан Одоной орденуудаар, «Эрэлхэг зоригой түлөө», «Дайшалхы габыагай түлөө», «Сталинград хамгаалалсаһанай түлөө», «Кенигсберг абалсаһанай түлөө», «Германиие илаһанай түлөө», «Япон илаһанай түлөө» медальнуудаар шагнагданхай.

1946 ондо Цокто Номтоев Буряадтаа бусажа, Яруунынгаа аймагта багшалжа эхилээ хэн. Гурбан жэл болоод, Ульдэргын дунда хургуулийн директорээр томилогдожо, хорёод жэл соо, наһанайнгаа амаралтада гаратараа, ажаллаа.

Ямар сагтаа зохёолнуудые бэшэжэ үрдидэг байгаа гээшэб гэхэт. Ямаршые сагта, багшанарай техникумэй оюутан ябахадаашье, эдир багша болоод ажаллажа байхадаашье, Эхирэд-Булагадай аймагай зониие үзэг бэшэгтэ хургахадаашье, фронтын миномётно бүлэгтэ комиссар байхадаашье, хургуулийн директор байхадаашье, – хэдышые сүлөөгүй байбал, бэшэхэ арга олодог лэ байгаа. «Сагаалганай наадан» гэхэн зүжэгын ном болон амяараа 1930 ондо хэблэгдэжэ гараа хэн. Һүүлдэнь «Шэн зориг», «Сэндэмэ» гэхэн поэмэнүүдые бэшээ. Дайнай һүүлээр Москвада буряад соёл, искусство болон литературын Декадын болохоһоо урид «Хүсэл» гэхэн гаршагтай шүлэгүүдэйнгээ согсолбори гаргаһан юм. Һүүлдэнь үхибүүдтэ зорюулжа, «Нютагаархин», «Хүлэг», «Тайгын мүрэн Витим», «Ойн нуурай эрьедэ», «Адуушанай хүбүүн» гэхэн туужануудай болон расказуудай, «Эхэ орондоо алдар соло», «Ярууна», «Үзэсхэлэнтэ орон» – гэхэн шүлэгүүдэй номуудые, тэрэшэлэн «Шэлэгдэмэл зохёолнууд» гэхэн гаршагтай боти хэблүүлэн гаргаа бэлэй.

Цокто Номтоевые олохон дахин шагнаһан хүм. Үбсүүндээ иимэ олон дайшалхы орденуудые, Геройн Одо зүүһэн хүн бэшэндэ ехэл хургаал заабари хэлэхэ, дээрэлхэхэ байгаа ёһотой гэхэндэл намда ханагдадаг хэн. Харин Цокто Номтоев шанга шанга хөөрэлдөөнэй боложо байхада тэрээндэнь оролсодоггүй, хэрбээ хэн нэ

гэнэй үгэ хэлэхые гуйгаа хаань, богонихоноор, аалиханаар хэлээд лэ, нуушадаг
хэн. Уран зохёолдо хаял шунгажа ороод байһан бидэндэ, залуушуулда, Цокто
Номтоев эгээл дүтымнай хүн – эсэгэмнай гү, али сагаан ханаатай, найдамтай аха
нүхэрнай мэтээр ханагадаг бэлэй. Тэрэнэй энэ номгон даруу зан шүлэгүүд соонь
эли байдаг.

*Үргэн талаар зубшажа,
Үнгэржэ замдаа шамдаһан,
Үльдэргэ гол аяндаа
Үзэһэн бидэнээ дуулаарай.
Шэнэ байдалтай бидэниие
Шини дайраһан хайн байна.
Арюун хара уһанини
Ажалдамнай угаа туһатай.*

Цокто Номтоевич шог зугаада дуратай хэн. Нүхэдэйнгөө гү, али түрэлэйнгөө
дунда нуухадаа, ямар нэгэн буряад оньһон хошоо үгэ, һонин ушар, домог түүхэ
хөөрэхэ. Гурба дахин – түрүүн хуушан монгол хэлэн дээрэ, һүүлдэнь – лата хэлэн
дээрэ, бүри һүүлдэ – кириллицэ дээрэ үзэг бэшэгтэ шэнээр нураһанаа хөөрэхэдөө:
«Гурба дахин ликбез гараһан хүм» – гэжэ энеэбхилдэг бэлэй. «Гүрэнэй багшанар
сооһоо Геройн нэрэ зэргэдэ нэгэ-хоёр хүн лэ хүртөөд байнат» – гэжэ хэнэйб даа
хэлэхэдэ, Цокто Номтоевич: «Ээ, болииш, нүхэрни, багшанарай дунда бишни нэ-
гэл дахин Герой болооб, харин багадаал мэтэ хони адуулжа ябаа хаа, гурба дахин
Герой болохо хэм», – гэхэн юм.

Зохёолнуудайншые геройнууд иигэжэ шог зугаа дэлгэдэг бэлэй. «Эрээн
хуһан» гэхэн туужынь герой болохо Нанзад үбгэн модоор юумэ дархалхадаа
бэрхэ, амһарта, мебель дархалдаг: «Энэшые, тэрэшые модо харахада аб адлил.
Яахадаа тэрэнь хахараад, энэнь хахархагүй байба гээшэб?» – гэжэ ашынгаа асуу-
хада. «Харана гүт, үхибүүд, тэрэ модонойнгоо урдуурхи хэдэн үмхи түгсэгүүдые
– тэдэш тэрэ мориной дайсан байгаа бшуу. Мори шэлэхэдэ, байха бэеыень
шэнжэлхэхээ гадна абари зангынь, хүсэтэй, ябадалшыень анхаралдаа абадаг
юм. Тэрээн шэнги модо отолходоо, бэеыень харахаһаа гадна, оршон тойрониинь
ажаглаха юм», – гэжэ харюусаа.

Туужын геройнууд – зургаадахи классай хүүгэд Нанзад үбгэжөөлдэл адляар
хэшээлдээ нэгэ юумэ дархалха ханаатай хуһанай үйһэ бэлдэжэ, мүшэрнүүдые
суглуулна. Нанзад үбгэн өөрөө тэдэнтэй ябалсана. Тайга соо үхибүүд олон
юумээр һонирхоно. Элдэб ангай мүрнүүд тэдэниие һонирхуулна. Зариманиинь
багаханууд, зариманиинь – томонууд.

«Мүрнүүдые үбгэн ажаглаад:

– Гүрөөһэниинь үнгэрэгшэ һүни ябаа юм байна. Мүрэйнь эрмэтэй шииг ха-
таад, тоһотон унажа байна бшуу. Тиихэдэ бугань энэ һүни оройшог уруудаа.
Харана гүт? Мүрын шэнэ сохиһон хирпиисэ шэнги, шиигтэй гэлиижэ байна
бэшэ гү?

– Юундэ эдэ хоёр хэлгэсэлдээд, нэгэ газараар ябаа гээшэб? – гэжэ Солбон
асууна.

– Хужарай үедэ иигэдэг агша даа. Гүрөөһэн гээшэ һүлһэгүй амитан ха юм.
Ногоондо садахадаа, хужарай хойноһоо ябадаг юм. Тиихэдэ буга баһа аргагүй

хужарша ан. Хужар жүрөөдэжэ, хүбшэһөө голлоһон буга хужарта ороһон нютаг гүрөөһэнэй мүрөөр ошожо, хужар олодог байгаа юм,— гэдэ.

— Мүрөөрнь хужар мэдэнэ гү? — гээд, жаахан харахан хүбүүн түхэрээн нүдээ бүри ехэ болгожорхёод, үбгэнэй дороһоо бэлтсэ гэтэнэ.

— Тиимэ даа. Зэрлиг ангай хамар гээшэ аргагүй һонор юм. Ходо нюһаа нии-гээд ябадаг байгаа ха,— гээд хүбүүнэй хамары арьягар хоёр хургаараа хабшаад ор-хино. Тойрогшод энеэлдэшэнэ».

Үндэр наһа наһалһан Цокто Номтоевич ехэ наһатай болотороо үбһэ сабшадаг, түлээ хахалдаг, агнуурида ябадаг, загаһашалдаг байгаа. Тиигэжэ тэрэ ой тайгын, нуга талын, уһа мүрэнүүдэй ажабайдал тон һайнаар мэдэхэ һэн. «Тайгын мүрэн Витим» гэжэ романайнгаа түлөө Бурядай АССР-эй Гүрэнэй шагналда хүртэһэн юм. Энэ романайн ород хэлэн дээрэ оршуулагдангүй үлдэшэһэниинь харамтай. Хэды олон хүн ород хэлэн дээрэ уншаха, һонирхохо байгаа!»

Буряад уран зохёолой түүхэдэ Бурядай арадай зохёолшон Цокто Номтое-вич Номтоевой нэрэ хэтэ мүнхэдөө үлэжэ, зохёолнуудын шэнэ шэнэ уншагша-дые һонирхуулжа, буряад хэлэнэй баялигы үшөө дахинаа гэршэлжэл байхань дамжаггүй.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

Сагалган. Нэгэ акттай зүжэг. — Дээдэ-Үдэ, 1930.

Зориг. Поэмэ. — Улаан-Үдэ, 1935.

Хүсэн. Шүлэгүүд. — Улаан-Үдэ, 1940.

Хүлэг. Туужа. — Улаан-Үдэ, 1945.

Эдэбхи. Туужа. — Улаан-Үдэ, 1956.

Эхэ орондоо магтаал. Шүлэгүүд. — Улаан-Үдэ, 1958.

Рассказууд. — Улаан-Үдэ, 1958.

Далинууд. Туужа. — Улаан-Үдэ, 1961.

Ярууна. Шүлэгүүд. — Улаан-Үдэ, 1964.

Хилээмэн. Рассказууд. — Улаан-Үдэ, 1965.

Шэлэгдэмэл зохёолнууд. — Улаан-Үдэ, 1969.

Һайн хүн. Рассказууд. — Улаан-Үдэ, 1972.

Һайхан орон. Шүлэгүүд. — Улаан-Үдэ, 1975.

Тайгын мүрэн Витим. Роман. — Улаан-Үдэ, 1980.

Дайнай замаар. Шүлэгүүд, дурсалганууд. — Улаан-Үдэ, 1982.

Арюун булаг. Туужа, рассказууд. — Улаан-Үдэ, 1985.

Байгаали баян. Шүлэгүүд. — Улаан-Үдэ, 1989.

Эрдэм бэлиг. Багшын һанамжанууд. — Улаан-Үдэ, 1991.

Шагай наадан. Арадай ёһо заншалнууд тухай рассказууд, домоглолнууд, захяанууд. — Улаан-Үдэ, 1996.

Шагжын хула. Туужа. — Улаан-Үдэ, 2000.

На русском языке:

- Стихи.* (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
У лесного озера. Повести. – Улан-Удэ, 1974.
Сын табунщика. Рассказы. – М.: Советский писатель, 1978.
Степной родник. Рассказы. – Улан-Удэ, 1985.
Быстроногий. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1991.
Саврасый. Повесть. – Байкал, 1990, №6, Улан-Удэ.
Стихи // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI века в 3-х томах. – Улан-Удэ, 2010.
Синий месяц над тайгой. Стихи // Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Тармаханова О., Жарков Д.* Номтоев Цокто Номтоевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Мижидон Д. Воспитатель, учитель, писатель. – Буряад Унэн, 1962, 24 июля.
Без указ. автора. Сын Забайкалья. – Литературная Россия, 1968, 12 июля.
Рыбко Н. Цогто-багша. – Байкал, 1968, №6.
Цырендоржиев С. Мой учитель. – Улаан Туяа, 1968, 30 декабря.
Цыремпилов Б. С одной думой. – Буряад Унэн, 1970, 14 мая.
Доржиева Г. Певец родного края. – Правда Бурятии, 1970, 20 июня.
Туденов Г. Творческий путь. – Буряад Унэн, 1970, 20 июня.
Цыденов К. К штыку приравняв перо... – Байкал, 1970, № 4.
Дугар-Нимаев Ц.А. Цокто Номтоев // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973.
Без указ. автора. Номтоев Цокто Номтоевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Дугар-Нимаев Ц.-А. Труды и заботы писателя. – Байкал, 1980, № 3.
Дугар-Нимаев Ц.-А. Юбилей ветерана. – Байгал, 1980, № 2.
Руданцева М. Все цвета времени. – Учительская газета, 1985, 21 сентября.
Дугаров Б. Писатель, педагог, фронтовик. – Правда Бурятии, 1990, 19 апреля.
Доржиев Э. Мой земляк. Воспоминания. – Буряад Унэн, 1990, 11 августа.
Без указ. автора. Номтоев Цокто Номтоевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Нанзатов Н. Военное творчество писателя. – Буряад Унэн, 1994, 29 сентября.
Банчиков Г. Защитник Родины. Народный учитель. – Буряад Унэн, 1995, 6 мая.
Хамгушкеева М. Цокто Номтоев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
Дамбаев Д. Классик бурятской литературы. – Буряад Унэн, 1998, 19 марта.
Дондогой Ц. Писатель, педагог, фронтовик. – Буряад Унэн, 2000, 27 апреля.
Батоев Б.-Д. Один из лучших сыновей Бурятии. – Буряад Унэн, 2000, 27 апреля.
Номтоева-Дансаранова Ц. Три золотых слова. – Улан-Удэ, 2010.
Чимитдоржиев Ш. Цокто Номтоев // Выдающиеся бурятские деятели. Том II. – Улан-Удэ, 2010.

**Цырен-Дулма Дондоковна
ДОНДОКОВА
(1911-2001)**

ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА СЛОВА

В первый послевоенный год в Улан-Удэ вышла книга лирических стихов «Две любви». Отблеск сурового грозного времени лежал на строках этого сборника. При чтении их вспоминались фронтовые стихи К. Симонова и А. Суркова, песни М. Исаковского и В. Лебедева-Кумача. Две любви – к Родине и к тем, кто отстоял ее в кровавых боях, – жили и тут, в первой книге поэта, сливаясь в единое чувство.

Молодой автор вовсе не подражал названным выше поэтам, не повторял чужие темы. Он писал о своем, по-своему, может быть, в иных строках еще неумело и робко. А интерес к автору был повышенным: впервые в бурятской поэзии книгу своих стихов опубликовала женщина. Это была Цырен-Дулма Дондокова.

*Ты мою потрогал челку.
Ты спросил: «Она из шелка?»
И, смущаясь и любя,
Я сбежала от тебя.
Я потом искала встречи,
Чтоб услышать эти речи.
Но, услышав только слово,
От тебя сбегала снова.
А сейчас сказали мне:
Ты в далекой стороне.
Ставший всей моей судьбой,
Вечер тот увез с собой.
Ты увез хороший вечер.*

*Ты увез веселый вечер.
Ты увез счастливый вечер.
Возвратись – любовью встречу.*

– Мне памятна и очень дорога эта книжка, – говорила Цырен-Дулма Дондоковна. – Я вообще не собиралась стать поэтом. С юности писала стихи, но мне казалось, что это так, строки для себя... В годы войны мы жили единым чувством: помочь тем, кто сражается. А как известно, помочь можно только делом. Вот и у нас все дни были заняты трудом. Но вечерами, урывками, я писала стихи. Будто разговаривала с теми, кто далеко, на фронте. Хотела ободрить, согреть их. Может быть, поэтому книга «Две любви», хотя она и вышла после Дня Победы, нашла у людей теплый, душевный отклик. Мы все истосковались по теплу, по любимым...

В первой книге поэта обычно уже намечается интонация автора, слышится его непохожий голос. Во всяком случае, так можно сказать о книге Ц.-Д. Дондоковой «Две любви». Когда читаешь строки этого сборника, видишь перед глазами простодушную девчущку, которая, однако, способна любить со всей страстью и верностью. Искренне и сердечно доверяет она свои тайны:

*Нынче небо голубое.
Я, как счастье само,
Получила дорогое,
Очень личное письмо.
Для других оно простое,
Для меня же заказное.
То, что сон мой отнимало,
То, что долго я ждала,
По которому немало
Слез в подушку пролила.
Для других оно простое,
Для меня же заказное.
Мне глядеть – не наглядеться –
Так письмом я дорожу.
Чтоб теплом его согреться,
Ближе к сердцу положу.
Для других оно простое,
Для меня же заказное.*

А между тем за строками этих стихов стоял человек, уже немало сделавший в жизни. В начале тридцатых годов Цырен-Дулма Дондокова окончила педагогический техникум, долго работала учительницей в улусной школе. Уроки, занятия со школьниками в литературном кружке, работа на курсах ликбеза, выступления перед односельчанами – кипучие будни тех лет захватили молодого педагога. А потом жизненные обстоятельства привели ее в Улан-Удэ, где она стала работать в Бурятском книжном издательстве. Цырен-Дулма Дондоковна редактировала, готовила к изданию школьные учебники на бурятском языке. И, конечно, продолжала писать стихи.

– Я не любила и не люблю «громких» стихов, – делилась своими мыслями поэтесса. – О самых высоких, дорогих каждому из нас понятиях можно, по-моему, сказать душевно, выстрадано.

Это признание можно подтвердить стихами. Скажем, героика тридцатых годов, бурное обновление бурятской земли вошли во многие произведения Ц.-Д. Дондовой. Но нигде не сбивается она на риторику. Конкретная поэтическая деталь, подчеркивающая точные приметы времени, «растворена», как правило, в образных, красочных строках ее стихов:

*Мы в красной юрте ставим пьесу.
А группа чоновцев-ребят
Следит за черным волчьим лесом:
Там бродит банда, говорят.*

*Нет нашей песне угомону!
Она над улицей звучит,
Когда рассвет по небосклону
Багряным конником летит.*

*Казалось, после долгой стужи
Под солнцем тронулись снега –
Бурливей стала Селенга,
Смелей воспрянувшие души!*

Шли годы, выходили новые книги Цырен-Дулмы Дондовой: «Биение сердца», «Пером времени», «Камни поют». Два сборника стихов в переводе на русский язык – «Девушка с Байкала» и «Солнце-гора» увидели свет в московских издательствах. В них все ярче и полней проявлялось лирическое дарование поэтессы. С читателем беседовала современница: ее чувства любящей и любимой женщины, матери, активной участницы созидательной жизни оказывались близкими и понятными всем. Лирическая героиня стихов – дочь новой Бурятии – неторопливо и мягко рассказывала о том, как светла ее судьба, как много радостей несут ей наполненная жизнь, родная с детства степь, преображающие ее люди. Вот строки, обращенные к степной стороне:

*Если б гордым орлом я была,
Отдала б тебе оба широких крыла.
Если б батором прослыла,
На могучих плечах бы тебя пронесла.
Пусть в твоей глубине я лишь малая птаха,
Но живу я, летаю, ликую без страха.
Ведь свила я гнездо не из тонкой травы,
Не из листьев сухих – из твоей синевы.
Оттого в том гнезде мне поется легко,
Что я солнцем твоим обогрела его!*

Желание правдиво рассказать о судьбе бурятской женщины привело Цырен-Дулму Дондову к замыслу поэмы «Наша девушка».

– Меня всегда привлекали судьбы знакомых мне женщин, моих землячек, – признавалась Цырен-Дулма Дондовна. – Я вглядывалась в лица доярки Надежды Тадвашкиной и чабанки Ольги Сангадиевой – Героев Социалистического Труда, прекрасной балерины Ларисы Сахьяновой и певицы Чимиты Шанюшкиной. Советская власть подняла их к вершинам творческого труда, дала им счастье, на-

родное признание. Мне захотелось написать поэму о такой женщине, и жизнь давала мне много возможностей, много сюжетов. Пожалуйста, пиши о Валентине Романовой, Герое Социалистического Труда, женщине, передавшей от чистого сердца многие свои сбережения в Фонд мира. Пожалуйста, пиши о нашей замечательной художнице Александре Сахаровской. Ее имя, дочки степняка, стоит в ряду лучших советских мастеров графики. Но тут судьба подарила мне встречу с женщиной из моей родной хоринской степи – чабанкой Зоей Жамсарановой, которая тогда была депутатом Верховного Совета СССР. Я узнала ее обыкновенную и такую необычную судьбу, полюбила ее по-матерински. И написала поэму «Наша девушка». Это не пересказ биографии Жамсарановой, нет. За героиней моей поэмы стоят многие бурятские женщины. Те, которых я упомянула и которых не назвала. Я рассказала о типичной и яркой судьбе одной из них.

Поэма «Наша девушка» стала в бурятской литературе заметным произведением о современности. Пожалуй, это была и одна из немногих удачных попыток широкого творческого использования документального материала в бурятской поэме.

Судьба самой Цырен-Дулмы Дондоковны так же ярка, как судьба героини ее стихов: дочь улусного бедняка – учительница, известная поэтесса. Заслуги Дондоковой в развитии бурятской литературы были отмечены несколькими наградами (среди них – орден «Знак Почета»), ей присуждена Государственная премия Бурятской АССР, присвоено звание народного поэта Бурятии. Но героиня лирических строк Цырен-Дулмы Дондоковой оставалась по-прежнему душевно открытой, непосредственной, милой в своей застенчивости. Конечно, она стала мудрей, увидела не только радостные, солнечные краски жизни, но и ее тучи – горести, печали, отчаяние. А все же душа осталась стойкой, отзывчивой на радость, чистой:

*Пусть не всегда река моя
Была жемчужинной, лазурной.
Бывало, пред стихией бурной
В смятенье леденела я.
Пусть не всегда моя тропа
Была озарена светилom.
Метель подчас меня слепила,
И юрты ставил снегопад.
Судьбу не укоряла я
В те дни, когда душа моя,
Казалось, от борьбы устала.
Но снова к жизни возвращала
Прохлада милого ручья.
Мне предназначено любить
Размах степи, тайги гремячесть.
Ну, как же не благодарить
Судьбу мне за такую участь!*

На рабочем столе поэтессы лежали книги последних лет, рукописи новых стихов, подстрочники для перевода стихотворений на русский язык. И самая главная работа последнего времени – роман «Сотворение счастья». Это крупное произведение повествовало о годах коллективизации в бурятском улусе. Роман был издан на родном языке.

А Цырен-Дулма Дондоковна искала новые возможности для встречи с читателем. Постоянно писала очерки, готовила публицистические выступления для газет и радио. В соавторстве с режиссером Бурятского академического театра драмы Федором Сахировым она написала пьесы «Вкус соли», «Большой колокол», «Днем ли, ночью ли».

Заботливо относилась поэтесса к одаренной молодежи. Несколько десятилетий Союз писателей и Министерство образования республики проводили литературные олимпиады школьников. Поэтесса была бессменным членом жюри этого смотра юных талантов. Мальчишки и девчонки привозили в Улан-Удэ, на олимпиаду свои первые стихи, рассказы, сценки. Внимательно читала их Цырен-Дулма Дондоковна, на долгие годы заводила дружбу со способными ребятами. Ее шефству во многом обязаны первыми публикациями, успехами в творчестве выпускница Литературного института интересный прозаик Надежда Шагдурова, поэты Эрдэни Дугаров и Рахмет Шоймарданов.

Труд всегда был большой отрадой для Цырен-Дулмы Дондоковны.

– Чтобы подарить человеку душевную песню, – как-то говорила она, – нужно много-много работать. Иное стихотворение, как капризный ребенок, запрямится и не подчиняется тебе. И ты сидишь с ним допоздна. Но зато, если песня удалась, никто из нее слово не сумеет выкинуть. Из глубины души добыто оно! Я считаю, что, кроме мастерства, поэту надо иметь горячее сердце и бескорыстное желание отдать его людям.

Таким горячим сердцем и написаны строки, подаренные нам талантливой бурятской поэтессой.

*Я в слова не играю.
Мой долг нерушим:
Я свой стих собираю,
Как воду в кувшин.
Мне искать да искать,
Вот такие дела.
Я боюсь расплескать
Те слова, что нашла.
Я ведь сердцем плачу.
Стих, послушай меня!
Я тебя не хочу
Оседлать, как коня.
Состязанья с ветрами
Совсем не для нас,
Чтобы в славе, как в раме,
Героем на час.
В гуще жизни самой
Наш единственный путь.
Я хочу тебя, стих мой,
Народу вернуть.
Я готова, любя,
Все лишенья стерпеть,
Лишь бы петь мне тебя,
Моя милая степь!*

ХАЛУУН ЗҮРХЭНЭЙ ДУЛААН ҮГЭНҮҮД

Дайнай дүүрэнээр жэл болоод байхада, «Хоёр дуран» гэж нэрэтэй уянгата шүлэгүүдэй ном Улаан-Үдэд хэблэгдэн гарахан юм. Энэ ном соо ороhon шүлэгүүд шэмэрүүн сагай амисхал шэнгээхэн, тэдэниие уншахада, дайнай үедэ бэшэгдэхэн К. Симоновой, А. Сурковой шүлэгүүдые, М. Исаковскийн, В. Лебедев-Кумачай дуунуудые хануулаа. Эхэ орондоо, шуһата байлдаанда хабаадажа, ами наһаяа гамнангүйгөөр Эхэ ороноо хамгаалагшадта дураяа мэдүүлжэ байһанаа, энэ хоёр дуранайнгаа нэгэ ехэ Дуран боложо нэгэдэһые автор шүлэгүүд соогоо түүрээгээ.

Нэрэтэй түрэтэй эдэ томо поэдүүдые нажааж, хүнэй темые дабтаха гэхэн нэдэлгэ залуу авторта байгаагүй. Эхэнэр авторай шүлэг бэшэхэн ушар буряад поэзидэ түрүүшынхээ үзэгдэжэ, зоной анхарал, хонирхол ехээр лэ татаһан бэлэй. Энэ авторнай Цырен-Дулма Дондокова байгаа ха юм.

*Зугаа наадаар нэръехэн
Зунай нэгэ үдэшэ,
Зууха галай дэргэдэ
Золгоо бэлэйбди тиихэдэ...
Түүдэгэй дүлэнэй эльбээндэ,
Түмэн мүшэдэй эмнээндэ
Түбиие гэрэлтэйгээр харааб,
Түлгөөд, мэгдээдише абааб.
Зан абариини илдамда,
Жалуур зулгы шамда
Жаахан бэшэ, ехээр
Дурлаа бэлэйб тиихэдэ...
Духым эльбээд таалахадаш,
Дуратайб гэжэ тэбэрэхэдэш,
Гуха харайн ухаа алдаад,
Бураггүй гүйжэ арилаа нэм.
Ходо харахые хүсэбэшье,
Хоргодон шамһаа ябагша нэм.
Холо газар ошоһыеш
Хожом нэгэтэ дуулаа нэм.
Тэрэ гэхэнһээ хойшо
Тэхүү тэрэ хүни
Тэнгэриин одо, түүдэг
Мини зосооһоо гарадаггүй.
Магад, ши намайе
Мартажаши болоош – гайхалгүйл.
Мини шамда дуратайе
Мэдыш мүнөө, хожомдоогүйл.*

– Энэ номни намдаа ехэ удхатай, зүрхэндэм дүтэ, сэнтэй юм. Би поэдшые болохо гэжэ оролдоогүйб. Эдир залууһаань лэ шүлэг бэшэдэг, өөртөө бэшээд лэ, стол руугаа хадагалдаг байгааб. Дайнай гал дүлэн соогуур дайралдажа байһан сэрэгшэдтэ яагаад туһалха бэлэй гэжэ шэбшэхэш. Тэрэ холо байһан зондо яагаад туһалхабши даа, ажалаараал туһалха гүбши. Үдэшэлэндөө шүлэг бэшэхэш. Хаа-

нашье ябаа хааш, гэршни, хүүгэдшни ханагдаха ха юм. Тэдээндэ зүрхэнэй дулаан хэрэгтэй байгаа. «Хоёр дуран» гэжэ номни Илалтын һүүлээр хэблэлһээ гараһан, тиигээд лэ зоной сэдхэл дайраһан байгаа хаш. Дайн дажарһаа, үхэл зоболонһоо мултарһан зондо гэр, хабар, дуран яаха аргагүй хэрэгтэй байгаа,— гэжэ Цырен-Дулма Дондокова хэлэһэн байдаг.

*Сэнтэйхэн үгэтэйхэн,
Сэдьхэлдэмни хүүртэйхэн,
Холын холоһоо зорихон,
Хомпёортойхон бэшэгхэн.
Бэшэгхэн, бэшэгхэн,
Сэхэ намдаа ерээлиш,
Сэнхирхэн үгэнүүдээ дэлгээлиш.
Анхаралаа үгэн шамда
Арба дахин унишанам.
Бодолой хүрэхэгүй зайе
Богони болгон урмашанам.
Бэшэгхэн, бэшэгхэн,
Хани болон ерээлиш,
Халуухан үгэнүүдээ дэлгээлиш.
Үнэтэйхэн бэшэгхэн,
Үнинэй шамай хүлээгээб.
Үдэрш бүри ерээ хааш,
Үлүү гэхэгүйб, нээрээ.
Бэшэгхэн, бэшэгхэн,
Сэхэ намдаа ерээлиш,
Сэнхирхэн үгэнүүдээ дэлгээлиш.
Бэшэгхэн, бэшэгхэн,
Зугаалан намдаа ерээлиш,
Зунаа урдам дэлгээлиш.
Зүлгэ дээрэ сэсэгтэл үгэтэйхэн.
Зүрхэндэмни хүүртэйхэн.
Таалаад, таг дээрээ табилтайхан,
Тамгатайхан бэшэгхэн.
Бэшэгхэн, бэшэгхэн,
Би шамдаа баяртайб,
Бэээрээ эзэндэи дуратайб.*

Цырен-Дулма Дондокова гушаад онуудай эхиндэ багшанарай техникум дүүргэнхэй, хүдөөгэй хургуулида багшалдаг байгаа. Хэшээлнүүдһээ гадна драм-кружок, ликбезэй курснуудые эрхилдэг, суглаа хуралнуудта хабаададаг байгаа.

Тиигэжэ байтараа Улаан-Үдэ ошожо, Буярадай номой хэблэлдэ хүдэлхэдөө, редакторай уялгануудые дүүргэжэ, буярад хэлээр хургуулиин учебнигүүдые хэблэлдэ бэлдэдэг байгаа. Хэдышье сүлөөгүй мүртөө шүлэгүүдээ орхидоггүй, бэшэһээр лэ ябаа.

– Би шанга, хашхарган үгэнүүдтэ дурагүй хүм,— гэжэ хэлээ һэн.

Зүрхэнэй үнэ сэнтэй үгэнүүдые хашхарга хуугай табингүй, аалиханаар хэлэжэ болоно бшуу. Тэрэнэй шүлэгүүд героизмын маяг үгы, сагай шэнжэ харуул-

ха гэбэл, юрын үгэнүүдые хэрэглэжэ, зоной байдалые үлүүсэ бэшээр харуулхые оролдоно.

*«Арбаад һомоной комсомолой
Аяар Эргэнын суглаан лэ.
Ангийнгаа дайсаниие даражархёод.
Артельдээ ажалаа захалхамнай».
Залуу наһан, залуу наһан!
Залаа шэнги задархагүй эршэтэйш.
Хүн зоной оройдо
Хүбшэ дээгүүр хүбэһэн нарандал элшэтэйш.
Хара хилэн дэгэлтэй
(Харин тэрэ үеын моодо),
Һаруул ута шаарна
Хаялһан урагша хойшонь,
Татуурга портупей бүһэтэй,
Ташаан дээрэ моридой һууһан
«Ташуургүй морид ульгамууд,
Таалуулаагүй басагад илдаммууд» – гэжэ
Гушаад оной комсомолшууд
Гуурһа барижа дүршөөгүй,
Модохирхон гартаа
Мориной жолоо барихадаа,
Шуран гэгшын авторучкаар
Шуршагануулан таталһандал.
Сэнхир нуурнуудай уһанда
Шэрэм таха дүрэн хаялуулааш.*

Он жэлнүүдшые ошоожо, «Зүрхэнэй сохисо», «Сагай гуурһаар», «Шулуунууд дуулана» гэхэн шэнэ номуудынь буряад хэлэн дээр хэблэгдэн гаража, «Бурядай басаган», «Наран-хада» гэхэн шүлэгүүдэйн номуудай согсолбори Москвада ород хэлэн дээрэ хэблэгдээ бэлэй.

Уянгата шүлэг бэшэдэг поэт гэжэ тодороод, шүлэгүүдэйн герой болбол шэнэ Бурядай басаган, уян сэдхэлтэй эхэнэр, эжы – өөрынгөө хуби заяан тухай, шэнэ үе сагай баяр жабхалантай байдал тухай, сэлмэг нарата ерээдүй тухайгаа шүлэгүүд соогоо түүрэнэ.

*Үдэтэ бүргэд шубуун һаа,
Үүлэн далияа үгэхэл һэм.
Үргэн сээжэтэй хүбүүн һаа,
Үргэлөөд шамай ябахал һэм.
Оёоргүй шиниш уудамда
Оройдоол бишыхан шубуухайлби.
Дулаахан шамайгаа магтаха
Дууһаашагүй эхын дуутайлби.
Амгалан сээжэдэш уургайгаа
Аглагай сэнхирээр урланалби.
Гараха наранай элшээр
Гагнан бүхэлэн табалналби.*

Буряад эхэнэрэй хуби заяан тухай үнэн зүбөөр хөөрөжэ үгэхэ зорилготойгоор «Манай басаган» гэжэ поэмэ бэшээ һэн:

– Манай Буряад ороноймнай суута эхэнэрнүүд – Социалис Ажалай Геройнууд болоһон наалишан Надежда Тадвашкинагай ба хонишон Ольга Сангадиевагай; дуушан Чимита Шанюшкинагай, балерина Лариса Сахьяновагай хуби заяан намда дүтэ, минии сэдхэл ходо хүлгүүлдэг бэлэй. Дэлхэйн Жасада хубиингаа мүнгэ оруулһан Социалис Ажалай Герой Валентина Романова, гайхамшагта уран зурааша Александра Сахаровская гээд ямар бэлиг талаантай, бэрхэ эхэнэрнүүд манда байгаа гээшэб! Графигаар зурадаг эрхим урашуултай нэгэ зэргэдэ хүдөөгэй юрын малша хүнэй басаганай жагсажа байхада, совет засаг юрын эхэнэрнүүдые ажалай орьёлдо гаргажа, алдар соло, жаргал бэлэглээ гэжэ ханахада, омогорхолтой байнал. СССР-эй Верховно Соедэй депутат, минии Хориин аймагай хонишон Зоя Жамсарановагай домогто хуби заяан намайе хүлгөөгөөд, «Манай басаган» гэжэ поэмэ бэшээ һэм, – гэжэ поэтесса хөөрөһэн юм.

«Манай басаган» гэхэн поэмэ болбол тэрэ үеын байдал үнэн зүбөөр харуулһан зохёол боложо, ажабайдалһаа хабагшалан документальна материалнууд дээрэ үндэлэн бэшэгдэһэн буряад поэмын эгээл манлай боложо үгөө.

Цырен-Дулма Дондоковагай өөрын хуби заяан шүлэгүүдэйн геройнуудай хуби заяанһаа дутахагүй. Үгытэй ядуу малшанай басаган, багша, һүүлдэнь мэдээжэ шүлэгшэн болоо ха юм. Буряад уран зохёолой хүгжэхэ хэрэгтэ ехэ габыатай байһанайнгаа түлөө Цырен-Дулма Дондоковна «Хүндэлэлэй Тэмдэг» орденоор шагнагдажа, Буряадай АССР-эй Гүрэнэй шагнал абаһан, Буряадай арадай поэт гэжэ үндэр нэрэ зэргэдэ хүртэһэн ха юм.

Сагай ошохо тума поэдэй шүлэгүүдэйн геройнууд тэрэ хонгор илдам зандаа үлэбэшье, ажабайдалай үүлэтэйшье, сэлмэгшье үдэрнүүдые үзэһэн лэ байха.

Үзэхэ гээ хаб –

үшөө юушьеб даа.

Үндэр Нарам, шамайе тойроод,

үзөө хараагүй юумэ даа.

Урагша, хойшоо

удаан тэнээб.

Ухаа нэмээ гүб,

хороо гү?

Иигээжэ ябахадаа, эд зөөри,

эрдэни, алташ бэдэрээгүйб.

Эгсэ дабаа дабаха,

эрье мүрэн гаталха,

Галда дүрэхэгүй,

уһанда норхохгүй дали

бэдэрээб,

Хүлэр буладтал гантахагүй,

хүхэ огторгойдол ангахагүй

Хүнэй зүрхэнтэй хөөрэлдэхэ,

хүсэтэй үгэ бэдэрээб.

Зохёохы замайнгаа түгэхэлдэ «Жаргалай мүнделөөн» гэжэ роман бэшэһэн юм. Энэ зохёол соогоо буряад нютагта хамтадхалгын үе сагта болоһон ушар-

нуудыг зураглан харуулаа. Иймэ томо зохёол бэшэхынгээ хажуугаар саг үргэлжэ очерк, статьянуудыг бэшэжэ, сонинуудта толилжо, радиогоор дамжуулгануудта хабаадажа байдаг һэн. Бурядай академическа драмын театрай режиссёр Федор Сахировтай суг «Дабһанай амтан», «Томо хонхо», «Үдэр һэн гү, һүни гү» гэхэн зүжэгүүдыг бэшэжэ табилсаһан юм.

Бэлиг талаантай нурагшадта Цырен-Дулма Дондоковна ехэ анхаралтайгаар хандажа, тэдэниие дэмжэхэ һэдэлгэтэй байдаг бэлэй. Бурядай Уран зохёолшодой холбоон республикын эрдэмэй яамантай уран зохёолой олимпиада үнгэргэдэг боложо, тэдэнэй бэшэһэн зохёолнуудыг Цырен-Дулма Дондоковна ехэ анхаралтайгаар уншадаг бэлэй. Москвагай Литературна институтта нурахаяа ороһон Надежда Шагдурова, залуу поэдүүд Рахмет Шоймарданов, Эрдэни Дугаров гэгшэдэй хуби заяагаар ходо һонирхожо, туһалхыг оролдожо байгша һэн.

Ямаршыг үе сагта ажалһаа үнэ сэнтэй юумэн тэрээндэ байгаагүй.

– Хүндэ нэгэ гоё һайхан дуу бэлэглэхэ гэбэл, ажаллаха хэрэгтэй. Заримдаа дуу бэшэхэ гэхэдэш, нэгэ томоогүй хүүгэн мэтэ шүлэг үһэрилдөөд, юуншыг болохогүй. Орой болотор носолдожо нуухаш. Харин дуу бэшэжэрхибэлшни, нэгэш үгыень хүн ходолжо хаяхагүй. Юундэб гэхэдэ, зүрхэнэйш оёорһоо гараа ха юм. Үгын уран дархан байхаһаа гадна, халуун зүрхэтэй, хүнүүдтэ ходол туһа хүргэжэ ябаха сэдхэлтэй байха юм, – гэжэ тиихэдэ поэтесса хэлээ бэлэй.

*Дуран тухай шүлэгүүдээ
Дуулахажа бэшээ бэлэйлби.
Дуһал дуһалаар үгэнүүдээ
Суглуулхажа хэлэхээ һэдээлби.
Шүлэг, шамдаа мордожо,
Шуургантайш урилдаха гээгүйб.
Суурья ехээр татажа,
Суудааш гарахаа шэбшээгүйб.
Наһан соогоо суглуулһан,
Наранай элиээр оюулһан
Эгээн үнэтэ үгэнүүдээ
Эхэ орондоо бусаанам.
Аалиханаар хэлэһэн үгыем
Аглаг тала ууна гү,
Ажалша хүн дуулана гү,
Алиниһын хадаа абуужан.
Мэдэрэлээ мэдүүлхы хүсэһэн
Миниһи нулахан абяае
Сааша саашадаа басагадууд
Шанга болгоод дуулуужан.
Зарим заримдаа гунигш наа,
Зааха зааха шогш наа,
Зүрхэ сэдхэлдэ хүрэхэйш даа.
Зүб тухай хэлэхэйш даа.
Шүлэгни, шамдаа ханданам.
Шүлэгби гэжэ бү хүрхэйтөөрэй.
Үнэн юумэ хэлэдэг наа,
Үни удаан ябана бээш.*

Үгэл, юрэдөө, холбоо наам,
 Үтэли гүүлээд ядана бээш.
 Яагааи хадаа, шүлэгни,
 Ябыш даа, аян замдаа.
 Намда бүүхэн гомдоорой,
 Наһам богони бү гээрэй.
 Дуулаһан дуун хуушардаг юм,
 Дуһалуур бороо сэлмэдэг юм.
 Асари дэлхэйн эрьесэтэй
 Алтан наһамнай холбоотой.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Хоёр дуран. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1946.
Зүрхэнэй сохисо. Шүлэгүүд, дуунууд. – Улаан-Үдэ, 1959.
Майн сэсэгүүд. Хүүгэдтэ шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.
Байгалай басаган. Шүлэглэмэл туужа. – Улаан-Үдэ, 1963.
Наран тээшэ. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд ба поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1966.
Далланаб, һара, шамай. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1967.
Шулуунууд дуулана. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1968.
Гараа үгыш, хүн. Шүлэгүүд, дуунууд. – Улаан-Үдэ, 1970.
Сагай гуурһаар. Шэлэгдэмэл зохёолнууд. – Улаан-Үдэ, 1971.
Манай басаган. Шүлэглэмэл болон прозоор бэшэһэн поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1972.
Би – Шарлуухайб. Хүүгэдтэ шүлэг. – Улаан-Үдэ, 1974, 1980.
Шүрэ бугааг. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1975.
Жаргалай мүндэлөөн. Роман. – Улаан-Үдэ, 1987.
Бү уйла, хүүхэлдэйм. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1993.
Хориин хатад. Детективна туужа. – Улаан-Үдэ, 2001.

На русском языке:

Девушка с Байкала. Повесть в стихах. – М.: «Молодая гвардия», 1963.
Солнце-гора. Стихи. – М.: «Советский писатель», 1967.
Наша девушка. Поэма в стихах и прозе. – Улан-Удэ, 1972.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX- начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Солнце-гора. Стихи // Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Тармаханова О., Жарков Д. Дондокова Цырен-Дулма Дондоковна // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Осодоев М. (О книге «Машу я луне»). – Буряад Унэн, 1967, 23 августа.
Жамбалдоржиев А. Высока Солнце-гора! – Правда Бурятии, 1967, 26 ноября.
Туденов Г. Цырен-Дулма Дондокова // Литература советской Бурятии. Улан-Удэ, 1973.

- Без указ. автора.* Дондокова Цырен-Дулма Дондоковна // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
- Галсанов Ц., Дашабылов Г.* Пером времени. – Буряад Унэн, 1981, 6 мая.
- Олзоева-Назарова Л.* Лирическая исповедь души. – Байкал, 1981, № 3.
- Аюрзанайн А.* Цырен-Дулма Дондокова // Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1981.
- Дондогой Ц-Д.* Новое произведение поэтессы. – Молодежь Бурятии, 1984, 14 апреля.
- Дашабылов Г.* К солнечной песне навстречу. – Буряад Унэн, 1986, 30 апреля.
- Баранникова Е.* Рифмуется с правдой. – Правда Бурятии, 1986, 6 мая.
- Без указ. автора.* Дондокова Цырен-Дулма Дондоковна // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Доржиева Л.* Слова признательности и любви. – Буряад Унэн, 1995, 6 января.
- Аюров Б.* В зените творчества. – Буряад Унэн, 1996, 20 августа.
- Дагбаев Э.* Ее стихи – это давно классика. – Бурятия, 1996, 21 ноября.
- Базаржапова Г.* Немеркнувшее сияние таланта. – Буряад Унэн, 1996, 6 декабря.
- Ангабаев С.* Царица бурятской поэзии. – Буряад Унэн, 1996, 7 декабря.
- Дамбаев Д.* Душа, полная поэзии. – Буряад Унэн, 1997, 8 марта.
- Дугаржапова Т.* Цырен-Дулма Дондокова. // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
- Шагдаров Л.* Новые полотна писательницы. – Бурятия, 1998, 10 декабря.
- Балданов С.* Сверкающие грани таланта. – Буряад Унэн, 2000, 6 июля.
- Дондогой Ц-Д.* Слово о первой поэтессе. – Морин хуур, 2001, № 1-2.
- Будаев Ю.* Пускай подруги запоят со мной. – Бурятия, 2001, 29 мая.
- Галанов Ц.* Творческое долголетие патриарха бурятской поэзии. – Буряад Унэн, 2001, 19 июля.
- Барахутова Б.* О любовной лирике Ц-Д. Дондоковой. – Буряад Унэн, 2010, 24 июня.
- Надмитова Н.* Бурятская Ахматова: несколько фрагментов из жизни женщины. – Аргументы и факты в Бурятии, 2010, № 32.
- Жапов В.* Дондокова Цырен-Дулма Дондоковна // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Румянцев А.* Цырен-Дулма Дондокова // Выдающиеся бурятские деятели. Том II. – Улан-Удэ, 2010.

**Михаил Николаевич
СТЕПАНОВ
(1914-1984)**

У МАСТЕРСТВА СВОЙ ЯЗЫК

В литературе Бурятии прозаик Михаил Николаевич Степанов занял особое место. Ещё в начале пятидесятих годов прошлого века, работая журналистом, он попробовал перевести с бурятского на русский язык рассказы и повести известных писателей республики. Дело это – и творческое, и ответственное. Творческое оно потому, что художественный перевод требует знания особенностей языка, быта и традиций того народа, к которому принадлежит автор. И оно требует не меньшего литературного мастерства, чем то, с каким написан оригинал произведения. Сложное психологическое состояние героя, его тревожные мысли и сильные чувства, обстановка, в которой происходит действие, приметы времени, картины окружающей природы – всё у подлинного мастера изображено тонко, всё будет иметь значение для читателя. И переводчик должен оказаться на высоте того же мастерства, найти точные, художественно выверенные краски, чтобы встать вровень с автором произведения.

А ответственным занятие переводчика является потому, что и автору, и бурятскому читателю будет несложно сравнить предлагаемый вариант с оригиналом. И если он окажется неудачен, никто из прозаиков, поэтов, драматургов уже не доверит свою рукопись такому «экспериментатору» от литературы.

Ясно, что путь к успеху переводчику обеспечат собственный литературный талант, подвижнический труд, творческая учёба. Слава Богу, что и то, и другое, и третье помогло Михаилу Николаевичу не только стать прекрасным переводчиком, но и создать свои собственные художественно яркие произведения.

С какими же значительными произведениями бурятской литературы познакомил русского читателя М.Степанов? Первым нужно назвать роман Хоца Намсара-

ева «На утренней заре». В переводе нашего земляка он был опубликован в Улан-Удэ в 1956 году и с тех пор многократно печатался в различных московских издательствах и в Бурятии. Мы уже говорили, беседуя о творчестве Хоца Намсараева, какими художественными сокровищами своего народа владел этот мастер. Ещё немногие из писателей творчески использовали тогда хранящиеся в кладовых бурятского фольклора яркие словесные характеристики героев, богатейшие россыпи отточенных благопожеланий, присказок, пословиц, поэтические, живые краски родной природы. Ещё не часто в книгах искусно сочетались трагическое и смешное, возвышенное и будничное. Одним из тех, кто нашёл «золотой ключик» словесного искусства, и был Х.Намсараев. Но как точно и образно перевести роман на русский язык? Михаилу Степанову удалось сохранить и живые черты каждого героя, и напряжение драматических событий, и тонкие подробности быта, и аромат природы – всё, чем привлекал роман «На утренней заре».

Такую же трудную творческую работу выполнил он, переводя на русский язык двухтомный роман Чимита Цыдендамбаева о Доржи Банзарове. Первый том эпопеи – «Доржи, сын Банзара» потребовал бережно перенести на иной язык повествование о жизни юного героя в родном краю. Героя, уже в отроческом возрасте необычного, с большими задатками, и открывающего отчужденную землю, жизнь взрослых острым, пытливым умом. А второй том романа – «Вдали от родных степей», повествующий об учебе Доржи Банзарова в Казанском университете, потребовал от переводчика быть на высоте авторской задачи – показать духовный мир юноши, который завтра станет выдающимся учёным. И ту, и другую книги романа, судя по его неубывающей популярности у русского читателя, М.Степанов перевёл достойно. Напомним, что Чимит Цыдендамбаевич доверил своему другу и перевод новой своей книги – сборника рассказов «Охапка степных цветов». Русский вариант этих новелл тоже неоднократно публиковался.

Но запоминающуюся страницу в литературе республики оставил Михаил Степанов и своими произведениями. Ему принадлежат два романа – «Ночь умирает с рассветом» и «На Тургэн-реке», пересказы популярных в Бурятии фольклорных произведений – улигера «Сын могучего Ерэнсэя» и повествования о подвигах героя национального эпоса «Карающий меч Гэсэра».

У всех этих произведений оказалась своя судьба. У образцов бурятского фольклора она не могла быть иной, кроме как счастливой: то и другое сказание популярно у юных читателей. Роман «На Тургэн-реке», по замыслу автора, должен был состоять из двух книг. Но автор успел завершить только первую из них. А это обусловило её участь: сюжетные линии, начатые широко, эпично, не доведены до конца, характеры героев, очерченные живо, психологически обоснованно, не получили художественной полноты и законченности. Скажем лишь, что Михаил Степанов одним из первых решил показать, как в древний степной и таёжный край пришла современная индустрия. Строительство большого вольфрамо-молибденового комбината за пятьсот километров от железной дороги призвало разных людей – потомков бурят-скотоводов и русских земледельцев, технических специалистов, энергичных организаторов. И жаль, что герои романа – от рабочего Радны Эрдынеева и бригадира Матвея Серых до руководителя Бурятии Михея Ербанова не прошли до конца путь, которым предполагал провести их писатель.

А лучшим произведением Михаила Степанова стал роман «Ночь умирает с рассветом». Время, выбранное автором для изображения, – годы Гражданской

войны и такого же непримиримого противостояния после неё людей разных жизненных взглядов и материального достатка – уже много раз привлекало внимание писателей Бурятии. Читатель мог сказать: опять страницы того же прошлого! Но была в романе «изюминка», которую, думается, заметил любитель литературы. Это – характер главного героя, имя которого поначалу М. Степанов вынес даже в заголовок произведения, назвав роман так: «Житие Василия Коротких». Слово «Житие», конечно, сужало смысл большого повествования, и заголовок был заменён, но необычный персонаж остался одним из главных.

Василий Коротких – житель забайкальского села, хозяин среднего достатка. Если коротко, о нём можно было сказать: как такого мерзкого человека держит земля! Для него нет ничего святого. Он лжив, хитёр, жесток, изворотлив, лицемерен, подл. И при всём том, поминутно вспоминает бога, просит у него прощения и защиты, истово бьёт поклоны. Читая страницу за страницей, рассказ о садистских поступках, лицемерных разговорах и подлых размышлениях Василия Коротких, невольно вспоминаешь мерзких героев русской классики, – например, Федора Павловича Карамазова или Смердякова из романа Ф. Достоевского, Иудушку Головлёва из романа М. Салтыкова-Щедрина.

Начинается наше знакомство с Коротких на первых страницах романа: он и его дружок Спиридон Никитин добровольно пришли к белогвардейцам в Троицкосавск. Василий становится подручным у садиста сотника Соломахи, кстати, действительно жившего в те времена. Начал Коротких свою кровавую службу так:

«Когда первый раз пришлось застрелить по приказу Соломахи безоружного, беззащитного человека, долго потом не глядел людям в глаза, а ночью вздыхал и молился. Второго оказалось легче, хотя тоже не в радость было разлучать с душой грешное тело. Соломаха смеялся, хлопал Василия по плечу, утешал:

– Привыкнешь. Я тебя ещё в главные свои помощники произведу. Вот славная, брат, должность! Как раз по тебе...

– Греха вы не боитесь, ваше благородие...

Соломаха раскатисто расхохотался:

– Да ты вовсе дурак выходит? Греха? Коммунистов крошить самое святое дело, все прегрешения снимаются. Я сколько их изрубил и ничего. Да и из тебя, гляжу, толк со временем будет. У меня на таких глаз намётанный.

И надежды Соломахи оправдались: Коротких показал выучку.

«Такое было дело, вспоминать не хочется... Шестерых своими руками повесил. Среди них даже девка была, красная партизанка. Соломаха тогда здорово хвалил, снял свой кортик, отдал Василию: «На, – сказал, – заслужил от меня награду. Я не зря говорил, что в люди выйдешь. Молодец, хвалю!».

Но когда к Троицкосавску подступили красновардейские войска, пришлось двум дружкам спасать шкуры. Оба ночью сбежали в тайгу. Спиридон успел напоследок, во тьме, зарубить шашкой другого сотника – Зубова. «Советчики» за его башку награду посулили», – сказал Спиридон и оставил рядом с трупом кисет с вышитой на нём фамилией Никитина – может, кто донесёт об этом красным и при случае те помилуют бывшего «беляка». А Коротких оказался хитрей: незаметно поднял кисет, а на его место бросил свою зажигалку, тоже с фамильной меткой.

В тайге друзья живут как лютые враги. Каждый боится, что приятель убьёт его как свидетеля своего белогвардейского прошлого. Подлей опять оказался Коротких. Узнав от Спиридона тайну золотиносного ручья и путь к нему, Василий

выстрелом в затылок убивает односельчанина. «Божий человек» не забывает кощунственно возгласить: «Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего Спиридона...» В чужой деревне Густые Сосны, куда Коротких попал после разных происшествий, он завёл такую же лукавую «дружбу» с богатеями, оклеветал местного священника, насильно овладел его дочерью. Василий убеждён: «Господь отметил меня среди всех людей, приставил ангела-хранителя. Из любой беды сухим выбираюсь». Цель у него, после тайных вылазок к Золотому ключу, одна: «Приобрёл богатство, золота хоть с головой засыпсья... Подкоплю силёнок, доберусь до города, продам... Заведу хозяйство, стану на твёрдые ноги». Есть у него и своя философия, оправдывающая тайные, ночные делишки: «Кошка ловит мышей ночью. Хорёк давит кур, когда темно. Сова охотится по ночам... Это не зря богом умышлено».

Идейных соображений у него никаких нет, ему просто не по душе, что «деревенская голытьба поднимает голову». Он может, продув в азартную игру белогвардейским подпольщиком, все вырученные за золото деньги сдать этих идейных борцов новой власти. В дороге из города, где это произошло, он думает о своём доносе начальнику милиции (заметим, что никаких принуждений и угроз в милиции не было):

«— самого владыку выдал большевикам... Архиерея — как же? Да не сам я, большевик этот вынудил... Угрозами вынудил... Вот в голове и помутилось... Прости, господи, тяжкие прегрешения наши. Не покарай верного раба твоего. По глупости сотворил, по темноте, с испугу».

А вернувшись в село и узнав, что ревкомовцы решили напасть на белогвардейский отряд, подошедший из Троицкосавска, он вместе с кулаком Лукой и лавочником Нефедом предупреждает вояк и просит захватить село, где эта троица уже приготовила для них оружие. Коротких с подельниками даже составил списки сельских активистов, которых следует расстрелять. Когда же налётчики нагрянули в село, Василий берётся выполнить (но так, чтобы никто из земляков не узнал!) грязную работу — подальше от села расстрелять ревкомовцев из пулемёта. Сцену этой расправы стоит привести:

«На поляне стоял на низких колёсиках тупорылый пулемёт «максим», за его щитком возился кто-то в сером, издали похожий на длинную тощую крысу. Крыса извивалась, то отползала от пулемёта, то подползала ближе, протягивая к нему кривые, тонкие лапы, суетилась...

Офицер крикнул обречённым:

— Вас прикончит сейчас ваш односельчанин, который сам предложил мне свои услуги. Он из доблестных войск генерала Семёнова. Мы с ним вместе служили в Троицкосавске.

Крыса за пулемётом заметалась, задёргалась.

И после расстрела офицер отвязал лошадь, сел в седло, сказал Василию, который без шапки навтыжку стоял за пулемётом:

— Молодец. Чистая работа.

Василий надел шапку, ответил с тяжёлым вздохом:

— Рад стараться, ваше благородие. Замолю ли когда смертный грех сей, простит ли господь милосердный?..»

После разгрома белогвардейцев ирода судили открытым судом в селе Густые Сосны. И дали ему пятнадцать лет тюрьмы. Автор психологически точно пере-

даёт, как односельчане восприняли этот приговор. «Казни себя сам, повешайся, вот тебе верёвка, такие, как ты, жить не имеют права», – советуют выродку земляки. Советы, конечно, лишены милосердия, но как не понять возмущенных людей? Василий Коротких, запертый после суда на ночь в бане, и в самом деле кончает жизнь самоубийством...

Жестокое время не милует и мужественных, работающих, справедливых. С трагическим накалом рисует М. Степанов судьбы тех, кто противостоит Коротких, лавочнику Нефеду, богатею Луке – судьбы председателя ревкома Егора Васина, его дочери Луши, вчерашнего красноармейца Семёна Калашникова и других. Книга писателя захватывает правдой жизненных ситуаций, разнообразием неповторимых запоминающихся характеров, красочным разговорным языком. Например, достаточно привести несколько любимых присказок торговца Нефеда, чтобы стала видна его натура вечного скопида и накопителя: «Здорово, кум-удалец, торговый молодец!»; «Приехал к торгу Роман, привёз денег полный карман»; «Торговать – не горевать»; «Доброе начало – полдела откачало».

Справедливо, что Михаил Николаевич был удостоен за роман «Ночь умирает с рассветом» Государственной премии Бурятской АССР. Ну, а вся его творческая деятельность была отмечена званием народного писателя республики.

УРАН ХҮН ОНДООГОО БЭЛИГТЭЙ

Бурядад уран зохёолдо Михаил Николаевич Степанов өөрын онсо нуури эзэлхэн. Үнгэрхэн зуун жэлэй табяад онуудаар сурбалжалагшаар хүдэлжэ байхадаа, республикын мэдээжэ уран зохёолшодой туужануудые болон расказуудые тэрэ оршуулжа туршадаг байгаа. Оршуулга гэшэ хүнгэн хэрэг бэшэ хэн. Юундэб гэхэдэ, ондоо хэлэнхээ оршуулха гэхэн хүн тэрэ арадай аман зохёол, ёһо заншал, хэлэ бэшэгэйн онсо маяг, түхэл хайн мэдэхэ ёһотой. Уран зохёол эхэ хэлэн дээрэ ямараар бэшээтэй байнаб, оршуулгань тиимэл байха ёһотой. Геройн сэдхэл доторой байдал, ханаань зобоонхон бодолнууд, ямар байдалда үйлэ хэрэг болонб, үе сагайн шэнжэ, тойроод байхан байгаалин үзэгдэлнүүд – зохёолшон энэниие бэшэн харуулхадаа, бүхы бэлиг шадабаряа хэрэглээ. Оршуулгань тиимэл бэлиг шадабари бээдээ шэнгээхэн байбал, уншагшын дура сэдхэл буляжа, сэдхэлын урмашуулха. Оршуулагша иимэ зохёолшонхоо дутахагүй гэбэл, дүтэрхы, зүб үгэнүүдые оложо, зохёолые оршуулгын хэлэн дээр тодо хайнаар гаргажа шадаха ёһотой.

Юундэ энэ хэрэг харюусалгатайб гэхэдэ, авторынышье, уншагшашье тэрэнэй оршуулгые эхэ хэлэнэйн бэшэгтэй жэшэжэ үзэхэ бшуу. Хэрбээ оршуулгын муу байгаа хаа, ямаршье поэдүүд, прозаигууд, драматургнууд оршуулхыень энэ хүндэ гар бэшэгээ харбайхагүйл. Өөрөө бэлигтэй хайхан зохёолнуудые бэшэдэг, дутуу дунданууд дээрээ эсэлтэ сусалтагүйгөөр хүдэлдэг хүн лэ оршуулга хэжэ шадаха. Михаил Николаевич иимэ хүн байжа, дээдэ гарай оршуулагшан болохоһоо гадна, өөрөө бэлиг ехэтэ ялас гэмэ зохёолнуудые бүтээхэн бшуу. Буряад зохёолнууд сооһоо хэнэй зохёолнуудые оршуулжа, ород уншагшадые хонирхуулааб гэбэл, нэн түрүүн Хоца Намсараевай «Үүрэй толон» гэхэн роман нэрлэхэ хэрэгтэй.

Михаил Николаевичын оршуулхан «Үүрэй толон» гэжэ роман Улаан-Үдэдэ 1956 ондо толилогдожо, тэрэ гэхээр хэдэ дахин Москвагай хэблэлдэ, мүн Буряадтаашье гараа бэлэй. Хоца Намсараев арадай аман зохёол аргагүй найн мэдэдэг байгаа гэжэ тэмдэглээ нэмди.

Тэрэ үедэ үсөөхэн лэ зохёолшод арадай аман үгын баялиг, оньһон хошоо үгэнүүдые болон таабаринуудые, үрэлнүүд болон дуунуудые зохёолнуудтаа хэрэглэдэг байгаа. Хоца Намсараев лэ эгээ түрүүлэн хэлэ бэшэгэй энэ алтан түлхюур олоһон хүн. Тээд иимэ роман яажа ород хэлэн дээрэ оршуулаа гэшэб? «Үүрэй толон» гэжэ роман соо харуулагдаһан геройнуудай уян нугархай хэлэ, орёо хүшэр үйлэ хэрэгүүдые, байдалайнь шэнжэ, байгаалинь хангал – бултыень лэ шадамар бэрхээр оршуулжа шадда.

Доржо Банзаров тухай бэшэһэн Чимит Цыдендамбаевай хоёр боти роман Михаил Степанов мүн лэ оршуулһан юм. «Банзарай хүбүүн Доржо» гэхэн хоёролжон романай нэгэдэхи ботидо герой эдир залуудаа харуулаатай. «Түрэл нютагһаань холо» гэхэн хоёрдохин роман соонь Доржо Банзаровай Казань хотын университеттэ нуража байһан үе, үглөөдэр гайхамшагта эрдэмтэн болоод байха оюутан хүбүүнэй сэдхэл доторой байдал харуулагдана. Ород уншагшадай дунда тус романай һонирхол татаһаарнь бодоходо, Михаил Степанов ехэ бэрхээр оршуулга хэһэн байгаа. «Талын сэсэгүүд» гэхэн расказуудайнгаа согсолбори оршуулхыень нүхэртөө гар бэшэгээ һарбайхадаа, Чимит Цыдендамбаев тэрэнэй бэлиг шадабарида үнэншэжэ байһанаа гэршэлээ һэн. Тус новеллэнүүд ород хэлэн дээрэ хэдэ дахин хэблэгдэһэн юм.

Буряадай уран зохёолой түүхэдэ Михаил Степанов өөрынгөө горитой хубита оруулһан юм. «Ночь умирает с рассветом», «На Тургэн-реке» гэхэн романуудые, «Сын могучего Эрэнсэя», «Карающий меч Гэсэра» гэхэн үльгэрнүүдые шүлэглэмэл түхэлдэ оруулһан хүн.

Тус зохёолнууд өөр өөрын хуби заяатай байгаа. Буряад аман зохёолой үндэһөөр шүлэглэмэл хэбэлтэй болгогдоһон зохёолнууд уншагшадта дүтэ байха ёһоороо тэдэндэ найшаагдаа. «На Тургэн-реке» гэхэн роман хоёр номһоо бүрилдэхэ ёһотой аад лэ, түрүүшын романиие зохёолшон дүүргэжэ үрдээгүй. Сюжедэйн утаһан үргэн дэлисэтэйшье һаа, хүсэндөө хүргэгдөөгүй, геройнуудайнь аяг ааша, абари зан найнаар бэшэгдэһэншье һаа, гүйсэд хүсэндөө харуулагдаагүй үлэшэһэн юм. Тиибэшье Михаил Степанов ой тайгата, үргэн зэрлиг тала дайдата холын энэ хизаарта мүнөөнэй индустри бии боложо эхилбэ гэжэ харуулхые буряад уран зохёолой түүхэдэ түрүүшынхээ шиидэһэн гэшэ. Малша буряад, таряаша ород зон хамтаржа түмэр замһаа табан зуун километрэй зайда вольфрам-молибденэй комбинат барижа эхилнэ. Ажалша Радна Эрдынеев, бригадир Матвей Серых, буряад арадай хүтэлбэрилэгшэ Михай Ербанов болон бусад геройнуудын зохёолшын һанаһаар зохёол соо замаа үргэлжэлүүлжэ үрдээгүйн харамтай.

«Ночь умирает с рассветом» романиинь Михаил Степановай эгээл эрхим зохёол гэжэ тоологдодог. Граждан дайнай үе сагта элдэб хараа бодолтой, баян, үгытэй зоной хоорондын харилсаан тухай Буряад ороной зохёолшод бэшэхые ходол оролдодог байгаа. Баһал тэрэ үнгэрһэн сагаа дурдахань гэжэ уншагшад хэлэжэ болохо байгаа. Тээд энэ роман юугээрээ бэшэ зохёолшодой бүтээлнүүдһээ илгардаг байгаа гэхэдэ, романай гол герой болохо Василий Коротких гэгшын абари зан болоно. Михаил Степанов түрүүшээр романаа «Житие Василия Корот-

ких» гээд, тэрэнэйнгээ нэрээр нэрлэхээ ханахан байгаа. Гансал энэ хүнэй ажабайдал харуулха гээ хаань, тус зохёол томо бүтээл болохогүй хэн.

Зүгөөр хүдөөгэй энэ дунда жиирэй баян хүниие яагаад дэлхэй багтааж байгаа юм гэхээр, энэ хүн худалша, мэхэтэй, хатуу хэрзэги зантай, ямаршые байдалхаа хуурай гараха аргатай, муу муухай зан абари, ябадалнуудын тоолохо болоо хаа, барагдахагүй. Тэрэн хоорондоо мэнэ мэнэл бурханхаа туһа хайра гуйжа, мүргэнэ. Энэ хүнэй уршагта ябадалнууд тухай уншаа хаа, Ф.Достоевскийн Фёдор Павлович Карамазов гү, али Смердяков, М.Салтыков-Щедринэй роман соохи Иудушка Головлёв гэгшэд ханагдаадхина.

Романай эхиндэ Коротких гээшэтэй танилсалга эхилхэдээ, Спиридон Никитин гэжэ нүхэртээ тэрэ Троицкосавск сагаантанда ошоожо, Соломаха гэжэ алууршан сотнигой туһалагша болоно. Иимэ хүн үнэхөөрөө тэндэ ажаһуудаг байгаа. Сагаантанда албаяа Василий эхилхэдээ:

«Соломахын зарлигаар хүниие буудаж алаад, үни соо хүнүүдэй нюдэ руу харахая түбэгшөөдэг, хүнндөө ханаа алдадаг, бурханда мүргэдэг болобо. Хоёрдох хүнөө буудаж алахадаа, ехээр ханаа үнөөндэ абтабагүй. Соломаха Василиин ээм мүрье альгадан:

– Дадахаш даа, минии гол туһамаршамни болохош. Ехэ хайн уялга юм. Шамдал таараха... – гэбэ.

– Нүгэлһөө айнагүй гүт? – гэхэдэнь, Соломахань ехэ шангаар энеэжэ:

– Шал тэнэг хүн гүш?! Ямар нүгэлөө дурдабаш? Коммунистуудые хюдахань эгээл нангин хэрэг, бүхы нүгэлөө сагааруулхаш. Би тэдэнииеш хэды гээшэ хюдаа гээшэбиб? Байтараа ши бэрхэ болохош даа. Иимэ зониие хараһаар мэдэдэгби, – гэбэ».

Соломахай найдал харюулжа, Коротких ехэ бэрхэ байһанаа харуулба:

«Иимэ хэрэг болоһон юм, ханахаш дуран үгы. Зургаан хүниие өөрынгөө гараар үлгэжэ алааб. Тэдэнэй дунда нэгэ партизан басаган бии хэн. Соломаха ехэтэ магтажа, нэгэ хутага гаргажа, Василида үгөөд: «Маа, аба, минии шагнал. Хүн болохош гэжэ миин хэлээгүйб. Бэрхэш, магтанаб», – гээ хэн.

Троицкосавскда улаан сэрэгэй дүтэлхэдэ, хоёр нүхэд зугадажа, ами бээ абарха баатай болобо. Нүнндөө тэдэ тайга руу зугадаба. Спиридонийн нүгөөдэ Зубов сотнигоо харанхыда сабшажа алаба. Юундэб гэхэдэ, улаантан тэрэнэй толгойн түлөө шагнал соносоһон байгаа. Спиридон алуулһан нүхэрэйнгөө хажууда өөрынгөө фамилитай кисет орхиходоо, улаантанай хайрада хүртэхэ найдалтай байгаа. Коротких гээшэнь бүри мэхэтэй байжа, мэдүүлэнгүйгөөр киседэйн орондо өөрынгөө фамилитай зажигалка табижархиба.

Тайга соо нүхэд бэе бээ үзэн ядадаг дайсад мэтээр ажаһууна. Нүхэрни алажархина аа гү гэжэ хүн бүхэниинь бэе бэеһээ айна, Коротких хэнһээшые мэхэтэй, алтатай горхоной хаана урдажа байһые Спиридонһоо мэдэжэ абаад, тэрэнэйнгээ ара талаһаа буудаж алахадаа, «Бурхан, хүлисыш» гэжэ хэлэхээс мартанагүй.

Үдхэн Нарһан гэжэ хууринда ерээд, баяшуултайн нүхэд боложо, бурхан санаартанай албатаниие хардажа, басагыень хүсөөр эдлээд: «Бурхан намда сахюуса абарагыны үгөө. Ямаршые юумэнһээ хуурайгаар гаранам» гэжэ өөрынгөө муу муухай хэрэгүүдые сагааруулха өөрын философитой: «Миисгэй хүнндөө хулганаа барина, шара шубуун хүнндөө агнуурида гарана. Бурхан дэмыдэ иигэжэ табья бэшэ», – гэнэ.

Тиимэ ехэ ухаатай бодол тэрээндэ үгы. Нууринай үгытэйшүүл толгойгоо үргэбэ гэжэ дурагүй. Алта худалдажа олоһон мүнгөө сагаантантай хаарта наадаад, бултыень алдажа, тэдэнээ улаантанда тушаажархихадаа, хэншые гэнэгүй. «Архиерей гэнэ гү даа, энэ санаартанай албата хүниие большевигүүдтэ тушаабаб... Бишые тушаагаагүй, большевигэй баадхалаар лэ тиимэ юумэн болоо. Тиигээд лэ толгой соом бүхы юумэн хуу худхаршоо. Хайрлажа, хүлисыш, бурхан багшамни. Бү хэһээгыш, тэнэг намаяа. Тэнэглэжэ, харанхы соо юуш мэдэнгүй, айһандаа иимэ юумэ хэбэб...»

Нууринаа ерэхэдээ, Троицкосавскһаа ерэжэ ябаһан ревкомойхид сагаантанда довтолхонь гэжэ дуулаад, Лука гэжэ баянтай, Нефед гэжэ алаабхишантай хамта энэ мэдээ сагаантанда дуулгажа, энэ нууринда довтолжо, эзэлхыень дурадхаба. Эдэ гурбан буу зэбсэг бэлдэжэрхинхэй, хүдөөгэй эдэбхитэдэй нэрэнүүдтэй список бэлдэжэ сагаантандаа үгэбэ. Сагаантанай нууринда довтолжо ороходо, Василий нууринһаа холо ошожо, ревкомойхидые пулемёдоор буудажа алана. Энэ муухай үзэгдэл зохёолшон иигэжэ зураглана:

«Талмай дээрэ мөөртэй «максим» гэжэ пулемёт байна. Саанань нэгэ борохон хубсаһатай, холоһоо ута хорхигор харха шэнги юумэн бүрэлзэжэ харагдана. Хархань сааша наашаа болоходоо, хэлтэгы нарихан хүлнүүдээ хүдэлгэхэ юм...

Буудуулхаа байһан эдэ зондо офицер хандажа:

– Намда туһа һайн дураараа үзүүлһэн танай нютагай хүн таниие мүнөө буудажа алаха. Тэрэ генерал Семёновой сэрэгэй хүн. Бидэ тэрээнтэй суг Троицкосавскда алба гараабди.

Пулемёдой саана байһан харха хүдэлжэ, хорхигоножо эхилшэбэ.

Буудажа алаһанай һүүлдэ офицер мори уяаһаа мулталжа, нуугаад, пулемёдой саана малгайгүй сэхэ байһан Василида хандажа:

– Бэрхэш даа. Һайн ажал, – гэбэ.

Василий малгайгаа үмдэжэ, ханаа алдаад:

– Танай түлөө оролдохоор бэлэнби. Хэһэн нүгэлыем Бурхан хүлисэхэ бээз, – гэнэ».

Сагаантаниие бута сохиһоной һүүлдэ, Үдхэн Нарһан гэжэ нууринай зон энэ шүдхэрые нээмэл сүүд дээрэ сүүдлэһэн юм. Арбан табан жэл түрмэдэ нууха шийдхэбэри абтаһан байна. Автор энэ шийдхэбэри абаһан тухайнь тон зүбөөр бэшэнэ. «Өөрыгөө өөрөө хэһээгээрэй, энэ ооһорто өөрыгөө үлгэжэ алаарай, шам шэнги зон ажаһууха эрхэгүй» – гэжэ нютагайнь зон тэрээндэ хэлэнэ. Хатуу үгэнүүд. Теэд эдэ зониие ойлгохоор. Сүүдэй һүүлдэ баани соо хаалтатай хоноһон Василий Коротких ами наһаа өөрөө хорооно...

Шуһата эзбүүн үе саг хэниешые хайрланагүй. Василий Коротких, Лука, Нефед гурбанай урдаһаа үсэрхэһэн ревкомой түрүүлэгшэ Егор Васинай, тэрэнэй басаган Лушын, улаан сэрэгшэ Семён Калашниковой хуби заяан тухай үнэн зүбөөр, юушые нюунгүй, тэдэнэй абари зан ехэ зүбөөр зураглан харуулаа.

«Ночь умирает с рассветом» гэжэ романаингаа түлөө Михаил Степанов Буярадай АССР-эй Гүрэнэй шанда, зохёохы ажалайнгаа түлөө «Буярадай арадай зохёолшон» гэнэн үндэр нэрэ зэргэдэ хүртэһэн юм.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Байкальская повесть. – Улан-Удэ, 1956; М.: Молодая гвардия, 1959.

Ночь умирает с рассветом. Роман. – Новосибирск, 1964; Улан-Удэ, 1965; Улан-Удэ, 1975; М.: Советская Россия, 1982; Антология бурятского романа в 5 томах. Том 1. Улан-Удэ, 2006; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 3. Улан-Удэ, 2012.

Карающий меч Гэсэра. Бурятский героический эпос в пересказе М.Степанова. – Улан-Удэ, 1964, 1969.

Вещее волшебное слово. Бурятские улигеры и сказки в пересказе М.Степанова. – Улан-Удэ, 1973.

На Тургэн-реке. Роман. – Улан-Удэ, 1979.

Сын могучего Эрэнсэя. Пересказ М.Степанова. – Улан-Удэ, 1982.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Тармаханова О., Жарков Д. Степанов Михаил Николаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.

Белоглазова Р. Рассвет над степью. – Правда Бурятии, 1964, 3 марта.

Цыдендамбаев Ч. Возраст молодости – пятьдесят. – Байкал, 1964, № 2.

Бушин В. Прошлое и грядущее. – Октябрь, 1965, № 2.

Янгутова А. Солнце сильнее тьмы. – Правда Бурятии, 1966, 27 февраля.

Забадаев С. Писатель и переводчик. – Правда Бурятии, 1972, 27 октября.

Забадаев С. Михаил Степанов // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973.

Забадаев С. Талант, рождённый дружбой. – Правда Бурятии, 1974, 14 марта.

Без указ. автора. О переводческой деятельности М.Н.Степанова. – Байкал, 1974, № 5.

Без указ. автора. Степанов Михаил Николаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Белоусов А. Михаилу Степанову – 70 лет. О творческом пути писателя. – Байкал, 1984, № 1.

Ярневский И. Сквозь призму времени. – Байкал, 1989, № 3.

Без указ. автора. Степанов М.Н. // Знаменательные и памятные даты Бурятии на 1989 год. – Улан-Удэ, 1988.

Карнышев К. Памяти писателя. – Правда Бурятии, 1989, 19 марта.

Без указ. автора. Степанов Михаил Николаевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Тулохонов С. Степанов Михаил Николаевич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.

Карасёва Т. Активно и радостно жить на белом свете. – Бурятия, 2004, 10 апреля.

Забадаев С. Степанов Михаил Николаевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Паликова А. Этот скромный и добрый труженик. – Бурятия, 2009, 14 марта.

**Михаил Ильич
ЖИГЖИТОВ**
(1915-1990)

ПРИВЫЧНОЙ ТРОПОЙ ПРАВДЫ

Наверное, читатель, познакомившись с первыми повестями Михаила Жигжитова – «Снежный обвал», «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самагира», «За ущельем Семи волков», «От Святого до Горемыки» и с короткой биографией автора, профессионального охотника, подумал: «Ну-ка, посмотрим, не оставила ли удача таёжника на новой стезе?».

Вопрос тем более правомерный, что Михаил Ильич к тому времени подходил к пятидесятилетнему возрасту. А в таком возрасте редко кто начинает занятия литературой. Но известный русский прозаик Владимир Тендряков в связи с этим писал о нашем земляке:

«У меня как-то при знакомстве с Жигжитовым сорвалось с языка: «Дерсу Узала, взявшийся за перо». Но, строго говоря, это не совсем так.

Да, Михаил Жигжитов – таёжный охотник. Да, в труднейшей охоте – соболевании – он считается едва ли не лучшим добытчиком. Да, он, возможно, мог бы посоперничать в «звериной науке» с самим легендарным Дерсу – прочитать по следу кто прошёл, когда прошёл, устал зверь или бодр, что делал, что намеревается делать, разгадать даже характер. Но Жигжитов вовсе не дремучий лесовик, дитя природы. До того, как стать охотником-профессионалом, он был школьным учителем, знаком с русской литературой, знает монгольский язык, читал старинные монгольские книги».

А главное, добавим мы, Михаил Ильич хорошо знал, что любое серьёзное дело второпях не освоишь, а литературное ремесло – тем более. В нём к мастерству нужно идти тропой правды. А правде, честности, трудолюбию жизнь учила Жигжитова строго и жёстко.

Первая повесть начинающего писателя «Снежный обвал», по справедливому мнению критики, оказалась слабой – композиционно рыхлой, художественно обеднённой. Но уже три следующих – «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самаягира», «За ущельем Семи волков», составивших своеобразную трилогию общностью жизненного материала и нарисованных характеров, представили самобытного автора, упорно осваивающего литературное мастерство. Можно говорить о них отдельно, но лучше всё же в совокупности со следующим за ними романом «Подлеморье», потому что эти произведения в своей цельности явили нам писателя – знатока таких жизненных пластов, таких редких человеческих характеров и судеб, что ни «свой», «близкий» читатель – земляк, ни тем более «дальний», из иных краёв страны не мог не отметить этого автора в ряду других, не полюбить его книг.

Снова обращусь к отклику читателя как раз «дальнего», москвича, прозаика Владимира Тендрякова:

«Михаил Жигжитов вырос в том краю, где живёт не один народ, а несколько – буряты, эвенки, русские. У каждого из них свои обычаи, свои традиции, свои национальные особенности, своя нажитая культура. Это сказывается во всём, даже в бытовых мелочах... Жизнь так переплела народности, что отделить их друг от друга почти невозможно. Даже в самом писателе Жигжитове сказывается это переплетение – он бурят по национальности, но пишет на русском языке, считает его родным.

Тут мы подходим к одной из особенностей творчества Жигжитова. Оно богато уже тем, что питается из нескольких национальных источников. Писатель прекрасно знает жизнь бурят, русских, эвенков. Нельзя это не отметить и нельзя не позавидовать.

Но необычно не только население, необычен и сам край – Байкал... На планете нет другого такого удивительного озера. Бездонное по глубине, размашистое, как море, с самой чистой водой на свете, с редчайшими породами рыб, оно лежит среди величественных гор и не менее величественных лесов. Байкал – постоянный и едва ли не главный персонаж произведений Жигжитова. Глобальная исключительность Байкала – «жемчужина земли!» – не может не накладывать исключительный колорит и на творчество писателя.

Прекрасный, величественный край, однако, суров, «славное море, священный Байкал» капризен, люди, живущие возле него, – рыбаки и охотники – постоянно сталкиваются с опасностями, их существование – сплошная борьба. И в этой борьбе, идущей уже много веков, сложились сильные, необузданные характеры. Люди Прибайкалья порой неумеренно дики, как дика и своенравна природа, их окружающая. Сильные характеры из жизни переходят на страницы книг Михаила Жигжитова.

Ещё одно немаловажное обстоятельство, которое нельзя обойти, разбирая творчество писателя, – история. Чуть ли не со времён Курбата Иванова, в 1643 году открывшего русским Байкал, сюда стремились те, кому тесно было на родной стороне – люди кипучей энергии, безумной отваги, всепобеждающей напористости и неутолённого предпринимательства. Вместе с пытливыми землепроходцами шли авантюристы, с честными служаками царю и отечеству – рыцари наживы, а подчас и просто лихие разбойники. А затем, гремя кандалами, двинулись сюда этап за этапом ссыльные. Именно здесь была та легендарная, холодная, самая глу-

бинная Сибирь, куда царская власть сбывала всех неугодных, нарекая их преступниками. Такой-то не дотягивает до виселицы, послать его в места, куда Макар телят не гонял! И человек шёл, шёл, шёл через российские просторы и, если оставался жив, попадал на Байкал. Декабристы, польские патриоты, революционеры разных партий и направлений, люди высочайшей самоотверженности, чистых помыслов, обширных знаний, глубокой культуры! А вместе с ними опять же плыла мутная пена общества – убийцы, воры, зарвавшиеся по-крупному мошенники, разных мастей Иваны, не помнящие родства...

Писатель, использующий столь обширный, яркий материал, непременно должен и обогатить читателя. А если к тому же этот писатель – плоть от плоти, кровь от крови представитель столь насыщенной жизни, абориген удивительного края, то, можно сказать, читатель получает это богатство из первых рук.

То, о чем говорит В. Тендряков, действительно сразу бросается в глаза при чтении названных повестей и добавим для примера рассказ «Преступление в тайге». «Трилогия об эвенке Самагире», читаем в «Истории бурятской литературы», – это уже основательная попытка писателя проникнуть во внутренний мир героя, что прежде всего отразилось на сюжете повестей. Жигжитов всё дальше отходит от приключенческой коллизии, развивает внутреннее психологическое действие – движение мыслей, чувств, переживаний Самагира. Два параллельных сюжетных ряда создают два плана изображения – внешний и внутренний. Жигжитов активно использует внутренний монолог, что позволяет ему развернуть, реализовать свои незаурядные знания живой разговорной речи подлеморцев – русских, бурят, эвенков». Авторы литературоведческого разбора образно и остроумно заметили: «Главный охотничий «трофей» Жигжитова – живое разговорное слово таёжника – послужил той основой, на которой формируется словесная ткань произведений писателя». И ещё: писатель... «всё органичнее соединяет живую устную речь с письменной, всё увереннее овладевает средствами художественного повествования, приемами речевой характеристики героев... обогащается сюжет, создаются более реалистичные и колоритные характеры, композиция делается всё более удобной и компактной для выражения художественного смысла произведения...»

Эти качества получили прекрасное воплощение в вершинном произведении Михаила Жигжитова – романе-трилогии «Подлеморье». Тут действительно и живые подробности быта, традиций байкальцев, и их полный особых тягот и испытаний труд, и их закаленные неласковой природой и разбойными нравами каторжного края характеры – всё передано художественно полнокровно, обжигающе наглядно и правдиво. Я родился и вырос на том же берегу «священного моря», в рыбацком селе, жители которого и колхоз-то называли «Байкалом», с детских лет знал, например, как на подлёдном лове рыбы мужики заталкивают невод из лунки в лунку шестью-норилами, чтобы свести потом его «крылья» в широкой проруби – иордани, метал сеть на вечерней зорьке, спал с друзьями-односельчанами в лодке и выбирал снасть из морской пучины холодным утром, попадал в шторма при шквальном ветре-сарме, но и у меня красочное повествование Михаила Ильича, точно выверенное поведение его героев, подлинность их переживаний – всё вызывало благодарность и восхищение.

Три книги эпического романа «Подлеморье» охватывают события почти шестидесяти лет. Первая посвящена потрясениям революции и гражданской войны в байкальской глухомани, вторая – социальным преобразованиям двадцатых-

тридцатых годов в этих краях, третья – испытаниям, выпавшим на долю таёжников в Отечественную войну, обустройству своей земли после неё, строительству БАМа. А главные герои эпопеи – охотник Бадма Магдауль, прозванный земляками Волчонок, – в первой части: сын его Гавриил, ставший учителем, – во второй: и внук Анчик, инженер-строитель знаменитой железнодорожной магистрали – в третьей. Они «скрепляют» повествование, но не заслоняют других героев романа, большинство из которых выписано художественно ярко, крупно и убедительно.

На страницах «Подлеморья» предстают «два мира» одной и той же байкальской тайги. Мир её вечных тружеников – «первейшего во всей округе» соболятника Бадмы Магдауля, его друга и напарника на лесных тропах Филантия Короля, башлыка – бригадира рыбацкой артели Макара Грабежова, ещё одного ловца Иннокентия Мельникова, ссыльного поселенца, прикипевшего к жителям побережья Ивана Лобанова. И мир её хищников, самозванных «хозяев жизни» – золотопромышленника Михаила Лозовского, купца Ефрема Мельникова, их подручных. У каждого из этих персонажей запоминающиеся судьба, характер, манера поведения. Магдауль (Волчонок), например, – сын охотника бурята Аюра Эменхенова. Его отец погиб в тайге, мальчика воспитал соболятник эвенк Воуль. Волчонок – человек могучего сложения, добродушный, непосредственный в выражении своих чувств, справедливый. Кеша Мельников – сын купца, с детства возненавидевший отцовский мир безудержной наживы, неутоляемой жадности и решивший жить рыбацким трудом. Свою родословную имеют и Лозовский со старшим Мельниковым. Первый – наследник давних предпринимателей, делавших «деньгу» не всегда чистыми руками и не всегда успешно, но всё же передавших потомку Михаилу Леонтьевичу немалое состояние. Второй, купец Ефрем Мельников, добывал своё богатство подлым «промыслом» – скупал соболей и золото у тех эвенков (как тут говорили: тунгусов), которые пристрастились к «огненной воде», то есть спаивал охотников.

Писатель очень оправданно, жизненно достоверно рисует, как трудовой люд приходит к осознанию несправедливости порядков, которые утвердились в Подлеморье. В самом деле, почему Лозовский владеет самыми рыбными участками Байкала, близкими к поселению и удобными для замёта сетей и неводов, а исконные рыбаки вынуждены на своих лодчонках промышлять омуля у чёрта на куличках? Почему Ефрем Мельников грабит полуголодных и закоченевших охотников, которые долгими днями выслеживают каждого соболя, утопая в снегах, а то и ночуя под мерзлой сосной, и берут бутылку «огненной», чтобы согреться и на время забыть о жестокой судьбе? А власть служит толстосумам, стоит на страже их «прав». Магдауль с закипевшим гневом смотрит на холуев Лозовского, которые поймали в запретных водах нищего рыбака Матвея Третьяка с двумя дочками-подростками, голодными и одетыми в тряпье. Байкальца избивают, его сети рубят на клочки. Бедняга от горя кончает жизнь самоубийством, и эта жестокая история лучше всяких гневных речей подталкивает Бадму и его земляков к действию. В дни Гражданской войны Магдауль идёт в партизанский отряд. Кажется естественным, что смелый и справедливый таёжник решает ценой собственной жизни спасти отступающий отряд от семёновцев. Кара, которую придумал для них охотник, тоже жестока, но она художественно подготовлена всем повествованием и заключает первую книгу романа:

«Солдаты лежат у костров. Офицер нахохлился, не спит, сидит на пне.

Волчонок – судья над ними.

– Вон на гора олень ходит, – ткнул он трубкой.

Офицер обрадовался:

– Мясо будет. Стреляй.

Волчонок медленно поднял ружьё, долго прицеливался в самый большой снежный карниз, огромной глыбой повисший над ущельем. Не только от пули – от эха может случиться обвал...

Волчонок вспотел, зажмурился. «Целюсь в своё сердце», – неожиданно подумал он, испугался, чуть ружьё не опустил. Взял себя в руки... И нажал спусковой крючок.

Грохнул выстрел. Миллионным эхом отдалось в гольцах. И вдруг горы заходили ходуном... И будто соседнюю гору приподняло ввысь и всей тяжестью долбануло об землю... Глыбы обледеневшего снега со страшной скоростью и силой полетели прямо на людей. На своём пути лавина сокрушала деревья, выворачивала тысячепудовые валуны...

Волчонку показалось, что вся тайга вздыбилась и замахнулась на пришельцев, жестоких и неожиданных...»

Главный герой второй книги – сын Волчонка Гавриил Магдаулев пытается вместе с друзьями отца и своими сверстниками построить жизнь в тайге на новых началах. Сам он охотничьим и рыбачьим промыслом занимается только в свободное время, его главная профессия – учительская. Мы можем без труда увидеть в судьбе Гавриила биографические мотивы автора: сам писатель близок герою по возрасту, по роду занятий. Дотошные исследователи отметили даже схожий случай, произошедший с тем и другим. Прозаик описал схватку Гавриила с медведем. Охотнику удалось одолеть зверя, но на лице таёжника остался рваный шрам от виска к глазу – след звериного когтя. Это эпизод из жизни самого Михаила Ильича.

События двадцатых-тридцатых годов в глухих углах Подлеморья по трагической ломке человеческих судеб, по яростной сшибке характеров, по накалу страстей едва ли уступали вооруженному противостоянию «красных» и «белых», смертельной борьбе за «новину» и против неё. И вторая книга романа как и первая сохраняет напряжение правдивого и ёмкого рассказа. Повествование остаётся таким до конца эпопеи: в третьей книге невиданные страдания и потери времен Отечественной войны, напряжение людских нравственных и физических сил после неё – то напряжение, что приняло на свои плечи уже поколение внука Бадмы, Анчика Магдаулева, тоже не могут не волновать читателя. Думается, новизна самого жизненного материала, необычность героев, которых подарило писателю Подлеморье, его естественный рассказ, полный какого-то сердечного любования простыми людьми, привели к творческому успеху. За свой роман Михаил Ильич был удостоен Государственной премии Бурятской АССР. А за вклад в литературу ему было присвоено звание Народного писателя республики.

История отчих мест до конца жизни привлекала М. Жигжитова. Приграничный с Монголией район, где он родился, хранит столько неизвестных широкому читателю событий прошлого, что к ним будут не раз обращаться художники слова. Михаил Ильич и в это внёс свою лепту. Его последний роман – «Год Белой курицы» посвящен гражданской войне в пограничье, борьбе монгольских аратов во главе с Сухэ-Батором против своих марионеточных правителей. Опыт предыдущего повествования замечен в новом произведении. Однако оно уступает «Подлеморью» и в занимательности, и в точности языка, и в глубине осмысления давних и сложных событий.

ҮНЭН ЗҮБЭЙ ЗҮРГӨӨР

Михаил Жигжитовай «Снежный обвал», «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самагира», «За ущельем Семи волков», «От Святого до Горемыки» гэхэн түрүүшын туужануудыг уншажа, мэргэжэлтэ ангуушан байһан энэ хүнэй богонихон намтартай танилсаад байхадаа: «Энэ ангуушамнай хэды шэнээн бэлигтэй зохёолнуудыг бэшэдэг байгаа юм ааб?» – гэхэн асуудалда заагагүй абтахаш. Энэньшье ойлгосотой. Михаил Ильич тэрэ үедэ табяад наһандаа хүрэжэ ябаа. Иимэ наһатайдаа уран зохёол бэшэжэ эхилһэн хүнүүд тон үсөөн байдаг. Мэдээжэ ород прозаик Владимир Тендряков зохёолшон тухай иигэжэ бэшэһэн юм:

«Жигжитовтай танилсаад байхадаа, «Гуурһа гартаа абаһан Дерсу Узала» гэжэ тэрэниие нэрлээ хүм. Үнэн дээрээ тиймэ бэшэл даа. Михаил Жигжитов – тайга хүбшөөр агнадаг ангууша хүн. Булга агнахадаа тон бэрхэ, ан амитадай зан абари шэнжэлхэдэ, домог суута Дерсу Узала гээшэдэ хүрэхэл байһан аалам. Ямар ан гүрөөл энээгүүр ябажа гарааб, хэзээ үшөө гарахаб, эсээд ябана гү, тэнхээ тамиртай ябана гү, юу хэхэнь бэ – гэжэ мүүрөөрнь мүшхэн тайлбарилжа шадаха гэшэ одоол мэдэсэ ехэтэй ангуушанай хэрэг байгаа хаш. Жигжитов зэрлиг тайга соо түрэжэ үндыһэн юрын лэ хүн бэшэ, байгаалиин үри хүбүүн, мэргэжэлтэ ангуушан болохоһоо урид һургуулида багшалһан, ород зохёол хайн мэдэхэ, хуушан монгол хэлэн дээрэ номуудыг олоор уншаһан хүн байгаа».

Ямаршье хэрэг богони саг соо бүтээхэгүйш, харин зохёол бэшэхэ гээшэ хүнгэн хэрэг бэшэ гэжэ Михаил Ильич одоол хайнаар мэдэхэ байгаа юм гэжэ Тендряковай хэлэхэндэнь нэмэжэ хэлэхэ гэбэл – бэлиг шадабарья дээшэлүүлхэ гээ хаа, үнэн зүб хэрэгэй зүргөөр ябаха, үнэн сэхээр ажаһууха, ажалһаа зүрхэ алдахагүй юм гэжэ ажабайдал Жигжитовые яһала һургаһан аабза.

«Снежный обвал» гэжэ түрүүшын туужа тухай шүүмжэлэгшэдэй бэшэхээр, нээрээшье, байгуулгынгаа талаар энэ зохёол һула, уран хайханайнгаашье талаар түргэн түүхэй байшоо. Һүүлдэнь бэшэгдэһэн – «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самагира», «За ущельем Семи волков» гэхэн гурбалжан түхэлтэй туужанууд уран зохёол бэшэхыг үсэд нэтрүүгээр шудалжа байһан хүнэй зан абари харуулна.

Нэрлэгдэһэн туужануудай туужа бүхэн тухайнь, эдэнэй һүүлээр бэшэгдэһэн «Подлеморье» роман тухайнь барандань абажа хэлэхэ болоо юм хаа, ажабайдал, хүнэй абари зан, байра байдал тон хайн мэдэхэ хүн, иимэл хадань уншагша энэ хүнэй зохёолдо дурлажа, зүрхэндөө дүтэ абаа гэжэ хэлэхээр.

Москвада түрэхэн прозаик Владимир Тендряковай һанамжада дахинаа хандая:

«Бурядуудай, эвенкнүүдэй, ородуудай ажаһуудаг хизаарта Михаил Жигжитов түрэхэн. Арад бүхэндэ өөрын ёһо заншалнууд, соёл түүхэ бии ха юм. Гэр байрын тон юрын хогшолнуудыг абажа харахада, энэ эли. Бурядууд, эвенкнүүд, ородууд байдал һуудалаараа хоорондоо холбоотой, хэниинь хэн бэ гэжэ илгахань хүндэ. Жигжитов тухай хэлээ хаа – буряад хүн аад лэ, ородоор бэшэнэ, ород хэлэ түрэл хэлэмни гэжэ тоолоно.

Иигэжэ бидэ Жигжитовай зохёолнуудай нэгэ онсо шанар, түхэлдэ хүрэжэ ерэбэ хабди. Хэдэн ондоо яһатанай хүртэдэг булагһаа хүртэжэ үндыһэн хадаа, бурядуудай, эвенкнүүдэй, ородуудай байра байдал тон хайн мэдэхэ. Энээндэнь одоо обтохоор лэ. Эндэхи арад зон, дайда хизаарынь, Байгал нуурынь – ондоо газарнуудтай жэшэхээр бэшэ, тон онсо. Газар дэлхэй дээрэ Байгалһаа ондоо иимэ

тунгалаг ухатай, хоморой янза бүрийн загаһадтай, гүнзэги, хүр жабхаланта хада хабсагайнуудаар, нэлэнхы хүжэ хүбшэ тайгаар тойрогдонхой үзэсхэлэнтэ нуур үгы ха юм. Байгал Жигжитовай зохёолнуудай эгээл гол персонажнынь гэхэдэ алдуу болохогүй, тон шухала нуури эзэлнэ. Энэ дэлхэйн үзэсхэлэн гоё эрдэни зэндэмэни болохо Байгал нуур зохёолшын ажалда аргагүй ехэ нүлөө үзүүлхэн.

Энэ хүр жабхаланта үзэсхэлэн гоё байгаалитай дайда хизаар зэрлиг хэрзэ-гы амисхалтай, эндэ ажаһуудаг загаһашад болон ангуушад мүн лэ зэрлиг шанга абари зантай зон байха. Тэдэнэр үдэр бүри элдэбын аюултай, бэрхэшээлнүүдтэй ушарна. Ажамидарал ажабайдалынь саг үргэлжын тэмсэл, хёмороон. Хэдэн зуу-гаад жэлнүүдтэ иигэжэ тэмсэл дүүрэн байдалда амидаржа байһан зоной абари зан хүсэ нэмэн хүдэржэжэ, Михаил Жигжитовай номһоо номдо, зохёолһоо зохёолдо дамжана.

Жигжитовай зохёолнуудай үшөө нэгэ онсо илгаань гэбэл – түүхэ болоно. 1643 ондо ородуудта Байгал нээһэн Курбат Ивановой үе саһаа эхилээд лэ, нэгэ газар-таа нуужа байдаггүй, ажалша бэрхэ, шандааһалиг шамбай шэрхи зон энээ руу тэгүүлэн ерээ һэн. Шэнэ газарта нуурижаһан таряаша зонһоо гадна, олзо бэдэрһэн зон, дээрмэшэд, тонуулшад, хулгайшад, мэхэшэд энээ руу баһал шуумайлдаа. Нүүлдэнь түмэр гэнжэнүүдээ ханхинуулһаар түрмын, сүлэгдэһэн зон ерээ. Һанаандань таарахагүй зондо гэм зэмэ тохожо, дээрмэшэд, алууршад гээд, хаанта засаг холын холо оршодог хүйтэн Сибирийн гүн уурхай руу эдэниие сүллөө.

Россиин үргэн тала дайдаар махажа, иишэ ерэхэн зон соо декабристууд, Польшын патриодууд, гүн ухаанай эрдэм мэдэсэтэй, соёл түүхэтэй зон, уг удамаа мэдэхэгүй Ивануудшыё олон байгаа».

Владимир Тендряковай хэлэхээр, эдэ бүгэдэ Жигжитовай зохёолнууд соо тон элээр харагдана. Жэшээ болгон, «Преступление в тайге» гэжэ рассказыень дурдая. Эвенк Самагир тухай гурбалжан туужа бэшэхэдэ, геройн досоохи байдал зураглан харуулхые оролдоһониинь, туужануудай сюжеттэ нүлөөлөө ха юм. Ород, буряад, эвенк арадуудай уян нугархай, ябаган зугаа хэлэ дотоодын монологто тон шадамар бэрхээр Жигжитов зохёолдоо хэрэглээ. «Жигжитовай зохёолнууд тайгын зоной ябаган зугаа дээрэ үндэлхэнэ» – гэжэ литературоведүүд тэмдэглээ. – «Ябаган зугаае бэшэгэй хөөрөөтэй холбожо, геройнуудай сэдхэл доторой байдал зураглахадань, геройнуудайнь зан абари бүри үнэншэмэ һонин, зохёолойнь байгуулалта тодо боложо үгэнэ...»

Михаил Жигжитовай гол зохёолынь болохо «Подлеморье» гэжэ гурбалжан роман соо эдэ бүхы юумэд нуури байраяа олонхой. Зоной нуудал байдал тодоор зураглаһан ёһо заншалнууд, геройнуудайнь абари зан – угаа гоёор, үнэн зүбөөр зураглан харуулагданхай. Би Байгалай нүгөө эрьедэ оршодог нууринда түрэжэ үдэхэн хүм, колхознайшыё Байгалай нэрэ зүүнхэй һэн. Тиигэжэ загаһашад эрэшүүлэй мүльһэн дорохи загаһа барихаяа ошоходоо хэрэглэдэг зэр зэмсэгээ үдэшэлэндөө бэлдэжэ хонодог тухай, сарма шуурганай зэрлиг ааша тухай Михаил Жигжитовай зохёолнууд һануулна.

«Подлеморье» гэжэ гурбалжан роман соо жаран жэлэй хугасаа соо болоһон үйлэ хэрэгүүд харуулагдана. Нэгэдэхи номынь Байгал шадарай хизаарта болоһон хубисхалай болон граждэн дайнай; хоёрдохи номдонь – энэ хизаарта 20-30-аад онуудаар болоһон социальна хубилалтанууд; гурбадахидань – Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай үеын, дайнай нүүлээрхи жэлнүүдтэ үзэгдэхэн хохидол зоболонгууд болон БАМ-ай барилга тухай зураглагдана.

Энэ гурбалжан романаг геройнууд – нютагаархинайнь Шонын гүлгэн гэжэ нэрлэдэг ангуушан Бадма Магдауль – нэгэдэхи хубидань; Гавриил хүбүүнийнь – хоёрдохи хубидань – тэрэнь багша болонхой; гурбадахи хубидань – суута түмэр харгын барилгашан, инженер Анчик гэжэ аша хүбүүнийнь.

Роман дотор Байгалай тайгын зоной – булга агнадаг Бадма Магдаулиин, тэрэнэй нүхэр Филантий Королиин, загаһашадай бригадын бригадир Макара Грабежовай, загаһашан Иннокентий Мельниковэй, иишэ сүлэлгэндэ үнидэ ерэжэ хуурижаһан Иван Лобановай ажал хэрэгүүд, хуби заяан тухай хэлэгдэнэ. Эндэхи зоной «ээзд» – алташан Михаил Лозовский, хүпээс Ефрем Мельников болон тэрэнэй хүнүүдэй хэрэгүүд, байра байдал тухай баһал хэлэгдэнэ. Дурсагдаһан хүнүүдэй хуби заяан, зан абари онсо өөрын шэнжэтэй. Жэшэнь, Магдауль болбол Аюр Эменхенов гэжэ буряад ангуушанай хүбүүн юм. Эсэгэнь тайгада хосоржо, булга агнадаг эвенк Воуль тэрэниие үргэжэ хүл дээрэнь табья. Магдауль гээшэ багжагар томо бэетэй, сагаан, үнэн сэхэ ханаатай хүн юм. Ефрем хүпээсэй хүбүүн Кеша Мельников багаһаань хомхой хобдог хүнүүдтэ дурагүй, загаһа барижа хоолойгоо тэжээхэ гэжэ шиидэһэн хүн юм. Лозовский Ефрем Мельников хоёр мүн лэ өөһэдын уг гарбалтай зон. Лозовскийн уг удамай зон гээшэ мүнгэ олоходоо бэрхэ, мүнгэнэй түлөө һалганажа байдаг, хомхой хобдог хүнүүд байгаа. Харин хүпээс Ефрем Мельников булга болон алта эвенкнүүдхээ архьяр андалдажа абадаг, ангуушадые архида оруулжархидаг хүн бэлэй.

Эндэ тогтонижоһон гурим журамые зохёолшон зураглахадаа, ажалша зондо энэнь тааранагүй гэжэ харуулна. Үнэн дээрээ Лозовский гэдэгын эрьсын захаар загаһа баянтай газарнуудые абажа үрдихэн. Үдхэн саһатай хада тайгаар махажа, хүйтэндэ хүрэшэһэн нарһан доро хоножо байгаад, ута хүнинүүдтэ булга бүхэниие мүрөөрнь мүшхэжэ олоод, даараһан бээ дулаасуулангаа, хэрзэгы хуби заяагаа түр зуура мартаһые хүсэхэндэл, хатуу харые баридаг үлэн хоһон ангуушадай иигэжэ олоһон олзые Ефрем Мельников яахадаа тонодог, буляажа абадаг байгаа? Засаг баригшад хүбхэгэр мүнгэтэй зондо алба хэжэ, тэдэнэйл «эрхые» хамгаалдаг бэшэ гү. Муу хубсаһатай, үлэн хоһон хоёр жаа басагадтай үгытэй ядуу загаһашан Матвей Третьягай хорюултай газарта хулгайгаар загаһа барижа байхада бариһан Лозовскийн туһамаршадые Магдауль үзэн ядана. Загаһашаниие сохижо ерээд, загаһа баридаг зэмсэгүүдыень хаха шууража шэдэнэ. Тэрэ баарһаниинь сүхэрэн голхорһондоо, бээдээ гар хүрэжэ, энэ айдаһатай ушар түүхэ Бадмые болон тэрэнэй нютагаархидые хэмжээ абаһые баадхана. Граждан дайнай үедэ Магдауль партизан отрядта ошоно. Эрэлхэг зоригтой, үнэн сэхэ энэ хүнэй ами наһаяа гамнангүй сухарижа байһан отрядаа семёновцуудһаа хамгаалха гэжэ шиидэһыень зүб гэхээр. Тэрэнэй бэлдэһэн хэхэлтэ баһал хэрзэгы, зүгөөр энэ ушарта ондоо юумэ олоһонь хүшэр шэнги. «Сэрэгшэд түүдэг тойроод хэбтэнэ. Офицерынь унтанагүй, түгсүүл дээрэ һууна. Магдауль – тэдэниие сүүдлэхэ.

– Тэрэ хадаар хандагай ябана, – гэжэ тэрэ гааһаараа тиишэнь загнана.

Офицерынь хушишэнэ.

– Мяхатай болохобди. Бууда.

Магдауль яаралгүйгөөр буугаа үргэжэ, ташалангай дээрэ томо гэгшын саһан карниз руу шэглүүлээд, даражархихадань, гансал һомонһоо бэшэ, суурьянһаань саһан хүнгэрэг нураба хэбэртэй. Магдауль хүлэрөөд, нүдөө анижархиба. «Зүрхээ онохо гээ хаб», – гэжэ ханаад, айһандаа, шүүд лэ буугаа алдажархин алдаһанаа, бээ барижа, даражархиханиинь, буугайнь дуун хүнхинэн, хада хабсагайнууд

сууряатан доголшоходоо, хадануудын хүдэлжэ эхилбэ. Хүршэ хадьен дээшэн үргөөд, хүсэ ехэтэйгээр газарта табижархиһандал, хүрэшэһэн саһан айдахатай түргөөр нуража, зон тээшэ хийдэжэ эхилхэдэ, замдань ушарһан мододые хуура татажа, мянгаад пүүдэй шулуунуудые нааданхай мэтээр үндэһөөрнь урбуулжа, угзаран хаяна...

Бүхы ой тайга дээшээ хэлбэлзээд, ерэһэн зониие үгы хэхээр забдажа байһандал Магдаульда үзэгдөө һэн...»

Хоёрдохи номойн гол герой болохо Магдаулиин хүбүүн Гавриил Магдаулев эсэгийнгээ нүхэдтэй болон өөрынгөө үетэнтэй тайгада шэнэ ажабайдал эхилхые шийдэнэ. Сүлөө сагтаа тэрэ агнуурида гарана, загашална. Гол мэргэжэлын – багша юм. Гавриилай хуби заяан авторайхидал адли. Автор өөрөө багша байгаа, наһаараашье дүхэлдүү. Жигжитовтай болоһон нэгэ ушарые шэнжэлэгшэд эндэ олоо һэн. Гавриилай баабгайтай ушарһые зураглана. Ангуушанай баабгайтай барилдаха үедэ нюуртань баабгайн һабарһаа шарха үлэһэн юм. Энэмнай Михаил Ильичтэй болоһон үнэн ушар.

Хорёод-гушаад онуудта болоһон үйлэ хэрэгүүдые, далай шадарай бүхы углуу булангуудаар ажаһуудаг зоной ажабайдал зураглан харуулхадаа, «улаантан» «сагаантанай» шэнэ сагай түлөө тэмсэһэнһээ дутуугүйгөөр харуулаа. Романай нэгэ дэхи ба хоёрдохи номуудын хожуулаа һонирхолтойгоор бэшэгдэһэн.

Гурбадахи ном соонь Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай һүүлээрхи хүшэр хүндэ жэлнүүдэй ашаа Бадмын, Магдаулевой ашанар ээм дээрээ абана. Эдэ номууд соо зураглагдаһан үйлэ хэрэгүүд һанаанһаа абтажа бэшэгдээгүй, үнэхөөрөө болоһон, эндэхи зоной ажабайдалтай холбоотой хадаа ехэ амжалта туйлаа гээшэ. Романайнгаа түлөө Михаил Ильич Бурядай АССР-эй Гүрэнэй шанда хүртэһэн юм. Бурядай уран зохёолдо оруулһан ехэ хубитынгаа түлөө «Бурядай арадай уран зохёолшон» гэһэн үндэр нэрэ зэргэдэ хүртөө бэлэй.

Түрэһэн дайда хизартань болоһон түүхэ Михаил Жигжитовой анхарал ходоо татадаг байһан юм. Монгол гүрэнэй хилын хажууда оршодог энэ аймаг түүхээр баян хадаа, үшөөл һонин зохёолнууды саашадаа түрүүлхэ байһаниинь дамжаггүй. Михаил Ильич энэ хэрэгтэ өөрынгөө хубита оруулаа. «Год Белой курицы» гэһэн һүүлшын роман граждан дайнай үе саг, Сүхэ Баатарай ударидалга доро монгол таряашадай засаг баригшадай урдаһаа бодоһон тэмсэл харуулна. Һонирхолтой энэ зохёол яашье һаа «Подлеморье» гэһэн гурбалжан романда хүрэхэгүй гэжэ шэнжэлэгшэд тэмдэглэдэг.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Преступление в тайге. Рассказы и повести. – Улан-Удэ, 1964.

Снежный обвал. Повести. – М.: Советская Россия, 1967.

За ущельем Семи Волков. Повести. – Улан-Удэ, 1971.

Самагир. Повести. – М.: Советская Россия, 1971.

Избранное. Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1973.

Тропа Самагира. Повести. – Улан-Удэ, 1978.

Подлеморье. Роман-трилогия. – Улан-Удэ, 1981, 1985; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2012.

Повести. – М.: Современник, 1986; М.: Советская Россия, 1986.
Год Белой курицы. Роман. – Улан-Удэ, 1988.
Моя Малютка-Марикан. Повесть // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Бальбуров А. Михаил Жигжитов // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973.
Без указ. автора. Жигжитов Михаил Ильич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Аюрзанайн А. Михаил Жигжитов // Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1981.
Без указ автора. Жигжитов Михаил Ильич // Наши лауреаты. – Улан-Удэ, 1987.
Хамаганов М. Художественный мир Михаила Жигжитова. – Улан-Удэ, 1993.
Без указ. автора. Жигжитов Михаил Ильич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Тулохонов С. Жигжитов Михаил Ильич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.
Очарованный Байкалом // Молодёжи о писателях Бурятии. – Улан-Удэ, 2000.
Жигжитов Михаил Ильич // История бурятской литературы в 3 томах. – Улан-Удэ, 2007.
Мункуева Э. Жигжитов Михаил Ильич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
Хамаганов М., Чимитдоржиев Ш. Михаил Жигжитов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.
Батомункуева Р. Жигжитов Михаил Ильич // Свет памяти. В 3 томах. – Улан-Удэ, 2012.

**Жамсо Тумунович
ТУМУНОВ
(1916-1955)**

ПОЛЕТ СТЕПНОГО ОРЛА

В бурятской литературе есть несколько писателей, закончивших свой жизненный и творческий путь в очень молодом возрасте, но оставивших глубокий след в родной словесности. Среди них имя Жамсо Тумуновича Тумунова вспоминается в первую очередь: прожив всего тридцать восемь лет, он оставил богатейшее творческое наследие в поэзии, прозе, драматургии. Как создатель первого бурятского романа и первого же романа о Великой Отечественной войне, автор стихов, вошедших в многонациональную лирику страны, писатель, чьи дневниковые строки открывают богатейший духовный мир, а фронтовые письма обжигают беспощадной правдой, Жамсо Тумунов по праву считается одним из основоположников родной литературы. Не менее важен и его многосторонний вклад как организатора, государственного и общественного деятеля в развитие бурятского профессионального искусства и в целом культуры: он возглавлял Союз писателей республики, а затем Управление по делам искусств (ставшее позже Министерством культуры Бурятии).

Его творческое горение, неутомимость в любом интересном деле были поразительны. В восемнадцать лет он уже учительствовал в начальной школе, в девятнадцать – руководил отделом в Еравнинском райкоме комсомола. Знавшие его в юные годы оставили воспоминания о том, что, приехав в Москву на Всесоюзный пионерский слет, он добился приема у Н.Крупской, заместителя министра просвещения. Юноша рассказал, что у них, в забайкальском селе Сосновоозерск нет Дома пионеров, и попросил помочь в его строительстве. Та откликнулась сразу: министерство выделило бурятскому аймаку шестьдесят тысяч рублей. Жамсо и его друзья объявили стройку народной. Молодежь работала здесь бесплатно и сэ-

кономила из присланных денег немалую сумму. Ее хватило на покупку мебели и оборудования для Дома пионеров.

После учебы в Улан-Удэ, Жамсо Тумунов работал редактором книжного издательства. И, конечно, писал. Еще до войны он создал много стихов, пьесы «На границе», «Шолой», написанные для студенческой художественной самодеятельности, и пьесу «Сэсэгма», поставленную на сцене Бурятского театра драмы, первые главы будущего знаменитого романа «Степь проснулась». Его начальные страницы, как и пьесы, были опубликованы тогда же.

С 1941 года Жамсо Тумунович в армии, вначале на востоке страны, а позже – на западном фронте. Он прошел свою часть войны в первом эшелоне бойцов. Дойдя в свинцовом аду до вражеского поверженного Берлина, поэт получил право говорить о кровавых дорогах войны по-солдатски твердо и жестко. Так, как в стихотворении «Байкалу»:

*Твой образ могучий вставал предо мной
В сраженьях над Одерской темной волной:
Снаряды и бомбы взрывались, слепя,
За дымом сражений я видел тебя.
Я видел тебя, мой далекий Байкал,
Я видел тебя и на запад шагал...*

*Я видел высокий твой берег, Байкал,
И брал переправы, бетон сокрушал.
С врагами я шел на решительный бой,
Я мстил им, Байкал, за разлуку с тобой.
И я отомстил нашим кровным врагам,
Чтоб снова вернуться к твоим берегам!*

Но истинный поэт всегда сочетает в своих лирических строках твердость характера, незыблемость убеждений с исцеляющими людей нежностью и любовью. Обезоруживающую незащищенность сердца, трогательную ласку поэта видишь в его стихах, обращенных к любимой:

*Весною дуновенье ветерка
Похоже на прикосновенье милой.
По волосам прошелся он слегка
И о тебе напомнил с новой силой.*

*Бывало, я, разгорячив коня,
Стрелой перелетал через ограду.
Я думал, что глядишь ты на меня,
И радовался ласковому взгляду.*

*Чтоб только раз увидеться с тобой,
Я был готов, с орлом крылатым споря,
Парить высоко в бездне голубой
И грудью рассекать безбрежность моря.*

Это сочетание стойкости и душевной мягкости, мужества и доброты, особенно, хорошо видны во фронтовых дневниках и письмах Жамсо Тумунова. О них стоит сказать потому, что в творчестве крупного писателя все: любимые читателя-

ми лирические строки и прославленный роман, письма и суждения о жизни и литературе в личном дневнике – все открывает духовную сущность автора и составляет часть его творческого наследия. Вы хотите лучше узнать судьбу Жамсо Тумунова? Тогда прочтите хотя бы несколько строк из его дневников и писем военных лет.

Из дневника – о том, как он уходил на фронт:

«За дверью шорох. Это жена. Украдкой смотрела, как я ласкаю сына. Открыла дверь, вошла. Она была с самого утра грустная, молчаливая. Вдруг повеселела.

– Ты вернешься, обязательно вернешься, – сказала она.

Я молча кивнул ей. Снова обнимаю сына. Сын между нами – живое связующее звено. Если даже и не суждено будет вернуться, все равно буду жить в счастье сына. Но об этом не говорю.

– Ты о чем-то думаешь и не говоришь, – словно угадывая мои мысли, сказала жена.

– Если выскажу все, что у меня на уме, о чем буду говорить, когда вернусь?

Оба засмеялись».

Письмо жене из госпиталя:

«Наши потери огромны. Из трехсот бойцов осталось тридцать. Я шел впереди и чудом остался жив. Когда поправлюсь – снова в бой. Я поклялся отомстить за своих товарищей...»

«Сегодня получил от тебя письмо. Спасибо. Оно сильно обрадовало, ибо ты с Батором (сыном. – А.Р.) день и ночь беспокоишься о моей судьбе. Я знаю, тебе трудно, но ты крепись. Сейчас совершенно неизвестно, сколько впереди фронтовых дорог и сражений, но в одном я твердо уверен: мы победим!».

Казалось бы, в дни войны – не до художественного творчества. А Ж.Тумунов продолжал писать: среди его рукописей этих лет – документальная повесть «В сторону заката солнца», поэма «Четыре года», стихи, рассказы, фронтовые заметки. В самое тяжелое для страны время он опубликовал книгу новелл «Степной орел» и поэтический сборник «По зову матери». Тогда же, в военную пору, Тумунов начал поэму «Сухэ-Батор», законченную и опубликованную уже в мирное время. И в прозе, и в поэзии фронтовых лет он по-прежнему – вдумчивый, ищущий, своеобразный художник.

Демобилизовавшись из армии в 1946 году, Жамсо Тумунович сразу окунулся в водоворот творческих и общественных дел. Он руководит Союзом писателей республики, стремится завершить произведения начатые до войны, и прежде всего – роман «Степь проснулась».

Уже через три года книга публикуется на бурятском языке, а вскоре и на русском.

Это первое в бурят-монгольской литературе эпическое полотно привлекает читателя широким и ярким показом народной жизни в переломные годы. Кажется, многое сошлось в судьбе автора, чтобы талантливое произведение появилось. Во-первых, он родился в семье скотовода, в глубине агинских степей, приютивших улус Табтанай. Само название родного местечка, нежная любовь к красоте его полынного раздолья, ближних лесистых гор – все перешло в повествование писателя.

Во-вторых, ему не нужно было выдумывать или выспрашивать у земляков подробности их будничной жизни, тонкости национальных традиций и обычаев.

Это оставалось в живой памяти автора книги с младенчества. Сын пастуха, он любил ежедневные заботы степняков, их сказки и песни, которые скрашивали неласковое земное бытие.

Наконец, в-третьих, время, которое Жамсо Тумунов взялся описать, еще стояло у порогов юрт, оно еще не ушло в глубь истории. Земляки прозаика, его родители, да и сам он, младенческим взглядом видели это время в лицо – годы мировой бойни, революции и гражданской войны. Годы, которые открыли совсем новую жизнь для трудового люда.

Нужен был большой эпический талант, чтобы первому в родной литературе рассказать об этом переломе.

Задача у автора романа была сложной: нарисовать жизнь степняков накануне и в годы революции не только в ее бытовых подробностях, но и в глубинной сути. Какие правила человеческих отношений выработал за века народ? Как относится он к несправедливостям, выпавшим на его долю? Какие перемены ожидают, какие надежды несут в своих сердцах простые люди? Эти и другие главные вопросы не задают себе герои романа – батрак Дэлгэр и его возлюбленная, красавица Сэсэгма, их одноулуслики, но в будничных разговорах, в ежедневных поступках степняков мы можем найти ответы. Достаточно привести две-три сцены из повествования, чтобы вы убедились, какую благородную, мудрую душу имеет арат и о какой судьбе он мечтает. Сэсэгма, работница богача, заглянула к соседке, старой Должод, тоже работающей на других с утра до ночи. Талантливой кистью, точными штрихами рисует автор обездоленных людей, которые, однако, ясно видят, в чем смысл и красота жизни:

«Когда Сэсэгма вошла в ограду, Должод, налегая изо всех своих старческих сил на шест, медленно ходила вокруг кожемялки, до отказа набитой кожей. Сколько верст прошла она, вращая кожемялку, по избитой до блеска дорожке? Если бы сложить эти версты, то путь, пройденный Должод вокруг кожемялки, протянулся бы от моря до моря.

– Почему не отдохнете? Идите к нам, попейте арсы¹, молока, – участливо обратилась Сэсэгма к старушке.

– Доченька моя, где уж тут помнить об еде и отдыхе? Люди Шодона и Тосото, наперегонки друг перед другом, привезли два воза шкур и свалили в огороде. Посмотри, – показала она и вытерла ладонью заслезившиеся глаза.

– Ну так расскажите мне что-нибудь, – сказала Сэсэгма и повела старушку к себе домой.

Сэсэгма очень любила слушать изможденную и слабую на вид, но сильную душой женщину, мать человека, которого хвалил в улусе весь бедный люд и всячески поносили и проклинали богатые. Должод была мастерица рассказывать народные легенды и сказки.

Подав старушке айрак², Сэсэгма уселась возле нее и, опершись ладонью о сырую землю, снова попросила:

– Расскажите что-нибудь.

Должод мягким взглядом обвела летник Дамбы, шершавой рукой погладила Сэсэгму по голове:

¹ Арса – молочный напиток.

² Айрак – кисломолочный напиток.

– Есть на свете люди дурные, как этот тапхаевский выродок, который всегда готов сделать людям зло или как толстомордый Гомбо, который только и знает, что пить да гулять, пока не сядет на шею народа, как его отец – староста. Они хуже волков, опасней змей. И есть люди хорошие, выросшие у бедных очагов. У них золото не в сундуках, как у Тосото, а в сердце. Они сами испытали горькую долю бедняка и готовы помочь другому в беде, они знают, как тяжело приходится нашему народу, и готовы отдать жизнь за него...»

Такой роман всегда читаешь с жадностью. За внешне простым рассказом о буднях бурятского улуса открывается нечто таинственное, глубинное, покрытое дымчатой тканью веков. Это мягкая, чуткая рука волшебника снимает легкий покров времени, и картина жизни предстает во всей полноте и правде:

«В юрте Дамбы идет подготовка к Сагаалгану: на стене, по левую сторону от двери, повешен занавес из желтого шелка с плисовой каймой. Посередине занавески висят буддийские иконы, под ними стоит божница, а на ней – сваренный кусок грудинки, айрхан¹ в мешочке, тараг² в туюске. Сам Дамба, одетый в хранившийся много лет в сундуке халат из китайского узорчатого шелка, важно восседает в хойморе и беседует с Гомбо, приехавшим к родителям невесты провести праздник...

В этом году на Сагаалгане народу было много больше, чем в прежние годы. Люди выезжали из улусов – всем улусом, из поселков – всем поселком. Седоволосые старухи, белобородые старики с внуками и внучками, правнуками и правнучками, усевшись в сани по десять, по двадцать человек, мчались вслед за верховыми.

Хозяева заготовили много архи³, забили на мясо самую жирную скотину и радушно встречали гостей – сагаалганчинов:

– Вперед проходите! Угощайтесь!

Переходя из двора во двор, охмелевшие люди изливали то, что накопилось у них на душе.

– До каких пор, люди, мы должны страдать? – спрашивали одни.

– Не думал я, что не сможем прокормить себя, разводя в своем хозяйстве пять видов скота. Атаман Семенов мобилизовал наших ребят и этим накликнул на народ беду, – говорили другие.

Молодежь пела, и песня звенела над снежными просторами:

*Добрый мой Серко
Не упрямлется, перевалив через гору.
Славная, единственная, любимая моя
Не знает в работе устали.*

Эти грустные песни трогали стариков. Они роняли слезы на снег и подхватывали песню слабыми, еле слышными голосами:

*Среди табуна лошадей
Суровый конь пасется.
Среди детей народа
Мудрый человек живет...»*

¹⁻² Айрхан, тарак – национальные блюда.

³ Архи – молочная водка.

Пусть не покажутся вам выписки из романа длинными. Хотелось, чтобы вы убедились, с какой любовью рисует писатель героев, дорогих его сердцу, людей обыкновенных, но светящихся накопленным в душе светом, скромных, но притягивающих, как магнит своей щедрой добротой.

И каждая страница романа написана поэтом. Вдохновенное, лирическое слово об отчей земле волнует нас и незабываемое остается в памяти:

«Кругом было тихо. Свет луны ложился на росистые травы, на березовые изгороди, на коновязи. В ее неверном свете дома-летники казались притаившемуся у вышки человеку то огромными, то совсем крохотными. Сытые коровы уже улеглись на землю; их тучные тела в мокрой от росы траве напоминали глыбы камней у подножия горы. Птицы и насекомые давно умолкли. Не слышно ни лая собак, ни конского топота. Лишь откуда-то издалека, из самой глубины вечерней степи доносится слабый отзвук звонкого тенора: то поет какой-то запоздалый путник.

Так бывает в степи мирным вечером, когда кажется, что жадные волчьи стаи никогда и не нападали на улус, чтобы задавить овцу, зарезать корову. Так бывает в степи, когда мятежные ветры не бьют крылами в легкие избушки-летники, не сносят легких кровель из березовой коры».

Совершенно очевидно, что название романа и его содержание носят метафорический смысл. «Степь проснулась»... Это некий художественный образ народа, чье национальное самосознание в первой четверти двадцатого века воспрянуло, начало освобождаться от социального и духовного насилия. Обратив внимание на эту метафоричность эпического произведения Ж.Тумунова, литературовед, доктор филологических наук Саян Балданов размышлял: как роман Леонида Леонова «Русский лес» символизирует бессмертие русского народа, как «Поднятая целина» Михаила Шолохова олицетворяет исторические сдвиги в жизни казачества – подготовку его национальной почвы для новой жатвы, так эпическое повествование бурятского писателя рисует пробуждение духовных и физических сил родного народа в годы революции. Это справедливо, и это показатель большой художественной ценности первого бурятского романа.

В 1948 году Жамсо Тумуновича направляют на учебу в Москву в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Ему предстоит прожить в столице три года, поэтому он берет с собой семью. Его душевность в общении, авторитет боевого офицера, талант прозаика и поэта привлекают к нему внимание многих выдающихся деятелей искусства. Он дружески общается с Александром Фадеевым, Александром Твардовским, Николаем Тихоновым и другими. В его квартире на 3-м Неглинном переулке, в известном тогда здании Совинформбюро, бывают молодые и близкие ему по возрасту Сергей Михалков, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов. Сюда заглядывают на дружеский огонек писатели-сибиряки Константин Седых, Георгий Марков, однополчане-генералы Ямщиков, Шелоганов, Данилин, которого писатель выведет потом на страницах своего нового романа «Золотой дождь». Неудивительно, что в 2005 году, предваряя трехтомное собрание сочинений Жамсо Тумунова, вышедшее в Улан-Удэ на бурятском языке, автор «Дяди Степы» написал: «Дорогой читатель! Я рад приветствовать древнюю Агу, ее мужественный и трудолюбивый народ со страниц избранных произведений моего друга и собрата по перу Жамсо Тумуновича Тумунова – автора первого бурятского романа «Степь проснулась», солдата Великой Отечественной. Сергей Михалков. Москва. 21 января 2004 года».

В Москве Жамсо Тумуновичу хорошо работалось. Здесь он издал книгу новых стихов «Утро на Байкале», вместе с переводчиком и другом Сергеем Шервинским подготовил для выпуска в Детском издательстве на русском языке поэму «Сухэ-Батор». Здесь вслед за улан-удэнским изданием вышел в свет роман «Степь проснулась» (с той поры книга публиковалась на русском языке более десятка раз и была переведена на многие языки мира). Наконец, тут, в Москве, Жамсо Тумунович написал немало рассказов, задумал и начал роман «Золотой дождь».

Для читателя это сухой перечень повседневных дел писателя. Но думается, что и вдумчивый, благодарный читатель, открыв любую его книгу, воспоминация о нем, представит образ Жамсо Тумунова. Вот он убеждает Константина Седых переводить произведения бурятских авторов, вот просит послать на учебу в Москву по своим стопам талантливого человека, вот добивается открытия в республике журнала «Свет над Байкалом»... Круг его иных забот определяла должность, которую он занял, вернувшись в Бурятию, – руководителя Управления по делам искусств республики. Но широту, неутомимость и обаяние его натуры все же определяла его душа...

ТАЛЫН БҮРГЭДЭЙ ДЭЛИСЭТЭЙ НИИДЭЭН

Гажармаар богони наһатай байбашье, буряад уран зохёолой түүхэдэ аргагүй ехэ мүр сараа үлөөһэн хүнүүдэй дунда, оройдоол гушан найман наһатайдаа энэ дэлхэйе орхижо ошоһон поэт, прозаик, драматург Жамсо Тумунович Тумуновые нэрлэмээр. Түрүүшын буряад роман, Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агуухэ дайн тухай түрүүшын роман байгуулжа, олон шүлэгүүдые бэшэһэн, дайнай шуһата зэбүүн үдэрнүүд тухай тэмдэглэлнүүдые орхихон Жамсо Тумунов буряад уран зохёолой үндэһэ һуури табилсагшадай нэгэниинь байһан ха юм даа. Гүрэнэй болон ниитын ажалые эмхидхэн ябуулжа – Буряадай Уран зохёолшодой холбооной, соёлой болон искусствын талаар Управлениин (һүүлдэнь Соёлой яаман болоо) түрүүлэгшэ байхадаа республикынгаа соёл болбосоролдо, уран зохёолдо мүн лэ ехэ аша туһа асарһан бшуу.

Ямаршы ажалда хүдэлхэдөө шуумар түргэн, шадалтай бэрхэ хүн һэн. Арбан найматайдаа эхин һургуулида багшалжа эхилээ, арбан юһэтэйдөө – Яруунын аймагай комсомолой комитедэй таһаг хүтэлбэрилжэ байхадаа, пионернүүдэй Бүхэсоюзна слёкто хабаадалсахаа Москва ошоходоо, эрдэм гэгээрэлэй министрын орлогшо Н.К.Крупскаяда орожо, аяар холын Буряадай Нарһата гэжэ тосхондо пионернүүдэй Байшан барихадамнай туһалыг гэхэдэнь, Надежда Константиновна дары шиидхэбэри абажа, жаран мянган түхэриг энэ барилгада һомологдоһон юм. Жамсо Тумунов энэ барилгая арадай барилга гэжэ нэрлээд, залуушуул эндэ түлбэригүйгөөр хүдэлдэг, иигэжэ үлэһэн мүнгөөрөө Байшандаа мебель, элдэб хэрэгтэй зүйлнүүдые худалдажа абаһан юм.

Улаан-Үдэдэ һуралсал гараад, Буряадай номой хэблэлдэ редактораар хүдэлжэ байхадаа, Жамсо Тумунов зохёолнуудаа бэшэдэг байгаа. Олон шүлэгүүдынь, оюутадай уран һайханай бүлгэмүүдтэ наадаха «Хилэ дээрэ», «Шолой» гэжэ зүжэгүүдынь, Буряад драмын театрта табигдаһан «Сэсэгма» гэжэ зүжэгын,

«Нойrhoо нэриhэн тала» гэжэ романайнх эхин бүлэгүүд дайнhaа урид бэшэг-дээд байгаа.

1941 ондо Жамсо Тумунов сэрэгтэ алба хэжэ эхилхэдээ, гүрэнэй зүүн зүгтэ, һүүлдэнь – Баруун фронтдо дайнай эгээл дүлэн соогуур ябажа, дайсанай эшээн болохо Берлин хүрэхэн хадаа, дайнай шуhата харгынүүд тухай хатуу шэрүүн үгэнүүдые хэлэхэ дүүрэн эрхэтэй байгаа. Тиин, «Байгалда» гэхэн шүлэг соогоо тэрэ иигэжэ бэшэнэ:

*Баян Байгал далай –
Буряад оронойм зулай!
Мүнгэн тунгалаг долгиеш,
Мүнхэ сарюухан уһыеш
Далан уулын саанаһаа
Дайнай талмай дээрэхээ
Харан шэртэн ябаналби,
Харан хүүюу дабхиналби.*

*Омог буряад загаһашанай
Онгосоо һэльбэдэн заладагые,
Ангар һайхан басаганай
Аялгата дуугаа дууладагые,
Һанан һанан ябаналби,
Һанан хүүюу дабхиналби.*

*Буугай абяан дундуур,
Буудал мүндр соогуур,
Харатаниие добтолон ороходоо,
Харюугаа абан дарахадаа,
Байгал, шамаяа дурданалби,
Баян долгиеш магтаналби.*

*Одер мүрэнэй долгиеш
Онгосоор удар татуулаад,
Берлинэй шэрэм боолтые
Бэлигэй ошоор хайлуулаад,
Байгал, шамдаа бусахалби,
Баяраа шамтаяа хубаалдахалби.*

Дайсантай тулалдажа, Эхэ оронойнгоо сүлөө хамгаалһан зориг түгэлдэр эрын хатуу абари зан эндэ харагдабашье, зүрхэн соонь орьёлжо байһан дурые, тоон-то нютагаа, түрэл байгаалияа дурсажа ябаһан хүнэй уян сэдхэл эндэ анхармаар. Наһанайнгаа хани нүхэртэ зорюулжа бэшэхэн шүлэгийн уярма дулаан үгэнүүдээр бэшэгдэнхэй:

*Хүжэ магнал дэгэлээ үмдөөд,
Хүхэ торгон пулаадаа надхуулаад,
Табимал тарган мориной шадалаар
Табилуулжа ябахадаш тооһото замаар
Үнэр һайхантай үдэрэй һалхин
Үндэнэ шамайе дахин дахин.*

*Адуунайнгаа бэлиээрийн суурья тататарнь
Аялга найхаар дуугаа дууланаи.*

*Атарлажа бэлиэһэн адуун хүрэгөө
Адлидхажа мүшэнтэй магтан тоолонои.
Хатарша жороошо агта моринойнгоо
Хазаар дарахадань ехэдээ хүхинэи,
Адууша ургааша дуратай инагайнгаа
Амадаад ерэхэдэнь, сэдхэлээ хананаи.*

Нугаршагүй зориг, шэн габьяа, уян сэдхэл – Жамсо Тумуновай дайнай дэбтэр болон бэшэгүүдтэнь эли хараатай. Уянгата шүлэгүүдынь, томо зохёол болоһон романиинь, хубиинь дэбтэр соохи ажабайдал болон уран зохёол тухай ханамжануудынь – бултадаа авторай зохёохы намтарай гол хубинь болоно бшуу. Жамсо Тумуновай хуби заяан тухай олон юумэ мэдэжэ абахаа ханабал, дайнай дэбтэр соогоо бэшэһэн ханамжануудыень, дайнай газарһаа гэртээ эльгээһэн бэшэгүүдыень уншагты.

Дайнда ябахаа байхадаа дэбтэр соогоо иигэжэ бэшэнэ:
«1944 оной август нарын һүүл.

Үүдэнэй саана хүн хард гэбэ. Энэ хамгамни хүбүүгээ эрхэлүүлхыем хаража байханаа үүдэ нээжэ, баһа хүбүүгээ эрхэлүүлнэ, тэрэнэй зулайнь үһые үндэнэ. Үглөөнэй үгэ дуугүй болошоод ябаһанаа гансата хүхюун боложо:

– Ши заал хаа ерэхэш, – гэнэ.

Би зүбшөөһэндөө тархияа дохиноб. Тиигээд баһа хүбүүгээ тэбэринэб. Тэрэмни мүнөө бидэ хоёрые холбожо байхадал гэбэ. Бидэнэй ерээшьегүй хада үри бээмни жаргалтай ябаха гэжэ ханашье хаа, энээнээ хэлэнэгүйб.

Энэ бодолыем тааһандал:

– Ши нэгэ юумэ хананан аад, тэрэнээ хэлэнэгүйш, – гэжэ хамгам хэлэнэ.

– Хананан юумээ бултын хэлээ хаа, хожом ерэхэдээ юу хэлэхэбиб? – гэнэб.

Бүгэдэ энеэлдэбэбди, хүбүүмнишье энеэбэ».

Байлдаанда шархатаад, госпитальдо эмшэлүүлжэ байхадаа, хамгандаа иимэ бэшэг эльгээгээ:

«Хоёрдохи үдэрөө хүл дээрээ ябанабди, һууха аргагүй – хүн олон. Хүл шалана. Эсэдэһэн хүрэнэ. Тиигээшье хаань, ябахал хэрэгтэй байба. Амилха аргагүй – тамхинай утаан. Ябанабди, ябанабди. Поездын сахариг дондорно. Эндэ харгынь муу. Зарим тээнэ ябагалхада хамаагүй. Тиигээшье хаа, поездоо буунагүйбди. Поезд бидэниие фронт абаашажа ябана. Сахаригайнь эрьелдэхэ бүри фронт дүтэлнэ».

Хэрзэгы шанга тулалдаанай, дайн байлдаанай боложо, шуһа нүжэ адхаржа, ами наһанай хорожо байһан байдалда ямар зохёол бэшэдэг юм гэхээр. Харин Ж.Тумунов гуурһаяа орхёогүй, бэшэлгээ хажуу тээшэнь табяагүй: тэрэ үеын гар бэшэгүүд соо – «Наранай орохо зүг тээшэ» гэхэн документальна туужа, «Дүрбэн жэл» гэхэн поэмэ, шүлэгүүд, расказууд, дэбтэрэй тэмдэглэлнүүд. Гүрэнэйнгөө иимэ хүшэр байдалда орошоод байгаашье хаань, уран зохёолшо «Талын бүргэд» гэхэн новеллэнүүдэй согсолбори, «Эжын захяа» гэхэн шүлэгүүдэй ном хэблүүлжэ гаргаһан юм. Тэрэл дайнай үедэ «Сүхэ-Баатар» гэжэ поэмэ эхилһэн аад, дайнай дүүрэхэдэ түгэхэслын бэшэһэн байха.

1946 ондо сэрэгэй албанһаа табигдажа гэртээ бусахатаа адли Жамсо Тумунович ниитынгээ ажалда хам орожо, зохёолнуудаа бэшэжэ үргэлжэлөө бэлэй. Бу-

рядаи Уран зохёолшодой холбооние хүтэлбэрилжэ байха үедөө дайнай урда эхилхэн зохёолнуудаа, илангаяа «Нойрһоо һэриһэн тала» гэжэ романаа түгэсэхые оролдоо.

Гурбан жэл болоод, 1949 ондо, энэ роман буряад хэлэн дээрэ, уданшьегүй ород хэлэн дээрэ толилогдоо бэлэй.

Буряад-монгол литературада түрүүшынхээ мүндрэлхэн энэ томо роман соо буряад зоной байдалда хубилалтануудай боложо, шэнэ сагай ерэжэ байһан үе харуулхадаа, үргэн уужам Агын таряаша малша хүнэй бүлэдэ түрэжэ үндыһэнөө, түрэл байгаалиингаа хайханиие түүрэн магтаһан юм. Хоёрдохёор болбол, арад зонойнгоо үдэр бүрийн байдал, ажал хэрэгүүдые баганаань хаража, арадынгаа ёһо заншалнуудые баганаань сахижа ябаһан хүн хадаа, эдэ бүгэдые одоол хайн мэдэхэ, хүнһээ һураха бэшэ, өөрөө эдэнэй гэршэ байгаа. Гурбадахяар болбол, түүрэн харуулха гэхэн үе сагын түүхын оёор руу шэнгэжэ хүнөөгүй, нютагаархидын, гэртэхиинин, түрэлхидын, өөрөөшье хубисхалай болон граждан дайнай үе сагта болоһон тэмсэл яһала хараһан, бэе дээрээ үзэһэн байгаа бшуу. Ажалша малша зондо шэнэ ажабайдал асарһан жэлнүүд тухай өөрөө хайн мэдэхэ байгаа.

Буряад уран зохёолой түүхэдэ түрүүшынхээ эдэ бүгэдые бэшэхэ ехэ талаан бэлиг, шэн габыата зориг хэрэгтэй байгаа.

Тала газарта ажаһуудаг зоной хубисхалай урдахи, болон хубисхалай үедэхи байдал һуудалые тон дэлгэрэнгыгээр, уг удхаарнь ухамайлан зураглаха зорилго авторай урда табяатай байжа, зуун жэлнүүдэй хугасаа соо арад зон бэе бэтэсэ харилсаха ямар гурим тогтоһон бэ, хуби заяандань ушарһан элдэб худал хуурмаг юумэндэ ямараар ханданаб, юу хүлэжэ, ямар найдалтай байнаб гэхэ мэтын шухала асуудалнууд Дэлгэр гэжэ нэрэтэй юрын лэ барлаг хүбүүнэй, тэрэнэй хани басаган Сэсэгмаагай, нютагаархинайн хөөрэлдөөһөө, үдэр бүрийн байдалһаа, ажал хэрэгүүдһэнь мэдэжэ абанабди. Юрын ажалша зон ямар баян сэсэн сэдхэлтэйб, ямар хуби заяан тухай ханажа, бодожо ябадаг юм гэжэ мэдэжэ абахын тулада, романһаа нэгэ хэдэхэн лэ богони хэлэгүүдые эндэ харуулалтай. Баян айлайда ажал хэжэ байдаг Сэсэгмаагай баһал үглөөһөө үдэшэ болотор ажал хэжэ байдаг Должод гэжэ наһажаал хүршэ эхэнэртэ орожо хөөрэлдэхыень автор зураглахадаа, эдэ зоной ажабайдалые тон нарин нягтаар, уран бэрхээр харуулжа шадана:

«Сэсэгмаагай айрагаа бүлэжэ дүүргээд, хаяа хадхажа һуудаг Пунсэгэйдэ ошондонь, Должод хүгшэн хөөмэгшэдэ ябаһан сар унаадал, дүүрэн арһатай эрьюулгыгэ зүдхэжэ ябаба. Саһан дээрэхи шандаганай жэм шэнги болотороо элэшэһэн нарийхан зүргэ харгы тэрээнэй урдань годиролдожо, хэды дабхарлан эрьбэшье хаань, хаанашье хүрэхгүй байба. Энэ хүгшэнэй бүхы наһан соогоо тойроһон эрьюулгын харгыгэ һунаагаа хада далайһаа далай хүрэхэнэ лабтай байгаа.

Сэсэгмаа Должод хүгшэндэ:

– Амархаа яанат? Манайда ошожо, аарса сагаа уугты,– гэбэ.

– Басагамни, юун амарха, эдихыгэ ханахаар байнабиб! Шодонтон Тоһотон хоёр хойно хойноһоо үрдилдэн, хоёр тэргэ арһа асаржа, газаамнай хаяад байнал,– гээд, Должод хүгшэн урмаа ехээр хухарһандаа, нөлбонгогүй хуурай нюдэдөө альгаараа аршан: харыш тэрэниие,– гэжэ хүйр соходо баригдаһан обоо хүбөө хүрхэ харха арһа заана.

– Би туһалалсахаб,– гээд, Сэсэгмаа хүгшэниие дахуулаад, гэртээ ошобо.

Урдаһаа халхилжа байһан халхин, бага үдэ болохотой хамта, баруун зүгтэ гарана. Огторгойн гүнзэгүдэ хүрэгһөө таһарһан ботогод мэтэ тэнийжэ ябаһан шарбтар үнгэтэй, бүхэнтэһэн үүлэд зүүн зүгыг шэглээд, хүнгэхэнөөр талиинад.

Эгээл эдэ тэнүүл үүлэдые хаража байхадаа, Сэсэгмаагай сэдхэлдэ аба эжыдээ зэмэлүүлһэнийн ханагдажа, халуу бүлээн сээжэдэнь унтаршагүй гомдол түрэнэ.

– Гомбо гэжэ лайтайл хүн байна. Энэ наһан соогоо тэрэнийн бү хараһайб, – гэжэ басаган бодоно. Удаань, үнгэрэгшэ үдэшэ мал хуряжа ябахадань, суба нэмэрһэн, үлэ мэдэг зэртэд гэхэн аад, гүнзэги саана нүдэтэй Дэлгэр гэжэ хүбүүнэй дахажа ябахыень ханахадаа, тэрэнийн гомодхообо гээшэ гүб гэжэ бээ зэмэтэйдэ бодонно».

Ямар һонирхолтой зохёол гээшэб! Буряад һууринай байдалые харуулһан энэ хөөрөөнэй саанаһаа хэдэн зуун жэлнүүдые дабан ерэхэн нэгэ жэгтэй юумэн зүрхэ сэдхэлыеш дайража, үнгэрһэн сагыг халхалһан хүшэгийг ямар нэгэн эди шэдитэй хүнэй хүнгэхэн гараараа нээжэрхихэндэл, ажабайдалай зураг тоб байса гараад ерэнэ:

«Дамбын гэртэ Сагаалганай бэлэдхэл түхээрэгдэнхэй: баруун ханаарнь хилэн хүбөөтэй шара торгон хүшэгийн дундуур элдэб олон бурхад татаатай, наагуурнь, шэрээ дээрэ, болгогдоһон бүүһэг, туулмагтай айрһан, түйсэтэй тараг табяатай. Дамбахай хэдэн жэл хадагалжа ябаһан халюун туруутай магнал дэглээ үмдэжэрхихэн, хоймортоо түбшэн янзаар һуунхай, хурьгэн хүбүүнтээ хөөрэлдэжэ, эдэлжэ байна...

...Мүнөө жэл Сагаалганда урда урдынхиһаа улад зон ехэ олон байба; хотоной зон хотоороо мордобо, нютагай зон нютагаараа мордобо. Буурал сагаан толгойтой хүгшэд, бурзан сагаан хахалтай үбгэд аша гушанараа шэрэжэрхёод, нэгэ шаргада арбаад хорёодоороо һуужархёод, хазаар моритоной хойноһоо гүйлгэлдэнэ.

Айл аймаг бии үгыгөө архи тамхин болгоһон, малайнгаа тарганин мяхалаад, айлшад – сагаалгашадыг угтана:

– Дээшээ һуугты! Хүндэдэмнай һуугты!

Айлһаа айлда орохо бүрээ сагаалгашад амаа халажа, ханаһан байһанаа хөөрэлдэнэ:

– Хэды болотор иигэжэ зобожо байха зонбибди?

– Табан хушуу мал үдхэжэ һуугаад, хоолойгоо диилэхгүй саг болохо гэжэ ханаагүйб. Атаман Семёнов хүбүүдыемнай Дагуур эльгээгээ, тэрэ гай татаа.

Үбгэд хүгшэдэй хөөрэлдөөе залуушуулай дуунай аялга дэмжэжэ, саһатай дайдын нюрган дээгүүр үерлэхэн горходой шааяһандал, Дагуур татагдажа ошоһон хүбүүдээ шаналжа, ой модо сууряатуулан, бүдэхи хоолойгоор:

Шэлдэ борын дошхондо

Шэшэрэн байна зүрхэмни.

Сэдхэлтэй гансын үгүдэ

Гажаран байна зосоомни, –

гэжэ дуулалдана. Гунигай дуунай аялгада үндэр ута наһатанай ханаа сэдхэл хүдэлнэ. Саашань баяшуулай хүбүүд басагад Гомбо түрүүтэй иигэжэ дуулалдана:

Адуун хүрэгэй дундахана

Ардаг морин байхал даа.

Абын үгэхэн буянда

Айдар бэе байхал даа...»

Ямар томо хэнхүүдье баримта болгон харуулна гээшэб гэжэ бү гайхаарайт. Юрын зон тухай бэшэхэдээ, тэдэнэй зүрхэ сэдхэлэй баялигыг, гэрэл туяа ямар дулаанаар автор харуулна гээшэб.

Романай хуудаһан бүхэн уран шүлэгшын гараар бэшэгдэһэн ха гү гэхээр. Түрэл тоонтоёо, түрэл газар дайдаяа ямар урин үгэнүүдээр түүрэн харуулаа гээшэб:

«Зүүн зүгтэ харлажа харагдаһан үдхэн тайгын оёороор садхалан шаргал зунай хара бултайжа, оршон тойрон харуулхан сагаан болгоно.

...Бургааһа боролжо соо үлэмжэ номоон. Үбһэ ногоон, ой модон, өөһэдымнай үдэрэй ажал дүүрээд, амаржа байһан шэнги, набша намаагаа огто хүдэлгэнэгүй. Тэдэниие дуу хүгжэмөөр бүүбэйлэн дууруулжа байһандал, орой болохо тээшэ үһанай урадхал аалидажа, ехэ аятай зохидоор мэлмэрнэ...»

Энэ зохёолой нэрэньше, удханьше далда, метафорическа, нарин удхатай гэжэ гансата обёорхоор. «Нойрһоо хэриһэн тала»... Хоридохи зуунай дүрбэнэй нэгэдэхи хахадта өөһэдыгөө арадбди гэжэ мэдэрһэн зоной образ харуулна. Жамсо Тумуновай зохёолой иимэ далда удхые обёорходоо, литературовед, хэлэ бэшэгэй эрдэмэй доктор Саян Балданов иигэжэ тэмдэглээ хэн: «Леонид Леоновой «Русский лес» гэхэн роман соо ород арадай хүнэшгүй мүнхэ хуби заяан, Михаил Шолоховой «Поднятая целина» гэжэ роман соо хасагуудай байдал һуудал түүхэтэ үе сагуудта зураглагдажа харуулагдаһан хаань, манай буряад зохёолшын арадайнгаа хубисхалай шэнэ үе сагта шэнэ хүсэ орожо, хэргэжэ, хэрижэ байһые харуулһаниинь түрүүшын буряад романай үнэтэй сэнтэй зүйл болоо».

1948 ондо Жамсо Тумуновиче ВКП(б)-гэй ЦК-гай дэргэдэхи Дээдэ партийна хургуулида хуралсал гарахыень Москва эльгээбэ. Ниислэл хотодо гурбан жэл һураха ёһотой хэн хойноо бүлээ абаад ошобо. Москвада байхадаа, Александр Фадеев, Александр Твардовский, Николай Тихонов болон бусад зохёолшодоор харилсаатай байгаа. 3-дахи Неглиннэ переулгта оршодог Совинформбюрогой мэдээжэ байшан соохи квартиранд Сергей Михалков, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, Сибирьһээ ерэхэн Константин Седых, Георгий Марков, хамта нэгэ полкдо алба гараһан Ямщиков, Шелоганов, Данилин генералнууд орожо гаража байдаг хэн. Эдэ уулзалганууд тухайгаа «Алтан бороо» гэжэ роман соогоо бэшэһэн байдаг.

Улаан-Үдэдэ 2005 ондо Жамсо Тумуновай зохёолнуудай гурбан боти номуудай гарахада, урид хэлэгдэһэн үгэ соонь «Дядя Стёпа» гэжэ мэдээжэ зохёолой автор Сергей Михалков: «Хүндэтэ уншагша! «Нойрһоо хэриһэн тала» гэжэ түрүүшын буряад романай автор, Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай сэргэшэ ябаһан минии хүндэтэ нүхэр, уран зохёолшо Жамсо Тумунович Тумуновай шэлэгдэмэл зохёолнуудай хуудаһануудһаа аглаг хайхан Ага нютагай ажалша малша зониие үнэн зүрхэнһөө амаршалаад, эдэ номуудай гаража байһанда тон ехэ урматай байһанаа мэдүүлнэб. Сергей Михалков. Москва. 2004 оной январин 21» гэжэ бэшээ хэн.

Москвада зохёолшон ехэ үрэ дүнтэйгөөр ажаллаһан юм. «Байгалай үглөө» гэжэ шэнэ шүлэгүүдэйнгээ ном хэблүүлээ. Сергей Шервинский гэжэ оршуулагша нүхэртээ хамта Хүүгэдэй номой хэблэлдэ ород хэлэн дээрэ «Сүхэ-Баатар» гэжэ поэмэ хэблэлдэ бэлдэжэ үгөө. «Нойрһоо хэриһэн тала» гэжэ романиинь хэблэгдээ (тэрэ гэхээр ород хэлэн дээрэ тус роман арбаад дахин, дэлхэйн олон хэлэнүүд дээрэ хэблэгдэжэ гараһан). Москвада тэрэ хэдэн расказуудые бэшээд, «Алтан бороо» гэжэ роман бэшэжэ эхилээ.

Уран зохёолшын ажал хэрэгүүд тухай юрэнхыгөөр тооложо бэшэхэдэ, иимэл даа. Ямаршые номые гү, али тэрээн тухай дурсалгануудые уншаад байхада, Жамсо Тумуновай дүрсэ шарай харагдаатай байдаг. Буряад авторнуудай номуудые ород хэлэндэ оршуулхыень Константин Седых гэжэ зохёолшондо дурдхал хэнэ гү, бэлигтэй залуу хүниие Москвада нуралсал гарахыень зууршална гү, «Байгалай толон» гэжэ сэтгүүл хэблэжэ эхилхэ тухай ябуулга хэнэ гү – Жамсо Тумуновайл зоной түлөө, уран зохёолой түлөө оролдожо ябаһые гэршэлдэг. Москваһаа ерэхээр тэрэ искусствын талаар Управлениин хүтэлбэрилэгшөөр томилогдохон юм. Зориг түгэлдэр хүсэлынь, зонойнгоо түлөө ходол оролдожо ябадагынь хэзээдэ мүнхэ арадтаа үлэхэ.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Хамтын ажaxyнуудай тайзан дээрэ табигдаха зүжэгүүд.* – Улаан-Үдэ, 1940.
Эхын зоригоор. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1942.
Талын бүргэд. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1942.
Сүхэ-Баатар. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1946.
Нойрһоо һэриһэн тала. Роман. – Улаан-Үдэ, 1949.
Шэнэ шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1950.
Мартагдашагүй үдэрнүүд. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1952.
Алтан бороо. Роман. – Улаан-Үдэ, 1956.
Дайнай үеын зохёолнууд. Шүлэгүүд, рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1960.
Талын бүргэд. Рассказууд, туужа. Офицерэй дэбтэр. – Улаан-Үдэ, 1975.
Зохёолнуудайнь гурбан боти согсолбори. 1-дэхи боти. Нойрһоо һэриһэн тала. Роман. Рассказууд. Улаан-Үдэ, 2004. 2-дохи боти. Алтан бороо. Роман. Наранай орохо зүг тээшэ. Туужа. Офицерэй дэбтэр. – Улаан-Үдэ, 2005. 3-дохи боти. Поэмэнүүд. Зүжэгүүд. Дурасхаалнууд. – Улаан-Үдэ, 2006.

На русском языке:

- Гимн победы.* Стихи. – Улан-Удэ, 1943.
Сүхэ-Батор. Поэма. – Улан-Удэ, 1948, М.: Детгиз, 1950.
Утро на Байкале. Стихи. – М.: 1949.
Степь проснулась. Роман. – Улан-Удэ, 1950, 1955, 1961, 1965, 1972. – М.: Госиздат, 1950, Советский писатель, 1956.
Золотой дождь. Роман. – Улан-Удэ, 1958.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Гимн победе. Стихи. Рассказы. Золотой дождь. Роман. Серия «Отцы и дети» в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2005.
Степь проснулась. Роман. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2006.
Серия «Забайкальский роман» в 5 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2006.
Золотой дождь. Роман. В сторону заката солнца. Повесть. Дневник офицера. Произведения писателей-фронтовиков Аги (1945-2010). В 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2009.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Степной орел. Рассказ. Антология литературы Бурятии XX-XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Иволгин В.* Утро на Байкале. – Бурят-Монгольская правда, 1950, 11 февраля.
- Михайлов Г.* Первая проза. – Литературная газета, 1950, 26 декабря.
- Москвин Н.* Роман о недавнем прошлом. – Дружба народов, 1951, № 2.
- Капиев Н.* Пробуждение народа. – Новый мир, 1951, № 6.
- Хамаганов М.* Бурят-монгольская советская литература (о поэме «Сухэ-Батор» – стр. 111-114, о романе «Степь проснулась» – стр. 121-122). Иркутск, 1951.
- Маланов К.* Рецензия на роман «Степь проснулась». – Бурят-Монгольская правда, 1951, 21 декабря.
- Николаев Г.* О романе «Степь проснулась» – Свет над Байкалом, 1952, № 6.
- Мотышов И.* Минжур Жамганов и его друзья. – Бурят-Монгольская правда, 1956, 15 апреля.
- Шервинский С.* Жамсо Тумунов. – Дружба народов, 1956, № 11.
- Абрамович А.* Заметки о бурят-монгольском романе. – Свет над Байкалом, 1958, № 3.
- Колл. авторов.* Очерк истории бурятской советской литературы (о романе «Степь проснулась» – стр. 229-234). – Улан-Удэ, 1959.
- Тармаханова О., Жарков Д.* Тумунов Жамсо Тумунович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* Жамсо Тумунов. Критико-биографический очерк. – Улан-Удэ, 1960.
- Найдаков В.* Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962.
- Махатов В.* О романе «Степь проснулась». – Байгал, 1963, № 4.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* Проза // История бурятской советской литературы. (О творчестве Ж.Тумунова – стр. 229-244). – Улан-Удэ, 1967.
- Серебряков А.* Рецензия на книгу «Степной орел». – Буряад Унэн, 1975, 25 июля.
- Дамдинжапов Ц.-Д.* Слово о товарище. – Байгал, 1976, № 2.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* Подняться на вершину Эльбруса. – Правда Бурятии, 1976, 5 февраля.
- Найдаков В.* Традиции и новаторство в бурятской советской литературе. (О романе «Степь проснулась» – стр. 369-373). – Улан-Удэ, 1976.
- Оскоцкий В.* Негасимое пламя костра (о творчестве Ж.Тумунова – стр. 30). – М.: Советский писатель, 1977.
- Нимаева Л.* Истоки творчества. О шолоховских традициях в романе Ж.Тумунова. – Байгал, 1979, № 6.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* К портрету писателя Жамсо Тумунова // Дугар-Нимаев Ц.-А. Живут в душе народа. – Улан-Удэ, 1979.
- Найдаков В.* От эпоса революции к исторической эпопее // Найдаков В. Путь к роману: история формирования бурятской прозы. – Улан-Удэ, 1985.
- Намсараева-Тумунова Х.* Острым своим пером. – Буряад Унэн, 1985, 11 апреля.
- Ц.Галанов, Ч.-Р.Намжилов, В.Петонов и др.* Вечный полет степного орла. Подборка материалов к 70-летию Ж.Тумунова. – Буряад Унэн, 1986, 14 февраля.
- Без указ. автора.* Тумунов Жамсо Тумунович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Найдаков В.* Проза // История бурятской литературы 1917-1955 годов в 3-х частях. Часть 2. Бурятская литература военных лет и послевоенного десятилетия (1941-1955 гг.) (О романе «Степь проснулась» – стр. 95-104). – Улан-Удэ, 1995.
- Бадмаев С.-Д.* Немеркнувшее сияние таланта. – Буряад Унэн, 1996, 27 февраля.
- Балданов С.* Слово о писателе. К 80-летию Ж.Тумунова. – Байгал, 1996, № 3.
- Балданов С.* Слово о мастере. – Байгал, 1996, № 5-6.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* Жамсо Тумунов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. – Улан-Удэ, 2009.
- Мункуева Э.* Тумунов Жамсо Тумунович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Цэдэн Галсанович
ГАЛСАНОВ
(1917-1992)**

ИНОГО СЧАСТЬЯ НЕ ИСКАЛ

Не каждому поэту выпадает такое: самому набрать в типографии собственные первые стихи. А вот с поэтом Цэдэном Галсановым случилось именно так.

Он рос недалеко от Верхнеудинска, в улусе Илька Заиграевского района. Семья у родителей, скотоводов, была большая – двенадцать детей. Закончил подросток школу-семилетку – надо зарабатывать на хлеб, помогать растить младших. А паренек к этому времени стал сочинять стихи. Сумела пробудить у ребят интерес к поэзии школьная учительница. А еще запали в душу улусному подростку встречи с писателями Хоца Намсараевым и Солбонэ Туя, которые бывали в Ильке.

Время было бурное, шел 1931 год. На новый лад перестраивалась жизнь. Мечталось молодо, дерзко. Четырнадцатилетний Цэдэн Галсанов едет в столицу республики, поступает работать в типографию, устраивается на рабфак. Способного паренька опекают писатели, особенно тепло, по-отцовски, Дамба Дашины-маев. В республиканской газете появляются первые стихотворения юного автора.

Парня хватало на все: на рабочие смены в типографии (а позже – в издательстве, куда он был принят корректором), на учебу, занятия поэзией, общественные дела. Выходил в те годы на общественных началах журнал «Знамя борьбы». Писатели подбирали и редактировали стихи, рассказы, другие материалы; молодежь, из числа издательских и типографских работников, после смены готовила журнал к выпуску. В это издание предложил стихи своего подопечного Дамба Дашинимаев. За типографский стол со шрифтами встал сам автор, Цэдэн Галсанов. И чуть позже, в 1936 году, когда было решено выпустить на бурятском языке сборник песен местных и широко известных советских авторов, книжечку эту набирал опять же Цэдэн Галсанов – один из участников издания.

Пожалуй, никто из бурятских писателей не проявил в юношеские годы такой бурной творческой активности как Цэдэн Галсанов. Уже к двадцатичетырехлетнему возрасту он опубликовал книгу стихов «Молодость», три сборника произведений для детей: «Всегда готов», «Елка» и «Наш парад», поэму «Четыре дня и три ночи», вышедшую отдельным изданием, наконец, объемистый том избранных произведений «Байкальские волны».

Конечно, тут сказался особый поэтический темперамент молодого автора: гражданская активность, готовность немедленно откликнуться на общественные события, на владеющие людьми чувства — те качества, которыми, кстати, отмечено и последующее творчество Ц. Галсанова. Но все же главное, что вдохновляло поэта — это огромный созидательный порыв народа, его невиданный духовный подъем.

В республике создавались колхозы, строились первые заводы, открывались вузы, техникумы, многочисленные школы. Шло наступление на старый быт, отсталость, неграмотность. Писатели, под стать рабочим, колхозникам, трудились вдохновенно.

— Само ощущение жизни было весенним, — вспоминал о тех годах Цэдэн Галсанович. — Даже в названиях книг это чувствовалось. У Бавасана Абидуева сборники стихов назывались «Солнечный луч» и «Радость», у Дольена Мадасона — «Весеннее сияние». Не случайно и маленький коллективный сборничек мы озаглавили «Новыми песнями». А свою книгу я назвал словом «Молодость».

Настойчивый поиск нового содержания, новых форм выражения, поиск, который вела в эти годы бурятская литература, хорошо виден в книгах Ц. Галсанова. «Колхозная песня», «Пионерский марш», строки о строителях первых гигантов промышленности, о героях Арктики, о Конституции СССР... Эта тематика стихов Ц. Галсанова дает представление о том, как отражалось в них дыхание времени.

В 1936 году молодой автор поехал в один из колхозов Кижингинской долины. Он пожил там некоторое время, окунулся в заботы людей, впервые почувствовавших себя единой трудовой семьей, узнавших силу коллективного труда. Так родилась поэма «Великая радость».

Тема переустройства бурятского улуса властно привлекала писателей республики. Она стала главной в лирике Ц. Галсанова, ей посвятил он еще одну поэму — «Четыре дня и три ночи». В центре повествования — жизнь и дела колхозной молодежи. Враги пытаются помешать героине поэмы, юной Мэдэгмаше, стать трактористкой, но их происки тщетны. Новому в жизни, как и молодой мечте, крылья не обрежешь.

Живой оперативный отклик писателей на события дня не обходился без творческих издержек. Молодая бурятская поэзия еще только искала пути глубокого образного отражения жизни. Стихи и поэмы Ц. Галсанова тех лет страдают декларативностью, некоторой прямолинейностью в выражении чувств и мыслей, рожденных сложным, неповторимым временем. Но уже тогда творчество лирика, как и вся крепнущая бурятская поэзия, обретало силу, эту силу давала тесная связь писателей с народной жизнью. Благодатная почва вскоре дала хорошие плоды.

И уже тогда молодая литература искала и находила новые формы выражения, изобразительные средства. Поиском в стихотворной форме отмечен с первых шагов и творческий путь Цэдэна Галсанова. Следом за Дамбой Дашиинимаевым, Бавасаном Абидуевым и другими лириками он, используя опыт русской поэзии,

настойчиво вводит в бурятский стих конечную рифму. Вместе с начальной аллитерацией, присущей народной поэзии, она усиливает звучность строф. Поэт добивается по возможности точного чередования ударений в строках, единого ритмического рисунка стиха. Стих обретает большую мелодичность, напевность. Все эти элементы силлабо-тонического стихосложения, наряду с богатыми традициями народного улигерного творчества, обогащали бурятскую поэзию.

Военные и послевоенные годы еще красноречивей показали, как чутко воспринимал поэт запросы времени, как ответственно относился к писательскому долгу.

С началом Великой Отечественной войны у Ц. Галсанова к писательской работе прибавляется журналистская: на второй день войны поэт назначается заместителем редактора газеты «Буряад-МонголоЙ үнэн», а позже – редактором (он оставался им до 1947 года). Его стихи о героях фронта и тыла, о патриотизме сражающегося народа регулярно публикуются в печати, выходят в книге «Прославление». Острые сатирические памфлеты о фашистских вояках составляют сборник «Перо». Отдельным изданием выходит поэма «Эхо на Чудском озере» – произведение, вдохновляющее читателей героическим примером защитников русской земли. Ту же цель – показать беззаветную верность народному делу – преследует автор, создавая поэму «Павел Балтахинов», о бурятском революционере, бесстрашном комиссаре времен гражданской войны. Эта поэма напечатана в год Победы.

А жизнь ставит перед вчерашними солдатами новые задачи: отстроить разрушенное войной, с удвоенной энергией взяться за мирный труд. И опять муза поэта мобилизована. Всего лишь за пять лет – с 1947 по 1952 год Цэдэн Галсанов создает более десятка книг, вышедших на бурятском и русском языках. Это «Поэма о пятилетке», сборники стихов «Новый урожай», «Советское солнце», «Песни сердца», повесть, новеллы, очерки. Такая творческая отдача говорит о том, что поэт по-прежнему находится в гуще жизни, он по-прежнему отдает стихам все душевные силы. Но важно здесь и другое – возросший уровень мастерства поэта.

В книгах военного и послевоенного времени Ц. Галсанов, преодолевая риторiku, идет к реалистическому отображению жизни, находит яркие изобразительные средства. Показательна в этом отношении поэма «Павел Балтахинов».

Широко, эпически, в духе народного улигера и в то же время с сердечной теплотой, как о близком, дорогом человеке, начинает автор рассказ о прославленном комиссаре:

*Сказанье о тебе хранит
Байкала глубина,
Бархана древнего гранит
Под шапкой снеговой.
Когда знамена развернет
В степях Тунки весна,
В немолчном шуме родников
Я слышу голос твой.
Песнь начинаю о тебе,
Ангарский военком,
Проверив звонкие лады,
Вновь лимбу я беру.*

*Пусть имя славное твое
Разносит первый гром.
Земля лежит передо мной
В предутреннем пару...*

Перед нами проходит короткая и яркая судьба героя. Рождение его в убогой юрте деда, старого скотовода Балтахина. Учеба юноши в Иркутске, где он приобщается к революционной работе. Борьба с белогвардейцами во главе партизанского отряда. Поездки по заданию партии в улусы, где бесчинствует вражеское отребье. Налет банды Донского на родной улус Балтахинова и гибель военкома.

Каждая из этих картин написана молодым еще тогда автором с завидным мастерством. Правдиво и убедительно показаны им события и поступки героя. Богатый и образный язык, вобравший в себя меткость и красочность народной поэзии, позволил изобразить каждую сцену живой, хорошо представляемой. В этой поэме Ц. Галсанов продолжил и совершенствование стихотворной формы. Строго выдержанная конечная рифма, четкая ритмическая организованность строфы, живая интонация – всё это делает стихи гармоничными, музыкальными.

Разнообразие средств поэтической выразительности видно и в переводе поэмы – оно бережно сохранено русскими поэтами С. Шервинским и Т. Стрешневой. Яркими образными строками, например, рисуется последняя ночь Павла Балтахинова:

*Накрыт полуночною мглой,
Улус тревожно спит,
И медный колокол луны
Над ним в ночи звенит.
Будь осторожен, военком,
Задвинь засов дверей!
Не умолкает за окном
Голодный волчий вой.
Улус в тревожной тишине
Зловещий видит сон:
Беду пророча, издает
Сова протяжный стон.
Сорока – вестница огня
Стрекочет на сосне,
Созвездье Ворона, как кровь,
Пылает в вышине.*

В поэме постоянно ощущаешь отношение автора к Павлу Балтахинову не только как к народному герою, имя которого в Бурятии легендарно, но и как к человеку близкому, дорогому своей простотой, «обыкновенностью». Эта теплота, сердечный тон поэмы делают еще более притягательным для читателя подвиг Балтахинова. Как наш собственный душевный разговор с героем воспринимаются заключительные строки произведения:

*За счастье народа, за правду
Отдал ты жизнь свою,
И я на твоей могиле
Клятву, тебе даю:*

*«Вести меня будет всюду
Незыблемый образ твой!»
Деревья, словно знамена,
Склоняются над тобой...*

Наметился поворот и в лирике поэта тех лет. Все чаще в основу стихов ложится живое, трепетное чувство. В отличие от иных прежних строк с их прямолинейной заданностью, нарочитым пафосом, эти лирические признания требуют душевной открытости, искренности. Вниманием к сложному внутреннему миру человека, к собственным переживаниям отмечены стихотворения «Бурятия моей», «России милые приметы», «В юные годы», «Бурятке», «Черемуха». Закрепляются лучшие качества поэтики Ц. Галсанова – звучность стиха, его певучесть.

*Черемуха на юге,
Где журавлиный звон.
В душистой белой вьюге
Саянов горный склон.
Черемухой, черемухой
Весь воздух напоен.*

*Мне нет цветов дорожке
Черемухи лесной.
Любимая, ты тоже
Черемуха весной,
Цветущая черемуха
Бурятии родной.*

Это соединение новизны, свежести человеческих чувств, которые вызваны обновляющейся жизнью республики, и гармоничной образной формы их выражения обеспечило популярность многим стихотворениям Ц. Галсанова, положенным на музыку и ставшим песнями.

– Пожалуй, более ста моих песен, – с гордостью рассказывал Цэдэн Галсанович, – исполняется в концертах. Смолоду связывала меня дружба с бурятскими композиторами. Редко писал я тексты к готовой музыке. Чаще всего песнями становились стихи. Это заставляло каждый раз искать новый ритмический рисунок, заботиться о благозвучии строки. Мне радостно, что многие люди считают народными песни «Жаргал», «На берегу Селенги», «Байкал», «Мы молодь», «Выше гор». А между тем их сочинили на мои стихи композиторы Жигжит Батуев, Бау Ямпилов, Дандар Аюшеев, Павел Берлинский, Виктор Морошкин. В последние годы соавторов стало больше. На мои слова писали песни Александра Пахмутова, Сергей Манжигеев, Чингис Павлов, Базыр Цырендашиев.

Мы не случайно говорили о том, что в своих поисках поэт использовал уроки русской и советской классики. С самого начала творчества Ц. Галсанов много и плодотворно переводил на бурятский язык. Еще в юности он перевел песни и стихи Лебедева-Кумача, Демьяна Бедного, других русских поэтов. Они звали читателя строить новую жизнь, помогали интернациональному воспитанию людей.

В том, что настоящее искусство всегда интернационально, Цэдэн Галсанов воочию убедился, когда двадцатидвухлетним был приглашен в Ереван на торжества по случаю тысячелетия армянского эпоса «Давид Сасунский». Вся страна го-

товилась к этому празднику культуры. На многие языки народов СССР был переведен шедевр армянской литературы.

На бурятский язык часть эпоса перевел Цэдэн Галсанов.

В столице братской республики, в зале театра, он прочел строки из выдающегося произведения на родном языке. Бурятская речь естественно вплелась в многоязычный говор... На всю жизнь запомнилось молодому поэту это дружеское многоголосье. Оно звучало в душе, когда он позже вновь и вновь перекладывал на родной язык чужие строки.

Переводческая работа Цэдэна Галсанова тоже впечатляет. В связи со 150-летием со дня рождения А.С. Пушкина он публикует на бурятском языке в своем переводе книгу избранных произведений великого поэта. В разные годы обращается Ц. Галсанов к творчеству В. Маяковского. Переведены многие стихи певца революции, его поэма «Владимир Ильич Ленин». Благодаря Ц. Галсанову на бурятском языке зазвучали стихи М.Ю. Лермонтова, комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Закончен труд не одного десятилетия – перевод пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». Рядом с этими произведениями классиков на стол бурятского читателя легли переведенные Ц. Галсановым стихи советских поэтов-современников. Если собрать все названное здесь, получится несколько томов. И это еще одно свидетельство постоянного творческого горения бурятского поэта.

В шестидесятые-восьмидесятые годы талант Ц. Галсанова раскрылся с наибольшей полнотой. Выходят новые книги его стихов «Капли в море», «Звуки лимбы», «На перевале» и поэма «Байкальские легенды о вожде» (на родном языке), сборник избранных произведений «Мне с Байкала видится далеко» (на русском языке). В поэме «Байкальские легенды о вожде»¹ автор, используя улигерную форму, размышляет о том, что все, свершенное за годы советской власти в родном краю, – это воплощение народной мечты. Поэт рассказывает о том, как вместе со старым певцом-хурчином Владимир Ильич идет по бурятской земле, видит счастливые перемены. И это событие воспринимается нами как реальное, а не вымышленное, потому что как сказал афористично автор в заключительных строках:

*Обязательно с морем
Встречаются реки –
Повседневно встречаемся
Мы с Ильичом.*

В лирических стихах поэта раздумья о жизни современника, о созидательном времени стали глубже, значительней. Богатый литературный опыт, творческое освоение приемов народного творчества, постоянный поиск новых образных средств помогали ему добиваться особой выразительности и отточенности стиха. Весомо звучат, например, миниатюры из цикла «Звуки лимбы»:

*Пока сижу за письменным столом
И в мыслях строки бродят,
Словно тени,*

¹ Фрагменты из поэмы, опубликованные на русском языке, имеют разное название: в сборнике «Стихи» (Улан-Удэ, 1973) – «Думы о Ленине-багши», в книге «Мне с Байкала видится далеко» (Улан-Удэ, 1978) – «Гимн Ильичу».

*Цветов предвестник,
Первый робкий гром
Как будто каплет с веточки сирени.
Машины ладят к первой борозде,
Готовят к севу золотые зерна...
Мы все равны в своем большом труде:
Все счастья добиваемся упорно!*

.....
*И вот я полдороги к перевалу
Промчал.
В пути мне было нелегко.
Сижу, чуть призадумавшись устало,
Пасется рядом быстроногий конь.
Я думаю о пройденном. О многом.
Стихи мои – шаги на тропке дней.
Чем тяжелей беру я груз в дорогу,
Тем глубже след, оставленный на ней.*

В гуще жизни оставался поэт до последних своих дней. Он написал цикл стихов о строителях БАМа, обращаясь к ним, как к юным друзьям на общей дороге романтики и поиска. Свежо и трепетно звучат его стихи о любви:

*Если б ты ухо подставить могла,
Голову набок слегка наклонила,
Бровью крутою своей повела,
Под ноги глядя покорно и мило,
Я бы открыл тебе тайну свою,
Ту, что годами на сердце таю.*

Секрет творческого долголетия оставался тот же: верные слова поэту подсказывала жизнь, что всегда неожиданна и нова. Не зря Цэдэн Галсанов признавался:

*Радости делить с людьми и горе –
Я иного счастья не искал.*

Всю свою долгую творческую жизнь делил он с людьми радости и горе. В душе певца родились песни, и к душе народной нашли они путь.

ОНДОО ЖАРГАЛ БЭДЭРЭЭГҮЙ

Түрүүшынгээ шүлэгүүдые типографида өөрөө барлан бэлдэһэн поэт хомор лэ байгаа ёһотой. Харин Цэдэн Галсанов шүлэгүүдээ өөрөө барлан гаргаһан юм.

Дээдэ-Үдэһөө холо бэшэхэнэ оршодог Загарайн аймагай Элхи нууринда түрэжэ үндыһэн. Түрэлхидынь арбан хоёр үхибүүтэй айл байгаа. Цэдэн долоон класс лэ дүүргэжэ шадаа – ажаллаха, дүүнэрээ үндылгэхэдэнь гэртэхиндээ туһалалсаха хэрэгтэй хэн. Тэрэл үедэ хүбүүн шүлэг бэшэжэ эхилээ. Нургуулиинь багша шүлэгөөр хүүгэдые һонирхуулжа, шүлэгөөр һонирходог, бэшэжэ туршадаг

болоо хэн. Нэгтэ Элхидэн Хоца Намсараев Солбоной Туяа хоёрой ерэжэ уулзалга хэхэдэн, шүлэг бэшэхэ дураниннь бүришье ехэдээ.

Үе сагшье дошхон хэн, 1931 он ябажа байгаа. Наһан залуу, шуһан халуун, зориг хурса. Арбан дүрбэтэй Цэдэн республикынгаа ниислэл хото ошожо, типографида ажалда орожо, рабфагта һуража эхилбэ. Һүбэлгэн бэрхэ хүбүүе зохёолшод обёоржо, илангаяа Дамба Дашанимаев эсэгэ мэтэ энхэргэнээр хандадаг байба. Республикын сониндо түрүүшын шүлэгүүд толилогдобо.

Шуран, шуумар хүбүүн бүхы юумэндэ үрдидэг бэлэй: типографида ажаллаха (һүүлдэнъ типографиин номой хэблэл болоходонъ, корректорээр хүдэлжэ эхилээ), һурахашье, шүлэгөөшье бэшэхэ, ниитыншье ажалда хабаадаха. Тэрэ үедэ «Тэмсэлэй туг» гэхэн сэтгүүл ниитээр гарадаг байгаа. Зохёолшод эндэ шүлэгүүдээ, расказуудаа толилуулха, номой хэблэлдэ, типографида хүдэлдэг залуушуул ажалайнгаа һүүлдэ сэтгүүл хэблэлдэ бэлдэдэг хэн. Дамба Дашанимаев Цэдэниие энэ сэтгүүлдэ хүдэлхыень зууршалжа, типографида наборщик болобо. Һүүлдэнъ, 1936 ондо, мэдээжэ совет поэдүүдэй болон эхилэн бэшээшэдэй дуунуудай согсолбори буряад хэлэн дээрэ хэблэхэ гэхэн шийдхэбэрийн гарахада, энэ ном Цэдэн Галсанов согсолжо бэлдэхэ болоһон юм. Өөрын шүлэгүүд энэ ном соо оролсоһон байгаа.

Залуу наһанай зали гээшэ ондоо, Цэдэн Галсанов тийхэдэ залуу, эдэбхитэй, шуумар бэрхэ хүбүүн ябаа. 24 наһатайдаа тэрэ «Эдир наһан» гэхэн шүлэгүүдэй номой, «Хэзээдэ бэлэн», «Ёлка», «Манай парад» гэхэн хүүгэдтэ зорюулһан гурбан номуудай, амяараа һүүлдэнъ хэблэгдэн гараһан «Дүрбэн үдэр ба гурбан һүни» гэхэн поэмын, «Байгалай долгинууд» гэхэн шэлэгдэмэл зохёолнуудай хүбхэгэр боти гаргажа үрдихэн автор ябаа.

Зохёол бэшэхэдэнъ, тэрэнэй ниитын ажалда хам орожо хүдэлдэг зүрхэнэйн дүлэн, залуугайн охин хүсэ дали боложо үгэдэг хэн. Гол юумэниинъ гэхэдэ – арад зоной шэнэ үе сагай долгиндо абтаад, ажалдаа шармайн ороһон энэ ехэ хүсэн шүлэгшэниие зоригжуулдаг бэлэй.

Республикада хамтын ажахынууд байгуулагдажа, түрүүшын заводууд баригдажа, дээдэ һургуулинууд болон техникумүүд, һургуулинууд нээгдэжэ эхилээд байгаа.

– Байдалнай эгээл хабарай ерэхэн шэнгээр үзэгдэхэ. Энэ мэдэрэл номуудайшье нэрэнүүдтэ харагдаха. Бавасан Абидуевай шүлэгүүдэйнъ хоёр согсолбори – «Наранай туяа», «Баяр», Дольён Мадасоной – «Хабарай толон» гэжэ гаршагтай хэн. Шүлэгүүдэй хамтын согсолбориие «Шэнэ дуунууд» гэжэ нэрлээ һэмди, би номоо «Эдир наһан» гэжэ нэрлээ һэм, – гэжэ тэрэ жэлнүүд тухай дурсалганууд соогоо Цэдэн Галсанов хөөрөһэн байдаг.

Зохёолнуудтаа шэнэ удха бэдэржэ, шэнэ маягаар бэшэхэ арга бэдэрэлгын литературада боложо байһан үе хэн. Эдэ бүгэдэ Ц.Галсановай шүлэгүүд соо эли байдаг.

Промышленностиин томо ажахынууд тухай, Арктикын геройнууд, СССР-эй Конституци тухай мүннүүд шүлэгүүдтэнъ заабол оролсодог, «Колхозой дуун», «Пионерэй марш» гэхэн нэрэтэй шүлэгүүд соонъ тэрэ үе сагай амисхал үзэгдэн, гол тематиканъ байгаа.

1936 ондо Хэжэнгын аймагай нэгэ ажахы ошоходоо, хамтын ажахын хүсье мэдэржэ, нэгэ бүлэ шэнгээр бээ мэдэрһэн зоной ажал хэрэгүүдые хаража ерээд, «Агуухэ баяр» гэжэ поэмэ бэшэһэн юм.

Буряад нютагуудай байра байдалаа шэнээр зохёон эхилжэ байһан тухай темэ манай зохёолшодые эзэлдэг болобо. Цэдэн Галсановай уянгата шүлэгүүдэй гол темэнь энэ боложо, «Дүрбэн үдэр ба гурбан хүни» гэхэн үшөө нэгэ поэмэ мүнделбэ. Тус зохёол соо хамтын ажахыда хүдэлдэг залуушуулай ажал хэрэгүүд тухай хэлэгдэнэ. Поэмын герой болохо эдир Мэдэгмаша басаган трактор жолоодохо хүсэлдэ абтажа, тэрээндэ дурагүй элдэб дайсадын һаалта ушаруулхые оролдобошье, залуу басаганай хүсэн ехэ, далинуудыень хумижа хэншье шадахагүй байшоо.

Ажабайдалда боложо байгаа үйлэ хэрэгүүд тухай дары түргэн бэшэхэ гэхэн оролдолго баһал дутагдалнуудтай, түргэн түүхэй зохёолнууд мүнделдэг гэжэ харуулаа. Ажабайдалые түрүүнээ удхалжа, ухамайлажа үзэхэ, тиигэхэн хойноо гүнзэгыгөөр харуулхые залуу буряад поэзи хаял оролдожо эхилһэн бэлэй. Цэдэн Галсановай тэрэ үеын шүлэгүүд болон поэмэнүүд нэгэ заримдаа яаража бэшэгдэхэн, удхынгаа талаар нулашаг, юумые тэрэ зандань харуулхые оролдохон гэжэ харахаар. Тиигэбэшье, залуу поэдэй урган хүгжэжэ, нилээд ехэ дүй дүршэлтэй боложо байһые обёорхоор хэн.

Буряад совет литературы ажабайдалые зураглан харуулхадаа, шэнэ аргануудые бэдэржэ байһан үе, шүлэг найруулгын шэнэ аргануудые Цэдэн Галсанов шүлэг бэшэжэ эхилһэнһээ хойшо саг үргэлжэ бэдэржэл ябаа. Дамба Дашанимаев, Бавасан Абидуев болон бэшэшье зохёолшодой хойноһоо ород поэзиин баян дүй дүршэлые хэрэглэжэ, буряад шүлэгтэ һүүлшын мүнрүүдтэ рифмэ хэрэглэжэ туршаа. Арадай аман зохёолой түрүүшын мүнрүүдтэ аллитераци байдаг хадаа, аялгань эршэтэй боложо үгэнэ. Шүлэгэйн мүнрүүдтэ ударенинүүд адли адляар һэлгэлдэн унажа байбал, шүлэгэй аялга жэгдэ, уянгатай боложо үгэнэ. Буряад арадай үльгэрнүүдэй баян ёһо заншалнуудай хажуугаар шүлэгтэ силлабо-тоническа байгуулга хэрэглэхэдээ, буряад поэзи үшөөл баяжажа байгаа.

Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай эхилһэнэй хойто үдэр Цэдэн Галсанов «Буряад-Монголой үнэн» сониндо редакторой орлогшоор, һүүлдэнь – редактораар (1947 он болотор) хүдэлөө. Дайн байлдаанай газарта дайралдажа ябаһан сэрэгшэд болон ара талада ажаллаһан геройнууд тухай, Эхэ орондоо дуратай байха патриотизм тухай шүлэгүүдын саг үргэлжэ сонинуудта толилогдожо байһанаа, һүүлдэнь «Магтаал» гэхэн согсолбори боложо хэблэлдэ гараһан юм. «Гуурһан» гэхэн ном соогоо фашис этэгээдүүд тухай сатирическа ехэ хурса памфледүүдые оруулһан юм. Орос тала дайдаа эрэлхэг зоригтойгоор хамгаалжа ябаһан гайхамшагта сэрэгшэд тухай «Чудска нуурай суурян» гэхэн поэмэ бэшэхэн юм. Граждан дайнай үеын эрэлхэг зоригтой комиссар, буряад революционер Павел Балтахинов тухай поэмэ соогоо арадай хэрэгтэ үнэн сэхэ байһан зониие харуулха хүсэлэнтэй хэн.

Тус поэмэнь 1945 ондо хэблэгдэжэ гараһан байха.

Дайнай үедэ хандарһан, доройтоһон ажахыгаа хэргээхын түлөө үдэр хүнигүй ажаллаха гэхэн түсэб дайнай дүлэн соогуур дайралдажа ябаһанаа ерэхэн сэрэгшэдэй урда табигдана. Цэдэн Галсанов эндэ миин байнагүй, хамсыгаа хам шуужа энэ хэрэгтэ оролсоходоо, 1947 онһоо 1952 он болотор буряад болон ород хэлэнүүд дээрэ «Табан жэл тухай поэмэ», «Шэнэ таряан», «Совет наран», «Зүрхэнэй дуунууд» гэхэн шүлэгүүдэй согсолборинуудые, туужын, новеллэнүүдэй, очеркнүүдэй – хамта дээрээ арбаад номуудые хэблүүлһэн юм. Энэнь поэдэй урданайхидаал адли ажабайдалай түлэг дундань ябажа, бүхы хүсээ шүлэгүүдтээ гаргажа байһые

гэршэлнэ бшуу. Тиигээдшые шүлэгүүдынъ болбосоронги, ёhotoйл үгын уран дар-
ханай бүтээһэн зүйлнүүд болонхой.

Дайнай урда тээ, дайнай һүүлээрхи жэлнүүдтэ бэшэдэг заншалаараа гоё
үгэнүүдые хэрэглэжэ бэшэ, харин байдалые үнэн зүбөөр харуулхые оролдодог бо-
лонхой. «Павел Балтахинов» гэжэ поэмэ энээнэй гэршэ.

Арадай үльгэр домог соохи баатар тухай домоглон һагад хөөрөжэ эхилбэшые,
ямар нэгэн тон дүтынгөө хүн тухай хөөрөжэ байһандал суута комиссар тухай ав-
тор дурсан хөөрэнэ:

*Хахал сагаан Сибирь баабаймни дуудабал,
Ганшаг сагаан буряад эжымни хуурдабал,
Баһал иигээд Байгал аялгаа захалбал,
Балтахинов тухай шүлэгөө эхилбэл.*

*Байгал далайн бардам гүнзэги зүрхэньөө,
Бархан уулын сэсэн хабсагайн хүхэнһөө,
Түнхэн хүбыын аршаан хэшэгтэ булагһаа,
Түгнын сагаан хонин төөлэйтэ талаһаа,*

*Балтахинов баатар, солошни жэргэнэл.
Баруун гартаа уран лимбышни үргэнэм.
Ураалай бусад зүрхэтэ дуулга дээгүүр,
Кавказай арбинтай тарган нюрган дээгүүр,*

*Улаан бутарагша шугы модон дээгүүр,
Уурал бааягша уһан рубеж дээгүүр,
Тэнгэрийн хаяае тэниилгэгшэ талаар,
Түрэл Россиин түүхэтэ нангин газараар,*

*Дайн дажарай хэсүүхэн шэрүүн харгыгаар,
Дархан солото сэрэгүүдни зурына,
Бадарһан түрэл тоонтоёо дурданаб,
Баатар нүхэдөө магтан дуугаа татанаб.*

Геройн богонихоншые хаа, ялас гэмэ гэрэлтэй хуби заяан урдамнай үнгэрнэ.
Малша Балтахиин үгытэй ядуу һэеы гэр соо түрэжэ, Эрхүү ошожо һураха үедөө
хубисхалай тэмсэлдэ хабаадажа, партизан отрядые хүтэлбэрилэн, партиин дааба-
ряр сагаантанай галзууралдажа байһан һуурин нютагуудта ошожо, сагаантантай
дайралдаха үедөө Донскойн хүтэлбэрилжэ ябаһан бандидуудай отрядтай түрэл ню-
тагтань добтолон ороходо комиссар һаһа барана.

Тэрэ үедэ залуу һаһандаа ябаһан автор эдэ бүгэдые тон үнэншэмэ тодоор зу-
раглан харуулжа шадаа. Тэндэ болоһон үйлэ хэрэгүүд, геройн тиихэдэ ямар шиид-
хэбэри абаһаниинь тон һайнаар харуулагданхай. Арадай поэзийн бүхы баялигы
бээдээ шэнгээһэн шэмэтэй баян хэлээр үзэгдэл бүхэн зураглагданхай. Тус поэмэ
бэшэхэдээ, автор арга шадалаа бүри мүлжэ, хурса нарин болгоо. Мүрнүүдэйн
һүүлшын рифмэ, мүр бүхэнэйн аялгын бүридэл – булта хамтархадаа, шүлэгы
уян нугархай болгожо, хүгжэм оруулна.

Тус поэмые ород хэлэндэ оршуулһан поэдүүд С.Шервинский Т.Стрешнёва
хоёр ехэ наринаар энэ зохёолые оршуулжа, Павел Балтахиновой һүүлшын һүни
тон үнэншэмөөр зураглаа:

*Һүнийн тэнгээр
 бэшиг дээр хүбүүн Һууна,
 Һэргылхээ мартанхай
 бодолгото дүүрэн Һууна.
 Хүбэриг Һара
 газаа саҺанда уришаганана.
 Хүнэй ябаха,
 саахар хазаҺандал, харишаганана.
 Үглөө гэжэ үлөөҺэн зүҺэм хилээмэн
 Үлэн гүзөөнь эльбэн, эльбэн тэнхээнэ.
 Стол дээрэнь ябталаатай ном эрэлэн,
 Орон дээрэнь Ленинэй дүрэ мэшэээнэ.
 «Ойлгыш, хүбүүн, –
 гэнэ мүшэд, –
 хобишон ябуужа!»...*

Түрэл Буриад орон соогоо суутай, хүндэтэй болоһон Павел Балтахинов автор-та тон дүтын, түрэлын мэтэ, поэмэ соо тэрээнэй баатаршалга тухай аргагүй дулаанаар бэшэгдэнхэй:

*Түүхэ домогто бэшээтэй
 түмэр зоригтоной дунда
 Түрүүшын буриад комиссар
 мартагдахагүйш хэтэдээ.
 Тиигэжэ би – поэт
 хүүр дээрэшни шамда
 Түүбэри шүлэгөө үргэнэм,
 түрэл Улаан-Үдэдээ.
 Үгы! Ши үхөөгүйш!
 Үхэл бэшэ энэ!
 Өөрынгөө ороние аришалан,
 үнэнишөөр тэмсэн гарабалиш.
 Нарата гэгээн үдэр,
 Һарата сэгээн Һүни
 Мантаяа хамта илалсан,
 түрэ хуримдаа ерэбэлиш.*

Һүүлэй үедэ бэшэгдэһэн уянгата шүлэгүүдынышье урданайхидаал үлүүсэ пафос үгы, аалихан, уянгатай, уян нугархай хэлээр бэшэгдэнхэй. «Буриадтам», «Оросойм түрэл шарай», «Эдир залуудаа», «Буриад эхэнэртэ», «Мойһон» гэһэн шүлэгүүдын хонгёо аялгатай:

МОЙҲОН

*Үдэр бури Эхэ орондоо
 Мойһон дэлгэрнэ.
 Үдэр бури инаг дурандам
 Мойһон мэлмэрнэ.*

*Хаанаи яба, хамаагүй намда
Мойһон харагдана.
Үдэри яба, хүнндөөш унта –
Мойһон ханагдана.*

*Баруун тээшье, Белостогтошье,
Мойһон урдам байна.
Зүүн тээшье, Дальни-Востогтошье,
Мойһон гартам байна.*

*Саяан уулымни дабаандашье,
Мойһон урган хууна.
Кавказ хадада, Севандашье,
Мойһон бурган бууна.*

*Хурса хайхан хониуу амтаараа
Шүлһым гаргана.
Хаб харахан мойһон гансаараа
Шүлэгом харана.*

*Буряад нютаг, уужам газарта
Мойһон сэсэглэнэ.
Урин хайхан ганса нүхэртэм
Мойһоной нюдэн – энэ.*

Шэнэ сагай амисхал мүнүүдтээ шэнгээһэн олохон шүлэгүүдын дуун боложо дэлгэрһэн юм.

– Минии шүлэг дээрэ бэшэгдэһэн зуугаад дуунуудые концерт наадануудта хэрэглэнэ. Залууһаань композиторнуудтай нүхэсэдэг байгаа. Хүгжэмдэ тааруулхы оролдожо шүлэг бэшэдэггүйб. Харин шүлэгүүдни дуун боложо тараһан байдаг. Шүлэг бэшэхэ бүхэндөө аялгатай байхыень оролдохош. «Жаргал», «Сэлэнгын эрьедэ», «Байгал», «Бидэнэр залуубди», «Хадаһаа дээшэ» гэжэ минии шүлэг дээрэ бэшэгдэһэн дуунуудые арадай дуунууд гэжэ зоной хэлсэхэдэ, би баярлажа ябадагби. Эдэниеш композиторнууд Жэгжэд Батуев, Бау Ямпиров, Дандар Абшеев, Павел Берлинский, Виктор Морошкин гээд лэ минии шүлэг дээрэ найруулаа юм. Минии шүлэгүүд дээрэ Александра Пахмутова, Сергей Манжигеев, Чингис Павлов, Базар Цырендашиев композиторнууд мүн лэ дуу зохёодог бэлэй, – гэжэ Цэдэн Галсанов омогорхолтойгоор хөөрэдэг һэн.

Шүлэг бэшэхэдэ шэнэ онол аргуудые бэдэрдэг байһан Цэдэн Галсанов, ород болон совет үеын классигуудай зохёолнуудые хэрэглэдэг байһан. Зохёохы намтарайнгаа эхинһээ Лебедев-Кумач, Демьян Бедный болон бусад дуунда шүлэг бэшэдэг ород поэдүүдэй шүлэгүүд болон дуунуудые оршуулдаг һэн. Тэдэ шүлэгүүд шэнэ байдал байгуулхы, яһатан хоорондын хани нүхэсэлдэ уряалдаг байгаа.

Ёһотой соёл гээшэ болбол интернациональна юм гэжэ «Давид Сасунский» гэжэ армян эпосэй 1000 жэлэй ойн баярта хабаадахаяа Ереванда урилгаар 22 наһатайдаа ошоһон Цэдэн Галсанов ойлгожо абаһан байха. Соёлой энэ ехэ найрта гүрэн түрэмнай бэлдэжэ, энэ эпос СССР-эй олон тоото арадуудай хэлэндэ оршуулагдаһан юм. Эпосэй багахан хэнгыгэ Цэдэн Галсанов буряад хэлэндэ оршуулһан юм.

Ереван хотын театр соо энэ оршуулхан хэлэгээ түрэл хэлэн дээрээ уншахадань, буряад хэлэнэй ирагуу аялга бусад хэлэнүүдэй аялгануудтай худхаран, нэгэ ехэ хүгжэм болон тарахадань, ехэл хүрөөтэйгөөр соностожо, поэт бүхы наһан соогоо мартахагүйгөөр энээнине хадуужа абаа бэлэй.

Цэдэн Галсановай оршуулхан зохёолнуудые тоолохо болоо хаа, олон байха. А.С.Пушкинай түрэхөөр 150 жэлэй ойн баярта зорюулжа, оршуулхан зохёолнуудайнгаа ном хэблүүлэн гаргаһан юм. В.В.Маяковскийн «Владимир Ильич Ленин», Н.А.Некрасовай «Кому на Руси жить хорошо» гэхэн поэмэнүүдые, М.Ю.Лермонтовэй шүлэгүүдые, А.С.Грибоедовэй «Горе от ума» комеди, А.С.Пушкинай «Евгений Онегин» гэхэн шүлэглэмэл роман оршуулхан байна. Гэхэтэй хамта, тэрэ үеын совет поэдүүдэй зохёолнуудые олоор оршуулаа. Оршуулхан зохёолнуудыень хамтаруулан, ном болгожо гаргаха гээ хаа, хэдэн боти номууд болохо хаш даа. Цэдэн Галсановай зохёохы намтарайнь үшөө нэгэ габыа болоно.

Поэдэй талаан бэлиг жараад-наяд онуудаар бүри ехээр дэлбэржэ, «Далайда дуһал», «Жэмбын жэрьезн», «Дабаан дээрэ», «Байгалһаа холо харагдана» гэхэн шэлэгдэмэл зохёолнуудайнь согсолбори хэблэгдэжэ гараһан. «Багша тухай Байгалай домогууд» (ород хэлэн дээрэ) гэхэн поэмэ соогоо совет засагай үе сагта түрэл хизаартань болоһон хубилалтанууд тухай хэлэхэдээ, арадай хүсэл бэлээ гэжэ тэмдэглэнэ. Үндэр наһатай үльгэршэнтэй хамта Владимир Ильич буряад тала дайдаар ябажа, дэмбэрэлтэ хубилалтануудые хаража урмашана. Эдэ үйлэ хэрэгүүд наһаанһаа абажа бэшэгдээгүй, юумые тэрэ хэмдэнь зураглан харуулаа.

*Урасхал горхон, мүрэнүүд
Уулзуур дээрээ наадамтай.
Ород, буряад, эвенкнүүд
Угай халуун найрамтай.*

Уянгата шүлэгүүд соонь мүнөө үе саг тухайгаа бодомжонуудынь гүнзэгы удхатай, баян хэлэтэй. Уран зохёол бэшэхэдээ дүршэлтэй болоһон, саашаа хүгжэхэ бүхэндөө шэнэ аргуудые бэдэржэ байдаг поэдэй шүлэгүүдынь улам улыгам, уянгатай болоно. «Лимбын жэрьезн» гэхэн циклдэнь ороһон багахан шүлэгүүдые уншахада, эдэ элирнэ.

*Иигэжэ бишыхан
эрхэ тангил ябахадам,
Эхым зүрхэндэ
Ильич нэбтэрэн ороо һэн.
Иигэжэ мүнхөөр
Буряад орон, Байгалдам –
Ильич багшын
суртаал толорон ерээ һэн...*

Наһанайнгаа һүүлшын үдэрнүүд болотор поэт ажабайдалай гүн соогуур ябажа гараа. БАМ-ай барилгашад тухай хэдэн хэлэг шүлэгүүдые бэшэһэн юм. Дуран тухай ехэ гоёор, уянгатайгаар бэшэһэн:

*Галаатаһан харгымнай
саанаа хилгэдэг,
Галаһан хоёрнай
дахинаа нишлэдэг.*

*Ханилсамни
эди шэди гэжэ үгы, –
Хада хадаяал золгохо гэжэ биш.*

Хэрэгтэй үгэнүүдые ажабайдал тэрээндэ хэлэжэ үгэдэг байгаа ха.

*Үе сагаймнай
үбдэг, үбсүүн дээгүүр
Үнэнишэ уладай
үндэр дуунай зэдэлхэдэ,
Эб найрамдалай
эгэшэг аянгын дэгдэхэдэ,
Дуугай бэшэ,
хуугай шангаар табижа,
Гуурхан дороһоо
гулгаа шүлэгөө залгажа,
Үхэһэн уладуудта
энхэ нойрыень заяагаа,
Амиды хүнүүдтэ
мүнхэ золыень юрөөгөөб, –
Миин хаража байгаагүйб! –*

гэжэ Цэдэн Галсанов дэмы хэлээгүй байха.

Зохёохы ута наһан соогоо поэт баяр, гунигаа арад зонтоёо хубаалдажа ябаа. Шүлэгшэ, дууша хүбүүнэй зүрхэ сэдхэлдэ түрэнэн дуунууд арад зондоо хэтэдээ мүнхэрэн үлөөл даа.

КНИГИ ПОЭТА

Шэнэ дуунууд (ноототойгоор үгтэһэн энэ номые Ц. Галсанов, Н. Халбаев, А. Шалаев гэгшэд согсолом бүридхөө. Ондоо авторнуудай зохёолнуудтай хамта Ц. Галсановой өөрын бэшэһэн дуунууд болон оршуулганууд оролсоо). – Улаан-Үдэ, 1936.

Эдир наһан. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1938.

Хэзээдэ бэлэн. Хүүгэдтэ зориулагдаһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1938.

Дүрбэн үдэр ба гурбан хүни. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1939, 1977.

Ёлка. Хүүгэдтэ зориулагдаһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1939.

Манай парад. Хүүгэдтэ зориулагдаһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1940.

Байгалай долгинууд. Шүлэгүүд, дуунууд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1940.

Магтаал. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1942.

Чудска нуурай суурян. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1943.

Гуурхан. Шүлэгүүдэй памфледүүд. – Улаан-Үдэ, 1944.

Павел Балтахинов. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1945.

Табан жэл тухай поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1947.

Шэнэ ургаса. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1947.

Элхиин үргэн талаар. Рассказ. – Улаан-Үдэ, 1948.

Шэлэгдэмэл зохёолнууд. – Улаан-Үдэ, 1948.

Совет наран. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1951.

Байгал шадарай наран доро. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1951.

Түрэл харгынууд. Новеллэнүүд, очеркнууд. – Улаан-Үдэ, 1952.
Бидэ залуубди. Шүлэгүүд, дуунууд. – Улаан-Үдэ, 1959.
Илдам баргажсанаархимни. Хүүгэдтэ зорюулагдаһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.
Минии хүхюу нүхэд. Шүлэглэмэл туужа. – Улаан-Үдэ, 1962.
Манай миисгэй. Шүлэглэмэл онтохон. – Улаан-Үдэ, 1963.
Далайда дуһал. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1968.
Багша тухай Байгалай домогууд. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1969.
Лимбын жэрьеэн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1973.
Шэдитэ жэмбүүр. Үхибүүдтэ зорюулһан поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1974.
Амар мэндэ, хүндэтэн! Дурасхаалнууд. – Улаан-Үдэ, 1980.
Дабаан дээрэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1982.
Зүрхэнэй дурасхаал. Дурасхаалнууд. – Улаан-Үдэ, 1983.

На русском языке:

Песни сердца. Стихи. – Улан-Удэ, 1948.
День рождения. Стихи. – Улан-Удэ, 1949.
Ангарский военком (Павел Балтахинов). Поэма. – Улан-Удэ, 1950.
Байкальские стихи. – М., Советский писатель, 1950.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Мне с Байкала видится далеко. Стихи. – Улан-Удэ, 1978.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI века в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Малакишинов П. О книге Ц.Галсанова «Байкальские волны». – Бурят-Монгольская правда, 1940, 22 июня.
Тумунов Ж. Талантливый поэт. – Буряад Унэн, 1947, 25 января.
Дамдинжапов Ц. Повесть Ц.Галсанова «Под солнцем забайкальским». – Буряад Унэн, 1952, 1 апреля.
Тармаханова О., Жарков Д. Галсанов Цэдэн Галсанович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Улзытуев Д. Новые книги наших писателей. – Буряад Унэн, 1962, 10 августа.
Без указ автора. Галсанов Цэдэн Галсанович // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1964.
Туденов Г. Талантливый поэт. – Буряад Унэн, 1967, 19 августа.
Ким И. Цэдэн Галсанов // Литература Советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973.
Дугар-Нимаев Ц.-А. Чистая роса поэзии. – Правда Бурятии, 1977, 27 февраля.
Без указ. автора. Галсанов Цэдэн Галсанович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Белоусов А. Певец души народа своего. – Правда Бурятии, 1979, 3 июля.
Найдаков В. Поэма Ц.Галсанова «Павел Балтахинов» // Найдаков В. Там, где плещет Байкал. – М., 1979.
Дондогой Ц.-Д. На перевале. – Буряад Унэн, 1982, 11 декабря.
Намжилов Ч.-Р. Путь народного поэта. – Буряад Унэн, 1987, 22 февраля.
Хамаев Ц.-Д. Стихи, ставшие песнями. – Буряад Унэн, 1987, 19 сентября.
Без указ. автора. Галсанов Цэдэн Галсанович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Дугар-Нимаев Ц.-А. Писатель и время. – Буряад Унэн, 1997, 20 февраля.
Шагдаров Л. Язык поэзии Ц.Галсанова. – Буряад Унэн, 1997, 8 мая.
Содномов А. Эпическая поэзия Цэдэна Галсанова // Отчий край. Краеведческий сборник, выпуск 3-й. – Улан-Удэ, 1998.
Будаев Ю. На высоком гребне волны. – Бурятия, 2002, 22 февраля.
Дамбаев Г.-Д. Воспоминания о Ц.Галсанове. – Буряад Унэн, 2002, 2 мая.
Махабалаева Х. Галсанов Цэдэн Галсанович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Чимит Цыдендамбаевич
ЦЫДЕНДАМБАЕВ
(1918-1977)**

СУДЬБА ГЕРОЕВ – СУДЬБА НАРОДНАЯ

В мои молодые годы в сельской библиотеке часто проводились беседы о книжных новинках. Особое внимание в таких обзорах уделялось новым произведениям писателей родного края. Послушав беседу, мы жадно читали эти книги.

Помню впечатление о романах Чимита Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара» и «Вдали от родных степей». Казалось, писатель рассказал о мальчишке из соседнего бурятского села, жившего здесь давным-давно, но оставившего глубокий след в истории наших мест. Это о нем, ставшем знаменитым ученым, напоминали исследователи, это его именем были названы улица и педагогический институт в городе Улан-Удэ...

Прежде всего, конечно, западало в душу художественное впечатление от талантливой прозы автора. Секрет здесь – в глубинном знании народной жизни и умении ярко, во всех подробностях воскресить и быт скотоводов, и, что еще важнее, их накопленные за столетия духовные богатства. Читая страницы обоих романов, можно было составить живую и красочную картину: как степняк добывает пропитание, как стремится сохранить в годы несправедливости и нищеты свою чистую душу, как радуется и печалится, бредет во мраке и рвется к свету. Мы уже выписывали из произведений Намсараева и Тумунова строки, которые нельзя придумать; в памяти творцов навсегда запечатлелась близкая, улусная жизнь. Добавлю к этому, когда читаешь романы Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара» и «Вдали от родных степей», его рассказы и повести, то встают новые, неведомые тебе подробности этой жизни. Воспроизведенные волшебником слова, они умножают твои знания не только о традициях и обычаях бурят, но и о самой человеческой душе на земле, о ее красоте и богатстве.

Маленький Доржи, сын селенгинского бурята-казака Банзара и его жены Цоли, учится в Кяхтинской войсковой школе. На каникулах он бойко переводит беседу своих сородичей с русскими людьми и в воображении своем гордо видит себя «зорким и сильным среди незрячих и беспомощных». Писатель образно и мудро передает ощущение своего юного героя: «Доржи кажется, что люди никак не могли вдеть шелковую нить в золотую иглу, пока не пришел он, вдел нитку в иголку – и сразу пошло бойкое шитье». А то «Доржи представилось, будто склонился он над рекою незнания и соединяет руки людей, стоящих на ее светлых зеленых берегах. Люди знакомятся, говорят умные, теплые слова. Доржи помогает им понять и полюбить друг друга». И сколько таких замечательных сцен нарисовано в романе, и как чувства и мысли героев связаны со щедрым, золотым сердцем народа! И какое общечеловеческое богатство открывает национальный писатель перед всяким читателем в любом уголке мира! Так и видится, что романы, подобные дилогии Чимита Цыдендамбаева, – это некие вершины, на которые земные народы принесли свои духовные богатства, россыпь своих культурных сокровищ. Они не затеряются среди других, их не затмят, а наоборот, лучше оттенят дары других племен и народов!

Доржи, мальчик из затерянного в бурятских степях улуса Ичетуй, – плоть от плоти своего народа. Кажется, он с детства впитывал душевные силы и редкие таланты своих земляков, готовясь в зрелости вернуть им свой дар ученого. Пожитейски естественно, по-братски учат любознательного Доржи соседи, каждый одноулусник открывает ему душу, дает уроки доброты, помогает проявить духовные задатки. Что может дать ему, например, сосед Эрдэмтэ Жербаев, отец дружка и сверстника Аламжи? Ведь он простой пастух, звезд с неба не хватает. Ан, нет, в душе Эрдэмтэ – художник, он и обычную улусную жизнь, большой мир вокруг видит, как живописец, как одаренный «поэт красок». И его страсть к творчеству, стремление открыть красоту обыкновенной жизни завораживают Доржи, зовут смело идти к своей мечте. А как дает Эрдэмтэ свои житейские уроки? Да очень просто: рассказывает детям на привале, словно бы мимоходом, про свою судьбу и свою необычную страсть:

«– Эрдэмтэ-бабай, – нарушает молчание Доржи, – почему вас зовут Эрдэмтэ-Ученый? Вы же не умеете читать?»

И потекло воспоминание мудрого соседа:

«– Ладно, слушайте... Я еще мальчиком был, чужих баранов в степи пас, больную мать кормил. В школу я, конечно, не ходил, какая там школа, не было у нас школы, а учиться хотелось, много знать хотелось, про все... Но больше всего я нашу степь, горы любил. Появится после дождя над степью радуга, долго смотрел на нее и думал: хорошо бы кусочек отломить и с собой носить... Или, бывало, на берегу озера перед закатом сидел, все удивлялся: какого цвета небо и облака, такого цвета и вода.

За цветами интересно следить. И у них окраска меняется: утром цвета светлые, нежные, в полдень яркие, а вечером совсем другими кажутся. Им, видно, грустно от разлуки с солнышком...

И еще животных и птиц любил. Из дерева ножом то барана с закрученными рогами вырезал, то жеребенка тонконового, то дятла большеголового.

Все меня хвалили. Один русский приезжал, мои рисунки увидел, покачал головой: «Учиться тебе, говорит, нужно и краски найти бы настоящие».

Доржи, как губка впитывал такие рассказы. Ему было горько, что он не умеет рисовать, как Эрдэмтэ, или играть на хуре, как прославленный хурчин Борхонок. Но ведь эти неудачи как раз и помогали мальчику понять, какого труда требует талант! А еще – какую душу надо иметь, чтобы развился твой дар. Еще один отмеченный судьбой человек, искусный чеканщик, как раз и открывает Доржи секреты богатой души, которую особо ценят в народе:

«Не старайся украсить себя серебром да золотом. Что с того, если люди скажут: «Ах, какой дорогой ножик у этого Доржи!». Пусть лучше скажут: «Какой умный и добрый сын у Банзара!».

И в подтверждение своих слов чеканщик припомнил историю, случившуюся на свадьбе местного богача:

«Встал один старик и спросил: «Скажите добрым людям: что мы называем тремя самыми дорогими драгоценностями на свете?». Жених думал-думал, моргал-моргал, в затылке почесал и ответил: «Если в моем табуне поискать, там белоногий жеребец есть. Мне за него полсотни золотом предлагали... Если это насчет украшений, то богаче, чем у меня, ни у кого не найдете... Если о женщинах загадка, то краше моей невесты не сыщете...» Вот уж посмеялись гости! Когда поутихли, один из гостей объяснил: «В младенчестве нет ничего дороже молока ласковой матери; в зрелые годы нет ничего дороже заветов мудрых стариков; в преклонном возрасте нет ничего дороже похвалы и почета родного народа». Так надо было ответить».

Такие беседы – это, конечно, уроки народного воспитания, мудрые заветы, сохраняемые бурятами долгие века. И в таком духовном лоне только и мог созреть характер великого сына своего народа.

Первая книга о будущем ученом заканчивается тем, что подросток Доржи после учебы в войсковой школе готовится поехать в Казань. Там он продолжит образование вначале в гимназии, а затем в университете. Сравнивая две книги задуманной писателем трилогии, известный критик, доктор филологических наук Василий Найдаков писал:

«Если в первой книге, изображая детство героя, Ч.Цыдендамбаев сумел создать своего рода энциклопедию бурятской жизни середины прошлого столетия (имеется в виду XIX век. – А.Р.), обильно насыщенную этнографическими и бытовыми подробностями, воссоздающими условия, в которых рос маленький Доржи, то теперь ему предстояло показать, что питало ум и сердце молодого бурятского ученого, показать общественно-социальную жизнь России 40-х годов прошлого века.

Естественно, что и во второй книге сюжетным и композиционным центром повествования является Доржи Банзаров, к образу которого стягиваются все нити многопланового произведения».

В Казани студент из Забайкалья подружился с выдающимися людьми России – ректором университета, прославленным математиком Николаем Лобачевским, крупным историком Осипом Ковалевским, который стал наставником будущего бурятского ученого. На защите Банзаровым своей диссертации «Черная вера или шаманство у монголов» при выпуске из университета присутствовал молодой Лев Толстой, в те дни студент того же учебного заведения. Ясно, что его привел сюда жгучий интерес к восточной культуре, философии, этике.

В такой среде все лучшее, что было заложено в бурятском юноше, получило расцвет. И несомненно, что сам он тоже оказывал сильное влияние на окружающих его талантливых людей. Ведь за ним стоял духовный опыт народа. Ч.Цыдендамбаев очень тонко и убедительно раскрывает духовные и нравственные искания Банзарова, его глубокую связь с народными представлениями о ценностях жизни. Вот его размышления зрелых лет:

«Говорят, что нужно понять и научиться уважать обычаи страны, в которой живешь. А сердце любимого человека разве не такая же неизведанная страна? Если любимая страна имеет границы, то разве человеческое сердце – это не безбрежный океан? Почему же он, Доржи, не постарался проникнуть во внутренний мир любимой? Даже если ее сердце недостойно уважения, он должен был узнать все: и вершины, которые возвышаются в нем, и глубокие пропасти, которые там подстерегают...»

Трудно не согласиться с тем, что это правила народной этики. А посмотрите, как зорко воспринимает он жизнь природы и как интересно размышляет об этом – не народная ли мудрость сквозит в каждом слове его рассуждений:

«...тишина бывает разная. Есть мертвая тишина кладбища. Там – покой, непобудный сон, тление. Там и травы под ветром колышутся тихо, птицы щебечут вполголоса. Поблизости пастухи не смеют петь...

А есть тишина жизни. Она совсем другая. Вот весенние почки – бесшумные, дымчатые, тихие. Но придет июнь – и пробудится в них буйная, неудержимая сила, зашумят деревья теплой зеленой листвой. Тишина жизни таится в каждом зернышке, в летучих семенах деревьев. Она – в каждой капле воды, но из капель образуются буйные потоки, стремительные водопады, низвергающиеся со скал.

А есть тишина, наполненная грозной силой, – это суровое молчание людей, терпение которых доведено до предела. У этой тишины свои приметы: нахмуренные брови, твердо сжатые губы... Такая тишина страшнее, чем та, что наступает между молнией и громом...»

Такие истины шлифуются веками и являются перед нами, как глубокие, отточенные изречения философа.

К подобной мысли приходишь и тогда, когда постигаешь стилистику Чимита Цыдендамбаева. Нередко забываешь, что повествование ведет писатель лично от себя, – нет, рассказ ведет народ устами лучшего своего ученика. Любое жизненное правило, бытовое наблюдение выражается чудесным языком афоризма, отточенной присказки, неожиданной пословицы. «Кто пожалел собаке чашку еды, тот подарил волку жирного барана», – говорит один из героев романа. Или: «Какое уж тут доверие, – думал Доржи о своем знакомом помещике Алексее Угрюмове и его крестьянах. – Один – хозяин, другие – рабы... Сколько ни размешивай молоко, сливки всегда будут сверху...»

То тут, то там изумрудами вспыхивают в повествовании необычные строки. Кажется, что автор – наследник искусных улигершинов – ни на минуту не забывает их мастерства, ведя свой рассказ: «В иных домах гости подолгу томятся, пока накрывают на стол. Проголодавшемуся гостю начинает казаться, что слуги пошли копать колодец, чтобы достать воды для самовара. Что огонь для кухонной плиты они добывают трением одного куска дерева о другой. Пока ждешь обеда, ягненок станет бараном. Да еще придется ждать, когда баран, наконец, превратится в мясо...»

Для Доржи Банзарова эти красивые словесные кружева – родные, с детства радующие душу. Он и обращение к теме своей научной работы – «Черная вера

или шаманство у монголов» объясняет с тех же позиций: ближе народных традиций, народной культуры для него ничего нет: «Я пишу о шаманстве. И как полезно сейчас, что в детстве видел я камлания шамана Сандана, что довелось быть на вершине горы Баян-Зурхэн во время тайлгана – шаманского жертвоприношения. Эти воспоминания для меня теперь как находка, бесценный клад. Порой кажется, что я начал свой труд о шаманстве не здесь, не в Казани, а в далеком детстве, когда еще не знал грамоты».

Чимит Цыдендамбаев не случайно обратился к судьбе выдающегося бурятского ученого Доржи Банзарова. Подобным образом поступил и казахский писатель Мухтар Ауэзов, создав эпопею о великом сыне своего народа – поэте-просветителе Абае Кунанбаеве. По вершинам высоких деревьев можно судить о лесе. По таланту и свершениям великих ученых, писателей, художников, исследователей небесных тел и земных пространств можно судить о духовном потенциале, нравственной высоте их народов. И в этом смысле два романа Ч.Цыдендамбаева из задуманной трилогии о Банзарове – это не просто историческое повествование о талантливом юноше и его времени. Это художественное исследование того, какие духовные возможности имел народ, и какую лепту он был способен внести (а теперь и вносит!) в общечеловеческую сокровищницу.

Закljučая наш рассказ о выдающемся бурятском писателе, снова обратимся к мнению критика В.Найдакова. В своем послесловии к изданию двух романов Ч.Цыдендамбаева (1981 г.) он писал:

«Большая и сложная работа над романами о Доржи Банзарове, потребовавшая от писателя напряжения всех сил, не исчерпала творческих возможностей Чимита Цыдендамбаева. Параллельно с работой над третьей, наиболее трудной частью трилогии о трагедии ученого, лишенного возможности вести научные исследования и погибшего в тридцатитрехлетнем возрасте, он выпускает новые книги стихов и рассказов, создает интересные повести «Бурятка» и «Год начинается с весны», сатирический роман в новеллах «Охотники за голубыми гусями», пробует силы в драматургии. Черновые наброски и материалы к третьей книге о Доржи Банзарове свидетельствуют об огромной и кропотливой работе, проделанной писателем по сбору и осмыслению довольно скудных и противоречивых сведений о последних годах жизни ученого. Эта работа, к сожалению, осталась незавершенной. Но два романа о Доржи Банзарове представляют самостоятельную и значительную художественную ценность. Думается, они займут достойное место среди историко-биографических произведений о лучших представителях народов, населяющих нашу многонациональную страну».

ГЕРОЙНУДАЙНЬ ХУБИ ЗАЯАН – АРАДАЙ ХУБИ ЗАЯАН

Минии залуу ябахaдa, хэблэлхээ хая гарaхан шэнэ номууд тухай хөөрэлдөөнүүд нутагаймнай номой сан соо ходол боложо байдаг hэн. Илангаяа Буряадай уран зохёолшодой номуудта ехэ анхарал хандуулагдаха. Иимэ хөөрэлдөөнүүдэй һүүлээр эдэ номуудые абажа, ехэл һонирхон уншахаш даа.

Хүршэ буряад тосхондо түрэжэ үдэһэн хүбүүхэнэй хожомоо дэлхэйн ехэ эрдэмтэн боложо, түүхэдэ нэрээ мүнхэлжэ, мур сараагаа үлөөһэн тухайда «Банзарай хүбүүн Доржо», «Түрэл нютагһаань холо» гэжэ романууд соо ехэтэ һонирхон уншаһанаа һананам. Тус романууд соо бэшэгдэһэн эрдэмтэнэй нэрээр Улаан-Үдэдэ үйлсэ болон Багшанарай дээдын һургуули нэрлэгдэнхэй һэн...

Энэ томо зохёол нэн түрүүн юугээрээ анхаралыем татаа юм гэбэл, авторынь арад зоной һуудал байдал одоол һайн мэдэхэ хүн; зоной ажабайдал зураглан харуулхадаа, энэ мэдэсээ, талаан бэлигээ дууһан хэрэглэжэ, ялас гэмээр түүрээн бэшэ гэжэ эли. Хоёр романиинь уншаад байхада, нэмжэгэр үргэн талада ажаһуудаг зон яагаад эдэ хоолоо олоноб, үгытэй ядуушые һаа, ямар сэбэр һайхан сэдхэлтэй зон гээшэб, энэ сэбэр сагаан сэдхэлээ харанхы соо алдажархингүй, ямар зоригтойгоор гэрэл тээшэ дүүлиһэн, эрмэлзэлэн зон бэ гэжэ ямар үнэншэмэ гоёор харуулжа шадааб гэжэ гайхахаар. Намсараевай, Тумуновай зохёолнуудые уншаад, энэһэнээ ондоогоор иимэ байдал яагаад харуулха байгаа гэжэ һанажа байн гэхээ, Цыдендамбаевай хоёр роман, туужанууд болон расказуудые уншаад байхаш, буряад арад зоной ажабайдал бүри танил, бүри дүтэ боложо, тэдэнэй ёһо заншалнууд, сэдхэл доторойнь баялиг бүри хурсаар яларжа харагдахадаа, уншагшын мэдэсэ үшөө үргэн дэлгэр болгоно.

Цоли гэжэ һамгатай Сэлэнгын буряад Банзар гэжэ хасаг хүнэй бүлэдэ түрэнэн Доржо хүбүүхэн Хяагтын сэрэгэй һургуулида һурана. Һуралсалай амаралтын үедэ нютагайнгаа зоной ородуудтай харилсахада, ородһоо оршуулжа үгэдэг хүбүүн нюдэ муутай, һохор зондо тухатай байһан урма баяраа иигэжэ харуулна: «Тэрэнэй ерэжэ, утаһа зүүндэ һаблажа үгэтэр торгон утаһа алтан зүүндэ һаблажа, зон ядаад байна гэжэ Доржодо һанагдаха юм. Доржын ерэхэтэйл адли бүхы юумэн хэмдээ булта орошоһондол үзэгдөө. Хара мунхаг гол дээрэ тонгойжо байшоод, сэлмэг ногоон эрьенүүдтэнь байһан зоной гарнуудые бэе бээтэйнь холбожо байһандал. Хүнүүд танилсажа, бэе бээдээ сэсэн, дулаан үгэнүүдые хэлэжэ байһан мэтэ. Бэе бээе ойлгожо, бэе бээдээ дурлахадань Доржо тэдэндэ туһална хэбэртэй».

Иигэжэ геройнуудайнь баян дэлгэр зүрхэ сэдхэл харуулһан хэһэгүүд роман соо олон. Газар дэлхэйн ямаршые углуу буланда ажаһуужа байгаа хүн энэ зохёол уншбал, буряад арадай сэдхэл доторой баялиг нээжэ абаха бшуу. Чимит Цыдендамбаевай хоёролжон роман шэнги зохёолнууд газар дэлхэйн олон тоото арадуудай зүрхэ сэдхэлэй, соёл болбосоролой баялиг нээжэ үгэһэн эрдэни зэндэмэни, уран зохёолой дээдын ехэ орьёл болоно гээшэ. Эдэ зохёолнууд бэшэнтэй хамта худхаран үндэһөөрөө үгы болохохогүй, өөрын нюуртай байжа, мүнхэрэн зондоо үлэхэ бшуу.

Холын Буярадай тала газарта оршодог Үшөөтэй гэжэ һууринда түрэнэн Доржо хүбүүхэн – энэ арадай үри һадаһан хадаа, хара баһаһаань арадайнгаа хүсэ шадал, хаба зориг, эрдэм мэдэсэ абажа, суута эрдэмтэн болоод, арадайнгаа үршөөһэн энэ хэшэгые арадтаа һөөргэнь бусаахал. Баһаһаань һүбэлгэн бэрхэ Доржо хүбүүе хүршэнэрын дэмжэжэ, мэдэхэ юумэндээ һургана, һургаал заабари хэлэжэ үгэнэ. Аламжа нүхэрэйн аба эгээл юрын малшан Эрдэмтэ Жербаев юугээрээ хубаалдахаб даа гэхэдэ, энэнь тиимэ бэшэ. Эрдэмтэ Жербаевай сэдхэл дотор уран зурааша хүн оршожо, оршон тойронхиёе тэрэ бэлигтэй хүнэй нюдөөр хаймадажа, үнгэлэн зураглана. Эрдэмтын хүүгэдтэ өөр тухайгаа хөөрэхэдэнь, эгээл онтохо шагнажа байһандал, хөөрөөһөн ами татан хүүгэд шагнаха юм. Ухаатай сэсэн хүршэнь урданайнгаа юумые дурсан байжа хөөрэнэ:

«– Эрдэмтэ баабай, та ном бэшэг мэдэдэггүйт, яагаад Эрдэмтэ гэжэ нэрэтэй байбат?

– Тэрэ гэхээр олохон жэл үнгэрөө. Үбшэн эхэмни үшөө амиды байһан юм. Тиихэдэ би айлай мал адуулдаг болоһон байгааб. Тиихэхээ хойшо үзэг номдо хураха ехэ дуратай байгааб. Теэд хамагһаа ехээр орон дэлхэйдээ дурлагша хэм. Шэрэ будагта ехэ шуналтай ябааб. Бороогой һүүлдэ холонгын толорон бүхөөгтэхэдэ, тэрээнһээ түүлжэ абаад, өөртээ абалсажа ябаха дуран хүрэгшэ хэн. Заримдаа нуурта ошохо хэрэг гараха. Нуурай ойро нууаш. Тэнгэрийн үнгын хубилха бүри нуурай долгиной үнгэ хубилжа байха юм. Долгин бүхэн ондо ондоо үнгэтэй байха. Сэсэгүүдтэ дуратай хэм. Үглөөгүүр, наранай гаража байхада, сэсэгүүд нэгэ ондоо үнгэтэй, үдэ болоходо, баһа ондоо үнгэтэй болохо. Ан гүрөөһэндэ дуратай бэлэйб. Мүнөөшье дуратайб. Хитагар эбэртэй хуса, тэмээнэй ботого, нарийхан хүлтэй унагадые модоор зорожо хэгшэ хэм. Шубуу шонхор шабарааршье бүтээгшэ хэм. Хүн намайе ехэ магтадаг байба. Ёһотойл зурааша болохош гэлсэгшэ хэн. Нэгэ ород землемер минии урлалые хараад, толгойгоо хэжэржэ: «Һурахал ушартай байгааш даа. Үнэнтэ хайн шэрэ олодог хааш, ехэл хайн байгаа», – гэбэ».

Эрдэмтэ хүршынгөө хөөрэхые Доржо ехэл һонирхон шагнадаг байба. Эрдэмтэ шэнгээр гоёор зуража, Борхоног шэнгээр хуур дээрэ наадажа шададагүйдөө хүбүүн ехэл голхордог байгаа. Тиигэжэл тэрэ талаан бэлиг гээшэ дээрэнһээ миинтээр унашадаггүй, бэлигээ хурсадхаха гэбэл, ажаллаха, сэдхэлээ баяжуулха хэрэгтэй гэжэ ойлгоо бшуу. Үшөө нэгэ иимэ хүнтэй, уран дархантай уулзахадань, тэрэнь сэдхэлэйнгээ нюусые нээжэ, нэгэ баян хүнэй түрэ дээрэ болоһон ушар тухай хөөрөжэ үгэнэ:

«Доржо, ши өөрыгөө алта мүнгөөр гоёохоёо бү оролдо. Эрдэм бэлигэй эрхим дээжээр энээхэн зантагархан толгойгоо гоёохоёо оролдодог болоорой. «Энээхэн Доржо яагаа гоё хутагатай юм» гэгдэнһэнэ, «Энээхэн хүбүүн яаһан бэлигтэй сэсэн хүбүүн гээшэб?» – гүүлэжэ ябааша холо дээрэ бээ даа.

– Нэгэ баян айлай хурим түрэдэ байһанаа һанагшаб. Хүрьгэн хүбүүнэй хүсэтэйнэ, ухаатайнэ шалгаха түрын ёһо гурим бии ха юм... «Эгээл үнэтэй сэнтэй юун дэлхэй дээрэ бии гээшэб?» гэжэ нэгэ мэхэтэйхэн үбгэн хэлэхэ харюуень эртээнһээ мэдэжэ хураа хэн. Тиихэдэнь хүрьгэн хүбүүн шантайжа байд гээд, «Хүлэг морид сооһоо бэдэрхэ болоо хаа, минии хүл сагаан азарга яһалал үнэтэй гээшэл даа», – гэжэ харюусаа хэн. Адуу морин соо азарга хамагһаа үнэтэй гэхэн хүн абгайнар, эжынэр сооһоо абаха басаганиинь хамагһаа хайхан гэжэ харюусаа гүбэ даа. Хүн хүхэ энеэдэн боложо жаргаа даа.

– Теэд дэлхэйдэ юун эгээ үнэтэйб гэжэ харюусаха байгааб?

– Дэлхэйдэ үнэтэй юумэнүүд олон ааб даа. Эдир нялха байхада, эхын хүнһөө үнэтэй юумэн үгы, наһан залуу ябахада, нүхэдэй барисаанһаа үлүү юумэн үгы, үбгэ наһажаал болоходош, үхибүүдэй харууһан үнэтэй юумэн гэжэл ядахын сагта хэлэхэл байгаа гүб даа...»

Иимэ хөөрэлдөөнүүдһээ хүбүүн олон юумэ ойлгожо абана. Арадай агууехэ эрдэмтын абари зан, хүсэ шадал иигэжэл эдэшэнэн, болбосорһон гээшэ.

Сэрэгэй хургуули Доржо хүбүүнэй дүүргээд, Казань хото ошохоо түхээржэ байхадань, ерээдүйн эрдэмтэн тухай романай нэгэдэхи ном дүүрэнэ. Казань хотодо Доржо түрүүшээр гимназида, һүүлдэнь – университетдэ хураха. Гурбалжан ро-

ман бэшэхэ түсэбтэй байһан зохёолшын хоёр номые уншажа, зэргэсүүлжэ үзэһэн хэлэ бэшэгэй эрдэмэй доктор В.Найдаков иигэжэ бэшээ һэн:

«Зохёолойнгоо гол геройн бага һаһа нэгэдэхи ном соогоо зураглажа харуулхадаа, Чимит Цыдендамбаев үнгэрһэн зуун жэлэй (XIX зуун жэл тухай хэлэгдэнэ – А.Р.) хахадһаа эхилжэ, буряад зоной байра байдал тон үргэнөөр зураглана. Хоёрдохи ном соогоо XIX зуун жэлэй 40-өөд онуудаар Орос гүрэнэй ниитын-социальна байдал харуулжа, залуу буряад эрдэмтэнэй юу бодожо, ямар хүсэл зоригтой байһые автор харуулха гэхэн түсэбтэй байгаа. Хоёрдохи номойнь сюжетэй, найруулгын гол герой – Доржо Банзаров, зохёолойн бүхы утаһанууд энэл хүн тээшэ булта һабагшалһа».

Байгалай саанаһаа ерэһэн оюутан Казань хотодо университетэй ректор, суута математик Николай Лобаческий, хожомоо багшань болоһон томо түүхэшэн Осип Ковалевский гэгшэдтэй ехэ нүхэд болоно. «Хара шажан болон монголнуудай бөө мүргэл» гэхэн диссертация Банзаровай аршалха үедэ Зүүн зүгэй соёл болбосоролоор, гүн ухаагаар, этикээр һонирхожо байдаг, Доржотой суг энэ университетэ һурадаг байһан залуу Лев Толстой байлсаһан юм.

Иимэ бэлигтэй зон соо һураха үедөө залуу хүбүүнэй бэлиг талаан бүри хүгжэһэн, дэлбэрһэн байгаа. Өөрөөшье бэлиг талаанайнгаа баялигаар бэшэнтэй хубаалдажа, тэдэндэ нүлөөлһэн байгаа аалам. Банзаровай бэлиг талаанай хүгжэлтые, арад зонойнгоо һайн һайхан заншалнуудтай холбоо барисаатай байһые Ч.Цыдендамбаев ехэ наринаар харуулжа шадаа. Тэрэ үедэ Доржо иигэжэ бодомжолно:

«Ажаһуужа байһан гүрэнэйнгөө ёһо заншалнуудые сахижа, хүндэлжэ, ойлгожо ябаха шухала гэдэг. Дуратай хүнэйшни зүрхэ сэдхэл иимэл ондоо гүрэнэй ёһо заншалнууд мэтэ бэшэ гү? Хэрбээ гүрэн хилэтэй һаа, хүнэй зүрхэн заха хизааргүй үргэн далай бэшэ юм гү? Дуратай хүнэйнгөө досоогоо һанажа ябаһан бодолнуудые ойлгохо гэжэ Доржо юундэ оролдоогүй гээшэб? Досоогоо һанажа ябаһан бодолнуудайнь өөрынхихөөнь ондоо байбашье, бүхы юумыень: дээдэ орьёл болон доошоо халиһан агы нүхэнүүдэйн аюул мэдэржэ абахал байгаа...»

Арадай этикын гурим ёһо гээшэ иимэ гэжэ этигэнгүй байхын аргагүй. Байгаа-лиие тэрэ ямар хёрхо нүдөөр адаглажа, ямар һониноор бодомжолно гээшэб:

«Теэд хэдышье хараа һаа, Гомбо Цогтоев абяа аниргүй байдал гээшэ олон янза байдаг юм гэжэ юу мэдэхэб даа. Үхээрийн газарта шубуудшье үлэ мэдэг эшхэрэн шоншоржо, ойро тойронхын абяагүй амгаланар үзэгдэдэг. Тиихэньшье зүйтэйл даа, газарайнгаа замые дүүргэгшэдэй хэтэ мүнхын нойрой газарта тиимэшье байншьегүй яахаб? Үхээрийн газарай ойгуур ганса нэгэ малшадай ябахая айдагыньшье яһалал ойлгосотой.

Гэбэшье амиды мүнхэ ажабайдалай тон ондоо, тусгаар һайхан тиимэл нэгэ абяа аниргүйхэн үе сагууд бии ха юм. Хабартаа модоной мүшэртэ али зэргэ хөөрхэн борохон гүлгэд аржылдадаг гээшэб? Теэд сагайнгаа ерэхэдэ, дууран унтажа байһаар һанагдаһан тэдэ модод номин ногоон набшаһаараа али зэргэ шууян шааян наадажа, наранда игаажа, бороодо ханан жаргадаг гээшэб!

Амиды ажабайдалай тиигэжэ дууран унтаһан абяа шэмээгүйхэн байдал модоной болон ургаса сэсэгэй таряа талханай үрэхэн бүхэндэ батаар хадагалаатай. Амиды ажабайдалай тиимэ хүсэн хамтархадаа, уһа нуур, урасхалта мүрэн болодог дуһал бүхэндэ бии ха юм. Дуһал уһануудһаа бүридэхэн хүсэтэ ехэ хүүюур

хааюурнууд хада хабсагай бүгтэржэ, доошоо унахадаа али зэргэ ажа амидаралай хүхюу хүгжэм гарганаб?

Хэды тиибэшье, нэгэ юумэ хүлээшэнхэй мүртөө али бүхы тэсэбэриез барашаһан уур сулалтай хүнүүдэй аали дуугайхан байлга гээшэ эгээл хүрхэй бардам амидаралта гэжэ ха юм. Сухалдахадаа хүмэдхээ буулгаад, уралаа хабшаад, дуугай байжа байһан хүн гар хүлөөрөө арбаганажа байжа, хараал шэрээл хашхардагуудһаа һураггүй аймшагтай...»

Иимэ мэдэрэлнүүд гүн ухаанай нарин мэдэрэлнүүд гэжэ хэлэхээр.

Ч. Цыдендамбаевай зохёол бэшэгэй маяг түхэл иимэрхүү. Зохёолшон өөрөө хөөрөжэ байна гэхэдэш, арад зоной шамтай хөөрэлдэжэ байһандал үзэгдэхэ. Афоризмнууд, элдэб һургаал заабаринууд, оньһон үгэнүүд гээд лэ, дүүрэн. «Нохойһоон табал хоол харамнаһан хүн, шонодо тарган гэгшын хони бэлэглээ гээшэ» – гэжэ романай нэгэ герой хэлэнэ. Үгы гэдэл: «Ямар эндэ этигэл байха юм даа, – гэжэ Доржо нэгэ Алексей Угрюмов гэжэ танил баян болон тэрэнэй таряашад тухай бодомжолно. – Нэгэниинь – эзэниинь, нүгөөдүүлынь – барлагуудынь... Хэдышье һү худхажа бай, үдхэниинь ходел дээрээ байха...»

Зохёол уншажа байхада, эндэ тэндэ уран гоё үгэнүүд уһан шэнгээр урдажа байһандал, хөөрөжэ байхадаа, уран гоё үльгэр түүхээжэ байһан мэтэ:

«Зарим гэрнүүдтэ шэрээдээ эдэе хоолоо, аяга таблага дэлгээтэрын, айлшад үни саг соо эсэжэ шэлэжэ зобохо. Самовартаа уһа бэдэрээд, худаг малтахаа ажалшадайнь ошоһон мэтээр гэдэһээ үлдэһэн айлшанда һанагдаха. Кухнида байһан пилтае халаахын түлөө нэгэ багахан зуруул нүгөөдэдэнь үрэжэ орхихонтой адляар һанаха. Үдын хоол хүлээһээр байтаршни, хурьган хонин болошоод байха. Тээд үшөө хониной мяхан болохые баһал хүлээхэ болонош...»

Доржо Банзаров багаһаань үльгэр онтохон соо үдэжэ томо болоһон хадаа, даданги. «Хара шажан гү, али монголой бөө мүргэл» гэжэ научна хүдэлмэри соогоо арадай ёһо заншалнуудһаа, соёл болбосоролһоо дүтэ юумэн байхагүй гэжэ тэмдэглэһэн юм:

«Би бөө мүргэл тухай бэшэнэб. Бага ябахадаа Сандан бөөгэй бөөлэжэ байһые хараһамни, Баян-Зүрхэн уулын оройдой тайлганай үедэ байһамни мүнөө ехэ хэрэгтэй байшоо. Эндэ байлсаһанаа мүнөө һанахадам, ямар нэгэн үнэтэ сэнтэ юумэ оложорхихондол мэтээр һанагдана. Бөө мүргэл тухай эндэ, Казаньда бэшэ, харин үшөө эрдэм мэдэсгүй, үхибүүн ябахадаа бэшэжэ эхилһэн шэнгиб».

Буряадай агууехэ эрдэмтэн Доржо Банзаровай хуби заяан тухай Чимит Цыдендамбаев миин лэ хөөрөө бэшэ. Казах уран зохёолшо Мухтар Ауэзов арадые гэгээрүүлэгшэ-поэт Абай Кунанбаев тухай томо зохёол баһал бүтэһэн бшуу. Үндэр модонуудай оройнуудые хаража үзөөд, ой модод тухай хэлэжэ болоно. Агууехэ эрдэмтэдэй, уран зохёолшодой, уран зураашадай, шэнжэлэгшэдэй бэлиг талаанайнь хэмжүүрээр арад зонойнь сэдхэл бодолой баялиг тухай хэлэжэ болоно. Энээгээр бодожо үзэхэдэ, Банзаров тухай гурбалжан роман бэшэхэ тухай зорилго урдаа табихадаа, автор өөрынгөө үе сагай талаан бэлигтэй хүбүүн тухай миин лэ хөөрөжэ үгэхэ гэхэн бэшэ, харин буряад арад зон бүхэдэлхэйн арадуудай баялигта ямар хубитаяа оруулһан бэ гэжэ харуулхые оролдоо.

Агууехэ буряад зохёолшо тухай хөөрөөгөө, шүүмжэлэгшэ В.Найдаковой 1981 ондо хэблэлһээ гаранан Ч. Цыдендамбаевай хоёр романай түгэсхэлдэ бэшэһэн үгөөр дүүргэһүү: «Доржо Банзаров тухай романуудые бэшэхэдээ, зохёолшон ехэ ажал бүтээбэшье, бүхы хүсэ шадалаа, арга боломжоёо дууһыень бараа бэшэ.

Гурбалжан романайнгаа эгээл хүндэ гурбадахи ном соо эрдэм шэнжэлгын ажал ябуулха аргаа хажуулжа, хохидолдо ороод, 34-тэйдөө наһа бараһан залуу эрдэмтэн тухай бэшэхынгээ хажуугаар, шүлэгүүдэй болон рассказыудай номууды, «Буряд басаган», «Хабарһаа жэл эхилдэг» гэжэ романууды, «Холо ойрын түрэлнүүд» гэхэн новеллэнүүдэй шог ёгто зохёол бэшээ, зүжэгүүдыешье бэшэжэ туршаа. Эрдэмтын һүүлшын жэлнүүд тухай материалнуудай тон үсөөн, хомор байбашье, эдэниие суглуулжа бүридхэхэ талаар ехэ ажал бүтээһэниинь гар бэшэгүүдын гэршэлнэ. Гурбалжан романай гурбадахи номойнь бэшэгдэжэ дүүрэнгүй үлэшэһэниинь ехэ гэмшэлтэй. Гэбэшье, Доржо Банзаров тухай романуудай удха шанар айхабтар ехэ. Олон үндэһэтэнэй ажаһуудаг манай гүрэнэй арадуудай түүхын-намтарга зохёолнууд соо Доржо Банзаров тухай романууд өөрынгөө ёһото һууриие эзэлхээрээл эзэлээ».

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Эхэ оронойм үдэрнүүд.* Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1940.
Үглөөгүүр. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1948.
Банзарай лагван. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1948.
Шүлэгүүд. Суглуулбари. – Улаан-Үдэ, 1953.
Соном Гармаев. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1954.
Ногоон зула. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1955.
Шэнэ байшан. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1956.
Банзарай хүбүүн Доржо. Роман. – Улаан-Үдэ, 1952.
Түрэл нютанһаа холо. Роман. – Улаан-Үдэ, 1958.
Бурядай угалзанууд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1958, 2003.
Буряд басаган. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1961.
Шиши. Хулгана тухай үльгэр. – Улаан-Үдэ, 1963.
Улаан сэсэг. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1964.
Сонгмиин дүлэн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1971.
Жэл хабарһаа эхилдэг. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1973.
Холо ойрын түрэлнүүд. Роман. – Улаан-Үдэ, 1989.

На русском языке:

- У нас в Тарбагатае.* Стихи. – Улан-Удэ, 1950.
Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1953.
Новый дом. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1959.
Счастливого пути, Жаргалма. Повесть. – Улан-Удэ, 1963.
Вдали от родных степей. Роман. – М.: Советский писатель, 1964.
Бурятские узоры. Повесть и рассказы. – М.: Советская Россия, 1970.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Ливень в степи. Повесть и рассказы. – М.: Советский писатель, 1976.
Доржи, сын Банзара. Роман в двух книгах. – М.: Советский писатель, 1981.
Охапка степных цветов. Рассказы. – Улан-Удэ, 1981.
Охотники за голубыми гусями. Сатирический роман в новеллах. – М.: Советская Россия, 1987.

Доржи, сын Банзара. Роман в двух книгах. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2006; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 4. – Улан-Удэ, 2012.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Рассказы. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Тармаханова О., Жарков Д. Цыдендамбаев Чимит Цыдендамбаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.

Найдаков В. Чимит Цыдендамбаев // Найдаков В. Современные писатели Бурятии. Литературные портреты и очерки. – Улан-Удэ, 1969.

Бабушкин С. Сила пера (О рассказах Ч.Цыдендамбаева). – Буряад Унэн, 1973, 29 августа.

Без указ. автора. Цыдендамбаев Чимит Цыдендамбаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Найдаков В. Певец степей. – Байгал, 1978, № 2.

Хамаганов М. Боевая сатира Чимита Цыдендамбаева. – Буряад Унэн, 1978, 11 октября.

Аюрзанайн А. Чимит Цыдендамбаев // Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1981.

Бальбурова Е. Тайна души. – Байкал, 1981, № 6.

Степанов М. Рядом с добрым другом Чимитом. – Байкал, 1983, № 2.

Найдаков В. Чимит Цыдендамбаев // Найдаков В. Непроторенными путями. – Улан-Удэ, 1984.

Степанов М. Несостоявшееся путешествие, или слово о друге. – Правда Бурятии, 1984, 20 апреля.

Найдаков В. Высокое понимание долга. – Правда Бурятии, 1988, 24 февраля.

Без указ. автора. Чимит Цыдендамбаев. Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Найдаков В. Чимит Цыдендамбаев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Найдаков В. Чимит Цыдендамбаев // Выдающиеся деятели – выходцы из хори-бурят. – Улан-Удэ, 2002.

Махабалаева Х. Цыдендамбаев Чимит Цыдендамбаевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Найдаков В. Чимит Цыдендамбаев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. – Улан-Удэ, 2009.

**Цырен Галзутович
ШАГЖИН
(1919-1994)**

С НИМ НА СЦЕНУ ПРИШЁЛ БУДАМШУ

О, этот Будамшу – необыкновенный человек! Скажете: выдумщик, весельчак, никогда не унывающий и не упускающий случая посмеяться над глупым и надменным богачом или нойоном? Так, да не так. В Европе похожий герой уже не один век потешает театральную публику. Вспомните веселые комедии «Плутни Скапена» Ж.-Б.Мольера, «Безумный день или Женитьба Фигаро» П.Бомарше, «Слуга двух господ» К.Гольдони. Но их плутоватые, находчивые персонажи – это слуги богатых господ, они и вокруг пальца-то обводят в основном своих хозяев. Да и озабочены они больше всего тем, как устроить личное благополучие и счастье. Совсем не то – Будамшу, любимый герой бурятских народных легенд. Он никому не служит, он сам по себе, он – человек из народной гущи, простолюдин, который благодаря своему недюжинному уму, природному юмору, знанию жизни может выставить на посмешище толстосума и чиновника, найти выход из тяжелого положения для бедняка, ободрить шуткой потерявшего надежду. Он добровольный заступник нищих, униженных и неправых. Никакие тучи не застят ему чистоту их душ, никакие происки «вершителей» чужих судеб не заставят его смириться с несправедливостью, насилием, ложью.

Этого героя устных рассказов впервые привел на театральную сцену Цырен Шагжин. Спектакль по его пьесе, поставленный Бурятским театром драмы в 1957 году, много раз восстанавливался за прошедшие десятилетия (ведь подрастает новый зритель и он жаждет встречи с Будамшу!), так что его посмотрели, и, может быть, не однажды, многие тысячи жителей Бурятии, а также Калмыкии, Тувы, Якутии, Татарстана, Монголии. И эта популярность спектакля – заслуженный успех автора, создавшего подлинно народную комедию.

Широкую известность получила и другая пьеса драматурга – «Чёрт в сундуке». В «Истории бурятской литературы» о ней говорится:

«...Молодые односельчане Дамдин и Цэрэгма любят друг друга. Но их браку противится мать Цэрэгмы, набожная старушка. Ей не нравится, что Дамдин – явный безбожник, что он выполняет в колхозе «женскую работу» – доит коров. Вот если бы он был механизатором, то она бы ещё подумала. С помощью странствующего ламы мамаша решила расстроить союз молодой пары. Но её сосед Хасар помогает Дамдину и Цэрэгме вывести на чистую воду пришельца, задумавшего попросту обобрать доверчивую старушку. Убедившись в этом, она прогоняет ламу и даёт согласие на брак дочери с Дамдином.

Этот нехитрый сюжет так разукрашен яркими, красочными подробностями бурятского быта, смешными приключениями недалекого «святого», психологически убедительными и по-настоящему комедийными ситуациями, что комедия привлекла к себе внимание театров страны. Пьеса была переведена на русский, казахский, латышский, чувашский, тувинский и другие языки народов СССР и с успехом шла на многих сценах страны».

Цырен Галзутович Шагжин был человеком искусства в широком смысле этого понятия. На сцене родного Бурятского академического театра драмы он сыграл множество ролей, поставил немало спектаклей, зарекомендовав себя незаурядным режиссёром. Был он талантливым певцом. Его охотно приглашали как актера создатели многих фильмов, популярных в разные годы. Ц.Шагжин сыграл запоминающиеся роли в кинокартинах «Пржевальский», «Случай в тайге», «Пора таёжного подснежника», «Алитет уходит в горы», «Крик тишины». В историю национального искусства он вошел и как энергичный организатор: Цырен Галзутович работал главным режиссёром драматического театра, художественным руководителем театра оперы и балета. За большой вклад в культуру Бурятии и всей страны он удостоен званий народного артиста республики, заслуженного деятеля искусств России.

А рядом с этой, театральной и кинематографической деятельностью, шло литературное творчество, тоже выбранное бывшим сельским пареньком ещё в молодости. Он писал стихи, рассказы, пьесы и оставил в родной словесности глубокий след.

В драматургии, например, Цырен Шагжин талантливо продолжил традиции Х.Намсараева и Н.Балдано – показать на подмостках сцены национальную жизнь, типичные народные характеры. Причём, в каждом произведении идти от личного восприятия истории, традиций, духовного наследия родного народа, от той правды, которой свято придерживались улигершины, да и каждый улусный хранитель давних песен, сказаний, легенд. Но как, спросите вы, идти от личного восприятия, если Ц. Шагжин изображает, к примеру, события, происходившие на родной земле тогда, когда ему было восемь-девять, да хоть бы и пятнадцать-шестнадцать лет? Ну, во-первых, и ранние детские впечатления, когда юная душа обострённо воспринимает все значительные события, запоминает отношение к ним старших, – это та бесценная кладовая памяти, из которой всегда черпает знания писатель. А во-вторых, их, эти собственные впечатления, можно проверить у близких людей старшего возраста, по документам архивов и книгам учёных. Мы говорим об этом потому, что в некоторых пьесах Цырена Шагжина, таких, как «Песня весны», «Первый год», «Совесть», речь идёт о нелёгких, но благотворных преобра-

зованиях, происходивших в Бурятии во времена детства и юности драматурга. И эти произведения живо и драматически обострённо воссоздают события, человеческие поступки и характеры.

Событиям, происходившим в канун революции и после неё, посвящены прозаические произведения писателя – повесть «Красные всадники» и рассказ «Верка». На мой взгляд, они наиболее ярко передают особенности художественного почерка Цырена Шагжина. С первых же строк повести попадаешь под обаяние какого-то особого, доверительного тона рассказчика, его поэтического, образного восприятия окружающего мира, событий и людей:

«В избушке, одиноко притулившейся у подножия Улан-Хады, что значит Красная гора, жили двое – дед и внук. Гора эта действительно красная, в особенности летом, когда заходящее солнце медленно садится и, повисая на некоторое время над горою, задевает её своим краем. Тогда Улан-Хада полыхает, переливается всеми красками и напоминает мальчику Дагбе мчащихся коней с горящими гривами. Даже зимой, когда гора покрыта снегами, в лучах заходящего солнца то там, то тут гарцуют необыкновенные, сказочные красные кони».

С малых лет Дагба остался сиротой. Умерла мать. Отец, батрак богача Танши, упал в пропасть во время лесного пожара, спасая табун лошадей. Так мальчишка остался с дедом. Тот перед кончиной рассказывает о своей прошедшей жизни – о том, как он похоронил сына, отца Дагбы, и дочь, красавицу Ханду, которую насильно увёл из родительского дома родственник хозяина – старый и безобразный Насан. Деду и внуку оставалось одно – гнуть спины на Танши, умножать его богатства. Дагба с детства освоил степные науки коневода, чабана, охотника. Писатель справедливо говорит о нём и его ровесниках, тоже простых улусных мальчишках:

«...в тринадцать лет ребёнок степняка-бурята умеет уже многое: он может быть заправским пастухом большой отары овец, умеет обращаться с конем, может без капли воды делать большие переходы под палящими лучами степного солнца, не жалуясь и не хныча».

После смерти деда хозяин определил мальчика в помощники к батраку Аюру, человеку нелюдимому и суровому. Растопить его сердце было почти невозможно, но Дагба сумел: он притягивал людей своей добротой, уважением к старшим, трудолюбием. Писатель тонко передаёт, как Аюр в конце концов привязался к мальчику, юному табунщику, любящему лошадей, особенно своенравного красавца-рысака Сабидара:

«Как-то Аюр послал Дагбу в улус пополнить припасы. Дагба пробыл там два дня. С нетерпением он мчался назад в степь. И когда попили чаю, Аюр, выкурив не спеша трубку, как бы между прочим, сказал:

– Скучал по тебе Сабидар, даже к юрте подходил, искал.

Сказав это, Аюр, видимо, и своё чувство высказал мальчику.

Стрелой помчался Дагба к табуну. Сабидара там не оказалось. Он нашёл его неподалеку, возле кустарника. Завидя Дагбу, Сабидар мелкой трусцой сам поспешил навстречу. В этот день конь взял из рук мальчика еду и позволил погладить по шее и спине. Радовались этому и Аюр, и мальчик.

– Покорил ты его терпением и добротой, – сказал Аюр.

И опять нельзя было понять – о Сабидаре он говорит или о себе».

Вскоре коня купил у хозяина полицейский начальник, и чтобы быстрее приручить строптивого жеребца, он взял Дагбу в город, своим кучером. О новой жизни вдали от степи, о необыкновенных приключениях, которые свели подростка со смелыми людьми, решившими лишить власти толстосумов и насильников, и ведет дальше рассказ автор повести. Цель у взрослых опасная и трудная, но кажется, что именно такие умелые, справедливые и душевные люди, как Дагба, за которыми будущее, должны встать рядом с ними.

Тот же близкий, но тревожный, взбудораженный грозowymi событиями мир степного села встаёт и в рассказе «Верка». Тут тоже подростки проверяются на смелость в деле смертельно опасном. Но на этот раз история заканчивается трагически: погибает заводила их ватаги Верка и брат одного из мальчишек. Однако от мастерски выписанных характеров четверых участников компании, их естественного, вполне объяснимого поведения остаётся столько тепла и света, что невольно думается: такие книги, как сборник «Красные всадники» Цырена Шагжина, повернут юные души к солнцу.

А разве этого тепла и света мало в характере справедливого и стойкого Будамшуу? Тут всё идет от народа, а у него хватит того и другого для всех.

БУДАМШУУЕ ТАЙЗАН ДЭЭРЭ ГАРГАҢАН

Будамшуу болбол хододоо хүхюун, энеэдэ наада гаргажа ябадаг хүн гэжэ буряад арадай дунда алдаршаһан. Тиимэһээ Будамшууда адли хүхюу, хөөрүү, зугааша хүн Европын театрнуудта яһала бии гэбэл – Ж.Б.Мольерэй «Плутни Скапена», П.Бомаршегэй «Безумный день или «Женитьба Фигаро», К.Гольдониин «Слуга двух господ» гэхэн энеэдэ наадатай зүжэгүүдые һаная. Теэд эдэмнай хадаа баян хүнүүдтэ алба хэдэг хадаа, эдэ баян эзэдээл мэхэлжэ, яагаад өөрынгөө хуби заяа һайнаар эмхидхэжэ, олзо жаргал олохоб гэжэ оролдоһон зон бшуу. Харин Будамшуу болбол буряад арадай үльгэр домогуудай гол герой, хэндэшье алба хэдэггүй, арад зоной дундаһаа гараһан сэсэн мэргэн, ухаатай, баяд ноёдые эльгэ наадан болгожо, үгытэй ядуу, үншэн үрөөһөн хүниие найдалтай болгожо, сэсэн үгөөр дэмжэдэг хүн лэ. Ямаршье хара үүлэн тэрэнэй сэхэ сэбэр сэдхэхые харлуулжа, засаг баригшадай ямаршье худал хуурмагтай, мэхэ гохотой, дарлалга түрим хэйлэлгэтэй тэрэ эбсэхэгүй.

Арадай аман зохёолһоо гараһан Будамшууе Цырен Шагжин театрай тайзан дээрэ гаргаһан намтартай. 1957 ондо театрта табигдаһан тэрэнэй энэ зүжэгы хэдэн арбаад жэлнүүдэй туршада Хальмагай, Тувагай, Яхадай, Татарстанай, Монголой, Буряад республикымнай олон тоото харагшад хэдэ дахин хараһан, энэ арба гаран жэлэй хугасаа соо хэдэ дахин шэнэлжэ табигдаһан (ургажа ябаһан эдиршүүл Будамшууе харахые тэсэжэ ядан хүлээдэг байгаа) энэ зүжэгынь ёһотойл арадай комеди боложо алдаршаһан гээшэ.

«Шүдхэртэй сүндүүг» гэжэ зүжэгынь мүн лэ олондо мэдээжэ болоһон зохёол ааб даа. «Буряад уран зохёолой түүхэ» соо энэ зүжэг тухай иигэжэ хэлэгдэнэ: «...Нэгэ нютагай Дамдин Цэрэгма хоёр бэе бээдээ дуратай. Теэд Цэрэгмагай эхэ – һүзэгшэ эхэнэр – басагаа энэ хүндэ хадамда үгэхэ дурагүй. Дамдин һүзэггүй

хүн, колхозой үнээдые хаахадаа, эхэнэр хүнэй бээлүүлхэ ажал хэнэ гэжэ Цэрэгма Дамдиние голоно. Механизатор хаань, үшөө болохо нэн гэжэ ханана. Аяншалжа ябахан нэгэ ламын туһаар хоёр залуушуулай холбоо таһалхые Цэрэгма оролд-но. Хүгшэниие мэхэлхэ байһан ламые балшыса барихадань, Хасар гэжэ хүршэнь туһална. Тиигэжэ хүгшэн ламые намнаад, басагаа хадамда үгэхэ болоно.

Хараха янзада юрын лэ сюжет аад, ламын элдэб уршагта ябадалнуудые харуулжа, энеэдэтэй, зугаатай, ёһотойл комеди болоһон, ород, казах, латыш, чуваш, тува болон СССР гүрэнэй олон арад түмэнэй хэлэн дээрэ оршуулагдажа, олон театруудай тайзан дээрэ хэдэ дахин харуулагдаһан ха юм».

Цырен Галзутович Шагжин ёһотойл буряад соёлой ажалшан, буряад соёлдо алба хэжэ ябадаг хүн байһан гэжэ мэдээжэ. Буряад драмын академическа театрай тайзан дээрэ олон рольнуудые гүйсэдхэн, олон жүжэгүүдые найруулан табиһан гэжэ мэдэнэбди. Цырен Шагжин иимэл бэлигтэй бэрхэ режиссёр байхаһаа гадна, бэлиг ехэтэ дуушан байгаа гэжэ мэдэнэбди. Элдэб үе сагта алдаршаһан олон фильмүүдэй режиссёрнууд Шагжинда наадахыень рольнуудые дурадхажа уриһан. «Пржевальский», «Случай в тайге», «Пора таёжного подснежника», «Алитет уходит в горы», «Крик тишины» гэхэн фильмүүдтэ рольнуудые тэрэ шадамар бэрхээр гүйсэдхэжэ, совет киногой түүхэдэ нэрэе мүнхэлһэн. Ёһотойл бэрхэ эмхидхэлшэ байһанаа гэршэлэн, драмын театрай ахамад режиссёр, оперо болон баледэй театрай уран найханай хүтэлбэрилэгшэ байгаа. СССР гүрэнэй болон Буряад республикынгаа соёлдо ехэ хубитаяа оруулһанайнгаа түлөө «Буряадай арадай артист», «Оросой соёлой габыята хүдэлмэрилэгшэ» гэхэн үндэр нэрэ зэргэнүүдтэ хүртэхөөрөөл хүртэһэн.

Театрта хүдэлжэ, кинодо наадажа байбашье, Цырен Шагжин шүлэгүүдые, рассказыудые, жүжэгүүдые бэшэдэг, гуурһаяа нэгэтэшье орхидоггүй байжа, буряад уран зохёолой түүхэдэ өөрынгөө онсо хубита оруулһан.

Зүжэг найруулгада Цырен Шагжин Х.Намсараевай, Н.Балданогой зохёохы шугам үргэлжэлүүлжэ, арад зоной ажабайдал, абари зан тайзан дээрэ үргэнөөр харуулжа шадаа. Түүхые өөрын нюдөөр хаража, мэдэржэ, үльгэр домог түүрээгшэдһээ, домогуудһаа хабагшалан арадай ажабайдалые харуулаа. Тээд тэрэнэй үшөө 8-9-тэй үхибүүн ябахада гү, али 15-16-тай эдир хүбүүхэн ябахадань болоһон үйлэ хэрэгүүдые өөрын нюдөөр хаража, өөрынгөө ханамжа яажа харуулха байгаа юм гэхэн асуудал гарахадаа болохо.

Нэгэдэхээр хэлэбэл, бага ябахадаа, эдир залуудаа хүн юумые тон найнаар хаража, хадуужа абадаг, хёрхо гүб даа. Хоёрдохөөр, эдэ үйлэ хэрэгүүд тухай аха зонһоо асуужа, архивай дансануудһаа болон эрдэмтэдэй номуудһаа мэдэжэ болоно. Энээн тухай юун дээрэһээ хэлэгдэхэ болоо юм гэбэл, «Хабарай дуун», «Түрүүшын жэл», «Һэшхэл» гэхэн жүжэгүүд соонь драматургын үшөө хүүгэн ябахада, эдир залуу наһандань болоһон үйлэ хэрэгүүд, хүнэй абари зан үнэн зүбөөр, этигэмээр зураглан харуулагдана.

«Улаан моритон» гэжэ туужа, «Верка» гэжэ рассказ соонь хубисхалай урда тээ, һүүлдэнь болоһон үйлэ хэрэгүүд зураглагдана. Минии ханахада, эдэ зохёолнууд соо Цырен Шагжинай бэшэгэй онсо маяг тобойсо харагдана. Туужын түрүүшын мүнүүдһээ эхилжэ, хөөрөжэ байһан хүнэй оршон тойрон боложо байгаа юумые, хүнүүдые уя хүдэлмэ дулаанаар зураглан харуулһаниень зүрхөөрөө мэдэрнэбди:

«Улаан хада. Үнэхөөрөөшье улаан үнгэтэй байгаа. Илангаяа үдэшын наранай жаргажа, хадын оройн эрмэг дээрэ ойро зуура тогтон байха үедэ, Улаан хада

үзэсхэлэнтэй хайханаар холонготон харагдадаг. Тэрэнэй шорогор шулуун орой наранай туяанда ялабхин гэрэлтэжэ, галаб дэлхэйе тойрон харайдаг гал улаан дэлхэтэй хүлэг мэтээр үзэгдэдэг. Үбэлэйшые сагта, сагаан саһан хүнжэлөөр хушагдаад байхадаа, үдэшын наранай туяанда үзэсхэлэнтэ хайханаар, улаан зээрдэ мориной урилдаан мэтээр, намжар гоёор харагдагша хэн.

Тэдэнэй урсахан хара гэр тон лэ үни холын сагта нүүдэл байдалаа орхижо, хуурижаха гэнэн түрүүшын буряад хүнэй бодхоһон гэр байба гэжээр үмхиржэ, хэлтын нажажа һуудаг хэн. Энээхэн гэр үндэр түбшэн Улаан хадын хаяада үлэ мэдэг орбойходожо, үгы бииньшые ойлгогдохоор бэшэ аад, гансахан лэ энэ гэрэй үрхөөр баахыдажа байһан утаан гэр соо амидаралай бии байһые хануулдаг бэлэй.

Энэ гэр соо үбгэн эсэгэ аша хүбүүн хоёр үлдэжэ, үншэржэ һуудаг хэн.

Эхэнь наһа баража, Танша баянай барлаг ябаһан эсэгэнь ойдо түймэрэй болохо үедэ хүрэг мориные абарха гэжэ байһаар хүнды руу унажа хосороод, Дагба бага наһандаа үнэшэрнэ. Хүбүүгээ яажа хүдөөлүүлһэнөө, муу зантай хүгшэн Насанай сэбэр хайхан Ханда басагыень хүсөөр абаад ябаһан тухай хүгшэн абань наһа барахынгаа урид хөөрөжэ үгэнэ. Үбгэн аша хүбүүн хоёр нюрганайнгаа нугартар Таншада ажал хэхэ баатай болоно. Дагба баһаһаань мори, хони адуулхандаа бэрхэ, агнуурида гарадаг байгаа. Тэрэ үеын эдир хүбүүд - өөрынгөө үетэн тухай – зохёолшон тон зүбөөр зураглан харуулна:

«...Тэрэ сагта арбан гурбатай буряад хүбүүн гээшэ олон юумэ хэжэ, бүтээжэ шадаха, халуун шулуу долёһон хүн ябадаг байгаа. Хабар намарай хагсуу хүйтэндэ олон зуун хони мал адуулдаг, мори хазаарлажа, эмээллэжэ, шүдэрлэжэ, тэргэдэ оруулжа шадахаһаа байтагай, эмниг мори бугуулидажа, хургажа шадаха, амандаа балгашые уһа хэнгүй зунай ааяма халуунда, үбэлэй сэдбдэг хүйтэндэ үни удаан ябаха шадалтай байгаа».

Хүгшэн абынь наһа бараһан хойно Дагба хүбүүе эзэниинь Аюр гэжэ үгэ дуу үсөөнтэй, хэрзэгы эрдэ туһамаршанаар үгэнэ. Аюрай зүрхэ сэдхэл зөөлэрүүлжэ шадаха хүн үгы, харин хайн ханаатай, аха заха зониие хүндэлдэг, ажалша бэрхэ Дагба хүбүүхэн энэ хатуу эрын зүрхэндэ дүтэ боложо шадана. Сабидар гэжэ огсом зантай гоё хайхан хатарша мориндо дуратай эдир Дагбада Аюрай дүтэ болоһон тухайнь уран зохёолшо тодорхойгоор зураглана:

«Нэгэтэ Аюр Дагбые аарса асархыень нюотаг айлдаа эльгээбэ. Тэндээ Дагба хоёр хоноод, тэбдэжэ гэдэргээ бусаба. Аюр аарса халаажа уугаад, хайлааһанай үндэһөөр хэгдэһэн томо гаһаһаа хорожо һуухадаа, иигэжэ хэлэбэ:

– Сабидаршни юрэдөө шамайгаа ехээр үгылөөл. Үнгэрхэдөө шамаяа бэдэржэ, энэ гэрэймнай хажууда ерээ.

Тээд эдэ үгэнүүдын хоёр удхатай байжа болоо ха. Аюр өөрынгөөшые һанал хүбүүндэ хэлэжэ магадгүй.

Харбаһан һомон шэнги түргөөр Дагбын адуун хүрэгтөө хүрэжэ ерэхэдэнь, Сабидарын адуун соогоо байбагүй. Тэрээнээ аяар саана һөөг бургааһанай хажууда бэлшэжэ ябахадань олобо. Сабидарын Дагбаяа харамсааран, хуунагар ута хүзүүгээ дээрэ үргэжэ, үүрһээгээд, тэрэнэй урдаһаа гүйн ерэбэ. Эгээл энэ үдэр Сабидар хүбүүнэй гарһаа эдэе хоол абахаһаа гадна, тэрээндэ хүзүү нюураа эльбүүлбэ. Энээндэнь Аюр Дагба хоёр тон ехээр баярлаба.

– Зай, иихэдээ хэрэг бүтээ гээшэ, – гэнэ Аюр. – Хамаагүй, нэтэрүү хайн сэдхэлтэй ябахада юумэн гээшэмнай бүтээсэтэй байдаг ха юм.

Аюр эдэ үгэнүүдээ мүн лэ хоёр удхатайгаар хэлэһэншүү байба. Морин тухай гү, али өөр тухайгаа хэлэһыень ойлгохын аргагүй байгаа нэн».

Полицийн дарга энэ мори худалдажа абахадаа, тэрэниие түргэн ургалхыень Дагбые хото абашана. Нютагһаань холо ошоһон хүбүүн баяд ноёдой засаг буляахые шийдэһэн зоримгой зонтой танилсана. Эдэ зоной хүсэл зориг аюултай, хүндэ байбашье, ерээдүйдэ тон хэрэгтэй байгаа гэжэ зохёолшон тэмдэглэнэ.

Дошхон тэрэ үе сагта талын нэгэ һууринда болоһон үйлэ хэрэгүүд «Верка» гэжэ рассказ соо зураглан харуулагдана. Аюултай хэрэгтэ эдир хүбүүд хабаадалсажа, зоримгой шуумар байһанаа гэршэлбэшье, энэ удаа бүхы юумэн муугаар дүүрэжэ, хүрэг хүбүүдэй удамаршан Верка болон нэгэ хүбүүнэй ахань гээд, хоюулан аюулда орожо наһа барана. Энэ уйдхартай юумэн тухай рассказ соо хэлэгдээшье һаань, эдэ дүрбэн хүбүүдэй хэһэн хэрэгүүд хүниие гэрэл тээшэ хүтэлжэ, сэдхэлдэнь сэсэг тарижа, сэдхэл зүрхыень дулаасуулна, эгээл тиимэһээ «Улаан моритон» гэжэ туужа мэтэ зохёолнууд уншагшадта угаа хэрэгтэй гэжэ гэршэлнэ.

Юрын ажалша малша арад сооһоо гараһан Будамшуу хүбүүн уншагшадые мүн лэ гэрэл тээшэ хүтэлжэ, сэдхэлдэнь найдал түрүүлжэ байха ха юм.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

Будамшуу. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1956, 1965.

Зүжэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1958.

Нэгэ акттай зүжэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1959.

Түрэл оронойм хүнүүд. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1960.

Һэишхэл. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1961.

Сэлмэг тэнгэри. – Улаан-Үдэ, 1961.

Эдир наһан. Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1962.

Эрхим нүхэд. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1963.

Эхын баяр. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1968.

Улаан морид. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1974.

Тангариг. Зүжэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1977.

Борсоохой – хушын һамар. Онтохон. – Улаан-Үдэ, 1979.

Будамшуу. Зүжэгүүд, рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1987.

На русском языке:

Хитрый Будамшуу. Комедия. – М.: Искусство. 1957; Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

Песня весны. Драма. – М.: Искусство, 1959.

Люди родного края. Рассказы и пьеса. – Улан-Удэ, 1964.

Верка. Рассказ (Серия «Библиотечка одного рассказа»). – Иркутск, 1965.

Материнская правда. Повесть и рассказы. – М.: Детская литература, 1967.

Пылающее сердце. Драма. – М.: ВУОАП, 1968.

Клятва. Драма. – М.: ВУОАП, 1970.

Пьесы. – Улан-Удэ, 1970.

Три сосны. Народная драма. – М.: ВУОАП, 1974.

Пьесы. – М.: Советский писатель, 1976.

Красные всадники. Повесть. – М.: Детская литература, 1976, 1986; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 11. – Улан-Удэ, 2012.

Будамшу. Пьесы, рассказы. – Улан-Удэ, 1987.

Возмездие. Рассказ //Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Найдаков В. Цырен Шагжин. Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1957.

Дампилов Ц. Хитрый Будамшу. – Бурят-Монгольская правда, 1957, 27 октября.

Без указания автора. В аймаках ждут Будамшу. – Дружба народов, 1957, №7.

Найдаков В. Комедия Ц.Шагжина «Будамшу». Сборник трудов по филологии. Выпуск 3. – Улан-Удэ, 1958.

Баранникова Е. Пьесы Ц.Шагжина. – Бурят-Монгольская правда, 1958, 13 июля.

Найдаков В. Вместе с народом. – Свет над Байкалом. 1958, №3.

Тармаханова О., Жарков Д. Шагжин Цырен Галзутович //Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.

Найдаков В. О пьесах Ц.Шагжина. Очерки истории бурятской советской литературы. Улан-Удэ, 1959; Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962.

Серебряков А. Актер, режиссер, драматург. Творческий портрет Ц. Шагжина. – Правда Бурятии, 1959, 23 мая.

Без указания автора. Новая комедия Ц. Шагжина в театрах Союза. – Правда Бурятии, 1964, 4 сентября.

Мадаев М. Книга о любви и дружбе. – Правда Бурятии, 1964, 13 октября.

Найдаков В. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964.

Политов А. Переполюх в доме (О комедии «Черт в сундуке»). – Театральная жизнь, 1965, №8.

Шагжин Цырен Галзутович. Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1968.

Найдаков В. Современные писатели Бурятии. Цырен Шагжин. – Улан-Удэ, 1969.

Политов А. Незабываемая весна. Пьеса Ц. Шагжина на сцене Бурятского театра драмы им. Х. Намсараева. – Правда Бурятии, 1970, 13 мая.

Найдаков В. В зените творчества. – Театральная жизнь, 1970, №10.

Сотников Н. Душа народа. – Литературная Россия, 1971, 12 февраля.

Цыденов В. Судьба пьес Ц. Шагжина. – Правда Бурятии, 1971, №4.

Цыдыпов З. Драматургия Ц. Шагжина. – Байкал, 1971, №4.

Зубков Ю. Добро утверждает себя в бою. – Литературная Россия, 1973, 1 июля.

Зубков Ю. Страницы народной жизни. – Литературная Россия, 1977, 14 января.

Без указ. автора. Шагжин Цырен Галзутович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Без указ. автора. Шагжин Цырен Галзутович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Найдаков В. Цырен Шагжин // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Найдаков В. Цырен Шагжин // Выдающиеся деятели – выходцы из хори-бурят. – Улан-Удэ, 2002.

Гармаева С. Шагжин Цырен Галзутович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Найдаков В. Цырен Шагжин // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. – Улан-Удэ, 2009.

**Африкан Андреевич
БАЛЬБУРОВ
(1919-1980)**

ДВЕНАДЦАТЬ ЕГО ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Красивый, поэтичный образ создал Африкан Андреевич Бальбуров в своей художественно-публицистической книге «Двенадцать моих драгоценностей». В каждой главе ее использовано название одного из месяцев восточного, лунного календаря. А названия в большинстве образные, метафоричные. Март, например, в представлении скотоводов был Месяцем Большого Журчания, т.е. месяцем бурного таяния снегов. Апрель – Месяцем Малого Журчания. В это время половодье спадает. Май – Месяц Красных Склонов. В эту пору отлогие холмы и степи Бурятии покрываются маками, саранками, жарками. Есть в красивом восточном календаре месяц, название которого имеет странный, даже неприятный оттенок - Месяц Неистовства – июнь. Смысл его, однако, объясним, логичен: в июне всё – травы, злаки, деревья – быстро, «неистово» идут в рост, скот хорошо наедается. Как заметили скотоводы, традиционный бурятский самогон из июньского молока оказывается крепче, «пьянее», чем в другие месяцы. Судьбе было угодно, чтобы Великая Отечественная война началась именно в Месяц Неистовства.

Словом, если пройти по всему лунному календарю, можно вновь убедиться, как приметлива, мудра и поэтична народная душа. И понимаешь, жаркое признание писателя: красивые и точные определения из календаря «звучат в моих ушах не как названия месяцев, а как странные, но очень родные зовы, что раздаются еле слышимые из глубины веков, намекают на тихие тайны, кроющиеся за этими полустершимися ныне названиями».

Я не случайно начал разговор о творчестве Африкана Бальбурова с его поздней книги «Двенадцать моих драгоценностей». В этом повествовании, которое можно назвать душевно распахнутым, исповедальным, автор захватывающе ин-

интересно рассказывает о людях, встречавшихся ему в жизни, и о собственной судьбе. Но, может быть, самое главное – в книге, как на врезавшейся в память живописной картине, яркими, точными мазками нарисована судьба родного народа в проявлениях самых значительных и характерных. Тут сказались острый, пронизывающий взгляд писателя, его глубокий ум, оригинальная художническая натура, богатый опыт бывшего, много видевшего человека.

Эти качества прозаика открылись мне в первые же годы знакомства с ним. Какое-то время редакции журнала «Байкал», который возглавлял тогда Африкан Андреевич, и газеты «Молодежь Бурятии», где я начал работать после окончания университета, помещались в одном здании. С Бальбуровым можно было встретиться и в коридоре, и в нашем общем дворе, и в кабинете сотрудника журнала или газеты. Энергичный, приветливый, общительный прозаик всегда привлекал нашего брата, молодых авторов. Он приглашал нас на встречи с приезжими, московскими писателями, а то просто к себе в кабинет, чтобы расспросить, что нового написал юный коллега или предложить интересный адрес для поездки в командировку. Африкана Андреевича можно было по праву назвать собирателем свежих талантов. Я посмотрел сейчас, через десятилетия, библиографию публикаций в «Байкале» стихов поэтов своего призыва – шестидесятых, начала семидесятых годов: Дондока Улзытуева, Анатолия Щитова, Михаила Шиханова, Даши Дамбаева, Георгия Дашабылова, Мэлса Самбуева, Лопсона Тапхаева, Владимира Липатова. Почти в каждом номере журнала (на русском или бурятском языках) печатались стихи кого-нибудь из нас. А страсть Бальбурова к публицистике, стремление к тому, чтобы страницы его издания передавали дыхание окружающей жизни, – это не просто проявлялось в горячих монологах Африкана Андреевича, это будоражило и вдохновляло молодые писательские сердца.

Необычные дневниковые записи привез из поездки по республике и напечатал в журнале казалось бы «чистый лирик» Дондок Улзытуев. В целую очерковую книгу воплотил свои впечатления от долгого деревенского житья-бытья другой тонкий поэт Солбон Ангабаев. Помню, как узнав, что я только что вернулся со строительства ЛЭП-220, которая должна была принести электроэнергию Ангарского каскада в Бурятию, Бальбуров чутьем опытного журналиста сразу понял, какое это будет иметь значение для республики, обходившейся до тех пор одной ТЭЦ в Улан-Удэ да мелкими котельными в районах. Чуть ли не держа меня за пуговицу, он не то попросил, не то приказал мне написать для журнала очерк о бесстрашных, дерзких ребятах, пробивавших неимоверно трудную трассу вокруг Байкала по таежной чащобе и горным кручам Хамар-Дабана. Не преувеличиваю: там в самом деле работали бесстрашные, двужильные парни, уже проложившие высоковольтные линии во все концы огромной Сибири. Я назвал свой очерк лирически: «Байкальское ожерелье», но Бальбуров озаглавил его проще, зато точнее: «Люди большой трассы». И долго еще, представляя меня какому-нибудь незнакомцу, он не забывал по-отцовски добавить: «...автор такого-то (следовал лестный эпитет) очерка, напечатанного в «Байкале».

Сближало с Бальбуровым то, что он родился и вырос в Аларском районе Иркутской области, в том краю, куда мы в студенчестве ежегодно ездили осенью на уборку урожая. Здесь, на этой земле, родился и наш университетский товарищ Александр Вампилов. С ним, как знатоком тех мест, мы, парни одной учебной группы, ездили из конца в конец района, то сопровождая машины с пшеницей в

«Заготзерно», то пускаясь на озеро Аляты покупаться и позагорать, то отправляясь в райцентр на танцы.

Африкан Андреевич начал здесь свою биографию, полную бурных житейских событий и резких поворотов. Детство он провел с мачехой, в семье, о которой позже вспоминал так: «Мы были очень бедны с нашим отцом, не слишком сытно питались и всегда неважно одевались. Но зато какие пиршества бывали в нашем бедном доме, когда, восседая на кожаных старых-престарых подушках, Бажей-абай начинал своим высоким красивым голосом петь «Абай-Гэсэра». Он приезжал из улуса Хайтаг, что отстоял от нашего Хурсанги километрах в трех».

В начале тридцатых годов юный Африкан работал в коммуне, а затем в колхозе; вместе с отцом и братом уехал в Верхнеудинск (Улан-Удэ), закончил школу фабрично-заводского обучения (даже в мое время ФЗУшка, как ее называли в народе, была популярной у мальчишек), трудился слесарем, фрезеровщиком, сменным мастером на только что построенном паровозо-вагоноремонтном заводе. В годы Отечественной войны, будучи офицером, готовил для фронта маршевые роты, служил в танковой бригаде в Забайкалье. Затем, рядом с литературным творчеством, появились у Африкана Андреевича новые профессии, новые сферы деятельности: школьного учителя, сотрудника, заведующего отделом литературы и фольклора Бурятского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, журналиста, собственного корреспондента газеты «Правда» по Бурятии. Кстати, работая в научном коллективе, А.Бальбуров записал от улигершинов одну из ветвей эпоса «Гэсэр», другие образцы устного творчества бурят. А журналистская должность позволила исколесить республику вдоль и поперек, познакомиться с ее знаменитыми людьми. Ну и, наконец, продолжением этой беспокойной и увлекательной профессии стала должность вначале ответственного секретаря, а затем многолетнего редактора журнала «Байкал».

Я не случайно упомянул выше об аларском крае, с которым познакомился когда-то. Подробней и ярче открыл его для меня Африкан Андреевич в своем сборнике рассказов «У нас в Зергетуе» и в следующей книге – романе «Поющие стрелы». Как и первые бурятские романисты, прозаик искусно и полно использовал традиции национального фольклора, народного, улигерного повествования, его языковые формы. В то же время, оставаясь художником подлинно национального склада, отлично знающим бытовые и духовные традиции родного народа, прозаик творчески использовал опыт классической литературы, прежде всего русской, с ее художественной выразительностью, стилистической чистотой, яркой образностью. Уже в рассказах, а в романе особенно, видны строгий, экономный язык, чурающийся всякой «кудрявости», точная живописная деталь, неожиданная метафора, вдруг освещающая особым лучом картину, поведение героя, диалог. Это и многое другое из арсенала русской прозы хорошо усвоил А.Бальбуров.

Чтобы вы почувствовали строй повествования писателя, приведу небольшой отрывок из романа, выделив подлинно художественную окраску его речи: «А тайга живет своей жизнью – жизнью неприметной, скупой и малопонятной тому, кто не умеет узнавать даже стука дятла. Вот внизу потихонечку журчит ручеек – он издает такие звуки, словно кто-то осторожно льет воду в бутылку, льет весь день, а бутылка никак не наполняется... Вверху, над головой, раздается тугой и звенящий звук – то кедры и сосны степенно ведут разговор с горным ветром...»

И говор каждого героя имеет естественный, живой строй: писатель отлично знает языковую стихию той среды, которую изображает. Послушайте слова русского крестьянина, который везет ссыльнопоселенца Кузнецова в бурятский улус:

«Никанор придвинулся почти вплотную и зачем-то огляделся. Потом он шепотом спросил:

– А ты, паря, из бунтовщиков, аль из этих... как их... мокрых?

– Нет, не из мокрых. За девятьсот пятый, – поспешно ответил Кузнецов. Он хорошо знал, что такое мокрые и как к ним относятся в народе.

Никанор опять огляделся.

– Ты, паря, меня не бойсь. Я-то уж помню энтот год, век не забуду. Я ить служил тавды во Владивостоке. Бунтовать мы хотели в Сибирском полку нашем, семьсот тридцать пятом, да не знали, с чего начинают такие дела. А тут, пока мы судачили, – то да се, – бац! Наших коноводов человек семь взяли да – фьюить! – поминай как звали. Н-но, дохлая, пшла-а!».

Уже в сборнике «У нас в Зергетуе» определилась художническая манера автора: тонко выписывать психологическое состояние героя, выявлять причину нравственного, духовного конфликта людей. Вот выходец из улуса Дамба Очиржапов (рассказ «Трудное положение»), ставший известным театральным режиссером, по приглашению земляков приезжает в родные места и занимается с ребятами – артистами драмкружка. Вскоре они убеждаются, что наставник относится к ним, как... к куклам: они-де люди темные, творческих задач не понимают, а потому пусть механически заучивают текст и двигаются по сцене только так, как требует режиссер. Молодежь устраивает бунт, жалуется колхозному начальству, но Очиржапов остается при своем мнении. Он, конечно, задумывается, прав ли, он не узнает одноулусников, но пока только так – не узнает и размышляет... Тут, как и в других рассказах сборника, нет надуманных ситуаций, нет простого, видимого решения конфликта, тут ощущаешь движение самой жизни, веяние новых, духовных перемен.

В романе «Поющие стрелы» опыт психологической прозы, широкого эпического охвата жизни еще явственней. Время действия здесь – предреволюционный шестнадцатый год, место действия – родные места писателя. Для названия романа автор использовал поэтический образ из старинной бурятской легенды. «Поющей» когда-то называли стрелу, которую воин выпускал последней в бою. Для грозового времени, описанного в произведении, поющая стрела, возможно, еще оставалась в колчане: мятежный Октябрь грянул лишь через год.

Один из главных героев романа, петербургский доктор Савелий Кузнецов – вовсе не бунтовщик, не революционер. После «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года он гневно выступил на одном из столичных митингов против зверств правительства и угодил за это на девять лет в забайкальскую тюрьму и ссылку в гиблую тундру, а затем на вечное поселение в бурятский улус. Но сама логика предреволюционной жизни с ее жестокими несправедливостями, тяготами и жертвами первой мировой войны толкнули его в гущу народной смуты, сделали одним из верховодов русских и бурятских бедняков.

Писатели республики в своих эпических и лирических произведениях дали достаточно полный портрет своего народа. Африкан Бальбуров внес в этот портрет свои черточки. И думается, читатели будут благодарны ему за тонкую наблюдательность и правдивость его оценок. Учитель Михаил Дорондоев, еще один

герой романа, закончивший курс на восточном отделении Санкт-Петербургского университета и вернувшийся на родину, открывает Кузнецову то важное, что не могло не созреть в его душе:

«Видите ли, Савелий Григорьевич... многие годы я посвятил собиранию и изучению фольклора моего народа. Вот оно – единственное мое сокровище, мой бог, мой царь – мое наследство, если я умру. Непонятный и, по взглядам многих, полудикий народ раскрыл передо мной свои уста и поведал лучшее, что сохранила его память. И я скажу вам, Савелий Григорьевич, никогда не верьте тому, что народное мышление может быть примитивным. Примитивно может мыслить один человек, группа людей может придерживаться самого примитивного образа мыслей, но народ – никогда. В этих моих папках говорит, поет, гневается, смеется и рыдает очень умный, лукавый и хитрый в своих проделках, прямой и честный в своих больших делах, талантливый народ. Когда-нибудь, возможно, станут доступными все эти сокровища образованным людям. Возможно, их когда-нибудь переведут на иные языки. Если будет вам угодно, я постепенно буду вам пересказывать кое-что из этих записей...»

У Бальбурова, как и у других бурятских прозаиков, немало страниц о традиционном быте, сложившихся обычаях степняков. Нынешний читатель, особенно молодой, может составить по таким произведениям целый свод правил, которых придерживались предки в разных случаях жизни: при женитьбе и выходе замуж, рождении ребенка, торжествах, связанных с семейными удачами или общими, народными праздниками. Выпишу строки об одном испытании, которое должна пройти бурятская невеста при сватовстве жениха.

«...началось самое главное. Мани принесла в деревянном корыте специально приготовленный жидкий навоз с глиной и стала обмазывать место, где соединялся деревянный купол котла с трубой. Надо было обмазать так, чтобы винный пар нигде не мог просочиться и чтобы не испачкать одежды. И это бы ничего, с этим легко справлялась каждая улусная женщина во время праздников. Но Мани решили испытать огнем. Поэтому и велели разложить большой огонь под котлом – чтобы языки пламени взлетали вверх почти в половину человеческого роста. Мани должна была обмазывать котел и конец трубы сквозь этот огонь.

Огромные языки пламени плясали перед девушкой. Сквозь них можно было только на очень короткий миг увидеть котел, черный от копоти деревянный купол, черную от времени массивную деревянную трубу. Пламя плясало на лицах собравшихся, которые в напряженном ожидании следили за каждым движением девичьих рук. Длинные рукава шелкового платья доходили ей до самого запястья. Они сильно мешали, но их нельзя было закатывать. Поэтому Мани брала в свою небольшую ладошку совсем немного массы для обмазывания. Ей приходилось очень часто протягивать руку прямо через огонь, готовый – чуть замешкайся! – объять жадным пламенем и платье, и тяжелое хупахи¹, и даже волосы. И все видели, что не напрасно Питрэ нисколько не боялся за свою дочь: она металась вокруг костра как привидение, как бесплотное, похожее на тот же дым, что улетучивается в дымоход, существо, никто не мог увидеть ее рук, мелькающих с быстротой молнии. Это был удивительный танец вокруг желтоватых языков пламени. Походило, что это вовсе и не огонь, а огромный красный цветок с развевающимися лепестками, цветок, вокруг которого танцует заколдованная красавица.

¹ Нечто вроде полупальто с короткими, до локтей, рукавами.

Когда все кончилось и Мани вытянула вперед руки, все увидели, что рукава платья так же чисты, как вначале, когда девушка переступила порог юрты. По знаку отца она повернулась несколько раз – нигде на платье, на хупах не было ни единого пятнышка...»

Но речь, конечно, не о том, что роман «Поющие стрелы» интересен исключительно этнографическими подробностями. Речь о полноте изображения народного бытия, о тех сторонах его, которые очень ярко высвечивают национальный характер бурята, особенности его культуры. Когда талантливый художник рисует картины жизни своих героев в подлинной, а не стилизованной обстановке, с исторически выверенными подробностями, это вызывает доверие читателя, обогащает его подлинным знанием.

Повествование у Бальбурова построено так, что события, происходящие в улусе Хасанга и во всей округе, часто видятся глазами ссыльного доктора Кузнецова. А он, человек образованный и много испытавший, не может не размышлять о жизни скотоводов. Безраздельная власть над ними местных чиновников, шаманов, богачей, беззащитность перед болезнями, повсеместная неграмотность – все это вчерашний петербуржец видит ежедневно и потому постоянно задает себе вопрос: есть ли у народа выход из этого ужасающего положения?

«...он давно уже сделал вывод, что перед ним хоть и маленький, но сильный духом народ, который вовсе не собирается ложиться в саркофаг. Молодежь бурятская отважна и даже кое в чем задириста, старики же мудры и сдержанны, а весь народ необычайно трудолюбив... Этим выводам он нисколько не удивился, потому что хорошо знал: нет плохих, нет трусливых и ленивых народов, а есть плохие, трусливые, ленивые, да к тому же вдобавок еще и жестокие и бесчеловечные правители».

В романе Бальбурова, как и в других его произведениях, много поэтических страниц – народных легенд, сказочных историй, душевных благопожеланий, песенных сюжетов. Это особое искусство – освещать реалистическое повествование светом поэзии, той небесной лирикой, которая незримо присутствует в жизни и которая открывается только чуткому человеку. Посмотрите, как естественно звучит одна старинная легенда в рассказе о переживаниях красавицы Мани, отец которой из корысти решил отдать дочь в жены злобному богачу Орбоду, разлучив с любимым:

«Жила на земле бурятской когда-то счастливая девушка. Она была молода, и такой красоты, что редко кто мог смотреть на нее, не спуская глаз. О ней говорили, что красота ее – от солнца и луны. Говорили, что когда она начинала петь, то далеко кругом замолкали птицы, прислушиваясь к ее голосу, который звенел так, как никогда не звенит серебро. Говорили, что, когда она смеялась, вокруг невольно смеялись все – даже те, у кого в сердце гнезилось горе. Говорили, что никому из девушек никогда не приходило в голову завидовать этой удивительной красоте, а у парней никогда не возникала мысль, что она полюбит кого-нибудь из них. Когда же пришло время задуматься над тем, к кому ей приклонить свою красивую голову, то и на самом деле оказалось – не к кому. Вокруг нее бродили люди обычные, серые, души у них были маленькие, привыкшие приходить в трепет от самых ничтожных пустяков... Грустно стало девушке, перестала она смеяться, не слышно стало больше ее серебра.

Однажды шла она вечером к речке за водой. Солнце и луна в те времена всегда были вместе на небе. Пришла девушка на берег речки и стала жаловаться ей на свою горе. В речке колыхалось ее отражение, речке было жаль девушку, но она ничего не могла ей сказать, ничем не могла утешить. Только и смогла сделать речка, что понесла отражение этой чудной девушки на своих волнах и поведала о ее горе всем, кто пил ее чистые воды.

Но не только речка слушала рассказ девушки. Услышали солнце и луна – те, от кого унаследовала она огонь в сердце и печаль в глазах. Стали солнце и луна советоваться друг с другом, как помочь девушке: ведь это они были повинны во всем. Надо же было вложить в простую девушку то, чего никто не поймет, никто не оценит на земле!.. Ничего не смогли придумать солнце и луна и стали спорить друг с другом, упрекать друг друга. Рассердившись, что солнце, великое и могущественное, не желает помочь бедной девушке, луна прокляла его и ринулась с неба на землю. Не успело солнце опомниться, как луна схватила девушку и унесла с собой на небо. С тех пор навеки разошлись луна и солнце, с тех пор на ясном и чистом лунном диске и появилось изображение девушки с коромыслом на плече. Вечно будут любоваться ею люди на земле, вечной будет жизнь девушки. Вечной, но... холодной... Говорили, что оттого к луне обращаются все, у кого нет покоя на душе, что девушка с лунного диска всегда готова помочь тем, у кого нет защиты на земле.

Мани смотрела на луну, и ей очень хотелось верить, что та девушка с коромыслом на плече видит ее...».

Точно так же, как подобные легенды, в народной памяти веками хранятся россыпи иносказаний, присказок, пословиц на все случаи жизни. Они естественно входят в ткань романа «Поющие стрелы», создавая тот чудесный язык, который не придумаешь, не вычитаешь из книг. Он отшлифован народными острословами и откладывался в памяти будущего писателя с детства. О человеке, поглупевшем к старости, прозаик заметил: «Не иначе как у него в голове духи варят архи¹: чем дольше варится архи, тем он слабее на ум».

О другом: «Не подражай, ворона, гусю – утонешь!» Или – наблюдение: «В мире богачей всегда устроено так: выронил один маленький кусок – немедленно схватит другой. Даже друг у друга изо рта они рвут!».

В книге иного писателя редко встретишь иносказание – прием, при котором жизнь людей уподобляется существованию зверей, птиц, растений. Он позволяет ярче передать мысль или наблюдение автора. Такой прием характерен для восточной манеры повествования, и А.Бальбуров часто пользуется им. Например, искусный мастер Дарба-дархан так объясняет отношения богатых и бедных в своем улусе: «Когда у злой сильной собаки вырывают кость изо рта, эта собака скорее даст себя убить, чем позволит, чтобы ее лишили этой кости. Времена уже не те, чтобы собака спокойно уносила свою кость и, никого не боясь, грызла ее в свое удовольствие. Слишком много стало голодных ртов, а от голода всяк становится храбрым...»

Роман «Поющие стрелы» – это такая картина прошлой жизни бурят, которая живо стоит перед читателем, заставляя его сравнивать давнее положение народа с последующим и, сравнивая, размышлять, делать выводы. Такие произведе-

¹ Архи – молочная водка.

ния – сама звучащая жизнь, отвергающая домыслы и кривотолки. Можно поспорить с идеями, оценками, но правдивую картину жизни не оспорить, не прикрыть тряпьем лжи, не замазать новой краской.

Свое историческое полотно А.Бальбуров талантливо дополнил книгами «Озаренные», «Золотой корень» и «Двенадцать моих драгоценностей» – о современной для него Бурятии. Первые две очерковые книги посвящены строителям железнодорожной магистрали на севере республики. Мне памятна совместная с Африканом Андреевичем, десятидневная поездка на трассу БАМа в самом начале стройки, зимой. Спать приходилось там, где заставала ночь: в бараке, вагончике, палатке, в которой постоянно топились железная печь. Бальбуров был как заведенный: спозаранку мы уезжали на вездеходе то на просеку будущей дороги, то к portalу тоннеля, то на берег бурливой речки, где монтировался металлический мост. Прозаик не раз бывал в здешних местах много лет назад, работая журналистом. Рассказывал, как пешком прошел по тайге тридцатикилометровый путь от Нижнеангарска до рыбацкого поселка Байкальск, чтобы увидеть охоту на нерпу. Он и в нашей поездке, как говорится, все щупал своими руками, дотошно вникал в то, о чем рассказывали строители. И потому в обеих книгах его так живо выписаны характеры творцов магистрали и так жестко, без придыханий, показаны их будничные фантастические дела.

А что добавить к сказанному о книге «Двенадцать моих драгоценностей»? Тут захватывает дух обожания своей родины – главное качество писателя, впечатлительной и мудрой натуры. К Африкану Андреевичу смело можно отнести слова, сказанные им об одном своем друге, тоже литераторе: «Он писал их (произведения – А.Р.) в полном смысле этого слова сердцем, они наполнены у него живыми соками жизни не только потому, что у него такое богатое и сочное воображение, а потому, главным образом, что в каждую фразу свою он вливает живую душу, трепещущую и поющую от восторга перед красотами природы и плачущую и стонущую, когда эту красоту уродуют, а то и уничтожают». Трепещущую и поющую от восторга также и перед красотой человеческой души и плачущую, и стонущую, когда эту красоту уродуют, а то и уничтожают.

АРБАН ХОЁР ЭРДЭНИ ЗЭНДЭМЭНИНЬ

Африкан Андреевич Бальбуровой «Арбан хоёр эрдэни шэмэгни» гэжэ уран найханай болон публицист жанртай ном соонь зүүн зүгэй литын арбан хоёр нара тухай хэлэгдэнэ. Литын тоогоор арбан хоёр бүлэгһөө бүридэһэн энэ номой бүлэг бүхэнийн зүүн зүгэй литын нэгэ нараар нэрлэгдэнхэй. Март нарые малша зон саһанай ехээр хайлажа байһан ехэ боргон нара гэжэ нэрлэдэг байгаа. Энэ үедэ саһан хайлажа эхилээд, гол горход хүдэлжэ, хүлгүү болохо. Бага боргон (апрель) нарада саһан хайлажа дүүрэхэ дүтлөөд байха. Улаан зудан (май) нарада хада уула үнгэ бүрийн эсэргүүдээр бүрхөөгдэжэ, ургамал ногоон бултайжа, дэлхэй дээрэ ажамидалал халбаржа, үхэр мал атарлан бэлшэжэ садаха. Гани (июнь) нарада нэрэгдэһэн тогооной архи бэшэ харануудта нэрэгдэһэн архида орходоо шанга, хүнииё һогтоодог гэжэ малшад дэмы хэлсэдэггүй байгаа. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайн энэл нарада эхилээ һэмнай...

Энэ ном уншаад байхадаа, арад зоной сэдхэл ямар баян, юумые ямараар сэгнэн, ямар хёрхо, мэргэнээр адаглан харадаг байгаа гэж гайхахаар. «Мүнөө ханахад, тэрэ буяад үгэнүүд харануудай нэрэ бэшэ, харин үни үнгэрэн ошоһон үе сагуудай гүн сооһоо арайханш гэжэ дуулдаһан таамаг нюуса шэнгээр, жэгтэй һонин, тон дүтын уряал мэтээр шэхэндэм дуулдадаг бэлэй» гэжэ зохёолшын хэлэһэнтэй зүбшэнгүй байхын аргагүй.

Зохёохы зам тухайнь хөөрөөгөө тэрэнэй һүүлшын зохёолнуудай нэгэн болохо «Арбан хоёр эрдэни шэмэгни» гэжэ номһоо дэмы эхилээгүй хүм. Угаа һайхан нэрэтэй гүнзэги энэ зохёол соогоо түрэл арадайнгаа хуби заяан тухай, өөр тухайгаа онсо тодорхойгоор хөөрөжэ үгөө. Номой эгээл үнэтэй сэнтэй юумэн гэхэдэ – түрэл арадайнгаа хуби заяан соохи эгээл нангин, эгээл сэнтэй юумэнүүдые үнгэлэн, уран зураашадал гоёон шэмэглэжэ зураглахадаа, зохёолшын хёрхо нүдөөр адаглажа, сэсэн бодолоор сэдхэжэ, дүршэлтэй сурбалжалагша хүнэй нүдөөр сэгнэжэ бэшэһэниинь энэ зохёолой буяад литература соо тон өөрын һуури эзэлжэ байһаниие гэршэлнэ.

Прозоор зохёол бэшэдэг хүнэй энэ шэнжэ шанар Африкан Андреевичтэй уулзаһан лэ үдэртөө тухайлахаар һэн. Тиихэдэ тэрэнэй хүтэлбэрилжэ байһан «Байгал» сэтгүүлэй редакци, университет дүүргэжэ ерээд, минии хүдэлжэ эхилээд байһан «Буяадай залуушуул» сониной редакци хоёр нэгэ байшан соо оршодог хадаа, Бальбууровтай бидэ байшанай коридор соо гү, али байшанай газраа, хэн нэгэнэй кабинет соо заал хаа уулзашадаг һэмди. Хододоо мэндэтгээ ябадаг, эршэмтэй энэ хүн бидэндэ, залуу авторнуудта тон анхаралтайгаар хандадаг, Москваһаа ерэхэн зохёолшодтой уулзалгануудай болоходо бидэниие заал хаа уридаг, юу бэшэжэ байнаш, хаагуур командировкодо ябажа ерэхэ гэжэ байжа һурагшалжа, һонирхожо байдаг бэлэй. 60-70-аад онуудай минии үеын поэдүүд – Дондог Улзытуев, Анатолий Щитов, Михаил Шиханов, Даша Дамбаев, Георгий Дашабылов, Мэлс Самбуев, Лопсон Тапхаев, Владимир Липатов гээд лэ сэтгүүлэй дугаар бүхэндэ шахуу ород гү, али буяад хэлэн дээрэ шүлэгүүдэ толилуулжа байдаг һэмди. Африкан Андреевич ажабайдалай худаһа алдангүй, тойроод бурьялжа байгаа ажал хэрэгүүд тухай бэшэхэ тон дуратай бэлэй. Уянгата шүлэг лэ бэшэдэг гэжэ бидэнэй ханадаг Дондог Улзытуевай республика соогуураа ябаад ерэхэдэаа замтай тэмдэглэлнүүдые асархадань, ямар дуратайгаар толилоо гээшэ һэм. Үшөө нэгэ уянгата шүлэгшэн Солбон Ангабаевай удаахан сагта нютагтаа байгаад ерэхэдэаа бүхэли ном болохо очеркнүүдые асархадань, баһал ехээр энээндэ урмашажа, дуратайгаар толилһон юм. Ангара дээрэхи ЛП-220 гэхэн барилгаһаа минии ерэхэдэ, оройдоол нэгэ ТЭЦ-тэй байһан Улаан-Үдын зайн галаар хангалгада энэ барилга ямар ехэ үүргэтэй байхань бэ гэжэ дары ойлгоһон Бальбууровай Хамар-Дабаанай хүжэ хадаар Байгал тойроод харгы бариһан эрэлхэг зоригтой хүбүүд тухай очерк бэшэ гэжэ намда захиран һагад хэлэһыень мартадаггүйб. Үргэн ехэ Сибириин уурхай соо үндэр вольттой лини байгуулжа баатаршалга гаргаһан эдэ хүбүүдые нээрээл би хараһан хүм. «Байгалай үлхэмэл хоолобошо» гэжэ уянгатуулан нэрлэһэмни, «Томо харгын түрүүшүүл» гэжэ тон зүбөөр нэрлээ бэлэй. Ямар нэгэн танихагүй хүндэ намайе заажа, энэ үнөөхи очерк «Байгалда» бэшэһэн хүмнай гээд, дала мұрыеш алыгадан, эсэгэ мэтээр дулаан үгэнүүдые хэлэхэ.

Оюутан ябахадаа ургаса хуряалгын үедэ тэрэнэй түрэл тоонто нютагаар – Эрхүү можын Алайрай аймагаар – яһала ябагдаһан юм даа. Эндэ намтай университеттэ суг һураһан Александр Вампилов түрэхэн намтартай. Сашатай хам-

та нэгэ бүлэгэй хүбүүд машинаар шэнийсэ «Заготзерно» абаашажа, нютагһаа нютаг хүрэтэр яһала ябаһан, Аляатын нуурта шунгажа, эрьедэнь наранда шаруулжа хэбтэһэн, үдэшэнийнь аймагай түбтэ ошожо, хатар нааданда сэнгэһэн, хүхихэн байхабди.

Африкан Андреевич Бальбуравой бурьялма олон үйлэ хэрэгүүдээр салгидаһан намтар эндэһээл эхилһэн түүхэтэй. Хойто эхэтээ, абатаяа үндыхэн хүбүүн бага наһаяа дурсахадаа: «Хэнзэ хурьганай мяхан, һэхүүргэ арһан тухай абамни минии дүрбэтэй-табатайда хөөрэдэг байгаа, тиихэдэ ехэл дорьбо дошогүйгөөр дуугарагша һэн. Юундэб гэхэдэ, бидэ иимэ юумэн тухай шэбшэхэш аргагүй үгытэй ядуу байгаа бэлэйбди. Гэдэһээ үлдэжэ, мүрөө улайлгажа ябаабди гэхэдэ, алдуу болохогүй. Харин үльгэршэн Бажы ахайн манайда ерэхэдэ, өөдэгүйхэн гэртэмнай хэды ехэ баяр зугаа болодог байгаааб! Тэрэ манай Хурсангаһаа гурбан модоной зайда байдаг Хайтаг гэдэг нютагһаа ерэгшэ һэн», – гэжэ бэшэһэн байдаг.

30-аад онуудай эхээр эдир Африкан хамтын ажахыда хүдэлжэ байһанаа, һүүлдэнь колхоздо орожо хүдэлөөд, эсэгэтээ, ахатаяа Дээдэ-Үдэ ошожо, ФЗУ-да (фабрика-заводой хургуули гэжэ зоной дунда алдаршаһан) орожо, һуралсал гараад, һая нээгдэһэн паровоз бүтээлгын заводто слесарээр, фрезеровщигоор, ээлжээнэй мастераар хүдэлөө. Офицер зиндаатай хадаа, дайнай жэлнүүдтэ жагсаалай ротонуудые бэлдэжэ фронтдо эльгээдэг, Забайкалийн танкова бригадада алба хэдэг һэн. Һүүлдэнь зохёол бэшэхынгээ хажуугаар хургуулида багшалаа, Бурядай эрдэм-шэнжэлэлгын дээдэ хургуулийн хэлэ бэшэгэй, уран зохёолой болон түүхын таһагай хүтэлбэрилэгшөөр, «Правда» сониндо Бурядай собкороор хүдэлөө. Эрдэм шэнжэлэлгын дээдэ хургуулида хүдэлжэ байхадаа «Абай Гэсэрэй» нэгэ һалаае үльгэршэһнөө бэшэжэ абаһан, аман үгын ондоошые зохёолнуудые суглуулһан байха. Сурбалжалагшаар хүдэлхэ үедөө республикаһаа одоол нэгэ захиһаань нүгөөдэ хүрэтэр ябаһан, суута зоноорнь танилсаһан гээшэ. Энэ мэргэжэлын саашадаа үргэлжэлхэдөө, «Байгал» сэтгүүлэй харюусалгата секретаряар, олон жэлдэ редактораар хүдэлөө.

Алайр тухай би зорюута дурдаагүй хүм. «Манай Зэргэтэдэ» гэхэн рассказуудай согсолбори, «Зэдэлээтэ эзбэнүүд» гэхэн роман соонь Алайр тухай дэлгэрэнгыгээр бэшэгдэнхэй. Түрүүшын буряад романуудые байгуулһан зохёолшодтол адли арадай аман зохёолой худал барин, үльгэр домогуудһаа һабагшалан, хэлэ бэшэгэйн баялиг, шэнжэ шанар хэрэглэн бэшэдэг бэлэй. Гэхэтэй хамта, арадай ёһо заншалнуудые, абари зан гаргаһан арадай зохёол соогоо ородой классическа уран зохёолой дүршэл баялигые хэрэглэхэдэ, юумые зураглан харуулхадаа, зүб үгэ оложо, метафора, жэшээлгэнүүдые хэрэглэжэ, геройнуудайн ажал хэрэгүүдые, хоорондох харилсаа, хөөрэлдөөе зураглахадаа, ород прозын маягаар гаргаһаниинь баһал үнэ сэнтэй.

Эдэ бүгэдэ Бальбуравой прозын маяг тухай миинтэ зугаа дэлгэнгүй, романһаань багахан хэһэг абажа харая:

«Тайга өөрын байдалтай – тоншуулайшые тоншохые мэдэхгүй хүн энээнийнь обёорхогүй. Доохоно горхон шолшогонон урдана – тэрэ абяаниинь эгээл нэгэ хүнэй бүтылхэ руу уһа һэмээхэнээр эюулжэ байһан шэнги, үдэрөө дүүрэн эюулхэ юм, бүтылхэнь дүүрэхэ юм бэшэ... Дээхэнэ, толгой дээрэ, ямар бэ даа бүдэх аад, хонгёо абяан дуулдана – хуша ба нарһан модод хадын һалхинтай юуншыеб тухай хөөрэлдэнэ...»

Герой бүхэнэй хэлэн тон онсо, зураглахан хүнэйнгөө яажа дуугардагые, хэлэнэйн онсо илгаа зохёолшон найн мэдэнэ. Сүлэгдэһэн Кузнецов гэжэ фамили-тай хүниие буряад хуурин руу абаашажа ябаһан ород таряашанай хэлэхые шагная:

– Ши, хүбаа, тэрэ буһалгаашан болохо гүш, али... тэрэ... ами таһалдагай нэгэн гүш?

– Үгы даа, хүнэй аминда хүрөөгүй хүм. Юһэн зуун табан оной түлөө энэ боложо ябанаб, – гэжэ Кузнецов яаруухан харюусаба.

Никанор дахин адаглан хаража оробо.

– Ши, хүбаа, намһаа бү ай. Би табан он гээшыеш баһал найса мэдэхэб; наһаарааш мартахагүйб. Би тиихэдэ Владивостогто сэрэгэй алба хэжэ байһан хүм. Сибириин долоон зуун гушан табадахи полкоорхин буһалгаа татаха гэбэ гээшэбди. Тээд юугээршые эхилхээ мэдээгүй һэмди. Иигэхэ, тиигэхэ гэлсэхээр байтарнай, долоон ударидагшадыень барижа абаашабал даа. Тиигээд лэ һула һалаа бэлэйбди. Һии-лоо, яһан һажалуур моримши, – гээд, Никанор гэнтэ боожоёо угзаржа, морёо ташуурдаад, харайлгажархиба».

«Манай Зэргэтэдэ» гэхэн ном соохи рассууд автарай бэшэлгын гол маяг түхэл элирүүлхэдэ, геройн сэдхэл доторой байра байдалые тон гүнзгыгөөр харуулдагыень, хүнүүдэй хоорондоо ямар ушарһаа зүрилдэһыень тон зүбөөр оложо зурагладагыень тобшолно. «Хүндэ байдал» гэхэн расказай герой хүдөөдэ түрэжэ эрэ болоод, театрта хүдэлжэ, мэдээжэ режиссёр болоһон Дамба Очиржапов нюта-гайхидайнгаа урилгаар ерэжэ, драмкружогто ябадаг артистнартай хүдэлнэ. Багшынгаа хүүхэлдэйнүүдтэ хандадагта адляар тэдэнэртэ хандажа байһые артистнар обёорходоо, эдэмнай балархан зон, уран бүтээлэй юумэ ойлгохошьегүй, миил иишэ тиишэ тайзан дээгүүр ябажа, режиссёрой хэлэһые ойлгонгүй, үгэһыень лэ сээжэлдэнэ гэжэ тэрэ бидэнэр тухай һанана гэжэ ойлгожорхёо. Залуушуул буһалгаалжа, колхозойнгоо даргада хэлэхэдэнь, Очиржаповын өөрынхёороол боложо, би зүб гүб, буруу гүб гэжэ бодожо үзэнэгүй. Энэ расказ соо хүнэй һанаанһаа абажа бэшэжэрхиһэн юумэн үгы, булта юумэн ажабайдалһаа.

«Зэдэлээтэ зэбэнүүд» гэхэн роман психологическа прозын түрүүшын дүршэл болоһон зохёол хадаа, ажабайдалые үргэнөөр харуулна. Хубисхалай урдахи 1916 ондо зохёолшын түрэнэн газар дайдаар олон тоото үйлэ хэрэгүүд болоно. «Зэдэлээтэ зэбэнүүд» гэхэн гаршаг хуушанай үльгэрһөө абтаһан. Тулалдаанда эгээл һүүлдэ табигдаһан зэбые зэдэлээтэ зэбэ гэдэг байгаа. 1916 ондо зэбэ үшөө харбалгада табигдаагүй, хубисхалта Октябриин хүрэжэ ерэтэр жэл үлөөд байгаа.

Романай геройнуудай нэгэн болохо Петербург хотын доктор Савелий Кузнецов гэшэ буһалгаашаншые бэшэ, хубисхалда хабаадаһаншые бэшэ, 1905 оной январин 9-дэ болоһон «шухата амаралтын» үедэ үгытэй ядуу арад зониие баяд ноёдой, засаг түрынхидэй баһадаг тухай нэгэ суглаан дээрэ бодожо хэлээд лэ, аяар холын Байгал шадарай хизаар руу сүлэгдэжэ, түрмэдэ хууһан хадаа, ород, буряадуудай буһалгаалхада, тэдэниие ударидаха баатай болоно.

Буряадай зохёолшод түрэл арадайнгаа дүрэ зураг зохёолнууд соогоо яһала дүүрэнээр харуулһан аабза. Африкан Бальбуков энэ дүрэ зурагтань өөрынгөө зураг нэмэһэн, хубитаяа оруулһан бшуу. Иимэ хёрхо хараатайгаар арад зонойнгоо дүрэ зураг гаргажа шаданһандань зон баярлаа ёһотой. Санкт-Петербурлын университетэй зүүн зүгэй таһагта һуралсажа гараһан багша Михаил Дорондоев нютагаа бусаад, Кузнецовто нэгэ шухала юумэ хэлэжэ үгэнэ:

«Дуулагтылши, Савелий Григорьевич, – гэжэ Дорондоев «минии хүндэтэ доктор» гэхэн гоё хүндэмүүшэ үгээшье мартажархёод, үргэлжэлүүлнэ, – би өөрынгөө арадай аман зохёол суглуулжа, мүн шэнжэлхэ хэрэгтэ олон жэлнүүдээ зорюулаа хүм. Эдэл жэрылдэн байна гээшэл даа, минии баялиг, минии хүсэл бодолой бурхан, ашата хаамни. Эдэмнил минии наһа барахада үлэхэ зөөримни гээшэ. Ойлгогдоогүй, олон хүнүүдэй ханадагаар, зэрлиг шахуу арад үе холоһоо нааша бэлигүүн сээжэ сэдхэлдээ даража, хадагалжа ябаһан эрхим хайхан уутаяа нээжэ, эдэниие намда хөөрөжэ үгөө. Би танда хэлэхэ байнаб, Савелий Григорьевич, арад зоной ухаан бодолой бааза тулюур юм гэхэн заримашуулда зааханшье бү этигэгты. Ганса нэгэн хүн бааза бүдүүлгээр бодомжолжо болохо, бүлэг хүнүүдшье мүн барга ахир ухаан бодол баримталхаа ядадаггүй, харин арад зон гээшэмнай хэзээдэшье тиимэ тулюур туйган бодолтой байхагүй, үгы! Минии эдэ хабтаһанууд соо айхабтар бэлиг түгэлдэр, сэсэн хурса ухаантай бодото хайхан хэрэгтэ үнэн сэхэ, зүгөөр хариин харатан дайсанай урдаһаа эрэлхэг зоригтойгоор тэмсэхэ айхабтар уран аргатай, мэхэ ехэтэй тиимэ арад зон хайн хайхан үгээ хэлэжэ, үгы хаа, муу муухайгаар хараал табижа, уур хилэндэ абтажа, али хаа, ирагуу хайхан дуу дуулажа, хонгёо амитан гэлсэжэ гү, али орилон бархиржа байдаг. Эдэ минии суглуулһан гүн гүнзэги удхатай эдэ баялигни хэзээ нэгтэ эрдэм болбосорол ехэтэ хүнүүдтэ дэлгээгдэхэ бээ гэжэ найдадагби. Тэрэнһээ гадна буса олон дээрэ хэзээ нэгэн оршуулагдажа магад. Хэрбээ танай һонирходог хаа, зарим үльгэр онтохонуудые танда хөөрөжэ гү, али уншажа үгэхэдэм болохо».

Нэмжэгэр үргэн тала газарта ажаһуудаг зоной һуудал байдал, ёһо заншал тухай хөөрөһэн хуудаһанууд Бальбууровта олон юм. Мүнөө үеын залуу хүн тус зохёолнуудыень уншбал, һамга абахадаа, хадамда гарахадаа, үхибүүнэй түрэхэдэ, арадай найрта хабаадахадаа, ямар ёһо гуримуудые эхэ эсэгэнэрнай сахидаг байгаа гэжэ мэдэжэ абаха аргатай. Хадам хүбүүнһээ хадаг асаржа зоной ерээд байхада, тэдэниие яажа угтаха, юу хэхэ, юун гэжэ хэлэхэ юм гэхэн нэгэ багахан хэнэг романһаа абажа харуулая:

«Модон тэбшэ соо зуураһан үхэрэй шабааһан шабар хоёрые Манюу газааһаа асараад, тогоогоо шабажа эхилбэ. Архиин охиной заашье гарахагүйгөөр, хубсаһаа будангүйгөөр тогоогоо шабаха хэрэгтэй байгаа. Тээд тогоо шабахада барагтай юм аабза, айлнууд барандаа тогоогоо нэрэжэл байдаг бшуу. Эхэнэр хүн тиимэ ажал хэжэл байдаг гэхэ зуураа, Манюуе галаар туршаха гэхэн байгаа ха юм. Тиимэһээ гал ехээр түлюүлһэн байгаа бшуу. Мүнөө тогоон дорохи галайнь дүлэн толгойдо хүрэтэр соробхилжо байна.

Туйлай ехэ дүлэн басаганай урдуур нюур амынь долёон алдажа, хүртэйгөөр соробхилжо байна. Энэ гал дүлэн соо байһан хара тогоон, эһэ тортог болошоһон сорго ойрохон зуура харагдаад лэ, улаан дүлэнэй саана орошоно. Басаганай гарай хүдэлсэ бүхэниие ажаглажа байһан хүнүүдэй нюурнууд дээгүүр галай туяа наадана. Торгон платинь хамсынуудай ута гээшэнь! Ехэтэ һаалта хээшье хаань, хамсыгаа шамажа болохогүй байгаа. Тиимэһээ хамсыгаа будажархихагүйн тулада гартаа бага багаханаар шабалтатаа абана. Манюугай тогоогоо няахаяа гарраа һарбайхалаарнь, ехэ галай дүлэн удаараа хаа, торгон платидань, үһэндэнь аһашахаар бэлэн үлэгэшэжэл байна. Питрай басаганайнгаа хойноһоо ханаагаа зобоогүй һуугаашань дэмы бэшэ юм байна гэжэ хүнүүд бултадаа хаража һууба. Манюу басаган гал гуламтатай тойроод, һүүдэр мэтэ һүүмэлзэжэ, тооноор өөдөө гаража байһан утаан мэтэ тогтоно тороногүй – солбон шуумар гарайнь хүдэлжэ

байхыг хүн хаража үрдинэгүй. Шарбтар дүлэ тойроод, шадмар бэрхээр хатар зугаа хэжэ байна гэжэ ханахаар нэн. Энэ гал гуламтада түүдэг носожо байна бэшэ, харин улаалзай сэсэгэй задаран халбаржа байхада, тэрэниие тойроод, абалагдахан агуу гоохон дүүхэйн хатар хэжэ байһандал харагдахад гэнэ.

Тогоогоо шабажа дүүргээд, Манюугай гараа урагшань харбайхадань, торгон платинь хамсы үүдэ ороходоо ямар сэбэр байгаа нэм – тэрэл зандаа байба».

«Зэдэлээтэ эбэнүүд» роман гансал нэгэ арадай байдал нуудалыг тодорхойгоор харуулһан хадаа үнэтэй сэнтэй зохёол болоо гэнэгүйб. Арадай байдал нуудалыг үргэнөөр харуулжа, буряад хүнэй абари зангай онсо талыг гэршэлэн зураглахадаа, соёлойн онсо шэнжэ харуулһан зохёол болоо гэшэ гэжэ хэлэхэ хананам. Бэлигтэй зураашын геройнуудаа ёһын тэдыдэ бэшэ, бодото дээрэнэ харуулхадань, уншагшад энэндэнэ этигэжэ, мэдэсээ үргэн болгоно бшуу.

«Зэдэлээтэ эбэнүүд» роман соо Хасанга нууринда боложо байһан үйлэ хэрэгүүд сүлэлгэндэ байһан доктор Кузнецовой нүдөөр харуулагдана. Олон юмэ үзэһэн, хараһан, эрдэмтэ энэ хүн малша зоной ажабайдал тухай бодомжолжо үзэхэдөө, эдэнэй баяд ноёдой, бөөнэрэй болон засаг баригшадай дарлалта доро эрхэгүй, үбшэ хабшанда нэрбэгдэдэг, эрдэм мэдэсэгүй байһыг харахадаа, энэ арад иимэ тулюур байдалһаа яажэ гараха болоноб гэнэн асуудалда абтана:

«... үсөөхэншыг наа, зүгөөр урма зориг ехэтэй, үхэхөө тэбдэжэ байгаагүй арад урдмни байна гэжэ тэрэ үнинэйл анхаржа ябаа. Буряад залуушуул зүрхэтэй, заримдаа бүри эрэ доргон, үбгэд ухаатай аад, номгон даруу зантай, бүхыдөө арад зон ажалша бэрхэ... Иигэжэ тэрэ дүн гаргахад гайхаад абаа бэшэ, юундэб гэхэдэ, муу, аймхай, залхуу арад гэжэ үгы, харин муу, аймхай, залхуу, үшөө хэрзэгы, муу удамаршад гэжэ бии».

Бальбуравай тус роман соо болон бэшэшыг зохёолнуудтань арадай домогууд, онтохонууд, юрөөлнүүд, дуунууд олоороо оронхой. Үнэн боложо байгаа юумэнүүдтэ үндэр поэзийн гэрэл оруулжа бэшэхэ гэшэ хүндэшэг хэрэг. Сэбэр гоё Мани басагайа дуратай хүнтэйн хохасуулжа, сулалтай тэнэг Орбод баянда һамган болгожо худалдаха гэнэн эсэгынгээ шийдхэбэриһэ басаганай гуниглан уйдхарты абтаһан тухай домог ямар гоёор бэшээтэй гэшэб:

«Буряад нэгэ нутагта үни холын сагта жаргалтай эхэнэр нуугаа нэн ха. Залуухан аад, залан харашагүй сэбэр һайхан шарайтай эхэнэр байгаа. Нара наранһаа һайхан шарайтай юм гэжэ хэлсэдэг байгаа. Тэрэ басаганай дуу дуулахадань, ирагуу һайхан абяаень шагнажа, оршон тойрон шубуудшыг жэргэхээ болишодог байгаа гэхэ. Тэрэнэй энеэхэдэ, ойро дүтэ байһан хүнүүд, тэрэ тоодо уйдхар гашуудалдашыг дарагдажа байгшад энеэлдэдэг нэн гэхэ. Үетэн басагад сооһоонь нэгэнииншыг тэрэнэй сэбэр һайхандань атаархадагүй, харин хүбүүд хэн нэгэндэмнай дурлаха юм гэжэ ой ухаандашыг оруулдаггүй нэн. Гоё һайхан толгойгоо хэн тээшэ нэнгэхэбиб гэнэн бодолой басаганай толгойдо түрэдэг болоходо, тиимэ хүн оройдоо байбагүй. Тойроод харан гэхэдэнэ, юрын борохон хүнүүд лэ ябахань харагдана, тэдэнэй ханаа сэдхэлыг хэрэггүй ахир юумэнһээ доһолжо дорьбожо нурашаһан, уйтахан досоохитой хүнүүд байба. Тэрэ басаган иимэ хүнүүдтэ дурлажа шадахагүй байба, тиимэһээ эгээ гоё һайхан басаган байгаад, эгээ муухай басагадай эдлэдэг инаг дуранай жаргалыг яахадаа эдлэжэ шадахагүй байнабиб гэжэ тэрэ басаган ехээр гомдобо. Тэрэ гэнэнһээ хойшо басаган гашуудалда дарагдажа, энеэхэ наадахаяашыг болишоһон байгаа.

Нэгэтэ үдэшлэн уһа асархаяа горхон тээшэ ошожо ябаба ха. Наранай үшөө ороодүй байбашье, һара гаранхай байба. Тэрэ басаган горхон дээрэ ерээд, гомдол гашуудал тухайгаа тэрэндэ хөөрөжэ үгэбэ ха. Горхоной уһан соо басаганай дүрсэнь харагдана, тэрэ басагыг горхон хайрлабашье, юушыг хэлэжэ, һамааруулжа шадахагүй байгаа. Тиибашье энэ горхон басаганай дүрсэ шарайе долгин дээгүүрээ абашажа, горхоной сэбэр уһа уудаг хүнүүдтэ дууһандань тэрэнэй гашуудал тухай мэдээсэһэн байба.

Басаганай гомдол тухайгаа хөөрэхыень гансал горхон дуулажа байгаа бэшэ, харин зүрхэнэй халууе болон нюдэндэхи уйдхарыг өөртөнх үгэһэн Наран һара хоёр дуулажа байгаа һэн ха. Һара Наран хоёр энэ басагыг иимээр табижархиһан гэмтэй хадаа тэрэ басаганда юугээр туһалхабибди гэжэ зүбшэн хэлсэбэ ха. Газар дэлхэй дээрэ хэнэйшыг ойлгохо, сэгнэхгүй шанар шэнжыг яахадаа тэрэ юрын басаганда хүртөөһэн байгаабибди гэжэ халаглаад, һара Наран хоёр юушыг һанажа ядаба. Тиигээд өөһэд хоорондоо арсалдажа эхилээ һэн ха. Иимэ ехэ хүсэтэй Наран аад, басаганда туһалжа шадабагүй гэжэ суһалдаад, Нарыг хараан ябажа, һара газарта буугаад, Наранай юушыг мэдээгүй байтарнь тэрэ басагыг шүүрээд, огторгойдо абaad ябашаһан байгаа. Тэрэ гэгэһнээ хойшо һара Наран хоёр эбээ таһаржа, бэе бэеһээ холуур ябадаг, тэрэ гэгэһнээ хойшо һарын һаруул шарай дээрэ үргэбшэтэй уһа үргөөд һуужа байһан басаган харагдажа байдаг болонхой юм. Газар дээрэ түрэхэн хүнүүд тэрэ мүнхэ һаһатай басаганда ходоодо дурлажа, хаража байдаг. Мүнхэ һаһатайшыг һаа, ульһагүй хүйтэн... Дэлхэй дээрэ хэниешыг халуун амьараа дулаасуулжа шадахагүй. Һанаа сэдхэлээ амардаггүй, зобожо тулижа ябадаг хүнүүд һарада хандадаг гэлсэдэг, тиихэдэнь һарадахи басаган газар дээрэ газашалуулагдаһан хүндэ ходоодо туһалхаар бэлэн байдаг юм гэдэг...

Манюу һара тээшэ хаража һуухадаа, һарадахи үргэбшэ үргэлһэн басаганһаа туһаламжа эрижэ, тэрэндэ хандаһан хүнүүдтэ тэрэ ходо туһалдаг байһай, намайе мүнөө һара хаража байна гэжэ этигэхэ дураниинь хүрэнэ...»

Эндэ хэһэг соохидол адли арадай зүрхэ сэдхэлдэ олон түмэн домогууд, онтохонууд, оньһон үгэнүүд хадагалаатай. «Зэдэлээтэ зэбэнүүд» романай хэлэ бэшэг соо энэ баян арадай аман зохёол оролсожо, хэлыень бүри баян, хурса болгоно. Арадай оньһон үгэнүүдыг зохёолшон багаһаань дууладаг, мэдэдэг байгаа. Хүгшэржэ зүнтэглэхэ болоһон хүн тухай иигэжэ хэлэдэг байгаа: «Тархи соонь байгааалиин эзэд архи нэрэдэг байгаа ха: архи удаан нэрэхэ бүри, ухаан һула болодог»; үшөө нэгэ оньһон үгэ абажа хараг: «Турлаагыг галуун бү һажааг – шэнгэшэхэ»; иимэ нэгэ ажаглалта дурдана: «Баяшуулай ажабайдалда үзэгдэдэг юмэн: «Нэгэ хүнэй багахан хүсөөг унагааажархибал, тэрэ дары нүгөөдэнь абашаха. Бэе бэенэйнгээ аманһашыг ходоро татан абахадаа болохо!».

А.Бальбуравай зохёолнууд соо далда хэлэнэй маяг оронхой – амитад, шубууд, ургамалнууд хүнүүд мэтээр харуулагданхай, авторай бодол, ажаглалта гүнзэгыгөөр харуулна. Иимэ арга зүүн зүгэй хэлэ бэшэгтэ, уран зохёолдо хэрэглэгдэдэг, Бальбурав иимэ арга ходо хэрэглэнэ. Жэшэнь, Дарба дархан баяшуулай болон үгытэйшүүлэй хоорондохи харилсаан тухай иигэжэ ойлгуулна:

«Хүсэ ехэтэ ууртай нохойн аманһаа яһа угзаржа абахада, энэ яһа абхууланхаар, ами наһаа үгэхөөр бэлэн байдаг. Нохойн яһаа аалиханаар абашажа, хэнһээш айнгүйгөөр мэрэжэ эхилхээр бэшээр саг хубилаа. Үлэн хооһон аматан олон болоо, харин үлэн хүн зоригтой болошодог гүбэ...»

«Зэдэлээтэ зэбэнүүд» гэхэн романай һүүлдэ шэнэ үе сагай ажабайдал харуулһан «Туяарал», «Алтан үндэһэн», «Арбан хоёр эрдэни шэмэгни» гэхэн но- муудыг хэблүүлэ һэн. Түрүүшын хоёр очеркнудай ном соо БАМ-ай ажалшад тухай бэшэгдэнхэй. Энэ ехэ барилгын һаял эхилээд байһан үбэл Африкан Андрее- вичтай арбан хоногоор БАМ ошоһоноо ходо һанажа ябадагби. Бараг соо, вагон соо, палатка соо түмэр пеэшэнэй хажууда унтаж бодоод ябадаг һэмди. Түмэр хүүргын баригдажа байһан газарта вездеходоор хара үглөөгүүр бодоод лэ ябахаб- ди. Сурбалжалагшаар хүдэлжэ байхадаа зохёолшон энээгүүр оло дахин ябаһан байгаа. Хаб заһаһанда агнуурилхыг харахаа гушан километрэй зайе дабажа, Нижнеангарскһаа Байкальск һуурин хүрэтэр тайга соогур ябагаар махаһанаа хөөрэгшэ һэн. БАМ-да арбан хоногоор ошоодшыг байхадаа, бүхы юумэ шэнжэл- хэ, гараараа барижа үзэхэһөө эхилээд лэ, бүхы юумэ тодорхойгоор һуража абаха, бүхы юумээр һонирхохо. Тиимэһээл тэрэ хоёр ном соонь барилгашадай абари зан, ажал хэрэгүүд тон тодорхойгоор үгтэнхэй.

«Арбан хоёр эрдэни шэмэгни» гэжэ ном тухай үшөө юун гэжэ нэмэлтэйб гэ- бэл, Африкан Андреевич Бальбуrow түрэл тоонтоёо аргагүй магтадаг, һайхашаадаг хүн байгаа. Тэрэнэй нэгэ нүхэр тухайгаа бэшэһэн үгэнүүдээр өөр тухайн хэлэжэ болоно: «Зохёолнуудаа тэрэ зүрхөөрөө бэшэдэг байгаа, эдэ зохёолнуудын ажа- байдалай шүүһээр билтаранхай, юундэб гэхэдэ үгэ бүхэниинь сэдхэлэйн дура шэнгээһэн, мүн бүхэниинь байгааалин һайханһаа һаргажа, муу юумэнһээ хаха буужа байдаг зүрхэнһөөн бэшээтэй». Энэ хэлэһэн үгэнүүд сооһидол, Африкан Андреевич Бальбуrowай зүрхэн хүнэй һайхан һанаа сэдхэлэй урда хайлажа, энэ һайн һанаа, сагаан сэдхэл бузарлажа байһан юумэнһээ уйлажа, гэншэжэ ябадаг лэ байгаа ха юм.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

Зэдэлээтэ зэбэнүүд. Роман. – Улаан-Үдэ, 1972 (Г.Чимитовэй оршуулга).

Арбан хоёр эрдэни шэмэгни. Буряад орон тухай ном. – Улаан-Үдэ, 1975 (Г.Чимитовэй оршуулга).

На русском языке:

Новеллы. – Улан-Удэ, 1941.

У нас в Зергетуге. Рассказы. – Улан-Удэ, 1959.

Поющие стрелы. Роман. – Улан-Удэ, 1965.

У нас в Бурятии. Повести. – Улан-Удэ, 1969.

Поющие стрелы. Роман. – М.: Советская Россия, 1969. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 8. – Улан-Удэ, 2012.

Приказываю жить. Повесть /В соавторстве с Д.Хилтухиным/. – Улан-Удэ, 1971.

Чай-Чау. Повесть. – Улан-Удэ, 1972.

По близким и дальним широтам. Очерки. – Улан-Удэ, 1974.

Белый месяц. Повести и рассказы. – М.: Современник, 1975.

Двенадцать моих драгоценностей (Серия «В семье российской, братской»). – М.: Со- ветская Россия, 1975.

Мы живем за Байкалом. Повесть. – Улан-Удэ, 1976.
Озаренные (Серия «Писатель и время»). – М.: Советская Россия, 1977.
Золотой корень. Рассказы. – М.: Детская литература, 1980.
Поющие стрелы. Роман. Двенадцать моих драгоценностей. Книга о Бурятии. Улан-Удэ, 1984; Серия «Отцы и дети» в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2005.
Сёстры. Рассказ. Двенадцать моих драгоценностей. Глава 4 // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Тармаханова О., Жарков Д. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели советской Бурятии. Улан-Удэ, 1959.
Иванов Вс. Шумящая крона литературы. – Литературная газета, 1959, 1 декабря.
Белосусов А. О чем поют стрелы. – Правда Бурятии, 1963, 26 апреля.
Шкаев В. Поющие стрелы А.Бальбура. – В мире книг, 1963.
Найдаков В. Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964.
Мотышиов И. Приглашение к дружбе. – Литературная Россия, 1968, 5 апреля.
Агишев Р. Приглашение к путешествию. – Правда Бурятии, 1969, 13 марта.
Найдаков В. Неиссякаемый талант. – Буряад Унэн, 1973, 28 июля.
Хосомоев Н. Воспевающий историю народа. – Буряад Унэн, 1974, 4 января.
Резцова Т. Двенадцать месяцев и вся жизнь. – Литературное обозрение, 1974, № 4.
Разумневич В. Сказание о земле бурятской. – Литературная газета, 1974, 17 июля.
Без указ. автора. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Смелков Ю. О своей земле. – Наш современник, 1978, № 5.
Мусиенко М. На северном Байкале. – Литературная Россия, 1981, 24 апреля.
Галанов Ц. Светлый лик. – Байгал, 1989, № 3.
Без указ. автора. Бальбуров Африкан Андреевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Уланов Э. Африкан Бальбуров // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
Тулохонов С. Бальбуров Африкан Андреевич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.
Серебрякова З. Элементы традиционной культуры в романе А.Бальбура «Поющие стрелы» // Байкальские встречи – 3: Материалы международного симпозиума. – Улан-Удэ, 2001.
Сангадиева Э. Легенда о хонгодорах в контексте романа А.Бальбура «Поющие стрелы» // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. – Омск, 2001.
Аюшева Э. Шаманистские мотивы в романе А.Бальбура «Поющие стрелы» // Вестник Бурятского университета, серия 6: Филология. – Улан-Удэ, 2003.
Цырендоржиев С. Неистовый Африкан. – Бурятия, 2004, 28 апреля, 5 мая.
Митыпов В. Жил в счастливое для литературы время. – Молодежь Бурятии, 2004, 5 мая.
Уланов Э. Бальбуров Африкан Андреевич (1919 – 1980) // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
Уланов Э. Африкан Бальбуров // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. – Улан-Удэ, 2009.

**Даширабдан Одбоевич
БАТОЖАБАЙ**
(1921-1977)

МНОГОГРАННЫЙ ДАР

В Бурятии, наверное, не было человека, причастного к литературе и искусству, который бы лично не знал писателя Даширабдана Одбоевича Батожабая. Всюду, где он появлялся – на всякого рода собраниях, на литературных вечерах, в творческом союзе и редакциях газет, радио, телевидения, журнала «Байкал», он становился центром дружеского общения. Любитель шуток и розыгрышей, он вносил в любой коллектив веселое оживление. Высокий, подтянутый, красивый, он сразу приковывал внимание людей.

Наш брат, молодые журналисты, знали о нем многое. В канун Великой Отечественной войны юношей Даширабдан Одбоевич закончил театральный техникум, играл в драматическом театре, участвовал в знаменитой первой Декаде литературы и искусства республики в Москве.

С началом войны он – курсант летной школы, затем училища штурманов и летчиков, после которого был направлен в полк ночной бомбардировочной авиации дальнего действия. Задолго до завершающих победных дней Д.Батожабаев (такова его родная фамилия) летал бомбить Берлин. Таких фронтовиков надо было еще поискать!

Да и писателем Д.Батожабай был необычным. Казалось, он хотел попробовать свои творческие силы во всех жанрах литературы. К своим тридцати шести годам, ко времени окончания Московского Литературного института имени Горького (пусть позднего, из-за войны, но так необходимого для будущего пути!), он уже опубликовал стихотворное сказание «О юном баторе Сэнгэ и его друге Сунды-Мэргэне», повесть «Песня табунщика», пьесы «Барометр показывает бурю» и «Ход конем», написал еще одну повесть – «Кто твой учитель?», первую

книгу трилогии «Похищенное счастье», участвовал в создании по своему производству сценария кинофильма в соавторстве с Е. Помещиковым и К. Минцем. Эта картина – «Песня табунщика», вышедшая на экраны в 1957 году, стала для зрителей страны кинематографическим открытием Бурятии. Отличный комедийный сюжет, талантливая игра в главных ролях певца, солиста Бурятского театра оперы и балета Владимира Манкетова и уже известного тогда киноактера Виталия Дорогина, живописные натурные съемки, проведенные в республике, – все это сделало фильм любимой лентой нашего поколения.

А следом вышла вторая кинокартина, среди сценаристов которой был Д. Батожабай, – «Золотой дом». И снова она прошла в прокате с большим успехом. Ну, много ли встретили бы вы у себя, в родной республике, писателей, так ярко проявивших творческий дар в разных жанрах литературы?

У Даширабдана Одбоевича был особый драматургический талант, проявившийся не только в пьесах и киносценариях, но и в прозе, и в стихотворной поэме-сказке. Он умел построить динамичный, часто неожиданный, даже «авантюрный» сюжет, вызвать острый интерес читателя и зрителя к действию, вроде бы житейски простому, будничному, но всегда имеющему психологически сложные или трагические предпосылки. Наконец, он мог двумя-тремя сатирическими штрихами очертить отталкивающий человеческий характер, грязный поступок, дурное поведение. Этим отличаются уже первые одноактные пьесы Д. Батожабая, изданные отдельной книгой: «Бесхвостый черт», «Заслуженная пощечина», «Ошибка Дагбы», «Гибель Шодоя» и другие. А в эпопее «Похищенное счастье» такой дар проявился с особым блеском.

Действие трилогии развивается динамично. Оно стремительно переносится из одного уголка земли в другой: из Агинской степи в Лхасу, столицу Тибета, оттуда в Лондон или Петербург, затем опять в Азию – в Пекин или Токио. Это ветры мировой политики, интересы крупнейших держав земли бросают многочисленных героев романа из одного конца планеты в другой. Но мы ни на минуту не забываем, что главные герои повествования – простые люди, араты родной для автора забайкальской степи, что любимые его персонажи – батрак Аламжи, его жена, красавица Жалма, два их маленьких сына Балбар и Булад.

Что бросает из одной страны в другую агинского скотовода, человека богатырского сложения, вечного труженика, честного, мягкого, доброго? Какое ему дело до большой политики?

Может быть, притягательность эпопеи Д. Батожабая как раз в том, что он поставил перед собой не узкую, частную задачу: показать, как обыкновенный человек стремится достичь счастья и благополучия, а задачу, можно сказать, глобальную: исследовать, почему люди больше заняты распрями, войнами, волчьими работами о том, как урвать лакомый кусок у соседа или у соседнего государства, а не стремятся установить на родной земле такой порядок, при котором труд, справедливость, чистота души принесут каждому счастье и процветание.

При этом прозаик не философствует отвлеченно. Его герои, обездоленные степняки, ищут во тьме это желанное счастье и неизменно приходят к выводу, что оно похищено. Батрак Аламжи никакой не мудрец и не философ, но за его раздумьями стоят многовековые чаяния его соплеменников, духовные и нравственные искания его народа. И думает он о своем похищенном счастье, как наследник народных мудрецов:

«Иногда Аламжи до рассвета ворочался с бока на бок, не мог заснуть... Порой ему мерещился усыпанный плодами сад. То был сад жизни. В том саду посадил он деревце – нежное, как Балбар и Булад, расцветающее по весне, как жена. У дерева набухают почки, чтобы дать жизнь плодам. У Жалмы набухают груди, чтобы дать жизнь его детям. Но почему он посадил заветное деревце в чужом саду? И кто будет собирать с него плоды?».

Подневольный человек, Аламжи был послан караванщиком в Тибет, и с того дня его, как песчинку в пустыне, понесло по бескрайней Азии. Еще в родной Аге он понял, что заработать трудом батрака средства на юрту, небольшое стадо овец и несколько коров, обеспечить сносную жизнь семье ему не удастся. А вдали от родины, подчиняясь воле чуждых людей – прожженных авантюристов, тайных агентов разных стран, жадных искателей наживы, он и вовсе пропадет. Вернуться в отчужденную степь, найти семью и умереть в кругу близких людей – вот его последнее желание. Аламжи убедился: его счастье похищено сильными мира сего, теми, кто владеет стадами, землями и душами обездоленных людей. Но он не знает, как отбить, отвоевать у этих хищников земное счастье. Трагедия Аламжи ужасна: в его отсутствие жена приняла мученическую смерть, его младшего сына, младенца, обрекли на чудовищную кончину – он погиб в коробке, где мог расти не в длину, а в ширину.

Но писатель, конечно, не мог закончить роман на такой ноте. Трудовой человек, подлинный хозяин жизни всегда рвется к свету и правде. Последние страницы эпопеи не случайно посвящены революции 1905-1907 годов. Потерпевшая поражение, она, тем не менее, становится предвестницей того, что насильники уже не смогут лишать вчерашних рабов человеческого достоинства и счастья. Среди степняков, решивших вернуть «похищенное счастье», – сын Аламжи Булад. Умирающий степняк в своем туманном сознании увидел его, молодого, сильного, готового сражаться за свое будущее счастье.

Эпическая широта изображения событий, философская глубина осмысления их, разнообразие и яркость человеческих судеб – эти достижения писателя расширили художественные возможности бурятской прозы. Но Д.Батожабай обогатил и образные средства, стилистику, язык родной литературы. Мы уже упоминали о сатирическом таланте писателя. Например, ему достаточно нескольких строк, чтобы читатель живо представил тайшу (главу) Агинской степной думы, жадного богача Намсарая:

«Он был способен отодрать подкову с копыта подошедшей лошади, сорвать украшение с только что умершего родственника, от скупости он мог варить себе суп из шкуры. Презрение к нему было так велико, что в народе говорили: «Намсарай от жадности может проглотить собственный плевок».

В любом произведении Д.Батожабая так много народных по духу, цветистых по краскам выражений, что кажется, будто он прошел некую школу современных улигершинов. На самом деле художник унаследовал дух народного языка, его необыкновенную выразительность. Послушайте: «Ямадзуки об этом пока не говорил. Он дарил букет не целиком, а по лепестку»; «В обширном дворе ламы копошились и были похожи на пчел, сидящих на шляпке подсолнуха»; «Перепуганный бадарчин (собираатель пожертвований) пустился бежать, размахивая позади себя палкой, как размахивает хвостом як, отгоняя оводов».

В этом, конечно, видна традиция бурятского фольклора. Иной улигершин или исполнитель хлестких народных куплетов, или знаток сатирических сказок мог так изобразить в двух словах труса, пройдоху, глупца, что не надо было долгих объяснений и доказательств. Скажет как пригвоздит к позорному столбу. Этим качеством счастливо обладал Даширабдан Батожабай.

В последние годы жизни прозаик написал и опубликовал новый роман – «Горные орлы».

Он повествует о легендарном командире партизанского отряда во времена гражданской войны в Сибири Несторе Каландаришвили. В произведении виден тот же почерк писателя: стремительное развитие действия, сжатый, энергичный стиль, философские отступления, в которых автор как бы со стороны осмысливает жизнь вообще и судьбу своих героев в частности. Как и в романе «Похищенное счастье», здесь символичен финальный аккорд – в последних строках прозаик высказывает сокровенное и важное:

«Конца пути своего ни один человек не знает. И хорошо, что это так, это мудро устроено: пусть человек не о конце своем думает, а о самом пути, пока он в пути. Оставим нашего героя с подругой, сидящими у костра на берегу Ангары, у начала начал – у воды, накануне новых свершений. Пусть весеннее солнце обласкает их. И пусть они не знают, что легендарному предводителю партизан жить осталось два года. 6 марта 1922 года вместе со штабом своим он погибнет в Якутии, попав в засаду врага. А пока отдыхай, человек, у воды. Цени дары жизни».

В этих спокойных лаконичных строках о судьбе героя, в жизни которого было множество смертельно опасных минут, жестоких испытаний, есть истина, которую постарался донести до читателя писатель философского склада Даширабдан Одбоевич Батожабай. Может быть, это исцеляющий и мудрый наказ всем нам.

БУРХАНЬАА ҮГТЭН ТАЛААН БЭЛИГ

Дашарабдан Одбоевич Батожабай гээшэ хэн юм гэжэ мэдэхгүй, тэрээн-тэй танилсаагүй соёл болон уран зохёолдо хабаатай хүн Буряад орондомнай олодохгүй байхадаа болохо. Суглаа хуралда ерэнэ гү, уран зохёолой үдэшэдэ хабаадана гү, зохёолшодой холбоондо, али сониной, радиогой, телевидениин, «Байгал» сэтгүүлэй редакция ороно гү – ябаһан лэ газартаа энеэдэ наада, хошон зугаа дэлгээжэ ябадаг үндэр жэбжэгэр бэетэй энэ хүниие обёоронгүй, анхарангүй байхын аргагүй һэн бээ.

Бидэнэр, залуу сурбалжалагшад, тэрээн тухай олон юумэ мэдэдэг һэмди. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай урдахана Дашарабдан Одбоевич театральна техникум дүүргээд, драмтеатрта наададаг болоод байгаа. Москвада анха түрүүшынхэ үнгэргэгдэһэн Буярадай соёлой болон уран зохёолой Декадада хабаадалсаа.

Дайнай эхилхэдэ лётчигуудай хургуулида хуража байтараа, штурмануудай болон лётчигуудай хурадаг училищада орожо, хуралсал гараад, холын зайда хүнindөө нийдэжэ боомбонуудые хаядаг авиациин полкдо эльгээгдэһэн юм. Тиигээд лэ Илалтын үдэрнүүдэй ерэтэр Д.Батожабаев (түрэл фамилин иимэ һэн) Берлин боомбододог байба. Иимэ жэгтэй намтартай сэрэгшэниие олохонь хүшэр лэ.

Уран зохёолшо Д.Батожабайн намтар багал жэгтэй юм нэн. Уран зохёолой бүхы жанрнуудта хүсэ шадалаа туршаха гэжэ оролдодог нэн гү, Москвагай Литературна институт гушан зургаатайдаа (дайнһаа боложо оройтожо) дүүргээд, «Сэсэн Сэнгэ» гэжэ онтохонуудай аялгаар бэшэгдэһэн шүлэглэмэл домог, «Адуушанай дуун», «Багшашни хэн бэ?» гэжэ туужануудые, «Барометр шуурга харуулна», «Дойбод сохилго» гэжэ жүжэгүүдые, «Төөригдэһэн хуби заяан» гэжэ гурбалжан романийнгаа нэгэдэхи ном бэшээд, зохёолойнь найруулгаар табигдаһан кинофильм Е.Помещиковтой болон К.Минцтэй хамта найруулан табяад байгаа. 1957 ондо гараһан «Адуушанай дуун» гэжэ фильмнь Буряад орон соогоо одоол ехээр суурхahan, зониие хүлгөөһэн юм. Тон һонин, сюжедынь энеэдэ наада-тай, Буряадай оперо болон баледэй театрай дуушан Владимир Манкетовэй гол рольдо эрхим хайнаар наадаһаниинь, мэдээжэ киноактёр Виталий Дорониной хабаадалсаһаниинь, республикада энэ фильмын зарим хубинуудай буулгагдahan ушар – эдэ бүгэдэ хамтаржа ерэхэдэ, энэ фильмые ехээр суурхуулжа, манай үетэнэй хараха эгээл дуратай кинозураг болгоо.

Тэрэнэй һүүлээр «Алтан гэр» гэхэн кинозурагай сценари багал Д.Батожабай бэшэлсэжэ, тус фильмнь дахинаа харагшадай зүрхэ сэдхэл буляжа, ехээр хайшаагдаа. Уран зохёолой олон жанрнуудай ямартаньше адли тэгшэ бэлигтэй зохёолшод бодото дээрээ хомор байдаг.

Зүжэгүүдые болон киносценаринуудые, туужануудые болон рассуказыудые, шүлэглэмэл поэмэнүүдые болон онтохонуудые бэшэхэдэ, Дашарабдан Батожабай ямарынше бэшэхэ, дүүрэн тэгшэ талаантай хүн нэн. Угаа һонин, хүнэй ханаа үнөөндэ ороогүй «авантюрна» сюжет оложорхиходоо шадмар бэлэй. Юрын шэнги аад лэ, психологическа орёо, хохидолто хойшолонтой үйлэ хэрэгтэ хүнэй һонирхол татажа шадаха. Муу ханаатай хүнэй абари зан, муу ябадал нэгэ хэдэн шобто хараһан үгөөр гаргажа, тоб байса харуулхадаа тон шадмар байһан бшуу. «Һүүлгүй шүдхэр», «Альган тараг эдибэ», «Дагбын алдуу», «Шодойн үхэл» болон бусад амыараа ном боложо гараһан нэгэ акттай жүжэгүүдынэ эгээл иимээр бэшээтэй. Харин «Төөригдэһэн хуби заяан» гэхэн гурбалжан роман соонь зохёолшын эдэ дурсагдаһан бэлиг талаан одоол дүүрэн хэмжүүртэ гаража ерээ.

Гурбалжан роман соо үйлэ хэрэгүүд ехэ түргэнөөр боложо, дэлхэйн нэгэ буланһаа нүгөөдэ хүрэтэрынэ – Агын талаһаа Түбэдэй ниислэл хото һаса хүрэтэр, тэндэһээ Лондон гү, али Петербург хүрөөд, һүүлдэнь дахинаа Азида – Пекиндэ гү, али Токиодо үргэлжэлнэ. Романай олон тоото геройнуудые дэлхэйн политика гү, али дэлхэйн томо гүрэнүүдэй ажал хэрэгүүд, бэдэрэлгэнүүд нэгэ талаһаа нүгөө тээшэнь хүтэлнэ. Гэхын зуура, зохёолой гол геройнууд – Агын талада тоонтотой Аламжа барлаг, тэрэнэй сэбэр сэмсэгэр һамган Жалма, Балбар ба Булад гэжэ багахан хүбүүдыеһэ нэгэшые минута мартанагүйбди.

Баатар томо бээтэй, ажалша бэрхэ, сагаан сэдхэлтэй, үнэн сэхэ энэ Агын малшаниие юун иигэжэ нэгэ гүрэнһөө нүгөө гүрэн намнана, ябуулна гээшэб? Томо гүрэнүүдэй политика тэрээндэ юуштэ юм?

Д.Батожабайн энэ томо зохёолой эгээл сэнтэй һонин юумэн гэхэдэ, магад, юрын хүнэй жаргалаа зохёохын тула ямар хүсэл зорилго урдаа табижа байһыень лэ харуулхаяа оролдохо бэшэ, харин хүнүүд хоорондоо юундэ дай дажар үүсхэжэ, бэе бэеһэнь, гүрэн гүрэнһөөнь, хүршэ хүршэһөөнь томо хүсөөг буляжа абахые оролдодог юм, түрэл газартаа ажалаа хайнаар ябуулжа, сэхэ сэбэр сэдхэлтэй бай-

балын жаргал ерэхэл бэшэ юм гү гэжэ шэнжэлжэ, бодожо үзэхые уряалхадань, энэ зохёолын тон һонирхолтой боложо, хүнэй зүрхэ сэдхэл хүлгөөнэ бэшэ гү.

Гэхэтэй хамта, зохёолшон миин лэ сэсэн бодолнуудые ухаалнагүй. Үгэтэй ядуу талын малша зон жаргалаа шэб харанхы соо бэдэрнэ. Барлаг Аламжа гүн ухаа гүйлгэдэг хүн бэшэ, харин тэрэнэй сэдхэл бодол соонь арад зоной һанажа, юун тухай бодожо ябаһыень харуулхаа оролдоно.

Хулгайлагдаһан жаргал тухайгаа арадай сэсэшүүлэй нэгэн мэтээр Аламжа бодомжолно:

«Шүдөө хабжагануулжа һууһан Аламжа удаан саг соо амиа абархын тухай шэбшэнэ ха. Намдаг баянай адуу манажа, шуургатай һүни хээрэ хоноходоо иигэжэ даараагүйгөө, дасанай модо отолжо ой соо байхадаа иигэжэ эсээгүйгөө дахин досоогоо шэбшэжэ, одоол мүнөө үхэл ерээ гэжэ досоогоо һанаба. «Үгы, би үхэхэ ёһогүйб!.. Дэлхэй дээрэ минии хоёр хүүгэд, һамган хүлэжэ байна гээд шэбшэхэ-тээ хамта Жалмын урихан хара нюдэдэй галаар ялагашан байхые хараһан шэнги болоно».

Өөрын эрхэгүй барлаг хүн аад лэ, нэгэтэ тэрэ тэмээн хамбытай Түбэд эльгээгдэһэнһээ хойшо сүл губиин элһэн шэнгээр заха хизааргүй Азиин үргэн тала дайдаар ябуултана. Барлаг хүн гээшэ өөртөө һэеы гэр бодхоожо, хүрэг хони, үнээдые барижа байха арга шадалгүй гэжэ үшөө Агадаа тэрэ ойлгоһон юм. Гэрһээ холо ябахадаа, элдэб хүйхэрнүүдэй, авантюристнуудай, хари гүрэнүүдэй нюуса агентнүүдэй һабарта орожо, хосорходоо болохо. Түрэнэн тала дайдадаа, гэртээ бусажа, гэр бүлынхидөө олоод, түрэлэйнгөө хажууда байжа, һанантаяа хахасаха – энэл даа тэрэнэй һүүлшын хүсэл. Дэлхэйн хүсэ ехэтэн мал хүрэгынь, газар дайдын, сэдхэл доторын – жаргалыень буляагаад, эзэлээд байна гэжэ Аламжа мэдэжэ абаа. Тээд яажа эдэ түримхэйшүүлһээ жаргалаа буляажа абахаб гэжэ Аламжа мэдэнгүй. Аламжын гашуудал хэмжээлшгүй: үгэдэнь һамганиинь тулижа, зобожо һаһа бараа, бага хүбүүень уйтан хайрсаг соо байлгахадань, утаашаа бэшэ, үргөөшөө ургажа, зобожо, тулижа һаһа бараа.

Тээд зохёолшон иимэ гунигтайгаар романаа эсэслэхые хүсөөгүй. Ажамидаралай ёһото эзэн болохо ажалша хүн үнэн зүб тээшэ, гэрэл тээшэ хододоол эрмэлзэжэ ябадаг. Энэ томо зохёолой һүүлшын хууданууд 1905-1907 онуудай хубисхалда юрэл миин зорюулагданхай бэшэ юм. Энэ хубисхал урагшагүй байһаншье бол, эзэрхэг түримхэйшүүл арад зониие хэтэ мүнхэдөө дарлажа, даража байхагүй гэжэ харуулаа. Хулгайлагдаһан жаргалаа бусааха хүсэлэнтэй зоной дунда Аламжын хүбүүн Булад оролсоно. Аламжа һүүлшынхией нюдөө нээхэдээ, жаргалайнаа түлөө тэмсэхэ шадал зоригтой, залуу шамбай хүбүүгээ хараа.

Боложо байһан үйлэ хэрэгүүдые үргэнөөр харуулжа, гүн ухаанай ёһоор бодомжолон сэгнэжэ, арад зоной хуби заяа бодото дээрэнь, үнэн зүбөөр зураглахадаа, буриад прозын арга боломжонуудые тодоруулһаниинь, авторай аһан ехэ амжалта боложо үгөө. Д.Батожабай түрэл хэлэнэйнгээ арга боломжонуудые, стилистикыень баһал баяжуулан үргэдхөө. Хүниие шогложо бэшэхэ, зугаа наада дэлгээхэдээ бэрхэ байһаниинь дээрэ тэмдэглээ һэм. Хүниие зураглан харуулхадаа тон бэрхэ, жэшээн, Агын степной дүүмын гулваа – Намсарай баяниие ямар бэрхээр зохёолшон харуулаа гээшэб:

«Үхэлэн мориной таха хүлһөөнь хангилжа абаха болоод, алтан шүдэтэй хүнэй һаһа барабал, хүүр дээрэнь һүни ошожо, шүдыень хулууха ба хара бэһеэ зөөриез

харамнажа, хуухалхан үхэрэй арһаар шүлэ гаргажа эдидэгыень мэдэхэ зон: «Намсарай ноён нёлбоһон нёлбоһоо һөөргэнь абажа эдихэдээ болохо гэлсэдэгшые хаа, Ага соо үзүүр баян болодог бэлэй».

Д.Батожабайн ямаршые зохёол абажа харабал, арад зоной ульһатай, элдэб үнгөөр ялаганаһан үгүүлэлнүүдые олоходоо шадамар, мүнөө үеын ямар нэгэн шэ-дитэ үльгэршэдэй хургуули гараһан шэнги байдаг һэн. Энэ зураглал соо хаража үзэе:

«Ямадзука энээн тухай мүнөөдөө хэлэнэгүй. Баглаа сэсэг бүхэлээр бэшэ, нэ-жээд дэльбэ дэльбээр бэлэглэхэ»; «Үргэн хорёо соо иишэ тишээ хүндэлэлдэжэ байһан ламанар наран сэсэгэй малгай дээрэ хууһан зүгынүүд мэтээр харагдана»; «Боргооһоо һүүлээрээ шарбажа бээһээ намнаһан һарлаг үхэр мэтээр нэгэ модоор хойноо намнаһаар мэгдэһэн бадаршан саашаа гүйшэбэ».

Эндэ буряад аман зохёолой ёһо заншал эли. Үльгэршэ, дууша, зугааша хүн аад лэ, ямар нэгэн аймхай, тэнэг хүниие харуулха гэбэл, хоёр-гурбан үгөөр лэ тэ-рэнээ зураглажа, одоол гоёор харуулжа шададаг бэлэй. Хэлээл хаа, шоо шобто хэ-лэжэрхихэ. Иимэ талаан Дашарабдан Батожабайда байгаа юм.

Наһанайнгаа һүүлэй жэлнүүдтэ тэрэ «Уулын бүргэдүүд» гэжэ шэнэ роман бэ-шэжэ, хэблүүлэе һэн. Энэ роман соонь граждан дайнай үедэ Сибирьтэ болоһон үйлэ хэрэгүүд, партизан отрядай домогто командир Нестор Каландаришвили ту-хай хэлэгдэнэ. Энэ зохёол соо зохёолшын бэшэгэй онсо маяг дахинаа харагдана: үйлэ хэрэгүүдын түргөөр ябажа, хоорондуурнь бодолнууд, ханамжанууд орол-сон, автор геройнуудайнгаа хуби заяан тухай бодомжолно. «Төөригдэһэн хуби заяан» гэжэ романайнгаа түгэсхэлтэй адляар, өөрынгөө ханажа ябаһан сэнтэй бо-долнуудые хэлэнэ:

«Наһанайнгаа зам яажа түгэсэхээ хэншые энэ дэлхэй дээр мэдэнэгүй. Энэнь-шые зүб, сэсэн юумэн гэшэ ха: наһанайнгаа замда ябаһан хүн түгэсхэл тухай бэшэ, зам тухайгаал бодожо ябаг. Ангара мүнэнэй эрьедэ түүдэгэй хажууда хууһан геройгоо хани басагатайнь ажабайдалайнь шэнэ юумэнэй эхилхын урда-бүхы юумэнэй эхин болохо уһанай хажууда орхиё. Хабарай наран тэдэниие туяагаа-раа дулаасуулаг. Партизануудые ударидадаг үльгэр домогто удамаршаниинь үшөө хоёр жэл амиды ябаха гэжэ тэдэнэр бү мэдэг. 1922 оной мартын 6-да дайсанай хабхаанда ороод, тэрэ штабтаяа Яхадта хосорхо. Харин мүнөө ши, хүн, уһанай ха-жууда амара даа. Ажамидаралай хэшэг буяниие сэгнэжэ яба».

Олон тоото аюулта ушарнуудтай дайралдажа, аргагүй хүшэр үе сагуудые дабажа гараһан геройнгоо хуби заяан тухай бодомжолһон мүнүүдтэ гүн ехэ ухаанай тобшололнуудые баримталан ябахые эрмэлзэдэг байһан Дашарабдан Одбоевич Батожабай нэгэл юумэ уншагшадтаа хэлэхые хүсөөл даа. Энэнь магад зохёолшын бидэндэ дамжуулһан хэрэгтэй сэсэн захяа байгаа аалам.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Сэсэн Сэнгэ.* Арадай дунда хэлсэдэг онтохонуудай аялгаар бэшэгдэһэн поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1954.
- Адуушанай дуун.* Туужа. – Улаан-Үдэ, 1955.
- Барометр шуурга харуулна.* Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1956.
- Дойбод сохилго.* Зүжэг. – Улаан-Үдэ, 1957.
- Багшаши хэн бэ?* Туужа. – Улаан-Үдэ, 1958.
- Төөригдэһэн хуби заяан.* Гурбалжан роман. 1-дэхи ном. – Улаан-Үдэ, 1959.
- Төөригдэһэн хуби заяан.* Гурбалжан роман. – Улаан-Үдэ, 1966, 1985.
- Гэшхэлини хаанаб?* Туужа. – Улаан-Үдэ, 1962.
- Дулма бэригэнэй ааша.* Нэгэ үйлэтэй пьесэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1964.
- Альган тараг эдибэ.* Нэгэ акттай пьесэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1965.
- Уулын бүргэдүүд.* Роман. – Улаан-Үдэ, 1972, 1976.
- Зүжэгүүд.* – Улаан-Үдэ, 1981.
- Шалхуу Рабданай хөөрөөн.* Туужа. – Улаан-Үдэ, 1991.
- Уулын бүргэдүүд.* Роман. Д.Батожабай тухай дурсалганууд. – Улаан-Үдэ, 2001.
- Рассказууд.* – Улаан-Үдэ, 2001.
- Шүлэгүүд болон баснинууд.* – Улаан-Үдэ, 2005.
- Зүжэгүүд.* – Улаан-Үдэ, 2007.
- Уулын бүргэдүүд.* Роман. Гэшхэлини хаанаб? Туужа. Агын зохёолшод-фронтови-гуудай зохёолнууд. (1945-2010). 3 боти. 2-дохи ном. – Улаан-Үдэ, 2009.

На русском языке:

- Барометр показывает бурю.* Драма. – М.: ВУОАП, 1957.
- Песня табунщика.* Повесть. – Улан-Удэ, 1957.
- Невскрытые конверты.* Повесть. – М.: Детгиз, 1958.
- Кто твой учитель?* Повесть. – Улан-Удэ, 1958.
- Сказание о храбром баторе Сэнгэ и его друге Сунды-Мэргэне.* Поэма. – М.: Детгиз, 1959.
- Песня табунщика.* Повесть. – М.: Московский рабочий, 1959.
- Похищенное счастье.* Роман. Книга первая. – М.: Советский писатель, 1959; Улан-Удэ, 1960.
- Одноактные пьесы.* – Улан-Удэ, 1960.
- Похищенное счастье.* Роман. Книга вторая. – Улан-Удэ, 1963.
- Похищенное счастье.* Роман в 3-х книгах. – Улан-Удэ, 1967.
- Родной порог.* Повесть. – Улан-Удэ, 1970.
- Похищенное счастье.* Роман. – М.: Современник, 1973.
- Горные орлы.* Роман. – М.: Современник, 1978.
- Сказание о храбром баторе Сэнгэ и его друге Сунды-Мэргэне.* – Улан-Удэ, 1988.
- Детство Шалху Рабдана.* Повесть. – Улан-Удэ, 1997.
- Похищенное счастье.* Роман-трилогия. – Улан-Удэ, 2001.
- Горные орлы.* Роман. Воспоминания. – Улан-Удэ, 2001.
- Похищенное счастье.* Роман-трилогия. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2006; серия «Забайкальский роман» в 5 томах. Том 4. – Улан-Удэ, 2006; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 5. – Улан-Удэ, 2012.
- Детство Шалху Рабдана.* Повесть. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.
- Ход конем.* Сатирическая комедия. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Полоцк С.* Что случилось с Тумэном? – Дружба народов, 1958, № 1.
- Грачевский Ю.* Поэзия и мастерство. – Советская культура, 1959, 7 июля.
- Тармаханова О., Жарков Д.* Батожабай Даширабдан Одбоевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
- Баруздин С.* Проза – признак зрелости бурятской литературы. – Свет над Байкалом, 1960, № 1.
- Никитин М.* В поисках похищенного счастья. – Дружба народов, 1960, № 5.
- Найдаков В.* История и современность. – Байкал, 1963, № 1.
- Цыденжапов Ш-Н.* Размышления о судьбе. Взгляд на трилогию Д.Батожабая с точки зрения философии // Цыденжапов Ш-Н. Об истоках реализма в бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1967.
- Батожабай Даширабдан Одбоевич* // Бурятская детская художественная литература (1927 – 1970). Библиографический указатель. – Улан-Удэ, 1971.
- Сергеев К.* Рецензия на роман «Похищенное счастье». – Литературное обозрение, 1974, № 5.
- Найдаков В.* Неутомимый искатель. – Байкал, 1981, № 5.
- Найдаков В.* Даширабдан Батожабай. Литературный портрет. – Улан-Удэ, 1991.
- Матвеева-Рыбко В.* О Даширабдане Батожабае. – Байкал, 1991, № 5.
- Без указ. автора.* Батожабай Даширабдан Одбоевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Воспоминания о Д.Батожабае.* (Тексты на бурятском и русском языках). – Улан-Удэ, 1996.
- Найдаков В.* Даширабдан Батожабай // Портреты писателей Бурятии. Улан-Удэ, 1997.
- Сангадиева Э.* Мир человека и человек в мире // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.
- Дондокова Ц-Д.* Д.Батожабай в записках поэтессы. – Буряад Унэн, 1998, 27 августа.
- Батожабай Л.* Гордость бурятской литературы. – Морин хуур, 1999, № 2.
- Дамдинова Е.* Об особенностях художественного мира в произведениях Д.Батожабая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2000.
- Фролова И.* Комическое и трагическое в романе Д.Батожабая «Похищенное счастье» // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2000.
- Дугар-Нимаев Ц-А.* О трилогии Даширабдана Батожабая. – Буряад Унэн, 2001, 18 октября.
- Балданов С.* Легендарный Батожабай. – Бурятия, 2001, 16 ноября.
- Найдаков В.* Даширабдан Батожабай // Выдающиеся деятели – выходцы из хори-бурят. – Улан-Удэ, 2002.
- Фролова И.* Лирическое как синтез универсального и национального в творчестве Д.Батожабая // Россия-Азия. Проблемы интерпретации текстов русской и восточной культуры. – Улан-Удэ, 2002.
- Сахиров Ф.* О творчестве Д.Батожабая // Сахиров Ф. Поэзия образов на сцене. – Улан-Удэ, 2003.
- Хосомоев Н.* Батожабай Даширабдан Одбоевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Слово о Д.Батожабае.* Статьи и воспоминания. – Улан-Удэ, 2008.

**Барадий Мункуевич
МУНГОНОВ**
(1922-1989)

НА БЕРЕГАХ БУРЛИВОГО ХИЛКА

О прозаике Барадие Мунгонове у меня осталось впечатление как о человеке очень скромном, даже застенчивом. В писательской компании он больше слушал – внимательно и пытливо, сам говорил немногословно, дружеским тоном. А думалось: да ведь он-то может привлечь людское внимание благодаря своему авторитету, он-то может повернуть любой разговор по-своему, даже оборвать пустослова, ему позволительно! Барадий Мункуевич воевал, был снайпером в первых самых страшных сражениях на Западном фронте, вернулся домой после тяжелого ранения. Он издал несколько книг рассказов и повестей, роман «Хилок наш бурливый», который можно было назвать нашумевшим, потому что о нем широко писали не только местные, но и центральные издания, и его выдвигали на самую высокую в стране литературную премию.

Но... писатель был не из тех людей, чье поведение определялось заслугами житейскими или творческими. Его характер формировали детство в чабанской семье, ранний, с тринадцати лет, труд пастуха, прицепщика на тракторе. Потом фронт, учеба в сельскохозяйственном техникуме и, наконец, работа колхозным агрономом. Такие люди обычно на всю жизнь сохраняют крестьянскую основательность, зрелость суждений, уважительное отношение к любому мастеру и к любому ремеслу.

Эти качества видны и в творчестве Барадия Мунгонова. Во второй половине прошлого века в книгах посредственных писателей о жизни села было немало шаблонов, отработанных сюжетных ходов, набивших оскомину ситуаций. Зазнавшийся руководитель, карьерист, а то и аморальный человек, портит всем жизнь, но в конце концов честные люди, мудрый коллектив выводят пройдоху на чистую

воду, и все заканчивается победой справедливости. К этому главному конфликту подверстывается любовь героев книги, счастливая или неразделенная. Такова нередкая схема иных тогдашних сочинений.

Молодым прозаикам было нелегко отрешиться от трафаретов, найти героя интересного читателю, передать свое видение жизни, ее сложность и красоту. Уже в первых своих рассказах, составивших сборники «Радость труда» и «Родной улус», Б.Мунгонов сумел приблизиться к этому. Истории, положенные в основу рассказов, обыденны, но они жизненно достоверны, поучительны и привлекают особым, глубинным знанием характеров людей, их повседневного быта. Именно это знание, острая наблюдательность и, конечно, творческая одаренность Барадия Мунгонова помогли ему создать следующее произведение – роман «Хилок наш бурливый».

Писать о современности всегда трудно, потому что книгу в этом случае проверяет сама жизнь, еще не отошедшая в историю. Это одно. А другое: найдет ли читатель в повести, романе о современной жизни что-нибудь поучительное для себя, увидит ли он привычное, примелькавшееся новым, свежим взглядом? И, наконец, третье: поверит ли читатель будущих лет в правду изображенного в книге, совпадет ли оно с тем, что можно найти в документах?

Пожалуй, любую из этих строгих проверок мог пройти роман Барадия Мунгонова.

В произведении много героев, много непростых судеб. Можно сказать, что не проста, полна неожиданных поворотов каждая из них. Долгая, тяжелая жизнь за плечами фронтовиков – старого луговода Дамдина Гармаева и сторожа на стоянке отары, одноногого Мухор-Сагана Гармаева. За хлопотной и нелегкой работой чабанки вдали от улуса, в подтаежной степи, пытается забыть о своем одиночестве Бумодэй. Исходит злобой и завистью бригадир Рыгзед Базаров. Рушится семейная жизнь и карьера у председателя колхоза Шараба Ширабона, его жена Валентина, врач, из-за неверности мужа вынуждена уйти от него, ютиться с ребенком в каморке при местной больнице. Не гладко складываются судьбы почти у всех молодых героев романа. Дулма, энергичная дочка Мухор-Сагана, оставшаяся после средней школы в колхозе, не может поначалу разобраться в своих чувствах к ровесникам Жигжиту и Дугару. Большую ошибку совершает ее подруга Норжима, вышедшая замуж без любви за продавца улусного магазина, мошенника и спекулянта Пурбо. Страдает от неразделенного чувства Лубсан, увалень и мастер на все руки. Словом, испытаний хватает всем.

Чувствуешь, что Б.Мунгонов создавал свое произведение без оглядки на идеологические постулаты. Прошедший школу жизни, он не мог писать по-иному. Среди обитателей улуса Кусота, выведенных на страницах романа, такое многообразие характеров, какое можно увидеть только в живой народной среде. Здесь есть люди недалекие, хитрые, жадные, корыстные, но есть и мудрые, простодушные, щедрые. Этим последних больше, и их правда, душевная чистота, энергия создают световое поле романа. Под этим светом становится теплей и видится дальше.

Художественное изображение тем и отличается от сухого информационно-го пересказа, что оно красочно, полно живых и ярких подробностей, метафорично. Оно полнокровно, как сама жизнь, и волнует сильнее, чем, если бы ты увидел это событие наяву. Да, сильнее, потому что взгляд художника острей и глуб-

же, и он, рисуя, передает происходящее, как тонкий психолог, как мудрый наблюдатель. Один пример. Драма Шараба и Валентины описана прозаиком подробно. Но есть в этой истории третий человек – Хандама, с которой Ширабон сошелся как бы шутя, из тщеславия. Для Хандамы же, ушедшей от своего мужа, любовь к Шарабу – настоящая, искренняя и мучительная. Почитаем, как передает ее переживание писатель:

«Хандама не думала ни о том, какие неприятности могут ожидать Шараба, ни о том, сколько горя может пережить его семья, ни о том, что говорят о ней в улусе. Все ее мысли были собраны в один тугой узел, который она не хотела развязывать: «Никому не отдам Шараба. Как бы ни было. За страдания, за стыд, за неполноту украденной любви, за осуждающие взгляды – за все отлюблю, хоть один раз». И она с ожесточением на себя и на всех, с испугом и надеждой ждала новой встречи с Шарабом.

Так бывает ранней весной с яблоней. Обманутая солнцем и теплыми ветрами, желтоватыми пролысинами на суглинках и говорливой песней степных ручьев, приоткроет она твердо-клейкие створки почек, пустит на волю зеленые побеги листочков, а потом зацветет бело-розовыми бутонами. Но недолго стоит яблоня в своем дивно дымчатом наряде, украшая берег Хилка. Подует ветер с Сагаан Адха, ночью выпадет снег – и на всю неделю установятся в долине морозы с ледяной коркой, с крупчатой поземкой, вихрящейся по всей степи. Подбитые холодным дыханием невесть откуда взявшейся зимы упадут наземь бело-розовые бутончики, не завязав плода. И останется яблоня – если сама выживет, уцелеет – на весь год одна с голыми сиротливыми ветками будет гнуться на ветру, скрипеть старым стволом. Долго ждать ей новой весны, теплых ветров».

Повторим: бесценное достояние писателя – собственный опыт, обычный, житейский и внутренний, духовный. Как он сказывался в произведениях Х.Намсараева, Ж.Тумунова, Ч.Цыдендамбаева, Д.Батожабая! И точно так же он проявился в романе Б.Мунгонова. Если ты с детства уже добрый помощник родителей, подростком – настоящий работник, а в двадцать лет – участник жестокой войны, то, конечно, поймешь и труд окружающих людей и ратное дело солдата. Когда прозаик пишет о заботах своей героини Бумодэй, оставшейся в детстве без отца и матери, потерявшей на войне единственного брата и работающей на дальней чабанской стоянке, – разве не поймет автор такую судьбу, не посочувствует человеку, не найдет точные слова и о его труде, и о его жизненной стойкости:

«Приходилось ли вам видеть бурятку в степи с отарой овец? Не думайте, что это легкий труд. Чабанка весь день на ногах. Летом ее мочит дождь и палит солнце. В открытой степи ни от сырости, ни от жары укрыться негде. Зимой забайкальские ветры, пронизывающие и безжалостные, пробирают даже сквозь козью доху.

А если буран случится в степи – большая беда. Овцы пугливы. От воя и свиста они норовят разбежаться – и тогда пропала отара, животные станут добычей волков. Всю ночь ходит чабанка с овцами в метель, пока не найдет балки, где можно переждать непогоду. Но и в затишье надо глядеть в оба, бороться со сном, ждать, пока не придут колхозники».

Над страницами книг Б.Мунгонова размышляешь о традиции, давно прижившейся и в отечественной, и в мировой литературе: автор может всю свою творческую жизнь писать о людях, так называемой, малой родины, а проблемы, нрав-

ственные прежде всего, освещать общезначимые, вечные. У Мунгонова и в романе, и в повести «Не все тихо в тишине», и в рассказах действие происходит в улусе Кусота, в окрестностях его, где кочуют летом чабаны с отарами (а это родные места прозаика), – но нигде не повторяются судьбы людей, картины природы; все вновь для нас. Даже Хилок, многократно упоминаемый.

Он – действующее лицо романа. С его изменчивым и крутым характером сравниваем мы характеры героев. Как неожидан он с его темной волной или серебристым блеском, так неожиданны повороты в судьбе героев, сюрпризы самой жизни. Б.Мунгонов не мог не сказать возвышенных слов о родной реке. Она кажется писателю лучшей из всех других, малых и больших, даже прославленных. А если соотнести ее существование с событиями громкими или скромными, связанными с народной судьбой, если припомнить, какие богатыри родились тут и прославили свою реку, – тогда слава ее возрастает многократно. И об этом можно слагать высокие песни. Такую песню сложил и Барадий Мунгонов:

«Хилок наш бурливый! Не зря мой народ поет о тебе песни. Хоть и считаешься ты в огромной стране малой рекой, твои воды проходят семьсот пятьдесят километров. На западе они пересекли бы целые государства, а у нас тебе полный простор – ни одного пограничного столба на твоих берегах! Добрые, смелые, мужественные люди, живущие на твоих берегах, не однажды в тяжкие для Родины часы шли в немыслимые дали на защиту городов и сел. Твои сыновья сражались с Наполеоном, бились под знаменами Нахимова и Корнилова, шли за Дунай, чтобы проучить турецких пашей. В одном войске русские и бурятские казаки гнали с родной земли полчища зарубежных ханов, в одной пограничной страже стояли они по Джиде, Селенге, Амуру, на великих и суровых восточных рубежах...

Хилок – не Волга, не Днепр, не Енисей, не Ангара... Но и эта река поет о новой жизни. Далеко окрест слышна эта песня – родная, своя, незабываемая...

Здравствуй, Хилок наш бурливый! Мой народ слушает твой вечно живой голос и радуется твоему стремительному бегу. Не потому ли ты такой быстрый, что не любишь долго нести на себе поломанные бурей слабые деревца? Не потому ли ты такой холодный, что не терпишь тех, кто хил телом и немощен духом? И горы, и леса расступаются перед тобой, перед твоими могучими волнами».

Стилистика книги ярко выраженная национальная. Постоянно чувствуется, что повествование ведет автор, хорошо знающий языковую стихию родного народа. Приведу короткий диалог двух молодых героев романа Дугара и Дулмы:

«–...Вдвоем мы, может, уломаем Ширабона. Недаром же у нас в народе говорят: дружных сорок и коршун побаивается.

– Сороки много шумят, – ответила Дулма.

– Сорокам надо уметь превращаться в соколов.

Дугар был счастлив: он нашел все-таки, что сказать, и Дулма ему поверила... Ширабон избрал неверный путь. У него хромой скакун, он далеко не ускачет, свернет себе шею».

Таких примеров можно привести множество:

«Молодым – что? Парень он здоровый. У таких, говорят, в душе – лошадь с седлом, уселся и скачи, куда глаза глядят».

«Если седок не в силах держать вожжи, то конь, закусив удила, думает – нельзя ли сбросить узду».

«— ...А совет твой хорош: если перед тобой две злые собаки и хочешь, чтобы они тебя не искушали, брось между ними кость...»

Эта национальная языковая традиция хорошо помогает нарисовать характер героя, передать сложные отношения между людьми. Ширабон и колхозный бригадир Базаров, недавние приятели и собутыльники, расстаются как враги. Любопытно, как об этом рассказано прозаиком. Ширабон:

«— Пришел я сюда, чтобы сказать: «Живет в Шэлэ один человек. Тихо живет, в тени бродит. Где солнца нет, там его и ищи. Худой тот человек. Пожалуй, ничего в нем для жизни нет: ни любви, ни щедрости, ни доброты, ни жалости».

— Это кто же такой? — спросил Базаров, постукивая по столу пальцами.

— Не узнал? Ишь ты. Свой портрет пора бы и знать.

— Обида тебя, Шараб, замучила. Езжай по-доброму. Отпилили тебе рога, а все равно кидаешься. Безрогому-то зачем лезть?

— Не понял ты меня. Так и знал. Я хочу страх в твою душу заронить. Уголек страха. Пусть тлеет, разгорается. У меня нет улик против тебя. Понимаешь? Никаких. И статьи в кодексе для тебя нет. А все же не усидеть тебе в тени, вытащат. Сам себя выдашь, не сможешь не выдать. Прорвется где-нибудь. Такой уж ты человек.

— Не иначе, рехнулся ты, Шараб, а может, выпил лишнего. Я жаловаться буду. За оскорбление, знаешь...

— Про уголек не забывай, помни, — сказал Ширабон и вышел...

Читатель заметит, что повествование прозаика лаконично, сдержанно. Но ощущение простоты рассказа обманчиво. В емкой фразе, в сдержанном рассказе кроется большое напряжение. Понимаешь, что любую сцену в романе стоило рисовать только так: точными, скупыми, яркими красками. Это «именной», авторский стиль Барадия Мунгонова. Его художественная манера запоминается с первых страниц. Она надолго остается в сознании.

Бурятские писатели всегда поэтично передавали красоту природы. Мунгонов предстает тут как несомненный мастер. Сказочные, связанные с улигерами образы естественно вплетаются в его описания:

«Но вот поднялась из-за перевала плотная, темная гряда облаков, и небо будто стало меньше, а синева сгустилась. Облака осели, стали расползаться, а повыше, на горе Сагаан Адха, начала клубиться другая, еще более темная громада. По ней беспомощно скользили лучи солнца, образуя золотой венок. Подул ветер, и облако медленно начало вытягиваться вместе с солнечным венком. Теперь оно чем-то напоминало женщину с распущенными волосами, стоящую по пояс в густом тумане».

...Тревожен и неласков родной Хилок. Но разве всегда солнечна судьба людей, живущих на его берегах? Может быть, суровое дыхание реки, свинцово-тяжелые тучи над головой, протяжно воющий ветер — все это предвестье новых тревог и испытаний? А может быть, картина начинающейся зимы — это для сильных и мужественных людей, живущих на берегах бурливого Хилка, всего лишь привычный пейзаж? Природа никогда не омрачала их радостей и надежд на счастье. В это верим мы, закрывая талантливый роман Барадия Мунгонова.

ХАРЬЯЛААША ХЁЛГЫН ЭРЬЕДЭ

Уран зохёолшо Барадий Мунгонов ехэл номгон даруу зантай, нэгэ заримдаа бүри хитүү хүн гэжэ би харагша нэм. Бүлэг зохёолшодой суглараад, хүүежэ, шуулдажа байхада, тэрэ үгэ дуугүй шагнажа нууха, үгы гэбэл, нэгэ-хоёр үгэ хэлээд лэ, дуугай болошохо. Авторитет ехэтэй энэ хүн шашаа гаргадаг хуурмаг хоохон зониие эрид зогсоогоод, хөөрөөнь ондоо тээшэнь абаашаха дүүрэн эрхэтэй гэжэ ханадаг байгаа. Юундэб гэхэдэ, Барадий Мунгонов дайнай эхээр снайпер зиндаатай Баруун фронтын томо шанга тулалдаануудта хабаадажа, хүндөөр шархатаад, гэртээ бусаһан юм. Һүүлдэнь расказуудай, туужануудай хэдэн ном хэблүүлээ, «Харьялан урдаа Хёлгомнай» гэжэ роман бэшэжэ, энэ зохёолынь манай эндэшье, гүрэнэймнай түбэй хэблэлнүүдтэшье ехэ үргэнөөр шүүмжэлэл, шэнжлэгнүүдые гаража, гүрэнэй шанда зууршалагдаха болоод байгаа.

...Тээд зохёолшон энээндэнь хүхээд, хөөрөөд, энэ шан түргөөр абахын тула элдэб ябуулга хээгүй юм. Малша бүлэдэ түрэжэ, 13-тайдаа мал адуулжа эхилээд, тракторай прицепшигээр хүдэлһэн. Һүүлдэнь дайнай эхилхэдэ, дайнда хабаадажа ерээд, хүдөө ажахын техникумдэ нураа, колхоздо агрономоор хүдэлөө. Иимэ зон удаан бодожо үзэхэнэй Һүүлдэ шиидхэбэри абадаг, ажабайдалдаа нарин нягта, ажалша хүниие хүндэлдэг заншалтай гүб даа. Барадий Мунгоновой зохёолнуудта эдэ бүгэдэ хараатай байдаг. Үнгэрһэн зуун жэлэй хоёрдохихахадта хүдөөгэй ажабайдал харуулжа бэшэһэн зохёолнуудай сюжедүүд адли, заабол нэгэ һайрхуу бүдүүлэг карьерист ноён байжа, зондо, коллективтэ түбэг, һаалта хэхэ, Һүүлэй Һүүлдэ зон тэрэ ноёноо шүүмжэлэн үлдэжэ, үнэн зүб юумэн диилэхэ. Зохёолой гол зүрилдөөн гэбэл иимэшүү, хажуугаарнь заабол инаг дуран. Заримдаа инаг дураниинь сэлмэг, урма баяраар халиһан, заримдаа уйдхартай, бүрхэг. Иимэл схемээр тэрэ үедэ зохёолнууд бэшэгдэдэг байгаал даа.

Һонирхолтой герой оложо, байдалые орёо гүнзэгыгөөр зураглажа, өөрын һонин юумэ зохёолдоо оруулжа залуу зохёолшод шададаггүй байгаа ха. Барадий Мунгоновой «Ажалай баяр», «Түрэл нютаг» гэжэ номууд соонь ороһон түрүүшынь расказууд зохёолшын хүнэй байдал нуудал, зан абари һайн мэдэхэ байһые гэршэлнэ. Расказууд соонь болоһон үйлэ хэрэгүүд юрыншье хаа, зүбөөр анхаржа бэшээтэй, авторайнь ажабайдал һайн мэдэхэ, талаан бэлигтэй байһанһаа иимэ дүн туйлагдаа. Тиигэжэл Барадий Мунгонов «Харьялан урдаа Хёлгомнай» гэжэ томо роман бэшээ бшуу.

Мүнөө үе сагта боложо байгаа юумэнүүд тухай бэшэхэнь хүнгэн бэшэ, үшөө түүхэдэ ороогүй байһан үе саг энээниие шалгажа үзэхэ – энэнь нэгэдэхээр. Хоёрдохёор гэхэдэ, энэ зохёолнуудта уншагша этигэжэ, өөртөө нурахаар юумэ олохо гээшэ гү? Гурбадахар, үнгэрһэн сагай үйлэ хэрэгүүд үнэн зүбөөр зохёол соо харуулаатай гэжэ этигээд, тэрэ сагай документ-дансануудтай жэшэжэ үзэхэдэнь, эдэ үйлэ хэрэгүүд тааралдаха гү? Барадий Мунгоновой роман бүхы эдэ эрилтэнүүдтэ хүрэхэл байгаа хаш гэжэ һананаб.

Зохёол соо героинуудын олон, героинуудайнь хуби заяан орёошог, олон үйлэ хэрэгүүд болоно. Сабшалан харууһалдаг һаһажаал Дамдин Гармаев холын отара дээрэ байрлажа хони адуулдаг үрөөһэн хүлтэй Мухар-Сагаан Гармаев хоёр дайнда ябажа ерэхэн зон. Буусаһаань холо байрлажа, хони харадаг Бүмөөдэй өөр тухайгаа саг зуура мартажа, гансаардаһан сэдхэлээ һамааруулхые оролдоно. Рэгзэд Базаров бригадир ходол суһалдана, хараал шэрээл үүсхэнэ. Һамгандаа урбаһан

колхозой түрүүлэгшэ Шараб Ширабоной гэр бүлэ хандаржа, карьерэнь муудана. Врач мэргэжэлтэй Валентина хамганинь үхибүүгээ абаад, эмнэлгынгээ газарай нэгэ таһалга соо байха баатай болоно. Залуу геройнуудай байдал хайн гэхын аргагүй, элдэб юумэнүүд ушарна. Дунда хургуули дүүргээд, колхоздоо үлэхэн Мухар-Сагаанай басаган Дулма бушуу зантай, эдэбхитэй хүншье хаа, Жэгжэд, Дугар гэжэ үетэн хүбүүдэйнгээ хэндэнь үнэхөөрөө дуратайгаа ойлгожо ядана. Норжима нүхэр басаганинь хүдөөгэй магазинда наймаашанаар хүдэлдэг хүйхэр хулгайша Пүрбэдэ хадамда гаража тулина. Норжимада үнэхөөрөө дуратай уран гартай хүбүүн Лубсан эндэ сэдхэлээ зобооно. Нэгэ үгөөр хэлэхэдэ, хонирхол татаха юумэн олон, хүн бүхэнэй ажабайдал хүнгэн бэшэ.

Тэрэ үеын идеологиёе ехээр анхарангүй Мунгонов зохёолоо бэшээ гэжэ мэдэхээр. Ажабайдалай хүнгэн бэшэ хургуули гарахан хүн ондоогоор бэшэхэ аргагүй хэн бээ. Хүсөөтэ нютагай ажаһуугшадай зан абаринууд бэе бэһээ ондоо, мунхаг тэнэгшье, мэхэтэй, хомхой хобдогшье зоной дүүрэн байхада, хажуугаарнь ухаатай сэсэн, хайн ханаатай, харамнууша бэшэ хүнүүд олдono. Иймэ зоной олон байхада, байдалшье гэрэлтэй харуул, ерээдүй хайханаар ханагдана.

Уран зохёол юугээрээ юрын мэдээсэлһээ илгардаг бэ гэхэдэ, үнгын будагаар гэрэлтэһэн далда удхатай үйлэ хэрэгүүдые дүүрэнээр, ажабайдалые үргэнөөр зохёолшын зураглан харуулхада, зураашын хёрхо, сэсэн харасаараа эдэ бүгэдые абаж, зуражархиһандал. Нэгэ жэшээ дурдая.

Шараб Валентина хоёрой байдалые зохёолшон дэлгэрэнгыгээр зураглан харуулхадаа, Хандама тухай хэлэхээ мартанагүй. Ширабон Хандаматай наадангаа харилсаа байгуулхадаа, олон юумэ бодожо байгаагүй. Хандама үнэхөөрөө Шарабта дурлажа, энэ дурандаа этигээд, үбгэнһөө халажа ошоно. Энээн тухай зохёолшон иигэжэ бэшэнэ:

«Валя Ширабон хоёрой халахада баярлахан гурбадахи хүн Хандама байгаа. Шарабай хэды муу байдалда орохыень, гэр бүлын хэды хохидохыень, хүн зоной элдэб үнгөөр хэлсэхыень Хандама оройдоошье ханаандаа оруулнагүй. «Шараб минии болохо ёготой. Юуншье болог, хүн зон хэлсэгшье, гэр бүлэнь хандарагшье. Хамаагүй», – гэжэ шийдээд, Хандама нэгэндээ нэтэржэ, нэхыгээ хэдэргэ.

Хандама гэшээ, нээрээшье, гансаардажа зобоһон, хуби золгүй гэжэ хохидоһон хүн даа. Элдэблүүлжэшье байжа, Шарабтай агшан зуурын жаргал эдлэхэһээ арсабагүй. Дуратай хүнтээ уулзаха сагаа тэсэжэ ядан хүлэжэ байгаа хэн. Теэд инаг дуранинь зол жаргалда хүргэдэггүй, харин хохидолдо абашадагынь ехэл муу бэлэй...

Хабар эртүүр мойһо, үлирэй эшэнүүд заримандаа эгээл иигэжэ хохидолдо ородог даа. Наран шангаар шаража, хадын горходой шолшогоноходо, жэмэстэ модод үнжэгэн тоһолиг намаагаа ногооруулаад, сагаахан сэсэгээ дэлгээжэ эхилдэг ха юм. Теэд тэдэ Хёлго мүрэнэй аглаг эрьёые тиимэшье удаан гоёожо һуудаггүй бэлэй. Сагаан Адха тээһээ гэнтэ хүсэтэй халхин үлэжэ, хүлээгдээгүй ехэ саһан ород, таба-арбан хоногто тала нугын мулюун мультһөөр хайража, бээрүүлжэрхихэл даа. Шэнэхэн сагаан сэсэгүүд хүйтэн аминда жэгнүүлхэдээ, эшэһээ таһаржа, халхинда хийдэшдэг даа. Жэмэстэ мододой набша намаа үнэшэрэн хорхигоод, халхинда уйтайгаар харшаганан гээгдэхэ. Тиигээд амтата хайхан жэмэсээ дахин буйлуулхын тула хойто хабарые удаан хүлээхэ...»

Наһанай, ажабайдалай, һуудал байдалай, ухаан бодолой дүй дүршэлһөө үнэтэй сэнтэй юумэн зохёолшондо байхагүй ха юм даа. Х. Намсараевай, Ж. Тумуновай,

Ч. Цыдендамбаевай, Д. Батожабайн зохёолнуудыг уншахада, дүй дүршэлтэй болоһон, ой ухаагаа эдэшүүлһэн зон бэшээ гэжэ найнаар хараатай байдаг ха юм. Б. Мунгоновой роман тухай баһал иигэжэ хэлэмээр. Багадаа гэртэхиндээ туһалжа ябаһан, шуһата эбүүн дайнда өөрөө хабаадажа, дайнай хойшолон бэе дээрээ үзөөд ерэхэн хүн тойроод байгаа зоной ажал болон ажабайдалыг одоол найнаар ойлгохо байна. Бага ябахадаа эхэ эсэггүй үлэжэ, дайнда ори гансахан ахаяа алдажа, холо оршодог хонишоной байрада хүдэлдэг Бүмөөдэй тухай, тэрэнэй ажал, үсэд түгэлдэр урма зориг тухайнь иимэ үгэнүүдыг хэлэхэл зорготой һэн:

«Хуудам сагаан талада буряад эхэнэрэй хони адуулжа ябахыг хараа һэн гүт? Тэрэнэй ажалыг тиимэшь хүнгэхэн гэжэ бү һанагты. Хонишон бүхэли үдэртөө хүл дээрээ ябадаг. Хабарай хара һалхиндашь, зунай галдама халуундашь, намарай саһа бороондошь, үбэлэй янгинама хүйтэндэшь һалан һандангүй, нөөхил хонидоо дахажа ябадаг ха юм даа. Зундаа халуун наранһаашы, аадар борооһоошы хоргодохо аргагүй. Үбэлдөө галзуу дошхон һалхин гам хайрагүйгөөр ямаан дахынь нэбтэ, яһанай хуудаһаар үлээдэг. Хээрэ талада ябатарнь, һалхи шуурган болоо һаа, одоол аймшагтай. Хонид саһа бордоһон соогуур таран гүйлдэжэ, нэгэ тээ хүлдэжэ зууража үхэхэдөө, хүхэ шонын хүнэхэн болоходоо ядадаггүй. Хонидой хурьгалжа эхилхэдэ, хонишон унтаж хондоггүй шахуу...»

Барадий Мунгоновой номууд тухай бодомжолходоо, дэлхэйн болон манай гүрэнэй уран зохёолдо заншалта болоһон юмэн тухай – өөрынгөө тоонтодо болоһон үйлэ хэрэгүүд тухай зохёолшон бэшэхэдээ, дэлхэй дээрэхи бүхы хүн зоной ажабайдалда ушардаг хэтын шийдхэгдээгүй асуудалнуудыг харуулна бшуу. Мунгоновой роман соонь гү, али «Не все тихо в тишине» гэжэ туужа соонь Хүсөөтэ һууринда, тэрэнэй хажуугаархи нютагуудта болон зундаа хонишодой байрладаг зуһалангуудта үйлэ хэрэгүүд болоходоо, хэн нэгэнэй хуби заяан нүгөөдэтэе адли бэшэ, байгаали зураглан харуулхадаа шэнээр харуулжа байһандал. Хёлго голоошыг харуулхадаа, ходел урданайхиһаа ондоогоор, шэнээр зураглан түүрээжэ байһандал үзэгдэхэ.

Хёлго гол – романай нэгэ гол герой болоно. Тэрэнэй эрид огсом урасхалыг геройнуудай зан абаритай жэшэжэ үзэнэбди. Бурьялан дошхоноор урдажа байхадаа гү, али хашарһатан мүнгэлигөөр урасхалжа байхадаа, геройнуудай хуби заяанай хүлээгдээгүйгөөр шэглэлээ ондоо тээшэнь болгоһондол үзэгдэхэ. Түрэл гол тухайгаа иимэ гоёор, иимэ уярмаар бэшэнгүй байха аргагүй байгаа ха юм. Хёлго голын дэлхэй дээрэхи сууда гараһан томо, жэжэ мүрэнүүд болон гол горхонуудһаа эгээл эрхимынь шэнгээр үзэгдөө. Арадай хуби заяанда болоһон томо жэжэ үйлэ хэрэгүүдтэй холбон хаража үзэбэл, эндэ ямар баатарнууд түрэжэ, голоо, нютаг нугаяа суурхуулаа һэм гэжэ онгилон харабал, алдар сууниинь бүрил ехэдэжэ, гоё һайхан дуунуудыг зохёохоор юм бээ. Хёлго һайхан голоо магтан түүрээһэн нэгэ иимэ нэгэ дуу Барадий Мунгонов голдоо зорюулаа:

«Харьялан урдаа Хёлгомнай! Манай буряад зон шам тухай дэмы дууладаггүй. Үргэн ехэ орон соогоо багахан гол гэгдэдэгшыг һаа, долоон зуу гаран модондо долгиёо тууналши. Баруун тээ һаа, бүхэли гүрэнүүдыг һэтэ урдаха байгааш. Харин манай эндэ газар дайда уужам – эрьээршни хилэ зааһан нэгэшыг эрөөн бахана харагданагүй, улад зонииг хубаарилан холодуулнагүйш! Тиыхэхэ байтагай шинии эрьээр һуурижаһан һайн һайхан сэдхэлтэй, эрэлхэг зоригтой хүнүүд Эхэ оронойнгоо бэрхэшээлдэ ороходо, нэгэнтэ бэшэ хамсыгаа шаман бодожо, үзэгдөө дууддаггүй холын городууд болон тосхонуудыг хамгаалхаяа мордодог

бэлэй. Шинии хүбүүд Наполеонтой тулалдаа, Галицийн газар дээрэ дайралдаа, Дунай мүрэнэй саана Турцийн пашануудые бута сохихоёо ошоо һэн. Ород, бу-
ряд хасагууд нэгэ сэрэг болон хамтаржа, түрэн газар нотагһаа хариин хаа-
шуулай хүрэг олон сэрэгүүдые намнаһан, Зэдэ, Сэлэнгэ, Амур мүрэниие зубшан
сугтаа хилэ гараһан Дурна зүгэй суутай шанга хилэнүүдые сахиһан байха.

Хёлгомнай Волгын шэнээн бэшэ ха юм даа. Тиигэбэшье Хёлгын голой малшад,
таряашад, ангуушад рото ба полкнууд боложо, Сибирийн алдарт дивизинүүдтэ
ороод, дүшэн хоёр ондо Волго, Дон шадар дайралдаа, дүшэн гурбан ондо Днеп-
рые гараа, дүшэн табан оной хабар агууехэ сүлөөлэгшэ армитаяа сугтаа Берли-
ниие абахын тула Одер мүрэниие гаталаа һэн.

Хёлгомнай Волгыншье, Днепрыншье, Енисейншье, Ангарыншье шэнээн
бэшэ. Теэд энэшье мүрэнэй харьялан урдаһан долгиинууд дүшэн жэлдэ шэнэ бай-
дал тухай дууланал.

Харьялан урдаа Хёлгомнай, амар мэндэ! Манай арад шинии хэзээдэ мүнхэ
дууе шагнана, шинии хурдан түргэн харайсаар баясана. Һалхи шуурганда
хухарһан өөдөгү мододые удаан абажа ябаха дурагүй байһандаа иимэ түргэнөөр
урдана аалши?

Ахир үнжэгэн бэетэй мохихон тулюур сэдхэлтэй хүнүүдтэ дурагүй байһандаа
ши хүйтэн уһатай бэшэ аалши? Халгилан, салгидан урдаһан зүрюу дошхон урад-
халдашни хада хүбшэнүүд, ой тайгагүй харгы гарган сухаринал».

Бэшэгэй маяг буриад арадай ёһо заншалнуудые һайн мэдэдэг хүн бэшээ гэжэ
мэдэхээр. Зоной хэлэ, буриад зохёол һайн мэдэхэ автор геройнуудайнгаа хоорон-
дохи харилсаа харуулхадаа, энэ маяг онсолжо, Дугар Дулма хоёрой хөөрэлдөө ха-
рая:

«— Правлени ошоёл даа,— гэжэ Дугар дахин дабтаба.— Нээрээшье, буртаг
үбһэн ехээр гаража, кукурузыемнай дарахань. Хоюулан Ширабондо ойлгуулха
ааламди.Эбтэй шаазгай элеэ бариха, эрөөн дээрһэн шулуу отолхо гэлсэдэг ха юм.

— Шаазгайнууд шангаар шаханаад лэ дүүрэхэ гэжэ бии,— гээдхибэ Дулма.

— Шаазгайнууд саг соогоо бүргэдүүд болохо ёһотой.

Дулмада хэлэхэ юумээ олоһондоо, хэлэһэн үгэдэнь тэрэнэй этигэһэндэнь,
Дугар аргагүй баяртай ябана. Тэрэнэй этигэл найдабариие хэзээшье харюул-
ха байха. Дулма тон зүб хэлэнэ ха юм даа. Мүнөөшье кукуруза тухай хаанашье
хөөрэлдэнэ, хамаг газетэдэ бэшэнэ. Кукурузашадай звеное үбһэндэ гаргахандаа
Ширабон зүб юумэ хэлэн байхагүй. Мориниинь дохолон, холо харайхагүй, эзэ-
ниинь хүзүүгээ булга унахал байха...»

Имагтал буриад арадай ёһо заншал, бэшэгэй маяг һайн мэдэхэ хадаа ге-
ройнуудай зан абарийн хүнгэн бэшэ юумэнүүдые этигэмэ зүбөөр гаргажа ша-
даа. Һаяханал нүхэд байһан, архаш хамта баридог Ширабон колхозой бригадир
Базаров хоёр дайсад мэтээр хахасана. Энээн тухай зохёолшо иигэжэ түүрэнэ.

«Ширабон:

— Шэлэдэ нэгэ хүн һэмээхэн һуужа байна гэжэ хэлэхэ шамда ерээб. Һүүдэртэ
ябаха дуратай, тэрэниие олохо гээ һаа, нарагүй газарта бэдэрэ. Яндан муу хүн юм.
Дура сэдхэл, хэшэг хайра гэжэ үгы.

— Энэ хэн тухай ши хэлэнэш даа? — гэжэ асуугаад, Базаров хургаараа стол тон-
шоод абана.

— Танибагүй гүш? Янаш иихэдээ, шам тухайл хэлэжэ байна бэшэ гүб.

– Шараб, ши хоро шарадаа диилдээд байнаш. Найн зандаа ябашоо наашни дээрэ. Эбэрнүүдээ тайруулааш наа, үшөөл мүргэхөөр забданаш. Эбэргүй аад лэ, забдаһанай үлүү бэшэ юм гү?

– Намае ойлгоогүйш гэжэл мэдээ хэм. Шамае айлгахаа ханаа хэм. Сэдьхэлдэшни айдаһа тарихаа. Галай сог мэтэ носожо байг лэ. Шамае бала бариха гэхэдээ, хэлэхэ юумэн намда үгы. Ойлгоно гүш? Шамае балшыса бариха кодексше хуулида үгы. Яабалшые, һүүдэртээл ходо һуужа байхагүйш. Өөрыгөө харуулхаш даа. Хаанаб даа энэшни харагдахал байха. Ши тиимэл хүн ха юмши.

– Шараб, ши хиирээ гүш? Али архишни ехэдээ гү? Намае гомдохоһондондошни гомдол барихаб даа.

– Галай сог тухай бү мартаарай, – гэжэ Ширабон хэлээд, гаража ошобо».

Зохёолшо үлүү юумэ шашангүйгөөр зохёолоо һабагшалан саашань бэшэнэ, зүгөөр дан хүнгэхэнөөр зураглана гэхын аргагүй. Нэгэ багахан үгүүлэл соо гү, али хөөрөөн соо байһан юумэн тон ехэ удхатай байжа болоно. Зүб үгэнүүдые оложо, үлүүсэ гарашангүйгөөр зураглаһаниинь, романай амжалта гэжэ һаналтай. Бараний Мунгоновой прозын маяг иимэл байгаа гээшэ. Энэ маягын түрүүшын хуудануудһаа анхарал татажа, хүнэй ханаанда удаан хадуугдана.

Байгаалин гоё һайханиие зураглахадаа, буряад зохёолшод гоё гоомой үгэнүүдые шэлэдэг байгаа. Эндэшые Мунгонов өөртөө үнэн сэхэ үлэнэ. Зарим гартань үльгэр домогуудай, онтохонуудай маяг оруулна:

«Урда хүбшын саанаһаа хабарай һалхин үлэжэ, Хүсөөтын талада урин дулаанай үнгэ шарай үзэгдэбэ. Үбэлэй хүйтэн улам гэдэргээ түригдэжэ, холын хойто Мүльһэн далай худар туулган ошоо. Тала дайда саһан хүнжэлөө һэхэжэ, ууралтан һуняан харагдана. Урда зүгһөө галуу, нугаһадай, хун шубуудай һүрэгүүд хушууран ерээд, түрэхэн гараһан орон нютагыень амаршалан, ганганалдан ниидэнэ. Хүсөөтэ горхон гэдэжэ, һайрамайнгаа шара уһые хурдан түргэнөөр булгилуулна. Хүсөөтэдэ хабар болобо».

...Түрэл Хёлго голын урдынхидаал мушхаран, бурьялан урдаһаар. Эрбээрнь зубшан ажаһуудаг зоной хуби заяан энэ голой урасхалдал адли заримдаа намдуу, заримдаа дошхон. Дээрэнэ тунаһан мананай, хара үүлэдэй бөөгнэрэн суглархада, бодоһон һалхин юу зүгнэнэ хаб? Магад, ерэхэ үбэл дошхон хүйтэн байха гэнэ гү, али эндэхи зондо энэнь танил, тэдэнэр байгаалин ямаршые уларилда дадаһанхай, юушые дабажа гараха зоригтой байһыень харуулна гү? Байгаали ажалша зоной найдал зориг хүсэлдүүлэнгүй нэгэтэшые орхёогүй. Энээн тухайл зохёолшон роман соогоо түүрээгээ.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

Ажалай баяр. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1950.

Түрэл нютаг. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1954.

Түрүүшын нугаһан. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1955.

Харьялан урдаа Хёлгомнай. Роман. – Улаан-Үдэ, 1960.

Сагаан һара. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1962.

Үүр хираанаар. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1964.

Геройн эдир наһан. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1967.
Хара шуурган. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1971.
Баян ургаса. Очеркнууд. – Улаан-Үдэ, 1973.
Баян зүрхэн. Роман. – Улаан-Үдэ, 1974, 1980.
Түрүүшын нугаһан. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1992.
Айдаһатай ан. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1993.

На русском языке:

Хилок наш бурливый. Роман. – М.: Роман-газета, 1961, № 10 (238).
Опасные встречи. Рассказы. – М.: Детская литература, 1963.
Не все тихо в тишине. Повесть. – Улан-Удэ, 1970.
Черный ветер. Повесть. – М.: Детская литература, 1970.
Черный ветер. Повесть. – М.: Воениздат, 1978.
Хилок наш бурливый. Роман. Не все тихо в тишине. Черный ветер. Повести. – Улан-Удэ, 1983.
Щедрое сердце. Роман. – Улан-Удэ, 1988.
Хилок наш бурливый. Роман. Улан-Удэ, 2003; Серия «Забайкальский роман» в 5 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2006; Антология бурятского романа в 10 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2006; Серия «Самородки Забайкалья» в 10 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2010; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 12. – Улан-Удэ, 2012.
Зов предков и звуки грядущего. Рассказ // Антология литературы Бурятии XX -начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Санжин Б. Рассказы о колхозниках. – Бурят-Монголой Үнэн, 1951, 15 мая.
Романенко Д. Бурливые волны Хилка. – Литература и жизнь, 1959, 1 ноября.
Тармаханова О., Жарков Д. Мунгонов Барадий Мункуевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Белоусов А. Люди переднего края. – Свет над Байкалом, 1961, № 3.
Белоусов А. Хилок – река бурливая // Белоусов А. Горький и бурятская литература. – Улан-Удэ, 1961.
Степанов Е. Начало большого пути. – Буряад Унэн, 1961, 23 ноября.
Махатов В. Поступь современности. – Правда Бурятии, 1963, 20 января.
Жалсанов Ц., Мадаев Л., Тапхаев Л. Отзывы о романе Б.Мунгонова «Хилок наш бурливый». – Буряад Унэн, 1963, 27 января.
Бальжинимаев Э. Главный герой – наше время. – Правда Бурятии, 1963, 29 января.
Казанцева Н., Спектор М. Диспут был интересным. Обсуждение романа Б.Мунгонова «Хилок наш бурливый» в республиканской библиотеке им.Горького. – Правда Бурятии, 1963, 17 февраля.
Мадаев М. Бурно течет «Хилок наш бурливый». – Молодежь Бурятии, 1963, 20 февраля.
Эрдынеев Д. О повести Б.Мунгонова «Белый месяц». – Буряад Унэн, 1963, 10 апреля.
Штеренберг В. Смелые люди. – Правда Бурятии, 1964, 27 февраля.
Содномов А. О повести Б.Мунгонова «Юность героя». – Буряад Унэн, 1970, 1 сентября.
Номтоев Ц. О романе Б.Мунгонова «Щедрое сердце». – Буряад Унэн, 1974, 29 августа.
Балданов С. Ступени мастерства. – Байкал, 1975, № 5.
Найдаков В. Бурятский роман: тенденции его развития. – Байкал, 1976, № 5.
Без указ. автора. Мунгонов Барадий Мункуевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

- Найдаков В.* Там, где плещет Байкал. – М.: Современник, 1979.
- Уланов Э.* Роман о современности в бурятской советской литературе: опыт комплексного анализа. – Улан-Удэ, 1981.
- Балданов С.* Певец человека труда. Творческий портрет Б.Мунгонова. – Правда Бурятии, 1982, 17 августа.
- Балданов С.* В свете яркого таланта. – Буряад Унэн, 1992, 14 августа.
- Чимитов Г.* О моем друге. – Буряад Унэн, 1992, 14 августа.
- Без указ. автора.* Мунгонов Барадий Мункуевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Дашабылов Г.* Барадий Мунгонов. Литературный портрет. – Улан-Удэ, 1996.
- Уланов Э., Балданов С.* Барадий Мунгонов // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
- Жимбиев Ц.* Барадий Мунгонов // Выдающиеся деятели – выходцы из хори-бурят. – Улан-Удэ, 2002.
- Дондогой Ц-Д.* К 80-летию писателя Барадия Мунгонова. – Буряад Унэн, 2002, 8 августа.
- Цырендоржиева Ц.* Благословенный судьбой. К 85-летию Б.М.Мунгонова. – Буряад Унэн, 2007, 6 декабря.
- Уланов Э.* Мунгонов Барадий Мункуевич (1922-1989) // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Жимбиев Ц.* Барадий Мунгонов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Гунга Гомбоевич
ЧИМИТОВ**
(1924-2014)

КАКАЯ РАДОСТЬ – ПО ЗЕМЛЕ ШАГАТЬ...

Имя Гунги Чимитова читатель может увидеть на обложках книг лирических стихов и басен, художественных очерков и произведений для детей. Оно часто появляется на театральных афишах: Гунга Чимитов перевел на бурятский язык комедию Н.В. Гоголя «Ревизор», пьесы А. Островского и М. Горького, трагедии В. Шекспира. Наконец, имя это нередко называют во время концертов: Г. Чимитов – автор текстов многих и многих песен.

Все это обусловило тему нашей беседы с писателем.

– Гунга Гомбоевич, чем объяснить разносторонность ваших творческих интересов? Только ли желанием попробовать свои силы в разных жанрах, в разных областях писательского труда?

– Мне кажется, – ответил Г. Чимитов, – это не разные области писательского труда, а одно дело, одно пристрастие. Я писал лирические стихи о современниках. Иногда о том же самом рассказывал в прозе, в очерках. Стихи мои, если читатель заметил, имеют оттенок лукавства, несут в себе улыбку. А от этого качества не далеко до сатиры, для которой я избрал жанр басни. Без улыбки, светлого восприятия жизни нельзя писать и для детей – значит, тут секрет моих книжек для малышей. Ну, а переводы на бурятский язык классических пьес и книг детских писателей – Маршака, Барто, Носова или сказок Пушкина, басен Крылова и Михалкова – это ведь лучшая учеба, освоение опыта замечательных писателей. Не знаю, объяснил ли я, но, мне кажется, все эти стороны творчества взаимосвязаны, и я, таким образом, занимаюсь одним делом. Во всяком случае, важно иметь свой голос, свою творческую индивидуальность.

У каждого поэта есть строки, по которым читатель яснее всего представляет характер его лирического героя. Думаю, у Гунги Чимитова это такие строки:

*Веди меня, судьба моя, дорога,
От дома к дому, от села к селу.
От человека к человеку – в гуцу
Народа моего – за истиной насущной,
Чтобы творить добро, не поддаваться злу.*

Для самого автора эта мысль выношенная. Закончив школу-семилетку, Гунга Чимитов остался в родном улусе Хошун-Узур Мухоршибирского района, долгое время работал в колхозе. На чабанской стоянке не было у родителей лучшего помощника, а в местном клубе на концертах и представлениях не было увлеченней самодеятельного артиста, чем он. Стихи и сценки для выступлений Г. Чимитов писал сам. Позже способный юноша едет в Улан-Удэ и поступает в театрално-музыкальное училище. Здесь он продолжает писать стихи, начинает переводить на бурятский язык пьесы русских драматургов. Первые успехи, первые публикации и определили дальнейший путь выпускника училища: он продолжает учебу в Москве, в Литературном институте имени А. М. Горького.

– Гунга Гомбоевич, какие темы больше всего привлекают вас с самого начала поэтической работы? – продолжали мы разговор с писателем.

– Первые книжки моих стихов назывались так: «Дети моего колхоза» и «На просторах Тугнуя». Уже по этим названиям можно судить, что стихи посвящены людям села. Я стремился писать о том, что мне знакомо, – о жизни земляков, об их понимании смысла и красоты бытия. Вам, конечно, приходилось слышать неторопливый житейский разговор старых людей. Они не произносят громких слов, они ведут речь о делах и событиях самых простых, будничных. Но сколько в их беседе мудрости, величавости, поэзии! Мне всегда хотелось, чтобы у читателя поэтической книжки был такой собеседник – человек, который умеет видеть поэзию в обыденной жизни, а поучительное – в каждой человеческой судьбе.

*Роль человека в мире нелегка.
Самим собой гордиться не пристало.
Иной – кумир как будто на века,
А миновал срок – и свергнут с пьедестала.
Лишь тот, кто тихой святостью труда
Отмечен, кто земле родимой предан,
В людскую память входит навсегда,
Овеян счастьем, недоступен бедам.*

Стихи Гунги Чимитова кажутся главками одной поэмы о степной и таежной Бурятии. Вы согласитесь с этим, прочитав названия стихов-главок: «В степи», «Дороги», «Чабанская юрта», «Старик», «Глоток воды».словно человек в счастливые минуты заново видит землю вокруг и отмечает дорогие ее приметы. Он не может надышаться ее воздухом, не может наговориться с ее добрыми людьми:

*Родные степи с домом лишь сравнимы:
Здесь вольно и светло, я здесь живу.
Сюда, блюдя обычай, всех любимых –
Людей, друзей, сородичей – зову.*

*У солнечного очага не тесно,
Рядком расположились вокруг него
Под крышей – синей, шелковой, небесной –
Приветливого дома моего.*

Торопиться делать доброе – к этому постоянно зовет читателя лирический герой поэта. И добавим еще: в сатирических стихах Гунга Чимитов подтверждает и отстаивает такую позицию. В баснях поэта осмеивается бескрылость нытиков и пессимистов, потребительское отношение к жизни, черствость и равнодушие.

ГОЛОВА

*«Большая голова – признак большого ума,
Большая нога – тупости признак, недалекости» –
Пословицу эту прочитав однажды Он, решил:
«Нет мужчины с такой как я огромной головою
В нашей округе, кто бы мог сравниться со мною.
Размер моей головы – шестьдесят пятый! –
Значит, я умен и мудр, нет равного со мною.
Остальные – все дураки и тугодумы» -
Подумал он и развеселился не на шутку.
Услышав это, все стали удивляться:
– Что за дикость, почему решил он,
Что умом превзошел всех, что мудрец он?*

*Умен не тот, у кого голова побольше,
Умен тот, кто имеет много знаний.*

– Жанр басни – очень трудный жанр, – говорил Гунга Гомбоевич. – И в бурятской литературе он почти не разработан. Однако сатирическое начало сильно в произведениях мастеров бурятской поэзии, прозы и драматургии: в книгах Хоца Намсараева, Чимита Цыдендамбаева, Даширабдана Батожабая и других. Их опыт, заложенные ими традиции, – прекрасные помощники сегодняшним писателям. А кроме того – бурятский фольклор. Точность и афористичность, острота и меткость народной сатиры всегда будут образцом для создателей басен. У бурят в состязаниях острословов была в ходу точная метафора, изящная тонкая шутка, насмешливая характеристика. Без этого в бурятской сатирической поэзии не обойдешься и теперь, хотя объект сатиры, ее содержание изменились.

С увлечением пишет Гунга Чимитов для малышей. После сборника «Дети моего колхоза» он подготовил для юных читателей книгу рассказов, сказок и стихов «Друзья Сэсэгхэна». Эти произведения закрепили за Г. Чимитовым репутацию талантливое детского писателя. В последующие годы он создает для ребят поэму-сказку «Хитроумный заяц»; книги стихов «Два мальчика», «Солнце» и другие; веселые сценки, составившие сборник «Хороша наша елка». Умеет писатель видеть смешное, любит он веселые фантазии, и это привлекает ребят к его книгам.

«Чистый родник», «глоток надежды» и «глоток любви», возвращающие человека к жизни и песне... Такие сравнения находит для поэзии, для творчества Гунга Чимитов. Благодатная почва питает его строки – жизнь и поэзия родного народа. И мы понимаем требовательность автора к себе, когда читаем:

*...Вы не прощайте меня,
Когда я для родины милой
Порой свою песню пою
Не звонко, не в полную силу.*

АМИДЫН ЖАРГАЛ ЭДЛЭЖЭ

Гунга Гомбоевич Чимитов үхибүүдтэ зорюулжа уянгата шүлэгүүдые, бас-
нинууд болон уран зураглалнуудые бэшэдэг автор гэжэ абаһаар эли байдаг шуу.
Гэхэһээ гадна, Н.В. Гоголийн «Ревизорые», А. Островскийн ба М. Горькийн
зүжэгүүдые, В. Шекспирэй трагединуудые буряад хэлэндэ оршуулһан. Үшөө
олон тоото дуунуудай автор.

– Гунга Гомбоевич, та иимэ олон жанрта бэшэхэ дуратай байһан гүт? Али
өөрыгөө туршажа үзэхэ хүсэл байгаа гү? – гэжэ нэгэтэ һурахадамни:

– Ямаршые жанр байг, энэмнай бүхыдөө нэгэл ажал ха юм даа. Уянга-
та шүлэгүүдыешые, прозошые, очеркнуудышые бэшээд туршааб. Уншагшад
шүлэгүүдэйм хошон зугаатай байһые анхарһан лэ байгаа ёһотой. Баснишые бэ-
шээб. Хүхюун зугаа, шог үгы юумэн гэжэ байхагүй, үхибүүдтэ зорюулжа бэшэхэ
гээ хаа, заабол энеэдтэй хүхюунээр бэшэхэ хэрэгтэй. Маршагай, Бартогой, Но-
совой, Крыловой, Михалковой зохёолнуудые, Пушкинай онтохонуудые буряад-
шалхадаа, тон ехэ дүршэл оложо, амаргүй ехэ һуралсал гарааб. Тээд бэшээшэ хүн
өөрын нюургүй, өөрын почерк үгы, маяг хэлбэри үгы болбол олон зоноор худха-
раад, мүр сараа үгы болошохо, – гэжэ поэт намда хэлээ агша һэн.

Лирическэ геройн, авторай өөрынь абари зан харуулһан ямар нэгэн шүлэг
поэт бүхэндэ заал хаа байдаг. Гунга Гомбоевичтэ иимэ шүлэг баһал бии юм:

*Хайшааш хара – даллан
уряалнал аянай үргэн харгы...
Хайшааш яба – хүдөө тосхон
городууд олон амаргүй...
Халуун зүрхэнэй сохилоол хада,
эсээб гэнгүй, амарангүй
Харгын холо руу зориши, нүхэр,
гэдэргээ эрьен, сухарингүй...*

Долоон класс дүүргээд, Мухар-Шэбэрэйнгээ аймагайнгаа Хошуун-Узуур ню-
тагта колхоздо удаахан сагта Гунга Гомбоевич ажаллаһан юм. Эхэ эсэгэдээ мал
ажалдань туһалалсадаг, нютагай клубтэ концертнүүд болон наадануудта хабаа-
дахадаа хэнһээшые түрүүн, эгээл ехэ эдэбхи үүсхэлтэй уран һайханай артист
байһанаа харуулаа. Тайзан дээрэ гараад хэлэхэ, наадаха зохёолнуудаа өөрөө бэшэ-
жэрхидэг байгаа ха юм. Хожомын тэрэ Улаан-Үдэ ошожо, театральна-хүгжэмэй
училишида ороод, һуралсал гаража байхадаа шүлэгүүдые бэшэдэг, ород драма-
тургнуудай зүжэгүүдые буряад хэлэн дээр оршуулдаг байгаа. Тииһээр байтараа
Москвагай М.А.Горькийн нэрэмжэтэ Литературна институттэ һурахаяа ороо һэн.

– Гунга Гомбоевич, ямар темэнүүдээр һонирходог байгаабта? – гэжэ саашань
асуухадам:

– «Колхозой үхибүүд», «Түгнын үргэн талада» гэжэ номуудайм нэрэнүүднээ абажа харахада, түрэл нютагай зондо зорюулагдахан гэжэ мэдэхээр. Нютагаархин тухайгаа, өөрынгөө мэдэхэ юумэн тухай, ажал болон ажабайдалай удха ба хайн хайхан юумэнүүд тухайл бэшээ аабзаб даа. Наһажаал зоной хөөрэлдэжэ байхые нилээд шагнаһан бээбди. Үдэр бүрингөө ажал хэрэгүүд тухай хөөрэлдэхэдөө, тэдэнэр нэгэшые ехээрхүү бардам зан абари гаргадаггүй, тон томоотой аалар зу-гаалсадаг, ёһотойл ажабайдалай поэзи гээшэ эндэ гэжэ ханахаар байдаг. Шүлэг уншажа байһан хүндэ юрын юумэн соо шүлэгэй аялга, хүн бүхэнэй ажабайдалда зоной анхаржа нургаал абамаар юумэ олохые хүсэдэг һэм.

*Хүн ябахамнай одоол харюусалгатай,
Хүнһөө үлүүб гэдэг ханаан хорюултай.*

*Дэлхэй дээрэ юумэн болгон харюутай –
Дээдэ тушаалтан хүмэришэдэг аюултай.*

*Али гэбэл аараг амитан гэгдэдэг аад,
Ашата хайхан ажал хэрэг хэдэг даа.*

*Зоной дунда зохёод ябажа шадахал хаа,
Золой хоймор батаар барин дабишалхаи.*

Гунга Чимитовой шүлэгүүд үргэн талата, хүбшэ тайгата Буряад орон тухай угаа ута нэгэ поэмын барагдахагүй олон хэһэгхэнүүд мэтээр ханагадаг. «Та-лада», «Харгынууд», «Хонишоной һэеы гэр», «Үбгэжөөл», «Балга уһан» гэхэн шүлэгүүдэйн нэрэнүүд энээниие гэршэлнэ. Хүнэй эгээл жаргалтай үе сагаа ха-нан дурсан, хайн хайхан талыень дахинаа онигожо байһан мэтэ. Түрэл Буряадайн-гаа амтан агаараар садатараа амилжа, сагаан сэдхэлтэй зоноорнь сэдхэлэйнгээ ханатар хөөрэлдэжэ байһандал:

*Тоонто нютагайм түшээ тулгуури –
Тойроод мандайһан нэрэтэ хаданууд
Тэршээ үринэртөө ханаагаа зобоһондол
Тэнгэриин хаяаһаа шэртэн байдаг.
Хүрьһэтэ алтан дэлхэйдэ түрээжэ,
Хүлөө шоройдожо эхилхэнээ хойшо
Түгнэ нютагайнгаа зөөлэн абарияа
Түгөөн хэиээхыень мэдэрэн ябагшаб.*

Хайн лэ хэрэгүүдые үүдхэжэ, бүтээжэ ябагты – гэжэ поэдэй уянгата герой зо-ниие уряална. Баснинууд соогоо эсэһэн сүхэрһэн зоной түргэхэн урмаа хухархада, хайшан лэ гээ хаа эдихэ, уха тухай ходо бодомжолжо ябахада, хүниие хайрлаха сэдхэлгүй хуурмаг дорой ябахада тэдэниие наадалан шүүмжэлнэ.

ТАРХИ

*«Тархи ехэтэ – сэсэн,
Табгай ехэтэ – тэнэг» гэхэн
Урданай оньһон үгые
Уншаба һэн ха эндэхи Нэгэн.
«Намдал адли томо тархитай эрэ
Наана саанаиш үгыл даа юрэ!»*

*Хэмжүүрынъ – жаран табадахи,
Хэлэшэгүй мантан тархи! – гээд тэрэ
Гэдэгэнэн хүхибэ нэтэрэн.
Одоол сэсэн хүнинь биб,
Ондоо зон булта тэнэгүүд...»
Мантан тархита тиин
Маһалзаба үдэр һүнигүй.
Бардам үгынь дуулахадаа,
Баран зон ехэтэ гайхаба.
– Хаанаһаа энэмнай, яахадаа
Хамагһаа сэсэн байба бэ?
Маргаһан хүнүүд эндэхи Нэгэнэй
Мантан тархиие туршаха гээ.
Ухаан бодол үнэхөөрөө тэрэнэй
Уураг тархида байгаа ха гү?*

*Одоо зантан тархиин шэнжэ
Олоной дунда элирүүлэгдээ.
Шүүхэ сэсэн ухаан бэшэ,
Шүүһэн байһаниинь мэдэгдээ.*

– Басниин жанр болбол тон хүндэ жанр юм. Буряад литературада урдань байгаагүй жанр ха юм. Хоца Намсараевай, Чимит Цыдендамбаевай, Дашараб-дан Батожабайн болон бусадай зохёолнууд соо энеэдэтэй, наадалһан ёгтолһон юумэнүүд (сатира) олон. Тэдэнэй дүршэл мүнөөнэй зохёолшодто угаа тухатай. Гэхэхээ гадна, арадай аман зохёол, арадай сатира болбол мэргэн, далда удхатай, хурса хэлэтэй – басни бэшэдэг зондо ёһотойл жэшээ болохо байна. Буряад зон үгэ хаялсахадаа бэрхэ, тоб байса хэлэжэрхихэдээ, юумэ наадалжа харуулхадаа шадал-тай байгаа, – гэжэ Гунга Гомбоевич хэлээ һэн.

Хүүгэдтэ зориулжа Гунга Чимитов олон ном хэблүүлээ. «Манай колхозой үхибүүд», «Сэсэгхэнэй нүхэд», «Хоёр хүбүүд», «Наран», «Манай гоё ёлка» гэхэн номуудые хэблүүлжэ, талаан бэлигтэй хүүгэдэй зохёолшон байһанаа гэршэлээ һэн. Ажабайдалда энеэдэтэй юумэ оложо шададаг, һонин юумэ ухаалхадаа бэрхэ хадань хүүгэд тэрэнэй зохёолнуудта дуратай.

«Арюун булаг», «Найдалай балга», «Дуранай ошон» гэхэ мэтын һаруул һайхан тээшэ дуудаһан үгүүлэлнүүд, зэргэсүүлгэнүүд шүлэгүүдтэнь ходо дайрал-дадаг. Эдэ үгэнүүд имагтал Гунга Чимитовай поэзидэ байха. Тиимэл хадаа иигэ-жэ поэт бэшээ ха:

*Зэмэлээрэйт, нүхэдни, намаяа,
Зэдэлмэ хонгёо хоолойгоо
Һүлэр, өөдэгүй муудаа
Һөөлдүүлжэрхёо һаамни.*

*Зэмэлээрэйт, нүхэдни, намаяа,
Зэргэхээ хадуураа һаамни,
Заяанайнгаа шунал алдаад,
Залхуудаа дарагдаа һаамни.*

*Хамагай хэрэгхээ зугадаад,
Хара хубияа хараа хаам,
Хүндэтэ, нүхэдни, энээниие
Хүлисэжэ яашье болохогүй.*

*Гэнгэргүй, хуурмаг аашаар,
Гэбхи хүнгэн зангаар
Хүндөө буураа хаамни
Хүлисэжэ яашье болохогүй.*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Манай колхозой үхибүүд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1955.
Сэлгээ сагаан Түгнэмни. Шүлэгүүд, дуунууд. – Улаан-Үдэ, 1958.
Сэсэгхэнэй нүхэд. Багашуулай ном. – Улаан-Үдэ, 1959.
Хүдхэшуул. Сатирическа шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.
Мэхэтэй шандаган. Үльгэр. – Улаан-Үдэ, 1961.
Эжын хайндэр дүтэлөөл даа. Хүүгэдтэ зорюулагдаһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1962.
Гайн хүнэй шарай. Очеркнууд. – Улаан-Үдэ, 1964.
Бэрхэ Бата эрхэ Батаадай. Багашуулда шүлэг. – Улаан-Үдэ, 1965.
Наран. Хүүгэдтэ шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1968.
Ёлкымнай гоё гээшэнь! Хүүгэдтэ шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1970.
Шэниисэ тарян дуулана. Хүүгэдтэ шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1970.
Шанга харюу. Баснинууд. – Улаан-Үдэ, 1972.
Тарян. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1974.
Гурбан дэбтэр. Шүлэгүүд, дуунууд, баснинууд. – Улаан-Үдэ, 1979.
Бахын ханаан далайда. Шог ёгто шүлэгүүд, баснинууд. – Улаан-Үдэ, 1982.
Тоонто нютаг. Дуун болоһон 108 шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1994.
Үльгэрэй далай. Бурхан багшын түүхэ-ном. – Улаан-Үдэ, 2006.

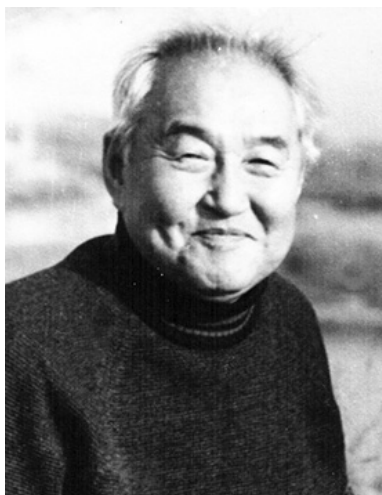
На русском языке:

Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Дороги. Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Цыдендамбаев Ч. Стихи молодого поэта. – Буряад-Монголой Үнэн, 1955, 15 декабря.
Тармаханова О., Жарков Д. Чимитов Гунга Гомбоевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Бадаев А. Еще один шаг. – Буряад Унэн, 1962, 14 января.
Мунгонов Б. На лице не написано... – Буряад Унэн, 1964, 29 декабря.
Жамбалдоржиев А. Чтобы воспитать умелыми... – Буряад Унэн, 1966, 18 января.
Баранникова Е. Поэт, прозаик, переводчик. – Правда Бурятии, 1974, 15 ноября.

- Без указ. автора.* Чимитов Гунга Гомбоевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
- Баранникова Е.* Гунга Чимитов // Современная литература Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.
- Жамбалон А.* Слава бурятского поэта. – Агын Унэн, 1984, 12 ноября.
- Галсанов Ц.* «Рассказал мне мой Тугнуй...». – Буряад Унэн, 1984, 16 ноября.
- Галсанов Ц.* Грани таланта. – Байгал, 1984, № 6.
- Без указ. автора.* Чимитов Гунга Гомбоевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Эрдынеев Ш.* Гордость Бурятии. – Буряад Унэн, 1995, 19 января.
- Хамгушкеева М.* Гунга Чимитов // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
- Дамбаев Г-Д.* Светлое очарование светлой души. – Буряад Унэн, 1999, 14 октября.
- Жапов В.* Чимитов Гунга Гомбоевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Дамба Зодбич
ЖАЛСАРАЕВ
(1925-2002)**

РЕЗЬБА ПО НЕБУ

Приходилось ли вам бывать в вечернем степном улусе?..

Солнце только что закатилось, небо на западе, как раскаленная печь, начинает остывать, превращаясь из багрово-красного в розовое, а затем в серебристое. Коровы подоены и устраиваются под навесом. А среди двора перед крыльцом летника горит маленькая печурка, наскоро устроенная из кирпича еще в первые теплые дни. Здесь же легкий выносной стол и две-три скамейки. Тут уже устроился дед со своей неизменной деревянной трубкой. Присели уставшие за день молодые хозяева. Зашел на огонек сосед, а то и не один. Дети притихли, глядя на веселый плеск огня в печурке. И начался неторопливый вечерний разговор. Завел его, конечно, степенный, мудрый старец. О том, как раньше жили в здешней степи. О чем думали, какие песни пели...

На этот неторопливый мудрый рассказ, которому не чужда и острая шутка, похожи стихи народного поэта Бурятии Дамбы Жалсараева:

*Сказал богач однажды:
— Есть работа!
Ты мой табун все лето попаси,
И я тебе из нового приплода
Дам жеребенка!
— Лучшие не проси! —
И Будамшу¹ попелся по дороге,
Ворча:
— На это дело не пойду.*

¹ Будамшу — герой веселых народных историй.

*Ведь мне сейчас куда дороже ноги.
Чем жеребенок в будущем году...*

Все в таких рассказах идет от доброго сердца бурята, от его веселого нрава, от его светлой мечты. Только что он, как говорят, «отбрил» богача. А теперь всерьез задумался о самом важном – о человеческом счастье:

*Спросили старца: что такое счастье?
Он бороды потрогал острие
И, головой качая в знак согласия,
Сказал: «Оно у каждого свое.
Но есть и счастье общее, которым
Ты тоже должен обладать сполна:
Любовь к народу и к родным просторам!
Без них мы все, как без корней сосна,
Как ствол без веток, как без листьев ветка –
И счастье на порог не ступит твой!
Люби народ и землю беззаветно
И будь любим народом и землей!»*

Я говорю не только о миниатюрах, объединенных поэтом в большой цикл «Бурятские мотивы» и вошедших в его книги «Стремя в стремя», «Прибайкалье мое», «Душа земли». Мне кажется, стремление осмыслить пережитое, увидеть за будничным фактом сущность времени, а за поступком, словом – народный характер – это особенность всего творчества Д. Жалсараева.

Хотелось знать мнение самого поэта.

– Знаете, как в юности чаще всего рождаются стихи? – начал Дамба Зодбич. – Описал событие, нахлынувшее чувство – и стихотворение готово. Оно, как правило, повествовательное, в нем редко бывают обобщения, глубокая мысль. С годами приходишь к стихам – размышлениям. Хочется выразить свое отношение к жизни. Ну, а каждый поэт, наверное, сверяет свою точку зрения еще и с мыслями современника, с мыслями народными.

Речь зашла о конкретных стихах.

– Вот вам тема: Байкал, – продолжил поэт. – У меня есть цикл стихов о нем. Кажется, писать о Байкале нетрудно – все мы любим свое сибирское море. Но воспевать только его красоту, мощь, его природу в разных проявлениях – этого, по моему, мало. Я хотел написать о нем по-другому. Увидеть в Байкале нечто живое, связанное с судьбой человека. Песнь о Байкале – песнь о человеке, о его душе. Природа сама мудра, нужно и воспринимать ее мудрой, понимать взаимную и глубинную связь нашей жизни с нею.

После этих слов уже по-иному читались стихи из цикла Д. Жалсараева «Байкальские строки»:

*Гостеприимна традиция наша:
Чтобы друзьями хорошими стать,
Гостю подносится полная чаша
С лучшим напитком, аршану под стать...
Добрый обычай извечен в народе,
И неизменно его существо.*

*Если встречается он и в природе,
Не подсказала ль природа его:
Чтобы искрилось добро в человеке,
Чтоб не таилось на доньшке зла,
Миру земному на вечные веки
Чашу Байкала она поднесла.*

Поскольку в беседе поэта прозвучало сравнение его сегодняшних стихов с первыми, юношескими, то естественно возник вопрос:

– А как вы пришли в поэзию? Как начинался ваш жизненный и писательский путь?

– Рос я в небольшом бурятском улусе Додогол, в Хоринской степи, – продолжил свой рассказ Дамба Зодбич. – И вот в начале тридцатых годов к нам, в домишко, заглянули комсомольцы. Ликвидаторы неграмотности. Отца в живых уже не было. А мать – в возрасте. И неграмотна. Начали с ней заниматься, прямо на дому. Я каждый раз садился рядом, мальцом был, дошкольником, но мне все было интересно – чтение по слогам, счет. Детская память острая, и я раньше матери научился читать и писать. Тогда мне поручили заниматься с нею. В нашем доме появились книжки на бурятском языке. Хорошо помню первые книги Хоца Намсараева, журналы тех лет. Я читал их матери, сестре. К нам стали приходить соседи, и долгими зимними вечерами я читал. Помню большое впечатление, которое произвела на одноулусников повесть Ц.Дона «Отрава брынзой». Словом, я приобщился к книгам, полюбил их. В школе мне встретился замечательный педагог. Литературу преподавал нам Батор Прокопьевич Махатов, заслуженный учитель школ РСФСР и Бурятии, большой знаток и пропагандист фольклора и творчества писателей республики. Потом я учился в другой школе – Унэгэтэйской, там словесность преподавала тоже педагог талантливый – Анна Елисеевна Каландаришвили. Истинная русская интеллигентка. Приносила нам журналы. Рекомендовала новинки. Открывала мир русской классики. В те годы я начал писать стихи и всегда получал поддержку Анны Елисеевны. Служить мне выпало на восточной границе и долго – десять лет. В сорок пятом году мы, пограничники, вместе с другими советскими частями вступили в бой с Квантунской армией. Начались мои военные дороги. Впечатления тех дней отложились в стихах. Один из моих товарищей, тоже воин, перевел по подстрочникам два стихотворения на русский язык, и они были опубликованы в газете «Пограничник Забайкалья». С той поры я начал относиться к поэзии серьезней. Новые стихи посылал в Бурятию, в Союз писателей, и получал от литераторов старшего поколения очень теплые письма. Я благодарен Хоца Намсараевичу Намсараеву, другим своим наставникам за добрые советы, за поддержку. С 1947 года стихи мои стали печататься в республике, а через три года вышла первая книга на бурятском языке «Слово о правде».

На русском языке стихи этого сборника были опубликованы много позже, в 1959 году. Вот она перед нами, первая «московская» книга поэта. О какой правде говорил поэт? О правде, свободе, которые воин-освободитель принес поработенным народам, разгромив империалистическую Японию. И о том, что люди хотят мира и не позволят его нарушить, – за эту правду было заплачено кровью миллионов. Естественно, дополняют сборник стихи о мирных делах и чувствах вчерашнего солдата. О сельском труде, о привязанности к степной стороне, о любви.

Эти стихи и сегодня привлекают теплотой и доверительностью, стремлением показать, чем живут люди в родном краю, каковы они:

*Двери все предо мною раскрыты,
Гостю рады в бурятском дому,
С каждой крыши дымок духовитый
Прямо к сердцу летит моему.
Вместе с дверью – узнал навсегда я –
Раскрываются настежь сердца,
И о них я пою, соблюдая
Стародавний обычай певца.*

Издавна бурятские мастера в совершенстве владели искусством затейливой резьбы по дереву, тонкой чеканки по металлу. В сюжетах, взятых резчиками или чеканщиками (а эти сюжеты всегда связаны с народным бытом, с легендами), западает в память экспрессивность картины, ее образная энергия. Поэзия немало взяла от этого векового искусства народа. Дамба Жалсараев – один из лириков, который с самого начала поэтического творчества стремился к яркости и живописности своего письма. Свидетельство этому – строки из первых книг:

*Степь лежит нова, свежа,
Небылью просторной,
И сыта ее душа
Влагой животворной.
Солнце тоже – ей-же-ей! –
Вымылось на славу,
Полотенцами лучей
Вытирает травы.*

Может быть, именно эта жажда рисовать словом привела поэта к стихам для детей. Какая это благодарная задача – живописным, образным словом показать малышам краски родной природы, привлекательность всякого труда! Детская поэзия стала для Дамбы Жалсараева любимым и кровным делом на многие годы. Выходят его книги для ребят «Разговор с юными друзьями», «Жаворонок», «Состязание с ветром», «Звезда Баярмы» и другие. Наиболее значительным произведением для детей стала, пожалуй, поэма «Сказ о баторе». Она многократно выходила в Бурятском книжном и центральных издательствах, переведена на языки народов СССР.

А сам поэт накапливал литературный и жизненный опыт. Он закончил Высшие литературные курсы в Москве, где занимался вместе с молодыми еще тогда писателями, ставшими позже выдающимися мастерами слова – Чингизом Айтматовым, Кайсыном Кулиевым, Давидом Кугультиновым. Работал корреспондентом ТАСС по Бурятии, инструктором и заместителем заведующего отделом областного комитета партии, руководил Союзом писателей, был назначен министром культуры республики. Все это – настойчивая учеба, большая журналистская, партийная и общественная деятельность, упорное занятие творчеством – обостряло гражданское зрение, обогащало впечатлениями будничной кипучей жизни, прибавляло поэтического мастерства. В книгах зрелых лет Дамбы Жалсараева: «Стремя в стремя», «Бурятские напевы», «Прибайкалье мое», «Земные голоса»,

«Душа земли» (этот сборник вышел в популярной серии издательства «Современник» – «Библиотека поэзии «Россия») звучит его самобытный голос, голос лирика, который остро современен, правдив, точен. И в то же время по своей интонации, неторопливой, ненавязчивой манере размышления, образности близок народным сказителям-улигершинам. Словно добрый, умудренный жизнью друг присел рядом с тобой и вслух говорит о том, что волнует и тебя:

*Спичка вспыхнет, потом угасает,
В жестких пальцах сгорая дотла.
Но ее огонек воскресает
В свете лампы, в кипенье котла.
Вот и солнечный диск закатился,
Чтоб зажечься рассветным огнем...
День, прожитый тобой, засветился
Хоть в каком-нибудь сердце одном?*

Читатель заметит тематическое разнообразие стихов поэта. Романтически окрашенная поэма «Письмо комиссара» воскрешает годы гражданской войны, когда лучшие сыны Бурятии активно участвовали в борьбе с белогвардейцами и интервентами. Реалистическая канва произведения – простой и доходчивый рассказ комиссара полка, русского рабочего о Владимире Ильиче Ленине – помогает поэту нарисовать образ вождя, как народного батора, сына и защитника трудового люда, образ, который в сознании буряты-труженика сливается с героями любимых улигеров и становится более понятным ему.

Какой была до Октября 1917 года и какой стала родная земля – эта тема в бурятской поэзии ведущая, магистральная. Ей посвящены стихи, баллады, поэмы, венки сонетов. Ее касался во многих своих лирических произведениях и Дамба Жалсараев. Самым значительным циклом стихов, посвященных этой теме, стал большой раздел «Песни земли» в книгах поэта последних лет. Могут возразить: об этом ли – о светлых ли переменах на бурятской земле рассказывает цикл стихов, где «Песнь дождя» сменяется «Песнью рассвета» и «Песнью камнепада»? По-моему, об этом. Потому что в степи, где раньше звучали только «Песнь стремян», «Песнь аршана» и «Песнь узора», такие близкие сердцу скотовода, сегодня слышатся «Песнь телефонных проводов» и «Песнь трактора», наконец, космическая «Песнь спутника». Приходилось слышать упреки автору: что за форма такая – «Песнь трактора», «дождя», «чая»? И почему, скажем, «Песнь чая», а не арзы или воды из ручья? Но так можно отвергнуть не один замысел, прекрасно воплощенный в литературе, тем более, не одну поэтическую условность. Оригинальная форма, взятая поэтом, позволила ему свежо и ярко рассказать о народном быте, получившем новые черты и приметы, о больших социальных изменениях в родном краю после Октябрьской революции. Приведем строки из «Песни старой юрты»:

*Им, нынешним людям, чей путь лучезарен и прям,
Завидую – с радостью, ибо завидна их участь,
Завидую теплым, уютным и прочным домам –
От имени тех, кто от ветра и холода мучась,
За то, что я есть, говорили спасибо судьбе...*

*Их внукам счастливым завидую я, но при этом:
Стань жестче к себе, если жить стало мягче тебе,
Чтоб вдруг не разнежиться! – к ним обращаюсь с советом.
Мне, войлочной юрте, с лихвой пережившей свой век,
Изъездившей землю, навеки простившейся с нею,
Не там уже место, где ветер, и ливень, и снег,
А в зале уютном, в просторном и тихом музее.*

Певцом огромных перемен – социальных и духовных – в жизни своего народа выступал Дамба Жалсараев в своей лирике. Именно в лирике, в стихах, где всегда на первом месте были личные переживания и мысли поэта. Они выношены поэтом, а читатель воспринимает их как свои собственные. Думается, что, познакомившись, к примеру, со стихотворением «Резьба по небу», он вместе с поэтом сильнее ощутит то, что советская власть принесла Бурятии, ее юным сыновьям и дочерям:

*Не ведал предок мой, который
Под песню грустную привык
Чеканить мелкие узоры
На серебре ножен кривых, –
Не ведал, что его твореньям
Потомок молодость вернет,
Но не бездумным повтореньем:
Он новый смысл в резьбу вдохнет!
Не ведал, что его узором
Украсит дали самолет,
Который над степным простором
Отважный правнук поведет.
И царство бога-властелина –
Чертог небесный, ад и рай –
Резьбой бурятскою старинной
Перечеркнет из края в край!*

Еще в пятидесятых годах Дамба Жалсараев написал стихотворение «Магистраль» – о дороге дружбы, связывающей Бурятию со всеми уголками советской земли. И вот снова друзья из братских республик пришли к Байкалу – строить еще один стальной путь, который преобразит бурятскую землю. Мог ли поэт не разделить эту радость своего края? Дамба Жалсараев пишет стихи «Первопроходцы БАМа», поэму «Наш БАМ».

Тема созидания и тема дружбы советских народов естественно переплетались в творчестве Жалсараева, как, впрочем, и в творчестве многих других бурятских поэтов: ведь братство в нашей стране было силой преобразующей, плодотворной. Свои ноты нежности и любви внес Дамба Жалсараев в песнь о братстве, созданную поэтами республики. Теплом сердечной привязанности к дальним друзьям пронизаны стихи, обращенные к Чингизу Айтматову и Юхану Смуулу, к коллегам из России и Украины, из республик Кавказа и Средней Азии.

Стихами о победе и о мире началось творчество бурятского поэта. Символично, что в дни, когда писались наши строки, на рабочем столе Дамбы Жалсарае-

ва лежала рукопись публицистической книги о его поездках в зарубежные страны – поездках с миссией мира. Народный поэт республики, кавалер многих боевых и трудовых наград, Дамба Зодбич многие годы являлся членом Советского комитета и председателем Российского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки. Трижды он был участником конференций литераторов этих континентов. В нескольких государствах побывал поэт и в составе писательских делегаций. Накопилось много впечатлений от встреч с простыми людьми за рубежом, от их добрых чувств к Советскому Союзу. Это и составило содержание новой книги.

Около пятидесяти стихотворений Дамбы Жалсараева стало песнями. Они широко поются в народе. Значит, сумел поэт, как искусный дархан¹ или чуткий улигершин выразить в слове сокровенные мысли людей. Ведь недаром же в «Песне о родной земле» Д.Жалсараева, самой популярной у нас, ставшей гимном Республики Бурятия, есть такие слова:

*Цветущая от края и до края,
Ты добрым светом солнечным полна,
Богата соболями, омулями...
Как жаворонок вешний над полями,
Будь счастлива, любимая страна!
Я слушаю, как дышишь ты, вставая,
В холодных, чистых росах поутру:
Зеленый лист – как клеточка живая,
Как жилочка – травинка луговая,
От радости трепещут на ветру.
Прекрасны маки, лотосы, ромашки,
Как будто это на ковре цветном
Хозяйка ставит пиалы и чашки,
Чтоб их наполнить медом и вином.
То светло-голубыми огоньками,
То алыми – цветы в степи встают!
Старательные пчелы хоботками
С прозрачных донец сладость достают.
Земля, ты вся: в моей груди широкой,
Ты вся – в моей душе, в моей крови!
Иди вперед – своей большой дорогой
И в дружбе с солнцем огненным живи!
Мне тоже легче сквозь простор, сквозь время
С хорошим самым другом – стремя в стремя! –
Скакать вперед, откинувшись в седле,
По жизни необъятной и суровой,
По этой – соболиной, омулевой,
Степной, таежной, солнечной
Земле!*

¹ Так в Бурятии называют народных мастеров.

ТЭНГЭРИЙН ЫИЙЛҮҮР

Нэмжэгэр тала газарые үдэшлэндөө харахан лэ байгаа бээт? Наранай хадын саагуур хоргодошохотой адли, тэнгэри баруун тээ халуун пээшэнэй хүрэжэ эхилхэндэл хүрин улаан байханаа ягаа улаан боло болохоор мүнгэлиг үнгэ ородог. Наагдахан үнээд хушалта доро орожо амарха. Хорёогой тэг дунда зуhalан гэрэй хэрэлсын урда хирпиисээр табигдахан багахан пээшэн түлигдэнэ. Нэгэ шэрээ, хажуудань хоёр-гурбан хандали-скамейканууд. Модон гааһа амандаа зуунхай үбгэжөөл бии болохо. Үдэртөө ажаллажа эсэһэн залуу гэртэхин амархаа һууха. Хүршэнэр бии боложо, пээшэн соо носохон галай тас-няс гэхые хаймадахан хүүгэд дуугаа хуряанхай. Тиигээд лэ үндэр наһатай үбгэжөөл үдэшин зугаа эхилжэ, урдань яажа амидаржа байханаа, ямар дуунуудые дуулалдаагаа, юун тухай хөөрэлдэдэгөө нанан нанан зугаалсаха.

Буряадай арадай поэт Дамба Жалсараевай шүлэгүүд эгээл энэ хөөрэлдөөндэ адлирхуу:

*Будамшууда хэлээ гэхэ нэгэ баян:
– Нэлэнхы дайдаар нэбишэгэр адууем манал даа –
Нэгэ унага ерэхэ түлһөө үгүүжэм!
Будамшуу харюусаа гэхэ баянда:
– Хойто сагай дүрбэн хүлтэй моринһоо
Хоёр хүлни дээрэ хаи даа мүнөөдөө!*

Энэ хөөрөөн соо юрын буряад хүнэй найхан сагаан сэдхэл, хүхюу сэлмэг абари зан, харуул хүсэл зориг харагдана. Һүбэлгэн ухаатай Будамшуу бардам нэгэ баяниие иигэжэ тогтообо, торгообо бшуу. Харин юрэнхы хүнэй жаргал тухай хэлэхэ гээ юм наа, шүлэг соо иигэжэ уншанабди:

*Ахамад нэгэ үбгэнһөө
Асууба гэхэ залуушуул:
«Зол жаргал юун бэ даа?»...
Зохидоор үбгэн харюусаба:
«Үргэн дэлхэйн хүн бүхэн
Өөр өөрын жаргалтай.
Юугээ жаргал гэхээ
Юрэл өөрөө мэдүүжэн –
Юртэмсэ дээрэ зүгөөр
Юрэнхы жаргал биш юм даа.
Түрэн орон нютагнай,
Түшээглэхэ арад зомнай!
Эдээнгүйгөөр хүн бүхэн
Эдлэхгүйл жаргалаа –
Үндэнгүй модондол
Үндыхэ һалбархагүйл!
Зон орон хоёройнгоо
Зол зоболон хоёрые
Хубшин хэрэг шэнгээр
Хубаалдажа байхаһаа*

*Үлүү ехэ жаргал
Үндэр наһандаа үзөөгүйб!.*

«Стремя в стремя», «Прибайкалье моё», «Душа земли» гэжэ номууд соонь ороһон «Бурядай угалзанууд» гэжэ шүлэгүүдэйн томо хэһэг-цикл тухайл эндэ хэлэнэ бэшэб. Хараһан үзэһэнөө бодожо үзэхэ, юрын ажал хэрэгүүдэй саана үе сагай шэнжэ, арад зоной абари зан обёорхо – энэ болбол Дамба Жалсараевай зохёолнуудай нэгэ онсо шэнжэ илгаань болоно.

Поэдтэй энээн тухай зугаалдахадам:

– Зүрхэ сэдхэлыш хүлгөөһэн ушарые залуу ябахадаа шүлэг болоод орхихош. Залуу ябахадаа хүн ехэ бодолдо абтадаггүй, юрэл хараһанаа зураглажа орхино хаямши. Харин наһанай саашаа ошохо бүри бодолготой шүлэгүүдые бэшэхэ дуран хүрэхэ юм. Ажабайдал гээшэ юун гээшэб, юундэ хүндэ үгтэһэн юумэн юм гэхэ мэтээр элдэб асуудалда харюу үгэжэ, тобшолхо гэхэ гү даа, – гэжэ Дамба Зодбич хөөрөөгөө эхилээ һэн.

Тусхай темэнүүдтэ зорюулагдаһан шүлэгүүд тухай хөөрэлдэбэбди:

– Байгал тухай темэ абаял даа. Намда Байгал тухай шүлэгүүдэй бүхэли цикл бии. Байгал далай тухай бэшэхэнь хүндэ бэшэ гэжэ зариман һанадаг, Байгалдаа бидэ бултал дуратай, магтадаг, суурхуулдаг хаямбиди. Гансал Байгалай гоё һайхание, гүнзэгы сэбэрые магтан түүрээжэ бэшэхэ гээ һаа, тиимэшые байжа болоо, тээд би Байгал тухай ондоогоор бэшэхые хүсэдэг һэм. Байгалнай амитай амида юумэн, хүн тухай, хүнэй хуби заяантай холбоотой амида юумэн тухай бэшэхээ һанааб. Байгаали эхэмнай тон сэсэн, бидэнэй хуби заяан байгаалитаяа хүйһөөрөө холбоотой хаям.

Шүлэгшэнэй хэлэһые шагнаад байхадам, «Байгалай мүнүүд» гэхэн бүлэг соо ороһон энэ шүлэг тон ондоогоор зэдэлхэдэл гэбэ:

*Хүндэшэ юм даа араднай:
Хундын дээжэ – аяга сай.
Айл бүридэ хэзээдэшые
Айлиһанай урда табигдадаг.*

*Байгаалимнайшые хүндэшэ:
Байгал ехэ далайгаа –
Эрдэни матаар аягатай
Эрхим һайхан ундаяа
Хундын дээжэ болгожо
Хүн зондо бариһан ха.*

– Та яагаад шүлэг бэшэжэ эхилээ һэмта? Зохёохы ажалайнгаа намтар хөөрөжэ угыт, – гэхэдэмни:

– Хориин үргэн талада Доодо-Гол гэжэ буряад нютаг бии юм. Гушаад онуудай эхээр комсомолшууд ерэжэ, үзэг бэшэг мэдэхэгүй зондо туһалһан. Эсэгэмни мордошонхой, эжымни наһатай болонхой, үзэг бэшэг гээшые мэдэхэгүй, гэртэмнай комсомолшууд ерэжэ, эжыдэм үзэг бэшэг заажа эхилбэ. Бинь үшөө хургуулида ороогүй, үе-үеэр уншаха, тоо тоолоходонь ехэтэ һонирхожо, эжынгээ хажууда һуугаад, шагнахаб. Үхибүүнэй ухаан һонор, бинь эжыһээнэ урид уншажа, бэшэжэ һураа һэм. Эжыгээ хурга гээд, буряад номуудые комсомолшууд намда үгтэһэн юм. Хоца Намсараевай номуудые, тэрэ үеын сэтгүүлнүүдые һананаб. Эжыдээ, эгэ-

шэдээ уншажа үгэдэг хэм. Хүршэнэрнай ерэхэ, үбэлэй хүнийн утада тэдэнэртээ уншажа үгэхэб. Ц.Доной «Брынзын санха» гэжэ туужые ехэл һонирхон шагнаха. Тиигэжэ би ном уншадаг болоһон хүм. Нургуулида ошоходом, РСФСР-эй, Буриадай АССР-эй габьяата багша, арадай аман зохёол, Буриадай уран зохёол тон хайнаар мэдэхэ угаа бэрхэ Батор Прокопьевич Махатов намда литература заагаа. Үнэгэтын нургуулида һүүлдэ һурахадам, Анна Елисеевна Каландаришвили гэжэ бэлигтэй багша намда зааһан юм. Ёһотойл ородой интеллигент хүн бэлэй, сэтгүүлнүүдые намда асардаг хэн. Тиихэ үеэр лэ ород классигуудай номуудые уншажа эхилээб. Шүлэг бэшэхэдэм, Анна Елисеевна ехэ дэмжэдэг байгаа. Зүүн хилэ дээрэ арбаад жэл алба хээ хэм. 1945 ондо, бидэ, хилын харуулшад, манай гүрэнэй бэшэ сэрэгтэй хамта Квантун сэрэгтэй дайлалдаха болоо хэмди. Тэрэ үеымни сэрэгшын намтар шүлэгүүдтэмни эли байдаг. Намтай суг алба хэдэг нүхэрни хоёр шүлэгыем ород болгожо оршуулхадань, тэдэ шүлэгүүдни «Пограничник Забайкалья» гэжэ сониндо толилогдоһон юм. Тэрэ гэхээр би поэзидэ ондоогоор хандадаг болоо бэлэйб. Шэнэ шүлэгүүдээ Буриадтаа, Уран зохёолшодойнгоо холбоондо эльгээхэдэм, аха нүхэдни бэшэгээр харюусаха. Хоца Намсараевич Намсараев болон бусад аха нүхэдтөө дэмжэхэндэнь, дулаан үгэнүүдые хэлэхэндэнь тон ехэ баяртай байдагби. 1947 онһоо шүлэгүүдни толилогдодог боложо, «Үнэн тухай үгэ» гэжэ шүлэгүүдэймни түрүүшын ном гурбан жэл болоод, 1950 ондо, хэблэгдэн гараһан юм.

Дамба Зодбичын энэ ном соо ороһон шүлэгүүд 1959 ондо ород хэлэн дээрэ ном боложо хэблэгдэн гараһан юм. Ямар үнэн үгэ тухай автор хэлэхэеэ ханаһан байгааб? Импералис Японие хаха бута сохижо, арад түмэндэ зол жаргал асарһан сэрэгшэ тухай үнэн үгэ хэлэхэеэ ханаһан байгаа. Дэлхэйн арад зон эрхэ сүлөөгөө абхуулхагүйн түлөө шуһаа гоожуулан, ами наһаяа гамнаагүй. Гансашье дайн байлдаан тухай шүлэгүүд энэ ном соо ороогүй, ажал хэрэгүүд, сэдхэлэй бодолнууд тухай шүлэгүүд эндэ бии.

Эдэ шүлэгүүд мүнөөшье хүнэй сэдхэл хүдэлгэхэ хүсэ шадалаа буураагүй, түрэл нютагтаа зоной ямараар ажаһуужа байһые харуулна:

*Үглөөнэй дээжэ үүрээр
Үрхөөр утаан бурьялна,
Үүдээр сай хангалтана,
Үхибүүдэй шууяан дуулдана –
Энэ гэртэ һайханаар
Эхиеэ табибал Үдэрнай.*

Буриад дархашуул эртэ урданһаа хойшо модоор, түмэрөөр һиилэжэ дархалха дуратай хэн. Эдэ дархашуул тухай сюжетүүд соо бэлиг түгэлдэр дархаша зоной бэлиг талаан тухай, хүсэл зориг тухай түүрээгдэнэ. Арад зоной урлалһаа поэзи олон юумэ абаһан. Зохёол бэшэхэдэе, үгэнүүдые уран гоёор дархалхые оролдодог поэдүүдэй нэгэн Дамба Жалсараев шүлэгүүдээ үнгэтэ гоёор зураглан шэмэглэхэ, бэшэгээ аржыса баглаха дуратай хэн:

*Гайхамшагта ехэ наран
Газартамнай хэды хэрэгтэйб!..
Газараймнай теэд үгы бол,
Галта наран хэндэ гэжэ*

*Халуун элшээ элсүүлэн,
Хабатайгаар гэрэлтэхэ нэм?!*

Үгэнүүдээрээ иигэжэ ниилэн зураха бэлиг хүсэл магад үхибүүдтэ зорюулан шүлэгүүдые бэшэхые поэдтэ баадхаһан байжа болоо. Түрэл байгааалиингаа гоё найхан үнгэнүүдые гоё найхан үгөөр багашуулда зураглан харуулхаһаа үнэтэй хэрэг байха аал! Үхибүүдтэ шүлэг бэшэхэ эрмэлзэл Дамба Жалсараевай үшөө нэгэ бодото хэрэг болоо нэн. «Эдир нүхэдтэй хөөрэлдөөн», «Жэргэмэл», «Налхинтай урилдаан», «Баярмаагай одон» болон бусад номуудын хойно хойноһоо хэблэгдэн гараһан намтартай. Үхибүүдтэ зорюулан зохёолнуудайн эгээл аха захань «Баатар тухай домог» гэхэн поэмэ болоно. Энэ зохёолын Бурядай номой хэблэлдэ, мүн СССР-эй олон тоото арадуудай хэлэн дээрэ ном болон түбэй хэблэлнүүдтэ оло дахин гараһан юм.

Поэт өөрөө уран бэлигээ бүри хурсадхажа, мүлжэ ябаа. Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов мэтын үгын алдар солото уран дархашуултай хамта Москвагай Литературна институтэй дэргэдэхи Дээдэ курсануудта хуралсал гараһан байха. Буряад оронойнгоо ажабайдал тухай мэдээсэжэ байха ТАСС-ай корреспондентээр, партиин облкомитедэй таһагыг даагшын орлогшоор болон инструкторээр хүдэлхэн, Бурядай Уран зохёолшодой холбоо ударидаһан, республикын Соёлой министрын тушаалда ажаллаһан намтартай. Иигэжэ зохёохы болон хүтэлбэрилхы ажалай ехэ хуралсал гаража, партиин болон ниитын ажалда ябахадаа, тэрэнэй уран бэлиг бүри хурсадажа, граждн үзэл сурталын бүри һонор боложо ябаа гэе.

Дүй дүршэлтэй болоод, ажабайдалые нилээд үзэнхэй ябахадаа хэблүүлхэн «Стремя в стремя», «Буряад угалзанууд», «Прибайкалье моё», «Земные голоса», «Душа земли» (тус ном «Современник хэблэлэй «Библиотека поэзии России» гэхэн суута серидэ хэблэгдэн гараһан) гэхэн номууд соо ороһон шүлэгүүдын өөрын онсо шэнжэтэй, мүнөөдэрэй шухала асуудалнуудта харюусаһан. Гэхэтэй хамта, бодомжолжо байһан хүнэй, үльгэр домогуудай маягаар бэшэгдэхэн. Хажуудах нэгэ томоотой, ажабайдал тон найнаар мэдэхэ дүршэлтэй хүнэй хуугаад хөөрөжэ байһан шэнги:

*Зуруул носооходо
Зурагас гээд унтарна.
Зүгөөр тэрэ
Зурагас гэхэ зуураа
Гайхамшагта
Галаа үгэжэ үрдинэ –
Гэртэш, газааш
Гэрэлтүүлхэ дулаасуулхаар.
Наранай ороходо
Наһанай нэгэ үдэр
Баһал зурагас гээд
Бусалтагүйгөөр үнгэрнэ.
Зүгөөр тэрэмнай
Зурагас гэхэ зуураа
Юртэмсэдэ
Юу үгэжэ үрдинэб?*

Поэдэй шүлэгүүд темынгээ талаар үргэн байна гэжэ уншагшад харана ёһотой. «Комиссарай бэшэг» гэжэ поэмэ соо граждан дайнай үеын саг харуулагдахадаа, буриад ороноймнай шэн габьяата баатар хүбүүдэй сагаантантай, хари гүрэнэй дээрмэшэдтэй яажа даялалдажа байһые зураглана. Таряшанай бүлэдэ түрэнэн юрын ажалша ород хүбүүнэй, полкын комиссарай, хубисхалай вождь, арадай баатар, юрын ажалша малша зониие хамгаалагша Владимир Ильич Ленин тухай хөөрөөниинь поэдэй дэлхэйн пролетариадай агуухэ вождиде буриад зондо харуулхадаа, үльгэрэй домогто баатар мэтээр зураглан, түүрэхэдэнь, арад зондо ойлгосотой, түрэл боложо үгэнэ.

1917 оной Октябрыта болоһон хубисхалай урда, хойнонь Буриадаймнай газар дайда яажа хубилааб – энэ темэ буриад поэзидэ гол темэ болоно аабза. Энэ темэдэ зорюулагдаһан шүлэгүүд, балладанууд, поэмэнүүд, сонедүүдэй гүрлөөнүүд тэрээндэ олон. Энэ темэдэ зорюулагдаһан зохёолнуудайнь эгээл олон шүлэгүүдэй бүхэли цикл шүлэгүүд «Газарай дуунууд» гэнэн бүлэг соонь орожо, һүүлэй үедэ хэблэгдэһэн номууд соонь байдаг. Хэрбээ урдандаа үргэн тала газарта «Дүрөөнүүдэй дуун», «Аршаанай дуун», «Угалзын дуун» ханхинахадаа, малша зоной зүрхэ сэдхэлдэ дүтэ танил байһан һаа, мүнөө «Телефонной утаһануудай дуун», «Тракторай дуун» – зэдэлнэ. «Бороонной дуун», «Үүр сайхын дуун» гү, али «Мухарилдаһан шулуунуудай дуун» гэхэдээ, ямар хубилалтанууд тухай хэлээ юм, – гэжэ зариман гайхахадаа болохо. Иимэ нэгэ һонин арга хэрэглэжэ, Октябрийн хубисхалай асарһан шэнэ үе саг тухай поэт түүрэн бэшээ ха юм. «Хуушан һэеы гэрэй дуун» сооһоо хэдэн мүр жэшээ болгон дурдая:

– Тишиээ байһан газараа.
Тишиээ ишиээ яһалашье
Тэргын хахинаан доро
Тэрэ нүүһэн дайдаяа
Танихашигүй хаб мүнөөмнай –
Таламнайшые байдалдал
Тад ондоо болонхой.

Тэрээн шэнгээр, мүнөөнэй –
Нам соо түрэнэн бэшэ –
Наартай хүхюун залуушуул
Налгай хаанаһаа мэдэхэб даа.
Юун гээшэб гэжэ
Юрэдөө ухаандань орохогүйл.

Совет ороной хүүгэд
Согтой, золтой, үйлэтэй.
Атаархуу бэшэ бишые
Ажаһуудаг гэрнүүдтэнь –
Гэрэлтэй зохид дулаахан
Гэр байшангуудтань
Энэ мүнөө атаарханаб.

Уянгата шүлэгүүд соогоо поэдүүд өөрыень зобоожо байһан һанал бодолнуудаа шүлэглэн гаргадаг һаа, Дамба Жалсараевай уянгата шүлэгүүд соо арад зоной ажабайдалда боложо байгаа социальна болон духовно хубилалтанууд тухай

бэшэгдэһэн байдаг. Поэт эдэ хубилалтануудыг хии юумэнһээ абаад бэшэжэрхёогүй, өөрөө хараһан, мэдэрһэн хадаа үнэншэмэ зүбөөр зураглан харуулна. «Тэнгэрийн хиилүүр» гэжэ шүлэг соогоо совет засагай Буряад зондо асарһан шэнэ амисхал тухай иигэжэ бэшэнэ:

*Элинсэг үбгэ эсэгэмнай –
Элдин талын һэеы гэртэ
Гуламтынгаа хажууда
Гуниг дуугаа гүнгэнэн,
Эрын хүсэ дуудаха
Эбэр номон дээрэ гү,
Абхайн омогорхомо
Алтан зүүдхэл дээрэ гү,
Шэнхинэмэ агтабшада гү,
Шэжэр мүнгэн хутагада гү –
Угалза хээн сэсэниие
Урлан гоёор һилэжэ,
Тэсэмгэй удаан нуухадаа,
Тэрэ холын уран хүн
Байн, байн үрхөөрөө,
Баруун гараа һарабшалан,
Дэгдэһэн утаанай хойноһоо
Дээшээ харан бодолготожо,
Олон юумэ ухаандаа
Оруулдаг байһан ёһотой даа.*

*Харин тэрэ үбгэжөөл –
Халаг, амиды ябагша һай! –
Нилээд холо харабашье,
Нэгэл юумэ мэдээгүй:
Шэнэ сагта далижаһан
Шэдитэ аша гушанарынь
Зохёон байгуулха абьяасыень
Зоримгой дээшэнь үргэбэл.
Бурхан шүдхэр хоёрой
Буляалдан байһан тэнгэридэ
Хүн ерэжэ – ёһото эзэн! –
Хүдэлмэрилэн түбхинэнэл.*

Үшөө табяад онуудаар Дамба Жалсараев «Магистраль» гэжэ Буряад орониие совет газарай бүхы углуу булангуудтай холбоһон нүхэсэлэй харгы тухай шүлэг бэшэһэн юм. Тиигэжэ бүхы Совет республикануудһаа Байгал дээрэ түмэр харгы барилсахаа нүхэдүүд ерээ. Баярлаһан поэт «БАМ-ай түрүүшын харгышад», «Манай БАМ» гэхэн шүлэгүүдыг бэшээ һэн.

Совет арадуудай хани барисаан тухай темэ буряад поэдүүдэй онсо нэгэ темэ болоно. Хани арадуудай хани барисаан тухай темэдэ Дамба Жалсараевшые өөрынгөө хубита оруулаа. Чингиз Айтматовта, Юхан Смулда, Оросой, Украинын, Кавказай болон Дунда Азиин республикануудай уран зохёолшодто зориулжа бэшэһэн шүлэгүүдынь энээндэ гэршэ.

Поэдэй зохёохы намтар илалта, эб найрамдал, эрхэ сүлөө тухай шүлэгүүдээр эхилһэн юм. Поэдэй шүлэгүүдээ, зохёолоо бэшэдэг шэрээ дээрэ хари гүрэнүүдээр аяншалһан тухайгаа бэшэһэн статьянуудай номой гар бэшэг эдэ мүнүүдые бэшэжэ байха үедэм хэбтэнэ гэжэ хараа нэм. Республикын арадай поэт, олон тоото дайшалхы болон ажалай шангуудай кавалер Дамба Зодбич олон жэлэй туршада Ази болон Африкын гүрэнүүдэй Оросой Холбооной комитедэй түрүүлэгшэ, Совет комитедэй гэшүүн байһан юм. Энэ ажалаар ябахадаа, олон тоото зоноор уулзаһанаа бэшэһэн статьянуудын аминдаа тусгай ном боложо гараа нэн.

Дамба Жалсараевай таби гаран шүлэгүүдын дуунууд болонхой. Арад зон эдэ дуунууды дуратайгаар гүйсэдхэдэг. Уран үгын дархан, үльгэр домог түүрээгшэ иигэжэ зоной хүсэл зоригыг шүлэгүүд соогоо гаргажа шадаал даа. Тэрэнэй үгэдэ бэшэгдэһэн гимн соонь дэмыдэ иигэжэ хэлэгдээгүй:

*Үнгын дайдаар, хангай тайгаар нэмжыгшэ
Үлзы Буряад – манай нангин үлгы.
Сэлмэг сарюун, сэнхир номин шарайшни
Сэдьхэлдэмнай хэзээдэшые зулгы.*

*Эрхим хангал санзай шэнги агаарташ
Эршэ хүсөө элсүүлэнгүй яалайб!
Эмтэй домтой мүнхын уһан аршаандаш
Эльгэ зүрхөө хүртүүлэнгүй яалайб!*

*Холын замда эхын ёһоор юрөөжэ,
Хүмүүн зондоо хэтын жаргал хүсөөш.
Саяан уулын сэлгээн амяар арюудхан,
Байгал далайн гэгээн долгёор сүршөөш.*

*Шэрүүн сагнаа сусархагуйл хэзээшые
Шинии заяан, шинии үндэр харгы.
Эбтэй дорюун бүлын ёһоор жаргыш даа.
Энхэ Буряад – манай нангин үлгы,
Нангин үлгы!*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Үнэн тухай үгэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1950.

Үдын эрьедэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1951.

Эдир нүхэдтэй хөөрэлдөөн. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1954.

Замай дуунууд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1955.

Жэргэмэл. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1956.

Магистраль. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1957.

Баярмаагай одон. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1960.

Замай, сагай аянда. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1962.

Шэлэгдэмэл зохёолнууд. – Улаан-Үдэ, 1966.

Баатар тухай домог. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1969.

Амар сайн, нүхэд! Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1971.
Дуута мурнууд. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1975.
Гэрэлэй дүрбэн тала. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1982.
Сагай суураян. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Удэ, 1985.

На русском языке:

Полет. Стихи. – Улан-Удэ, 1959.
Даль степная. Стихи. – М.: Советский писатель, 1959.
Состязание с ветром. Стихи. – М.: Детгиз, 1959.
Степь родимая. Стихи. – М.: Библиотека «Огонек», 1963.
Звенья стремена. Стихи. – М.: Детгиз, 1964.
Под звездой Октября. Стихи. – Улан-Удэ, 1967.
Резьба по небу. Стихи. – М.: Советский писатель, 1970.
Сказ о баторе. Поэма. – М.: Детгиз, 1971.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Бурятские напевы. Стихи. – Улан-Удэ, 1974.
Стремя в стремя. Стихи. – М.: Советская Россия, 1974.
Песни земли. Стихи. – М.: Современник, 1975.
Земные голоса. Стихи. – М.: Библиотека «Огонек», 1977.
Приезжайте! Стихи. – Ленинград: Художник РСФСР, 1978.
Прибайкалье мое. Стихи, поэмы. – Улан-Удэ, 1979.
Бурятские напевы. Стихи. – М.: Советская Россия, 1980.
Душа земли. Стихи, поэма. – М.: Современник, 1982.
Благопожелания. Стихи. – М.: Детгиз, 1984.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Таёжная, озёрная... Стихи. Улан-Удэ, 2000; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Бадмаев Ц. Рецензия на книгу «Разговор с юными друзьями». – Буряад-Монголо Унэн, 1954, 2 октября.
Тармаханова О., Жарков Д. Жалсараев Дамба Зодбич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Штеренберг В. Стихи о новой степи. – Правда Бурятии, 1959, 24 декабря.
Кулиев К. Степная муза. – Литературная газета, 1963, 8 октября.
Дашабылов Г. Рецензия на поэму «Сказ о баторе». – Буряад Унэн, 1970, 6 марта.
Михайлов М. Рецензия на книгу стихов «Резьба по небу». – Правда Бурятии, 1971, 30 июня.
Секерина В. Сказ о баторе Ленине. – Молодежь Бурятии, 1972, 22 января.
Махатов В. Дамба Жалсараев. – В кн.: Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973.
Разумневич В. Дом и сердце бурята. – Литературная Россия, 1975, 21 февраля.
Архангельская Н. «Извечные вопросы бытия...» – Радуга, 1975, № 10.
Кугультинов Д., Кулиев К. Зрелость мастера. – Литературная Россия, 1975, 5 декабря.
Мартинович А. Мелодия земли родной. – Молодежь Бурятии, 1975, 5 декабря.
Найдаков В. Поэзия добрая и мудрая. – Правда Бурятии, 1975, 9 декабря.
Разумневич В. Сердце, открытое людям. – Москва, 1975, № 12.
Синицын В. Земля моя, Бурятия. – Огонек, 1976, №2.

- Дашибылов Г.* Рецензия на книгу «Поющие строки» – Буряад Унэн, 1976, 11 июня.
- Без указ. автора.* Жалсараев Дамба Зодбич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
- Соктоев А.* Песни земли. – Правда Бурятии, 1978, 9 февраля.
- Найдаков В.* Поэзия добрая и мудрая // Жалсараев Д. Прибайкалье мое. Стихи, поэмы. – Улан-Удэ, 1979.
- Ломунова М.* Душа народа не стареет. – Литературная Россия, 1982, 2 апреля.
- Хамаганов М.* Прибайкалье мое. – Байкал, 1982, № 2.
- Арутюнов Л.* Сопричастность. – Литературная Россия, 1983, 6 мая.
- Без указ. автора.* Жалсараев Дамба Зодбич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Доржиева Л.* Звезда поэта. – Буряад Унэн, 1995, 22 декабря.
- Хамгушкеева М.* Дамба Жалсараев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

**Чимит-Рэгзэн Намжилович
НАМЖИЛОВ
(1926-1990)**

ДОРОЖЕ ВСЕХ НАГРАД

Агинская степь – колыбель древних песен и сказаний, родина многих улигершинов. Почитайте книгу одного из сыновей этой земли, известного бурятского писателя Даширабдана Батожабая, – роман «Похищенное счастье». Там оживает воздух степей, будто наполненный протяжной мелодией, там во многих героях угадываются хранители мудрых и острых народных изречений. Перелистаем несколько страниц романа.

...Утомила степняка дальняя конная дорога. А у него уж наготове верное средство от усталости – песня. Она слагается сама собой, под цокот копыт:

*В табуне, что гуляет по воле,
Пусть родятся только хулэги...*

...Людно в юрте старого улигершина. Окружили его мальчишки и ждут ответа на вопрос: что такое счастье и к кому оно приходит? А мудрость сказителя – в мудрости народа. И рассказывает старец то, что в народе слышал, – истории сказочные и житейские, печальные и смешные. Пусть слушают ребята да смекают, почему смелость и щедрость приносят счастье, а жадность и лень отнимают его.

Не раз слышал Чимит-Рэгзэн Намжилов, уроженец Агинской степи, будущий поэт, вечернюю песню всадника. Это можно смело утверждать, потому что есть у него в стихах душевное признание: «Больно уж песня в степи хороша!»

И не раз сидел он в кругу мальчишек-сверстников перед улигершином. Это тоже можно смело утверждать, потому что он признавался: к творчеству, к поэзии его подтолкнули ранние встречи с красотой, творимой словом.

Согласитесь, дар, как зеленый росток, расцветает лишь на питательной почве.

Перед нами книги Чимит-Рэгзэна Намжилова. Знакомая с детства природа, привычный быт подсказывают ему поэтические образы, а мягкий тон улигера, задумчивой песни – доверительную манеру лирического рассказа:

*Та гора мне казалась живою –
Несравненное чудо мое.
Та гора... Лишь глаза я прикрою,
Вновь хулэгом представлю ее.
Вот стоит он, застыв горделиво,
Ввек не знавший подпруг и седла,
Ветром спутана жесткая грива
Цвета воронова крыла.
Шея выгнута, уши прижаты,
Глаз горит сизоватым огнем.
Так и хочется в полдень крылатый,
Яро гикнув, промчаться на нем!*

Еще одно четверостишие, в котором поэтический образ прост и неожидан, привычен и нов:

*Одинокая юрта на дальнем холме
Черной родинкой издали кажется мне,
А тропинка, как брошенный вдаль поводок...
Что такое на ней? Неужели ездок?*

Путь Чимит-Рэгзэна Намжиловича к своим книгам не был коротким и легким. В годы войны он закончил школу-семилетку и пошел работать в колхоз. В полной мере испытал подросток тяготы, которые легли тогда на плечи его ровесников. Был грузчиком, сеяльщиком, помощником комбайнера. С 1944 года Чимит-Рэгзэн Намжилов – в армии, на востоке страны. Потом – демобилизация, возвращение в родные места, работа заведующим районным отделом культуры, секретарем райкома комсомола. Заочно окончил педагогическое училище.

В эти годы в газете публикуются первые стихи Чимит-Рэгзэна Намжилова. Творчеством он увлекался давно, еще на школьной скамье, но теперь настала пора сделать выбор: чтобы заниматься поэзией всерьез, надо учиться. А помочь ему материально семья не может. Что ж, самостоятельности и упорства у парня хватает.

Он едет в Улан-Удэ, начинает осваивать новую специальность – журналистскую и поступает на заочное отделение педагогического института. Времени для стихов остается немного. Но известно, что поэзией занимаются не по регламенту, она, как правило, сама выбирает для себя час. Как бы там ни было, а первая книга Чимит-Рэгзэна Намжилова вышла раньше, чем он получил институтский диплом.

В стихах Чимит-Рэгзэна Намжилова прежде всего запоминаешь мягкий, даже застенчивый взгляд автора. Будто ему дана особая способность – говорить об увиденном, пережитом и пережитом только с добрым и благодарным чувством:

*Если ночью на звезды
Смотрю в небеса,
Я твои, материнские,
Вижу глаза.*

*На заре, когда тянутся
К солнцу цветы,
Вспоминается мне,
Как приветлива ты.
Знойным летом
В напевах касаток над домом
Все мне чудится,
Мама,
Твой голос знакомый...*

Может быть, о матери иначе нельзя. А о речке:

*Пенься же, милая,
Пенься, звени,
Буйствуй и сглаживай камни!
Голос журчащий твой
Песне сродни,
Ты навсегда дорога мне.*

Эта способность относиться к окружающему бережно и благодарно чутко воспринимается детьми. Чимит-Рэгзэн Намжилов писал для них постоянно и охотно. Темы для разговора с юными читателями он выбирал самые обыденные, близкие им. Мальчишка от избытка сил сшиб бабочку, вырезал на коре березы свое имя. Прочитать ему нотацию? Нет, у поэта найдутся другие слова:

*Из каждой буквы сок в траву
Закапал, будто слезы,
И дрожью тронуло листву
Израненной березы...
Добро, коль ты и смел, и лих,
Но будь таким, однако,
Чтоб после подвигов твоих
Не приходилось плакать.*

Чаще всего Чимит-Рэгзэн Намжилов стремился увидеть природу, добрые дела ребят или изъяны в детском характере глазами самого маленького читателя. Тогда красота, неожиданно открывшаяся перед глазами ребенка, лучше запоминалась, хороший поступок вызывал желание подражать, а жестокость, лень, эгоизм рождали в юной душе осуждение. Я много раз видел, как ребята воспринимали чтение поэтом его стихотворения «Зазнайка-подсолнух». Этот «зазнайка» решил заменить само солнце. Возвышаясь над зеленым огородом, он оскорблял всех его обитателей:

*Огуречик толстопузый,
Бородавчатый, кургузый!
Ты у ног моих всегда
И в тебе одна вода!*

Но прошел ливень, все овощи умылись, посвежели. А подсолнух?

*Он, не в меру расхвываясь,
Головой уткнулся в грязь.*

Ребята всегда сопровождали эти строки одобрительным смехом. И стихи о не-ряхе, о трусишке, о злом проказнике (а написаны они с веселой насмешкой) вызывали у детей ту же реакцию. Малыши видели в поэте-собеседнике своего друга, свидетеля (а может быть, и участника?) своих игр, шалостей, споров. Стать таким другом – в этом, наверно, и состоит талант детского писателя.

О своем детстве в трудовой семье, о приходе в бурятское село первого трактора увлекательно рассказал Чимит-Рэгзэн Намжилов в поэме «Цена хлеба». Фрагменты этой поэмы переведены на русский язык Николаем Симаковым. Полный же перевод ее получил новое название – «Счастливое путешествие». Выполнен он Александром Николаевым и, на наш взгляд, менее удачно.

Мягкость, улыбчивость, которые полюбились читателям в стихах Чимит-Рэгзэна Намжилова, привлекли композиторов республики. На слова поэта написано множество песен. Конечно, популярность их зависит не только от стихов. Но думается, что особенности лирики Намжилова, о которых мы говорили, играют в этом немалую роль. Лукаво и озорно звучит, к примеру, одна из лучших его песен «Откуда родом твоя возлюбленная»¹ (музыка Даши-Дондока Жалсараева). Шутливый диалог этой песни звучит примерно так: «Откуда твоя невеста? Не из Селенги ли – такая скрытная?» – «Зачем тебе знать это? Ты оцени ее щедрую душу!» – «А твоя невеста откуда? Не из Баргузина ли – такая неприступная?» – «Зачем тебе знать это? Ты оцени ее веселый нрав».

Сочный юмор, аромат которого сохраняется лишь на родном языке, запоминающаяся лирическая мелодия в духе бурятского музыкального фольклора сделали песню популярной. Пожалуй, без нее не обходится ни одно семейное торжество, особенно свадьба.

Такими же любимыми в народе стали некоторые другие песни поэта.

В шестидесятых годах Чимит-Рэгзэн Намжилов написал поэму о матери Владимира Ильича Ленина Марии Александровне.

Бурятские писатели обращались к ленинской теме всегда с особой ответственностью и душевным волнением, и лишь тогда, когда чувствовали свою зрелость, свое мастерство. К такому порогу зрелости, профессионального мастерства приблизился автор поэмы «Сердце матери».

Ч.-Р. Намжилов рисует замечательную женщину в самый трагический период ее жизни – во время суда над сыном Сашей и в первое время после его казни. Показать психологически точно и убедительно чувства, мысли и поступки Марии Александровны, ее нравственную стойкость и неподкупность, в которых черпали силу все младшие Ульяновы, – эту трудную задачу Ч.-Р. Намжилов решил в поэме успешно.

Разнообразие поэтических приемов, точность метафор, напряженность фразы – все, что мы называем мастерством, особенно проявляются в сценах главных, узловых для поэмы.

...Мария Александровна выходит из мрачного каземата Петропавловской крепости, где состоялось ее свидание с сыном. Скоро суд. На душе матери – тяжкая мгла...

*От темных туч,
Что над Невой нависли,*

¹ Перевод текста на русский язык пока не сделан.

*Свинцово отражение воды,
И тяжелы, как эти тучи, мысли,
И ноги, как свинцовые пуды.
Она идет,
И сыростью промозглой
В лицо ей дышит стылая река.
Но мать на людях не покажет слезы,
Хоть боль ее горька
И велика.*

Автор показывает свою героиню в ситуациях самых разных, запоминающихся. В дороге из Симбирска в Петербург, по нищим селеньям, когда мучительное раздумье о судьбе сына сливается с мыслями о встречах забитых и убогих людях, о народе, на судьбу которого спокойно «глядят кабаки и церковь, церковь и кабаки». В зале суда, где сошлись в поединке благородные порывы юного Александра Ульянова и тупая, подлая сила душителей свободы. В раззолоченном кабинете обер-прокурора под холодным взглядом хозяина, под звуки его глумливых речей. На последнем свидании с Сашей, который услышал перед казнью не стон и не мольбу матери, а ее одобряющие и мужественные слова: «С достоинством себя, сынок, держи!».

И во всех сценах поэт находит особые приметы времени, те детали, которые придают каждой картине историческую достоверность. И в этом тоже поэтическое мастерство автора. Некоторые критики упрекали Чимит-Рэгзэна Намжилова в том, что в поэме слабо изображена политическая атмосфера эпохи. Отчасти это справедливо. Но не стоит упускать из виду, что автор стремился, прежде всего, раскрыть внутренний мир героини, ее духовное воздействие на читателя. И показано это в ситуациях жизненно полнокровных, исторически правдивых. Поэма «Сердце матери» стала заметным произведением в бурятской литературной Лениниане.

В жизни Чимит-Рэгзэна Намжилова поэтическая работа всегда шла рядом с журналистской деятельностью. Он трудился в редакциях газеты «Буряад Унэн» и журнала «Байкал», руководил коллективом республиканского радио, несколько лет был корреспондентом ТАСС в Монгольской Народной Республике. Последняя его журналистская должность позволила поэту открыть древнюю страну друзей и рассказать о ней в стихах. Так родилась книга «В стране Сухэ-Батора». Она издана на бурятском и монгольском языках, большая часть ее стихов переведена на русский язык. Трудолюбивой и жизнерадостной, верной дружбе с советским народом и устремленной в будущее – такой предстает Монголия в стихах Ч.Р. Намжилова.

И написаны эти стихи с братским чувством, с глубоким уважением к древним традициям, к мягкому и открытому характеру народа.

*Земля друзей!
Ни края, ни границ!
Больших дорог и троп переплетенье.
Земля аришанов и высоких птиц,
Безмолвия седого и движенья.
Пусть здравствуют, земля, твои сыны
В домах из камня,*

*В войлочных селеньях,
Пусть обручают тишину страны
С неукротимым гулом обновленья!
Земля друзей!
Я вновь увидать рад
Бескрайних трав зеленое течение,
Назвать арата кровным словом «брат»,
Принять его простое угощенье.
И вновь,
Любуясь вольною травой,
Едва расставшись с горной высотой,
Сказать ему:
«Пусть вечно над тобой
Кружится солнце птицей золотою!»*

В годы работы в МНР Ч.-Р. Намжилов переводит на родной язык произведения монгольских авторов, редактирует для Бурятского книжного издательства их книги. Все это, как и сборник «В стране Сухэ-Батора», – вклад поэта в развитие культурных связей двух народов, страничка в летописи их дружбы.

«Дороже всех наград» – такую строку Ч.-Р. Намжилова вынесли мы в заголовок очерка. Для поэта дороже всего, наверное, право сказать свое слово о жизни, о человеке, о родной земле. И не менее дорого ответное чувство читателя. О друзьях-читателях думал Чимит-Рэгзэн Намжилов, когда искал правдивое, точное слово, когда напутствовал свою песню:

*Не эхом пройдишь по оврагам и скатам –
В сердца западай,
Помогая в пути!*

ЯМАРШЬЕ ШАГНАЛЪАА ҮНЭТЭЙ

Эртэ урдын дуунууд, домогууд, үльгэрнүүд ехэнхидээ Агын талада мүндэлһэн. Агада түрэхэн Дашарабдан Батожабайн «Төөригдэхэн хуби заяан» гэхэн роман уншабал, тала газарай хангал, урдын дуунууд ханагдаха. Романай хэдэн хуудана хэхээд үзэе:

...Морёор ябаһан хүн харгыда эсэжэ унташахагүйн тула дуу зохёон дуулана:

*Хүдөө талаар табардаг адуун хүрэг соо
Хүлэг морид лэ олошоржо байһай...*

...Үльгэршэнэй гэр соо хүн зон олон. Эндэ ерэхэн хүбүүд «Жаргал гээшэ хаана байдаг, хэндэ ерэдэг юм?» – гэхэн асуудалда харюу хүлээнхэйнүүд. Үльгэршэн хараһан, дуулаһанаа, гунигтайшые, энеэдэтэйшые юумэнүүд тухай түүрэн дуулана. Эрэлхэг зоримгой зоноор баялигаараа хубаалдажа шададаг зон жаргалаа олохо, харин хомхой хобдог, залхуу хүн жаргалаа алдаха гэжэ үхибүүд эдэ дуунуудһаа ойлгожо абаг лэ. Агын талада түрэжэ үндыһэн Чимит-Рэгзэн Намжилов моришоной үдэшын дууе оло дахин шагнаһан байжа, шүлэгтөө иигэжэ хэлэхэ эрхэтэй байгаа:

*Дуумни, ши дуум, энээн шэнги эришэтэйгээр
Дуулим талынгаа сээжсэн дээгүүр зэдэлхэйш.*

Нэгэтэ бэшэ Чимит-Рэгзэн үхибүүдтэй хамта үльгэр шагнажа дүхэригтэ хуулсаһан байха. Зааханһаа үльгэр шагнажа үдэһэн хүбүүн үгын хайханиие сэгнэжэ, уран зохёол бэшэхээ, поэзи тээшэ эрмэлзээ.

Бэлиг талаан гээшэ ургамал мэтэ, шүүһэ шэмэтэй газар дээрэл халбардаг хаям даа.

Урдамни Чимит-Рэгзэн Намжиловой номууд хэбтэнэ. Багаһаа үльгэр домогуудые шагнажа ябаһан шүлэгшын уянгата шүлэгүүд дуун мэтээр зэдэлнэ:

*Энээхэн хадаяа
эндүүрһэн нюдөөр хараа гүб,
Эльбээд абамаар
яаһан жэсгдэ монсогор бэ?
Эмээл, тохон
нюрбан дээрээ гаргаагүй
Эмниг болоод
гэнтэ урдам инсагаалба...
Шэхээ хумин,
хамараа хүсэд татасагаажа,
Шэлэ хүзүүгээ
сортоотой дорюунаар үргэнхэй,
Шэрүүн дэлһэнһэнь
гараараа халта шангаажа,
«Шурд» байса
мордоод урагшаа гүйлгэнхэйб...*

Үшөө нэгэ дүрбэн мүнүүд соохи образынь жэгтэй нонин:

*Һэеы гэрнүүдэй дээбэрише
Һэхээд хаядаг саг бэшэл.
Һүлэмхи шубуун дэнгүүдые
Һэбээд гарадаг үе бэшэл.*

Чимит-Рэгзэн Намжиловой түрүүшынгөө ном хэблэжэ гаргатар зурыһан харгы замынь ехэшые хүнгэн байгаагүйл даа. Дайнай үедэ долоон класс дүүргээд, колхоздо хүдэлөө. Тэрэ үеын үхибүүдэй үзэһэн хараһан бүхы юумые дабажа гараа. Ашаа шэрэхэ, таряа хадаха ажал хээ, комбайнерай туһамаршан ябаа. 1944 ондо сэрэгэй албанда татагдажа, гүрэнэй зүүн зүгэй хилэ дээрэ алба хээ. Һүүлдэнь сэрэгэй албанһаа табигдаад, түрэл нютагаа бусажа, аймагай соёлой таһагые даагшаар, райкомой комсомолой секретаряар хүдэлөө. Багшанарай училища заочноор дүүргээ.

Эдэ жэлнүүдтэ Чимит-Рэгзэн Намжиловой түрүүшын шүлэгүүд сонинуудта толилогдожо эхилээ. Үшөө хургуулида нуража байхадаа бэшэжэ туршадаг байгаа, харин мүнөө саашадаа юу хэхээ, шүлэгөө бэшэхэ юм гү, нураха юм гү – шэлэхэ хэрэгтэй болобо. Бүлэнь мүнгэ алтаар туһалха шадалгүй. Зүгөөр хүбүүн үсэд зантай, арга хургын олохол байха.

Тиигэжэ тэрэ Улаан-Үдэ ошожо, багшанарай дээдэ хургуулиин заочно отделенидэ нурахаа ороно. Шүлэг бэшэхэ сагшые хомор хэбэртэй, тээд шүлэг бэшэхэ-

дэ онсо саг хэрэггүй. Чимит-Рэгзэн Намжилов дээдэ нургуули дүүргэһэнэй диплом абахааа урид түрүүшынгөө ном хэблүүлжэ үрдинэн бшуу даа.

Чимит-Рэгзэн Намжиловай шүлэгүүд уянгатай, хирүү номгон хүнэй хөөрөжэ байһандал, хараһан үзэһэнөө шүлэгшэнэй хэн нэгэндэ зугаалжа, зүрхэнэйнгөө баяр баясхалантай хубаалсажа байһандал хангюурдана:

*Олзын багань лэ
Амтатай юм даа,
Хүбүүхэйм, – гэжэ
Оло дахин
Эжымни намдаа
Юундэшьеб захигша һэн.
Он жэлнүүдэй
Ошоһон сараагаар
Ухаагаа гүйлгэжэ,
Онсо мэргэн
Удхыень һаял
Ойлгожо абаа хүм.*

Эхэ тухай, магад иигэжэ хэлэжэ болохо, харин шолшогонон урдажа байһан горхон тухай иигэжэ түүрэнэ:

*Эртын наранай гэрэлдэ –
Эдир наһанайнгаа эхиндэ
Энээгүүрни һайсал харайгаааб,
Элбэгхэн уһанһааһни балгаааб.
Эжынгээ хүхэнэй дээжэһээ
Иигэжэ тиихэдэ хубаалдаад,
Эрхэлэн, тулгардан дэгжэһээр,
Эрьһээһни зорёо һэм замдаа.*

Чимит-Рэгзэн Намжилов хүүгэдтэ бэшэхэ дуратай һэн. Үхибүүдтэ бэшэхэ темэ олоходоо бэрхэ, хүүгэдые зэмэлжэ, энэ тэрэ нургаал дабтахые оролдодоггүй, ондоо үгэнүүдээр тэдэнэй зүрхэ сэдхэхые дайража шададаг бэлэй:

*Эхир хурьгад
Эжыгээ тойрон,
Ээрэмшээн дэбхэрнэд.
Эбээ таһархадаа,
Эндэ тэндэ
Эжэлүүдгүй мүргэлдэнэд.
Эсэн гэхэлээрээ
Эрхэ зоргондоо
Эжыгээ хүхэжэ жарганад.
Эбилһэн хүмбэйень
Эдижэ садахалаараа
Эбдүүсэн, һүүлээ шарбанад.*

Байгаалие, һайн һайхан хэрэгүүдые, хүнэй зан абариин дутуу дундые хүүгэдэй нюдөөр харахые оролдодог һэн. Юумые үхибүүнэй нюдөөр хаража, һайн

хайхан хэрэг нажааха зориг түрүүлжэ, хэрзэгы муу ябадал шүүмжэлхые баадхадаг бэлэй. «Найрхуу наран сэсэг» гэжэ шүлэгөө уншахадань, хүүгэд ехэтэ хүхилдэн шагнадаг байгаа. Найрхуу наран сэсэг Наран болохом гэжэ шиидээд, огород соохи бүхы хүршэнэрөө гомдохообо:

– Уһатаһан нюдэтэй үгэрсэ
Урдаһаам үһэрөөд үзэлиш.
Нэбтэ шобто харахаб,
Нимгэн хушалтыеш һалгахаб.

Харин хурын ороһоной һүүлдэ, ургамалнууд угаагдажа, сэлмэхэдэнь, наран сэсэгнай:

Дээшэ, доошоо гунхалзааша,
Дэмы ехээр аашалааша
Гаараһан сэсэгнай алин бэ?
Ганхашоо гээшэ гү? Ёонин лэ!

Хүүгэд энээниие шагнаад энээлдэдэг һэн. Һалан, аймхай, муу зантай хүнүүдтэ хүүгэдэй дурагүй байһаниинь мэдээжэ. Шүлэгүүд соогоо поэт хүүгэдтэй адли хүхюун, арсалдаха тоосохо дуратай, шогтой залитай – иимэл хүн хүүгэдтэ зохёол бэшэхэ байна ха юм.

Ажалша малша бүлэдэ түрэжэ томо болоһоноо, буряад нютагта трактор анхандаа асарһыень Чимит-Рэгзэн Намжилов «Хилээмэнэй сэн» гэжэ поэмэ соогоо тон һонирхолтойгоор бэшэһэн байдаг. Энэ поэмын нэгэ хэһэгы Николай Симаков ородшолһон юм. Харин Александр Николаев бүхы поэмэ ородшолходоо, «Жаргалтай аяншалга» гэжэ нэрлэһэн байгаа, теэд энэ оршуулгань амжалтатай һайн бүтээл болоо гэхын аргагүй бэлэй.

Чимит-Рэгзэн Намжиловай уянгата шүлэгүүд композиторнуудай анхарал ходо татадаг бэлэй. Тэрэнэй үгэнүүд дээрэ олон дуунууд бэшэгдэһэн. Арад зонй дунда тараһан дуунуудыё гансал үгэнүүдһэнь болоо гэхын аргагүй. Гэбэшье, һайн шүлэг дээрэ бэшэгдэһэн зохёол һайн дуун болодог бшуу. Даша-Дондог Жалсараевай хүгжэмынь зохёоһон «Айдархан гансаһни хаанахинайл ааб?» гэхэн дуу абажа харая:

Айдархан гансаһни хаанахинайл ааб?
Алайрай, Боохоной гэжэл дуулааб.
Анханайнь нютагаар яахал гээбиш
Аягтай шогтойень сэгнышэ.

Арадай аман зохёолой маягаар бэшэгдэһэн согтой хүхюун, шог зугаа мэтэ уянгата энэ шүлэгын дуун болоходоо, найр наадан дээрэ, түрэ хурим дээрэ заабол зэдэлдэг байһан. Бэшэшье дуунуудынь арад зон соо дэлгэрэнги байгаал даа.

Жараад онуудаар Чимит-Рэгзэн Намжилов Владимир Ильич Ленинэй эхэ Мария Александровна тухай поэмэ бэшэһэн юм.

Буряад поэдүүд ленинскэ темэдэ тон харюусалгатайгаар хандадаг, дүршэл ехэтэй болоходоо, энэ темэдэ зохёол бэшэдэг һэн. Иимэл дүршэлтэй болоходоо, поэт «Эхын зүрхэн» гэжэ поэмэ бэшэе.

Саша хүбүүнэйн сүүдлүүлээд, һүүлдэнь саазалуулаад байһанай һүүлээрхи үе сагта энэ гайхамшагта эхэнэрыё поэт зураглан харуулна. Энэ хүндэ хүшэр үедэ

Мария Александровнагай юун тухай бодожо, ямар сэдхэлтэй байһые, тэрэнэй жэшээгээр Ульяновтанай бага хүүгэдэй ажабайдалһаа ямар хэшээл абаһые, ямар ехэ эрэлхэг зоригтой байһыень поэт энэ поэмэ соогоо харуулжа шадаа.

Элдэб поэтическэ арга оложо, метафорануудые хэрэглэжэ, тон зүбөөр зураглажа шадаа.

...Петропавловска хэрэмэй харанхы каземат соо хүбүүнтээ уулзанаа Мария Александровна гарана. Наяар сүүд болохо, эхын досоонь бүтлэгэр харанхы...

*Хүндэ бодолдо
дарагдаһан эхэ гаража,
Хүлөө арай
арайхан татаһаар галгина.
Хүнүүд зогсоно...
гэдэргээ харана гайхажэ,
Хүйтөөр амисхаалан
Нева тээһээ халхилна.
Хайшаашьеб нүүһэн
үүлэдтэй энэ огторгой
Хараа байса
сэлмэдэг бол ямар хааб?
Харайн хулжаһан
мүрэнэй үер долгиодой
Хара бараан шарайгаа
хубилгадаг бол ямар хааб?
Хурдан түргэнөөр
холодон гүйһэн харгыгаар
Хурса тахын
табараан дуулдаад элихэн лэ.
Хаража һайса
үрдээгүй эхын хажуугаар
Хара шорой,
шабар сэсэргээд үнгэрнэ.*

Поэмын гол герой болохо эхые элдэб ушарта автор харуулаа – Симбирскһээ Петербург ошохо харгыдаа ядуу тулюур байдалтай нууринуудаар гарахадаа, хүбүүн тухайгаа бодолнуудын арад зоной байдал тухай зүрхөө үбдэһэн хүндүүлхэй бодолнуудтай худхаршана. Сүүдэй үедэ нэгэ талаһаа залуу Александр Ульяновой хайн хайхан эрмэлзэлнүүд, нүгөө талаһаа – эрхэ сүлөө дараһан хомхой хобдог хара хүсэнүүд. Алта мүнгөөр шэмэглэгдэһэн кабинет соогоо хүйтэн харасатай обер-прокуророй хэлэһэн яндан үгэнүүд. Саша хүбүүнтэйгээ саазалуулхын урда һүүлшынхээ уулзахадаа, эхэнь ёоложо, дуулажа байгаагүй, «Тэсэжэ үзөөрэй, хүбүүмни!» гэжэ хэлээ...

Эдэ бүгэдые түүхын хуудаһа хазагайруулангүй, хэм соонь харуулха гээшэ ехэ бэлиг талаанай гэршэ. Тэрэ үе сагай политическэ амисхал дутуугаар харуулаатай гэжэ зариман шүүмжэлһэн байха. Тиимэһье байжа болоо, зүгөөр автор герой эхэнэрэй сэдхэл доторой байдалые харуулха зорилго урдаа табиһан ха юм. Тиигэжэ энэ зорилгоо гүйсэд дүүргэхын хажуугаар, буряад ленинианада онсо хубитаяа оруулжа шадаа. «Эхын зүрхэн» гэжэ поэмэ буряад ленинианын нэгэ гол зохёол болоо гээшэ.

Чимит-Рэгзэн Намжилов уран зохёол, шүлэгүүдые бэшэхэһээ гадна сурбал-жалагшын ажал бүтээжэ, «Буряад Унэн» сониной, «Байгал» сэтгүүлэй редакци-нуудта ажаллаа, республикын радиогой коллективые хэдэн жэлдэ ударидаа, хэ-дэн жэлэй туршада Монголой Арадай Республикада ТАСС-ай корреспондентээр хүдэлөө. Монголдо хүдэлхэдөө олон шүлэгүүдые бэшэһэн, эдэнь «Сүхэ-Баатарай орондо» гэхэн ном боложо мүндэлһэн түүхэтэй. Тус ном монгол болон буряад хэ-лэн дээрэ хэблэгдэжэ, зариманиинь ород хэлэндэ оршуулагдаһан. Ажалша солбон монголшууд Чимит-Рэгзэн Намжиловай шүлэгүүд соо совет арадтай эб нэгэн зон гэжэ харуулагдана:

*Монсогор хуаа тоохон
гээгээ татан мушхарһаар,
Моритой хүн болошобо,
гэнтэ аалидан наашалһаар...
Монгол зоной намтар
юугээршьеб энээнтэй адлирхуу:
Молор холын түүхэхээ
нюдэндэ тобойнол баран хуу.*

*Ашин сээжые дэрлэһэн
талаар, хадаар, тайгаар
Аажам хабар ерээ
сэсэг хайхан хангалтайгаар...
Аха дүүнэрэй хүртэ жагсаалда
монголиууд дабхилсана,
Ардаг түргэн моридойнь
туруудһаа
гал сахилна.*

МНР-тэ хүдэлжэ байхадаа, Чимит-Рэгзэн Намжилов монгол зохёолшодой бүтээлнүүдые буряадшалдаг байһанаа, заримыень Буряад номой хэблэлээр ном болгожо гаргаһан юм. Эдэ «Сүхэ-Баатарай орондо» гэхэн ном соо ороһон зохёол-нууд – пөздэй монгол болон совет арадай хоорондохы эб найрамдалда ехэхэн ху-битаяа оруулһаниие гэршэлнэ.

Арад зонойнгоо ажабайдал, хүн зоной абари зан, түрэл дайдаяа зураглан ха-руулха гээшэ ямаршье шагналһаа үлүү үнэтэй хэрэг гэжэ Чимит-Рэгзэн Намжи-лов тоолодог, тэрэнэй уянгата шог үгэнүүд энэ мэдэрэлыень тон зүбөөр харуулдаг байгаа гэжэ эдэ мүннүүд гэршэлнэ:

*Зон голойнгоо
буян ехэтэ үргэмжөөр
Зорижо гараһан
зам харгымни хайхан даа.*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

- Сэлмэг үдэр.* Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1952.
Талын булаг. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1956.
Алтан улгы. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1958.
Ташкентын дэвтэр. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1960.
Сэсэгтэ хамбы. Хүүгэдтэ зорюулагдаһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.
Энээдэтэй эрээхэн дэвтэр. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1963.
Хилээмэнэй сэн. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1965.
Эхын зүрхэн. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1966.
Түүбэри шүлэгүүд. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1972.
Сүхэ-Баатарай орондо. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1975.
Арбан табанай һара. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1980.
Шүлэгүүд ба поэмэнүүд. Улаан-Үдэ, 1986; Агын фронтовигууд-уран зохёолшодой зохёолнууд (1945-2010). 3 боти ном. 3-дахи боти. – Улаан-Үдэ, 2009.
Алтан улгы. Шүлэгүүд, дуунууд. – Улаан-Үдэ, 2000.

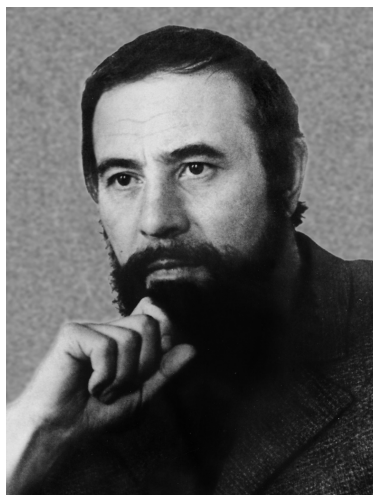
На русском языке:

- Удивительный наездник.* Стихи. – М.: Детская литература, 1967.
Сердце матери. Поэма. – Улан-Удэ, 1968.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Родник в степи. Стихи и поэмы. – Улан-Удэ, 1978.
Счастливое путешествие. Стихи и поэма. – М: Советский писатель, 1980.
Речка моя Жэбхэсэн. Стихотворения. – Улан-Удэ, 1989.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Счастливое путешествие. Стихотворения и поэма. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Тармаханова О., Жарков Д.* Намжилов Чимит-Рэгзен Намжилович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Петонов В. Ташкентская тетрадь. – Правда Бурятии, 1960, 27 сентября.
Бадмаев Ц.-Б. Удивительный наездник. – Правда Бурятии, 1967, 24 ноября.
Секерина В. Поэма о матери вождя. – Молодежь Бурятии, 1969, 20 февраля.
Дондогой Ц.-Д. Страна Сухэ-Батора. – Буряад Унэн, 1970, 2 октября.
Чимитов Г. За перевалом перевал. – Правда Бурятии, 1976, 11 мая.
Без указ. автора. Намжилов Чимит-Рэгзен Намжилович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Аюрзанайн А. Чимит-Рэгзен Намжилов // Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1981.
Чимитов Г. За перевалом перевал. – Байгал, 1986, № 3.
Дашабылов Г. У истока родникового ключа. – Буряад Унэн, 1986, 25 июля.
Дугар-Нимаев Ц.-А. Ясный путь поэта. – Правда Бурятии, 1986, 25 июля.
Намжилова Х.-Ц. Сердцем воспетый край. – Буряад Унэн, 1992, 2 июня.
Гомбоин Ч. Труд жизни поэта. – Правда Бурятии, 1992, 6 ноября.
Без указ. автора. Намжилов Чимит-Рэгзен Намжилович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Дондогой Ц.-Д. Немеркнувшее сияние таланта. – Буряад Унэн, 1995, 23 мая.

- Хамгушкеева М.* Лунное сияние его таланта. – Байгал, 1996, № 2.
- Будаев Ю.* Слово о поэте, о его делах. – Правда Бурятии, 1996, 19 июня.
- Гончикова Н.* Комната с видом на Селенгу. – Бурятия, 1996, 19 июня.
- Цыренжапов Д.-Р.* Белокрылый голубь его таланта. – Буряад Унэн, 1996, 7 сентября.
- Жамбалон А.* Долгий путь поэта. – Буряад Унэн, 2000, 8 июня.
- Жамбалон А.* Яркая звезда бурятской поэзии. – Буряад Унэн. 2001, 8 февраля.
- Доржиева Д.* Талант с берегов Онона. – Буряад Унэн, 2006, 22 июня.
- Базаров А.* Незабываемые осенние дни. – Буряад Унэн, 2006, 22 июня.
- Кто автор – уточнить!* Намжилов Чимит-Рыгзен Намжилович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Румянцев А.* Чимит-Рыгзен Намжилов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Константин Григорьевич
КАРНЫШЕВ
(1927-2004)**

РАССКАЗАТЬ О СОКРОВЕННОМ...

Не каждый писатель начинает говорить с читателем собственным голосом. Бывает, иной долго ищет этот голос, освобождаясь от привнесённых в его речь чуждых слов, от неестественной интонации.

Прозаик Константин Карнышев сразу нашёл свой голос – в первой же книге, повести в рассказах «Сугробы».

Для меня, например, этот голос был близким, родственным. Отчее село Константина Григорьевича Оймур лежит всего в двенадцати километрах от моего. И все рассказы его первого сборника – о том, как он, дошкольник, впервые отправился с отцом и бабушкой на телеге в самое большое поселение нашей округи, и как под Рождество с друзьями-мальчишками калядовал («машкарадил», как у нас говорили), и как ждал первого, красиво сшитого матерью костюма, – все эти нехитрые рассказы о простых радостях и огорчениях деревенского мальчика были поведаны так живописно, я бы сказал, так «вкусно», что стало ясно: родился новый талантливый писатель!

И это подтвердили следующие произведения К. Карнышева – повести «Странствия Горбоносого», «Картофельные лепешки», «На Бакланьем», «Сокровенные желания», «Коромыслов», «Тонкий стебелёк», «Злое время», многие рассказы.

Жизнь разнообразна, в ней много радостей и печалей, счастливых подарков и неожиданных ударов. И освещает её не только солнце, освещают её и души людей, которые встречаются человеку на его дорогах. Вот о них-то, светоносных душах, и стремился в первую очередь рассказать писатель, не забывая в то же время напомнить читателю, к чему приводят зло, вражда и месть, если их не обуздать.

Чаще всего героями произведений прозаика становились дети. Даже можно сказать, что чистый и хрупкий душевный мир малышей и есть самая любимая тема К. Карнышева. Как мы, взрослые, помогаем ребёнку в его открытиях окружающей жизни? Вращиваем ли в его душе росточки доброты, благодарности близким людям, нежности к птице, зверьку, деревцу? Не ожесточаем ли его чуткое сердце своей грубостью, несправедливостью, ложью? Уже при чтении повести «Сугробы» эти вопросы задаёшь себе над каждой страницей. Юный герой в бесхлебные дни делит картофельные лепешки со своим голодным другом. А рядом взрослый человек, сытый и жадный сосед, и знать не хочет о чужих бедах, подло относится к мальчишкам-односельчанам. А отец семилетнего Егорки из повести «На Бакланьем» – уж он-то, самый близкий человек, должен бы понимать потаённые чувства малыша, помогать ему вырасти честным, отзывчивым, добрым. Но рыбак Карпентий Романович часто груб с сыном, глух к его душевным переживаниям. В гневе он может избить жену Акулину, каждый раз нанося незаживающие раны на сердце Егорки, горячо любящей свою мать. Понимаешь мальчишку, когда он с благодарностью принимает от рыбака Терентия Букина озябшего снегиря, или возмущается жестокостью другого знакомого отца – Савелия, убившего обессиленную косулю, или горячо отзывается на дружбу доброй, отзывчивой девушки Дуси. Тот же Букин старается внушить отцу Егорки, чтобы он был помягче с сыном, а Дуся своим общением с мальчишкой показывает другим взрослым, как нужно оберегать и щадить детскую душу. И вся повесть прозаика, его подробное, мягкое, «родительское» повествование – это своего рода проникновенный, мудрый урок для каждого из нас, читателей.

Вспоминаю годы, когда Константином Григорьевичем создавались эти первые произведения. Как-то вместе мы были на курсах редакторов газет Восточной Сибири в Иркутске. К. Карнышев руководил тогда редакцией газеты в Джидинском районе Бурятии. Беспокойная журналистская работа оставляла мало времени для литературного творчества, но зато приносила много впечатлений, необходимых прозаику. Новые люди, острые проблемы, интересные традиции, живущие в глубинах быта, – всё запоминает писатель. И всё помогает ему определить свою нравственную позицию, даже свое место в литературе. Много было у нас тогда разговоров о творчестве, о заметных произведениях тех лет. Только что вышли в свет романы, повести, рассказы Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Василия Шукшина, других прозаиков. К. Карнышев восхищался многими произведениями. Но в творчестве он держался своего пути: о жизни современной деревни он писал мягко, раздумчиво. Тон его больше напоминал «учительский», советующий, чем резкий, клеймящий. Это особенно наглядно проявилось в прекрасной повести «Странствия Горбоносого», которую прозаик создал, живя уже в Северобайкальском районе республики и работая там редактором газеты. Произведение показало острую наблюдательность прозаика, его живой интерес к малолудному таёжному краю, быту и традициям оленеводов. О творческом почерке писателя, который сохранился и в этой повести, думается, точно сказано в книге коллектива исследователей «История бурятской литературы»:

«Повести «Сугробы» и «Странствия Горбоносого» объединяют не только маленький герой-рассказчик, повествователь, открывающий для себя мир природы и мир людей за порогом родного дома или стойбища, но и тема родины, памяти,

уроков добра, сострадания и прощения, которые получают дети от родных и близких. В поэтике повестей большое значение имеют лирический настрой произведения, художественная деталь, одухотворённый пейзаж, особенно картины северной природы. Автор с необычайной живостью и проникновенностью описал жизнь эвенков-оленьеводов, с настоящим поэтическим видением изобразил мир, в котором животные и люди оказываются полноправными героями. Старая Унулу, Карпушка, Федосья, Харагун нерушимыми узами связаны с родными местами, понимают язык зверей, живую природу. Через пейзаж, связанный с судьбами и поступками героев, аллегорически прочерчивается их путь, изменение характеров, поведения, отношения к людям и зверям. Постарела Унулу, как и сосна, у которой одна лишь ветка зеленеет. Сосна и Унулу прошли свой жизненный путь, вросли корнями в северную землю и крепко держатся за неё: «Хороните меня здесь, – говорит Унулу. – Никуда я не поеду от своих родителей... Мои все схоронены рядом с оленями». Жизнь на стойбище, общение с узким кругом людей, с природой и животными, постоянное преодоление трудностей оказывают благотворное влияние на Карпушку. Мальчик становится выносливым, смелым, сильным, набирается житейского опыта. К. Карнышев, создавая образ юного человека, познающего мир во всех его проявлениях, положительных и отрицательных, показал себя как тонкий психолог, понимающий детскую душу, умеющий передать все нюансы развивающегося характера.

Бросается в глаза, что всё написанное Константином Карнышевым звучит душевно, просто, без кудрявых украшений. В этой простоте рассказа кроется подлинное мастерство. Так отточенный, четкий рисунок запоминается надолго. Душа, стоит привести два-три примера. Вот строки из повести «На Бакланьем».

Терентий Букин, вчерашний мукомол, говаривал:

« – Мука всегда есть. Каждый день могу лепёшками закусывать. Жизнь ко мне липнет самыми теплыми местами».

А представляет своего героя прозаик так: «У Букина были длинные зубы, такие длинные, что губы их не закрывали.

– У меня, как на ярмарке, весь товар налицо, – подшучивал он над собой».

Ещё летучая картинка, увиденная глазами Егорки. В зимовье поют рыбаки, с ними – девушка Дуся.

«Её голос не сливался с остальными, а как бы шел рядом тонкой струной. От песни шевелился и трепыхался огонёк в лампе, готовый погаснуть, упругился и наострялся. И заскоблилось, и засосало у меня в груди. Сразу же явились дом и мама...»

Одна из повестей Константина Карнышева называется «Сокровенные желания». Такие желания живут в душе героя произведения. Но когда читаешь книги писателя, то понимаешь, что сам автор тоже имел сокровенные желания. И всегда они были светлыми: хотелось видеть мир добрее, внушить нам, читателям, что если каждый принесёт с собою побольше душевного тепла, то как уютней и солнечней станет жизнь!

ЗҮРХЭНЭЙНГӨӨ УУТА ОНГИЛОН...

Өөрын онсо бэшэгэй маяг хэлбэри олохо гээшэ зохёолшо бүхэнэй хүнгэн бэшэ зорилго бээ. Харин Константин Карнышев «Сугробы» гэжэ түрүүшын ном соо ороhon расказуудһаа бүридэһэн туужа соогоо өөрын бэшэгэй маягтай зохёолшон бии болобо гэжэ соносоһон шэнги хэн.

Константин Григорьевичай түрэн Оймор гэжэ хуурин минии түрэн Шерашово хууринһаа арбан хоёр модоной зайда оршодог хэн тула, тэрэнэй бэшэһэн зохёолнууд намда ойлгосотой, түрэл шэнги байдаг. Нургуулида үшөө ороодүй хүбүүхэнэй абатаа, хүгшэн эжытээ тэргэ дээрэ хуужа нэгэ томо хуурин ошоһоноо, Рождествогой үедэ нүхэд хүбүүдээрэ найр нааданда хабаадажа, яжа «калядовалыень», эжынгээ шэнэ костюм оёхы ехээр хүлээһэнөө – ямар һонёр, ханалтайгаар, «амтатайгаар» бэшэ гээшэб гэжэ гайхахаар. Эдэ расказууд, мүн тэрэһнээ хойшо бэшэгдэһэн «Странствия Горбоносого», «Картофельные лепешки», «На Бакланьем», «Сокровенные желания», «Коромыслов», «Тонкий стебелёк», «Злое время» гэжэ туужанууд болон расказууд энэһиние гэршэлнэ.

Ажабайдал хайтай, муутай – баяр, жаргал, уй гашуудал һэлгэлдэжэл байха. Хүнэй үдэр бүрийн байдалые гансашье наран туяагаараа гэрэлтүүлдэг бэшэ, харин хүнэй һананай харгыда ушарһан зон баһал гэрэлтүүлэн дулаасуулдаг. Эдэ зон тухай уран зохёолшон түүрэн бэшэхэ зорилго урдаа табяашье һаа, хомхой хобдогы, атаа жүтөөе хорижо байгаагүй һаа, уйдхар гасалан асарха гэжэ уншагшадтаа ходол хануулжа байхые оролдоо.

Зохёолнуудайнь геройнууд ехэнхидээ үхибүүд, бага хүүгэдэй сэбэр сагаан сэдхэл К.Карнышевай гол темэнүүдэй нэгэн болоно. Багахан үхибүүнэй тойроод байгаа дэлхэйе өөртөө нээжэ ябахата, бидэ, ехэшүүл, юугээр тэдэндэ туһа хэдэг-бибди? Дүтынгөө зондо баяр баясхалантай ябахые, шубуу шонхорые, ан амитадые, ургажа байһан мододые хайрлаха сэдхэлтэй байхаар хүүгэдөө хүмүүжүүлдэг гүбди? Хэрээгы бүдүүлэг зан гаргажа, юумые буруу болгожо, худал хуурмаг ябадалаараа тэдэнэй нимгэн сагаан сэдхэлые шархатаадаг бэшэ гүбди? «Сугробы» гэжэ туужыень уншажа байхатаа, эдэ асуудалнуудые өөртөө табихаш. Заахан хүбүүн үлэн хоһон үедэ үлдэжэ ябаһан нүхэр хүбүүнтээ хартаабхын ёпоошхо хубаалдажа эдинэ. Гэдэһэ садхалан, хомхой нарин хүршэнь хажуудаа байһан хүбүүдые хайрлаха сэдхэлгүй. «На Бакланьем» гэжэ туужа соо долоон һанатай Егор хүбүүнэй эсэгэ хүбүүгээ үнэн сэхээр, һайн һанаатай ябахаар нургаха байгаалдаа. Теэд заһаһашан Карпентий Романович хүбүүндээ бүдүүлэгээр хандадаг, тэрэһиние ойлгохые оролдодоггүй хүн. Сухалдажа ерэбэл Акулина һамгаяа сохижорхиходонь, Егор эхээ ехэтэ хайрлажа, сэдхэлынь үбдэнэ.

Заһаһашан Терентий Букинай хүлдэхөө байһан хүхэ бухые тэрээндэ үгэхэдэнь, хүбүүхэнэй ехээр баярлаһые, эсэгын танил болохо Савелиин хүсэ тэнхээгээ алдаһан гүрөөһэ алахадань дураа гутаһыень, Дуся гэжэ һайхан сэдхэлтэй басаганай тэрэнтэй хани нүхэд болоходо, баярлаһыень одоол ойлгохоор. Хүбүүндээ зөөлөнөөр хандахые Букин Егорой эсэгые уряалхатаа, хүбүүнэй үшөө хонгор хүүгэн сэдхэлые гамнаха тухай Дусин уншагшадта хануулхата, эдэ бүгэдэ түрэлхидтэ үгтэһэн үнэтэ хэшээл мэтээр һанагдана.

Эдэ зохёолнуудые зохёолшын бэшэжэ байһан үе һананаб. Зүүн Сибириин сонинуудай редакторнуудай курсануудай Эрхүүдэ эмхидхэгдэхэдэ, хожулан ошоо һэмди. К.Карнышев тиихэдэ Зэдын аймагай сониной редакцие толгойлжо байгаа. Сурбалжалагшын ажал гэжэ мундахагүй, уран зохёол бэшэхэ саг хомор, зүгөөр

байдал гээшэ олон һонинуудтай, бэшэхэ темэ олдодоо бэлэн байгша хэн. Элдэб зоноор ушаржа, элдэб ушарнууд үзэгдэжэ, зохёолшо хүндэ одоол олзо боложо үгэдэг хэн бээ. Уран зохёол тухай, тэрэ үеын мэдээжэ зохёолнууд тухай яһала хоюулан хөөрэлдэһэн, зүбшэлсэһэн байхабди. Валентин Распутиной, Василий Беловой, Виктор Астафьевай, Василий Шукшиной болон бусад мэдээжэ прозаигуудай романууд, туужанууд, расказууд толилогдожол, хэблэгдэжэл байдаг хэн. К.Карнышев тэдэнэй зохёолнуудые ехэтэ һонирхон уншадаг байгаа. Гэбэшье тэрэ үеын хүдөө нютагууд тухай болгоомжотойгоор, хэм соонь бэшэдэг бэлэй. Шүүмжэлэд гэхэн, эрид огсом бэшэ, зөөлэн, багша хүнэй зааж байһан шэнгээр бэшэхэ. Энэ маягын Северобайкальскын аймагай сониндо хүдэлжэ байхадаа бэшэһэн «Странствия Горбоносого» гэжэ туужа соонь эли байдаг. Тайга соо ажаһуудаг, оро адуулдаг зоной байра байдал, ёһо заншал харуулһан энэ зохёол соогоо Карнышев зоной байдалые һонирхон адагладаг, хёрхо нюдэтэй зохёолшон байһанаа гэршэлээ. Тус туужа тухай «Буряад литературы түүхэ» гэжэ ном соо иигэжэ бэшээтэй:

«Сугробы» болон «Странствия Горбоносого» гэжэ туужануудай герой – тойроод байгаа дэлхэйе һаял өөртөө нээжэ байһан хүн – жаахан хүбүүн, амиды юумые хайрлаха, хүлисэхэ сэдхэлтэй байхын хэшээл ехэшүүлһээ, түрэл гаралһаан абahan, Эхэ орондоо дуратай байхаар хүмүүжүүлэгдэһэн хүн болоно. Туужанууд соо хойто зүгэй шэмэрүүн байгаалиин гоё һайханиинь уран гоёор зураглан харуулаатай. Оро адуулдаг эвенкнүүдэй байра байдалые тон гүнзэги наринаар харуулхынгаа хажуугаар, эдэнэй ажамидардаг газар дайдые поэт хүнэй нюдөөр хаража, уянгалан түүрээхэдээ, һаһажаал хүгшэн Унулу, Карпушка, Федосья, Харагун гэгшэдэй түрэл газар уһантаяа хүйһөөрөө холбоотой, ан амитадай, байгаалиин зан абари тон һайнаар мэдэхэ байһыень харуулна. Геройнуудай хуби заяан, ажал хэрэгүүд байгаалиин зурагуудай хубилжа байһаар харуулагдана. Нарһан модон мэтэ Унулу баһал хүгшэрөө, гансал мүшэрынь ногооржо харагдана. Нарһан Унулу хоёр үндэһөөрөө газарта орожо, газартайгаал холбоотойгоо мэдэрнэ. «Намайе эндэ хүдөөлүүлхэт. Түрэлхидни эндэ, оронуудай хажууда хүдөөлүүлээтэй», – гэжэ Унулу хэлэнэ. Оронуудые харууһалдаг энэ газарта хэдэхэн хүнүүдтэй, байгаалитай, ан амитадтай байжа һурашаһан Карпушка хүбүүн зан абаряараа бүхэ, хүсэтэй шиираг, ажабайдалай дүршэлтэй болоно. Эдир хүбүүнэй дүрэ гаргахадаа, К.Карнышев үхибүүнэй доторхи байдалые тон һайнаар мэдэхэ, гүнзэги психолог хүн байһанаа гэршэлээ».

Константин Карнышев зохёолнууд соогоо соо байра байдал хэтэрмэ ехээр гоёожо харуулаагүй. Тон юрэнхыгөөр ажабайдал харуулха гээшэ бэлиг талаанай хурса байһые гэршэлнэ. Жэшээ болгон, «На Бакланьем» гэжэ туужаһаа хэһэг дурдая:

«Талха эһээдэг Терентий Букин хэлэдэг байгаа:

– Талхан ходо бии. Үдэртөөшье ёпоошхо эдижэ байха аргатайб. Байдал намда дулаан талаараа няалдадаг».

Герой тухайгаа зохёолшон иигэжэ хэлэнэ:

«Букиной шүдэнүүдынь утанууд байжа, уралын халхалдаггүй байгаа.

– Яармаг дээрэ байһан мэтэ наймаамни эндэ баран байна».

Егор хүбүүхэнэй нюдөөр харагдаһан зураг. Үбэлжөөндэ заһаһашад дуу дуулана, тэдэнтэй хамта Дуся басаган байлсанхай.

«Басаганай абаян бэшэнэйхитэй худхарнагүй, хажуугаарын нариханаар ябажа байһандал. Дуунһаа лаампын гэрэл үлэгэнэжэ, мэнэ мэнэ унтархаа байһан мэтэ. Доторни юумэнэй доһолжо байһандал. Гэрни, эжымни һанагдаадхиба...»

Константин Карнышевай нэгэ туужань «Сокровенные желания» гэжэ нэрэгтэй. Зохёолнуудайнь герой бүхэн тиимэ хүсэлнүүдтэй юм. Зохёолшын номуудые уншахадаш, авторынь өөрөө тиимэ хүсэлнүүдтэй байгаа ха гэжэ ханахаар. Тэрэнэй хүсэлнүүд сэлмэг харуулнууд, хүн бүхэн сэдхэлэйнгээ дулаае энэ дэлхэйдэ асарбал, ажабайдал наранай элшэ туяаһаа шэнги дулаахан болохо байгаа гэжэ этигэхэш!

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Сугробы. Повесть в рассказах. – Улан-Удэ, 1972.

Странствия Горбоносого. Повесть. Рассказы. – Улан-Удэ, 1975.

Хрустальные льды. Повести. Рассказ. – Улан-Удэ, 1976.

Сокровенные желания. Повести: Сокровенные желания; Коромыслов; Тонкий стебелек. Рассказы. – Улан-Удэ, 1986.

Повести: Странствия Горбоносого. Картофельные лепёшки. На Бакланьем. – М.: Советская Россия, 1988.

Люди и звери. Повести: Злое время; Сугробы; Странствия Горбоносого; На Бакланьем; Картофельные лепёшки. – Улан-Удэ, 1991.

Чудодей. Повести и рассказы. – Улан-Удэ, 2002.

Странствия Горбоносого. Смертельный загон. Повести. – Улан-Удэ, 2007; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 10. – Улан-Удэ, 2012.

Рассказы. Вельможная рыбалка; Такая большая, большая зима...; Где ночует аляпка; Одинокая цапля // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Паликова А. На новой высоте. – Байкал, 1987, № 1.

Ильина Н. Сокровенное слово: Творческий портрет писателя К.Карнышева. – Правда Бурятии, 1987, 12 ноября.

Аюшев И. О «Сокровенном желании» К.Карнышева. – Байкал, 1988, № 1.

Перевалова Т. Константин Карнышев: «Верю в человека». – Бурятия, 1994, 4 ноября.

Без указ. автора. Карнышев Константин Григорьевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Хосомоев Н. Правда жизни. – Бурятия, 1996, 6 февраля.

Паликова А. Эсхатологические мотивы в творчестве К.Карнышева // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Тулохонов С. Карнышев Константин Григорьевич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.

Паликова А. Всё начинается с земли. – Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.

Бадуева К. Душа болит о всяком народе... – Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.

Виноградова А. Как служил матрос Карнышев. – Бурятия, 2000, 3 августа.

Царёв Д. Тяжёлое колесо жизни в прозе Константина Карнышева. – Бурятия, 2003, 28 февраля.

Бильтрикова Е. По следам чудоддея. – Бурятия, 2004, 14 января.

Паликова А. Русская душа // Творчество К.Г.Карнышева. – Улан-Удэ, 2007.

Паликова А. Карнышев Константин Григорьевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Цырен-Базар Бадмаевич
БАДМАЕВ
(1928-1982)**

ЧАРОДЕЙ В СТРАНЕ ДЕТСТВА

Это не метафора. В пятидесятых годах прошлого века в бурятской литературе и в самом деле появился чародей, который с самого начала решил «прописаться» в её зелёном уголке – в стране детства. Я имею в виду поэта и прозаика Цырен-Базара Бадмаевича Бадмаева. Он справедливо решил, что в ребячьем краю нельзя появляться без улыбки. И потому все его стихи и чудесная повесть «Серёжа в стране Будамшу» были окрашены улыбкой, точнее той весёлой добротой, которая всегда притягивает детские сердца.

ХОТОШО

*Был примерным этот пёс:
Он прилежно службу нёс.
Дыбом шерсть, а хвост трубой:
Страж зубастый рвётся в бой.*

*Близко не подпустит вора,
Не оставит без надзора
Дом хозяйский Хотошо:
Знал он службу хорошо.
А теперь – вот чудеса! –
Будто подменили пса.*

*Лишь для виду раза два
Тявкнет он едва-едва.*

*Ну зачем ему клыки?
Склонит голову на лапы, –
Хоть весь дом уволоки
У подобного растяпы!*

*Приоткрыв лениво глаз,
Глянет сонный страж на вас.
Где его былая прыть?
Эх, о чём тут говорить?
Вдруг и пёс на свой манер –
С тунядца взял пример?*

А в других стихах малыш с гордостью рассказывает о традициях своего края, о его природе – обо всём интересном, что видится с детства. Конечно, помогает ему в этом мудрый автор, ведь он не забыл каждое своё младенческое открытие:

*У нас в Бурятии, друзья,
Садятся рано на коня...
Ещё я в школу не ходил,
Ещё не пас в степи овец,
Когда в седло меня отец
Впервые, помню, посадил.*

*Хлестнул гнедого он, и тот
Галопом сразу с места взял...
– Мужчина ты! – отец кричал,
А шёл мужчине... пятый год!*

Такие стихи знакомят читателей в разных уголках большой страны с особенностями жизни каждого народа. Тут не надо особой выдумки, тут важно красочное, правдивое слово – и всё, что обыденно, повседневно в твоём краю, становится интересным для других. Разве не заинтересуется юный житель дальних мест, когда узнает такую историю:

*Друзья не видались лет шесть или пять,
Друзьям бы обняться и руки пожать,
Так нет же, они, засучив рукава,
Друг друга на землю повалят сперва!*

*И «здравствуй» сказать не успели друг другу,
Уж топчутся парни, согнувшись, по кругу,
За шею, за пояс схватившись руками,
Бойцовыми ходят они петухами...*

.....

*Таков наш обычай бурятский степной:
А ну-ка, померяйся силой со мной!*

Самого поэта и его ровесников можно было назвать подростками войны. На её исходе мальчишкам было по 15-16 лет. Это на их плечи, да на плечи матерей и дедов легли тяготы страшных лет. О будничной жизни в своём отрочестве Цырен-Базар Бадмаевич рассказал во многих стихах. В них тоже нет ничего придуманного, а есть только простая и трогательная правда:

*Мы объезжали скакунов
В колхозных табунах,
Чтобы работать каждый мог
На молодых конях.*

*Я иноходца обучил,
И этого коня,
Как это принято у нас,
Назвали в честь меня.*

*На фронт, в числе других коней,
Ушёл Сэрэн-Жоро¹ ...
Как жаль, что воевал не я,
А мой Сэрэн-Жоро!*

Юные герои Цырен-Базара Бадмаева всегда в гуще забот старших. Те косят сено, стригут с овец шерсть, готовят в ближнем лесу дрова – и малыши тут же: они и взрослый мир открывают, и житейские науки проходят, и первую сноровку получают. А сколько любопытства у маленьких работающих помощников, всё-то им надо знать! Они и получают ответы на свои вопросы, но эти ответы вместе с ними получают и юные читатели поэта. Пострел спрашивает:

*– А много ли шерсти овечка даёт?
На что эта шерсть после стрижки пойдёт?*

*Знаток в этой области дядя Намдак,
Немного подумав, ответил мне так:*

*– Вот если барана того обстригут –
Четыре костюма из шерсти сошьют.*

*.....
Как солнце сияет! В степи благодать!
Я дяде Намдаку люблю помогать.*

*Тружусь. И приятно мне думать о том,
Что столько костюмов пасётся кругом.*

И всегда в стихах – улыбка, и в каждом стихотворении интонация дружеского поучительного рассказа. В книге «У козлёнка выросли рога», например, тон задаёт стихотворное повествование вроде бы о житейском случае. Но такое оно сердечное и светлое:

*У козлёнка Шаргадай появились рожки.
Было трудно их сперва даже увидеть.
Но они росли, росли, подросли немножко,
И козлёнок, веселясь, начал всех бодать.*

*Вижу: девочка навзрыд плачет... – Что с тобою?
– Шаргадай ... опять... боднул... – плача, говорит.
Сколько жалоб! Невтерпёж! Людям нет покоя.
Замухрышка – а гляди, что вокруг творит!*

¹ Сэрэн – принятое в Бурятии произношение имени Цэрэн, Цырен. Жоро – иноходец (бур.). Здесь: иноходец Цырена.

.....
*Но недолго Шаргадай шумно так резвился.
Да, нашлась и на него твёрдая рука...
Это дедушка Сокто с пилочкой явился
И бодливому козлу отпилил рога.*

*А теперь он без рогов. Жалоб не бывает.
Стал он паинькой – хоть впрямь в школу принимай.
Даже маленьких детей он не задевает.
Так, ребята, присмирел козлик Шаргадай.*

Мне кажется, по этому необычному тону легко узнать Цырен-Базара Бадмаева и в стихах, адресованных взрослым. Их поэт писал тоже всегда. И когда мы большими поэтическими компаниями выступали в рабочих, студенческих аудиториях, он выбирал для чтения строки, одобренные шуткой. На это настраивали и его улыбочное лицо, и всегда необычное, весёлое вступительное слово. А далее шло, к примеру, стихотворение «Главный человек»:

*Им намекали старики:
– Пора в один вам дом...
К ним приставала вся родня:
– Чего бы вам тянуть?
Но у неё один ответ:
– Когда-нибудь потом...
И отговаривался он:
– Потом когда-нибудь...

И приставали к ним друзья – настойчивый народ:
– Когда же вы пойдёте в загс? Давно бы вам пора!..
А те в ответ:
– И без того забот невпроворот!..
А сами, бросив все дела, гуляли до утра.

И порешили старики, что времена не те,
что разучилась молодёжь порядки почитать.
И даже старые друзья в рабочей суете,
на чудачков махнув рукой, не стали приставать.

Но всё ж нашёлся человек – мудрейший из людей,
не признающий ни забот, ни загсов – ничего!
– Играйте свадьбу, – он сказал, – и никаких гвоздей!..
И молодые не смогли послушаться его.

И вот зовут они гостей, невеста и жених.
Пришли друзья. Пришла родня. И праздник – загудел!..
И только главный человек отсутствует средь них,
Поскольку он ещё на свет родиться не успел.*

Наверно, непосредственность и душевность строк Ц-Б. Бадмаева привлекали и переводчиков. Ведь на русский язык стихи поэта переложили выдающиеся мастера – Михаил Луконин, Юрий Левитанский, Николай Глазков. Или такие авторы популярных книг для детей, как Наум Коржавин, Юрий Коринец. Пожалуй, ни

одного из детских писателей Бурятии не привечали так крупные московские издательства, как Цырен-Базар Бадмаевича. За пару десятилетий его книги многократно выходили в издательствах «Малыш» и «Детгиз», сборники стихов для взрослого читателя – в «Молодой гвардии» и «Советской России». Кстати, редактором первой книги Ц-Б. Бадмаева «Степь крылатая», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1959 году, был Булат Окуджава. Он же перевел и несколько стихотворений бурятского поэта.

Но Цырен-Базар Бадмаевич только по характеру был весел, лёгок на шутку. А по отношению к самой жизни, её драмам, её нередкой жестокости – всегда сёрёзен, равнодушен, справедлив. Я не раз слышал, как он читал в притихшей аудитории своё стихотворение «Автоколяска» – о печальной участи инвалида. В те годы ещё много было инвалидов войны. И разве Бадмаеву, хлебнувшему горя в её роковые дни, было не понять боль искалеченного на фронте, не испытать гнев против тех, кто снова не прочь поиграть с огнём:

*Звук сигнала и яркая краска,
новых шин голубые круги –
одноглазая автоколяска.
За рулём – человек без ноги.
.....
В ней, конечно, удобно, надёжно –
не отстанет, хотя и мала.
Только мне обязательно нужно,
чтоб она не нужна нам была.

Чтобы парень, красивый и сильный,
как бы ни был в машине он лих,
посадил к себе на плечи сына
и катал на своих на двоих...*

Среди поэтов, стремящихся к новизне мысли, образа (и это похвально), я вижу Цырен-Базара Бадмаева человеком верным классическим образцам. С отзывчивым сердцем, с чуть лукавым жестом осторожной руки, которая ограждает и предупреждает, а не одёргивает и наказывает:

*Таков обычай древний у бурят:
кого скакун быстрее домчит к черте –
тому и солнце ясное в награду
в безоблачной и светлой высоте.

Недаром жизнь, судьбу свою и веру
во все века, во дни побед и зол,
народ мой честный чистым солнцем мерил
и в жизнь меня всегда по солнцу вёл.

И я привык душой первопроходца
дружить с его негаснущим огнем,
беречь своё – пусть маленькое – солнце,
стирая пятна темные на нём.*

Поэтическое солнце Цырен-Базара Бадмаева греет нас до сих пор.

ҮХИБҮҮН ҮЕЫМ ҮЛГЭРШЭН

Үнгэрхэн зуун жэлэй табяад онуудаар хүүгэдтэ шүлэг бэшэдэг шэдитэй үлгэршэн бии боложо, буряад литературые хэмгүй ехээр баяжуулхан гээшэ. Энэмнай болбол Цырен-Базар Бадмаевич Бадмаев болоно. Хүүгэдэй зохёолнууд согтой залитай, хөөрүү хүхюун байха ёхотой гэжэ тэрэ тон зүбөөр шиидэһэн ааб-за. Одоол тиимэһээ шүлэгүүдынь, «Будамшуугай орон нютагаар Серёжын яжа аяншалхан тухай» гэжэ гайхамшагта туужань хүгтэй согтой, энеэдэтэй наадатай, хүүгэдэй зүрхэ сэдхэлые дууһыень эзэлһэн байдаг шуу.

ХОТОШО

*Танигдаагүй хүнэй ерэхэдэ,
Таамаг хэды «һаб-һэб» гээд,
Хашаран һөөргөө нойрмоглон,
Хотошо дуурадаг эһээлээд...*

*Хотоёо хараха уялгая
Хойрог һалаар дүүргэдэг.
Ёһо тэдыдэл хаа-яа
Ёохон хусаад болишодог.*

*Хотошо хэды нохойшые һаа,
Харин бюрократ лэ байна даа.*

Бэшэ шүлэгүүд соогоо хүбүүхэн түрэхэн дайда, байгаали тухайгаа тон һонирхолтойгоор хөөрэнэ. Хүбүүнэй хөөрэхэдэнь, автор туһалангүй яахаб, өөрынгөө бага наһые һанана бшуу:

*Манай нютагта
мориндо мордодог
заахануудаар.*

*Мориндо абам
нэгэтэ багадам
мордохуулаад,*

*«Эрэ хүн гээшэш», –
гээ һэн шэрүүнээр
намайгаа,*

*Эрэ хүн гээшэньшые
оройдоол
табатай байгаа.*

*Тэсхэгэр зээрды
унуулжа,
ташуурдажа ябуулба.*

*Тэрэньшые урагшаа
шүүмгай
хатар табилуулба.*

*Моринойнгоо дэлхэнһээ
шанга гэгшээр
адханхайб,*

*Мэлмэрэн
хоёр нюдэмни
дүүрэтэрээ уһатанхай.*

Иимэ шүлэгүүд уншагшадые үргэн ехэ гүрэнэймнай углуу булангуудта ажаһуудаг зонтой, тэндэхи газар уһанай онсо байгаалитай танилсуулна ха юм. Эндэ гоё үгэ ханажа, гоёохом гэхэнэй үлүү. Үнэн үгэ, байһыень хэм соонь зүбөөр бэшэхэнээ ондоо юун байхаб. Иимэ ушар шагнаад, хүн һонирхохогүй юм гү:

*Таба зургаан жэлдэ харалсаагүй нүхэдүүд
Талын дунда өөһэдөөшье мэдэнгүй
уулзашаба.*

*Нэгэшье үгэ хөөрэлдэхэ гэхэ юумэгүй.
Нэтэ хүхөөр
нүхэднай
хоюулан носолдошобо.*

*«Мэндэ» гэжэ гарнуудаашье хүсэд
барилсаадүй,*

*Мундуу бардам
оролсоно тэдэнэр
хүшэгэнэжэ.*

*Тойролдон тэндээ
барилдажа нүхэд садаадүй,
Тооһо бурьятар
носолдожол байнад түшэгэнэсэ.*

.....
*Урданһаа хойшо
шимэ заншал хүндэтэй юм:
Уулзахадаа нүхэд
барилдаад үзэхэ ёһотой юм.*

Дайнай үедэ поэт бага ябаа. Дайнай дүүрэжэ байхада 15-16-тай үетэн эжынэр-тээ, хүгшэн абанартаяа ажал хэжэ ябаһан ха юм. Шүлэгүүд соонь тэрэ жэлнүүдэй ажал хэрэгүүд тухай тон юрэнхыгөөр, гоёонгүй даамаар бэшэгдэнхэй:

*Тугал буруу адуулжа,
Таряа тарихаа гараалди,
Колхозой элдэбын ажалда
Хүдэлмэрилэн ябаалди.*

*Үбгэд хүүгэдэйшье айлангүй
Унахаар болотор хургахаяа.
Эмниг үреэнүүд ноёолонгы
Эмээллэдэг һэмди урга хаяад.*

*Нэгэ жороог хургаа һэм,
Намжар зөөлэхэн, гүйгөөшэ.
Нютагайм заншалаар тэрээни
Нэрлээл Сэрэн-Жороо гэжэ.*

*Тэрээним ондоо моридуудаар
Фронт эльгээхэн юм лэ даа.
Халагшые, би өөрөө бэшэ,
Сэрэн-Жороом дайлалдаа.*

Цырен-Базар Бадмаевай эдир геройнууд ехэшүүлэй ажал хэрэгүүдэй тэгэн дунда ходо ябалсажа, үбһэ сабшаха, нооһо хайшалха, түлээ бэлдэхэ мэтын ажал руу шунгашанхай, шэрүүн ажабайдалай амисхаалаар амилжа, түрүүшын дүршэл абажа байдаг. Эдэ хүүгэдэй хүбэлгэн һонюушые хэлээдшые яалай. Асуудалнууд-таа харюу абахадань, эдир уншагшадшые тиимэ харюунуудые абанал бэшэ гү.

*– Набтагар нэхы дэгэлтэй
Нооһолиг энэ хонин
Нэрэтэй юм гү, үгы гү?
Намдал ехэ һонин.*

*Хони харадаг
Намдаг
Харюусаба тиихэдэм
Намда:*

*– Одоо энээхэн эрьешни
Орой нэрэгүй нэхытэл.
Шэхэндээ нэгэ һишлэхэл
Шэнэхэн бишрхэ номертойл.*

.....
*Намдаг абгадаа туһалнаб,
Наран мандана тэнгэридэ.
Талада жэргэмэл дуулана.
Таатай гээшэнь сэдьхэлдэ.*

*Хагда ногоо зулгаахадан,
Хүхюу мааралдан тарганууд.
Хизаар захагүй бэлиэнэ
Хэдэн мянгаад костюмууд.*

Шүлэгүүд соонь ходол мihэрэл, ямар нэгэн юумэн тухай нүхэр ёһоор хөөрэхэн байха. «Эбэрээ ургаһан Эшэгээдэй» гэхэн ном соогоо юрын ушарнууд тухай хөөрэхэдөө, автор үнэн сэдьхэлһээ, энэрхыгээр түүрээнэ:

*Эбэрээ ургажэ эхилбэ
манай Шаргаадай.
Эбэршые гэжэ даа,
өөдэгүй бохигор юумэнүүд даа.
Тэдэнь тиигэһээр,
һэмээхэн бултай бултайһаар,
Тэс байса
юу хээ мүргөөд абадаг болобол даа.
Хүршын басагахан
бархираад ерэбэ тугаархан.*

– Хайшан гээбиш?
– Намайе мургөө Шаргаадай!
Арай ябаһан
үбгэд хүгшэдтэ,
үхибүүдтэ
Амар заяа
үзүүлхээ болиһон ямаадай.

.....

Хюрөө бариһан
Согто дархан
үсэгэлдэр
Хүлһөөнь шүүрэн
зайдалба эшэгээдэе үрсэгэнэтэр.
Шаихуулаад, баряад,
олоной хүхюун энеэдэн доро
Шаргаадайн эбэр
таһа тайраба тэрэ доронь.
Һүрэдэг, харайдаг,
тоомоо таһардаг алдартай
Һүрхэй эшэгэмнай
һүүлхэнээ мүнөө хабшанхай.
Хоёр эбэрнай
үгы ха юм даа –
мухар.
Һайса энээниие
ойлгожо абаарай,
тоомгүй Дугар.

Ехэшүүлдэшые бэшэһэн шүлэгүүдыень уншаад, Цырен-Базар Бадмаевай шүлэгүүд гэжэ гансата таахаш. Ажалша коллективуудай, оюутадай урда шүлэгүүдээ уншахадаа, хүхюу зугаатай шүлэгүүдые унсахые оролдогшо һэн. Өөрөө ходо энеэбхилжэ ябаха. Һүүлдэнь «Залуу хоёр» гэхэн шүлэгөө уншаха:

Аба эжынь, түрэл түтимынь
тэдээндэ
«Айл бологты» гэжэ доохонуур
мэдүүлдэг һэн.
Залуу хоёр тишхэдэ урдаһаань
энеэлдэн,
Залхуутай гэхэндэл, юушые хэлэнгүй
ябадаг һэн.
Танил нүхэдынь тэдэниие хараад баясажса,
«Түрэтнай хэзээб?» гэжэ бэлэгүүдээ
түхээрээ.
«Хайрлыт, нүхэд, болигтыл даа,
юрэдөө» гэлдэжэ,

Хани хоёрнай хэрэгсээбэгүй
 хуушан хэбээрээ.
 Үбгэд хугшэдые, эхэ эсэгээ
 дуулаагүй,
 Үетэн нүхэдыньше тэдээндэ хэлэжэ
 ядалдаа.
 Зүгөөр тэндэ хэнэйше сэдхэл
 муудхаангүй,
 Зүбөөр хэлэжэ үгэхэ хүнинь
 олдобол даа.
 Тэрэ хүн ханинарта захирха
 эрхэтэй,
 «Түрэ найраа хэгты, – гэбэ, –
 хойшолонгүй!»
 Тэрэ хүнэй үгыень дуулаха
 хэрэгтэй,
 Тэрэ хүмнай дээрээ ахагүй,
 хуулигүй.
 Түрэ болоно. Хүнүүд сэнгэнэ
 сүлөөдэ.
 Тэрэ хүмнай түрэдэ үгыш хаа
 хүндэтэй.
 Тэрэ хүмнай дэлхэйдэ үшөө
 түрөөдүй...
 Тэрэ хүнэй үгыень дуулаха
 хэрэгтэй.

Шүлэгүүдэйнэ энэ хүнгэхэн мүннүүдтэ оршуулагшадшые дуратай байгаа ха. Михаил Луконин, Юрий Левитанский, Николай Глазков, Наум Коржавин, Юрий Коренец гээд, бэрхэ бэрхэ шүлэгшэд болон оршуулагшад шүлэгүүдыень ородшолһон ха юм. Москвагай хэблэлнүүд Цырен-Базар Бадмаевай номуудые ехэл дуратайгаар хэблэн гаргадаг бэлэй. Хорёод жэлнүүдэй туршада «Малыш», «Детгиз» хэблэлнүүдтэ хүүгэдтэ зорюулһан номуудынь олоор гараһан. Мүн «Молодая гвардия», «Советская Россия» хэблэлнүүдтэ ехэшүүлдэ зорюулжа бэшэһэн номуудынь баһал олоор гараал даа.

Харин 1959 ондо «Молодая гвардия» хэблэлээр гараһан «Степь крылатая» гэжэ түрүүшынь номой редактор Булад Окуджава байһан юм. Булат Шалович поэдэй хэдэн шүлэгүүдые ород хэлэндэ оршуулһан намтартай.

Зан абаряараа Цырен-Базар Бадмаев шог зугаатай, хүхюун хүн байгаашые хаа, ажабайдалда харюусалгатайгаар хандадаг, үнэн сэхэ хүн байгаал даа. Дуугай болошолһон зал соо «Гурбан мөөртэй машинахан» гэжэ эрэмдэг бзетэй болоһон хүн тухай шүлэгөө уншахыень нэгэнтэ бэшэ дуулаһан хүм. Тэрэ үедэ дайнаа бээ эрэмдэг болоод ерэнэн зон олон бэлэй. Өөрөөшые дайнай үедэ нилээд юумэ үзэһэн автор дайнда ябажа хахад бээ орхёод ерэнэн зоной уйдхар гасалан ойлгодог байгаа:

*Гурбан мөөртэй, яла-сала,
Ганса нюдэтэй машинахан
Урдаааамни гаража ерэбэ,
Үйлсын дундуур ишиганаан.*

*Хүлгүй хүн жолоодон нууна.
Хүбүүхэнийнь согтойн зэргэлээ.
Хүлнүүд дээрэхэнээ үндэгэшин,
Хүхинэ абадаа эрхэлээд.*

*Хэрэгтэйншье хэрэгтэй машина.
Хэдышье соходол заахан хаа,
Тэн тэрээн лэ ябахал даа.
Тишгэбэшье шимэнүүд машинын
Хэрэггүй байдаг гээшэ хаань,
Хүнүүдтэ нураггүй дээрэ нэн даа.*

*Энэ хүн шигэжэ ябанхаар,
Энхэрдэг тэршээхэн хүбүүгээ
Үргэжэ хүзүүндээ унуулхадаад,
Үйлсөөр алхалха нэн хүхюүгээр.*

Шэнэ маяг хэлбэри бэдэрхэн авторнуудай дунда классическа шүлэгтэ дуратай Цырен-Базар Бадмаевые харахаш. Баян уужам сэдхэлтэй, хүхюун сог мүннүүдтэй энэ хүн, гараа иишэ тишэнь хэжэржэ байжа, шүлэгөө уншана:

*Арадайм найхан заншал лэ!
Аба эсэгэнэрнай урдандаа
Нараа буяалгахагүй гэжэ
Наһаараа оролдон ябаал даа.*

*Зобохые үзэхэн арадни
Зол хубияа, хэлэхэн үгөө
Нараар хэмжэдэг байһаниинь
Намда захяа боложо үгөө.*

*Худал үнэн хоёрой
Хубита һуулиын тэмсэл лэ.
Энээндэ хабаадаха байһамни
Энхэ наһанайм талаан лэ.*

Цырен-Базар Бадмаевай поэзиин наран бидэниие хэтэ мүнхэдөө гэрэлтүүлжэл байхань болтогой.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Углөөнэй наран.* Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1951.
Хабарай сэсэгүүд. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1955.
Нүхэдэй дунда. Рассказууд. – Улаан-Удэ, 1956.
Үндэр хада. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1958.
Түрэнэн үдэр. Шүлэгүүд. – 1959.
Эбэрээ ургаһан эшгээдэй. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1961
Эхир хүбүүд. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1962.
Нара буляалдаан. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1963.
Эхэ орон. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1966.
Амар сайн. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1966.
Шэлэгдэмэл шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1969.
Ямар юумэндэ дашуурхааб. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1974.
Хонин маарана гү, мөөрэнэ гү? (Ц-Д.Дондоковатай хамта бэшээ). – Улаан-Удэ, 1982.
Алтаргана. Шэлэгдэмэл зохёолнууд. – Улаан-Удэ, 2005.

На русском языке:

- Наша степь.* Стихи. – Чита, 1955.
Детям. Стихи. – Улан-Удэ, 1956.
Степь крылатая. Стихи. – М.: Молодая гвардия, 1959.
День рождения. Стихи. – Иркутск, 1959.
У козлёнка выросли рога. Стихи. – М.: Детская литература, 1961; Улан-удэ, 2003.
Батыр. Стихи. – Свердловск, 1964.
Маленький табунчик. Стихи. – М.: Малыш, 1964, 1971.
Бурлит Селенга (серия «Поэтическая Россия»). Стихи, поэмы. – М.: Советская Россия, 1966.
Хотошо. Стихи. – Новосибирск, 1971.
Большой Хуралдан. Стихи. – М.: Детская литература, 1972.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Проказы Далай. Стихи для детей. – Иркутск, 1973.
Готовое седло. Стихи. – М.: Малыш, 1974.
Потешные ягнята. Стихи. – М.: Детская литература, 1978.
Готовое седло. Стихи. – М.: Изд-во Малыш, 1978.
Маладай. Стихи. – Улан-Удэ, 1981.
Серёжа в стране Будамицу. Повесть. – Улан-Удэ, 1970, 1988.
Писатели Аги. XX век. В 5 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2005; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 11. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Жалсараев Д.* Весенние цветы. – Буряад Унэн, 1955, 3 декабря.
Туденов Г. Подарок маленьким читателям. – Свет над Байкалом, 1956, № 2.
Чимитдоржиев Ш. Удача поэта. – Правда Бурятии, 1958, 3 сентября.
Без указ. автора. Бадмаев Цырен-Базар Бадмаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Без указ. автора. Бадмаев Цырен-Базар Бадмаевич // Антология бурятской поэзии. – М.: Советский писатель, 1959.
Мальцева Е. О сборнике стихов «Степь крылатая». – Правда Бурятии, 1960, 20 января.
Найдаков В. О сборнике стихов «Высокая гора» // Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962.

- Елисеев В.* Стихи обретают крылья. – Молодёжь Бурятии, 1962, 11 февраля.
- Баранникова Е.* Поэт в стране детства. – Правда Бурятии, 1972, 4 ноября.
- Баранникова Е.* Цырен-Базар Бадмаев // Литература советской Бурятии. Творческие портреты современных писателей. – Улан-Удэ, 1973.
- Намжилов Ч.-Р.* Последняя книга поэта. – Буряад Унэн, 1982, 19 декабря.
- Зимин Ж.* Книжка для малышей. – Правда Бурятии, 1984, 16 мая.
- Викторов Ж.* Обыкновенное чудо. – Детская литература, 1990, № 8.
- Без указ. автора.* Бадмаев Цырен-Базар Бадмаевич. // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Жапов В.* Цырен-Базар Бадмаев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
- Дугар-Нимаев Ц.-А.* Слово о друге. – Буряад Унэн, 1998, 12 февраля.
- Орбодоева Б.* Новый сборник в подарок детям. – Бурятия, 2003, 16 октября.
- Зимин Ж.* Особый мир детства. – Бурятия, 2004, 31 марта.
- Ивахинова Я.* Бадмаев Цырен-Базар Бадмаевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Жапов В.* Цырен-Базар Бадмаев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Василий Цыренович
НАЙДАКОВ
(1928-1999)**

«ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ...»

Эта строка принадлежит поэту. Но мы решили предпослать её рассказу о литературном критике, который тоже испытывал всю жизнь «пламенную страсть» – любовь к родной словесности. За её успехами и просчётами он постоянно следил, о её ярких талантах не устал писать и потому его по праву можно назвать знатком, ценителем и неустанным пропагандистом её духовных богатств.

Василий Цыренович Найдаков был моим университетским педагогом. Он читал нам, студентам, курс «Литература народов СССР». Чуть-чуть постарше нас, вчерашний выпускник ВУЗа, Василий Цыренович дружески относился к нашим студенческим шалостям, никогда не показывал превосходства в учебных дискуссиях. Но основательность, с которой он преподавал свой предмет, увлечённость, с которой он говорил о литературе, могли вызывать только уважение. Уже тогда он нередко печатался в серьёзных изданиях.

Посмотрите библиографические разделы, что следуют после очерков о писателях в нашей книге: сколько в них указано публикаций В. Найдакова о творчестве бурятских поэтов, прозаиков, драматургов! Кажется, всю созревшую ниву родной литературы охватил он пытливым и любящим взглядом. Василий Цыренович подробно проанализировал произведения писателей, заложивших основы национальной литературы – Хоца Намсараева, Намжила Балдано, Цыденжаба Дондубона (Ц.Дон), Солбонэ Туя, развивших и углубивших их традиции Жамсо Тумунова, Чимита Цыдендамбаева, Цырен-Дулмы Дондоковой, Цэдэна Галсанова, Даширабдана Батожабая, Цырена Шагжина, Барадия Мунгонова. Он показал новаторство новой талантливой плеяды писателей, проявивших себя в разных жанрах – Дамбы Жалсараева, Гунги Чимитова, Чимит-Рэгзэна Намжилова, Алексея

Бадаева, Цыденжапа Жимбиева, Николая Дамдинова, Владимира Петонова, Солбона Ангабаева. Наконец, он с радостью приветствовал приход в литературу очередной «волны» самобытных поэтов, прозаиков и драматургов – Дондока Улзытуева, Сергея Цырендоржиева, Цырена Галанова, Кима Балкова, Георгия Дашабылова, Даши Дамбаева, Мэлса Самбуева, Владимира Митыпова, Лопсона Тапхаева. Даже одно перечисление имён авторов, творчеству которых посвятил свои книги, монографии, литературные портреты, рецензии Василий Цыренович, заставляет удивлённо воскликнуть: когда же критик успел вдумчиво прочитать их произведения, осмыслить значение каждого в богатой литературной панораме, заинтересовать в живой беседе о них читателя?!

Но с другой стороны, удивление не совсем оправдано: исследование проблем прошлой и нынешней бурятской литературы было делом всей его жизни, он работал на этом поприще, не щадя сил. Недаром же долгие годы он занимал и соответствующую своим склонностям должность – заместителя председателя Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (позже России). В этой должности он, доктор филологических наук, профессор, руководил большим коллективом учёных, занимающихся гуманитарными науками. Неудивительно, что кроме собственных, авторских книг Найдаков издал несколько сборников, написанных совместно со своими коллегами. Так, например, в капитальном издании – двухтомной «Истории бурятской литературы» (второй том опубликован в двух книгах) несколько разделов написаны Василием Цыреновичем в соавторстве с учёными И. Кимом, Ц.-А. Дугар-Нимаевым, А. Соктоевым, Г. Туденовым, иные разделы – большим коллективом филологов во главе с Найдаковым. Книгу «Бурятская советская драматургия», в которой обстоятельно и глубоко проанализированы произведения земляков в этом жанре, он написал совместно с талантливой исследовательницей, доктором филологических наук, профессором С. Имixelовой.

Чтобы вы получили представление об «исследовательском почерке» В.Найдакова, приведу несколько абзацев из его размышлений о творчестве Ц.Дона, тем более, что в нашей книге нет литературного портрета этого писателя.

«Недолог был творческий путь Ц. Дона, – напоминает критик, – невелико его литературное наследие: две повести, несколько рассказов, эпическая поэма и статьи. Но значение его в развитии бурятской литературы огромно и непреходяще. Почему? Первый рассказ Ц. Дона «Кровавая расправа» вышел в свет в 1930 году. К тому времени уже были написаны несколько рассказов и поэма «Слово старого гэлэна» Х. Намсараева, поэма Б. Абидуева «Самолёт», прозаические и поэтические произведения других авторов. Но рассказ «Кровавая расправа», повести «Затмение луны» и «Отравление» («Отрава от брынзы») дали основание назвать Ц. Дона одним из основоположников национальной литературы. Дело в том, что в этих произведениях автор открыл новые возможности художественного изображения жизни, новые выразительные средства».

Вот рассказ «Кровавая расправа». В неравном бою окружен и разбит партизанский отряд. Сорок два человека во главе с командиром Бэликтиевым после издевательств и пыток погибают от рук белогвардейцев. Точность и выразительность деталей, выверенность поведения всех героев рассказа, эмоциональная сила, с которой передан трагизм события, – все говорило о том, что на страницы произведения шагнула сама жизнь и что показана она новыми художественными средствами.

«Чем знаменательна для бурятской литературы повесть «Затмение луны»? – задаёт вопрос исследователь. И продолжает: – Не тем только, что она – первая национальная повесть, хотя и это имело большое значение, а тем, что книга Ц. Дона показала народную жизнь в переломные времена, она дала осмысление того, что происходит сегодня, сейчас». Оказалось, что будничная, окружающая людей жизнь полна драматизма и красоты, она учит, предостерегает, дает надежду, она неостановима и полна высокого смысла.

«Середняк Радна Цыбиков, – напоминает критик, – герой в сущности ничем не примечательный – ни статью, ни доблестью, ни талантами. Но он дан в глубоко постижении своей внутренней, противоречивой сущности. Он в постоянном раздумье, в душевной борьбе: можно поступить так, а можно и по-другому. И каждый раз выбор сопряжён с внутренней борьбой, так как за этим выбором стоят убеждения, привычки, традиции прошлой жизни, да и завтрашняя судьба».

Те же знания глубинной жизни, сложной психологии героев потребовала следующая повесть Ц. Дона «Отравление». И опять она оказалась художественно убедительной. «Широта изображения современности, – пишет В. Найдаков, – убедительная обрисовка характеров, интересное развитие нескольких сюжетных линий, ясность и богатство языка сделали эту повесть лучшим произведением молодой литературы».

И как вывод:

«Произведения Х. Намсараева, Ц. Дона, С.Туя, Д. Дашинимаева были глубоко новаторскими по содержанию и по форме». Их авторы, используя традиции национальной художественности, опыт русских и зарубежных классиков, открыли для себя огромные возможности реалистического письма, новых выразительных средств. «Бурятский читатель, – подчёркивает В. Найдаков, – впервые встречал на родном языке реалистически выписанные портреты, развёрнутые картины природы, соотнесённые с душевным состоянием героев, речевые характеристики, внутренние монологи и т.д.». «Ничего этого не было, – замечает критик (думается, нисколько не умаляя при этом ценность письменных и устных, фольклорных произведений предыдущих веков), – ни в исторических хрониках, в которых проблескивали порою элементы художественности, ни в прозаических жанрах устного народного творчества – сказках, преданиях и легендах, основанных на принципиально иной художественной типизации, предельно обобщённой, ни в народном устно-поэтическом творчестве, образность которого достигается за счёт ритмической организации речи, синтаксического и смыслового параллелизма, ёмких и лаконичных формул-характеристик. Опыт Х. Намсараева, Ц. Дона, С. Туя и других дал возможность быстро сложиться системе художественных средств, реалистической манере изображения жизни, психологическому обоснованию поступков героев. То есть всему тому, что в литературах мира использовалось давно».

Легко заметить, что в книгах, статьях, рецензиях В. Найдакова всегда главенствует мысль – острая, высвечивающая сущность литературного явления, прозревающая новые черты словесности. Он всегда меряет произведение автора строгим аршином. И за частным видит общую тенденцию. Романы 60-80 годов прошлого века, например, дают ему основание сказать, что главным предметом литературы стала жизнь прошлая или настоящая в многообразии её судьбоносных событий, ярких, запоминающихся характеров. Художник, по мнению критика, придержива-

ется «историзма особого порядка». Он осмысливает любой отрезок времени как часть большой истории. А изменения в этой истории происходят не только внешние, событийные, но и, – что не менее важно, – изменения во внутреннем мире людей, в их психологии. Куда направлен вектор времени? Что загрязняет душу человека, а что её просветляет? Какие силы борются в ней? Вот с каких позиций стоит оценивать каждую книгу.

Или ещё одно утверждение. Национальный писатель становится интересным для любого читателя, если он «выражает общечеловеческое через национальное, через яркое изображение истории, быта, судьбы своего народа. В этом убеждаешься, читая произведения современных бурятских писателей. Они изображают не только старинные обычаи и традиции народа, но и обогащение их, и обновление самого облика нынешнего бурята». И в этом – миссия художника слова.

Интересны мысли Василия Цыреновича о национальной поэзии. Он считал, что, начиная с 60-х годов двадцатого века, она стала иной. Поколения Николая Дамдинова, Алексея Бадаева, Владимира Петонова, Солбона Ангабаева, Дондока Улзытуева, Даши Дамбаева, Георгия Дашабылова, Мэлса Самбуева, Лопсона Тапхаева, Баира Дугарова, Галины Раднаевой, Намжила Нимбуева и других бурятских лириков вместо декларативности, неоправданного пафоса и варьирования одних и тех же мотивов принесли в поэзию широкий творческий диапазон, разнообразие тем, богатство красок, новый характер лирического героя. «Произошло расширение границ поэзии, – писал В.Найдаков, – постижение сложных и тонких переживаний. Это потребовало умелого использования богатств родного языка, его художественно-изобразительных средств. Поэты стали ярче, убедительнее показывать нюансы чувств, настроений, раздумий человека. Поэзия стала не только гуманнее, но и утончённее, гибче, выразительнее». Она вписалась в общероссийскую и мировую лирику благодаря её национальному своеобразию, да и самобытности самого характера (говоря по-современному – менталитета) народа.

Думается, Василий Цыренович Найдаков задал масштаб и глубину бурятской критике. Вероятно, эти качества унаследуют его молодые коллеги.

«НЭГЭЛ ШУНАЛ БАЙГАА ЮМ...»

«Нэгэл шунал байгаа юм» – ородой агуухэ шүлэгшэнэй мэдээжэ шүлэгэй мур. Шүлэгэй энэ мурөөр манай Буряад ороной уран зохёол шүүмжэлэгшэ-критик Василий Цыренович Найдаков тухай статьяга нэрлэбэб.

Василий Цыренович Найдаков түрэл литературадаа тон дуратай, бэлиг талантай зоной уран бүтээлнүүдые эсэн сусангүйгөөр шүүмжэлжэ, шалгажа үзэдэг, энэ ажалһаа сүхэрдэггүй хүн байгаа.

Василий Цыренович университетэ хуража байхадамни намда багшалһан, «СССР-эй арадуудай уран зохёол» гэхэн курс хүтэлдэг байгаа. Университет өөрөө дүүргээд, бидэндэ багшалжа эхилһэн хадаа, наһаараа бидэнһээ аха байбашье, бидэндэ нүхэр мэтээр хандадаг, үетэнтэйгөө хөөрэлдэжэ байһандал харилсадаг бэлэй. Уран зохёол заахадаа ехэл шунал абьяастайгаар тэрэнээ бидэндэ хөөрөжэ үгэдэг, томо томо хэблэлнүүдтэ статьянуудые ходо толилуулжа байдаг хэн.

Буряадай поэдүүд, прозаигууд, драматургнууд тухай хэды олон очеркнүүдые бэшээ гээшэб! Уран зохёолой бүхы жанрнуудые хараадаа абажа шүүмжэлжэ, шалгажа байдаг бэлэй.

Уран зохёолой эхиндэ байхан Хоца Намсараев, Намжил Балдано, Цыденжап Дондубон (Ц.Дон), Солбонэ Туяһаа эхилээд, уран зохёолой ёһо заншалнуудые саашань үргэлжэлүүлһэн Жамса Тумунов, Чимит Цыдендамбаев, Цырен-Дулма Дондокова, Цэдэн Галсанов, Дашарабдан Батожабай, Цырен Шагжин, Барадий Мунгонов хүрэтэр. Нүүлдэнь элдэб жанрнуудта бэлиг талаанаа туршажа, буряад уран зохёолдоо шэнэ амисхал асарһан Дамба Жалсараев, Гунгаа Чимитов, Чимит-Рэгзэн Намжилов, Алексей Бадаев, Цыденжап Жимбиев, Николай Дамдинов, Владимир Петонов, Солбон Ангабаев тухай бэшээ. Удаань Дондог Улзытуев, Сергей Цырендоржиев, Цырен Галанов, Ким Балков, Георгий Дашабылов, Даша Дамбаев, Мэлс Самбуев, Владимир Митыпов, Лопсон Тапхаев мэтын өөрын онсо аялгатай шэнэ үе сагай долги уран зохёолдоо асарһан шүлэгшэд, прозаигууд болон драматургнуудай ерэхэдэ, баһал угаа баяртайгаар тэдэнээ угтан абаа.

Эдэ зохёолшодой нэрэнүүдые дурдахада, хэзээдээ энэ олон номуудые, монографинуудые, уран зохёолшодой дүрэ зураглаһан статьянуудые бэшэжэ, эдээн тухайгаа уншагшадта угаа һонирхолтойгоор хөөрөжэ үрдидэг байгаа гээшэб гэжэ гайхахаар аабза. Тээд үнгэрһэн ба мүнөө үе сагай буряад литературада шийдхэгдээгүй хүндүүлхэй асуудалнуудые шийдхэхэ хэрэгтэ бүхы һанаяа Василий Цыренович зорюулаал даа. СССР-эй эрдэмэй (нүүлдэнь Россиин болоо һэн) Академиин Сибириин таһагай Буряадай филиалда түрүүлэгшын орлогшоор олон жэлдэ ажаллаа. Хэлэ бэшэгэй эрдэмэй доктор, профессор, энэ тушаалда хүдэлхэдөө, эрдэмтэдэй томо коллектив хүтэлбэрилөө. Өөрынгөө бэшэһэн авторска номуудые хэблэлдэ бэлдэжэ гаргаханаа гадна, хамта хүдэлдэг нүхэдөөрөө суг хамта номуудые бэлдэжэ хэблүүлдэг байгаа. Жэшээн, 2 ботинһоо бүридэһэн «Буряад уран зохёолой түүхын» (2-дохи ботинь хоёр номһоо бүридэнэ) зарим хубинууд И.Ким, Ц.А.Дугарнимаев, А.Соктоев, Г.Туденов эрдэмтэдтэй, зариманиинь хэлэ бэшэгэй бүлэг эрдэмтэдтэй бэшэгдэһэн ха юм. «Буряад совет драматурги» гэжэ ном соогоо энэ жанрта хүдэлдэг Буряадайнгаа зохёолшодой зохёолнуудые тон гүнзэгыгөөр шүүмжэлжэ тодорхойлходоо, хэлэ бэшэгэй доктор, профессор, талаан бэлигтэй шүүмжэлэгшэ С.Имixelоватай хамта энэ ном бэлдэжэ, хэблүүлээ.

Василий Найдаковой шүүмжэлхы маяг, бэшэгэйн онсо хэлбэри тухай хэлэхэ гэдэл, Ц.Доной зохёолнууд тухай тэрэнэй бэшэһэн һанамжа шүүмжэлэлнүүдһээ бага зэргэ хэһэг харуулхаа һананаб, юундэб гэхэдэ энэ зохёолшон тухай тус ном соо бэшэгдээгүй.

«Ц.Доной зохёохы зам тон богонихон байгаа: хоёр туужанууд, хэдэхэн рассказауд, эпическа поэмэ болон статьянууд, – гэжэ шүүмжэлэгшэ һануулаад, саашань бэшэнэ: – Зүгөөр Ц.Доной буряад уран зохёолдо оруулһан хубита тон ехэ юм. Юундэ гэжэ гү? Ц.Доной «Шуһата хюдалга» гэжэ түрүүшын рассказ 1930 ондо толилогдоһон юм. Тэрэ үедэ Х.Намсараевай «Үбгэн гэлэнэй үгэ» гэхэн поэмэ болон хэдэн рассказауд, Б.Абидуевай «Самолёт» гэхэн поэмэ, бэшэ авторнуудай шүлэглэмэл болон прозоор бэшэһэн зохёолнууд бэшэгдээд байгаа. Гэбэшье, «Шуһата хюдалга» гэжэ рассказынь, «Брынзын санха», «Хиртэһэн һара» гэжэ туужануудын Ц.Дониие буряад арадай уран зохёолой эхи табигшадай нэ-

гэн гэж хэлэх эрх олгоно. Юундэб гэхэд, уран зохёолшо тус зохёолнууд соогоо ажабайдалыг зураглан харуулха шэнэ аргуудыг харуулаа».

«Шухата хюдалга» гэж рассказ абажа харая. Партизануудай отряд үсөөхэн байжа, дайсадта хүрээлэгдэж, хамна сохюулна. Бэликуев командирай ударидалга доро дүшэн хоёр хүн сагаантанай гарта орожо, элдэб муухайгаар гасаалуулжа, хосорнод. Эндэ зураглан харуулагдаһан бүхы үйлэ хэрэгүүдыг зүб үгэнүүдыг оложо харуулхадаа, рассказай геройнуудай яажа бээ абажа ябаһыг, абари зангаараа ямар хүсэ зоригтой байһыг шадамараар зураглан гаргахадань, ажамидаларай өөрөө зохёолой хуудаһануудта нэбтэрэн орошондол, уран найханай шэнэ аргаар эдэ бүгэдэ туйлагдаа гэжэ харагдана».

«Хиртгэһэн нара» гэж туужа буряад уран зохёолдо ямар шэнэ юумэ асарааб? – гэж шүүмжэлэгшэ асуудал табиһанаа, өөрөө иигэжэ харюусана: – Энэмнай гансашье түрүүшын буряад туужа байһанай бэшэ, харин Ц.Доной зохёол арад зоной байдалай нэлгэлдэжэ байһан үе сагай долгинод абтахадаа, тэрээн соо шаналхаар уйдхартайшыг, найхашаахааршыг дэмбэрэлтэй юумэнүүд олон, зүгөөр эдэ бүгэдэ бидэниг хургажа, алдуунуудһаа нэргылжэ, найдал үгэхэдөө, ажабайдалыг зогсоохоор бэшэ, урагшаал эрмэлзэхэнэй тэмдэг, үндэр ехэ удхатай гэжэ харуулна» гэжэ тэмдэглээ.

«Радна Цыбиков гэжэ дунда шадалтай хүн юугээрээшыг бэшэнһээ илгардаггүйшыг хаа, сэдхэл дотороо тон орёо хүн гэжэ харуулна. «Иигээ хаа дээрэ байгаа гү?», «Али иигэхэ байгаа гүб?» – гэжэ ходоол сэдхэл дотороо зүришэжэ ябана. Шиидхэбэри бүхэниг доторой ехэ тэмсэлэй дүнгөөр абтаһан, урданайн заншал үглөөдэрэйг байдал хоёрыг үргэлжэ шэлэжэ шиидхэбэри абаха хэрэгтэй болоно».

Ц.Доной «Брынзын санха» гэхэн туужа соохи геройнуудай зан абаринууд баһал гүнзгыгөөр харуулагдана. Автор энэниг баһал ехэ шадамараар харуулжа шадаа. «Мүнөө үеыг зураглахадаа, ехэ бодомжтой дэлгэрэнгыгээр зураглажа, хүнүүдэй зан абариин тон үнэншэмэ бэрхээр харуулжа, сюжетдэй хүгжэлтыг ехэ һониноор ябуулжа, баян хэлээр бэшэһэн энэ туужа залуу литературыг эгээл эрхим зохёолнуудай нэгэн болоо гээшэ» – гэжэ В. Найдаков бэшэ һэн.

Эдэ бүгэдыг уншаад, ямар дүн гаргаһан бэ гэхэдэ:

«Х. Намсараевай, Ц. Доной, С. Туягай, Д. Дашанимаевай зохёолнууд удхаараашье, түхэл хэбээрээшыг шэнэ амисхалтай». Арадайнгаа аман зохёолой баялиг, ёһо заншалнуудыг, хари гүрэнүүдэй болон ород классигуудай баян дүй дүршэлдэ түшэглэн, авторнууд үнэн юумыг хэбээрнэ харуулжа бэшэхэ ёһоной шэнэ тодорхой арга боломжонуудыг олоо гээшэ. «Буряад уншагшад өөрынгөө түрэл хэлэн дээрэ зүбөөр зураглажа гаргаһан дүрэ портрэдүүдыг, байгаалин гоё найхан зураглалнуудыг, геройнуудай доторой байдалыг, зугаагшын, сэдхэл дотороо бодожэ ябаһан бодолнуудыг түрүүшынхэ уншаха аргатай болоо бшуу», – гэжэ шүүмжэлэгшэ тодорхойлно. «Түүхын хуудаһануудта заримдаа уран найханай зарим юумэнэй ялагас гэжэ бултайгаад абаашье хаань, арадай аман үгын прозаическа жанрууд болохо онтохонууд, домогууд соо иимэ зохёолнууд байгаагүй. Х. Намсараевай, Ц. Доной, С. Туягай болон бусад дүй дүршэл уран найханай системын бии боложо, байдал зүбөөр, геройнуудай хэһэн үйлэ хэрэгүүдыг гүнзгыгөөр харуулха арга олгоо. Дэлхэйн литературада эдэ бүгэдэ үнинһөө хойшо хэрэглэгдэдэг байгаа».

Уран үгын арга боломжо зохёолдо яажа хэрэглэнэб гэжэ В. Найдаков номууд, статьянууд, рецензинууд соогоо харуулхыг ходо оролдоно. Авторай зохёол тон ехэ

наринаар тэрэ шүүмжэлхэдээ, хубийн юумэнэй саана байһан хамтын юумэ олоно. Жэшээлбэл, хоридохи зуунай 60-80-аад онуудай романууд юу харуулнаб гэхэдэ, уран зохёолой гол юумэн үнгэрһэн гү, али мүнөөнэй байдалые олон тээһэнь харуулха, ондо ондоо зан абаринуудые тоб байса зураглан гаргажа шадаха. Үе сагай богонихон хэмжээе ехэ түүхын хуби гэжэ харуулха. Хубилалтанууд болоходоо, гансашье хүнэй гадаа түхэлдэ бэшэ, тэдэнэй ухаан дотор хубилалтанууд болодог ха юм. Сагай урасхал хайшаа шэглэнхэйб? Ямар юумэн хүнэй ханаа сэдхэл бузарланаб, юун сагааруулнаб? Ямар хүсэнүүд хүнэй ухаан бодолдо тэмсэнэб? Иимэл хэмжээнһээ хабагшалан ном бүхэндэ сэгнэлтэ үгэнэ. «Дэлхэйн арадуудай хүн бүхэндэ хабаатай юумые үндэһэтэнэй зүгһөө харуулжа шадаха арад зонойнгоо хуби заяа, байра байдал, түүхэхээ харуулжа шадаһан лэ хүн арадай зохёолшон болоно. Мүнөө үеын буряад зохёолшодой зохёолнуудые уншахада, энэ эли болодог. Тэдэнэр гансашье арадайнгаа эртэ урда сагай ёһо заншалнуудые зураглан харуулдаг бэшэ, мүн тэдэниие баяжуулдаг, шэнэлдэг, мүнөөнэй буряад хүнэй түхэл шарай баһал ондоо болон шэнэлэгдэнэ». Уран үгын зураашан гээшэ иимэл хэрэг бүтээхээ энэ дэлхэйдэ ерээ бэшэ гү.

Василий Цыреновичай арадай поэзи тухай ханамжанууд баһал һонирхолтой. Хоридохи зуунай 60-аад онуудһаа эхилжэ, буряад поэзи хубилаа гэжэ тэмдэглэнэ. Николай Дамдиновай, Алексей Бадаевай, Владимир Петоновой, Солбон Ангабаевай, Дондок Улзытуевай, Даша Дамбаевай, Георгий Дашабыловой, Мэлс Самбуевай, Лопсон Тапхаевай, Баир Дугаровай, Галина Раднаевагай, Намжил Нимбуевай болон бусад поэдүүдэй шүлэгүүд урданай декларативна, дан ехэ юумые үлүүсэ магтажа бэшэһэн бэшэ, олон үнгэтэй, лирическа геройнуудынь ондоонууд. Поэзийн хилэ үргэдөө. Хүнэй доторхи байдалые түрэл хэлэнэй баялигыг хэрэглэн харуулха арга бии болоо», – гэжэ В.Найдаков бэшээ. Тиигэжэ буряад уянгата шүлэг бүхэроссийн болон бүхэдэлхэйн уянгата шүлэгтэ өөрын маягтайгаар ороо.

Василий Цыренович Найдаков буряад шүүмжэлэлдэ гүнзэгы удха, үргэн дэлисэ үгэһэн хүн. Тиимэһээл тэрэнэй энэ дэмбэрэлтэ хэрэгыг залуу шүүмжэлэгшэд халажа абаа ха юм.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Бурятская драматургия. Историко-литературный и критический очерк. – Улан-Удэ, 1959.

Заметки о современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1962.

Народ, время, писатель. – Улан-Удэ, 1964.

Современные писатели Бурятии. Литературные портреты и очерки. – Улан-Удэ, 1969.

Традиции и современность в бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1974.

Традиции и новаторство в бурятской советской литературе. – Улан-Удэ, 1976.

Там, где плещет Байкал. – М.: Современник, 1979.

Непроторёнными путями. – Улан-Удэ, 1984.

Путь к роману. История формирования бурятской прозы. – Новосибирск, 1985.

Намжил Балдано. Литературный портрет. – Улан-Удэ, 1987.

(В соавторстве с Имхеловой С.) Бурятская советская драматургия. – Новосибирск, 1987.

Даширабдан Батожабай. Литературный портрет. – Улан-Удэ, 1991
(*В соавторстве с Соктоевым А. и Туденовым Г.*). История бурятской литературы (1917- 1955 гг). Том 2, часть 1. – Улан-Удэ, 1991.
(*В соавторстве с Кимом И. и Ц-А. Дугар-Нимаевым*). История бурятской литературы (1917-1955 гг). Том 2, часть 2. – Улан-Удэ, 1991.
(*В составе авторского коллектива*). История бурятской литературы (1956-1995 гг). Том 3. – Улан-Удэ, 1997.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Тармаханова О., Жарков. Найдаков Василий Цыренович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Ярневский И. Зов к творческому поиску. – Байкал, 1976, № 1.
Без указ. автора. Найдаков Василий Цыренович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Без указ. автора. Найдаков Василий Цыренович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Уланов Э. Добрый человек с тункинских гор. – Правда Бурятии, 1998, 1 июля.
Базаров В., Тулохонов М. Он жил предельно насыщенной жизнью. – Бурятия, 1998, 23 июня.
Балданов С. В.Ц. Найдаков и бурятское литературоведение // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.
Курас Л. Библиографический указатель трудов профессора В.Ц. Найдакова. – Улан-Удэ, 1998.

**Алексей Данилович
БАДАЕВ
(1928-2009)**

НЕ ПОТЕРЯТЬ ДОБЫТОЙ ВЫСОТЫ

Каждая книга поэта – это веха в его творческой жизни. Более полувека назад Алексей Бадаев поставил на литературной стезе первую вешку – опубликовал сборник своих стихов «Под знаменем полка». То была книга молодого автора, прошедшего армейскую закалку. Выпускником железнодорожного техникума он ушел на службу в армию, там закончил военное училище и получил направление на флот. Пять лет длилась воинская наука. И хотя Алексей Бадаев начал публиковать стихи с 16 лет (а значит, к выходу первой книги были у него строки не только об армейской жизни), суровая воинская закалка определила и тематику первого сборника, и поэтическое мироощущение автора:

*Севастополь!
Я камни целую твои,
Как бессмертное знамя полка целовал!*

Ну, а следующие вехи? Книги: «Завещание отцов» и «Ответственность» (первая – в переводе на русский, вторая – на родном языке), вышедшие вскоре, как бы дополняли и углубляли содержание сборника ранних стихов. Потом последовали книги «Человек идет», «Время, что ли, такое», «Июльский гром», «Ветер с Байкала». И стало ясно, что в бурятской литературе утвердился поэт, остро чувствующий современность, умеющий рассказать о жизни вдохновенно и красочно:

*Жизнь – восхожденье. Каждый шаг в ней дорог.
Любой из нас, хоть мал он, хоть велик,
Взойдет: один – на низенький пригорок,
Другой – на утонувший в тучах пик.*

*Взойти – взойдешь. Но вот еще задача:
Не потеряй добытой высоты.
Иначе жизнь бессмысленна. Иначе
Она – катанье с гор. А кто же ты?*

– Я убежден, что писатель формируется одновременно и как человек, и как литератор, – говорил Алексей Бадаев. – К своим стихам поэт приходит через испытания, потери, радости, труд. Каждую строку стихов нужно оплатить в жизни, выстрадать. Я вырос в селе Олзон под Улан-Удэ. Работал в поле, на покосе. После учебы в техникуме и службы в армии был грузчиком, строителем. Потом на долгие годы – журналистская работа. Со временем все яснее приходило понимание смысла жизни, ее ценностей, ее счастья и горечи.

Мы можем подтвердить это признание строками поэта:

*Будь беспокойным, когда не грядут перемены.
Там беспокойся, где царствует мнимый покой.
В жизни спокойны, пожалуй, одни манекены.
Ну да и скалы, которым до неба – рукой...
Ярость судьбы не сильнее человеческого гнева.
Сколько бы яростных лет над землей ни прошло,
Истинно грозным и яростным могут быть небо
И человек, увидавший воочию зло.*

Цельный характер у лирического героя стихов А. Бадаева. Цельный, но не застывший, а живой, развивающийся. От книги к книге он обретал новые черты человека неравнодушного, отвергающего покой, созидającego. Есть у поэта стихотворение «Время, что ли, такое?» (кстати, по нему названа и одна из книг А. Бадаева). Со счастливым удивлением он замечал:

*Время, что ли, такое?
Люди нашей страны
Стали лучшие, красивее...
Словно юноши, старцы стройны.
Мы глядеть стали зорче,
любить научились сильнее!
Песни птиц стали звонче
и небо над нами – синей,
И сады – зеленее,
радостней солнце встает...
Время, что ли, такое?
Чудесное время мое!*

Лирический герой и старался быть на высоте этого времени. Оно диктовало: негоже терять попусту дни, быть мелким в желаниях и помыслах, думать об уюте. И человек откликался на этот зов. Он трудился, любил и ненавидел, как сын этого удивительного времени:

*Признаюсь вам:
мне непонятен тот,
Кто сторонится ярких красок мира.
В подобном сердце
радость не цветет,*

*И свет души струится скупо, сирю.
А с тем, кто совершенству розы рад,
Кто принимает мир светло, сердечно,
Я вместе бы прошел и рай, и ад
Прекрасной жизни –
жаркой, быстротечной!*

И еще одно наблюдение. Когда Алексей Бадаев с нежностью писал о матери, растившей в военное лихолетье своих детей честными, справедливыми, работающими, то ясно виделось: ее нравственные правила – это правила и сына. Когда поэт с уважением говорил о старом фронтовике, табунщике или о ровесниках, принявших на свои плечи трудные заботы тыла, то читатель понимал: он сам брал в жизни ношу потяжелее. Когда Бадаев передавал чувства своего друга, чабана, навек полюбившего росные дороги в степи, то нельзя было сомневаться: это и чувства самого автора. Слитность с героями стихов, с современниками – качество, органичное для поэзии А. Бадаева. Вот почему его песнь о Бурятии – это и горячее, страстное слово его земляков о родных просторах:

*Смеюсь и рыдаю,
Найдя бугорочек земной,
Где тоонто зарыто.
В траве молодой кувыркаюсь!
Бегу босиком!
И далекое детство за мной,
И кони гнедые,
И годы бегут, задыхаясь! –*

кто из читателей не повторит «от себя» эти взволнованные строки!

Но в стихах Алексея Бадаева не случайно рядом с пейзажами весенней бурятской степи, гроыхающим Байкалом, задумчивой синью Саян присутствовали и полевые просторы России, Пулковские высоты под Ленинградом, лунные сады Крыма, озеро Рица. Не случайно рядом с выношенными словами о труде и творчестве звучали строки о любимой, о счастье увидеть распускающийся цветок и первый шаг ребенка. Таков духовный мир сегодняшнего человека: все многообразие чувств и переживаний вмещает сердце, все богатство впечатлений изливается в песне:

*Мне не спится, не спится под яркими звездами Крыма.
Опьяненный цветением лунных уснувших садов,
Средь лимонных аллей и фонтанов неустомимых
До утра я хожу вдоль волшебных его берегов.
Не пойму, отчего мне под крымской луною так грустно,
Отчего так пьянят меня каждая ветка и лист?
Это море – как очи бурятки степного улуса,
Точно стан ее, строен цветущий в саду кипарис.*

Лирическое дарование поэта, на мой взгляд, особенно проявлялось в стихах о юности, о любви. Таких стихов много в книгах Алексея Бадаева. Они всегда привлекали трепетностью чувства, искренностью в выражении его, музыкальностью слова. Нельзя не привести здесь хотя бы несколько строф:

*Не мы придумали любовь
 С ее бессонными ночами,
 С ее бездонными очами,
 С ее желанной маетой,
 С ее высокой немотой,
 С ее отчаяньем и мукой,
 С ее нечаянной разлукой
 И неожиданным письмом...
 Нет, нас придумала любовь,
 А мы придумали свой дом,
 Свой дом любви из вод и снега,
 Звезд и травы, земли и неба.
 И в нем мы поселили гром,
 Июльский дождь, лесное эхо.
 И золотые кольца смеха,
 И нежность поселили в нем.*

Эта свежесть, эта трепетность чувства ярко выражены в книге А. Бадаева «Отчий край – Олзон», которую выпустило для юных читателей издательство «Молодая гвардия». Об этом сборнике состоялся у меня разговор с поэтом.

– Я давно хотел написать книгу для молодежи, – признался Алексей Данилович. – Для тех, кто выбирает дорогу в жизни, влюбляется. Мне хотелось напомнить им, что у человека есть много богатств, которые ему щедро подарила жизнь. Это прежде всего Родина. Стихи о России, о нашем прекрасном крае – Забайкалье составили немалую часть книги. А еще я говорю о богатствах духовных, тоже непреходящих: о благородстве, доброте, любви. Я стремился написать об этом с волнением и сердечностью. Конечно, тут я проверял и себя: а смогу ли я, человек немолодой, говорить обо всем этом доверительно, свежо, молодо. Как получилось – об этом судить читателю.

Сборник опубликован. И без сомнения, к давним читателям поэта прибавились новые, юные. Ведь в книге стихи, которые помогут молодым людям лучше понять себя и мир вокруг:

*Каждый цветок,
 на опушке растущий таежной,
 Среди разноцветных
 и ярких собратьев своих,
 Имя прекрасное носит...
 С его красотой невозможной
 Сравнить любит
 единственных и дорогих.
 А человек,
 что трудом и прекрасен, и славен,
 Имя свое
 украшает работой своей.
 С самым чудесным цветком
 мы сравнить его вправе,
 С самым ярчайшим соцветьем
 опушек, лугов и полей.*

Одной из следующих по времени вех (если снова воспользоваться этим сравнением) стала в творческой жизни Алексея Бадаева книга стихов, баллад и поэм «Песни сурхарбана». Она объединила лучшие стихи поэта прошлых лет и новые произведения. Эти новые строки подтвердили: жизненные впечатления поэта не иссякали, его страсть не угасала, потому что он знал, где искать свое вдохновение:

*Иной украсит скакуна ярчайшего попоной
Нацепит лент, а на седло – отделку серебра.
Хоть становись пред скакуном молись, как пред иконой...
Но резвым делает коня не эта мишура.*

*Вот так порой в ином стихе сверкает позолота:
Румянощечные слова, метафор пышный ряд...
Не только мысль даёт стихи и крылья для полёта
И точность образу в строке, и слову – дивный лад.*

АБИРЖА ГАРАҢАН ҮНДЭРӨӨ АЛДАЖА БОЛОХОГҮЙ

Поэдэй ном бүхэн зохёохы намтарайнь нэгэ шата болоно. Табяад жэлэй урда Алексей Бадаев «Полкын туг доро» гэжэ шүлэгүүдэй номоор зохёохы замайнгаа эхи табиһан юм. Сэрэгэй алба гаража ерэнэн залуу авторай түрүүшын ном энэ байгаа. Түмэр харгын техникум дүүргэһээр сэрэгэй албанда абтажа, сэрэгэй училищи дүүргээд, уһан сэрэгтэ эльгээгдэнэн юм. Табан жэл соо алба хээ. 16 наһатайһаань шүлэгүүдээ толилуулжа эхилээшье һаа (түрүүшынгээ номой хэблэгдэн гарахада, гансашье сэрэгэй албан тухай бэшэжэ үрдинэн бэшэ, нилээд юумэ үзэнэн хүн ябаа), дүршэлтэй болоһон хүбүүнэй түрүүшын согсолбори соо ороһон шүлэгүүдэй тематика мэдэхээр һэн.

*Севастополь!
Эхэ оронойм
Хара далайдахи хэрэм.
Суурханад дэлхэй дээр.
Габьяагайш урда хүгэдэнэм.
Жабхаланта арадайнгаа
амтатай байдалые сахин,
Жагсанаиш
мүнөөдөр
хододоо хэрхо, һэргэлэн!*

Һүүлдэнь «Эсэгын захяа» гэжэ ном ород хэлэн дээрэ, «Харюусалга» – буряад хэлэн дээрэ хэблэгдэн гараа һэн. Удаань «Хүн ябана», «Сагнай тиимэ юм гү», «Июльдэ тэнгэри дуугарна», «Байгалай һэбшээн» гэхэн номуудын гаража, мүнөө үе сагай амисхал үнгэтэ гоёор зураглан харуулдаг поэт буряад уран зохёолдо бии болобо гэжэ гэршэлээ:

*Хүнэй наһан – үргэлжэ өөдөө абиралган юм.
Хүн бүхэн тиигэбэй өөр өөрын табисууртай.*

*Эгсэ добо дээрэ гаража ядаха зариман,
Эрэлхэг нүгөөдүүлынь саһата оройдо аһаха.*

*Энэ наһандаа абиржа гараһан үндэртөө
Эсэсэйнгээ ерэтэр тогтожсо байха зэргэтэйш.
Абятай, шууяатай үхибүүдтэл дээшэ, доошоо
Абирха, холжорхо хаа, амиды ябаһанай ээлтэйл.*

– Элдэб туршалгануудые, гээгдэл, хохидол, баяр жаргал, ажалай хүлһэ найтар үзэһэн хүн зохёол бэшэхэ эрхэтэй болоно гэхэ юм гү, шүлэгэйнгөө мүр бүхэниие бэеэрээ үзэһэн, дабажа гараһан байха ёһотой. Улаан-Үдын дорохоно оршодог Олзон гэжэ нютагта үдэһэн хүм. Техникумда нураад, сэрэгэй алба хэжэ ерээд, пооли дээрэ хүдэлөөб, үбһэ сабшалганда ябааб, ашаа шэрээб, барилга дээрэ хүдэлөөб. Һүүлдэнь олон жэлдэ сурбалжалагшын ажал хээб. Тийһээр ябатараа ажабайдалай удха, үнэ сэнгыень, жаргал хохидолой амта мэдэжэл ябахаш.

Нээрээшье, поэдэй шүлэгүүдые уншахадаш, энэ элихэнээр харагдаха:

*Һанаамар ши бү һуу, тойроод намдуу байхада,
Һанаа зобохоор бэшэш һаань, ходо зободог бай.
Амиггүй манекенүүд ба бууралтаһан оройтой хада
Аниргүй һуудаг лэ, харин юушье боложо байг.*

*Һанаамар ши бү бай, һалхи шуурга угтахадаа,
Һалхинай уур сухалые сэдхэлэй галаар дара.
Худал хуурмагта, муу мэхэдэ дурагүй хадаа,
Хурата сахилгаандал галзуу сухалтай амидара.*

А. Бадаевай уянгата шүлэгүүдэйн герой яһала тэсэбэритэй, шанга абари зантай хүн. Гэбэшье, хорхойгоод ябажа байдаг бэшэ, бүхы юумэндэ хабаадалсажа, бүхы юумээр һонирхожо ябадаг хүн. Номһоо номдо тэрэ геройн дүрэ шарай бүри хурса, бүри дүүрэн боложо үгэнэ гэхээр. «Сагнай тиймэ юм гү?» гэхэн шүлэг А.Бадаевта бии. Энэ шүлэгэйн нэрэ нэгэ номойнь гаршаг боложо үгөө. Тэрэ шүлэг соогоо поэт иигэжэ бэшэнэ:

*Сагнай шимэ юм гү?
Нютагаархиднай барандаа
Нюураарааш, сэдхэлээрээш
үлэмжэ сэбэрхэн,
Нюдэдшье, огторгойшье
тунгалаг сэнхирхэн.
Хүгшэднай бүхынэгүйл –
хүл бэе хүнгэхэн.
Хүбшэ тайгамнай
ногоороод пэгшэгэрхэн.
Сагнай шимэ юм гү?
Жэгтэйл үе саг даа!
Сагнай шимэ юм гү?
Тойроод һайхан даа!*

Уянгата энэ шүлэгэй герой өөрынгөө саһаа гээгдэхгүй гэжэ оролдоно. Сагаа миинтэ хоһоор баража байнгүй, жэжэ божо бодол хэрэгүүдтэ сагаа һалгаангүй,

дулаан гэр соогоол нуужа байнгүй, урагшаал, дээшээл эрмэлзэхэ ёһотойш гэжэ сагынь баадхана. Тиигэжэ тэрэ ажаллаа дурлаа, үзэн ядаа, энэ сагай бүхы юумэ үзэжэ гарахы эрмэлзээ:

*Оришолонто дэлхэйн гайхамшаг арюухан шэнжые
Ойлгодоггүй хүндэ дурагүйб – хэтымни гайхал.
Үнжэсэн уян сэдхэл, уужам харуул гэрэлтэй
Үнэшиэ зүрхэн тэрээндэ хаанаһаа биш байхаб?*

*Наргама сэсэгэй болбосоролые, шүүдэрэй арюе
Найхашаадаг хүн жаргалтай. Юртэмсэ ямар найхам?
Ялас гээд үнгэрдэг наһанай диваажан, тамадашые
Ябахаар тэрээнтэй бэлэмби – гараа би харбайхаб!*

Анхармаар үшөө нэгэ юумэн гэхэдэ, дайнай үлэн хооһон үе сагта үри хүүгэдээ үнэн сэхээр, ажалда дуратайгаар хүмүүжүүлһэн эжы тухайгаа ехэ мээхэй дулаанаар бэшэһэн байдаг. Ара талада хүндэ ажал хэжэ гараһан наһажаал сэрэгшэн тухай гү, али адуушан, өөрынгөө үетэн тухай бэшэхэдэнь, автор өөрөө иимэ ажал хэжэ бэе дээрээ үзэһэн хүн гэжэ уншагша дары ойлгохо. Шүлэгүүд соонь ороһон геройнуудтайгаа, өөрынгөө үетэнтэй А. Бадаевай поэзи аргагүй холбоотой. Тиимэһээл тэрэнэй Буряад орон тухайгаа бэшэһэн мүнрүүд халуун зүрхэнһөөнь гараһан гэжэ мэдэхээр:

*Найхан бэлэй даа багымнай
Майхан шэнги огторгой.
Таамаг холохонһоо даллаха
Таабари мэтээр холын ой.*

*Холын ойһоо алад саана
Холбоо хаданууд хүхэрхэ.
Буурсаг жаахан толгойем
Буумал һэбишээн эльбэхэ.*

Эдэ мүнрүүдые ямар уншагша дабтахагүй бэлэй!

Зүгөөр Буряадай нэмжэгэр тала газарай зурагуудай, хүүен урдажа байгаа Байгалай дошхон долгидой, Саяан уулын хүхэ тэнгэрийн хажуугаар Орос гүрэнэймнай үргэн талын сэсэгүүд, Ленинград хото шадарай Пулково гүбээ, Крымэй гоё сэсэрлигүүд, Риц нуур гээд зэргэлжэ байдаг. Ажал ба зохёол тухай бэшэнэ гү, задаржа байһан сэсэгэй дэльбые найхашаан зураглана гү, үхибүүнэй түрүүшын алхам тухай бэшэнэ гү – Алексей Бадаев эдэ бүгэдэ тухай үнэн зүрхэнһөөнь абаж, хүнэй уярхаар бэшэдэг ха юм:

*Эндэхи хүнинүүд харанхы,
Эмнинэ мүшэд тэнгэриһээ.
Нажажа ядаад удаахан
Наяхан гарааб гэрһээ.*

*Сэсэрлиг соогуур гэшхэлнэб,
Сээжсэдэм гунигай үүлэн.
Басаган, гарыш урдаһаам
Бүрэнхы аллеиень гэрэлтүүлэн.*

*Байгалай уһандал тунгалаг
Баяртай нюдөөрөө харьш.
Наранай шүүдэрые хатаадагтал,
Намһаа гунигым дэгдүүлыш.*

Эдир наһан, дуран тухай бэшэһэн шүлэгүүд соонь поэдэй уян нугархай сэдхэл, шүлэгүүдэйн уянгата байһан элирээ. Иимэ шүлэгүүдын хүнэй уярма гоёор бэшэгдэһэн байдаг:

*Таабари мэтэ таагдаагүй
Таамаг ехэ нюусануудтай,
Зүгөөргүй ута хүнинүүдтэй,
Оёоргүй хурса нюдэнүүдтэй,
Зобожо жаргама зоболонтой,
Золгожо харгама толонтой,
Эбсэшэгүй муухай хараалтай,
Шэди ехэтэй дурые
Бидэн байгуулаа бэшэбди.
Харин дурамнай маниие
Хамагһаа урид байгуулаа.
Эхэ газарһаа, саһанһаа,
Хүхэ тэнгэриһээ, уһанһаа,
Урин зөөлэн сэдхэлһээ,
Нарин сэхэ этигэлһээ,
Унтаршагүй гэрэлһээ,
Дундаршагүй энхэрэлһээ,
Арюун дуранай гэр
Харюу гэжэ байгуулаабди.
Тэнгэриин дуунай абяагаар,
Тэнгис тайгын сууряагаар,
Мүнгэлиг энеэдэнэй баглаагаар,
Лимбын ирагуу аялгаар,
Түбхинэг гэжэ гэрээ
Түбхын дүүрэн дүүргээбди.*

«Молодая гвардия» хэблэлээр гараһан «Минии нютаг – Олзон» гэжэ ном соогоо А.Бадаев зүрхэ сэдхэлэйнгээ үгэнүүдые тон гүнзэгыгөөр, уни бутарма уянаар гаргаһан байдаг. Энэ ном тухайнь поэдтэй би хөөрэлдэһэнби:

– Залуушуулда зорюулжа ном бэшэхэ гэжэ үнинэй ханажа ябаһан хүм. Ажабайдалай үргэн харгыда хаял гаража, дурлажа ябаһан эдир залуу хүбүүд, басагад тухай. Ажабайдал гээшэ хүндэ олон юумэ бэлэглэдэг гэжэ хануулха гээ һэм. Нэн түрүүн Эхэ орон ааб даа. Орос гүрэмнай, манай Байгал шадарай орон нютаг энэ номоймни ехэхэн хуби эзэлнэ. Гэхэһээ гадна, зүрхэнэй баялиг, сагаан сэдхэл, дуран гээд байха. Эдэ бүгэдэ тухай зүрхэ хүдэлгэмэ ульгамаар бэшэхээ ханааб. Наһатай боложо ябаһан хүн эдэ бүгэдэ тухай хүнэй үнэншэмэ гоёор, залуу хүндэл хүгтэй зоригтойгоор бэшэжэ шадаха ха гүб гэжэ бээ туршажа үзэхээ ханааб. Хайшаа болоо юм – уншагшал мэдэхэ.

Ном хэблэлһээ гараа. Поэдэй зохёолнуудтай танил зонһоо гадуур шэнэ уншагшад бии болоо. Тэдэндэ хандажа, поэт бэшэнэ:

*Халюурма нугын сэсэгүүд бүхэн
Хангал, нэрээрээ сууда гарадаг.
Эгээл дүтынгөө эрхимхэн нүхэдөө
Энхэрэн тэдээнтэй сасуулнабди.*

*Ажалаараа алдаршадаг ажалиа хүн
Айдар нэрээ арюудхаж ябадаг.
Оршон тойроноо шэмэглээ сэсэгүүдээ
Омогорхон тэдээнтэй сасуулнабди.*

«Сурхарбаанай дуунууд» гэж шүлэгүүдхээ, балладануудхаа, поэмэнүүдхээ бүридэһэн номын зохёохы займаш үшөө нэгэ шата болоо. Урданайн болон мүнөө бэшэһэн шүлэгүүдын эндэ ороо. Поэдэй хүсэл зориг, шунал хайра хүнөөгүй, шэнэ хүсэл зоригоор долгион бадараа гэжэ эдэ мүнүүд харуулна:

*Зарим хүнүүдэй мориёо үлүүсэ гоёодогын мэдээжэ –
Заһамал тохон, мүнгэн эмээл, гоё хазаар бэлдэнэ.
Тээд гоёолтоһоо морин хурдан болодоггүй юм гэжэ
Тэдэ ойлгоногүй – мориндо һаад тойбо хэнэ.*

*Зарим поэдүүдэй шүлэгөө үлүү гоёодогын мэдээжэ –
Зэргэсүүлгэ, эпитет, метафора гэхэ мэтээр даражархина.
Тэрэ ашаан дороһоо бодол олохонь хүшэр юм гэжэ
Тэдэ ойлгоногүй – шүлэгтэ һаад тойбол хэнэ.*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Полкын туг доро. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1958.
Газарай мүшэд. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1967.
Хабарай шэнжэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1969.
Талын һэбишээн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1972.
Байгалай зүүдэн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1975.
Сурхарбаанай дуунууд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1978.
Олзон нютагайм хаданууд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1981.
Сагай мур. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1988.
Ивалга – минии үлгы нютаг. Шүлэгүүд, балладанууд, поэмэнүүд, дуунууд. – Улаан-Үдэ, 1998.
Хуби заяан. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 2003.

На русском языке:

Завещание отцов. Стихи. – Улан-Удэ, 1961.
Человек идет. Стихи. – М.: Советский писатель, 1964.
Время, что ли, такое. Стихи. – М.: Советская Россия, 1969.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Июльский гром. Стихи. – М.: Советский писатель, 1974.
Ветер с Байкала. Стихи. – М.: Современник, 1976.
У подножия Саян. Стихи, поэмы. – Улан-Удэ, 1976.

- Твой след на земле.* Стихи. – М.: Советская Россия, 1978.
- Отчий край – Олзон.* Стихи, поэма. – М.: Молодая гвардия, 1980.
- Песни сурхарбана.* Стихи и поэмы. – Улан-Удэ, 1983.
- Отчий край.* Стихи. – М.: Советская Россия, 1987.
- Сон о белой юрте.* Стихотворения. – М.: Современник, 1989.
- Стихи.* Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
- Июльский гром.* Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Тармаханова О., Жарков Д.* Бадаев Алексей Данилович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
- Санги В.* (О книге «Человек идет»). – Октябрь, 1965, № 2.
- Бондина Л.* По законам прекрасного моря. – Литературная Россия, 1969, 28 ноября.
- Без указ. автора.* Бадаев Алексей Данилович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
- Соктеев А.* Писательский труд Алексея Бадаева. – Байгал, 1977, № 4.
- Найдаков В.* Запах ая ганги. – Литературное обозрение, 1977, № 9.
- Болдырев Ю.* (О книге «Ветер с Байкала»). – Новый мир, 1977, № 12.
- Серебряков А.* Поэзия А.Бадаева // Серебряков А. Эстетический идеал в современной бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1980.
- Серебряков А.* Певец Олзона // Бадаев А. «Песни сурхарбана». Стихи и поэмы. – Улан-Удэ, 1983.
- Жигжитов Б-М.* Певец родного края. – Буряад Унэн, 1988, 27 сентября.
- Без указ. автора.* Бадаев Алексей Данилович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Дамдинова Е.* Певец Олзона. – Буряад Унэн, 1998, 27 августа.
- Бальжинимаев Д.* Пусть напутствует тебя ая ганга. – Буряад Унэн, 2000, 20 апреля.
- Дугаржапова Т.* Нежный певец родной Бурятии. – Бурятия, 2002, 26 января.
- Будаев Ю.* Истинно народный поэт. – Бурятия, 2003, 29 августа.
- Гомбоин Ч.* Кому и о чем поют жаворонки. – Правда Бурятии, 2003, 18 сентября.
- Санжина Д.* Бадаев Алексей Данилович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Цыденжап Арсаланович
ЖИМБИЕВ
(1928-2006)**

ЛИЦО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

На одной из читательских конференций обсуждался роман Цыденжапа Жимбиева «Год огненной змеи». Люди собрались молодые, и говорили они горячо, увлеченно, иногда запальчиво. А запомнилось все же выступление спокойное, обстоятельное и очень личное. И запало оно какой-то теплой признательностью за труд писателя, пониманием того, что точное, правдивое слово – это плата не за усидчивость или кабинетное прилежание, а за пережитое и выношенное.

Говорила девушка, наверное, студентка:

– Я с интересом читала роман. Все время казалось, что подросток Батожаб – это сам автор. Он в сердце пронес воспоминания о военных годах и теперь рассказывает об этом с болью и нежностью. Мне захотелось найти другие книги Жимбиева. Я прочитала его романы «Степные дороги» и «Течение». И вот из одной статьи узнаю, что писатель долго мучился, прежде чем прийти к этим произведениям. Он закончил в Москве Литературный институт и до какой-то поры писал стихи, книги для детей, рассказы. Но не приходило главное, к чему он стремился: замысел крупного произведения. Тогда писатель поехал в село. Там он вырос, туда решил вернуться. Работал в чабанской бригаде, летом – на сенокосе, осенью – на уборке хлебов. То есть, как всегда в родном селе. Романы пришли через много лет. Знаете, лучшая похвала автору – это когда мы читаем книгу и не замечаем, что события в ней описаны. Кажется, они просто происходят на твоих глазах. Такое впечатление было у меня при чтении романов Цыденжапа Арсалановича. В «Степных дорогах» борьбу с расхлябанностью, пьянством ведут чабаны, трактористы, учителя. Наверно, один из этих настоящих хозяев села – автор книги. Может быть, чабан, а может быть, парторг колхоза. Я поняла, что писателю важно не

наблюдать со стороны, а жить, страдать, бороться вместе с другими людьми. Он всегда выбирает трудное: становится участником событий и пишет о них честно, с предельной правдой.

Вот такое выступление. Было интересно после обсуждения послушать мнение самого Цыденжапа Арсалановича.

– Я не люблю исповедей, – сказал мне писатель, – но девушка напомнила действительно трудное для меня время. Где-то в начале пятидесятых, закончив учебу, я встал перед выбором: обосноваться в Улан-Удэ или вернуться в родную Агу? Продолжать писать стихи или попробовать себя в большой прозе? О таких размышлениях молодые писатели обычно не говорят, но подобную проблему для себя решает, думаю, каждый. Хотелось написать что-нибудь значительное. Скажем, роман. Ближе всего мне село. Но село пятидесятых годов... В нем шла перестройка, оно искало пути подъема хозяйства. Без живых наблюдений, в конечном счете, без личного участия в этой работе нельзя было написать правдивой книги. И я решил: надо ехать. Но куда? Кто тебя ждет, чем ты будешь заниматься в селе? К нашему писательскому счастью, у нас литератора понимают и принимают повсюду. Поезжай на стройку, приходи на завод, выбирай село – везде дадут возможность пожить и поработать рядом с людьми. И я поехал с семьей в родные места, в Агинский автономный округ, в обычный колхоз. Вся страна тогда повернулась лицом к селу. Но видимый результат в любом деле, а особенно в таком, как экономика села, возможен только тогда, когда люди отказываются от прежней, рутинной организации труда, от замшелых привычек, от старой психологии. В эти перемены я окунулся. Радовался и мучился вместе со своими земляками. Такое со стороны не поймешь и не опишешь. Такой жизни надо отдать часть своего сердца. Тогда, возможно, получится книга. Вот так родился мой роман «Степные дороги».

Но то, о чем говорила молодая читательница, касается и лучшего романа Цыденжапа Жимбиева «Год огненной змеи». Там тоже все: и улусная жизнь военных лет, и непростая судьба иных людей, и поступки, на которые толкает их беда, – все увидено взглядом подростка, будущего писателя. Это не значит, что события попросту перенесены в повествование из реальной действительности. Нет. Они пережиты автором и получили художественное осмысление.

Совпало так, что 1941-й год по восточному календарю был годом змеи. «Огненной змеи» – образно уточнил в названии романа писатель. Первые похороны, а, значит, первые сироты... Покалеченные фронтовики... Вытягивающая жилы работа солдаток, стариков, подростков... И ко всему этому – ошеломляющее событие: где-то рядом скрывается земляк, дезертировавший с фронта.

Надо заметить, что к теме нравственной слабости, трусости, проявленной человеком в тяжкие дни всенародных испытаний, бурятский писатель обратился в литературе страны одним из первых. На фоне лишений, которые изобразил Ц.Жимбиев, судьба дезертира внесла в повествование особый драматизм.

Роман имел большой успех у читателей страны. Переведенный на русский язык известным писателем Владимиром Тендряковым, он за короткое время трижды публиковался в столичных издательствах и вышел в свет в нескольких зарубежных странах. Автор стал одним из победителей всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского.

Такую же широкую популярность получил и роман «Степные дороги». В конце семидесятых годов вышло необычное издание этого произведения. Тог-

дашние книголюбы, можно сказать, охотились за многотомными приложениями к литературно-художественному журналу «Дружба народов». Как правило, для него отбирались лучшие произведения писателей из всех республик страны. В те годы, о которых мы говорим, пятнадцать томов этого приложения составили романы и повести таких известных писателей, как Василий Белов, Евгений Носов, Валентин Распутин. И вот в этом собрании были опубликованы в одной книге романы «Год огненной змеи» и «Степные дороги».

Тогда же начал путь к читателям новый роман Цыденжапа Жимбиева «Течение». Он был опубликован почти одновременно в журнале «Байгал» на бурятском языке, в журнале «Сибирские огни» – на русском и вышел отдельной книгой в Улан-Удэ. За это произведение автор был удостоен Государственной премии Бурятской АССР в области литературы и искусства.

Выше говорилось о том, какие дороги выбирал в жизни писатель для того, чтобы лучше понять проблемы времени, сокровенные желания и чаяния современников. Это в традициях классической литературы: зорко увидеть росток, из которого может вырасти древо нового социального явления. Но для успеха книги важна и творческая работоспособность писателя, его стремление к совершенству. Об этом едва ли стал бы распространяться Цыденжап Арсаланович: он был человеком скромным. Поэтому о его отношении к творчеству я решил спросить Кима Николаевича Балкова, тоже написавшего несколько романов и повестей на современную тему и дружившего с Ц.Жимбиевым. Вот что он ответил:

– Мне было интересно наблюдать за профессиональной работой Цыденжапа Арсалановича. Бывало, он не появлялся на людях неделями. Я знал: он напряженно, мучительно дописывает рукопись. Но когда я читал его новую книгу, то не видел изнуряющего труда прозаика. Каждая строка в книге звучала легко, живописно, правдиво. Это всегда первый признак мастерства, и им отлично владел Жимбиев. Писать о современности трудно. Ведь жизнь только очертила острые проблемы, еще не видно их решения. Автор эпического произведения должен осмыслить ход времени, его направление, его уроки. И если читатель увидит в книге «лицо сегодняшнего дня», то это – счастье для писателя. Цыденжап Арсаланович заслужил это счастье своей зоркостью художника, смелостью в выборе современных, острых тем для будущих книг, жаждой сказать людям самое важное о времени, в которое они живут.

В молодости Ц.Жимбиев написал в одном стихотворении как раз о том, о чем шла у нас речь:

*Коль ты, мой стих, мой конь, гриваст,
Полезен честным людям, –
Народ хвалу тебе воздаст.
А мы хвалить не будем.*

Книги писателя по-прежнему пользуются спросом, значит, они и сегодня «полезны честным людям».

МҮНӨӨ САГЫЕ ХАРУУЛХА ГЭБЭЛ

Уншагшадай нэгэ конференци дээрэ Цыденжап Жимбиевэй «Гал могой жэл» гэжэ романай зүбшэн хэлсэгдэжэ байһые хананаб. Ехэнхинь залуушуул сугларанхай, ехэл шуналтай халуунаар, шанга шангаар зүбшэлдэжэ байһан юм. Тээд нэгэ оюутан басаганай дары номгоноор, тон бодомжотойгоор хэлэһэн үгэнүүдые би хадуужа абаа һэм.

– Би энэ роман ехэ һонирхожо уншааб. Бадмажаб хүбүүн – автор өөрөө хаш гэжэ ойлгооб. Дайнай жэлнүүд тухай дурсалгануудын зүрхэ сэдхэлдэнь үлэнхэй, тиигээд лэ иимэ зүрхэ хүлгөөхөөр зохёол бэшэнхэй. Тиигээд би Жимбиевэй бэшэ номуудые уншаха хүсэлдэ абтаад, «Талын харгынууд», «Урасхал» гэжэ романуудыень уншааб. Эдэ зохёолнуудые бэшэхэ гээд лэ зохёолшон удаан саг соо ханаа зобоо юм гэжэ нэгэ статья соо бэшээтэй байгаа. Москвагай Литературна институт дүүргээд, шүлэгүүдые, хүүгэдтэ зохёол, рассказыудые бэшэдэг байгаа. Томо зохёол бэшэхэ гһэһинийн, ханаандань юумэн орохогүй. Тиигээд лэ түрэһэн үдэһэн нютагаа бусаһан юм ха. Тэндээ ошоод, хонишодой бригадада зунинь үбһэ сабшалан дээрэ, намарын – тарья хуряалан дээрэ хүдэлөө. Тиигэжэ нютагтаа хэдэн жэлнүүдтэ хүдэлөөд байхадань, романууд мүндэлөө. Ном уншажа һуухадаш, зохёол соо боложо байгаа үйлэ хэрэгүүдэй ном соо бэшэгдэһэн бэшэ, нюдэн дээрэш боложо байһандал үзэгдөө хаань, энэ авторай ехэ туйлалта, үндэр ехэ үрэ дүн гээшэ. Жимбиевэй романуудые уншажа һуухадам, зохёолнууд соонь боложо байһан юумэн минии нюдэн дээрэ боложо байһандал үзэгдөө. «Талын харгынууд» соо муу халихай ябадалтай, архидалгантай юрын хонишод, трактористнууд, багшанар лэ тэмсэнэ. Эдэнэр хүдөө нютагай бодото эзэдын гээшэ. Авторшыэ эдэ эзэн зоной нэгэһинийн болоно. Боложо байһан юумые хажууһаань лэ талын хүнэй нюдөөр хаймадаад үнгэрхэ бэшэ, харин зонтой хамта муу ябадалтай тэмсэхэ, зоноор хамта ухаагаа зобоожо, гашуудал зоболонийн хубаалсаха гээшэ шуухала ха юм. Тиигэжэ автор эгээл хүшэр хүндэ юумыень шэлэжэ, боложо байһан үйлэ хэрэгүүдтэ хабаадажа, энээн тухайгаа үнэншэмэ зүбөөр бэшэнэ.

Оюутан басаганай иигэжэ хэлэһэнэй һүүлээр Цыденжап Жимбиевай өөрын хэлэһые шагнахада һонирхолтой байгаа:

–Өөр тухайгаа олон юумэ хэлэхэ дурагүйб, зүгөөр энэ басаган тэрэ намда ушарһан хүндэ үе сагыем хануулба. Табяад онуудай эхээр, хуралсалаа дүүргээд, Улаан-Үдэдөө үлэхэ гү, али Агадаа бусаха гү, шүлэгүүдэ бэшэжэ үргэлжэлүүлхэ гү, али томо зохёол бэшэжэ туршаха гү гэжэ шийдэжэ ядашоод, тулижа ябааб. Иигэжэ ханажа ябаһан тухайгаа залуу зохёолшод хөөрэдэггүй, тээд хүн бүхэн өөртөө энэ асуудал өөрынхөөрөө шийдхэдэг. Нэгэ хүрхэй зохёол бэшэхэ хүсэл байгаа юм. Роман. Хүдөө газарһаа дүтэ юумэн намда байхагүй. Зүгөөр табяад онуудай хүдөө нютагуудта хубилалтанууд боложо, ажахынууд хэргэхэ замаар дахижа байгаа ха юм. Ажабайдалда өөрөө хабаадажа, өөрын нюдөөр боложо байгаа юумые хаража бэшээгүй хаа, хүрхэй зохёол болохогүй һэн. Иигээд лэ би нютагаа бусаха гэжэ шийдэб. Хэн намайе хүлээжэ байгаа юм, юу тэндэ хэхэбиб гэжэ мэдэгдээгүй. Зохёолшо зон – золтой зон, тэдэниие хаанашье хайнаар угтадаг бшуудаа. Барилга дээрэ ошыш, завод ерыш, хүдөө нютагта ажаллыш – хаанаш ябажа, зоноор хүдэлхэ арга олдохо даа. Тиигээд лэ би гэр бүлынхидгээ Агынгаа нэгэ юрын колхоз нүүжэ ерэбэ гээшэб. Тиихэдэ гүрэн түрэмнай хүдөө тээшэ нюураараа эрьенхэй бэлэй. Ямаршыэ хэрэгтэ, харин хүдөөгэй ажахын экономика хэргэхэ

хэрэгтэ бүри шухала юумэн гэхэдэ, урданайнгаа ёһо заршамуудһаа арсажа, ажал хэрэгээ үсэгэлдэрэйхихөө ондоогоор, шэнээр эрхилхэ хэрэгтэй һэн. Би энэ хубилалтанууд руу шунан оролсошоод лэ, нютагайнгаа зоноор хамта баяр, голхоролыень адли хубаалсажа ябааб. Энээнине хажуу талаһаа хаража байбал, ойлгохогүйш, бэшэхэгүйш. Энэ хэрэгтэ зүрхэ сэдхэлээ үгэхэ хэрэгтэй. Тиигээл һааш ном болохо. Тиигэжэл минии «Талын харгынууд» гэжэ роман мүндрэлхэн юм даа.

Оюутан басаган Жимбиевэй «Гал могой жэл» тухай хэлэлхэн юм гээ һэм. Тэрэ роман соонь – хүдөө газарай дайнай һүүлдэхи жэлнүүдэй ажабайдал, зоной хүнгэн бэшэ хуби заяан, эдэ бүгэдэ эдир хүбүүхэнэй нюдөөр харагдана. Бодото байдалһаа үйлэ хэрэгүүд абтажа, ном соо миин лэ оруулжархиһан бэшэ. Автор эдэ бүгэдые бэе дээрээ үзэжэ, зохёол болгон бэшээ.

1941 он зүүн зүгэй литын ёһоор могой жэл байшоо... Түрүүшын похоронконууд, үншэн үлэхэн хүүгэд, эрэмдэг бэетэй үлэхэн сэрэгшэд, унатараа ажал хэһэн хүүгэд, эхэнэрнүүд, үбгэд хүгшэд... Энээнэй хажуугаар, дайнһаа тэрьелжэ ерээд, зонһоо, засагһаа хоргодожо байһан дезертир.

Дайнай үедэ һула зан гаргаһан тухай темэ буряад зохёолшон анха түрүүн манай совет уран зохёолдо бодхоһон аабы гэхээр. Дайнай һандарал, гай гасалан, үхэл зоболоной хажуугаар дезертир боложо, байлдаанай газарһаа зугадаха гээшэ ёһотойл зоболон байба гэжэ Ц.Жимбиев зураглан харуулаа.

Энэ роман ехэ амжалтатай байһан юм. Владимир Тендряковой ород хэлэн дээрэ оршуулжа, богонихон сагай туршада Москвагай хэблэлнүүдтэ гурба дахин, хари гүрэнүүдтэ хэдэ дахин хэблэгдэн гараһан энэ зохёолынь Николай Островскиин нэрэмжэтэ бүхэсоюзна конкурседо хабаадахадаа, илагшадай тоодо ороһон.

«Талын харгынууд» гэхэн романиинь баһал урагшатай байгаа. Далаад онуудаар энэ роман ехэ һонин ном боложо гараһан юм. «Дружба народов» сэтгүүлэй олон ботиһоо бүридэхэн хабсаргалта абаха хүсэлтэй зон олон байдаг һэн. Энэ хэдэн боти хабсаргалтада манай гүрэнэй зохёолшодой эгээл эрхим зохёолнуудынь ороһон юм. Василий Белов, Евгений Носов, Валентин Распутин мэтын мэдээжэ авторнуудай романууд болон туужанууд соо «Гал могой жэл» болон «Талын харгынууд» гэжэ романууд оролсоһон бэлэй.

Тэрэл үедэ Цыденжап Жимбиевэй «Урасхал» гэхэн роман «Байгал» сэтгүүлдэ буряад хэлэн дээрэ, «Сибирские огни» сэтгүүлдэ – ород хэлэн дээрэ толилогдожо, мүн Улаан-Үдэдэ ном болон хэблэгдэхэн ха юм. Энэ зохёолойнгоо түлөө автор Буряадай АССР-эй литература болон искусствын талаар Гүрэнэй шанда хүртөө бэлэй.

Үе сагайнгаа хүндүүлхэй асуудалнуудые, хүсэл эрмэлзэл бүримүһэн ойлгожо абахын тула зохёолшон ямар харгы шэлэхэнби гэжэ дээрэ хэлээ һэм. Социальна байдалай нэгэ үндэхэнһөө шэнэ ургамалай үндын гарахые обёоржо хараха гээшэ классическа уран зохёолой ёһо заншал гээшэ бээ. Номойнгоо урагшатай, уншагшадта һайшаагдама байхын түлөө авторынь ажал хэхэ зүрхэтэй, урагшаа эрмэлзэхэ шуналтай байха ёһотой. Энээн тухай Цыденжап Жимбиев дэмы хэлэхэгүй һэн, тэрэ һайрхаха дурагүй хүн бэлэй. Тиимэхээ Цыденжап Жимбиевэй уран зохёолой хэрэгтэ ямараар хандасатай байһые мүнөө үеын темэдэ хэдэн романуудые болон туужануудые бэшэжэ, Ц.Жимбиевтэй нүхэсэдэг байһан Ким Николаевич Балковто хандахадми, тэрэ иигэжэ хэлээ агша һэн:

– Цыденжап Жимбиевэй зохёолойнь намтар, тэрэнэй яагаад ургажа ябаһые би ехэтэ һонирхон хаража байдагби. Заримдаа хэдэн неделээр үгы болошо-

хо.Ехэл шанга бэшэжэ байна ха гэжэ тухайлдаг байгаа. Зүгөөр шэнэ номыень нээхэдээ, ехэш зобоһыень харахагүйш. Ном соохи мур бүхэн хүнгэнөөр, уранаар, үнэн зүбөөр бэшээтэй байха. Энэмнай одоол ёһотой талаан бэлигэй тэмдэг, Жимбиев бэлигтэйл зохёолшон бэлэй. Мүнөө үе саг тухай бэшэхэнь хүндэ. Байдалай эдэ хурса асуудалнуудые хаяханал аржыса табиганиинь, тэдэниие яажа шийдхэхэб гэжэ үшөө мэдэгдээгүй. Томо зохёолой автор сагай хайшаа, ямар зүг барин холжоржо, ямар хэшээл үгэжэ ябаһые бодожо үзэхэ ёһотой. Хэрбээ уншагшын зохёол соо «мүнөөдэрэй үе сагай түхэл шарай» онигоо болбол, энэнь авторай туйлаһан жаргал болоно. Зохёолшын хёрхо нюдэтэй байжа, өөрынгөө үе сагай хурса темэнүүдые зориг түгэлдэр бэдэржэ олоод, тэрэ саг тухайгаа эгээл шуухала юумэ зондо хэлэжэ үгэхэ зорилгоороо Цыденжап Арсаланович туйлаха ёһотой жаргалаа туйлаал даа.

Залуудаа Ц.Жимбиев нэгэ шүлэг соогоо иигэжэ бэшэһэн юм:

*Шүлэгни, хэрбээ морин мэтэ дэлхэтэй
Арад зондоо туһатай, тулгатай байбалини,
Арад зон алдарицуулан абаха шамайем,
Арадтаа хүндэтэй болохош, соло дуудуулхаш.*

Зохёолшын номуудые мүнөө хүрэтэр зон һонирхон уншадаг, улад зондоо туһатай бүтээлнүүд байгаа гэжэ огтолон тэмдэглэхээр.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

- Түрүүшын бураздаа.* Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1952.
Шэнэ онтохон. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1957.
Шүлэг минии хүлэг. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1958.
Талын дуунууд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.
Москва-Прага-Гавана. Замай тэмдэглэлнүүд. – Улаан-Үдэ, 1964.
Үргэн талын замууд. Роман. – Улаан-Үдэ, 1967.
Саһан дээрэ сэсэгүүд. Хүүгэдтэ зориулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1970.
Гал могой жэл. Роман. – Улаан-Үдэ, 1972.
Эрхим нүхэд. Хүүгэдтэ зориулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1974.
Шалгалта. Рассказууд. – Улаан-Үдэ, 1976.
Хабарай тала. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1977.
Урасхал. Роман. – Улаан-Үдэ, 1978.
Мэнжын харуул. Роман. – Байгал, 1987, № 1-3.
Сагаан шубууд. Роман. – Улаан-Үдэ, 1992.

На русском языке:

- Богатая нива.* Поэма. – Улан-Удэ, 1950.
Стихи. – Улан-Удэ, 1954.
Стихи. – Чита, 1956.
Весенняя степь. Стихи и поэма. – М.: Советский писатель, 1959.
Подснежники. Рассказы. – Улан-Удэ, 1961.
Сурхарбан. Стихи для детей. – Улан-Удэ, 1971.

Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Цветы на снегу. Стихи, поэма. – М.: Детская литература, 1974.
Год огненной змеи. Степные дороги. Романы. – М.: Изд-во газеты «Известия», 1980.
Имя человека. Стихи. – М.: Детская литература, 1984.
Течение. Роман. Рассказы. – Улан-Удэ, 1982.
Течение. Романы. – Улан-Удэ, 1986.
Степные дороги. Роман. – М.: Советская Россия, 1988.
300 лет указу Петра Первого братскому народу. Исторический очерк. – Улан-Удэ, 1997.
Поездка делегации хори-бурят к Петру Первому в 1702-1703 гг. (Соавт. Ш. Чимит-доржиев.) Исторический очерк. – Улан-Удэ, 2000.
Родословная хоринских бурят. Эссе. – Улан-Удэ, 2001.
Течение. Год огненной змеи. Романы. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 6. – Улан-Удэ, 2006.
Стихи // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Тармаханова О., Жарков Д. Жимбиев Цыденжап Арсаланович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Без указ автора. Жимбиев Цыденжап Арсаланович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Аюрзанайн А. Цыденжап Жимбиев // Писатели Бурятии. Альбом-пособие для учителей бурятских школ. – Улан-Удэ, 1981.
Казанцев И. Лично причастен... – Правда Бурятии, 1988, 28 октября.
Хамгушикеева М. В пору созревания ягоды. – Буряад Унэн, 1993, 4 ноября.
Без указ. автора. Жимбиев Цыденжап Арсаланович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Уланов Э. Щедрость таланта. – Правды Бурятии, 1998, 17 декабря.
Натаев П. В середине больших дел. – Бурятия, 1998, 18 декабря.
Мардахаева Д. Бурятский Колумб. – Буряад Унэн, 1998, 24 декабря.
Асламова С. Во имя Великого Синего неба. – Сибирячок, 2003, № 2.
Жапов В. Он первым из бурят перешагнул порог Литературного института. – Буряад Унэн, 2004, 10 января.
Жигжитов Б-М. Подобно яркой звезде // Жигжитов Б-М. Судьбы людские. – Улан-Удэ, 2006.
Уланов Э. Жимбиев Цыденжап Арсаланович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
Уланов Э. Цыденжап Жимбиев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Владимир Васильевич
КОРНАКОВ
(1929-2015)**

ПОД СЕНЬЮ КРАСНЫХ БЕРЕЗ

О жизни северной тайги в переломные годы российской истории бурятскими писателями создано несколько крупных произведений. Это романы «Подлеморье» Михаила Жигжитова, «Инспектор Золотой тайги» Владимира Митыпова, повести и рассказы других прозаиков. И всё же в первую очередь мы должны в этом случае назвать роман Владимира Корнакова «В гольцах светает», вышедший в свет в 1962 году.

Помню, как в ту пору в газете «Молодёжь Бурятии» работали два молодых прозаика – Исай Калашников и Владимир Корнаков. Они словно бы соревновались на трудном литературном поприще. Исай Калистратович только что издал свой роман «Последнее отступление», а Владимир Васильевич заканчивал свой – «В гольцах светает». Оба знали то, о чем писали, как говорится, из первых рук. Калашников, выросший в старообрядческом селе, навсегда запомнил его уклад, житейские традиции, нравственные устои. А Корнаков был сыном северной Витимской тайги. Здесь сошлись тропы русских старателей золотых приисков, бурят и эвенков, испокон веков промышлявших зверя и птицу. Быт этих людей разных национальностей, неписанные законы тайги, родовые представления и верования – всё это было для Владимира Корнакова близко и памятно.

Вероятно, уже тогда прозаик задумал роман «В гольцах светает» как начало эпопеи о жизни большого и не очень знакомого читателю края. Потому что со временем автор продолжил повествование о своих героях романами «Красные берёзы» и «Время опадания листьев».

События, описанные в первом произведении, относятся к 1906 году. Отзвук мятежных волнений, охвативших страну, достиг и глухих посёлков старателей,

охотничьих стойбищ. Естественно, что к народному возмущению по разному относятся герои романа – всесильный шуленга (старшина) эвенкийского рода Гасан Доргочиев, голова (начальник) инородческой управы князь Гантимуров, управляющий приисками Арнольд Зеленецкий, шаман Куркакан и охотники – мужественный Аюр, его сосед бесстрашный Дуванча со своей возлюбленной Урен, рабочий Павел Силин, старатель Герасим Ломов и другие.

Подчеркнем, что произведения о коренных, революционных изменениях, произошедших в Бурятии в первой трети двадцатого века, – романы и повести, которыми так богата литература республики, вовсе не повторяют друг друга. Социальные преобразования в бурятских улусах, например, и в старообрядческих селах имели свои особенности. В эвенкийской тайге они тоже были своеобразными. Кажется, что родные горы, реки, леса подсказывали людям, как они должны бороться за справедливую жизнь и счастье. Аюр в романе В.Корнакова размышляет, стоя над весенней рекой:

«Я четыре весны не был в сопках. Жил с русскими, ходил по деревням. Я видел, что и там горе ездит на спине человека, а слёзы текут большой рекой. Да, большой... Однако это не ленивая река. Она, пожалуй, как наши Гуликаны, напоённые тающим снегом. Они кипят гневом, и каждая весна добавляет его. Мой русский брат Павел думает, что скоро придёт весна, и эта река проглотит всех, кто несёт людям зло и горе. И я думаю так...»

Для нас, читателей, важны живое течение событий, происходящих в глухом краю, и самобытные характеры, которые во многом сформировала суровая земля, и необычные традиции, и легенды, и песни. Разве забудем мы эвенкийский обычай, который свято выполняет Аюр. Заглянув в юрту старого охотника Луксана и увидев там его умирающую жену, таёжник понял, что хозяин жилища и его сын Дуванча заплутали, а то и замёрзли в заснеженных сопках. Он оставляет больную на попечение сородичей, а сам отправляется на поиски.

«Аюр провёл в лесу три ночи, осматривая кусты и заглядывая под вывороты. Вдоль и поперёк исколесил тропинки вокруг стойбища. Тайга была безмолвна...

Аюр вскинул берданку за плечо. В тайге больше нечего было делать. Вьюжные сопки не сохранили и следа охотников. Оставили ли они им жизнь? Аюр нагнулся за добытой им лисицей, однако рука повисла в воздухе. Он смотрел на чернобурку, широко раскрыв глаза, точно видел её впервые. Это была последняя и самая дорогая добыча зимы, и она предназначалась для расплаты с Гасаном за ружьё. Однако не об этом сейчас подумал охотник.

– Ёлкина палка! – он сердито хлопнул себя по коленям...

Аюр сердился на себя за то, что забыл обычай своего народа, обычай тайги. Всегда, если не вернется охотник из сопки, сородичи оставляют зверька или птицу на том месте, где он промышлял: настоящий охотник обязательно придёт сюда – здесь его ждёт добыча!

– Они хорошие охотники, – вслух думает Аюр, уже пробираясь сквозь цепкие кусты багульника. Здесь, в сивере, среди густого осинника были расставлены ловушки и петли Луксана. Вот первая ловушка, устроенная в прогале осин и прикрытая сверху кустарником...

Подняв верхний крыж, Аюр сунул между брёвнами чернобурку, осмотрел ловушку – лисица сидела точно так же, как и в его ловушке, в которую попала живой.

– Теперь Луксан будет знать, куда идти. Он найдёт здесь добычу, – тихо объяснил Аюр псу...»

Через многие трагические испытания проводит героев своей трилогии писатель. Гибнет от рук нагрянувших в тайгу белогвардейцев Дуванча, теряет малютку-сына его любимая жена Урен, несладко прожил долгие годы состарившийся, но всё ещё помогающий в бедах сородичам Аюр, ушёл от иссушающей душу власти золота старатель Герасим Ломов... И о каждой судьбе рассказано с болью, с пониманием характера человека, его заветных желаний. Логика жестокой борьбы, долго не утихавшей в северных гольцах, привела, например, к гибели Дуванчи, человека решительного и бесстрашного.

«Оттремела Гражданская война, – повествует писатель во втором романе трилогии, – перестала существовать семеновская армия. Разрозненные банды, точно растрёпанная воронья стая, искали спасения в глухой тайге. В начале лета 1923 года одна из них вышла на бывший Витимский острог. Изнурённые, оборванные «спасители отечества» желали одного – скрыться, уйти от преследования. Им требовались олени и проводник. Но острог оказался пустынным, люди откочевали в междуречье. Лишь в туземном Совете находились секретарь Ефим Луков и председатель Дуванча Басаулов, да в соседней комнате прятался брат его жены Петр, выполнявший обязанности каюра при Совете.

Белогвардейский офицер требовал оленей, но секретарь и председатель молчали. Тогда он приказал взять их, привязать к берёзам и пытаться.

Когда с Ефима и Дуванчи сорвали рубахи и приставили к груди штыки, прибежал Петр.

– Я приведу оленей, – крикнул он, задыхаясь...

Офицер толкнул его в спину:

– Беги, жалкий зверёныш. А то опоздаешь, – сказал с презрительной улыбкой...

Что происходило дальше, Петр не видел, он бежал к лесу, где паслись олени. Когда вернулся, бандитам было не до оленей – в острог вступали чоновцы (советские части особого назначения. – А.Р.). Беляки метались по берегу озера, как зайцы в загоне. Стреляли, ползли, отступали к часовне, за которой начинался лес. Ефим и Дуванча безжизненно висели, прикрученные ремнями к берёзам, они были исколоты штыками. Кровь смешивалась с соком пораненных берёз, стекала на траву...

Бой затихал. Бандиты валялись на земле, но двое всё же достигли часовни. Один из них был офицер, он первым нырнул в багульник. Другой ещё раз выстрелил по перебегающим чоновцам. Враги уходили. Петр кинулся в юрту, схватил лук и стрелы. Он хорошо знал, куда пойдут бандиты. В гору не полезут – открытое место, скалы. Через реку не пойдут – большая вода. Будут пробираться берегом...

Он выждал, пока они залезли на половину высоты сопки, привычно натянул тетиву. Шедший позади взмахнул руками, опрокинулся на спину, покатился вниз, судорожно цепляясь за землю.

– Тихо, скотина, – прошипел первый, оборачиваясь. Тело сообщника лежало у подножья, в косматом загравке торчал обломок стрелы, похожий на огромную занозу. Офицер ничего не успел сообразить, как точно такая же стрела скользнула по его щеке, пробила ухо, повисла на оперении. Голова его дёрнулась, лицо исказилось от животного страха. Сейчас же второе ухо увенчала смертоносная серь-

га. То не были промахи, то было возмездие, и оно вершилось опытной, твердой рукой».

В трилогии В.Корнакова много легенд, поэтических историй о жизни витимской тайги, и вместе с суровыми, запоминающимися характерами героев они создают особый колорит – ту правдивую картину, которая, кажется, и дышит-то особым земным воздухом, и украшена особыми цветами и травами, и населена в таёжных просторах особыми птицами и зверями. Это дыхание самой жизни, в разных уголках земли непохожей одна на другую. А она, непохожая жизнь, требует и своего, особого языка. Послушайте, как говорит старейшина рода на сборе сородичей, которые, голосуя за какое-нибудь решение, кладут в красную или в черную коробку дробины. Если в первую коробку, то они – «за», а если во вторую – то «против»:

«Люди Чальчагир-рода говорили, старейшины Чальчагир-рода слушали, – начал он ровно, монотонно, будто плёл невидимую тонкую нить. – На своих руках я держу ваши голоса. Они теперь равны в своём весе, но были неравны, когда сходили с языка. Одни заключали ненужное зло, другие несли нескромную гордость собой. Старейшины хотели напомнить: доброе слово походит на цветок, сорванный росным утром, злое слово походит на цветок, сорванный в знойный полдень; приносите друг другу утренние цветы...»

И каждый из героев, которых когда-то называли «наивными детьми тайги», раскрывает душу, которая полна и достоинства, и гордости, и внутренней свободы. Они потому и хотят жить по-новому, равными среди равных, что чувствуют себя хозяевами своего края. «Я из рода Чальчагир, – спокойно и с достоинством говорит тот же Аюр. – Это слово я сказал, едва ко мне пришёл голос. Мои глаза раньше, чем солнце, увидели зелёную долину, мои уши раньше, чем треск огня в очаге, услышали разговор Гуликанов. Мой отец – Мэргэн. Его стрелы побеждали лучших стрелков Междуречья. Моя мать – Чолбон, похожая на берёзу, растущую на берегу Гуликанов. Я из рода Чальчагир, – повторил Аюр, распрямляя спину. Глаза его, затканые пеленой печали, загорались; худое лицо покрывалось красными пятнами. Воспоминания взволновали его».

В последние годы прозаик написал роман «Дикое поле» – большое повествование о ссылке протопопы Аввакума в Даурию. И опять герой его – человек мятежный, непокорный для сильных мира сего, твердо отстаивающий свою веру. В обширной художественной литературе о великом писателе и мыслителе Аввакуме Петрове появились новые интересные страницы...

Кажется, для всех произведений Владимира Корнакова – и не только его романов, но и всех рассказов и повестей – очень важен поэтический образ, который он нарисовал во второй книге своей эпопеи. Образ «красных берёз». Что это за деревья?

«Необычные это были берёзы. Зародились они одним корнем, одним ростком пробившись к свету. Росток окреп, утвердился на земле. Вдруг какая-то сила расщепила его, раздрав живую плоть. Берёза раздвоилась, каждое деревце стало расти само по себе. Но рана оставалась на том и другом стволе, белая кожа темнела, спекалась твёрдой коркой. Годы разводили берёзы, хотя они продолжали жить одним корнем...»

В самом деле, люди родились на одной и той же земле, имеют «один корень», но жизнь разводит их, у каждого своя судьба. Об этих судьбах рассказывал самобытный писатель Владимир Корнаков.

УЛААН ХУҢАДАЙ ҺҮҮДЭРТЭ

Орос гүрэнэймнай түүхын хубисхалта жэлнүүдтэ хойто талын аймагуудай ой тайгын ажабайдал тухай Бурядай зохёолшод хэдэн томо зохёолнуудые бэшэһэн гээшэ. Эдэниие нэрлэбэл, Михаил Жигжитовай «Подлеморье», Владимир Митыповай «Инспектор золотой тайги» гэхэн романууд, бэшэшье прозаигуудай туужанууд болон расказууд болоно. Гэхэ зуура, нэн түрүүн Владимир Корнаковой 1962 ондо хэблэгдэһэн «В гольцах светает» роман болоно.

Тэрэ үедэ «Бурядай залуушуул» сониндо хоёр залуу прозаигууд – Исай Калашников Владимир Корнаков хоёр хүдэлдэг бэлэй. Эдэ хоёр нүхэднай уран зохёолой үргэн талмайда мүрысэжэ үзэхэ мэтэ байдаг хэн. Исай Калашников «Последнее отступление» гэжэ романаа хаяхана хэблүүлэнхэй, харин Владимир Васильевич «В гольцах светает» романаа дүүргээд байгаа. Юун тухай бэшэжэ байханаа хоюулаа хайн мэдэдэг хэн. Хуушан шэмээшэг нютагта түрэхэн Калашников шэмээшэгүүдэй байра байдалые, ёһо заншалнуудые хайн мэдэдэг бэлэй. Харин Корнаков хойто зүгэй Витимэй тайгын хүбүүн хэн. Приискэнүүдээр ябажа алта малтагша ородуудай, эртэ урданһаа ан гүрөөл, шубуу шонхор агнадаг бурядууд болон эвенкнүүдэй зүргэнүүд эндэ уулзашоо. Ондо ондоо яһанай эдэ зонной байра байдал, хангай тайгын жама ёһон, уг үндэһэтэнэй шажан мүргэл – эдэ бүгэдэ Владимир Корнаковто дүтэ, танил бэлэй.

Уншагшадта балай танил бэшэ энэ ехэ хизаарай байра байдалые зураглан харуулһан «В гольцах светает» роман бэшэхые үшөө тиихэдэ зохёолшо өөртөө түсэблэһэн байгаа. Тус зохёолынь эндэ ажаһуудаг зоной байра байдал тухай домоглоһон томо зохёолнуудай эхин боложо үгэхэн юм. Тиигээд лэ автор «Красные берёзы», «Время опадания листьев» гэхэн романуудые һүүлдэнь бэшээ.

«Красные берёзы» гэжэ зохёол соохи үйлэ хэрэгүүд 1906 ондо болоно. Гүрэн доторнай болоһон үймөөнүүд алташадай хууринуудые болон ангуушадай отогуудые дайран ерэнэ. Романай геройнууд – эвенкнүүдэй угай аха захатан (шуленга) Гасан Доргочеев, ондоо яһатанай управые толгойлогшо дарга ноён князь Гантимуров, алташадай приискэнүүдые ударидагша Арнольд Зеленецкий, Куркакан бөө болон ангуушад – эрэлхэг зоригтой Аюр, тэрэнэй хүршэ юунһээшье айдаггүй зориг ехэтэ Дуванча Урен гэжэ инагтаяа, ажалшан Павел Силин, алта малтадаг Герасим Ломов болон бусад – арад зоной энэ буһалгаа үймөөндэ хүн бүхэниинь өөрынхёороо хандана.

Хоридохи зуунай нэгэдэхи гурбанай үе сагта Буряад орон соомнай болоһон хубисхалай хубилалтанууд тухай домоглоһон романууд болон туужанууд бэе бөөһөөн ехэ илгаатай бшуу. Буряад нютагуудта гү, али хуушанай шэмээшэгүүдэй хууринуудта болоһон социальна хубилалтанууд өөрын онсо илгаануудтай байгаа. Эвенкнүүдэй ажаһуудаг тайга соошье баһал элдэб хубилалтанууд болодог хэн. Ажабайдалайнгаа, жаргал баярайнгаа түлөө яагаад тэмсэхэб гэжэ түрэл хадануудынь, уһа голнуудынь, ой модониинь хэлэжэ үгэжэ байһандал бэлэй. В.Корнаковой роман соо хабар голой эрьедэ байгаад Аюр иигэжэ бодомжолно:

«Дүрбэн жэл бии эдэ болдогуудаар ябаагүйб. Ородуудтай байгаад, ород дэрээбэнүүдээр ябадаг хэм. Тэндэшье гай гасалан хүнэй нюрга үргэбшэлэнхэй, нулимсан гээшэ томо гол шэнгээр урдажа байна гэжэ яһала харааб даа. Зүгөөр энэ гол зүрхэгүй бэшэ. Хайлажа байһан саһаар ундалһан манай Гуликануудтал адли гол байха. Эдэ голнууд нээрээл уур сухалаар дүүрэнхэйнүүд, хабар бүхэндөө

энэ сухалын үшөөл нэмэхээр. Мэнэ хабар ерээд лэ, улад зондо гай гасалан ушаруулдаг зонии энэ томо гол үрэхийжэ үгы хэхэ гэжэ ород минии Павел нүхэрни ханана бшуу. Бишье тиигэжэл хананаб...»

Энэ бүгшэм уйтан хизаар дайдада боложо байгаа үйлэ хэрэгүүдэй үнэн байһаниинь, энэ шэмэрүүн газарта хүмүүжэһэн зоной өөрэ буса зан абари, ёһо заншалнууд, дуунууд болон домогууд уншагшадта тон һонирхолтой байгаа ха юм. Аюрай сахижа ябадаг эвенкнүүдэй ёһо заншал мартахаар бэшэл. Наһажаал Луксан гэжэ ангуушанай һэеы гэр руу шагаахадаа, үхэжэ хэбтэһэн һамгыень харажархёод, энэ байрын эзэн Дуванча хүбүүнтээ төөришөө гү, али саһата болдогуудта хүйтэндэ хүлдэшөө гэжэ ойлгоод, үбшэн һамгыень нютагаархидтань орхижо, өөрөө тэдэниие бэдэрхээ ошоно.

«Аюр ой соо гурбан хүни үнгэргэжэ, һөөг бүхэниие шалгажа үзөө. Оротоной байрануудые утаашань ба хүндэлөөшэнь хайтар харгылаа даа. Тээд лэ тайга дуугай зандаа һэн...

Аюр бердаанхаяа мүр дээрээ хаяжархиба. Тайга соо хэхэ юумэн дүүрээ. Болдогуудта ангуушадай мүрнүүд олдоогүй. Тэдэнэр амиды юм гү? Олзолһон үнэгээ абаха гээд, Аюр доошоо тонгойһон аад лэ, гарын агаарта зогсошобо. Халтар хара үнэгые түрүүшынхэ хаража байһандал, нүдэдөө томо болгон харана. Энэ олзонь үбэлэй эгээл һүүлшын, эгээл үнэтэй олзобори, Гасанда буугайн түлөө үгэхэ гэжэ ханан байгаа. Зүгөөр ангуушан мүнөө энээн тухайгаа бодож байгаа бэшэ.

– Ай, жаалдамар ехэ! – гэжэ тэрэ ууртайгаар хэлээд, үбдэгүүдээ гараараа сохёод абаба.

Арад зонойнгоо, хангай тайгынгаа ёһо заншал мартаһандаа Аюр өөртөө хара буужа байгаа һэн. Болдогуудһаа ангуушанай бусаагүй болбол, ангуушанай агнуурилһан газартань ан гүрөөл гү, шубуу шонхор орхидог ёһотой байгаа; ёһотой ангуушан олзоёо бэдэрээд, заабол тэндээ ерэдэг һэн.

– Тэдэнэр хайн ангуушад лэ, – гэжэ Аюр өөртөө хэлээд, тэрэнгийн хатуу һөөгүүд соогуур алхалшаба. Эндэ үдхэн һөөг бургааһан соогуур Луксанай урьханууд эндэ тэндэ табяатай һэн. Энэ түрүүшынхи урьхань бургааһадаар хушаатай...

Бревнуудай хоорондуур халтар хара үнэгэёо хабшуулжархёод, урьхаяа харахадань, өөрын табиһан хабхаанда ороһон үнэгэн хайшан гээд һуугаа һэм, тэрэл зандаа һуужа һууһан шэнгээр үзэгдэбэ.

– Хайшаа ошохоёо Луксан мүнөө мэдэхэ даа. Эндэ олзо олохо, – гэжэ Аюр нойхойдоо аалиханаар хэлэнэ...»

Гурбалжан ромайнгаа геройнуудые автор олон ондоо бэрхэшээлнүүдые дабуулан гаргана. Тайгада бии болоһон сагаантанай гарһаа Дуванча хосорно, Урен һамганиинь жаа үхибүүгээ алдана, нютагайхидтаа али болохо аргаар үбгэрһэн Аюр туһалдаг байба, алтанда хомхойһон шуналһаа арай гэжэ алташа Герасим Ломов мултарна... Тиигэжэ хүн бүхэнэй хуби заяан тухай автор зүрхөө үбдэхөөн домоглоходоо, тэдэнэй абари зан, хүсэл зориг хайнаар харуулжа шадана. Хойто һарьдагуудта замхаагүй шэрүүн тэмсэлһээ зориг түгэлдэр эрид шийдэмгэй зантай Дуванча хосорно.

«Энэ ушар долоон жэлэй урда тээ болоо һэн. Эрхэтэнэй дайн дүүрэжэ, семёновтоной сэрэгшье усадхагдаад байгаа. Арбагайдуулан намнуулһан хара турлаагай хүрэгүүд шэнги эндэ тэндэ шэбээлһэн банданууд хангай зайдан хүбшэдэ бэээ нюубад. 1928 оной зун тиимэ бандануудай нэгэн Витим мүрэнэй бүтүү хүбшэдэ

бии болобо. Зүдэржэ зобошоһон, ханги набта хүрэхэн хубсаһатай «Эхэ ороноо абарагшад» бээ нюуха, хоргодохо тухайгаал ганса бодоно. Тэдэндэ унаха ороноуд, харгы зааха хүн хэрэгтэй болобо. Үбэлжөөндэ хэншье угы байба. Оротон угсаатан Доодо нугынгаа зуһалан зөөшэнхэй. Зүблэлэй байшан соо түрүүлэгшэ Дуванча Басаулов бэшээшэ Ефим Луков хоёр байба. Хүршэ таһалгада Дуванчагай хамганай дүү Пётр хоргодоһон юм. Тэрэ зүблэлтэ засагай үедэ улаа зөөдэг хэн.

Сагаантанай офицер ороноудые үгэхэ эрилтэ табиба. Теэд түрүүлэгшэ бэшээшэ хоёр юумэ дуугаржа үгэбэгүй. Тиихэдэнь офицер тэдэниие барижа, хуһанда хүлээд, хэнээхэ гэжэ сэрэгшэдтэ захирба.

Ефим Дуванча хоёрой самса шуулажа хаяад, хүлижэ үбсүүндэнь жада тулгаад байхадань, Пётр гүйжэ ерэбэ.

– Би ороноудые асархаб, – гэжэ Пётр амья абажа ядан хашхарба...

Офицер Пётрые түлхижэрхибэ.

– Түргөөр гүй, амин хайра гүлгэн. Тэрэгүй хаа гээгдэхэш, – гээд, тэрэ шоо үзэнгээр энеэбхилбэ.

Саашаа юунэй болоһые Пётр хараагүй хэн. Тэрэ ороноудай бэлшэжэ ябаһан ой руу бии шадалаараа харайшаба. Бусажа ерэхэдэнь, бандидуудта ороноуд хэрэггүй болоод байгаа хэн. ЧОН-ой отряд сагаантаниие намнажа, дээрэнь буужа ерэбэ. Дайсад, абада ороһон шандаганууд шэнги, нуурай эрьедэ яаха хээхээшье ойлгожо ядан, мэгдэн хандаба. Буудана, мүлхинэ, субарга тээшэ сухарина. Субаргаһаа сааша үсхэн шугы, ой болошоно ха юм. Теэд сагаантан харата муухай хэрэгээ хэжэ үрдиһэн юм. Ефим Дуванча хоёр амигүй юумэд гунхажа, хуһанда уяатай байгаа хэн. Тэдэ хоёрые жадаар хадхажа алаа. Тэдэнэй шуһан долги татуулһан хуһанай шүүһэнтэй холисолдон, газарта гоожоно...

Тулалдаан замхажа байба. Бандидууд хуу хюдуулан, эндэ тэндэ таранхай хэбтэбэ. Хоёр хүн лэ субарга хүрэжэ шадаа. Нэгэниинь – офицер, тэрэ түрүүлэн, тэрэнгийн һөөг руу тэрьедэн оробо. Нүгөөдэхинь гэдэргээ эрьежэ, нэгэ буудаад, хойноһоонь даб гэбэ. Дайсад тэрьедэжэ шадаа. Пётр гэртээ гүйжэ ороод, номо годлиё абаба. Сагаантанай хайшаа тэрьедэжэ ошохые тэрэ хайн мэдэнэ, хада өөдэ гарахагүй, юундэб гэхэдэ, нүсэгэн хабсагай ха юм. Гол руу буухагүй – уһаниинь гүнзэги. Эрьеэр лэ харайлдаха байха.

Одоолшые сагаантан добо өөдэ даб гэлдэбэ. Пётр эбэр номынгоо хүбшэргэйе татажа, харбажархиба. Офицерэй арада ябаһан дайсан гараа арбагануулаад, тарайжа, добо руу мухариба.

– Ааляр, адагуусан! – гэжэ шииганаад, урдань ябааша офицер гэдэргээ эрьебэ. Тиин шүдөө ирзайлган, хүдэлхөө болин байшаба. Нүхэрынь газарта тарайшанхай, шэлэ хүзүүн руунь томо гэгшын шэртэһэн шэнги годли шаагданхай байгаа бшуу. Офицер юуншые тухай бодожо үрдибэгүй. Эгээл тиимэ годли өөрын хасарай хажуугаар шэхыень хэтэ сохин гарашаба. Тархинь зантагад гээд, айн хүрдэһэндөө, нюурынь һориибо. Тэрэ дороол нүгөө шэхэниинь хэтэ харбуулба. Хүбүүн алдажа харбаа бэшэ, харин хоро үһөөгөө гаргажа байгаа. Айхабтар мэргэн хүнэй дүй дүршэлтэй гарай хүсэн эндэ эли бэлэй».

В.Корнаковой гурбалжан романууд соо олон тоото домогууд, витимэй тайгын байдал тухай уянгалан хөөрэхэн түүхэнүүд оролсоходоо, геройнуудай зан абари, амилдаг агаарай сэсэг, ногоогоор хангалтаһан онсо хангал, шубуу шонхороор, ан гүрөөлөөр баян ой тайга шэмэглэн зураглана. Энэ болбол хаа-хаанагүй халбарһан

ажамидаралай ондо ондоо, гоё найхан байхыг тэмдэглэнэ. Энэ байдал өөрын хэлэгтэй. Аймаг угайнгаа суглаан дээрэ угай аха захатан иигэжэ хэлэнэ:

«— Чальчагир угай хүнүүд эндэ ханамжаяа хэлэбэ, Чальчагир угай аха заха үбгэд шагнаба гээшэ,— гэжэ нэгэн жэгдээр маани мэгзэм уншаһандал дуугаржа эхилбэ. — Би энэ гартаа таанадай ханамжа дуу баряад байнаб. Тээд эдэ хайрсагууд шэгнүүрээрээ адли байна. Харин хүнүүдэй хэлэһэн үгэнүүд ондо ондоо байгаа. Зариманиинь хэрэггүйгөөр хоролхожо дуугараа, нүгөөдүүлэнь аягүйгөөр агсамнажа, омогорхон үгэ хэлээ. Аха заха үбгэд таанадта иимэ юумэ хануулха байна: хайн үгэ гээшэ шүүдэртэй үглөөгүүр таһалхан сэсэгтэл адли юм, харин хорото үгэ шатама халуун үдэр таһалхан сэсэгтэл адли. Бэе бээдээ үглөөнэй сэсэг барюулжа байгты гэжэ юрөөхэ байнабди».

«Тайгын хонгор үхибүүд» гэжэ байжа нэрлэдэг эдэ геройнуудай хүн бүхэнэйн сэдхэл өөрын омог заршамтай, өөрын доторой сүлөөтэй. Тиимэл хадаа эдэнэр шэнээр ажаһуудалаа эрхилжэ, хизаар дайдынгаа эзэд ёһоор байхыг хүсэнэ.

«— Би Чальчагир угайб. Би хэлэндэ орохоһоо хойшо энэ үгэ хэлэжэ ябанаб. Нара харахаһаа урид нюдэмни ногоон талыг хараһан юм, гуламтын галай дуугархыг шагнахаһаа түрүүн шэхэмни эжэл хоёр Гуликанай шолшогонохыг дуулаһан юм. Эсэгэмни Мэргэн гэжэ хүн бэлэй. Тэрэнэй годли Доодо-Нугын эгээл эрхим һуршадай годлиһоо мэргэншыг, түргэншыг байгаа. Минии эхэ Чолбон гэгшэ бэлэй. Эжымни Гуликанай эрьдэ ургадаг хуһан модон шэнги жэбжэгэр бээтэй һэн. Би Чальчагир угай болохоб,— гэжэ дуугараад, Аюр нюргаа сэхэлбэ. Тэрэнэй уйдхар гунигта эзэлэгдэһэн нюдэн энэ үедэ ялалзажа, зүдэрүү шэг шарайнь үнгэ ороходожо байба. Уг унгияа, аба эжыгээ дурдахадаа, тэрэ сэдхэлээ хүдэлгэнгүй яалай даа».

Һүүлэй жэлнүүдтэ прозаик протопоп Аввакумай Даури сүлэлгэндэ ерэхэн тухай «Дикое поле» гэжэ томо роман бэшэһэн юм. Тэрэнэйн герой болохо Аввакум буһалгаалһан, биб гэхэн бээрхүү зондо бээ абтахагүй, өөрынгөө һүзэг бата бэхээр хамгаалжа ябадаг хүн юм. Агууехэ зохёолшон, гүнзэги бодолтой Аввакум Петров тухай олон зохёолнууд бэшэгдэһэн лэ гээшэ...

Владимир Корнаковай бүхы зохёолнууд соо — гансашыг романуудтань бэшэ, мүн рассказы болон туужануудтань энэ гурбалжан романай хоёрдохи ном соо үгтэһэн поэтичeskэ дүрэ образ ехэ удха шанартай юм. Улаан хуһадай образ тухай хэлэнэб. Ямар модод гээшэб эдэмнай?

«Юрэ бусын хуһан ургаһан юм. Эдэ хоёр хуһан нэгэ бүлэг үндэһэнһөө, нэгэ эшэхэ эхи абажа, энэ дэлхэй дээр мүнделөө, хүсэ абаа. Тиигэжэ байтараа яагаадшыг бантажа, халааташоо. Тиигээд лэ халаа бүхэниинь бээ даан ургахадаа, ондо ондоо хуһан болошоо. Узуур таладаа гантаһан газарынь шарха болон, барзагар хара хальһаар бүрхөөгдэһэн һорьбонь мүнөөшыг эли. Тиин тэдэ хоёр хуһан нэгэ үндэһэнһөө газарай шэмэ абана, мүн хуби заяаниинь баһал нэгэ адли гашуудалтай байшаба».

Үнэн дээрээ, хүн зон нэгэл газар дээрэ түрэхэн хадаа, «нэгэл үндэхэтэй», тээд ажабайдал эдэниие иишэ тиишэнь тараажа, хүн бүхэниинь өөрын хуби заяатай. Эдэ хуби заяанууд тухай уран зохёолшо Владимир Корнаков тон тодорхойгоор хөөрөжэ үгэхэн ха юм.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

В гольцах светает. Роман. Улан-Удэ, 1962. М.: Советская Россия, 1967. М.: Советская Россия, 1974. – Улан-Удэ, 1979.

Шатун. Повесть. – М.: Современник, 1975. М.: Советская Россия, 1982.

Красные берёзы. Роман. Рассказ. – Улан-Удэ, 1982.

Шатун. След. Повести. Рассказы. – Улан-Удэ, 1985.

Красные берёзы. Роман. – М.: Советская Россия, 1986.

Время опадания листьев. Роман. – Байкал, 1988.

Дикое поле. Роман. – Улан-Удэ, 2005.

Таёжный детектив. Серия «Моё Забайкалье». В 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2008.

В тайге у Витима. Роман-трилогия. Книга 1. В гольцах светает. Книга 2. Красные берёзы. Книга 3. Время опадания листьев. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 7. – Улан-Удэ, 2012.

Талан. Рассказ // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Штеренберг В. Первая встреча с читателем. – Правда Бурятии, 1961, 3 марта.

Бальбуров А. Слово об авторе // Корнаков В. Шатун. Повесть. М.: Современник, 1975.

Тыхешикина Е. Две жизни. – Байкал, 1976, № 1; Нева, 1976, № 6.

Соктеева К. О повести «След на земле». – Байкал, 1976, № 6.

Без указ. автора. Корнаков Владимир Васильевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Комиссарова Т. Свет над ярангой. – В мире книг, 1977, № 10.

Владимир Корнаков // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1981.

Хамаганов М. Корни жизни. – Байкал, 1983, № 5.

Аюшеев И. Витим – судьба и доля народная. – Байкал, 1986, № 6.

Найдаков В. Завершение трилогии. – Правда Бурятии, 1989, 26 февраля.

Хамаганов М. Где золото роют... – Байкал, 1989, № 6.

Цырендоржиев Ц. Не опала ещё листва. – Буряад Унэн, 1989, 22 декабря.

Без указ. автора. Корнаков Владимир Васильевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Тулохонов С. Корнаков Владимир Васильевич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.

Голубев Е. Путь в Дауры. – Бурятия, 2005, 24 декабря.

Соктеева К. Корнаков Владимир Васильевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Соктеева К. Герои и время в творчестве Владимира Корнакова. – Бурятия, 2009, 21 ноября.

**Исай Калистратович
КАЛАШНИКОВ**
(1931-1980)

САГА О ЖЕСТОКОМ ВЕКЕ

Я увидел его впервые осенью 1960 года в редакции газеты «Молодежь Бурятии», куда пришел работать после окончания университета. Исай Калистратович был ответственным секретарем газеты. Он посмотрел на меня деловым, оценивающим взглядом, каким обычно ощупывают новичка неизбалованные жизнью люди: ну-ка, дескать, каков ты? Не жидковат для нашего дела? Его лицо, показавшееся мне ни суровым, ни приветливым, а именно деловым, привлекало, однако, той русской красотой, что не часто встретишь в Сибири, перемешавшей кровь двенадцати народов. Слегка волнистые русые волосы, высокий лоб, серые спокойные глаза, чистая кожа лица. А ко всему этому – статная, крепко сбитая фигура сильного человека. Всё в его облике казалось счастливо найденным природой...

Редакция состояла всего из десятка журналистов, так что все примечательное и любопытное о каждом можно было узнать в один день. В судьбе Исаия Калистратовича любопытного и примечательного оказалось больше, чем у других. Посудите-ка: за год до этого он опубликовал в журнале «Байкал» роман «Последнее отступление» и теперь ждал выхода своей книги в издательстве. Согласитесь, не часто в молодежной газете работают авторы романов. Он не вписывался в общий ряд и по образованию: большинство в редакции имело дипломы, а Калашников окончил лишь десятилетку, да и то за какие-то классы сдал экстерном, а в каких-то – занимался вечерами. Не шла ни в какое сравнение его и наша прошлая жизнь. Он пастушествовал, был вальщиком леса, слесарил в мастерских. Это на первых порах вроде бы объясняло характер Исаия Калистратовича, не склонного к сентиментальности, неприятие им беззаботного быта и мотовства, к которым мы привыкли в студенческих общагах.

Но я намеренно написал: «на первых порах вроде бы объясняло...» Потому что стоило узнать Исаю Калистратовича поближе, почитать его роман, как перед тобой открывался настоящий поэт, человек, остро чувствующий красоту будничной жизни. Его герои говорили не бесцветным, лишенным живых красок языком, которому учили школа и вуз, а естественным, прихотливым и легко узнаваемым. Мир вокруг молодой писатель видел не застывшим, мертвым, а озвученным, переливчатым от света и тени. Мартовский снег за деревенскими пряслами, темный от проталин и одновременно искристо поблескивавший на бугорках, был похож у него на старичка в поношенной одежде, открывшего встречному человеку добрую, светлую душу.

Исаю Калистратовича приняли в Союз писателей, направили на Высшие литературные курсы в Москву. К тому времени он написал новый роман – «Разрыв-трава». Книга уже вышла в Бурятии, казалось, возврата к ней не будет. Но когда в Москве произведение слушателя литературных курсов заинтересовало редакцию популярного издания – «Роман-газеты», Калашников решил «перелопатить» написанное. В студенческом общежитии, во время учебы это нелегко было сделать, но Исай Калистратович взялся за работу. Он всегда относился к творческому труду, как служению непрерывному, ежедневному, подвижническому.

Позже я слышал от него:

– Заходит ко мне в комнату один писатель... видит, чем я занимаюсь. И знаешь, что говорит? Что ты, дескать, маешься? Это дело редакторов. Они за это зарплату получают. Отдай книгу как есть, и пусть правят... если им это надо. Что возмутило: он жалеет меня... смотрит, как на недотепу. Пришлось сказать: не мешай!

Роман «Разрыв-трава» посвящен жизни забайкальской старообрядческой деревни Тайшиха. Писатель рисует двадцатые-сороковые годы прошлого века – время крутой ломки прежнего крестьянского быта и психологии, утверждения новых начал во всем. Три брата Родионовых – Игнат, Корней и Максим унаследовали отцовское хлеборобство на земле, но какие разные судьбы выбрали они! Корнюха дольше других держится за единоличное хозяйство, не пускает новь за свой высокий забор. Максим, наоборот, смолodu отмел веру отца, истового старообрядца, как и его строгие правила – жить по традициям семейщины. Этот и принял, и неумоимо утверждает новую жизнь. Игнат, добрая, совестливая душа, больше других мучается, выбирая судьбу, но в конце концов принимает сторону младшего брата.

Все в романе дышит той правдой, которая добыта писателем рядом со своими героями и проверена живой, неостывающей памятью близких людей, земляков.

Мне довелось вместе с Исаем Калистратовичем побывать в нескольких районах, где в давние годы устраивались праздники литературы и искусства. Запомнилась поездка в родной для Калашникова район – Мухоршибирский. Его, тогда уже известного писателя, на родине, в семейских старообрядческих селах встречали с родственной приветливостью, как близкого человека.

Стоял февраль, морозы шли на убыль, в натопленных сельских клубах собиралось много народу. В расстегнутом пиджаке, в рубашке с открытым воротом Исай Калистратович сидел перед земляками по-домашнему, как в своей старой шаралдайской избе, будто деревенские заботы отпустили его, крестьянского сына, для вечернего неспешного разговора. Он и никогда-то не рисовался, не

подчеркивал ни словом, ни жестом своего особого положения в любой компании, а тут и вовсе был в родной семье, среди братьев и сестер. Вопросов к писателю было много. Как он начал писать? Кто из земляков стал прототипом того или иного героя в романе «Разрыв-трава»? В каких местах происходили события, описанные в книге? Исай Калистратович выходил к простенькой, обшарпанной трибуне и, прилепившись к ней сбоку, рассказывал с улыбкой:

– ...На ферме бабы сядут в молокобанке. Разговор все о фронте, о мужьях. По-вздыхают. Бывало, и поплачут. А потом кто-нибудь заметит и меня: «Что ты, Исайка, сочинил-то? Почитал бы». Я стесняюсь, конечно. Да и стихи мои на каком-нибудь грязном обрывке листка или на клочке газеты написаны. Однако читаю. Бабы удивляются: «Смотри, ты ужели сам складывал? Списал, небось?» И вижу, так жалостливо смотрят: не тронулся бы парнишка от этой писанины... Однажды попал мне в руки роман Ильи Чернева «Семейщина», когда прочитал, был потрясен. Обычно книги о чем? О какой-то чужой, неизвестной жизни. А тут описано то, что рассказывали мне бабка, дед, что я сам видел. Я подумал: «А что особенного – написать такую книгу? Надо только писать не на клочках и обрывках газет. Взять толстую-толстую тетрадь... и заполнить». Пошел в колхозную контору, к счетоводу... – здесь Калашников называл хорошо известного слушателям человека, вроде Изота Пантелеймоновича или Амплеля Ферапонтовича. – Попросил у него бухгалтерскую книгу. Тот о моем замысле, конечно, не знал. Но слава моя до конторы уже дошла. И он от сердца оторвал – выдал мне амбарную книгу...

Потом разговор переходил на роман «Разрыв-трава». Зал сыпал вопросы, вставлял озорные реплики, смеялся – все напоминало домашнюю азартную беседу в большой деревенской избе:

– Этого героя я списал с нескольких человек. Например, был такой...

– А дом Назара Ивановича... он стоял...

– Заимка Харитона Пискуна... ее многие должны помнить... она была в местности...

Вопросы, ответы... И если бы часы не напоминали о времени, вечера наши могли оканчиваться далеко за полночь. Когда мы выходили из клуба, Исай Калистратович шел впереди в окружении возбужденных земляков и все еще отвечал кому-то...

Потом была мучительная подготовка к новой большой работе – эпопее «Жестокий век». Страшась и обретая смелость, примеривался он к этой тяжести – роману о кровавом времени Чингисхана.

По сути дела, каждый век в земной истории (особенно нашей эры) – жестокий. Как же обретет человек в такие времена счастье, как откроет он подлинный смысл жизни? Эти вопросы волновали Исаю Калистратовича, судя по его творчеству. Ведь и события, описанные им в романе «Последнее отступление», и в следующем – «Разрыв-трава» и отчасти в последнем, незавершенном – «Не поле перейти», – события эти вкупе с двумя мировыми войнами сделали двадцатый век тоже чудовищно жестоким. Так что о страшном столетнем отрезке истории прозаик уже рассказывал. И эпоха Чингисхана, возможно, привлекла его как еще один повод художественно исследовать, как, в каких условиях и благодаря чему в мире появляются бессердечные властители народов, прежние и новые фюреры и как в конце концов они падают с пьедесталов, вызывая проклятья миллионов людей.

Не случайно И.Калашников обмолвился в одном из своих писем: «...сама фигура Чингисхана чрезвычайно интересна, а история его жизни – поучительна».

Показать поучительность судьбы кровавого завоевателя полумира и составить художественную задачу автора эпопеи.

Уже в ее построении заложен философский смысл. Первая книга романа названа словом «Гонимые», вторая – «Гонители». Логика жестокого века превращает безжалостно гонимые племена в безжалостных гонителей. Но приносит ли счастье и процветание таким народам и их властителям кровавое возвышение над другими? В конце романа приближенные хана приносят ему весть о смерти сына Джучи. Его уничтожили по приказанию отца, не желавшего делиться властью ни с кем. И вот какой разговор происходит у Темуджина с женой Борте:

«Шорох заставил его вздрогнуть и вскинуть голову. Посреди шатра стояла Борте. Голова ее была не покрыта, волосы с густой сединой рассыпались по плечам. Она не мигая смотрела на него.

– Вот... умер... – сказал он.

– Отравили, – чужим, хриплым голосом поправила она.

– Может быть, и нет. Он болел.

– Его отравили.

– Может быть... я разыщу убийцу.

– Убийцу искать не надо. Ты убил его!

– Борте! – Предостерегая и защищаясь, он поднял руку. – Думай, что говоришь!

– Ты всю жизнь ненавидел Джучи. За что? За то, что у него не окостенело сердце... Я жалела тебя, я ждала, что ты очнешься. Не его, тебя надо было отравить, мангус, пьющий кровь своих детей! Хищный волк уносит от беды свое дитя, птица гибнет, отводя опасность от птенцов, а ты, человек, наделенный небом разумом, хуже пустоголовой птицы и кровожадного зверя.

– Замолчи! – теряя рассудок, закричал он.

Привлеченный его криком, в шатер заглянул кешиктен. Хан швырнул ему в лицо сломанную плетль.

Борте наклонила голову, вытянув перед собой руки, будто незрячая, вышла из шатра».

Жизнь наказала Чингисхана. Презревший всякие нравственные законы, превратившийся в зверя, он умирает, оставив на земле лишь кровавые следы. Но солнце не меркнет, с людьми остаются доброта, любовь, цветущая природа. Перед нами прошли десятки героев романа – простые воины, араты, и мы верим, что их душевное тепло, чистые помыслы долговечней и живительней, чем жестокость и коварство властителей. Последние строки эпопеи подтверждают веру автора и читателей в бессмертие привычной для человека, праведной жизни. Скотовод Тайчу-Кури не без гордости рассуждает в присутствии жены:

«– Хан ел, что хотел, я – что давали, он делал, что хотел, я – что велели. И били-колотили меня сама знаешь как. Почему же я крепче оказался? Хан не слезал с коня, а я топал ногами по матери-земле. От земли моя сила. Через ноги – сюда, – Тайчу-Кури выпятил грудь, постучал по ней кулаком, засмеялся.

Ярко пылал в очаге огонь, озарял юрту живым, трепетным светом. Гудел на разные голоса буран, швыряя снег в дымовое отверстие. Дети забрались под шубу к своей матери. Она, покашливая, рассказывала им сказку.

Тайчу-Кури прислушивался к вою ветра, к поскрипыванию решетчатых стен. Не опрокинулась бы юрта... Старая... Зима впереди – длинная, много еще будет буранов, выюг и метелей. Но какой бы длинной зима ни была, за ней следует весна».

Известно, что роман «Жестокий век» Исая Калистратович переписывал шесть раз. Почти восьмисотстраничную книгу – шесть раз. Все другие романы, все повести – тоже не один раз. Неудивительно, что при такой нещадной, изматывающей работе он выглядел усталым, углубленным в себя. И все же, когда заходит разговор об Исае Калашникове, я вспоминаю его лицо, освещенное благодатным солнцем.

Такая память осталась о писателе редкого самородного таланта...

ШУҢАТА ЗЭБҮҮН САГ ТУХАЙ ДОМОГ

«Бурядай залуушуул» сониной редакцида университет дүүргэжэ ерээд хүдэлхээ байхадаа, 1960 оной намар, би анха түрүүшынхиде Исая Калашниковые харахан хүм. Исая Калистратович газетын харюусалгата секретаряар хүдэлжэ байгаа. Намаиде сэгнэжэ үзэһэн, наадангаа бэшэ харасаар хаймадахадань, хүнгэн бэшэ байдалда эрэ болоһон хүн хүдэлхөө хая ерэһэн хүнииде иигэжэ хаража үзэдэг юм байна гэжэ тухайлаа хэм. Хорёод ондоо үндэһэ яһатанай ажаһуудаг Сибирьтэ иимэ нам гэхэн бодолтой аад, тон онсо ород хайхан шарайтай хүнииде үдэр бүри золгохогүйш. Халта буржид гэхэн шарабтар үһэн, үндэр магнай, боробтор намдуу нюдэд, сэбэр хайхан нюур. Гэхэһэ гадуур хүсэтэй хүнэй гэхээр бүхэбтэр сэхэ шамбай бээтэй. Байгаалиин бардамаар бэлэглэһэн шэнжэ шанартай жаргалтайл хүн шэнгээр харагдаа бэлэй...

Редакци гээшэ арбаад сурбалжалагшадһаа бүридэһэн, нэгэ үдэрөөр шахуу бултан тухайнь мэдээ дуулажа болохоор хэн. Исая Калистратовичын хуби заяан бэшэнһээ ондоо, һонин шэнгээр үзэгдөө. Һанаадшые үзыт: жэлэй саана «Байкал» сэтгүүлдэ «Последнее отступление» гэжэ романаа толилуулһан аад, мүнөө номой хэблэлдэ ном боложо гарахыень хүлээнэ. Залуушуулай сониндо роман бэшэһэн авторнууд олоороо хүдэлжэ байдаггүй ха юм. Эрдэмээрээшье бэшэнһээ ондоо: редакцида хүдэлдэг зоной ехэнхинь дипломуудтай, харин Калашников оройдоол арбан класс дүүргэһэн, зарим классуудта экстернээр һуража гараһан, заримандань – үдэшын һуралсал гараһан. Тэрэнэй болон бидэнэй үнгэрһэн наһан баһал илгаатай байгаа. Тэрэ мал адуулһан, ой модо отололгодо ябаһан, мастерскойнуудта слесарээр хүдэлһэн хүн бэлэй. Энэ тэрэ юмэ гоёор бодомжолжо байдаг бэшэ зангынь эндэһээ ха гү гэжэ түрүүшээр һанагдахаар хэн.

Түрүүшээр тиигэжэ һанахаар гэжэ би миин бэшэнэгүйб. Юундэб гэхэдэ, Исая Калистратовичтай дүтөөр танилсаад, романииде уншаад байхадань, урдмни ёһотойл поэт хүн, юрын ажабайдал поэдэй нюдөөр зураглан харадаг гэжэ абаһаар ойлгожорхихош. Һургуулида, дээдэ Һургуулида Һургадаг үнгэгүй хуурай хэлээр бэшэ, харин шэмэ шүүһэтэй, ялагар хайхан үнгэнүүдтэй баян хэлээр геройнуудынь хоорондоо харилсадаг байба. Тойроод байгаа дэлхэй хүдэлсэгүй хүйтэн бэшэ, гэрэл һүүдэр хоёрһоо ялалзажа байдаг гэжэ залуу зохёолшон харуулаа. Дэ-

рээбэнэй сонхын саанахи март нарын саһан зарим тээгээ харлашанхай, зарим тээгээ, илангаяа болдогууд дээрэ гэрэлтэжэ байхадаа, танигдаагүй хүндэ харуул сагаан сэдхэлээ нээһэн хуушаршаһан хубсаһатай үбгэн мэтэ.

Исай Калистратовичые түрүүн Уран зохёолшодой холбоондо абажа, Москвада Дээдэ литературна курсануудта эльгээгээ бэлэй. Тэрэ үедэ «Разрыв-трава» гэжэ шэнэ романаа бэшэжэ дүүргээд байһан юм. Номынь Буряадтаа хэблэгдэжэ гараһан аад, дахин бусалтагүй ха гэхэниинь, Москвагай «Роман-газета» гэжэ суута хэблэлэй редакциин номоорнь һонирхоходо, Калашников зохёолоо бүри гүнзэги, удхатай болгохо гэжэ шиидэһэн юм. Оюутадай хамтын байрада байгаад һураха үедөө иимэ ажал хэхэнэ хүндэшые хаань, Исай Калистратович энэ ажалдаа хам оробо. Тэрэ зохёол бэшэхэ хэрэгтэ тон харюусалгатайгаар хандадаг хүн хэн.

– Нэгэтэ минии байдаг таһалга руу нэгэ зохёолшон орожо ерээд, юу хэжэ байһыем хараад, юугээ хэжэ бээд дэмы зобоожо байнаш, энэшни редакторнуудай хэхэ ажал, тэдэш энээнэй түлөө түлбэри мүнгэ абана. Ши номоо тэдэндэ үгэ, хэрэгтэй хаань заһана бээд гэжэ хэлээд, намайе ехээр хайрлаһан нюдөөр хаража байхадань, намда бү хаалта хэ гээ һэм, – гэжэ тэрэ хөөрөһэн юм.

«Разрыв-трава» гэжэ роман хуушанай шэмээшэгүүдэй ажаһуудаг Тайшиха гэжэ Байгалай саана оршодог дэрээбэнэй һуудал байдал тухай зураглаһан. Үнгэрһэн зуун жэлэй хорёод-гушаад онуудта болоһон хубилалтануудай үедэ зонй сэдхэл доторой байдалай яажа эридээр хубилһые, шэнэ сагай бүхы тээ үзэгдэжэ байһые харуулаа. Газар дээрэ тарья ургуулдаг тарьяашан Родионовой Игнат, Корней, Максим хүбүүдын эсэгынгээ дүй дүршэлые халан абаһаншые хаа, ямар ондо ондоо хуби заяануудтай гээшэб! Корнюха бэшэнһэнь үни саг соо хубиингаа ажахы баряад байна. Шэмээшэгүүдэй хуушанай ёһо заншал баримталан ажаһуухые оролдодог эсэгээ Максим хүбүүниинь буруушаажа, шэнэ үе сагай эрхээр ажаһуухые оролдоно. Игнат нэххэл ехэтэй, сагаан сэдхэлтэй хүбүүн аад, хуби заяагаа шэлэжэ зобоходоо, һүүлэй һүүлдэ дүү хүбүүнэйнгээ тала барина.

Роман соогоо зохёолшон өөрынгөө нютагаархинай ажал хэрэгүүдые зүбөөр харуулхые оролдоо бшуу.

Литература болон искусствын үдэрнүүдые үнгэргэдэг байһан хэдэн аймагуудаар Исай Калистратовичтай ябажа ерээ һэмди. Мухар-Шэбэрэй аймагта ошоһоноо һайн һананаб. Тэндэ, нютагтань, зохёолшые ехэл хүндэтэйгөөр угтаһан юм.

Февраль һара байгаа, хүйтэн бууража эхилэнхэй, пеэшэниинь һайнаар түлигдэһэн хүдөөгэй клубууд соо хүн зон олоор сугларанхай. Пиджагайнгаа тобшо тайлажа, һэхээд, нээгдэмэл захатай самса үмдэһэн Исай Калистратович нютагаархинайнгаа урда Шаралдайнгаа гэртэ байһандал нам һуушанхай удааханаар хөөрөжэ байгаа хэн. Ямаршые зон соо ябахадаа, Исай Калистратович тэдэнһээ илгархые оролдодоггүй, харин эндэ бүри түрэл гаралайнгаа дунда байһандал хэн. Зоншые тэрээнһээ олон юумэ мэдэжэ абахые оролдожо, асуудалнуудые табина. Хэзээ, яагаад бэшэжэ эхилээ һэмта? «Разрыв-трава» роман соохи геройнуудайтнай прототипууд хэд гээшэб? Ном соо дурсагдаһан үйлэ хэрэгүүд хаана болоһон юм? Эдэ асуудалнуудта харюу үгэхёо зохёолшон трибунада гаража, энеэбхилэн хөөрөжэ эхилээ бэлэй:

– ...Ферма дээрэ һамгад һуушанхай, фронт тухай, үбгэдүүд тухайгаа хөөрэлдэнэ. Һанаа алданад. Бархирха газартань бархираадшые абанад. Һүүлдэнь гэгтэ намайе анхаржа: «Исай, юугээ ши баһа бэшээбши даа? Уншажа үгыш» гэлдэхэ. Бинь аягүйрхэхэб, эшэхэб. Шүлэгүүдни энэ тэрэ хахархай саарһан дээрэ, со-

нинуудай таһархайнууд дээрэ бэшэгдэнхэй. Тиибэшье уншахаб. Намгад гайхалдаха: «Харыш, өөрөө зохёогоо гүш? Хаанаһааб даа хулуужа бэшээ хаш?». Тиигээд намайе ехэл хайрлангяар хаража байха: энэ тэрэ юумэ бэшэнэб гэжэ ухаагаа төөришөөгүй болболын болоо гэжэ һананад ха... Нэгэтэ Илья Черневэй «Семейщина» гэжэ роман уншабаб. Ехэл һонин байгаа даа. Юун тухай номууд соо бэшээтэй байдаг бэ? Ямар бэ даа нэгэ тон ондоо, талын зоной байдал тухай. Харин эндэ минии хүгшэн эжын, хүгшэн абын намда хэлэдэг байһан юумэнүүд тухай, минии хараһан, үзэһэн юумэнүүд тухай бэшээтэй байба. «Иимэ ном бэшэхэнь юу байгаа юм? Гансал хахархай саарһан дээрэ бэшэ, һайн саарһан дээрэ бэшэхэ хэрэгтэй. Томо дэбтэр абажа ерээд лэ... бэшэхэ» гэжэ һанабаб. Колхозойнгоо контородо ошожо, Изот Пантелеймоновичто, Амплей Ферাপонтовичто хандажа, бухгалтерай ном эрибэб. Минии юу хэхэ һанаһые мэдээгүй ааб даа. Зүгөөр минии хэлэһэн үгэнүүд тэдэндэ дуулдаһан лэ байгаа хаш. Ехэл харамнажа байжа, амбаарай нэгэ дэбтэр үгэһэн юм...

Һүүлдэнь «Разрыв-трава» роман тушаань хөөрэлдөөн болобо. Зал соо һууһан зон энэ тэрэ юумэ асуужал, энээлдэжэл байнад – эгээл нэгэ хүнэй гэр соо хүүелдэн зугаалдажа байһан шэнги байгаа.

– Энэ геройгоо би хэдэн хүниие хаража бэшээб. Тиимэ хүн байһан юм...

– Назар Ивановичын гэр... хаана байгааб...

– Харитон Пискунай заямха... һанана ёһотойт... тэндэ байдаг һэмнай...

Асуудалнууд, харюунууд... Часыгай саг харуулаагүй болбол, эдэ уулзалганууднай һүнийн хахад болотор үргэлжэлхэ байгаа даа. Клубһаа гарахадаа, Исай Калистратович тэрэниие тойроһон зоной урда ябажа, баһал асуудалнуудта харюусажал ябаа һэн...

Һүүлдэнь аһан ехэ зохёолоо – «Шуһата эзбүүн сагаа» бэшэхэ гээд, ехэ бэлэдхэл хэһэн юм. Чингисхаанай шуһата эзбүүн саг тухай роман бэшэхэ гээд, энэ ехэ харюусалгатай хэрэгтэ халдажа ядан зобоо һэн.

Манай дэлхэйн түүхэ тухай хэлэхэ болоо һаа, саг үе бүхэнийнь хэрзэги шэрүүн лэ байгаа гээ. Тиимэ үе сагта хүн яажа жаргалаа олодог, ажамидаралайнгаа удха шанар элирхэйлдэг юм ааб? Исай Калистратовичые эдэ асуудалнууд ехэтэ хүлгөөн зобоодог байгаа хаш. «Последнее отступление», «Разрыв-трава», «Не поле перейти» гэжэ романууд соонь болоһон үйлэ хэрэгүүд дэлхэйн хоёр ехэ дайнтай холбоотой аад, хоридохи зуунай жэлнүүдые хэрзэги шуһата болгоно бэшэ гү. Тиигэжэ иимэ саг тухай автор хөөрөжэ үрдиһэн лэ байгаа. Чингисхаанай үе саг тухай хэлэхэ болоо һаа, энэ баһал дэлхэйн түүхын нэгэ хуби, хэзээ, ямар үе сагта арад зониие толгойлохо шанга засагтан бии боложо, хайшан гээд тэрэ үндэр шэрээһэнь унадаг юм. «...Чингисхаанай дүрэ ехэл һонирхол татама, хуби заяаниинь хүндэ хэшээл үгэхөөр», – гэжэ нэгэ бэшэг соогоо И.Калашников бэшэһэн байдаг.

Тиигэжэ хахад дэлхэе эзэмдэн абаһан энэ хүнэй хуби заяа харуулха гэһэн аргагүй ехэ хүсэл байгаа юм. Түрүүшынь ном «Намнуулһан зон» гэһэн гаршагтай һэн. Хайра гамгүйгөөр намнуулһан зон хайра гамгүйгөөр намагшад болон хубилна. Теэд арад зониие иигэжэ эзэмдэжэ абаһан засаг түрэ баригшад жаргалда хүртэжэ, һалбарна гү? Романай һүүлдэ хаанай дүтын зон Джучи хүбүүнэйн алуулһан тухай мэдээ асарна. Засагаа хэнтэйһье хубаалдахагүй гэжэ шиидэһэн хүбүүгээ абынь захиралтаар усадхана. Тэмүүжэн Бортэ һамгантаяа иигэжэ хөөрэлдэнэ:

«Нэгэ абяанһаа тэрэ сошожо, толгойгоо үргэбэ. Шатёрой дунда Бортэ зогсожо байба. Тархияа юумээр халхалаагүй, сайража эхилһэн үдхэн үһэнийнь мур дээгүүрнь таран унанхай. Тэрэ нюдөө сабшалангүй үбгэн тээшээ хараад байна.

– Зай... наһа дүүрээл даа, – гэбэ тэрэ.

– Хорлоо, – гэжэ тэрэнь бүдэхи, ондоо хүнэй мэтэ хоолойгоор абяа гараба.

– Магад үбдэһэн байгаа.

– Хорлуулаа.

– Алууршаниие бэдэрһэнэй хэрэг байхагүй. Ши алааш!

– Бортэ! – Тэрэ бээ хамгаалха гэхэндэл гараа үргэбэ. – Юугээ хэлэжэ байнаш!

– Ши бүхы наһаараа Джучиие үзэн ядадаг һэнши. Яаһандаа? Зүрхэнийнь түмэр болошоогүй гээд гү... Би шамайе хайрладаг һэм, мэдээ орохо гэжэ этигэдэг байгааб. Тэрэниие бэшэ, харин шамайе хорложо алаха байгаа байна, үхибүүдэйнгээ шуһа һородог мангус гээшэш! Мяхаша шоношье аюулһаа түлээ абардаг, дайсанһаа дальбараануудаа хамгаалжа шубуун үхэдэг, харин ши, тэнгэриһээ ухаа абahan хүн, хоохон олгойтой шубуунһаа болон мяхаша ан амитанһаа доро байбаш.

– Дуугай боло! – гэжэ тэрэ ухаагаа һамаран, хашхарба.

Тэрэнэй хашхархые дуулаһан зараса шатёр руу шагааба. Хаан тэрэнэй нюур уруу хухарһан ургаба шэдэжэрхибэ.

Бортэ толгойгоо халта хазагад гүүлэн, һохор хүндэл хоёр гараа урдаа баряад шатёрһоо гараба».

Чингисхааниие хуби заяань хэһээгээ. Арад зоной хинажа ябадаг үнэтэй сэнтэй хуули ёһо эбдэжэ, ан амитан шэнги болоһон энэ хүн, газар дээрэ шуһан мур үлөөгөөд лэ, амьяа табина. Теэд наран гараһан зандаа, сагаан сэдхэл, дуран, сэсэглэһэн байгаали байһаараа байна. Роман соо байһан олон тоото юрын геройнууд – малшад, сэрэгшэд хубилаагүй, засаг түрэ баригшадай үһөө хиһаагаар дүүрэхэн сэдхэлһээ тэдэнэй сагаан сэдхэл илаха юм гэжэ бидэ этигэнэбди. Үнэн сэхээр ажаһууһан хүн үхэлдэ абтахагүй юм гэхэн этигэл романай һүүлшын мурнууд түрүүлнэ. Тайчу-Кури малшан һамганайнгаа хажууда иигэжэ хэлэнэ:

«Һанаһан юумээ хаан эдидэг байгаа, би – үгэхэн лэ юумыень эдээд ябааб, хаан дуратай юумээ хээд ябаа, би – юу хэ гэнэб – тэрэниень лэ хээд ябааб. Намайе сохёо, баһаа, мэдэнэш. Юундэ би иимэ шэрхи бүхэ байгаабиб? Хаан моринһоо буудаггүй байгаа, би хара газараар алхалан ябааб. Минии хүсэн газарһаа, – гээд Тайчу-Кури үбсүүгээ хүрхылгэжэ, нюдаргаараа тоншоод, энеэбэ.

Гуламтадаа носожо байһан гал һэеы гэрые дулаан, гэрэлтэй болгоно. Газар хэрхиржэ байһан шуурган үрхэ руу саһа шэдэлнэ. Хүүгэд эхынгээ дэгэл доро буханхай. Эхэнь тэдэндээ үльгэр хөөрөжэ үгэнэ.

Газар шуухиржа байһан шуурга, доһолжо байһан ханануудай хииганахые Тайчу-Кури шагнан һууна. Һэеы гэрынь унашоогүй һаа, һайн бэлэй... Хуушараа... Урдань үшөөл ута үбэл, һалхи шуурган, саһа задан үшөөл үзэгдэхэ даа. Хэдышье үбэлэй ута байбал, хабар заабол ерэдэг ха юм».

«Шуһата эзбүүн саг» романаа Исай Калистратович зургаа дахин шэнээр бэшэһэн юм. 800 гаран хуудаһатай ном зургаа дахин шэнээр бэшэхэ гээшэ ямар ехэ ажал гээшэб! Бэшэ романууд болон туужануудаа тэрэ баһал хэдэ дахин бэшэһэн гэдэг. Иимэ ехэ ажал хэһэн хүн эсэнги байнгүй яахаб даа. Гэбэшье, Исай Калистратович тухай хөөрөөнэй гарахада, би тэрэнэй наранда гэрэлтэжэ байһан задарюун нюур һанаандаа оруулдагби.

Иимэ ехэ бэлиг талаантай өөрэ янзын уран зохёолшон минии һанаа сэдхэлдэ иимэл түхэлтэйгөөр мүнхэрөөл даа.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Последнее отступление. Роман. – Улан-Удэ, 1960, 1962, М.: Советская Россия, 1965, Улан-Удэ, 1968.

Подлесок. Повесть. – Улан-Удэ, 1963.

Через топи. Повесть. – М.: Детская литература, 1966.

Через топи. Подлесок. Повести. – Улан-Удэ, 1973

Разрыв-трава. Роман. – Улан-Удэ, 1970, М.: Художественная литература, 1972, М.: Современник, 1973, Улан-Удэ, 1977.

Жестокий век. Исторический роман. М.: Советский писатель, 1978, М.: Советский писатель, 1980, Улан-Удэ, 1983, Алма-Ата, 1985, Улан-Удэ, 1990, М.: Современник, 1991, Красноярск, 1994, М.: Галерея «Ханхалаев», 2010. Расследование. Повесть. – Улан-Удэ, 1980.

Повести (Расследование; Через топи). – М.: Советская Россия, 1987.

Не поле перейти... Роман. Рассказы. Очерки. Новеллы. – Улан-Удэ, 1999.

Сочинения в 3-х томах. Т.1. Последнее отступление. Роман. Подлесок. Через топи. Расследование. Повести. Улан-Удэ, 2001. Т.2. Разрыв-трава. Роман. Не поле перейти... Роман. Рассказы. Улан-Удэ, 2002. Т.3. Жестокий век. Роман в двух книгах. – Улан-Удэ, 2003.

Жестокий век. Роман. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 4. Улан-Удэ, 2006; Чингисида в 3-х томах. Том 3. Улан-Удэ, 2009; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 6. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Окладников А., Ларичев В. О романе И.Калашникова «Жестокий век». – Байкал, 1974, № 2.

Разумневич В. Земля и люди // Калашников И. Разрыв-трава. Роман. – Улан-Удэ, 1977.

Толченова Н. Цветет багульник. – Литературная Россия, 1977, 23 сентября.

Без указ. автора. Калашников Исай Калистратович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Борцаговский А. Рецензия на роман «Жестокий век». – Байкал, 1978, № 6.

Белоусов А. По кровавым следам истории. Заметки о романе «Жестокий век». – Байкал, 1981, № 4.

Нечаева О. О языке и стиле романов И.Калашникова «Разрыв-трава» и «Жестокий век» // Язык художественной литературы Бурятии. – Улан-Удэ, 1982.

Ломунова М. Исай Калашников. – М.: Советская Россия, 1983.

Ломунова М. Исай Калашников и его книги // Калашников И. Жестокий век. Роман. – Улан-Удэ, 1983.

Борцаговский А. Эпический дар // Калашников И. Жестокий век. Роман. – Улан-Удэ, 1983.

Ломунова М. Исай Калашников. – Улан-Удэ, 1986.

Тулохонов С. Герой и история. – Байкал, 1987, № 4.

Васильева А. «Сокровенное сказание» монголов и роман И.Калашникова «Жестокий век». – Байкал, 1991, № 4.

Белокурова Р. Листая страницы памяти. – Правда Бурятии, 1993, 29 мая.

Ярневский И. Он любил свою землю. – Наран, 1994.

Без указ. автора. Калашников Исай Калистратович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Галанов Ц. В творческом расцвете. – Буряад Унэн, 1996, 13 ноября.

Балакаев А. Переписка с Исаем Калашниковым. – Байкал, 1997, № 1.

Тулохонов С. Исай Калашников // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

- Тулохонов С.* Калашников Исai Калистратович // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.
- Орлов Г.* Народная книга. – Городская газета, 2000, 20 января.
- Тулохонов С.* И.Калашников // Тулохонов С. Историзм литературы Бурятии. – Улан-Удэ, 2000.
- Васильева А.* Предисловие // Калашников И. Сочинения в 3-х томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2001.
- Будаев Ю.* Наследие народного писателя. – Бурятия, 2001, 8 августа.
- Чимитов Г.* Слово о лучшем друге. – Буряад Унэн, 2001, 9 августа.
- Земля, богатая талантами.* Материалы, посвященные 70-летию со дня рождения И.К.Калашникова. – Буряад Унэн, 2001, 9 августа.
- Калашникова Е.* Исai Калашников. – Вершины, 2001, № 3-4.
- Голубев Е.* Летописец жизни народной. – Городская газета, 2001, 21 ноября.
- Данчинова М.* Чингисхан как человек в романе И.Калашникова «Жестокий век» // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции 3-5 октября 2002 г. – Улан-Удэ, 2003.
- Сычков Б.* Где божий мир, где голубое небо... Памяти Исаи Калашникова – Правда Бурятии, 2003, 21 мая.
- Уланов Э.* Калашников Исai Калистратович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Николай Гармаевич
ДАМДИНОВ
(1932-1999)**

ДОРОГА, ДАРУЮЩАЯ УДАЧУ

Как-то в конце пятидесятих годов увидел я группу молодых людей, вышедших из редакции журнала «Байкал». Впереди, увлекая своих спутников, размахисто шагал высокий человек в плаще с развевающимися полами. Он то и дело обращивался к товарищам и что-то энергично говорил.

Я не видел до тех пор поэта Николая Дамдинова, но почему-то сразу решил: этот высокий – он. Читателям, возможно, покажется стертой фраза о том, что поэт всегда похож на свои стихи, но в данном случае, это было именно так. Небольшая поэма Н. Дамдинова «Песнь степей», опубликованная к тому времени в журнале «Новый мир», другие стихи, появившиеся на русском языке, представляли автора человеком порывистым, полным энергии, стремительно шагающим по земле.

Этот образ поэта и сейчас, когда книги его широко издаются, а имя прочно вошло в литературу, не изменился в моем сознании, разве что юношеская энергия поэтического жеста в стихах Н. Дамдинова со временем стала соседствовать с неторопливой интонацией умудренного жизнью человека. Но в глубине его строк по-прежнему, как огонь под пеплом, оставалась молодая страсть, жажда познать истину.

Вот строки тех пятидесятих годов:

*Как степью широкой,
по жизни хочу пройти.
И чего это, собственно, так спешу
прошагать дорогой земною?
Я бы мог присесть на камень,
задержаться бы мог в пути*

*И она бы
не уменьшалась передо мною.
Может, верно все это.
Но спешу я, пока не стар,
К солнцу, к солнцу,
на месте одном не стоящему.
Не хочу обманывать жизнь –
самый бесценный дар!
Пусть она честно пройдет
и завершится по-настоящему.*

А вот стихи последних лет:

*Пусть на висках не видно серебра,
Но жизнь уже на странном перевале, –
Ты, прежний, познаешь иные дали,
Когда приходит зрелости пора.*

*Когда приходит зрелости пора,
Ты – как батыр на родовом совете:
Всевидящ взгляд, и мысль твоя мудра,
И за земные судьбы ты в ответе!*

Кажется, у Николая Дамдинова не было поры ученичества. Первые же книги стихов на русском языке «Гудящие сосны» (1959), «Имя отца» (1962) и «Битва за солнце» (1963), вышедшие в Москве, объединили стихи самобытные и зрелые. Они и сегодня рядом с поздними произведениями составляют лучшие строки в книгах избранных стихов Н. Дамдинова. Это маленькие поэмы «Песнь степей», «Сосна», «Ночь тридцатой весны», «Поющие сосны», стихотворения «Родословная», «Табунщик Дугар», «В гостях у Маяковского», «Девушка с Волги» и другие. Может быть, объяснение тут простое: восприняв завет Маяковского («Поэзия – та же добыча радия, в грамм – добыча, в год – труды»), Н. Дамдинов с первых же шагов в литературе относился к своему творчеству с предельной строгостью, с подвижнической самоотдачей. Об этом свидетельствуют стихи разных лет:

*Ночная тьма сгустилась до предела!
Как хорошо, не ведая куда.
Идти, подставив молодое тело
Потокам ветра легким, как вода.*
1951

*Удача мчится дальней колеей.
А ты трудись
Без устали и лени.
Трудись – она придет.
А на коленях
Негоже нам выпрашивать ее.*
1971 г.

*Самолёт от земли оторвался
И стрелою ушел в вышину.*

*И опять я с тобою расстался.
На земле оставляя одну.
Я лечу сквозь небесную млечность,
Облака озаряет луна.
Молчаливо здесь царствует вечность, –
Неуютна она, холодна.*

Эта требовательность к себе была обусловлена и жизненным путем, судьбою поэта. Он родился в 1932 году в таежном улусе Угнасай. Родина поэта, знаменитая Баргузинская долина, увенчанная как корона высокими вершинами гольцов, еще вчера была каторжным краем и связана с именами декабристов. Отец поэта Дамдин Гармаев, скотовод, один из сельских активистов, очень хотел, чтобы новь быстрее пришла сюда, в медвежий угол. Он организовал колхоз, стал его председателем, но был оклеветан и погиб. Это трагическое событие, коснувшееся детского сердца, сиротство, скудная жизнь в военные и послевоенные годы не ожесточили будущего поэта, а закалили его волю, научили ценить труд. Позже он расскажет об этом в поэме «Имя отца»:

*Мы маялись, но лучше честно маяться,
Чем жить нечестно, без больших забот.
Мы жили так. Мы не катались в масле
И оттого к нам грязь не пристает.
Но иногда такое вдруг случилось –
Тоска в наш дом отчаянно стучалась,
Тоска скреблась, тянулась прямо к сердцу,
И жизнь тогда такой казалась серой,
И на земле, бескрайней, точно дни,
Мы были с матерью совсем-совсем одни.
Но я не знал, что Родина за нами
Следила всюду грустными глазами,
И в сердце Родины –
Я это знать не мог –
Был для меня особый уголок.*

Н. Дамдинов – один из тех поэтов, чей характер с точностью совпадал с характером его лирического героя, чьи жизненные тревоги, сомнения и мечты составляли реальный мир собственных стихов. Совсем не случайно, например, молодой автор с благодарностью к землякам рассказывал о том, как «человека в путь провожала человечность». Это было с самим поэтом. Люди привезли одаренного мальчишку из глухого улуса в Улан-Удэ, в школу-интернат. Здесь он с увлечением изучал бурятский и русский языки, полюбил поэзию. В газете были напечатаны его первые стихи, Союз писателей Бурятии дал ему рекомендацию для поступления в Литературный институт имени Горького. И вот, закончив школу с золотой медалью, юноша едет в Москву. А там – учеба у известных мастеров литературы, сердечное, заботливое участие в судьбе паренька таких крупных поэтов, как Александр Твардовский, Ярослав Смеляков. Стихи Н. Дамдинова той поры передают страстное желание юного сердца служить людям, его беспокойство: а хватит ли сил, таланта оправдать высокое звание поэта, отплатить за доброту? В стихотворении «В гостях у Маяковского» читаем:

*Много вопросов меня тревожит:
Что он скажет?
Спросит о чем?
Может, просто смолчит, а может,
Руку положит мне на плечо
И очень хорошее слово отыщет...
Или,
взглядом пронзив насквозь,
Подумав, скажет:
«Знаешь, дружище,
Брось!».*

«Сам ишу я задачи сложней и сложней», «Ты поздно ко мне приходишь, зрелость моя...», – в этих строках (а можно процитировать и другие стихи) бился беспокойный, напряженный пульс дамдиновской музыки. Теперь, оглядывая полувековой творческий путь Николая Дамдинова, можно сказать, что он более масштабно, чем его предшественники в бурятской поэзии, отобразил в своих стихах, поэмах, исторических драмах и произведениях других жанров прошлое родного народа, его духовный взлет за годы советской власти, его тогдашний расцвет. Уже один перечень произведений поэта показывает, как пристально, пытливо вглядывался он в судьбу своего края, как настойчиво пытался связать звенья времени. Основанная на поэтическом сказании бурят «Легенда об Ангаре»; написанная по мотивам народного предания поэма «Возвращение батыра» о мудром и смелом предводителе Шилдэе Занги, выступавшем за дружбу бурят с Россией; «Песнь о Доржи Банзарове» и историческая драма «Доржи Банзаров» – произведения, рисующие разные периоды жизни первого бурятского ученого; пьеса «Кузнецы победы» и киносценарий «Пора таежного подснежника», посвященные борьбе за советскую власть в Забайкалье; поэмы «Имя отца» и «Новая земля», показывающие переустройство жизни в таежном крае; маленькие поэмы, баллады, стихотворения «Сосна», «Старый Жарду собрался в дорогу», «Табунщик Дугар», «Тропа Гэсэра», «Родословная», «Встреча», в которых предстает человек новой Бурятии; наконец, венок сонетов «Звездный путь», так вдохновенно выразивший чувства современника, который штурмует космос, – вот «главы» той исторически выверенной «книги», которую создал поэт. Кстати, сам Н. Дамдинов писал в 1963 году: «Мне кажется, что осмыслить путь народа, например, родного мне бурятского народа, невозможно, не возвращаясь подчас к картинам прошлого, не сравнивая, не сопоставляя... Моя главная книга мыслится мне как серия поэм, куда войдет уже изданная поэма «Имя отца». И прошлое, и современность займут в этой серии также соответствующее место».

Критики отмечали, что поэзия Н. Дамдинова публицистична. Это верно, но с одним уточнением: мысль поэта была рождена конкретным поэтическим фактом, обобщение у него всегда было подготовлено образным строем произведения. Показать это можно, скажем, на примере поэмы «Возвращение батыра». Народный вождь Шилдэй Занги стоит за дружбу с Россией. Захваченный врагами, он даже своею смертью утверждает верность этой идее. Вот как звучат заключительные строки о герое:

*В двух шагах от него –
Граница, за границей – разъезд казачий.
Травы, родные запахи...
Все, чем дышал и жил...
И внезапно
Ожгла батыра молния мысли горячей...
На самый конец доски он голову положил.
– Давай! – приказал палачу.
А тому уже было невмочь,
Он рубанул с плеча, не думая ни о чем.
С маху упал топор.
Голова отскочила прочь,
И заорали в две глотки начальник с палачом.
– Держите! – кричат. Но поздно!
Прыгнула голова,
Перескочив границу, припала к родной
Земле.
И о цветы и травы, словно была жива,
Вытерла пот,
Застывший каплями на челе...*

Особого разговора в этой связи заслуживает поэма «Учитель мой – Ленин», ставшая заметным вкладом в художественную Лениниану. За это произведение автор был удостоен Государственной премии Бурятской АССР. Рассказ об Ильиче ведется в поэме устами его ученика, известного революционера Ивана Васильевича Бабушкина. Взволнованность поэтического повествования, лаконичность стиля, оригинальность композиции – все это делало произведение значительным. Лиро-эпическое по характеру повествования, оно ярко показало мастерство Н. Дамдинова как поэта-публициста. Страстным монологом венчал он теплый, сердечный рассказ о Владимире Ильиче:

*Кто идет впереди –
Постоянно в прицеле врагов.
Но погибших бойцов, как знамена, проносят
Колонны.
...Оглашен приговор, и отсчитано десять шагов,
Но в последний свой час
Коммунисты, как ты, непреклонны.
Злобе, подлости, лжи
Перед ними нельзя устоять!
Подвиг ленинской гвардии ныне и вечно
Нетленен.
И наступит пора,
Когда будет весь мир состоять
Из свободных людей, говорящих:
– Учитель мой – Ленин!*

Обогатила бурятскую поэзию и другая поэма Николая Дамдинова – «Имя отца». Это произведение, в котором судьбы героев осмысливались неотрывно от

судьбы народной, от большого и сложного времени. Жизнь отца, сельского коммуниста, оклеветанного врагами колхозного строя, нравственные уроки, которые преподаны этой жизнью сыновьям (один из них героически погиб в Отечественную войну), – вот содержание поэмы. Она и эпическая, повествовательная, воскрешавшая драматические события, но она и лирическая. Лирика не только пронизывала сам рассказ, но и получала прямой выход в «исповедальных» авторских монологах. И кажется, иначе было нельзя: события-то – живая, не остывающая память поэта, он их вновь переживает и оценивает с высоты своей зрелости.

*Сколько в мире мудрой доброты!
Волны трав бегут и удаляются.
Широко раскрыв глаза, цветы
Миру по-ребячьи удивляются.
Я не знал ни горя, ни тревог
И, конечно, понимать не мог,
Красотою этой обуюн,
Что весь мир – огромный океан,
Посреди него – моя страна
Собственной зарей озарена.
Я не думал, что вокруг – враги,
Взгляды их косые
И штыки...*

Такие монологи позволяли читателю лучше увидеть за частными событиями само сложное, героическое время и героический характер нашего соотечественника. Н. Дамдинов – поэт, в творчестве которого гражданственность естественно проявлялась в лирической стихии. Вот и его раздумья в поэме «Имя отца» о прошлом Бурятии, о Родине, как семье народов, о своем поколении естественно вплетались во взволнованный рассказ о судьбах людей и освещали его особенным светом:

*Когда тебя я называю, Родина,
то в памяти так много вызываю
и дышится тогда мне ровно-ровно
твоим простором без конца и краю.
.....
Мы сквозь столетья дружбу проносили.
Не о царях и атаманах говорю.
Да это вовсе и не ты, Россия.
Я как Россию, тех благодарю,
Кто нас учил ковать железо, сеять,
На трудности и горести не сетовать
И не склонять в несчастье головы.
Спасибо вам! Россия – это вы!*

Герою стихов Николая Дамдинова присуще братство как чувство социальное, рожденное всей атмосферой нашей жизни. Вслед за такими мастерами бурятской литературы, как Хоца Намсараев, Жамсо Тумунов, Чимит Цыдендамбаев, поэт вдохновенно воспевал дружбу народов, ее прекрасные плоды. И тут снова хочется

подчеркнуть, что сама жизнь поэта, его творческая и общественная деятельность, в которой происходило постоянное сердечное общение с людьми разных национальностей, укрепляли чувства родства с ними. Как руководитель писательской организации Бурятии, секретарь Союза писателей РСФСР, Николай Дамдинов активно участвовал в обсуждении творческих проблем многонациональной российской и всей советской литературы. Он многократно представлял бурятскую поэзию на литературных праздниках, связанных с именами выдающихся художников слова разных народов нашей страны. А деятельность поэта в качестве депутата Верховного Совета СССР? Участие в решении важнейших вопросов жизни страны, в выработке государственных актов (Н. Дамдинов входил в депутатскую комиссию законодательных предположений высшего органа власти) тоже питало живыми соками его поэзию, которой всегда была присуща гражданственность. За книги стихов «Четыре неба» и «Апрель» поэт в 1975 году был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

В одной из статей Николай Дамдинов утверждал: «Поэзия должна обогащать духовный мир читателя: тогда-то она и ведет его вперед». Этому принципу он и оставался верен в своем творчестве. Лирика Дамдинова щедро дарила и дарит современнику духовное богатство. Поэт открывал красоту в окружающем нас мире, звал к созиданию, учил благородству и нежности в любви. И разве не откликнется наше сердце на такую чистую и трепетную струну:

*...Полночное небо нам жемчуг дарило,
И сыпала золото в руки луна!
В чудесное лето
без лишнего слова
Я отдал свободу, когда полюбил:
На сердце надел добровольно оковы,
К ним губы прижал
и слезой их омыл.*

Поэт, подаривший нам много выношенных строк о Родине, о братстве, о неутоленной жажде труда и творчества, умел и о любви сказать с обжигающей силой чувства...

ХЭШЭГТЭЙ ЗАМ

Табяад онуудай һүүл багаар һэн, «Байгал» сэтгүүлэй редакцияаа бүлэг залуушуул гаража ябаба. Эдэнэй урда һалхинда иишэ тиишээ намирһан хормойтой плац үмдэнхэй үндэр хүн шанга шангаар алхалжа, хирэ хирэ болоод лэ гэдэргээ эрьелдэн, нүхэдтөө юушьеб хэлэхэ юм. Николай Дамдиновыи энээнһээ урид мэдэхэгүй байһаншье хаа, үндэр бээтэй хүн Дамдинов гэжэ юундэшьеб шиидээ бэлэйб. Шүлэгшэн хүн шүлэгтөө адли гэбэлни, энэ худал гэхэдээ болохо, зүгөөр энэ һанал үнэн юм. «Новый мир» сэтгүүлдэ ород хэлэн дээрэ тэрэ үедэ толилогдоод байһан «Талын дуун» гэхэн багахан поэмыень уншахадаа, хүсэ зориг ехэтэй хүнэй газар дээрэ эршэтэйгээр алхалжа ябаһан мэтээр авторынь намда һанагдаа.

Номуудайнь саг үргэлжэ хэблэгдэжэ эхилээд, буряад литературынын жасада нэ-
рын хэтэ мүнхэдөө оронхой байбашье хаань, поэдэй түхэл шарай минии ухаан-
да тэрэл зандаа үлэнхэй, гансал шүлэгүүд соонь залуугайнь эршэ нэгэ бага хубил-
жа, ажабайдал үзэһэн хүнэй шанартай болонхой бэлэй. Гэбэшье шүлэгүүдэйн
мүрнүүд соо ажабайдал, юумэнэй үнэн сэнгые заабол олохо шуналын, залуу-
гайнь охин үнэһэн дороһоо соробхилһон гал мэтээр дүлэтэһэн зандаал бэлэй.
Дээрэ дурдагдаһан «Талын дуун» гэхэн поэмэһээ мүрнүүдые эндэ дурдаһуу:

*Үргэн талаар ябаһанда,
наһанайнгаа үе гаталһайб.
Үргэн талые гаталхаа
юундэ шамдана гээшэбиб?
Удаажарбал яанаб,
һүүдэр бэдэрээд? Яһала һайн.
Урдам таламни хорохогүй.
Дуран соомни үшөө биш.
Урмашажа һуухаар лэ –
зүгөөр зүдхэнэм урагшаал.
Урбалдаһаар доошолоошо
наранай алтан һүүл дахан.
Арюун талаангаар үгтэһэн
ами наһаяа мэхэлэгшэ аал?
Урагшаал тэгүүлһэн хэбээрээ,
үнэн сэхээрээ дүүрэ, наһам.*

Һүүлэй үедэ бэшэһэн шүлэгийн абажа, зэргэсүүлжэ харая:

*Занишал зоригоо болбосорһон наһан
Замдаа туйлаһан амжалтада адлишуу:
Үлэ залгуулма улир жэмэсээр угтаһан
Үндэр эгсэ дабаан дээрэ гараһанишуу.
Анханайхиһаа абари занишал ондоо,
Ажал хэрэгээ зүбөөр өөрөө сэгнэһэн
Эрмэлзэлини – сэдхэл сагаан зондоо
Энэбхил, баяр асарха гэжэ мэдэнэш.*

Шүлэг бэшэжэ һуража байһан гү, али өөрыгөө поэзидэ туршажа байһан үе
саг гэжэ Николай Дамдиновта байгаагүй шэнгээр һанагдадаг. Москвада ород хэ-
лэн дээрэ гараһан «Шэнхинээтэ наһад» (1959), «Эсэгийн нэрэ» (1962), «Нара бу-
ляалдаан» (1963) гэжэ номуудын онсо өөрын шарайтай байбашье, гүйсэд болбо-
соржо эдешэһэн зохёолнууд гэхээр һэн.

Эдэ зохёолнуудын һүүлдэ бэшэгдэһэн зохёолнуудтайнь хамта Николай Дам-
диновай шэлэгдэмэл шүлэгүүд соо зэргэлэн мүнөөшье ороходоо, эгээл эрхим зо-
хёолнууд гэжэ оролсоһон байдаг. Эдэниие нэрлэбэл: «Талын дуун», «Наһан»,
«Гушадахи хабарай һүни», «Шэнхинээтэ наһад» гэхэн багахан поэмэнүүд, «Уг
гарбал», «Адуушан Дугар», «Маяковскийдо айлшаар», «Волгын басаган» бо-
лон бусад шүлэгүүд юм. Эндэ магад иимэ юумэн байхадаа болоо: «Поэзи болбол
радий гэхэн хоморой түмэр малтажа абаһантай адли, грамм малтажа абалаш-

ни – олзо болохо, харин жэл соо малтажа абабалшни – ажал болохо» гэхэн Маяковскийн хэлэхээр, литературада ороhon caгhaа хойшо зохёол бэшэлгэндээ ехэ харюусалгатай наринаар хандадаг байгаа хаш. Ондо ондоо жэлнүүдтэ бэшэһэн шүлэгүүдыень абажа хараад, иигэжэ тухайлхаар:

*Хабартаа хүнинүүд шэб харанхы.
Хайшааш ябаһанаа оножо харангүй,
Бүлээхэн һэбишээнэй шэнгэн долгинодо
Бээ эльбүүлэн зайхада гоёл даа.
1951*

*Урагшатай ябаһайб гэжэ хэды хүсэбэшье.
Уладань
хуби талаандаа
унагаасажа бү һуна.
Үгсүүришье һаань,
өөрын замаар сэхэ ошожо,
Үлүү харангүй, дуратай хэрэгтээ шуна.
1971*

*Үдэтэ годлишуу самолётто һуун.
Үүлые һэтэлэн дэгдэнэлби.
Гасалантай гуниглал сээжсэдээ нюун,
Гансаарыш газарта орхинолби.*

*Уудамаар тэниһэн дээдэ замби
Ухаалан һүрдүүлэн тамаланхайл.
Сахирма мүшэдөөрөө бударанги,
Саанаһаа хүйтэнөөр амиланхайл.
1977*

Наһанайнь харгы, поэдэй хуби заяан шүлэгтөө иигэжэ наринаар хандахые баалаа бшуу. Николай Дамдинов үргэн тайгаар хүрээлээтэй Угнасай гэжэ һууринда 1932 ондо түрэхэн намтартай. Поэдэй түрэхэн нютаг үндэр хада хабсагайнуудаар хүрээлээтэй Баргажанай үргэн тала дайда декабристуудай сүлэлгэндэ байһан газар гэжэ нэршэһэн. Поэдэй эсэгэ Дамдин Гармаев юрын малша хүн байбашье, хүдөө нютагайнгаа эдэбхитэн, энэ зэрлиг тала дайдада шэнэ саг түргөөр лэ хүрэжэ ерэхэй гэжэ тэсэжэ ядан хүлээдэг һэн тула колхоз байгуулжа, түрүүлэгшэнь болоод байһанаа, харата муухайгаар хардуулжа, наһа бараһан юм. Үхибүүн байхадань ушарһан тэрэ муухай үйлэ хэрэг, саашадаа үншэн хэнзэ үлэхэниинь, дайнай ба дайнай һүүлээрхи үе сагта үлэн хооһоор, үлдэхэ даарахые үзэжэ эрэ болоһониинь, поэдэй зүрхые хэрзэгы хүйтэн болгоогүй, хүсэл зоригыень хатуужуулжа, ажал сэгнэжэ хургаа. «Эсэгын нэрэ» поэмэ соогоо энээн тухай поэт иигэжэ бэшэһэн байдаг:

*Үлүүгүй, бидэнэр шэрүүхэнээр ургаабди,
Үлэсхэлэндэш, хүйтэндэш
Өөһэдыгөө һургаабди.
Ажабайдалда альгадуулаадишье – тэсээлди,
«А-ёо!» гэнгүй, энгэрынь шүүрээд үзөөлди.*

Досоошни заримдаа, гашиун хара үншээрэл
 Дорамжолгоһоо дороор хордожсо тунаха.
 Энэ үедэ үрэ зүрхэнишни, бүрил,
 Энхэ дайдадаа гансаардаабди гээд ханаха...
 Энэмнайшые гүлмэр эндүүрэл һэн бэээ!
 Эхэ оромнай харааһаа маниие алдаагүй.
 Елэн хара толгойхониимнай эльбээжэ,
 Ерээдүй тээшэ дахуулаа ходо – мартаагүй.
 Хургуулингаа үүдэ бидэндэ нээгээ.
 «Хурагты, хүбүүд, шадал соогоо, дураараа!
 Тулюурдабалтнай туһа хүргэхэлби» – гээ.
 Түрүүшын хэшээлдэ хүтэлжэ оруулжа гараараа...

Николай Дамдиновай шүлэгүүдэй герой зан абаряараа, ханал бодолоо-роо, хүсэл эрмэлзэлээрээ өөртэйнь адли. «Хүниие хүнэй найхан сэдхэл харгы-да үдэшөө» гэжэ залуу автор нютагаархиндаа баяр баясхалантайгаар хандажа бэшэһэн юм. Поэртэй өөртэйнь болоһон ушар байгаа. Бэлигтэй хүбүүе нютагайнь зон Улаан-Үдэ асаржа, интернат-хургуулида оруулһан. Эндэ хүбүүн буряад, ород хэлэ бэшэг шуналтайгаар шудалжа, поэзидэ дурлаһан. Сониндо шүлэгүүдын толилогдоод, Буряадай Уран зохёолшодой холбоон Горькийн нэрэмжэтэ Литературна институттэ хурахыень зууршалга бэшэжэ, тэрэ Москва ябаа һэн. Тиигэжэ алтан медальтайгаар хургуулия дүүргэһэн хүбүүн Москва ошожо, Литературна институттэ Александр Твардовский, Ярослав Смеляков мэтын томо поэдүүдэй хүтэлбэри доро хуралсал гараха золтой байгаа. Николай Дамдиновай тэрэ үедэ бэшэһэн шүлэгүүд соо хүн зондо үнэн сэхэ алба хэхэ гэхэн эрмэлзэл, поэт хүнэй дээдын нэрэ зэргэ даажа ябаха хүсэ шадал, талаан бэлиг байха гү, арад зондоо яажа үрииень харюулхабиб гэхэ мэтээр зүрхэ сэдхэхэлээ зобоожо байһаниинь эли байдаг. «Маяковскийдо айлшаар» гэхэн шүлэг соо уншанабди:

Олон асуудал
 намайе зобооно:
 Ороходом
 ямараар угтахань бэ?
 Уншихым шагнажа үзэһэн хойноо
 Урдаһаам
 яахадаад эрьехэнь бэ?
 Шобто
 нюдөөрөө гэтээд намай:
 «Шадахаи!» гэхэ гү тэрэм,
 али,
 Бодожо үзөөд лэ гэнтэ:
 – Бай,
 Бү зобо, –
 гэхэ гү, –
 боли!».

«Орёо асуудал өөрөө бэдэрнэб», «Болбосорол, ши намда удааржа ерэнэш...», – эдэ мүнүүд поэдэй ажабайдал тухайгаа ханаата боложо ябаһые гэршэлнэ.

Николай Дамдиновой зохёохы ажалайнь табин жэл абажа харабал, шүлэгүүд, поэмэнүүд, түүхэтэ домогууд болон ондоо жанрай элдэб зохёолнууд дотороо бэшэ буряад поэдүүдхээ үлүүсэ ехээр түрэл арадайнгаа гаталжа гараһан замые, совет засагай үедэ дээшээ дэбжэһыень зураглан харуулһан хаш гэжэ харагадаг. Поэдэй зохёолнуудые хойно хойноһоо абажа харабал, түрэл хизаарайнгаа хуби заяа сагай үетэй холбон хаража үзэһэн байдаг. Энэ талаар дурдабал, буряадуудай шүлэглэмэл домогто үндэхэлэн бэшэһэн «Ангар хүүхэнэй домог»; Орос гүрэнтэй буряадуудай эб нэгэн байха тухай хүсэлжэ арадай домогой аялгаар бэшэгдэһэн «Шэлдэй Занги тухай дуун» гэжэ поэмэ; түрүүшын буряад эрдэмтэнэй ажабайдалай элдэб үе саг зураглаһан «Доржо Банзаров тухай дуун» болон «Доржо Банзаров» гэхэн түүхэтэ драма; Байгал шадар совет засагай түлөө болоһон тэмсэлдэ зорюулагдаһан «Илалтын дархашуул» гэхэн пьесэ болон «Тайгада ургын халбарха үе» гэхэн кинозураглал; тайгаар хүрээлэгдэһэн тала дайдада зоной шэнээр байдалаа зохёожо эхилһые харуулһан «Эсэгийн нэрэ» ба «Шэнэ газар» гэжэ поэмэнүүд; шэнэдхэлэй зүгөөр дабхижа эхилһэн Буряад хизаарай хүниие зураглан харуулһан поэмэнүүд, балладанууд, «Нарһан», «Үбгэн Жарду хүдөө нютагаа зорибо», «Адуушан Дугар», «Гэсэрэй зүргэ», «Уг гарбал», «Намар» гэхэн шүлэгүүд; гэхэхээ гадна, космос шэнжэлэн үзэхые эрмэлзэһэн хүнэй хүсэл бодол зураглан харуулһан «Мүшэтэ харгы» гэхэн сонедүүдэй баглаа болоно. «Түрэл буряад арадайнгаа гаталжа гараһан замые харуулха гэе хаа, үнгэрһэн үе сагта бусажа, элдэб юумэнүүдые зэргэсүүлжэ үзэхэ хэрэгтэй байгаа... Минии гол ном болбол «Эсэгийн нэрэ» гэжэ хэблэлдэ гаража үрдиһэн поэмэһээ гадуур бүлэг тиимэ поэмэнүүдэй сери болохо хаш. Энэ сери дотор үнгэрһэн үе саг болон мүнөөнэй үе саг хоёр өөр өөрын байра олохо», – гэжэ Николай Дамдинов 1963 ондо бэшэһэн юм.

Н.Дамдиновой поэзи публицис шэнжэтэй гэжэ шүүмжэлэгшэд тэмдэглэһэн байдаг. Энэньшые зүб, теэд поэдэй бодол нэгэл тодорхой хэрэг дээрэ үндэхэлдэг һэн. «Шэлдэй Занги тухай дуун» гэжэ поэмэ абажа хараа. Арадай ударидагша Шэлдэй Занги Орос гүрэнтэй холбоо барисаатай байхые хүсэнэ. Дайсадта баригдаад байбашье, тэрэ энэ шийдхэбэриһэнь арсанагүй. Герой тухай поэмэ соо иимэ мүнүүдые уншанабди:

*Хоёрхон алхам хилэдэ хүрэнгүйгөөр –
Хотогор хяра дээрэ бодхоогдоһон саха.
Тэрээн дээрэ хүхэээ баряад, үгэгүйгөөр,
Тэжэсгэр хара алууршан хүн зогсоно ха.*

*Хойшоо, доошоо, налюуртан бууна хүтэл.
Хоёрхон алхаад – түрэл дайдын хүрьһэн.
Харуул хасагууд тэндэхэнэ дүтэл.
Халтираад унаһан шулууншые хаа – хүрэхэ һэн.*

*Сахилгаан шэнги бодол толгойдонь зуралзаа.
«Сабша!» – гэжэрхёод, сахынгаа эгээл эрмэгтэнь
Тархья табин хэбтэһэнииншые тэрэл даа –
Татай-халаг, алууршан ехээр мэгдэн,
Сагаа хүхөөрөө аһан хүсөөрөө сабшаба –
Саха дээрэхэ саашаа толгой унашаба.*

*Хоёрхон алхамай тэндэхи хилэ дээгүүр
Хобхогод байса хүрөөд, саанань газардан,
Эрэлхэг Шилдэйн толгой, сүлөөтэйгөөр,
Эрьелдэнээр сэсэг ногоо хасардан,
Хүрьхэтэ зөөлэн эхэ дайдынгаа энгэртэ
Доошоо, хойшоо мухарьяа гэхэн юм лэ даа –
Домтой, шэмэтэй түрэл газар уһандаа!*

Энэ талаар абажа харахада, уран найханай Ленинианада ехэ хубита боложо үгэһэн «Минии багша – Ленин» гэхэн поэмые дурдалтай. Энэ зохёолойнгоо түлөө автор Буярадай АССР-эй Гүрэнэй шанда хүртэһэн юм. Поэмэ соо Ильич тухай Ленин багшын шаби болохо мэдээжэ революционер Иван Васильевич Бабушкин хөөрэнэ. Зүрхэ хүдэлмөөр уянгалжа хөөрэхэн маягтай, үлүү булуу юумэ шашаагүй, композици-байгуулалтаараа тон онсо түхэлтэй энэ зохёол ёһото бүтээл боложо шадаһан. Тиигэжэ Николай Дамдиновой ехэ шадамар публицис шэглэлтэй поэт байһаниие энэ зохёол гэршэлһэн гээшэ:

*Урдуур ябаашад унаһан байдаг ехэнхидээ,
Унахадаашье – тэмсэлэй дүлэтэ туг болон.
Шалгалтынгаа эгээн хатууе үзэхэдөө,
Шамдал адляар бодоһон хүбүүднай олон.*

*Уула хадаһаа үлүү бата үзэлтэй.
Уһан булагһаа тунгалаг сэбэр сэдхэлтэй
Уладууд түрэнэ,*

*харата хүсые сухарюулна,
Ууган эрхэ сүлөөнө түмэндэ барюулна.*

*Этэрэгдэн хаяулна –
хоролхоон, муу ханаан, хэнтэг зан.
Эе нэгэдэлгэн – хүн түрэлтэнэй үүргэ һэн.
Мэнэл даа тэрэ саг – бүхы дэлхэе дүүргэхэл
«Минии багша – Ленин!» – гэжэ хэлэдэг зон.*

Николай Дамдиновой «Эсэгын нэрэ» гэхэн үшөө нэгэ поэмэ мүн лэ буряад поэзиие баяжуулһан гэбэл алдуу болохогүй. Энэ зохёол соо геройнуудай хуби заяа арад зоной хуби заяанһаа, тэрэ үе сагай орёо байдалһаа аминшалан хаража болохогүй, хоорондоо эдэ холбоотой. Колхоз байгуулагшадай дайсадта хардуулжа хосорһон хүдөөгэй коммунист эсэгын ами наһан, хуби заяаниинь хүбүүдтэнь (нэгэ хүбүүниинь Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агуухэ дайнда геройн үхэлөөр унаһан) хэшхэлэй хэшээл боложо үгэһэн тухай энэ поэмэ соо хэлэгдэнэ. Тус поэмэ эпическэ, хөөрөөнэй шэглэлтэй гэхын зуура, уянгата зохёол болоно. Авторай өөрөө өөртээ хөөрэлдэһэн монологиуд соонь энэ уянгата аялга эли харагдана. Ондогоор энэ үйлэ хэрэгүүдые зураглан харуулха аргагүй байгаал даа, эдэ үйлэ хэрэгүүд поэдэй зүрхэ сэдхэлдэ мүнхэрэн үлэхэн дурасхаалынь хадаа, поэт энээниие үе үе болоод лэ ухаандаа эрыюулэн, бодомжолжо үзэнэ.

*Би тиихэдэ
Унтажа гэртээ хэбтэнэб,
Бишыхан хүнэй нойрынь – һэмжэн үүлэн,*

Үнгэтэ найхан зүүдэ харан обтоноб –
 Үхибүүн наһанайм үзэсхэлэнтэ замбуулин.
 Аэропланууд тэнгэридэ тамарна.
 Аяар дээрэ – алтан нарантай тохёогоод,
 Табан хушуута одод хурсаар яларна,
 Таряан далай дуулана,
 Залаануудаа гоёогоод.
 Тиигэжэ байтар, морин сэрэгэй таха
 Молор дайдын сээжэ нанишан табжаганаа.
 Залуу сэрэгшын зүрхэ номон тудабха ха –
 Залд гээ...морин хадуураа...
 Дүрөө хан гээ...унаа!

Иимэ монологиуд хубийн үйлэ хэрэгүүдэй саана орёо, хүшэр үе саг, тэрэ үеын хүнүүдэй мүхэшгүй хүсэл зориг уншагшадта эли болгожо үгөө. Николай Дамдиновой зохёолнууд соо граждан шэглэлтэй бүтээлнүүд олон. Буряад ороной үнгэрхэн үе саг, арадуудай бүлэ болоһон Эхэ орон, үетэн тухайгаа «Эсэгын нэрэ» гэжэ поэмэ соогоо поэт зүрхэ хүлгөөмэ уринаар бэшэһэн:

Эхэ оромни! – гэхэдээ, гансал Байгалдаа,
 Бархан уулая хэлээд дүүрэнэ бэшэб –
 Энэ үгөөрөө нарата совет байдалаа,
 Арадуудайнгаа хани барисаае нэрлэгшэб.
 Халуун хаһа соо хани барисаамнай шэрээгдээ, –
 Шэнэ ёһоной таһаршагүй нүхэсэл.
 Нэрыень дурдан, шүлэглэжэ юрөөхэдөө
 Нэгэл арадһаа эхилхэ минии хүсэл.
 Ород арадай гэнжэдээ зобожсо байхада,
 Буряадуудтам түрөөгүйл эрхэ сүлөө.

Хоца Намсараев, Жамсо Тумунов, Чимит Цыдендамбаев мэтын буряад уран зохёолой үгын уран дархашуулые даган, Николай Дамдинов шүлэгүүд соогоо аха дүү арадуудай хани барисаан, нүхэсэл тухай бэшэһэн байдаг. Поэдэй өөрын хуби заяан, зохёохы ажалын, ниитын ажал ябуулгань элдэб яһанай хүнүүдээр хамта ажаллажа ябаһаниинь – иимэ нүхэсэлэй үнэ сэнгые тэрэ найн мэдэхэ байгаа. Буряадай Уран зохёолшодой эмхиин хүтэлбэрилэгшэ, РСФСР-эй Уран зохёолшодой холбооной секретарь байһан Николай Дамдинов Орос гүрэнэйнгөө олон ондоо яһатанай болон бүхы совет литературын элдэб асуудалнуудые шийдхэлгэндэ эдэбхитэйгээр хабаадалсадаг бэлэй. Гүрэнэйнгөө олон ондоо аха дүү арадуудай уран үгын дархашуулай нэрэнүүдтэй холбоотой уран зохёолой найр наадануудта оло дахин хабаадалсажа, буряад поэзиие түлөөлдэг байгаа. СССР-эй Верховно Советэй депутадшые байһан гээшэ. Депутадудай комиссида байхадаа элдэб хуули ёһонуудые баталһан хэрэгүүдтэ нилээд хабаадалсаһан байха. «Дүрбэн тэнгэри» ба «Алдарта апрель» гэжэ шүлэгүүдэйнгээ номуудай түлөө 1975 ондо РСФСР-эй М.Горькийн нэрэмжэтэ Гүрэнэй шанда хүртэһэн юм.

«Поэзи болбол уншагшын сэдхэл бодол баяжуулхадаа, тэрэниие урагшань лэ хүтэлнэ гээшэ» – гэжэ нэгэ статья соогоо Николай Дамдинов тэмдэглэһэн байдаг. Дамдиновой уянгата шүлэгүүд, нээрээшые, хүнэй сэдхэл доторые баяжуул-

даг, тойроод байгаа дэлхэйн хайн хайхание уншагшадтаа нээжэ, илдам налархай, үнэн сэхэ ябахыень урыалдаг:

Үндэр тэнгэри – одотоёо, харатаяа, –
Манай үнэтэ зөөри бэлэйл даа,
манай
Һэн лэ – харын һэнжэлдэһэн туяа.
Гайхамшагта тэрэл нажар хубияа таагаа һэм,
Гансал шинии засагта
бээ тушаагаа һэм, –
Аглаг сүлөөдэ тэбээрһэн мундуу бээ...
Амтатайгаар эдэлдэг зүрхэндэхи гэнжээе
Таалаа һэмби, найхан бодол шэбшэн,
Тангариг үгээе һэшхэлтэйгээр зүбшэн.

Эхэ орон, хани барисаан, ажалай болон зохёохы замай охин, дуран тухай олон тоото эрхим шүлэгүүдые бэлэглэһэн поэдэй үгын хүсэн хэзээдэшые нулархагүй. Бидэниие урагшамнай хүтэлэн, хайн хайханда урялжал байха бшуу.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

- Баргажан. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1955.
Шэнхинээтэ *narhad*. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1958.
Эсэгийн нэрэ. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1960.
Харгын талаан. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1962.
Танилсая, атом. Очеркнууд. – Улаан-Үдэ, 1964.
Дүрбэн тэнгэри. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1965.
Үндэр хизаар. Шэлэгдэмэл шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1966.
Мини багша – Ленин. – Улаан-Үдэ, 1968.
Доржо Банзаров тухай дуун. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1970.
Зунай аадар. Шүлэгүүд, поэмэ. Улаан-Үдэ, 1972.
Мүшэтэ харгы. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. Улаан-Үдэ, 1979.
Шүлэгүүд ба поэмэнүүд. Улаан-Үдэ, 1982.
Дайнай хойтохи жэлнүүдтэ. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1986.
Арадай баатар Гэсэр. – Улаан-Үдэ, 1989.
Борбилоо. Үхибүүдтэ шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1995.
Избранные произведения в 3-х томах. Том 1. Стихотворения, поэмы (тексты параллельно на бурятском и русском языках). – Улан-Удэ, 2001.

На русском языке:

- Гудящие сосны.* Стихи. – М.: Молодая гвардия, 1959.
Имя отца. Поэма. – М.: Советский писатель, 1962.
Границы поэзии. Сборник статей. – Улан-Удэ, 1962.
Битва за солнце. Стихи и поэма. – М.: Молодая гвардия, 1963.
Учитель мой – Ленин. Поэма. – Улан-Удэ, 1970.
Новая земля. Стихи. – М.: Художественная литература, 1970.

Четыре неба. Стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1971.
Буквы на снегу. Стихи. – М.: Малыш, 1971.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Апрель. Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1973.
Избранное. Стихи, поэмы, киносценарий, пьеса. – Улан-Удэ, 1976.
Жизнь моя, Байкал. Стихи. Библиотека «Огонек». – М.: Издательство «Правда», 1976.
Четыре неба. Апрель. Стихи и поэмы. – М.: Советская Россия, 1977.
На этой планете. Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1979.
Избранные произведения. В 2 томах. – М.: Советская Россия, 1981. Том 1. Стихотворения, поэмы. Том 2. Драматургические произведения, статьи, выступления). Тропа Гэсэра. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1985.
Родник в моем краю. Документальная повесть. – Улан-Удэ, 1990.
Четверостишия. – Улан-Удэ, 1993.
Прощание в 1941 году. Стихотворения. – Улан-Удэ, 1995.
Баргуджин-Тукум. Документальная повесть. – Улан-Удэ, 1996.
Русско-бурятский детский разговорник. – Улан-Удэ, 2010.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI века в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Доржи Банзаров. Историческая драма. Антология литературы Бурятии XX-XXI веков в 3 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2011.
Тропа Гэсэра. Стихотворения и поэмы. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Соколов В. Ветер с Байкала. – Культура и жизнь, 1959, № 2.
Смеяков Я. Под синим небом, на зеленой земле. – Литературная газета, 1959, 4 июля.
Тармаханова О., Жарков Д. Дамдинов Николай Гармаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Соколов В. Люблю стоящих крепко на земле. – Дружба народов, 1959, № 11.
Дмитриева А. Устремленность в будущее. – Вопросы литературы, 1962, № 12.
Без указ. автора. Дамдинов Николай Гармаевич // Краткая литературная энциклопедия. – М.: 1964.
Найдаков В. Николай Дамдинов // Найдаков В. «Современные писатели Бурятии». – Улан-Удэ, 1969.
Чагдунов С. Николай Дамдинов // Литература советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1973.
Атращенко Л. Мелодии обновленных степей. – Огонек, 1977, № 49.
Без указ. автора. Дамдинов Николай Гармаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Очирова Т. Сердце людям. Портрет писателя. – Литературная Россия, 1978, 28 июля.
Дементьев В. С просторов Баргузина. – Литературная Россия, 1980, 19 сентября.
Очирова Т. Николай Дамдинов. Литературный портрет. (В серии «Писатели советской России»). – М.: Советская Россия, 1980.
Доризо Н. Н. Дамдинову – 50 лет! – Литературная газета, 1982, 20 января.
Лалакин Н. Из песенной страны. – Огонек, 1982, № 2.
Дементьев В. Баргузин – исток вдохновения. Штрихи к портрету Н. Дамдинова. – Литературная газета, 1982, 17 марта.
Ломунова М. Светлая степь. – Литературная Россия, 1983, 13 мая.
Найдаков В. Поэт Николай Дамдинов // Найдаков В. Непроторенными путями. – Улан-Удэ, 1984.

Ломунова М. Светлая степь // Ломунова М. Белые цветы иван-чая. Очерки о советских писателях. – М.: 1986.

Дементьев В. Нас водила молодость... Литературно-критические статьи. (О творчестве Н.Дамдинова стр. 120-125). – М.: 1987.

Жигмытов Б. Штрихи к портрету Николая Дамдинова. – Байкал, 1991, № 6.

Котенко Н. «Меня Твардовский чести удостоил...» – Советская Россия, 1992, 4 января.

Мустафин Я. «Свой путь сверяя...» – Литературная Россия, 1992, 10 января

Без указ автора. Дамдинов Николай Гармаевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Дугар-Нимаев Ц.-А. Гляжу на вершины! – Буряад Унэн, 2001, 20 декабря.

Ангархаев А. Выдающийся сын своего народа. – Буряад Унэн, 2002, 17 января.

Галанов Ц. Перед чудом вечного творения. – Буряад Унэн, 2002, 17 января.

Надцалова Ц. Памяти великого поэта. – Буряад Унэн, 2002, 24 января.

Бабудоржиева Б. Певец земли бурятской. – Правда Бурятии, 2002, 28 марта.

Цыденжапов Ш.-Н. Дамдинов Николай Гармаевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Очирова Т. Николай Дамдинов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Владимир Константинович
ПЕТОНОВ
(1932-1993)**

ПЕНЬЕ СТАЛЬНОЙ ТЕТИВЫ

Не однажды доводилось мне слушать выступления Владимира Петонова перед многолюдными аудиториями. Иной поэт как бы приноравливается к слушателям. В студенческом кругу он читает стихи о юности, о любви, в заводском цехе – строки о труде, или, как принято говорить, «на рабочую тему», в сельском клубе – о степных просторах. А Владимир Петонов частенько поступал вопреки этому. Рабочим затихшего на время обеденного перерыва цеха он мог прочитывать:

*Но был у тебя давно
Твой друг –
Тонконогий конь,
Стремительный, как гроза,
Горячий, словно огонь.
Когда ты садился в седло,
Он мчался –
Краса и стать! –
И даже хэнтэйские ветры
Его не могли догнать.*

А в школьном классе или студенческом зале поэт читал строки, посвященные электросварщику – другу по совместной работе на заводе. И эти стихи открывали молодым слушателям особую, романтическую сторону индустриального труда:

*Расплавленный металл, бурля, дымится –
Как суп в кастрюле, он кипит,*

*И тут
Литейщики, прикрыв от жара лица,
Его в опоки-чашки разольют.*

*Литейщик, словно повар, напевает,
Играючи работает, легко.
В причудливых изгибах застывает
Чугунное густое молоко.*

И вот что главное: в любой аудитории слушатели понимали, что те и другие строки органичны для Владимира Петонова. Он их выносил, он не мог не написать их. В чем тут дело? В том, что поэт шел от жизни, от прочувствованного, пережитого? Конечно. Но как с одинаковой силой выразить «счастье яростных скоростей» и тишину полынной степи, азарт мужской работы в огромном цехе и размеренность древних чабанских занятий? О большом шумном городе поэт писал:

*А наступившей ночью поздней,
Как бы раздвинув гроздь звезд,
Вдруг электрические звезды
Осветят улицы и мост.*

.....
*И город весь зашевелится,
Как муравейник золотой.*

А вот другая картина – ее и написал словно бы другой человек с иными заботами и тревогами:

*Накреньясь, подсолнухи застыли,
В первый раз за солнцем не идя.
Как теленок на сосцы пустые,
Смотрит поле
В небо без дождя.*

И только признания по искренности, по сердечной теплоте схожи с теми, обращенными к родному городу:

*Снова солнечными лучами
Обняла меня степь моя –
Замираю, души не чая,
Задыхаюсь,
Счастливый, я.*

Что ж, темы для стихов автору подсказывали его судьба, его собственная жизнь. Поэтому обратимся к судьбе поэта.

Детство и юность Владимира Петонова прошли в Усть-Ордынском автономном округе, в селе Бурят-Янгуты. Пятерых детей растили его родители. И хотя в бурятских семьях по-особому любят и оберегают от невзгод отхона – самого младшего из детей (а Владимир был таким ребенком), жизненных тягот с раннего детства избежать ему не удалось. Слишком уж трудным было время: к началу Отечественной войны мальчишке исполнилось девять лет. А это значит, немало

забот по хозяйству легло и на его хрупкие плечи. Сын колхозников рано научился и овец пасти, и дрова заготавливать, и сено косить, и на жатве помогать. Эта рабочая закалка объяснит, почему для поэта так понятен, близок и красив любой труд.

О том, как открывался мальчику «прекрасный и яростный мир», где человек завоевывает себе имя трудолюбием, честностью и добротой, Владимир Петонов рассказал в поэмах «Память» и «Мой отец». Эти произведения, как и стихи, написаны рукой лирического поэта. В поэмах нет канвы повествовательной, их стержень – лирический рассказ о детстве своего поколения, о примере старших. Этот рассказ взволнован, эмоционально напряжен:

*Одежда отца...
Вся пропитана потом.
И дух от нее не отстиран – мужской!
Надену ее,
иду на работу –
и новая гордость со мной.
И ростом я выше,
и грудь широка,
и верен мой глаз,
и надежна рука...*

Не умолчал Владимир Петонов и о своих родных местах – об этом мы читаем во многих стихах его и в поэме «Хатан-Уула». Едва ли у кого из бурятских поэтов не найдутся строки о своей «малой родине» – будь это узкая долина в горах Саян или просторная степь по берегам Уды. Но когда я думаю, чем же отличаются строки Владимира Петонова от подобных произведений других авторов, то прихожу к такому выводу: стремлением увидеть и показать ту красоту родной природы, ту привлекательность людей, которую, может быть, не замечал в детстве и которая самому открывается с годами. В этих стихах нет ничего необычного, экзотического, редко встречающегося. В этих стихах есть нежное, трепетное внимание к неброской красоте земли, к обычной судьбе и будничным делам человека. Есть умение передать все это чистыми и смелыми красками:

*А гора надевает
Зеленый наряд,
Словно куньи меха
Надевает царица.
Как заколки, березы
В прическе блестят,
И долина за ней,
Словно шлейф, волочится.*

Такой предстает перед читателем гора Хатан-Уула, у подножия которой раскинулось родное село поэта. А какие люди живут здесь, мы узнаем из поэм «Улигершин» и «Песня чабанки». Народный сказитель и простая степнячка – в Бурятии с такими людьми встречался многократно каждый из нас. Попробуй Расскажи о духовном облике их, о судьбах так, чтобы стихи увлекали, запоминались. Трудно. Но любящее сердце поэта всегда зорче, мудрее. Оно помогает точнее и правдивей нарисовать облик старой, хлопотливой чабанки (может быть, это мать поэта?):

*Все лицо морицинки искрестили,
Но глаза так молодо горят –
Как роса сверкает в паутине.*

И оно помогает понять чуткую душу улигершина:

*Огромный мир с вершин прожитых лет
Он вдохновенно чувствует и слышит.
Я верю:
Он лучшее нас напишет,
Как падает черемуховый цвет!*

После окончания Иркутского университета Владимир Петонов приехал в Улан-Удэ, работал в редакции газеты. Вышли в свет его первые книги на родном языке «Ветер с Байкала», «Моя правая рука», «У очага», «Белый путь», в коллективных сборниках, журналах, газетах были опубликованы стихи в переводе на русский язык. Казалось бы, тематика, привлекающая поэта, определилась: кроме лирических стихотворений о Бурятии, Байкале у него немало самобытных строк о братстве народов нашей многонациональной страны, о духовном богатстве, которое наследует его поколение. Но молодой поэт решил круто изменить жизнь – пойти работать на завод. Освоить новый жизненный пласт, написать о людях заводского труда? Может быть, толчком была и эта мысль. Но, думается, это решение оказалось внутренне подготовленным, созревшим. Поэта с первых литературных опытов привлекали люди трудовой судьбы, его питало общение с ними.

Так Владимир Петонов пришел в цех улан-удэнского завода «Электромашина». Рабочий пропуск, который он несколько лет предъявлял в проходной предприятия, и удостоверение электрика пятого разряда бережно хранились поэтом. Появлялись, естественно, и новые стихи. В книгах поэта, вышедших в центральных издательствах на русском языке, «Цветет багульник», «Цветостепь» и «Стальная тетива» они составили большой раздел.

Бурятская поэзия уже имела, пусть и скромный, опыт в освоении темы рабочего класса. Назовем хотя бы поэму Чимита Цыдендамбаева «Соном Гармаев», отдельные стихи Хоца Намсараева, Жамсо Тумунова, Цэдэна Галсанова, Дамбы Жалсараева, Николая Дамдинова, Даши Дамбаева и других. При этом поэты республики опирались на богатейшие традиции Владимира Маяковского, опыт таких певцов индустриального труда, как Ярослав Смеляков, Борис Ручьев.

Писать о рабочем классе – это значит показывать духовный мир человека, раскрывать его творческую натуру. Сделать это «со стороны», «вприглядку» невозможно. Борис Ручьев заметил: «Только тогда рабочий человек по-настоящему входит в искусство, когда художник живет одной с ним судьбой». Эту мысль хорошо усвоил Владимир Петонов.

*Пришла пора задуматься и нам
О прожитом в волнениях и тревогах.
Но, не колеблясь, я скажу:
верна
По жизни нас ведущая дорога.
Не закрываясь в комнатной тиши,
Мы держим настежь и сердца, и двери.*

*И если время требует: пиши!
Мы пишем, совесть правдою проверив.
Влюбляясь в жизнь с годами все сильней,
Мы и в беде давно отвыкли охать,
Сердца и ум навек вручив стране,
Живем мы так, как нам велит эпоха.*

Когда читаешь стихотворения поэта «Электросварщик», «Молотобойцы», «В литейке», «Высокое напряжение», обращаешь внимание прежде всего на одухотворенность героев, на ту красоту, которая открывается во вдохновенной работе мастеров.

Видишь, как заводские кузнецы раздувают «в рокочущей печи огонь страстей великих», как литейщик льет «чугунное, густое молоко», как с легкой грустью провожает из цеха в дальний путь обновленные вагоны мастер-ремонтник, они «исчезают в отблесках дня, словно песни стихают, тают...»

В этом вдохновении, в рабочей страсти, как и в сердечном участии друг к другу проявляется душевная красота людей труда. О ней – стихи поэта. Тепло рассказывал Владимир Петонов о судьбах своих рабочих друзей. Судьбы простые, обыкновенные, а за ними стояли и жизненная стойкость, и людское братство. Вот как в стихотворении «Ивановна»:

*В ее глазах, на самом дне,
Лежит печать, прикрыта синевою.
Ее жених пропал на той войне –
Осталась ни женою, ни вдовою...
Пройдут девчата, шутками звеня, –
Их провожает взглядом с поволокой...
Шумит завод.
Он – вся ее родня.
Ей легче на груди его широкой.*

Интересным произведением о рабочем классе стал и роман в стихах Владимира Петонова «Земли притяжение». Он посвящен сооружению Улан-Удэнского локомотиво-вагоноремонтного завода, участию в этой стройке первых пятилеток посланцев многих республик страны. Вероятно, автора можно упрекнуть в композиционной рыхлости романа, в недостаточно яркой обрисовке характеров некоторых героев. Но в новом произведении поэт умело использовал богатый документальный материал, отразил эпически широко и в то же время в своей свободной лирической манере неповторимые годы индустриализации: героизм первостроителей, их трудовой порыв, дружбу.

Когда-то Владимир Петонов написал поэму «Сказ об улигершине». Люди слушали старого певца потому, что он, раздвигая даль времени, зорко видел и прошлое, и будущее. А самому улигершину его искусство приносило радость потому, что он пел «о родине прекрасной и о людях – сильных и простых». Так поэт сказал и о собственной судьбе.

ХҮДЭЛМЭРИШЭН АНГИЙН ТҮҮХЭШЭН

Владимир Петоновой олон зоной дунда шүлэгөө уншажа байхыень нэгэнтэ бэшэ харахан хүм. Зарим поэдүүд хэнэй урда ямар шүлэгөө уншахаа мэдээд байдаг. Оюутадай урда – эдир залуу наһан, дуран тухай, заводой цехэй ажалшадай урда – ажал тухай темэдэ, хүдөөгэй клуб соо һууһан шагнагшадай урда – уужам тала газар, байгаали тухай г.м. Харин Владимир Петонов тад ондоо, үдын хоол барилганай забһарлалда ажалшадай урда гараад:

*Хүрээ дээрэ ургаһан
Үрээ хээрээ һургаһани.
Хара хээр хүлэгөө
Ханааш сүсэги нюдэндөөл.
Хээр эмниг мориндоо
Дары һуугаад мордоходоо,
Хэнтэйн хурдан һэбшээнтэй
Тэнтэйл тооной бэлэйл һэни, –*

гэжэ уншажа байхадаа һэншые гэхэгүй.

Харин хургуулийн һурагшадай гү, али оюутадай урда заводто суг хамта хүдэлһэн нүхэдтөө зорюулжа бэшэһэн шүлэгөө уншажа байха:

*Эдеэндэл ууралтан
дүлэтэнэ түмэр.
Эндэ
түмэр бусална, эдеэшэнэ.
Опока-тагшанууд худар хэжэ,
омогтой хүбүүд
эндэ зэргээшэнэ.
Шадамар кулинартал, –
дуран соогоо
шудхажэ,
түмэрые тэдэ эюулнэ.
Хайлаһан булад хүндэл гоожоод,
хэбэй маягта орожо дүүенэ.*

Гайхалтайнь гэхэдэ, Владимир Петоновто булта шүлэгүүдынь шухала, тэрэ шүлэгүүдээ иимэ тиимэ гэжэ илганагүй гэжэ ямаршые аудитори соо тэрэниие ойлгодог байгаа. Нээрээшые, шүлэг бүхэниинь поэдтэ үнэтэй, шүлэг бүхэнөө өөрөө бэе дээрээ үзэһэн. Хараагүй юумэн тухай бэшэдэггүй, ажабайдалдань ушарһан, сэдхэл доторынь хүдэлгэһэн, хүндүүлхэй болгоһон лэ юумэнүүд тухай бэшэдэг бэлэй. Зүгөөр заводой томо цех соохи хүүеэн дүүеэн ба уняар маната талын шэмээгүй байдал тухай гү, али урда сагай малшадай ажабайдал тухай адли эршэмтэйгээр яагаад бэшэхэ юм? Томо хотын шууян тухай поэт иигэжэ бэшээ:

*Хүбшэ тайгын үбсүүе араднай дэлээд,
Хүдэр томонууд завод, фабрика тодоходоо.
Хүн зон хүглэн сээжсээ сэлээд,
Хүхюун гудамжаар үерлэн ябадаг хододоо.*

*Эндэхээ буяадай хүгжэм зэдэлэн соностоно,
Эндэхээ дуунууднай дэгдэн тарана юртэмсөөр.
Түрэл хотомни хүнндөө мүшэдөөр холонготоно,
Түбхинэн мандаг Буяадни шэнэ хүсөөр!*

Энэ шүлэг соо тон ондоо зураглал үгтэжэ, нэгэ ханаа амар ябадаг хүнэй бэшэһэн шэнги:

*Шэрбэдэтэрээ бороодо сохюулан,
Шэнэтэрээ халхинда һэбинүүлэн,
Наран тээшэ надхаад,
Нарин нямняа һажсаа.*

Түрэл хотодоо хандажа бэшэһэн шүлэг соохи уян дулаан ульһаараал бэшэ шүлэгүүдтэйнэ дүтэ болоно:

*Сэнхир огторгойн майхан –
саржа торгондол һайхан.
Сэхэхэн орой дээрэхээ
шэлдэл толорон гэгээрээ.*

Юун гэхэбши даа, эдэ шүлэгүүдэй темэнүүдые авторта хуби заяаниинь, ажа-байдалын заажа үгөө ёһотой. Тиимэхээ поэдэй хуби заяандал хандая даа.

Владимир Петоновой бага наһан ба эдир наһан Усть-Ордын тойрогой Буяад-Янгууд гэжэ нютагта үнгэрһэн юм. Түрэлхидын табан хүүгэдые түрэжэ үндылгэһэн. Буяад бүлэдэ одхон үхибүүн (Владимир одхон хүбүүн һэн) гээшэ ехэ онсо хүн, тэрэниие бэшэһнээ үлүүсэ бүмбэйдлэг, найжалдаг, эрхэлүүлдэг байгаа, тиимэшые хаань Володя багаһаань ажалай амта яһала үзэһэн байха. Юундэб гэхэдэ, саг тиихэдэ хүшэр, Эсэгэ ороноо хамгаалгын дайнай эхиндэ хүбүүн оройдоол юһэтэй ябаа. Тиигэжэ ажал хэжэ һураһан, хони адуулдаг, түлээ хахалдаг, үбһэ сабшадаг, тарья хадалганда туһалалсадаг, бүхы юумэндэ һурамал һэн. Тиимэхээл поэт ямаршые ажал мэдэхэ, ажалай сэн ойлгодог, хүндэлдэг байгаа.

Бага хүбүүхэндэ «гоё һайхан дэлхэй» нээгдэнэ, энэ дэлхэй дээр хүн гээшэ ажалаараа, үнэн сэхээрээ, сагаан сэдхэлээрээ нэрэтэй түрэтэй болодог юм байна гэжэ «Дурасхаал» ба «Минии эсэгэ» гэжэ поэмэнүүд соогоо Владимир Петонов түүрээһэн байдаг. Тус зохёолнуудын шүлэгүүдтэнь адляар уянгын аялгатай. Поэмэнүүд хөөрөөнэй маягаар бэшэгдэһэн бэшэ, үетэнэйнгээ бага наһан тухай, аха нүхэдэйнгээ жэшээ тухай уянгалан түүрээһэн зохёолнууд болоно. Хөөрөөниинь хүлгүү, охитой огсом:

*Эсэгым хубсаһан...
Эрэ хүнэй үнэр
Эрэлхэг зориг һэргээнэ.
Эм дээрээ хэдэрнэм –
Эрэ болоһоноо мэдэрнэм.
Баабайн үмдэһэн малгай
Бата, – нюдыем бүглэнэ.
Бардам гэххэлнэб, налгай
Баабайгаал хаань һажсаан үгэлнэм.*

Владимир Петонов түрэл газар дайда тухайгаа ходо бэшэдэг, олон шүлэгүүд соогоо болон «Хатан-Уула» гэжэ поэмэ соогоо түрэл дайдаяа магтаһан. Бурядай поэдүүд соо тоонто нютагаа – Саяанай хаданууд байна гү, али Үдын үргэн тала байна гү – магтаагүй хүн олдохогүй хаш. Тээд түрэл тоонтоёо магтаһан шүлэгүүд соо Владимир Петоновой шүлэгүүд болон поэмэнүүд юугээрээ илгардаг бэ гээ хаа, бага ябахадаа анхараагүй юумээ, түрэл байгаалиингаа хайхание, хажуудань байгаа зоной сэдхэлэй уужам дэлгэрые өөртөө онсо нээхэ гэхэн һэдэлгээрээ тэрэ илгардаг хаш даа. Эдэ шүлэгүүд соо хүнһөө ондоо жэгтэй үзэгдэлнүүд үгы шэнги. Юрын хүнэй ажал хэрэгүүдтэ, газар дайдынгаа хүнэй нюдэндэ үдэр бүри харагдажа байдаггүй онсо хайханда зүрхэнэй дулаагаар, мээхэй уянаар хандажа байһаниинь эли байдаг. Эдэ бүгэдые өөрын нэгэ онсо үнгөөр тэрэ харуулжа шададаг:

*Хатан-Уула огторгой хадхаад,
Халюуран улаабхин уняартана.
Хатан-Уулын орой тулаад,
Хөөрэн үүлэд алярхана.*

*Уужам эмжэн хормойень дараад,
Оожом тарян эбхэрнэ.
Хирхагаарнь малиан манана малаа –
Хушууран малынь үерлэнэ.*

*Огторгой өөдэ булжамуур дэгдээд,
Омогтой уриханаар жэргэнэ.
Хуһад набшаараа дүүхэйдтэл һэхээд,
Хүхюу һүүдэртээ урина.*

*Хатан-Уула ногоон тэрлигээ
Хэдэрэн һуудаг зундаа.
Уужам үргэн хормойнь тэрэнэй
Унжалдан хэбтэдэг ханжаад.*

Поэдэй тоонто нютаг Хатан-Уулын хормойдо оршодог, иигэжэ поэт тэрэ уулаяа зураглан харуулба гээшэ. Энэ нютагта ажаһуудаг зон тухай «Үльгэршэн» болон «Хонишон эхэнэрэй дуун» гэхэн поэмэнүүд соо уншанабди. Арадай үльгэршэн юрын малша эхэнэр – иимэ зонтой оло дахин Буряад орон соогоо уулзадаг гээшэбди, тээд эдэнэр тухай хүнэй һонирхоод, хадуужа абамаар бэшэжэ шадаха гээшэ хүнгэн бэшэ хэрэг шуу. Гэбэшье поэт хүнэй нюдэн хёрхо, сэсэн, һаһажаал малша эхэнэрые (магад эхэнь байжа болоо) тон зүбөөр, этигэмээр зураглан харуулна:

*Адуунай хойноһоо олон жэлдэ
Алдар соло бэдэрээгүй ябаа һэн.
Адуунһаань мориндо оро гэхэдэнь
Арсаагүй – хэрэгтэй гэжэ һанаа һэн.*

Үльгэршэниинь поэт тон бэрхээр зураглан харуулжа шадаа:

*Бидэнһээ гоёор байгаали тухай хөөрэжэ үгэхэ,
Бидэнһээ үлүүгээр мойһоной сэсэг угалзатуулжа шадаха, –
Бидэнһээ бэрхээр ажабайдалтай холбоотой ябадаг.*

Эрхүүгэй университет дүүргээд, Владимир Петонов Улаан-Үдэ ерэжэ, сониной редакцида хүдэлхэн юм. «Байгалай нэбшээн», «Минии баруун гар», «Гуламтын дэргэдэ», «Сагаан зам» гэжэ номуудын буряад хэлэн дээр хэблэгдэжэ гарахан, хамтын согсолборинуудта, сэтгүүлнүүдтэ, сонинуудта зохёолнуудын ород хэлэн дээрэ толилогдожо гарахан байгаа. Тематикынше талаар ойлгосотой, Буряад орон, Байгал тухай уянгата шүлэгүүдхээ гадна гүрэн соомнай ажаһуудог олон яһатанай хани барисаан, үетэнэйнгөө энэ баялигыг дамжуулжа абаха тухайн тэрэ ходол бэшэдэг бэлэй. Теэд залуу поэт ажабайдалдаа шэнэ амисхал оруулхам гээд, заводто орожо хүдэлөө юм. Ажабайдалай үшөө нэгэ тала бээн дээрэ мэдэржэ абаха, заводой ажал тухай бэшэхэ гэхэн байгаал даа. Иимэ шийдхэбэри миил абаагүй байгаа ха. Ажалша зонтой харилсадаг, мэдэлсэдэг байгаа.

Тиигэжэ Владимир Петонов Улаан-Үдын «Электромашина» заводой цехэй ажалшан болошобо. Тус предприятиян проходной руу орохынгоо урда хэдэн жэл харуулжа ябахан пропускоёо, табадахи разрядай электригэй үнэмшэлгыг тон наринаар хадагалжа ябадаг бэлэй. Тиигэжэ шүлэгүүдше энэ темэдэ бэшэгдэхэн лэ байгаа аабза. Түбэй хэблэлдэ ород хэлэн дээрэ гарахан «Цветет багульник», «Цветостепь», «Стальная тетива» гэхэн номууд соонь ажалай темэдэ зорюулагдахан ехэхэн бүлэгүүд оронхой юм.

Ажалша зоние зураглан харуулхан, энэ темэдэ зорюулагдахан шүлэгүүд буряад поэзидэ нилээд олон болоод байгаа. Чимит Цыдендамбаевай «Соном Гармаев» гэжэ поэмэ, Хоца Намсараевай, Жамсо Тумуновой, Цэдэн Галсановой, Дамба Жалсараевай, Николай Дамдиновой, Даша Дамбаевай зарим шүлэгүүдые дурдалтай. Энэ талаар республикын поэдүүд Владимир Маяковскийн, Ярослав Смеляковой, Борис Ручьевой баян дүй дүршэл хэрэглэхэниинь сохом.

Хүдэлмэришэн анги тухай бэшэхэ гэшэ – хүнэй доторой сэдхэл, зохёохы ульһа шанар харуулжа шадаха хэрэгтэй. Энээнине хажуу талада байгаад, дүмэг харуулха бэшэ ха юм. «Хүдэлмэришэн хүние зураглаһан зохёолшон, эдэ зоноор нэгэ хуби заяатай байха болоно» гэжэ Борис Ручьев дэмыдэ хэлээгүй. Энэ бодолыень Владимир Петонов хайн ойлгожо абахан:

*Уян нугархай зугаамни
Буян дэмбэрэл асараа гү?
Аляа габшагай зугаамни
Алас холо руу тараа гү?*

*Элдэб шүлэгүүд суглараа, –
Элбэг аялгаар дурадхааб.
Эмжэн тоонтото нютагаа
Энхэрэн байжа дурдалайб.*

*Аха дүүнэрэйм аялга –
Анда нүхэдэйм зохёолнууд.
Алтан зурхыем аярган,
Арюун бодолоор дохёолнол.*

«Электроагнууршан», «Үйлэдбэрийн үзэсхэлэн», «Шудхалгын цех соо», «Ехэ напряжени» гэхэн шүлэгүүдые уншахадаа, геройнуудайн сэдхэлэй ошо, дархашуулай ажалай эршэ хүсын далайсатай, найхан байһые харахаар.

Заводой түмэр шудхадаг дархашуулай «хүүежэ байһан пеэшэн соо» гал үлээн түмэр халаажэ байһые гү даа, али түмэр шудхагшын «үдхэн һүн» шэнги шэрэм эюулжэ байһые, заһабарилагдан гараһан вагонуудые эдэниие дархалан һэльбэһэн ажалшанай нэгэ бага гунигтайгаар замдань үдэшэжэ байхада, тэдэнь «үдэрэй гэрэлдэ туһан, дуунууд мэтээр хайлан үгы болошоно» гэжэ харуулан зураглана.

Энэ зориг, хүсэлтэйгөөр ажаллажа байһан зоной сэдхэл доторой һайхан талые харуулһан шүлэгүүдэйн ехэнхи хуби хамта суг ажаллаһан нүхэдтэнь зорюулагдаһан аабза. «Бултанай түрэл» гэжэ шүлэг соогоо иигэжэ бэшэнэ:

*Хүхэхэн нюдэндэнь нулимсанай шүүдэр
Хөөбэлзэн гарабашье, удангүй шэргэдэг.
Хээээнһээ – зүрхэндэнь үбгэнэйн һүүдэр,
Хээээ сэдхэлэйн огторгой сэлмэхэб?
Залуухан басагадые шэртэжэ илламаар,
Халуухан харасаараа үдэшэдэг хододоо.
Түрэл садан болоһон заводтоо
Тэрэ мээхэй болонгүй яахаб даа.*

Хүдэлмэришэн анги тухай «Газарай татаса» гэхэн шүлэглэмэл роман соогоо бэшэһэн юм. Энэ зохёолын Улаан-Үдын локомотив-вагон заһабарилгын барилга, түрүүшын табан жэлэй барилгада хабаадагшад тухай түүрэнэ. Композициингаа талаар лэ һулашаг, зарим геройнуудайн дүрэ шарай дүүрэн харуулагдаагүй гэжэ хэлэхээр юм аабза. Зүгөөр шэнэ зохёол соогоо баян документальна материал дүйтэйгөөр поэт хэрэглэжэ, индустриализациин боложо байһан жэлнүүдые, түрүүшын барилгашадай баатаршалга, ажалайн охиной дүлэ, хани барисаа сүлөө маягаар, үргэн дэлисэтэйгээр харуулжа шадаа.

«Үльгэршэн тухай домог» гэхэн поэмэ Владимир Петонов бэшэһэн гээшэ. Үльгэршэниие хүнүүд юундэ тиигэжэ амьяа татан һонирхон шагнаа юм гэхэдэ, сагай холые һэхэн байжа, үнгэрһэн үе сагые ба ерээдүйе хаража түүрээхэдэнь, тэдэндэ тон һонин байгаа бшуу. Үльгэршэндэ өөртэнь «һайхан нютаг орон тухайгаа, хүсэ ехэтэ, юрын хүнүүд» тухай түүрэн дуулахадань зүрхэндэнь баяр жаргал асарна ха юм. Тиигэжэ поэт өөрынгөө хуби заяан тухай хэлэһэн байдаг.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Байгалай һэбишэн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1959.

Минии жаахан Сэсэгма. Хүүгэдтэ зорюулагдаһан туужа. – Улаан-Үдэ, 1964.

Дуунтай уулзалга. Рассказууд, новеллэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1965.

Минии баруун гар. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1968.

Гуламтын дэргэдэ. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1970.

Сагаан зам. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1972.

Булжамууртын орон. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1978.

Газарай татаса. Шүлэглэмэл роман. – Улаан-Үдэ, 1981.

Аянга. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1987.

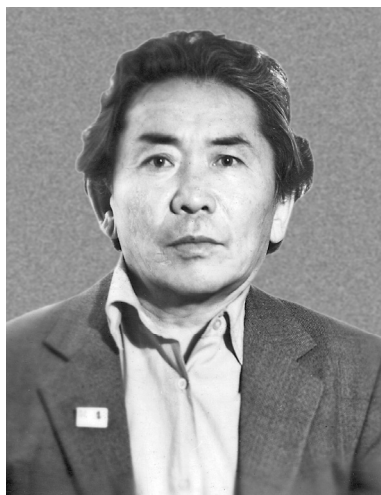
Үльгэршэн тухай үгүүлэл. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 2002.

На русском языке:

- Цветет багульник.* Стихи. – М.: Советский писатель, 1966.
Моя веселая Сэсэгма. Повесть для детей. – Улан-Удэ, 1971.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Цветостепь. Стихи, поэмы. – М.: Советская Россия, 1974.
По кругу солнца. Стихи, поэмы. – М.: Советский писатель, 1979.
Стальная тетива. Стихи, поэмы. – М.: Советская Россия, 1982.
Держава ранних жаворонков. Стихи. – М.: Современник, 1984.
Земли притяжение. Роман в стихах. – М.: Советский писатель, 1985.
Ветер с Байкала. Стихи и поэмы. – М.: «Советская Россия», 1988.
Гортанные песни. Стихи и поэмы (Серия «Сибирская лира»). – Иркутск, 1991.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
По кругу солнца. Стихи и поэма. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Тармаханова О., Жарков Д.* Петонов Владимир Константинович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Бадмаев Ц-Б. О книге «Ветер с Байкала». – Буряад Унэн, 1959, 27 октября.
Бадареев Б. О книге «Моя веселая Сэсэгма». – Буряад Унэн, 1964, 31 октября.
Татьяничева Л. Молодость и зрелость. – Литературная Россия, 1966, 25 ноября.,
Воронова О. Рука друга. – Комсомольская правда, 1967, 11 мая.
Без указ. автора. Петонов Владимир Константинович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Сорокин В. Два верных крыла. – Советская Россия, 1978, 5 октября.
Хосомоев Н. Поэзия труда. – Байкал, 1982, № 2.
Хамаганов М. Прокладывая свою тропу... – Правда Бурятии, 1982, 27 мая.
Жанчилов Б. Светлым путем. – Буряад Унэн, 1982, 28 мая.
Зимин Ж. По кругу жизни. – Молодежь Бурятии, 1982, 29 мая.
Комиссарова Т. Высокое напряжение. – Литературная Россия, 1983, 4 марта.
Глебова Н. Горячий труд. – Байкал, 1983, № 3.
Бальбузова Е. О книге стихов «Стальная тетива». – Литературное обозрение, 1984, № 5.
Без указ. авт. Поэзия Владимира Петонова. – Литературная Россия, 1985, 11 марта.
Комиссарова Т. Звонких песен караван – Байкал, 1985, № 3.
Хосомоев Н. Память о труде великом (о романе в стихах «Земли притяжение»). – Правда Бурятии, 1985, 11 сентября.
Денисова И. Жаворонок в зените. – Литературная Россия, 1986, 2 мая.
Без указ. автора. Петонов Владимир Константинович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Хамгушкеева М. Притяжение земли // Хамгушкеева М. Бурятская поэзия. – Улан-Удэ, 1998.
Хосомоев Н. Из страны жаворонков. – Бурятия, 2002, 17 мая.
Бадиева С. Петонов Владимир Константинович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
Румянцев А. Владимир Петонов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Солбон Дондупович
АНГАБАЕВ
(1934-2001)**

ИДУ К ЛЮДЯМ

С чего начинается поэт? С первого четверостишия, в котором человек выразил свое образное восприятие мира, свое удивление перед его красотой? Или с той музыки, которая зазвучала в душе человека и подсказала ритм первых строк? А может быть, поэт начинается с большой, неистребимой любви к другим людям, к горам, обступившим его дом, к цветам, украсившим его родную степь?

Такие мысли приходят, когда читаешь лучшие стихи бурятского поэта Солбона Ангабаева:

*Слова – цветы в руках девчат.
Бросайте в небо голубое!
Они в устах дымком горчат,
Они в глаза весной кричат,
Слова, оброненные мною.
Слова – цветы, они везде
Растут размашистой весной.
Они – соловушки в гнезде,
Они, как зерна в борозде,
Слова, оброненные мною.
Слова – цветы, лови, лови.
Они, как птицы над землею.
Они – глаза моей любви,
Они печальницы мои,
Слова, оброненные мною.*

– Мне было пятнадцать лет, когда я опубликовал первое стихотворение, – рассказывал мне Солбон Ангабаев. – А через два года, закончив среднюю школу, с тетрадкой юношеских стихов я поехал в Москву, в Литературный институт имени Горького. Конечно, первые мои опыты были ученическими. Но те, кто принимал в институт, – а это были известные поэты – видимо, поверили в меня. Я начал заниматься. Учился в семинарах таких мастеров поэзии, как Павел Антокольский, Михаил Светлов, Евгений Долматовский. Помогало общение с однокурсниками, среди которых были Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Римма Казакова. А главное, что требовалось в институте, – новые стихи, постоянная работа над ними. Где-то на четвертом году моей учебы я составил книгу, которую одобрили мои наставники и друзья. Московский поэт Василий Журавлев перевел ее на русский язык. И в 1956 году она вышла в издательстве «Молодая гвардия». Я назвал ее так: «Табунная степь».

О чем рассказал молодой поэт в первой книге? О детстве и юности в трудовой семье. О красоте родного улуса Гарги, окруженного белоснежными гольцами Баргузинского хребта. О заботах и радостях своих земляков – чабанов и табунщиков, охотников и рыбаков. Была у стихов Солбона Ангабаева своя тональность: они передавали юношескую чистоту чувств, романтическую увлеченность, жажду большого дела:

*Она все поля оросила,
Дала всем садам первоцвет –
Семнадцатилетняя сила
В семнадцать мальчишеских лет.
Кричу я: «Товарищи люди!
В той силе – богатство мое.
Когда мне и семьдесят будет,
Я все ж не забуду ее».
О, возраст крутой и высокий,
О, эта крутая строка,
В которой свершения сроки
Бунтуют, как Гарга-река!*

После окончания института Солбон Ангабаев возвращается в Бурятию. Продолжается постижение жизни, ее будничных дел. Корреспондентом районной, а затем республиканской газет Ангабаев ездит к строителям и геологам, к чабанам и хлеборобам. Его беседы с людьми неторопливы, его встречи с ними неспешны. То он живет в родной Гарге и трудится вместе с земляками, то уезжает куда-нибудь на дальнюю чабанскую стоянку, чтобы вблизи увидеть мастерство известного овцевода, его отцовскую мудрость и доброту. По новым книгам Солбона Ангабаева «Забайкалье», «К вершине», «Думы» легко заметить, что мысль поэта все чаще обращается к духовной жизни современников. «В чем человеческая красота?» – словно спрашивает поэт. И стихи отвечают: «В трудолюбии. И в сердечном участии к людям. И в извечной любви к цветку, к степному ручью, к жаворонку. И в постоянной жажде песни». Может быть, потому и стихи Солбона Ангабаева, посвященные современникам или обращенные к ним, становятся искренней, нежней, напевней:

*...вот если бы в пору нелегкой работы
моя безграничная сила
бесплодные степи, да топь, да болота
в цветенье садов превратила,
чтоб музыка солнца, взлетая на волны,
повсюду рождала победы,
чтоб мною и девушки были довольны,
и старые мудрые деды!*

Уже в первых книгах Солбон Ангабаев проявил себя в поэтической импровизации. Многие его стихи воспринимаются так, будто они – безыскусные, идущие от сердца – складываются на твоих глазах. Этот дар – в традициях бурятской народной поэзии. В старину сказители-улигершины были щедро одарены такой способностью. И до сих пор бурят не прочь пошутить над своей песней: «Что степняк видит, о том и поет».

Лучшие стихи Солбона Ангабаева, которым присуща импровизационная раскованность, в то же время значительны по мысли, свежи и выразительны. Кстати сказать, переводы таких стихов на русский язык особенно удались известной поэтессе Светлане Кузнецовой.

*Я рождаюсь
только на этой земле,
где понятны слова
о добре и зле,
где такая синь,
где такие птицы,
где хороший день
бесконечно длится.
Я рождаюсь,
когда поднимается ветер,
когда падает ливень,
пронзительно, светел,
и становятся нивы
под ливнем зелеными;
когда ссоры кончаются
между влюбленными,
и когда золотая
теплынь начинается,
и улыбка в ответ
на губах появляется;
когда с мыслью о Родине
и о судьбе
просыпается жажда
сказать о себе, –
вот тогда я рождаюсь.*

Конечно, современному поэту полагаться только на импровизаторский дар не приходится. Слишком высока и ответственна его миссия.

– Я считаю, – говорил Солбон Ангабаев, – что поэт должен быть в гуще жизни. Жизнь – его советчик и судья. Не могу не общаться с людьми разных профессий. Очень часто бываю, например, у джидинского чабана Гансаруна Лубсановича Рабдаева, Героя Социалистического Труда. Мне с первого знакомства понравился его открытый, простой характер. Он начитан, и, к моей радости, оказалось, что любит стихи. Хорошо знаю я многих людей, которыми гордятся, скажем, в Селенгинском, Баргузинском и других районах. Не ожидая вдохновенья поэтического, написал о них очерковую книгу «Слово о мастерах». Рядом с такими людьми, вдали от суеты, особенно остро понимаешь: не нужно стихов надуманных. Стоит лишь с волнением рассказать об этих людях, и тебя поймут все.

Каждая встреча с человеком труда открывает новый мир забот, тревог и радостей. Один рассказал поэту о том, что вернулся из Москвы, с ВДНХ, где узнал немало поучительного. Другой – о последней сессии Верховного Совета республики, на которой присутствовал как депутат. Третий – о том, что передал в Фонд мира часть своих сбережений. После таких встреч дальше видится: за степью, окаймленной горами, встает большая Родина, к делам и процветанию которой причастен каждый из нас.

Сам поэт прошел по многим ее дорогам, полюбил ее столицу. Вот почему вновь и вновь писал Солбон Ангабаев о любви к ней, большой и доброй Отчизне:

*Иду ли я в горы тропой голубую,
В моря ли, что вечно угрюмы.
Всегда мое сердце, Отчизна, с тобою,
Всегда о тебе мои думы...*

Полтора десятка книг опубликовал поэт на бурятском и русском языках. Вышедшие еще в семидесятые годы прошлого века в Москве два сборника избранных стихов «Зовы» и «Водопад» представили Солбона Ангабаева всесоюзному читателю как поэта активной гражданской позиции, своеобразного лирического дарования. За эти качества и полюбилось читателям творчество Солбона Ангабаева.

«ОДОД ЭМНИНЭ ДЭЭРЭНЭЭ НАМДА...»

Поэт хүн, тэрэнэй поэзи хаанаһаа эхи абадаг юм? Тойроод байгаа оршолоной гоё найханда абтаад, шүлэг болгон бэшэһэн дүрбэн мүнүүдһээ гү? Али хүнэй досоо түрэнэн хүгжэмһөө гү? Магад хүнүүдтэ, хадануудта, сэсэгүүдтэ дураяа мэдүүлжэ бэшэһэнһээнэ юумэн эхилдэг гээшэ гү?

Буряадай поэт Солбон Ангабаевай эгээл эрхим шүлэгүүдые уншахадаш, иимэ бодолнууд толгойдошни түрэхэдөө болохо:

*Заан үгые, ухаан үгые,
зандан үгые, галдал үгые,
үгые биш болгодог үгые,
бише үгы болгодог үгые,
эжыем амаруулха үгые,*

*хэлэһыем мүнхэжүүлхэ үгые,
ехээр бэдэрнэлби замдаа,
ерэхэ үды гү, намдаа?*

– Түрүүшынгөө шүлэг би арбан табатайдаа толилуулаа хэм. Хоёр жэл болоод, дунда хургуули дүүргэжэ, эдир залуугайнгаа шүлэгүүдые бэшэһэн дэбтэрээ абаад лэ, Москвагай Литературна институтгэ хурахаяа ошоо хэм. Институтгэ абаһан багшанар намда үнэншөө хэн ха. Би хуралсал гаража эхилээб. Павел Антокольский, Михаил Светлов, Евгений Долматовский мэтын томо томо поэдүүдэй семинарнуудта ябажа, олон юумэндэ хурабаб. Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Римма Казакова гэгшэд намтай нэгэ бүлэгтэ хуралсадаг хэн. Институтгэ мэнэ болоод лэ шэнэ шүлэгүүдые бэшэжэ байха ёһотой байһан юм. Дүрбэн жэл соо хуралсал гараад байхадаа, нэгэ ном болохо шүлэгүүдтэй болоо хэм. Москвагай поэт Василий Журавлев тэдэниием ород хэлэндэ оршуулба. Тиигэжэ «Молодая гвардия» хэблэлдэ 1956 ондо номни хэблэгдэн гараһан юм. «Табгай-та тала» («Табунная степь») гэхэн гаршагтай хэн, – гэжэ Солбон Ангабаев намда хөөрөһэн бэлэй.

Түрүүшынгээ ном соо залуу поэт юун тухай хөөрөжэ үгэһэн байгааб? Ажалша бүлэдэ үнгэрһэн бага наһан, эдир залуу наһанай хаһа, Баргажанай саһата хада хабсагайнуудаар хүрээлээтэй гоё хайхан Гаарга нютаг тухайгаа, нютагайнгаа хонишодой, адуушадай, ангуушадай, заһаһашадай юун тухай ханаата боложо, сэдхэлээ баясуулжа байһан тухай бээ даа. Эдир залуу хаһын түрүүшын дуран, ямар нэгэн ехэ хэрэг бүтээхэ эрмэлзэл тухай Солбон Ангабаев өөрын маягтайгаар бэшэдэг хэн.

*Ойе үнгэрнэб, талада гаранаб,
Одод эмнинэ дээрэһээ намда.
Иигэжэ инагни эмнидэг, хананаб,
Эжэлүүдгүй хүлнүүдни өөһэдөө шамдана.
Ойртоно эхэмни, ойртоно инагхамни,
Ойртоно түрэл нютаг Гааргамни.
Ойн оройгоор һара тамарна,
Үндэр дээгүүр одод унтарна.
Үшөө нэгэ заа ябаад түргэхэн
Үргэн нютагаа хүрэхэ хэбэртэйб.
Үглөөнэй наранаар сэдхэлээ хүдэлгэн
Үүдээ татажа орохоб гэртээ.*

Институт дүүргээд, Солбон Ангабаев Буряад орондоо бусажа, ажаллажа эхилээ. Районой сониндо, һүүлдэнь республикын сониндо хүдэлхэдөө, геологуудта, барилгашадта, хонишодто, таряашадта ошожо ерэдэг, зоноор удаан хөөрэлдэдэг, харилсадаг байба. Түрэл Гааргадаа нэгэ үедэ ажаһуудаг, ажалладаг байхадаа, холын хонишодой отарада ошожо, мэдээжэ суута хонишоной ажаллахые адаглан хаража ерээ хэн. «Байгалай үмэнэ», «Орьёл өөдэ», «Бодолнууд» гэхэн шэнэ номууд соогоо үеынгөө хүнүүдэй сэдхэл доторхи байдалда хандажа, «Хүнэй гоё хайханиинь юун болоноб?» – гэжэ хурахаа байһандал хэн. «Ажаллажа, зондо хүн шэнгээр хандажа, сэсэг ногоондо, талын булагта, жэргэжэ байһан булжамуурта дуратай байбал ехэл хайн. Эдэн тухай дуулажа ябахые ходол ханаархажа

ябабал, одоол жаргал» гэжэ шүлэгүүдынь харюусана. Магад тиимэһээл Солбон Ангабаевай үеынгөө зондо зорюулһан шүлэгүүдынь үнэн сэдхэлһээ, уярма гоёор, хоолойн илдамаар бэшээтэй байжа болоо.

*Сэлмэг, сарюун үдэрэй
Элбэг арюун нарантай
Эльгэ зүрхөөрөө нишлэнхэй
Эршэ нэгэн алхалая даа.
Гайхан сэсэгэй һалбаржа,
Найган надхан байхада,
Гайхан зангам задаржа,
Байһан нармай үедэ,
Наран шэнгээр яларжа,
Наһан соогоо ябанхаар
Наггин дүримтэй түрэжэ,
Наһаа эдлэхэ зомди.*

Солбон Ангабаевай зарим шүлэгүүдые абажа харахада, хараһаар байтар бэшэгдэһэн гэхээр, үльгэрэй маягтай, «тала газарта үндыһэн хүн хараһанаал бэшээ юм бээ» гэжэ шүлэгүүд тухайгаа өөрөө шоглон хэлэхэ дуратай һэн.

Түрүүшээр харахада тон юрэнхыгөөр бэшэгдэһэн шэнги шүлэгүүдынь, үнэн дээрээ даншые тиимэ хүнгэн бэшэ, бодолнуудынь удхатай. Иимэ маягтай шүлэгүүдыень мэдээжэ поэт Светлана Кузнецова ород хэлэндэ ехэ шадамараар оршуулһан байдаг.

*Хайрал шамһаа хүлээн байдаг
Хайран гансаиш бэшиш хадаа,
Гайхан шиниш баялиг соошни
Байхал шэнгээр бээ һанааб.
Мойһон сэсэг «дэлхэй» дээгүүри
Оймон, хайман ойлгон гарааб.
Мойһон хара нюдэд соогуури
Өөрын жаргал шэртэн харааб.
Шамһаа шадал хүсөө абадаг
Шангал нэгэ шанар хүсэтэйб.
Шамдаа яаран, яаран байдаг
Шиниш эрхэ монсог бэлэйб.
Дуулан һууха хүсэл байнал.
Уула хадам өөршөөн шагныш!
Уужам уужам дэлхэй дайдам
Уняар татаад угаа һайхан.
Агуу зандаа, наггин зандаа
Арад зоноо суурхуулан байгыш!
Шамдаа бишни шадал шангаар
Шамдуу яаран байхаб, мэдыш!*

– Поэт хүн ажабайдалай гүн далай соогуур умбажа ябаха ёһотой юм. Ажабайдал зүбшөөл үгэхэ сүүдлэгшэниинь байха зэргэтэй. Элдэб мэргэжэлтэй зоноор уулзажа хөөрэлдэхэ дуратайб. Социалис Ажалай Герой болоһон Зэдын хонишон

Гансарун Лубсанович Рабдаевта ходо ошодогби. Анхан танилсаһанһаа хойшо энэ хүнэй номгон даруу, мэхэгүй зан абари намда һайшаагдаа. Сэлэнгэ, Баргажанда зонойнь омогорхон хүндэлдэг хүнүүдые һайн танихаб. Тэдэнэр тухай «Уран дархашуул тухай үгэ» гэхэн очеркнуудай ном бэшээ һэм. Эдэ зоной хажууда байхадаа, һанаанһаа абажа бэшэһэн шүлэг эндэ хэрэггүй гэжэ ойлгохош. Эдэ зон тухай хөөрөжэ үгөө хадаш, зон шамайе ойлгохо. Ажалай хүнтэй уулзаха бүри тэдэнэй баяр, уйдхар шамда дүтэ болохо. Нэгэ хүн Москва ВДНХ ошоод бусаһанаа хөөрэхэ. Нүгөөдэнь – депутат хүн республикын Верховно Соведай һүүлшын сессидэ хабаадаһанаа зугаалжа үгэхэ. Гурбадахинь – амгалан байдалай Жасада хубиингаа мүнгэ оруулһанаа соносохо. Хада хабсагайнуудаар хүрэлээтэй тала газарта хүн ажаһууна гү, али ондоо тээ гү – саанамнай Эхэ оромнай харагдажа, гүрэнэйнгөө һалбаран хүгжэхэ хэрэгтэ бултадаал хабаатай гээшэбди гэжэ эдэ уулзалгануудай һүүлдэ ойлгохош, - гэжэ Солбон Ангабаев хэлэһэн юм.

Поэт өөрөө Эхэ оронойнгоо үргэн харгынуудаар махажа, нийслэл хотодонь дурлаһан аад, дура хайраяа ходо мэдүүлхые оролдожо, саг үргэлжэ бэшэжэл, бэшэжэл ябадаг бэлэй:

*Бүхы шүлэгүүдни, бүхы дуунуудни,
Бүхы бодолнуудни, бүхы һаналнуудни,
Эхэ оромни, гансал шамдаа
Энхэрэлтэйгээр зорюулагдаа.
Газарайнгаа баялиг шамдаа зорюулнаб.
Зүрхэнэйнгөө залирхагүй дүлые
Золойшни зула болгон бадараанаб,
Бүхы бэемни, бүхы наһамни,
Бүхы хүсэлни, бүхы хаһамни.
Гансал шиниһи габьяа юумэл,
Гансал шиниһи зориг юумэл.*

Поэдэй олон номууд буряад, ород хэлэнүүд дээрэ хэблэгдэжэ гараа. Үнгэрһэн зуун жэлэй далаад онуудаар Москвада хэблэгдэн гараһан «Урянууд», «Водопад» гэжэ шэлэгдэмэл шүлэгүүдэйн хоёр суглуулбаринууд үргэн ороноймнай уншагшадта Солбон Ангабаевые эдэбхи ехэтэй граждан һаналтай, уянгын бэлигтэй поэт гэжэ харуулаа. Энэ шэнжэ талыень хадуужа абаһан уншагшад Солбон Ангабаевай зохёолнуудта үнэхөөрөө дурлаа гээшэ.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Байгалай таабари. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1958.

Һайн даа, нүхэдни. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1961.

Игаабари. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1964.

Голой эрьедэ. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1966.

Хүсэн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1968.

Орьёл өөдэ. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1971.

Бодол. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1975.

Агар зандан. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1979.
Үндэр наран. Очеркнууд. – Улаан-Үдэ, 1981.
Нюдэнэй сэсэгы. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1983.
Бархан уула. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1991.
Заяанай зарлигаар. Туужанууд. – Улаан-Үдэ, 2007.
Заяанай хэшиг. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 2011.

На русском языке:

Табунная степь. Стихи. – М.: Молодая гвардия, 1956.
Забайкалье. Стихи. – М.: Молодая гвардия, 1968.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Зовы. Стихи. – М.: Советский писатель, 1974.
Водопад. Стихи, поэмы. – М.: Советская Россия, 1979.
Слово о мастерах. Очерки. – Улан-Удэ, 1981.
Высокое солнце. Стихи. – Улан-Удэ, 1981.
Живая вода. Очерки, статьи, эссе. – Улан-Удэ, 1985.
Баргузин. Стихи. – М.: Советский писатель. 1985.
Сказание о земле соболиной. Документально-художественное повествование. – Улан-Удэ, 2000.
Мои друзья – мое бессмертие. Воспоминания. – Улан-Удэ, 2001.
Сердце, принадлежащее времени. Стихи, поэмы, очерки. – Улан-Удэ, 2007.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Табунная степь. Стихи и поэмы. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Кирьянов С. Певец степей. – Литература и жизнь, 1959, 3 апреля.
Тармаханова О., Жарков Д. Ангабаев Солбон Дондупович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.
Мурзиди С. (О книге «Забайкалье»). – Октябрь, 1963, № 3.
Еречнева Т. За все в ответе, что пою... – Байкал, 1976, № 1.
Без указ. автора. Ангабаев Солбон Дондупович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Найдаков В. Поэзии счастливая судьба. – Правда Бурятии, 1979, 16 октября.
Солбон Ангабаев // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1981.
Гомбоин Ч. Высокое солнце. – Правда Бурятии, 1982, 21 января.
Без указ. автора. Поэзия и проза Солбона Ангабаева. – Литературная Россия, 1984, 9 марта.
Петонов В. Своей дорогой. – Байкал, 1984, № 3.
Хамаев Ц.-Д. Да, рождаться крылатым стихам. – Буряад Унэн, 1991, 14 мая.
Без указ. автора. Ангабаев Солбон Дондупович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Тапхаев Л. Певец родной Бурятии. – Морин хуур, 2000, № 5-6.
Очиров С. Талант, благословенный народом. – Буряад Унэн, 2001, 15 марта.
Батожабай Д. Талантливый поэт Бурятии. – Буряад Унэн, 2004, 12 августа.
Натаев П. Певец Баргузинской долины // Ангабаев С. Сердце, принадлежащее времени. Стихи, поэмы, очерки. – Улан-Удэ, 2007.
Жамбуева Ж. Ангабаев Солбон Дондупович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
Румянцев А. Солбон Ангабаев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Анатолий Александрович
ЩИТОВ
(1934-1998)**

ТРЕВОГА СЕРДЦА

С Анатолием Щитовым, как и с другими поэтами республики моего поколения, мы прошли рука об руку всю свою творческую жизнь. Он стал «закоперщиком» нашей первой коллективной книги стихов с задорным названием «Здравствуй, жизнь!». Щитов был постарше всех нас. К тому времени он уже не только закончил в Омске сельскохозяйственный институт, но и поработал на мелиоративной стройке под Улан-Удэ. Профессия его не предполагала занятий поэтических, однако он приобщился к ним уже в ВУЗе, в студенческом литературном объединении. Кстати, одним из преподавателей Анатолия по какой-то сельскохозяйственной дисциплине оказался Сергей Залыгин, позже ставший известным прозаиком и главным редактором прославленного журнала «Новый мир».

В юности мы с нетерпением ждали выхода в свет первой книги любого из нас. Никакой ревности или зависти не было и в помине, жило лишь предвкушение радости: еще один наш друг стал автором не просто газетной публикации, а книги, как настоящий поэт! Я уже забыл, что когда-то написал рецензию на первый сборник Анатолия Щитова, а случайно вспомнив, отыскал ее в подшивке газеты «Молодежь Бурятии». Решаюсь привести несколько абзацев из этого отзыва, так как согласен и теперь с высказанными в нем оценками.

«Любопытное открытие делаешь в таких случаях (вероятно, не всегда, но на этот раз – да). Вот ты читал те же стихи в газетах, в журнале. В одних находил изъяны, другие считал удачными, но все они были разрозненными, каждое само по себе. Теперь, собранные воедино, они вдруг показали, что у их автора – свои темы, свой взгляд на вещи, если хотите, свое жизненное кредо.

Что ты успел сделать? К чему готовишься? Какими принципами руководишься в жизни? Самые главные вопросы встают в стихах А.Щитова, и заставляют думать, и требуют ответа. «Тревога сердца» – есть в книжке такое выражение. Во многих стихах, которые составляют душу сборника, находим мы эту тревогу сердца:

*Мы не из таких, чья хата с краю.
Потому до слез обидно мне
видеть, как спокойно умирают,
ничего не дав своей стране.*

*И еще определенной:
И вставала прямо у порога
главная из тысячи тревог
и за тех, кто может сделать много,
и за тех, кто мог бы, да не смог...*

Это не повторения забывчивого автора. Это мысль, которой пронизана книга и которая каждый раз звучит по-новому. В поэзии пришла пора стихотворцев размышляющих, но размышляющих не холодно и не о мелочах. Лирический герой Щитова молод, энергичен и для него все: как жить, какой след оставить в жизни? – требует сегодняшнего ответа.

Строки, приведенные выше, могут показаться декларативными. Это потому, что они отсечены от стихотворений, как веточки от деревьев, они не исчерпывают всего содержания стихов, из которых взяты. Откройте книгу А.Щитова и вы увидите, что откровения молодости в лучших его произведениях отмечены настоящей поэтичностью. Послушайте:

*А яблони так бешено цветут,
так выюжатся за окнами, так выюжатся,
что чудится – на целую версту
от этого лишь головы и кружатся.*

Поэтический старт Анатолия Щитова удачен, и тот, кто прочтет его первую книгу, без сомнения, станет внимательно следить за его новыми стихами.

В следующих сборниках «Стихи для друзей», «Баллада о белом потолке», «Красная осень», «Признание» поэт, тематически расширив содержание стихов и поэм, раскрыл еще глубже, разносторонней и весомей жизнь своей души, свои духовные и нравственные позиции, а значит, и обогатил наш, читательский, опыт. При этом автор все реже прибегает к публицистическим высказываниям (нередко они портят лирическую основу стихотворения), а передает мысль тоньше, метафоричней. А это, конечно, заставляет нас размышлять над строками, да и запоминаются они надолго:

*С утра передавали: будет ливень.
Ну, думаю, поналомает дров! –
воткнет в мой домик белых молний бивни.
И вот он, наконец-то, будь здоров!
Стирает крыши. Улицы утешит...
Я кепку на себя и – за порог.*

*Ну, думаю, сейчас он оглоушит.
А он уже валяется у ног
Такой обычной, захудалой лужей.*

Что же касается формы лирического высказывания, того собственного, индивидуального «поэтического жеста», который всегда отличает автора, утвердившегося в литературе, то у Анатолия Щитова его приметы хорошо видимы в лучших стихотворениях. Он любит окрашивать серьезное, даже грустное чувство неизменной улыбкой, самоиронией. Это редкое качество в лирике. В стихах А.Щитова оно словно бы прибавляет душевного света:

*– Что? – и ведра покатались.
– Ты ли, Настя?
– Ты ль, Василий?..
И стоит передо мной
в три объёма толициной.
.....
Ухожу. Чуть жалко Настю.
Да видать ей в этом счастье...
Да и что худого тут,
если крепенько живут,
если хлеб тебе и сало,
и почет в селе немалый,
а в доме веселый зной –
в три объёма толициной?*

И еще одно: поэт смело пользуется инверсией. Иногда необычное построение фразы, как бы не принятое правилами синтаксиса, придает ей неожиданное обаяние:

*Поступь плавная. Косы русы.
Лоб открытый. Метель в глазах,
полоснет от которой грустью,
от которой охватит страх.*

Для меня «ниточка» от таких стихов тянется к поэзии Бориса Корнилова, очень броской и оригинальной. Шутка, необычное вплетение в стихи просторечных, а то и расхожих канцелярских слов создают впечатление особой близости автора к нам, его читателям:

*И на третье так поцеловала –
никаких компотов не хочу.
.....
Что такое осень для меня?
Это преимущественно – туча,
без любви, без грома, без огня.*

А редкая, можно сказать, «корниловская» инверсия стала отличительной особенностью стихов этого поэта:

*...постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна.*

У Щитова, разумеется, своя стилистика, свой юмор. Хочу лишь подчеркнуть, что и то, и другое плодотворно для поэзии и вовсе не мешает своеобразию каждого автора.

И в молодые, и в зрелые годы Анатолий Щитов писал поэмы. Они не равноценны. Если в таких произведениях, как «Повесть о детстве», «Федя Марков», сюжеты событийные и лирические расплывчаты, композиция страдает рыхлостью, то в драматической поэме «1600» (автор назвал ее «Сценами») канва описанного страшного события времен гражданской войны четкая; поэтический рассказ, очень емкий и запредельно трагический, сосредоточен на кульминации, развязке одного из злодеяний братоубийственной бойни. В основе поэмы – реальный случай. В 1919 году отступающие, по сути, разгромленные белогвардейцы уничтожили в родном городе Щитова Троицкосавске (Кяхта) тысячу шестьсот пленных красноармейцев. Их расстреливали, рубили шашками прямо в застенках. Поэт стремится раскрыть психологию одного из убийц, руководивших расправой, сотника Соломахи. Обезумевший от ненависти, он уже потерял человеческий облик и упивается картинами гибели своих жертв:

*Забавней, поручик, думать просто о мертвых.
Представьте выцветшие от страха глаза,
ладони, покрытые пятнами мокрыми,
и вдруг ничего –
выстрел, труп и склоненные над ним небеса.*

Выходит, что и сам Соломаха – тоже жертва: распад личности – это и есть смерть. Точно так же можно считать жертвой бойни и безымянного поручика, участника убийств, и девушку Раю, возлюбленному которой предстоит казнь.

Поэму «1600» можно считать большой творческой удачей автора.

Анатолий Владимирович много переводил – с бурятского, монгольского, эвенкийского языков. Такой мастер национальной лирики, как Николай Дамдинов, доверил ему перевод своей лучшей поэмы «Имя отца» (как и Евгению Евтушенко, и Михаилу Луконину), а также поэтической «Легенды об Ангаре». А.Щитов познакомил русского читателя со стихами Бавасана Абидуева, Цэдэна Галсанова, Даши Дамбаева и других известных поэтов республики. Он открыл для нас талантливого самородка – эвенкийского лирика Владимира Лоргоктоева, жившего на севере Бурятии. Все стихи, вошедшие в первую и единственную книгу этого автора, переведены А.Щитовым.

Немало творческих сил и времени отдал Анатолий Владимирович прозе и драматургии. Его повесть и рассказы, опубликованные в сборнике «Туда, где Люси», пользуются заслуженным вниманием молодежи. А несколько пьес А.Щитова – «Тайга, тайга», «Крик в тайге», «Ради этой минуты», «Волчий лог», поставленные на сцене Русского драматического театра им.Н.Бестужева, думается, не утратят и в будущем интереса для зрителей. В каждой из них – напряженный, динамичный сюжет, необычные, запоминающиеся характеры сибиряков.

У тех же, кто хорошо знаком с поэзией Анатолия Щитова, уверен, остаются в памяти искренние, лишенные всяких амбиций, но и житейски мудрые, и полные достоинства, и чуть ироничные строки:

*Все было в жизни, что ни говори:
и радости, и огорченья.*

*Попробовал немало я печенья,
но зубы обломал о сухари.*

*Все было в жизни. Я не позабыл
те вечера в черемуховой пыли –
меня такие девушки любили!
Но сам я никудышнюю любил.*

*Все было, если подводить итог
и хоть разок пошевелить мозгами –
я каждый день был окружен друзьями,
но в сущности всегда был одинок.*

*Все было – сахар с солью пополам.
И если ты вдруг скажешь мне с ехидцей,
что можно было многого добиться,
то – бог с тобой! – я это знаю сам.*

*Но знаю я и про свои войска.
И ты, мой друг, меня не балуй,
пускай мои болтают генералы,
я, как Кутузов, помолчу пока.*

ЗҮРХЭНЭЙ ЗОБОЛОН

Анатолий Щитовой, республикын бэшэшье минии үсын поэдүүдтэй хамта гар гараа барисалдан зохёохы замайнгаа ехэнхи хаһые үнгэргэһэн гээшэбди. «Амар сайн, ажамидарал!» («Здравствуй, жизнь!») гэхэн хамтын согсолбори хэблүүлжэ гаргаа һэмди. Щитов бидэнһээ наһаар аха һэн. Тиихэ үедэ тэрэ Омск хотын хүдөө ажахын институт дүүргээд, Улаан-Үдэ шадар хүдэлжэ байгаа. Мэргэжлээрээ поэзидэ дүтэ бэшэшье наа, үшөө оюутан ябахадаа литературна бүлгэмдэ ороһон байгаа. Хүдөө ажахын предметээр нэгэ үедэ Сергей Залыгинда заалгаһан, һүүлдэнь Залыгин «Новый мир» гэжэ мэдээжэ томо сэтгүүлэй ахамад редактораар ажаллажа, хураг суутай прозаик болоо һэн.

Залуудаа бидэ хэн нэгэнэйнгээ түрүүшынь номой гарахые хүлээжэ ядан байдаг һэмди. Атаархал гээшые оройдоо мэдэхэгүй, үшөө нэгэ нүхэрнай номоо гаргажа, ёһотой поэт болобо гэжэ хүхихэш. Анатолий Щитовой түрүүшын номдо рецензи бэшэһэнээ мартажархёод ябааб, гэнтэ ханажархёод, «Бурядай залуушуул» сониной подшивка сооһоо бэдэржэ олооб. Багахан хэһэг тэрэ рецензиһээнэ эндэ дурдаһуу, юундэб гэхэдэ тиихэдэ бэшэһэн ханамжануудни зүб байгаа гэжэ мүнөөшье ханагшаб.

«Эдэл шүлэгүүдые сонинуудта, сэтгүүлнүүдтэ уншаһан байхаш. Нэгэндэнь дутуу дундые олохаш, нүгөөдыень һайн гээд магтахаш, теэд шүлэгүүд эндэ тэндэ таранхай, шүлэг бүхэниинь амяаран байхадаа, юуншые гэжэ тобшолол хэһын аргагүй. Мүнөө нэгэ ном болон сугларанхай байхадань, автор өөрын темэтэй, энэ тэрэ юумэн тушаа өөрын хараа бодолтой гэжэ харагдаадхина. Юу хэжэ үрдэбши? Юу хэхээ байнабши? Ажабайдалдаа ямар юумэ баримталжа ябанаш? Анатолий

Щитовой шүлэгүүд соо гол юумэнийн гэхэдэ, ухаан бодолоо гүйлгэжэ, харюу үгэхые оролдодог байна. «Зүрхэмни зобоно» гэхэн үгүүлэл олон шүлэгүүдтэнь ажаглахаар. Энэ ном соо ороһон олохон шүлэгүүд соо зүрхэнэй зобохые ажагла-набди:

*Гэрнай захада гээд,
хажуу талада байдаггүйбди,
Гүрэн түрэдөө ямаршье туһа асарангүй,
Наһа дүүрэнэн хүниие харахадам,
Нюдэнһөөм нулимса набиржа байһандал...*

Үгы хаа энээн тухай бүри тодорхойгоор:

*Богоһо алхахаа байхадаа, хэдыдэхэе гээшэб –
Баһал зобожо зүрхэм ехээр үбдөө һэн.
Ехэ юумэ хэжэ шадаха зоние хаража,
Шадаха аад лэ, шадаагүй зоние хайрлажа.*

Автор мартамхай аад лэ, иигэжэ дабтана гү гэжэ ханабат. Тиимэ бэшэ. Энэ бодол ном соо эхинһээ һүүл хүрэтэрын байхадаа, үгэлхэ бүринь ондо ондоогоор зэдэлхэ юм. Бодомжолжо, уураг тархия хүдэлгэн, ухаан бодолоо гүйлгэдэг шүлэгшэд поэзидэ бии боложо байна, бодолнуудын хоһон, хүйтэн, жэжэ божо юумэн бэшэ, гүнзэгы бодолнууд авторые эзэлнэ гэжэ анхархаар. Щитовой уянгын герой залуу, эршэтэй, ямараар ажаһуужа, энэ дэлхэй дээрэ мур сараа үлөөхэб гэхэн асуудалдаа харюу ходо бэдэрнэ.

Дээрэ дурсагдаһан мурнууд ямар нэгэн лозунг-уряал мэтээр зэдэлнэ гэжэ хэншьеб хэлэхэдэ болохо. Юундэб гэхэдэ, эдэ мурнууд шүлэгһөө абтаһан хадаа, модонһоо таһалһан мүшэрхэн мэтэ, шүлэгэй бүхы удха нээнэгүй ха юм. А. Щитовой ном нээжэ харабал, залуу хүнэй эрхим зохёолнууд уянгатай, аянгатай гэжэ обёорхоор. Шагныт даа:

*Үлир сэсэглээд газаа түлэг дундаа.
Үлүүсэ дошхоноор ургана, ургана.
Холоһоо даа хангалын хүниие һогтоогоод,
Хүнэй толгой үбдэхөөнэ, үбдэхөөнэ.*

Анатолий Щитовой уран зохёолдо абаһан эхин амжалтатай шударгы байбашье, түрүүшын номые уншаһан хүн дахинаа номойн хэзээ хэблэлһээ гарахые хүлээжэл байха ёһотой».

«Стихи для друзей», «Стихи о белом потолке», «Красная осень», «Признание» гэхэн номууд соонь ороһон шүлэгүүд болон поэмэнүүдэйнгээ темэнүүдые үргэдхэжэ, үшөө баян, үшөө удхатай гүнзэгы болгожо, уншагшадаа баярлуулаа. Юрын мэдүүлэлнүүдые оруулжархихадань шүлэгүүдын уянга мурөө алдажа, оншогүй болошодог байһанаа, мүнөө Анатолий бодолоо бүри наринаар, метафора хэрэглэн гаргадаг болонхой. Энэнь бидэнэй ухаан бодолоо гүйлгэжэ, шүлэгэй мурнуудые ухаандаа хадуужа абахадамнай туһатай байна.

*Үглөөгүүр соносоо: аадар орохонь гэжэ,
Үзэлэй юумэн болохонь гэжэ бодооб,
Сахилзаан зуралзан гэрьем шабхуурдахань гэжэ,
Сахилзан мүнөө шабхуурдажал мэдэбэ гээшэ.*

*Гэрэйм хушалта угаана, үйлсэ һэлюурдэнэ,
Кепкээ үмдөөд, газаашаа гүйжэ гаранаб.
Шэхэмни дүлирхэнэ гэжэ ханаад,
Шалбаагууд болоод үйлсөөр бороон тарашанхай
Шалшагганан хүл доогуурни мүнөө урданхай.*

Уянгата шүлэгүүдэйн түхэл, хэлбэри маяг тухай хэлэхэ гээ юм хаа, уран зо-
хёолдо үнинэй орожо дүршэлтэй болоһон авторые бэшэнһээ илгаруулдаг сохом
өөрын маяг Анатолий Щитовой эрхим шүлэгүүд соонь ажагламаар байн. Ехэ шу-
хала юумэндэ үнгэ зүһэ оруулжа, уйдхартайшые юумые энеэбхилэн, наадалан
нагад хаража үзэхэ гээшэ уянгата ушардаг хоморой шанар гээшэ:

*– Юум? – гээд, хүнэгүүд мухарилдаа.
– Настя гүш?
– Ши хэмши, Василий гү?..
Урдам ерээд зогсонол
Угаа тарган тэрэ хүн.*

.....
*Саашалнаб. Настиие хайрланаб.
Энэ жаргалын байбалтай...
Юуниинь муу байгаа юм,
Юрэ хайн лэ байдалтай,
Хилээмэн, өөхэн байгаал бол,
Хүдөөдөө хүндэтэй ябаа бол,
Гэртэйш нэгэ хүхюун хүн –
Гурба тойрожо барихаар үргэн.*

Үшөө нэгэ юумэн тухай хэлэхэдэ, поэт синтаксисай гуримай ёһоор мэдүүлэл
байгуулхадаа, нэгэ хүлээгдээгүйгөөр мэдүүлэл зохёоно:

*Ябахадаа тамаржа ябаһан мэтэ,
Шарабтар гээгээ, духань маһайна,
Шуурга халхяар манатаһан нюдэд
Шаналал уйдхараар шамайе харбабал,
Шэшэрхэши даа, айжа хүрдэн.*

Эдэ шүлэгүүдые хаража байхада, Борис Корниловой поэзи ханаанда ороод-
хино. Орёо бэшээр бүрилдэһэн юрын үгэнүүдэй хоорондо зугаа наада, шүлэгэй
бэшэ, юрын зугаа үгэнүүдые оруулжархихадань, уншагшадта дүтэ болоһон мэтэ
байдаг хэн:

*Гурбадахя, таалажал мэдээ –
Ямаршые хомпоод мүнөө хэрэггүй намда.*

.....
*Намда юум даа намар?
Намжагар үүлэн ехэнхидээ,
Дуран үгы, дуун үгы, гал үгы.*

Корниловой шүлэгүүдтэл адли инверситэй шүлэгүүд:

*...дайнай урдахи үеын нимгэн сэмбээр оёгдоһон
Пиджаагаа тайлаад, ногоон дээрэ дэлгэхүү.*

Щитовой шүлэгүүдтэ өөрын стилистика, өөрын наада зугаа бии. Алиниин-шье поэзидэ шухала, автор бүхэнэй өөрын нюур шарайтай байха гэбэл, хаалта болохогүй.

Залуудаашье, наһатайшье болоод байхадаашье Анатолий Щитов поэмэнүүдые бэшэдэг бэлэй. Эдэнэ бэе бээтээ адли бэшэ зохёолнууд нэн. «Повесть о детстве», «Федя Марков» гэжэ зохёолнуудайнь сюжетүүд боложо байгаа үйлэ хэрэгүүдэйн-гээ, уянгынгаа талаар хулашаг нэн, композициингаа талаар баһал ханаһанда хүрэхгүй байгаа, «1600» гэжэ драматическа поэмэ соонь (автор энэ зохёолоо «Сценэ-нүүд» гэжэ нэрлээ) граждан дайнай үедэ болоһон үйлэ хэрэгүүд ехэ хүрөөтэйгөөр харуулагдаа. Ехэ трагическа юумэ зураглаһан шүлэглэмэл хөөрөөн аха дүүнэрэй хоорондын алалсаан хюдалсаан тухай түүрэнэ. Поэмэ соо болоһон үйлэ хэрэгүүд үнэн дээрээ болоһон байна. 1919 ондо сухарижа ябаһан сагаантан Щитовой түрэл хото Троицкосавскда (Хягта) плендэ абтаһан 1600 улаантаниие алаа ха юм. Тэдэниие буудаж, хэлмэ жадаар хадхаж алаһан гэдэг. Энэ алалсаанда хабаадаһан сотник Соломаха гэжэ алууршанай досоохи ханал бодол нээхые поэт оролдоо. Хүниие үзэн ядажа байһан энэ хүн зоной зобохо тулихые хараха дуратай байна.

*Поручик, үхэхэн зон тухай гансал бодохо бэшэ,
Айһандаа сайшаһан нюдыень хараха,
Айһандаа нойтон болошоһон альгануудыень,
Хаража абахаи. Буугай абяан дуулдаад,
Үхэхэн бэень тэнгэри дор хэбтэхэ.*

Соломаха өөрөө баһал алууршадһаа хохидоһон хүн болоно. Дайн байлдаанһаа хосорһон зоной тоодо нэрэгүй поручик, Рая басаган гээд бултадаа ороно.

«1600» гэхэн поэмэ ехэ хайн зохёол болоо гэхээр.

Анатолий Владимирович буряадһаа, монголһоо, эвенк хэлэнһээ ород хэлэндэ оршуулдаг байгаа. Тэрэ Евгений Евтушенкэтэй болон Михаил Луконинтой хамта Николай Дамдиной «Эсэгын нэрэ» гэжэ поэмые ород хэлэндэ оршуулһан бшуу. Мүн Николай Дамдиной «Ангар тухай домог» баһал оршуулһан юм. Гэхэхээ гадна, А.Щитов ород уншагшадые Бавасан Абидуевай, Цэдэн Галсановай, Даша Дамбаевай болон бусад республикын мэдээжэ поэдүүдэй шүлэгүүдтэй танилсуулһан юм. Бурядай хойто зүгтэ ажаһуудаг эвенк поэт Владимир Лоргоктоевой шүлэгүүдые бидэндэ оршуулжа үгөө. Энэ авторай бүхы шүлэгүүдые А. Щитов бултыень оршуулһан байха юм.

Мүн прозошье, жүжэгүүдыешье бэшэжэ туршадаг нэн. «Люсиин ошоһон тээшэ» гэхэн согсолбори соо ороһон туужа болон рассуказынь зондо хайшаагадаг. Харин А. Щитовой «Тайга, тайга», «Тайга соо шууян», «Энэ минутын түлөө», «Шонын эшээн» гэхэн Ород драмын театр соо табигдаһан жүжэгүүд хожомоошье зоной һонирхол татажал байхань дамжаггүй. Эдэ жүжэгүүд эршэтэй сюжетүүдтэй, геройнуудайнь зан абари шанганууд.

Харин Анатолий Щитовой поэзидэ дуратайшуул юрын хэбэртэйшье хаа, сэсэн мэргэн бодолнуудтай, удхатай ба шог зугаа дэлгэхэн шүлэгүүдыень хэзээдэ-шье мартахагүй.

*Наһан соомни бүхы юумэн үзэгдөө,
Баяришье байгаа, голхоролышье яһала.
Печенишье багаханаар хазажа амтархааб даа,
Хатаһан хилээмэ мэрэжэ шүдөө хухалааб даа.*

*Наһан соогоо юумэ үзөөб яһала, мартаагүйб –
Мойхоор хангалтаһан үдэшэнүүдиһе үнгэрөө –
Эрхим басагадай дура үзэһэниһе байхаб,
Эгээ яндандань дурлаһандаа теэд яахаб.*

*Дүн гаргаха гээ хаа, бүхы юумэн олдохо,
Нэгэл дахин уураг тархья хүдэлгэ –
Үдэр бүри нүхэд олонтой ябаашье хаа,
Олоной дунда ори гансаарханаа бэлэйлби.*

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Стихи. – Улан-Удэ, 1964.

Стихи для друзей. – Улан-Удэ, 1970.

Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.

Баллада о белом потолке. Стихи. – Улан-Удэ, 1975.

Красная осень. Стихи. – Улан-Удэ, 1979.

Туда, где Люси. Повесть, рассказы. – Улан-Удэ, 1983.

Признание. Стихи. – Улан-Удэ, 1991.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Баллада о белом потолке. Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 14. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Субботин А. Руку – на дружбу. – Правда Бурятии, 1971, 24 января.

Голубев Е. О современниках свежо и ярко. – Молодежь Бурятии, 1973, 16 августа.

Паликова А. От первой книги – к третьей. – Байкал, 1977, № 2.

Липатов В. Постигая поэзию жизни. – Молодежь Бурятии, 1977, 5 июля.

Без указ. автора. Щитов Анатолий Владимирович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Хамаганов М. В поисках правды. – Молодежь Бурятии, 1982, 31 июля.

Липатов В. Дорогой первопроходцев. – Молодежь Бурятии, 1984, 24 апреля.

Паликова А. Стихи не замирают. – Правда Бурятии, 1993, 25 февраля.

Бухаев С. «И от того стихи не замирают...» – Бурятия, 1993, 26 февраля.

Цыденова И. 60 лет поэту А.В.Щитову // Знаменательные и памятные даты по Бурятии на 1994 год. – Улан-Удэ, 1993.

Якунаева Т. «Мне мое призвание явилось...» – Бурятия, 1993, 19 ноября.

Цыденжапов Ш. Откровения в «Признании». – Правда Бурятии, 1993, 21 декабря.

Голубев Е., Еронов Д. «Я себя не мыслю без России...» – Вестник Бурятии, 1994, 10 февраля.

Паликова А. Анатолий Щитов // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Тулохонов С. Щитов Анатолий Владимирович // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.

Голубев Е. По путевке собственной души. – Бурятия, 2004, 28 апреля.

Ильина Н. Поэт из твоего подъезда. – Прайм ТВ, 2004, 5 мая.

**Дондок Аюшеевич
УЛЗЫТУЕВ
(1936-1972)**

ПОДАРОК ЕГО – АЯ ГАНГА...

На просторах Бурятии, в сухих степях, лежащих между отлогими безлесыми сопками, растет трава с мелкими голубоватыми цветами. Русские забайкальцы в старину называли ее богородской травой, вероятно, за то, что она приносила исцеление от многих болезней, а может быть, за то, что имела благовонный запах. Буряты называют ее звучным, красивым словом «ая ганга». Об особом отношении к ней в народе поэтично рассказал бурятский лирик Дондок Улзытуев:

*Есть обычай такой –
обживая жилище свое,
скотовод зажигает
у входа в жилище ее,
и, пока он сидит,
с гостями беседуя,
ая ганга курится
дымом бессмертия.
Дым горек до слез,
дым и сладок до слез...
Посмотрите –
я вам
ая гангу принес.
По страницам
рассыпал я эту траву.
В этом запахе –
то, чем дышу и живу...*

*Если хочешь, мой друг,
привезу я с собой
много-много
пахучей травы голубой...*

Ая ганга... Стоит только произнести это слово, и перед глазами предстает образ Дондока Улзытуева, вспоминаются строки его стихов. Дело не только в том, что название этой травы часто встречается в стихах поэта, что оно стоит на обложке одной из его итоговых книг на русском языке. Я воспринимаю эту траву родной земли как поэтическое открытие Д. Улзытуева. Точно так же, как другим принадлежат открытия новых минералов или звезд на небе. Это название вдруг вместило в себя звуки, запахи и краски древних бурятских степей: трель жаворонка в вышине, аромат скошенных и увядающих цветов, пестроту веселого ехора на летней поляне... Такие счастливые открытия приходят к поэту, как плата за неизбывную любовь к родным просторам, чуткую отзывчивость к людям, обостренную память сердца. Дондок Улзытуев не раз исповедовался:

*Так, значит, ясна и законна печаль,
и память, и вечная тяга к отчизне.
Где б ни был – со мною повсюду печать
печали по милой реке, по лощине,
где прячется детство в зеленой траве.
где бьется поток о холодные скалы.
где реки начало берут в синеве
и мчатся в священное лоно Байкала...*

Удивительное дело: очень часто в основе улзытуевского стихотворения – бытовая картинка, событие обыденной жизни, но какие глубинные чувства поднимают они со дна души, какой нежностью согреты слова! Вот начальные строки нескольких его стихотворений:

*Отелилась корова...
Мычанье ее
колыбельной песне бурят подобно.
.....
Мэндэ!
Крепки ли здоровьем вы?
Крепки ли телята?
Крепки ли кони?
.....
Шибертуй, родное село...
Тихо еду, уздечкой звеня...*

Можно было процитировать каждое из них до конца, и мы убедились бы, сколько неповторимых образов, благодарной любви и раздумий о жизни рождено в них будничными приметами бурятского улуса. Откуда эта способность переплавлять в поэзию обыденное, петь, «задыхаясь от вдохновения», о неброской красоте земного? Один из друзей Дондока Улзытуева, поэт Станислав Куняев справедливо отметил родство его стихов с «творческим наследием предков» – народной поэзией, для которой каждодневные заботы и чаянья простого человека

были главными. «...Преданья и легенды когда-то кочевого народа, – писал С. Ку-
няев, – были для него открытой книгой». А стали они открытой книгой для поэ-
та потому, добавим мы, что он был сыном этой степи, ее жителем, ее работником,
ее певцом.

В Бичурском районе Бурятии есть село, закрытое со всех сторон отлогими
сопками. Одни из них безлесые, травянистые, другие покрыты темными пятнами
сосновых перелесков, третьи взяты в полон таежной густой чащей. Село получи-
ло название от речки, извивающейся между холмами, – Шибертуй. Здесь приволь-
но скоту: в долинах сочна трава, на взгорье, на ветру не тревожат пауты, в тени пе-
релесков – прохлада. И люди издавна занимаются тут скотоводством. Выросший
здесь в простой трудовой семье, Дондок Улзытуев и в детстве, и в юности, и в зре-
лые годы не забывал извечных забот скотовода, близко к сердцу принимал жизнь
родного села. Надолго запомнилась мне встреча с поэтом в Шибертуе, в доброт-
ном доме его матери. В то лето он, за два-три года до этого закончивший Литера-
турный институт имени Горького в Москве, помогал матери на сенокосе, работал
в сельской кузнице, находил дело в степи. Он был своим и в доме соседа-чабана, и
в бригаде косарей. Впрочем, об этом не нужно говорить подробно. Поэт сам в сво-
их стихах хорошо показал, что открытой книгой для него были не только легенды
и сказания, но и труд, думы, радости его народа:

*Что за шум, что за шум над рекою поднят?
Все гуляют сегодня,
давайте гулять!
На земле, размером в войлочный потник,
будем ёхор играть,
будем ёхор играть!
Кто косил, стоговал,
кто держал иштурвал,
кто летел на машине в пыли;
кто водил овец,
кто варил обед, – ну-ка, в круг!
Шибче пошли!
Ну-ка, милая, выйди,
не бойся – выйди,
опахни рукавом, как крылом,
в золотистой шапке из выдры
и в тэрлике голубом!
Я слежу, не дыша,
за вечерней игрою.
Все сместилось в глазах –
земля, вышина...
Лишь летит золотое и голубое!
Голубая страна...
Золотая страна!*

Но значит ли сказанное выше, что бури большого мира не волновали
Д.Улзытуева, а народная поэзия была для него единственной школой в литера-
туре? Совсем нет. Он много и настойчиво учился – и в студенческих аудитори-

ях Литературного института, и у русских поэтов, и у мастеров современной лирики братских республик страны. Совсем не случайно, что Дондок Улзытуев дебютировал в печати на русском языке циклом стихов «Пятнадцать песен» в переводе Евгения Евтушенко. Один из русских поэтов, вошедших в литературу в пятидесятых-шестидесятых годах, Е. Евтушенко бережно передал чистоту и непосредственность стихов своего бурятского друга, их неповторимый аромат.

Не случайно и то, что при первом же знакомстве с Дондоком Улзытуевым, прочтя в подстрочных переводах его строки, талант молодого автора высоко оценил такой требовательный мастер, как Ярослав Смеляков. При его содействии «Пятнадцать песен» были опубликованы в журнале «Дружба народов».

Улзытуев не раз с благодарностью писал о том, что дала его душе богатейшая культура многонациональной Родины:

*Я возвратился оттуда,
где наука солнечными пальцами
нащупала пульс космоса,
где все говорило:
«Учись!»,
где люди себя не чувствуют
вдали от отчизны скитальцами,
ибо Москва для планеты –
это отчизна отчизн.*

И еще – в поэтическом обращении к Байкалу.

*Ветер России великой
трепал мои черные волосы.
Вошла в меня жизнь России,
в мысли и бытие.
Я изумлялся доброму
нежному сердцу Волги.
Тебе и твоей дочери – Ангаре –
поклон от нее!*

Любознательность, жажда открыть для себя не только новые пространства нашей обширной страны, но и малознакомые пока культуру, быт, поэзию ее народов, казалось, все время толкали его в иные места, к друзьям, с которыми его свела Москва. Дондок Улзытуев бывал в Прибалтике, на Кавказе, в республиках Средней Азии, в других уголках страны и оставил, как сердечные признания друзьям, искренние стихи: «Дорога на запад», «С берегов последнего моря», «Отец и сын», «Песнь Солнцестану», «Песнь о Тахире», «Под небом Бухары». Строки этих произведений свидетельствуют о том, как напряженно размышлял он о духовном единстве наших народов, о долге поэта воспеть их братство. Ведь это в его сердце родились точные, афористичные строки об истоках дружбы людей в советской стране:

*Кто сблизил нас?
Объединил теплом?
Я думаю, что это сделал Ленин...*

И может быть, после таких раздумий усиливалась требовательность поэта к своему творчеству:

*Я жил на Памире,
на Балтике жил
и слово нашел для них,
о юности много песен сложил
звонких и удалых.
Любви и добру
я отдал дань...
Но мне
говорит жизнь:
– Трезво
на прожитый путь глянь
и не очень гордись.
Время скажет «да» или «нет»,
проверит
твою строку.
Вечно
тебе пребывать, поэт,
у народа в долгу.*

Поэт глубоко современный, Дондок Улзытуев страстно писал о своем восхищении человеком, поднявшимся к звездам, о ненависти к тем, кто поработает людей физически и духовно, об угрозе войн. В его стихах – тревога за мир на земле, мечта возродить мертвые пустыни или желание соединить пропасть, разделяющую государства планеты, – все это так же близко и естественно для него, как привязанность к родному селу, как нежность к любимой. Гуманистические идеи, так сильно звучащие в поэзии, в том числе и в бурятской лирике, выражены Дондоком Улзытуевым с особым вдохновением:

*Я мечтаю, чтоб люди
и деревья друг друга поняли,
объединенные дружбой,
огромною, как земля;
чтобы клен миссурийский,
желтый сандал Японии,
наш кедр
и лианы над Гангом –
были одна семья!
Плод перезревший Европы,
изрезанный, в шрамах и плесени,
я не хочу, чтоб ты снова
голод узнал и бои.
Пусть и тебя коснутся
мысли мои и песни,
пусть и тебя охватит
нежность моей любви.*

С именем Дондока Улзытуева связано не только расширение тематического диапазона бурятской поэзии, но и дальнейший поиск в области поэтической формы. Талантливый лирик творчески использовал традиции восточной поэзии, смело обращался к белому стиху – верлибру. И на этом пути он добивался успеха, потому что исповедовался перед читателем с предельной искренностью, а говорил о главном – о любви к земле и людям:

*Я ушел бы навек из аила –
вспомню мать и уйти не могу.
Я ушел бы из этого мира –
вспомню родину и не могу.*

Он ушел из жизни тридцатишестилетним. Но остался в поэзии, в сердцах читателей. Остался стихами, в которых живет многозвучный и красочный мир – от высоких горных вершин до любимой им ая ганги.

АЯ ГАНГЫН ОРОНДО

Хуурай добо газараар хүхэбтэр сэсэгтэй ногоон ургадаг. Элдэб үбшэнһөө эмшэлдэг байһандань гү, али хангалтама хайхан үнэртэй байһандань, Байгалай ара талада ажаһуудаг ородууд энэ ногоое «богородская трава» гэжэ нэрлэдэг байгаа юм. Буряадууд энэ ногоое «ая ганга» гэхэн гоё үгөөр нэрлэдэг бэлэй. Энэ ногоондо буряад хүн онсо мээхэйгээр хандадаг юм гэжэ Буряадай уянгата ирагуу найрагша Дондок Улзытуев бэшэһэн байдаг:

*Амитан бүгэдын
Амисхаалда
Аятай хайхан,
Алас холын
Аян замда
Ашатай байһан,
Нарай балиар
Наһыемни
Нараар гишэн,
Наһажал эжым
Уян сэдхэл
Намаажуулһан,
Газар дайдым
Сээжэ бүрхөөн,
Гарааш хонишуу,
Гангар гунгар
Галуун дуунайм
Ганганаанишуу
Алтарганын үүри болон,
Амаржаһан
Арад зонойм
Юрөөл болон,*

*Алдаршаһан
Ая ганга,
Ая ганга!*

Ая ганга... Иигэжэ үгүүлхэтэй хамта нюдэнэй урда Дондок Улзытуевай дүрсэ бии болоһондол, шүлэгүүдэйнь мүрнүүд ханагдаадхидаг. Энэ ургамалай пээдэй зохёолнуудта ходо ушардаг гансашье иимэ шалтагаанһаа боложо бэшэ, харин ород хэлэн дээрэ мэндэ байхадань гараһан номойнь гадар дээрэ энэ ургамалай зураг байдаг һэн. Шэнэ минералнуудые гү, али тэнгэридэ одо нээһэн зон өөрынгөө нэрэ эдээндээ үгэдэгтэнь адли, Дондогой нэрэ энэ ургамал зүүжэ ябаха, буряад зондо нээжэ үгэһэн ургамал мэтээр би тэрэниие ханадагби. Буряад тала газарай үнгэ, хүгжэм, хангал, жэргэмэлэй жэргээе, сабшагдаһан ногооной анхилаа, зундаа хүхюун ёохорой дуу хүгжэм энэ нэрэ соо бултадаа ороод байһан шэнги ханагадаг.. Хүндэ дулаанаар хандадаг, тоонто нютагтаа дуратай, дурасхаал хайтай зондо иимэ жэгтэй нээлтэ үгтэдэг юм гү, Дондок Улзытуев энээн тухай нэгтэ бэшэ бэшэдэг байгаа:

*Түргэн ехэ Буряадни
бүгэдые багтаагаа.
Түргэн уһата гол мүрэнүүд
Байгал тээшэ эбхэрээ.
Элдин һужааг Хяагтамни
нээгээд алтан бартаагаа,
Энгэр ногоон тайгаяа
үбэр дээрээ энхэрээ.*

Жэгтэйнэ гэхэдэ: Улзытуевай шүлэг соо ажабайдалай ямар нэгэн юрын үзэгдэл, зураг, үйлэ хэрэг тухай хэлэгдэхэдээ, поэт ямар урин дулаан үгэнүүдээр тэдэниие зураглан харуулдаг гээшэб:

*Үүрээр тугаллаһан үнээнэй үүгэнээ шагналиши.
Үлгын дуунай аянгыё хануулна.
Мэлмэн нюдөөр мэшэсэн байжа.
Мээхэй урйар хүхэнэн хүхэнэн хүхүүлнэ.*

.....
*Жэлэй дүрбэн сагта ажалай ашаар амидарһан
Жэнхэни буряад арадай байдал шэрүүн.
Ууган сагаан угыень удхалхынгаа урда тээ
Уудам талын заншалаар амаршалай түрүүн:
Мэндээ!*

.....
*Шэбэртэ. Хэн иигэжэ нэрлээб. Бү мэдэ.
Шэбэр шугыгаар сэлээн соогоо алдаршаа.
Шэнэһэтэ ой. «Сэгнэгты», – гээд Улаан-Хада
Шэдэлнэ хормой дороһоо аршаан.*

Ямар нэгэн шүлэгыень эхинһээнэ эсэс хүрэтэр дууһыень дурдан харуулбал, энэ элээр харагдаха байгаа, буряад һууринай юрын ажабайдалые зураглан харуулхадань, хэды гэгшын гоё хайхан дүрсэ-образууд гуурһан дороһоонь гараа

гээшэб! Юрын юумые дуун болгожо, поэзиин амисхал оруулха шадабари хаанаһаа энэ хүндэ үгтэһэн гээшэб гэжэ гайхахаар. Юрын хүнэй үдэр бүрийн һуудал байдал эгээл шухалада тоолодог арадай поэзиһээ Дондок Улзытуевай шүлэгүүд һабагшалһан гэжэ поэдэй нүхэр Станислав Куняев тон зүб ажаглалта хэһэн байдаг. «Нүүдэл арадай үльгэр домогууд Дондок Улзытуевай урдаа табяад байдаг ном һэн», – гэжэ Куняев дэмы бэшээгүй. Юундэ иигэжэ урдаа табиха номын болоо юм гэбэл, Дондок Улзытуев өөрөө энэ үргэн тала дайдын ёһото хүбүүн, ажаһуугшань, ажалшаниинь, дуушаниинь байгаа ха юм даа.

Бүхы тээһээ хада, болдогуудаар хүрээлээтэй нэгэ нютаг Бэшүүрэй аймагта бии юм. Шэбэртэ гэжэ горхоной нэрээр нэршэһэн энэ нютагта тала газарайнь ноогоон шэмэ шүүһэтэй, һүүдэр газарта һэрюун, һоно батагаан гэжэ үгы юм. Эндэхи зон мал ажалаа эрхилээд лэ ажаһуудаг. Энэ нютагай нэгэ ажалша малша бүлэдэ түрэхэн Дондок Улзытуев багадаашье, эдир залуу ябахадаашье, һаһатайшье боложо ябахадаа, мал ажалые, түрэл нютагаархинайнгаа байра байдал сэдхэлдээ тон дүтөөр һанажа ябадаг бэлэй. Шэбэртэдэ ошоод, тэбхэр томо гэр соонь эжытэйн уулзаһанаа мартадаггүйб. Москвагай Литературна институт дүүргэһээр хоёр-гурбан жэл үнгэрөөд байхада, тэрэ минии ошоһон зун поэт эхэдээ үбһэ сабшахадань туһалжа, хүдөөгэй хүүзэнсэ дээрэ хүдэлжэ байгаа. Хүршэ хонишоной гэртэшье, үбһэ сабшагшадай бригададашье поэт өөрын хүн һэн. Энээн тухай шүлэгүүдтээ тэрэ тон һайнаар бэшэһэн, гансашье домогууд болон үльгэрнүүд тэрэнэй ном болоогүй, харин ажал хэрэгүүдын, һанал бодолнуудын, баяр баясхаланиинь зүрхэндэнь эгээл дүтэ ном шэнги бэлэй:

*Хүнэг бариһан һамгад
Соолго дээрэ сугларжа,
Хүйтэн үбэлэй жабарта
Хүдөө нютагайнгаа һонинише
Хөөрэлдэхэ забдагүй.
Хүнэг һуулгаа үргэлөөд,
Кухни руугаа жороолнод.*

Дэлхэй дээрэ боложо байгаа ехэ үйлэ хэрэгүүд Дондок Улзытуевай сэдхэл дайрадаггүй, доһолгодоггүй байгаа, гансал арадай поэзи тэрэнэй һургаал, һуралсал болоод үнгэрөө гү? Үгы бээ даа, Литературна институттэ, ород поэдүүдэй шүлэгүүдһээ, үргэн уужам СССР гүрэнэйнгөө олон тоото аха дүү арадуудай поэдүүдэй шүлэг, зохёолнуудһаа поэт олон юумэ мэдэжэ абаһан, дүй дүршэл олоһон лэ байгаа. «Арбан табан дуунууд» гэжэ Евгений Евтушенкын ород хэлэндэ оршуулһан шүлэгүүдээр поэт ород уншагшадта мэдэжэ болоһон бшуу. Табяад-жараад онуудаар уран зохёолдо хамжан ороһон ород поэдүүдэй нэгэн, Евгений Евтушенко буряад нүхэрэйнгөө шүлэгэй дабтагдашагүй хангал, сэбэр сагаан сэдхэлэй дууе тон наринаар, гамтайгаар ород хэлэндэ оршуулһан байдаг.

Дондок Улзытуевтай түрүүшынхээ танилсаад, подстрочнигыень уншаһан Ярослав Смеляков залуу поэдэй талаан бэлигые дары онигожо, «Дружба народов» сэтгүүлдэ «Арбан табан дуугаа» толилходонь туһалһан юм.

Олон үндэһэ яһатанай баян соёлһоо зүрхэндөө ехэ баялиг абаа һэм гэжэ ходо поэт хэлэдэг байһан юм:

*Баһал дахяад, шэнэ хабарай ерэхэдэ,
Бамба сэсэгүүд мүндэлөө. Тэрэ үдэрнүүды*

*Мүнөө ханан, сэдхэл зүрхөө зэхэнхэйбди:
Мүшэтэ огторгойн оёдол өөдэ зоринхойбди:
Хими, физикын орёо оньһо задалжа,
Хии бодосой гүн удха шудалжа,
Мэргэн эрдэмэй оюун зула баринхай,
Минии үетэн агуу замда гаранхай.*

Байгал далайдаа поэт тон онсо хандасатай байгаа:

*Байгални, байгаалин хүлдэ,
Байгални, саһата Сибириин нюдэн,
Байгални. Арадайм тунгалаг ухаан,
Байгални, арадайм баян сэдхэл.
бараалхажа байнаб, шамая.
Байгални, маһалзыи,
бараан хара шарайгаа хобхолыи,
Шинии тэнгэри аал, энэ тэнгэри?
Шинии тэнгэри – номин бэшэ хаал?*

Москвада хуралсал гарахадаа олон хүнүүдээр танилсажа, олон нүхэдтэй болоһон Дондок Улзытуев Кавказаар, Балтиин, Дунда Азийн республикануудаар, ондоошье газараар ехээр аяншалһан байха. Аяншалга бүхэндөө нүхэдтөө зорюулжа гү даа ехэ олон шүлэгүүдые бэшэһэн гээшэ. «Баруунай зүг бариһан харгыгаар», «Нүүлшын далайн эрьһээ», «Эсэгэ хүбүүн хоёр», «Солнцестанда зорюулагдаһан дуун», «Тахир тухай дуун», «Бухарын огторгой доро» г.м. Ахадүү арадуудай хани барисаан тухай, тэдэнэй нүхэсэл тухай түүрээжэ ябаха гээшэ минии уялга гэжэ поэт ходо ханажа ябадаг байгаа байна. Хани барисаан тухай бэшэһэн шүлэгүүдын тон үнэн зүбөөр, далда удха оруулан бэшээтэй:

*Одото улаан Хубисхал
Бодото жаргал заяаба.
Агуу тэрэ урасхал
Арюун замынь захяаба.
Орой дээрэхи одониинь –
Оюун Ленин тодорбо.
Ошон хурса нюдэниинь
Оршон байдалы тодолбо.*

Иимэ бодолнуудай хүүлдэ поэт өөрынгөө шүлэгүүдтэ ехэ эрилтэ табидаг байгаа ха:

*Эхэ дайдаяа түхэрээлүүлэн дуулааб,
Эхэ тухай, эсэгэ тухай дуу.
Жэлэй дүрбэн сагыг
Жэгдэ хэлэжэ дууһааб –
Жэргэмэлтэ тала, уула хүбишэтайнь
Баран хуу.
Орон нутагнаа дэгдэн,
Огторгойгооршье дэлэб.*

Олон олон хотонуудаар
 Орон нютагаа эрьеэб.
 Сэнхир ехэ Балтика. Дунда Ази тухай
 Сэдьхэлэйнгээ гүн сооһоо
 уудалхадажа хэлээб.
 Холиор наһанай дуунуудые
 Хонгёогоор дуулааб.
 Үнэн бодото байдалые
 Үгөөр хэлэн тобиолжо.
 Үе наһан соогоо
 Үрдингүйгөөр үнгэрхэб.
 Үхибүүн балиар наһанһаа
 Үбгэртэрөө дуулаашье хаа,
 Үргэн зонойнгоо дунда
 Үритэй зандаал үлэхэб...

Өөрынгөө үе сагай поэт Дондок Улзытуев одо мүшэдтэ хүрэтэр нийдэ-
 жэ ошоһон зоноор омогорхожо байһанаа, ондоо газар уһанда обтон, дайн дажар
 үүсхэгшэдые үзэн ядажа байһанаа, сүл губи талые сэсэг ногоогоор бүрхөөхэ ту-
 хай бодомжолдог, дэлхэйн гүрэнүүдэй хоорондохи хёморoo үгы болгожо, түрэл
 нютагтаа, инаг гансадаа дураа мэдүүлжэ ябаха тухайгаа – тэрэнэй гуманистиче-
 скэ һанал бодолнууд шүлэгүүдтэнь онсо шуналтайгаар, эршэ зоригтойгоор эдэл-
 дэг байһан гээшэ:

Түби дэлхэйн түмэн амитан
 Түбхин һайхаар нүхэсэһэй.
 Тайгын олон модод мэтээр
 Тайбан эбтэй зэргэшэһэй.
 Улаан зандан, хара зандан.
 Дулаан амита пальмашье,
 Уян сагаан хуһа модон,
 Уляангирнууд хаанашье
 Мүшэр намаань хёрбоһолонгүй
 Мүнхэ ниигэм оршоһой.
 Газар дэлхэйн үнсэг дээрэ
 Ганхан гунхан һалбарһай.
 Аюул дайнда нэрбүүлшэһэн
 Агуу баруун хизааршье.
 Гал дүлөөр сорьюулиһан
 Газар, уһан, агааршье
 Сэдьхэлэймнай туг болон.
 Сэсэглэжэ мүндэлһэй.
 Шажанай бэшэ олон түмэнэй
 Шалгамал Үнэн мандаһай!

Буряад поэзидэ ушардаг темэнүүдые үргэдхэжэ, поэтическа маягай элдэб
 түхэл бэдэрэлгын хизаар бүри ехэ болгоһон гэжэ Дондок Улзытуев алдаршаһан.

Зүүн зүгэй поэзиин ёһо заншал хэрэглэхэхээ гадна, сагаан шүлэг – верлибр – ехэ зоримгойгоор хэрэглэжэ эхилээд, энэ талаар ехэ амжалта туйлажа, газар уһандаа, арад зондоо тон тодо шүлэгүүдээр хандадаг байгаа:

*Тоотой наһан, төөтэй бэеын байһанда,
Тойрон бусадаг юртэмсынгөө һайханда,
Тодожо абаһан хүшэн эжынгээ уянда,
Тоонто болоһон Байгаалингаа баянда
Эхэ дайдаа наһан соогоо магтахаб,
Эхин дуугаа дахин дахин дабтахаб.
Тэрэл нара́я, тэрэл нара́я угтахаб.
Тэхэрихэдээ...тэрэл газартаа багтахаб.*

Гушан зургаатайдаа поэт дэлхэе орхижо ошоо бэлэй. Тээд поэзидэ, уншаг-шадай зүрхэ сэдхэлдэ шүлэгүүдын хэтэ мүнхэдөө үлөө. Эдэ шүлэгүүд соонь хангал һайхан ая гангын ороной анхилжал байдагын мэдээжэ.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Гуурһанай гурбан нюуса. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд ба поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1957.

Ая ганга. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.

Хайранга. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1964.

Голонго. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1966.

Аадар. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1967.

Эрьюулгэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1968.

Эшэгэхэн. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1969.

Сагай суурьян. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1970.

Ехэ дабаан. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1972.

Ая гангын орон. Шэлэгдэмэл шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1974.

Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1986.

Шэлэгдэмэл зохёолнууд. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1996.

На русском языке:

Млечный путь. Стихи. – М.: Советский писатель, 1961.

Избранная лирика (В серии «Библиотечка избранной лирики»). – М: Молодая гвардия, 1964.

Олений рог. Стихи. – М.: Советский писатель, 1965.

Большой перевал. Стихи. – М.: Советская Россия, 1970.

Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.

Ая ганга. Стихи. – М.: Современник, 1974.

Напев. Стихи. – М.: Современник, 1983.

Стихотворения. (Тексты на бурятском и русском языках). – Улан-Удэ, 1996.

Напев. Стихи. Серия «Отцы и дети» в 3 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2005.

Стихи. – Улан-Удэ, 2006.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Напев. Стихи и поэмы. Серия «Самородки Забайкалья» в 10 томах. Том 9. – Улан-Удэ, 2010.

Напев. Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах (серия «Школьная библиотека»). Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Без указ. автора. Улзытуев Дондок Аюшеевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1959.

Колесников Б. Сын степей. – Дружба народов, 1962, № 8.

Гордиенко Ю. Свой горный перевал. – Литературная газета, 1965, 2 ноября.

Ким И. Дондок Улзытуев // «Литература советской Бурятии». – Улан-Удэ, 1973.

Куняев С. Истину в близких чертах узнаю... – Байкал, 1975, № 4.

Без указ. автора. Улзытуев Дондок Аюшеевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Бальбуров А. Наш булжамуур Дондок. – Байкал, 1979, № 6.

Найдаков В. Слово о поэте // Современная литература Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.

Цыренова М. Тема войны в современной бурятской поэзии. (О творчестве Д. Улзытуева – стр. 82-85.) // Ратный и трудовой подвиг народа Бурятии. Тезисы и материалы докладов республиканской научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1995.

Мерясова Г. Ая ганга Дондока Улзытуева. – Бурятия, 1995, 23 августа.

Хамгушкеева М. Дондок Улзытуев. Штрихи к портрету. – Улан-Удэ, 1996.

Гончигова Н. Ая ганга курится дымом бессмертия. – Бурятия, 1996, 19 ноября.

Санжиева Л. В его стихах звучала музыка. – Правда Бурятии, 1996, 3 декабря.

Ангабаев С. Памяти Дондока Улзытуева. – Бурятия, 1996, 5 декабря.

Гомбоин Ч. Не зарастет народная тропа. – Правда Бурятии, 1996, 11 декабря.

Гончигова Н. Вы слышали когда-нибудь о траве голубой – ая ганга? – Бурятия, 1996, 12 декабря.

Дугаржапова Т. Дондок Улзытуев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Хамгушкеева М. Трава голубая – ая ганга // Бурятская поэма. – Улан-Удэ, 1998.

Дугаржапова Т. О поэзии Дондока Улзытуева // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.

Найдаков В. Красота и сила звучащего слова // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.

Балданмаксарова Е. Философская лирика Д. Улзытуева // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.

Дымбрылова Д. Цикл стихотворений Д. Улзытуева «Жизнь человека» (к проблеме поэтики буддизма) // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте. – Улан-Удэ, 1999.

Санжиева Л. Воплощение поэзии Дондока Улзытуева в музыку бурятских композиторов // Проблемы художественной культуры: история, теория, методика. – Улан-Удэ, 2000.

Дугаржапова Т. Метафора в поэтическом тексте (на материале поэтических произведений Д. Улзытуева) // Актуальные проблемы востоковедения. – Улан-Удэ, 2001.

Дугаржапова Т. Философское осмысление природы в лирике Д. Улзытуева // Байкальские встречи – 3. Материалы международного симпозиума. – Улан-Удэ, 2001.

Дугаров Б. Певчая птица страны ая ганга (образ жаворонка в лирике Д. Улзытуева) // Байкальские встречи – 3. Материалы международного симпозиума. – Улан-Удэ, 2001.

Дугаржапова Т. Поэт-лирик, поэт-философ. – Бурятия, 2001, 7 декабря.

Галанов Ц. Возвращение поэта. – Буриад Унэн, 2001, 13 декабря.

Сандакова О. Проблема человека в поэзии Д. Улзытуева // Современные проблемы филологии. – Улан-Удэ, 2003.

Гармаева С. Улзытуев Дондок Аюшеевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Найдаков В. Дондок Улзытуев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. – Улан-Удэ, 2009.

**Сергей Сультимович
ЦЫРЕНДОРЖИЕВ
(1937-2011)**

ЛЮДИ, КОТОРЫХ ЛЮБЛЮ

...Недалеко от таежного улуса горят леса. В страшном пекле трещат и падают вековые деревья, от огня бегут звери. Пламя подбирается к самому селению.

И жители улуса выходят на борьбу с огнем. Решено применить старый дедовский метод – пустить встречный пал. В мелколесье люди пробивают тракторами широкую просеку и от вспаханной полосы пускают встречный огонь. Опасная работа в горящей тайге проверяет односельчан на мужество, самопожертвование, взаимовыручку.

Таково содержание повести Сергея Цырендоржиева «Встречный огонь», если говорить о внешней, событийной ее стороне. По сути же своей повесть, с которой автор начал литературный путь, – произведение острое по нравственному конфликту, драматическое по напряжению действия.

Накануне тушения пожара в улус возвратился из мест заключения молодой колхозник Балбар. Его судили за кражу зерна во время страды. Парень хотел продать хлеб и купить подарок девушке, за которой ухаживал. Преступление это – не случайность в его судьбе. Балбар рос без отца, а мать стремилась оградить его от трудностей, выполнить любую прихоть единственного сына. Вот и вышел из него человек черствый, самолюбивый, не знающий цену честно заработанному рублю. Природа наделила Балбара красотой, но для сверстниц парня, тянувшихся к нему своим первым девичьим чувством, увлечение этой красотой оборачивалось горем: осталась с малышом на руках Бутид-Ханда, горько разочаровалась в любимом человеке Дарима.

И когда на тушении пожара Балбар, мало что переоценивший в своей прошлой жизни, встречается со своими одноулусниками – парторгом Евсеем Даниловичем, другом детства Владимиром Дамбаевым, Бутид-Хандой и Даримой, вышедшей замуж за молодого председателя колхоза, – тогда кажется, что сошлись два встречных огня: так различно отношение героев повести к жизни и людям!

Такой остротой и драматичностью сюжета, правдивостью конфликтов отличаются и другие произведения Сергея Цырендоржиева. В повести «Устремленность» он описывает столкновение двух людей – сына кулака Дэлгэра Шойдонова, человека хитрого, изворотливого, злобного, и организатора колхоза Жамсарана Норбоева, выстоявшего против клеветы, пронесшего в чистоте через всю жизнь свою душу. В другой повести «Дни бабушки Бизья» нравственные испытания помогают герою лишь на склоне лет понять долг человека, истинный смысл жизни.

Где подсмотрел писатель эти конфликты? Откуда пришла к нему способность видеть жизнь в противоречиях, в борьбе высоко нравственного и бездуховного?

– После окончания педагогического института, – рассказывал Сергей Сульгимович, – я учительствовал в родном селе Исинга Еравнинского района, долгие годы работал в газетах «Буряад Унэн» и «Молодежь Бурятии». И всегда, сталкиваясь с разными людьми, стремился понять: а в чем видит человек смысл жизни, какими нравственными правилами он руководствуется?

– Чем, тебя больше привлекали люди сегодняшнего села?

– Не только как журналисту мне приходилось бывать и на заводах, и на фабриках, и на стройках. Всюду я встречал людей цельных, одержимых своей профессией, не жалеющих тепла для других. Их судьбы подталкивали к размышлениям. Мне кажется, писатель собирает по крупицам наблюдения, он присматривается к интересным, глубоким натурам всюду. А когда начинает писать книгу, то конкретные жизненные ситуации берет из той среды, которую знает лучше. Я лучше знаю село, поэтому действие моих повестей происходит там. Но значит ли это, что проблематика моих книг – сугубо сельская? Нет. Нравственные проблемы одинаковы для людей, где бы они ни жили, и волнуют они каждого из нас. Точно так же судьбы героев книг учат и сельского, и городского читателя. В этом, по моему, нравственное значение литературы.

В нашей беседе не случайно прозвучали слова: «люди цельные». Сергея Цырендоржиева привлекали цельные натуры. В повести «Дни бабушки Бизья» это старый чабан Ендон Тыхеев, во «Встречном огне» – партийный вожак Евсей Данилович и зоотехник Владимир Дамбаев, в повести «Устремленность» – председатель колхоза Жамсаран Норбоев.

Особенно запоминающиеся характеры жителей родных мест нарисованы писателем в повести «Где ты, моя утренняя звезда?». Это произведение переносит нас в бурятский улус военных дней. С разными людьми знакомит читателя автор. Но всех его героев – молодую чабанку Дулму Аюшееву, ленинградку Марию Дронову, эвакуированную из блокадного города, колхозницу Бальжит, которой доверили руководить колхозом, – всех их объединяет одно стремление: выстоять в лихую годину, помочь фронту. Кажется, эти люди отбросили в душе и помыслах все мелкое, недостойное человека. Их жизнь и поступки убедительно передают атмосферу народного подвига. Чтобы подтвердить эту мысль, хочу привести небольшой отрывок из повести. Вот как описывает автор митинг, на который односельчане собрались в День Победы.

«Встала Бальжит, подняла руку. Седые короткие волосы шевелит ветер.

– Товарищи, президиум нужен.

И тут в крике потонул день:

– Пусть все фронтовики идут.

– Солдаты пусть в президиуме сидят.

Общим криком, общим желанием избирается президиум. И наступает тишина. Прыгает на костылях одноногий солдат; опустив голову, неловко пробирается среди скамеек Содбо; еще трое мужчин, тоже покалеченных, стесняясь, усаживаются за красный стол.

Поднялся Содбо:

– Не только мы приближали Победу. Что бы смогли мы без женщин, без стариков, без подростков? – Он запнулся, не находя нужных слов. Махнул резко рукой – зазвенели на груди медали, и этот звон проник в самую душу. – Дулму Аюшеву, героически спасшую отару овец в буран, жену председателя Жанчипа Аюшева, ныне командира, предлагаю в президиум.

– Иди вместо Жанчипа и за себя сразу...

– Чего краснеешь? Иди, заслужила!

Дулма продолжала стоять недвижно рядом с Марией.

– Вместе с Дулмой, – крикнула Бальжит, – предлагаю пригласить ее подругу, чабанку Марию Дронову. Она пережила ленинградскую блокаду. Муж ее, советский офицер... без вести пропал, – в тишине добавила она.

Мария испугалась – все на нее смотрят, разглядывают.

– Помогает она нам, не жалея себя. В буран не побоялась, одна отправилась через лес и степь о беде сообщить.

– Чего уж, идем, – потянула ее за собой Дулма.

...Бальжит обернулась к президиуму:

– А вы, родные наши, спасибо... вернулись. Искалечила вас война. – Голос ее дрожал. – Но души ваши остались, я верю, прежними. – И снова, справившись с собой, сказала громко, властно: – Ты почему, Содбо, спрятал лицо? Разве можно стыдиться фронтовых ран? Отними руки. Ты живым в танке горел – за нас. – Содбо с силой моргал, по красному лицу его прошла судорога. – И ты, и другие, не отдышавшись путем, взялись за свой крестьянский труд. Как же ты смеешь прятать лицо? Низкий поклон вам за подвиг, родные! – Бальжит поклонилась фронтовикам.

Мария сжала дрожащие губы. Как сквозь сон, услышала слова одноногого:

– Ты... председатель, возьми меня на полевой стан. Руки у меня... целые.

Бальжит улыбнулась, закивала одноногому, и с каждым кивком с ее ресниц слетали слезы...»

– В твоих книгах легко заметить одну особенность, – продолжали мы с Сергеем Сультимовичем свою беседу. – Ты с особой любовью рисуешь образы людей, проживших трудную, но честную, достойную жизнь. На страницах повестей – они носители народных нравственных традиций. И те из молодых героев, которые наследуют духовные ценности старших, придерживаются тех же правил в жизни, – они крепко стоят на земле.

– Тут, наверно, сказывается моя личная благодарность людям старшего поколения, – ответил писатель. – Ведь мы, дети войны, обязаны им всем, что имеем. И жизнью, которую они защитили. И тем, что они нас в трудные годы вырастили, передали нам свой оптимизм, веру в красоту мира и человека. Молодым, у которых жизнь благополучней и обеспеченней, нужно взять, как наследство, мужество, бескорыстие, доброту старших. Если мои книги хоть в малой степени помогут юным понять это, я буду рад.

ҮҮРЭЙНЬ СОЛБОН ҮНГЭТЭН ТОЛОТОНООР

...Тайгын захада оршодог хууринда ой шатана. хүрөөтэйгөөр соробхилхон галай ехэ дүлэндэ хэдэн зуугаад жэлдэ ургажа байхан модод аймшагтайгаар харшаганалдан дүрэхэ юм.

Һууринай зон барандаа түймэртэй тэмсэхээ гаранхай. Элинсэгүүдэй заншалаар ерэжэ ябаа энэ ехэ түймэрэй урдаһаа түймэр табиха гэжэ зон шиидэнхэй. Модогүй газараар трактораар үргэн харгы гаргажа, гал табинад. Түймэртэй тэмсэхэ гээшэ аюултай хүндэ хэрэг юм гэжэ зон мэдэнэ.

«Хүлгөөтэ хүни» гэхэн туужын удха богонихоноор хөөрөжэ үгэбэл иимэл даа. Уран зохёолшын зохёохы замаа эхилхэн тус зохёол соо сэдхэл доторой зүрилдөөн хурсаар харуулагдажа, боложо байгаа үйлэ хэрэгүүдынь оһолтой, хойшолонтой, хүнэй анхарал татаха бүтээл болоһон гэжэ абаһаар хэлэхээр.

Түймэр саралгын урдахана залуу Балбар хүбүүн түрмэхөө табигдаад, нютагтаа бусана. Үбһэ сабшалгын үедэ энэ хүбүүн орооһо хулуугаад, түрмэдэ ороһон байгаа. Орооһо худалдаад, дуратай басагандаа бэлэг абаха гээд лэ, иимэ муу гэмтэ ябадал гаргаба ха юм. Балбарые эхэнь гансаараа эрэ болгохо гэжэ бүхы хүндэ хүшэрһөө далдалан, ханаһан лэ хүсэлынь бээлүүлхэ гэжэ оролдодог байһаниинь, иимэ хэрзэги зантай, өөрынгөөл хара бэе харадаг, хүлһөө адхажа олоһон мүнгэнэй сэн гэшые сэгнэхгүй хүн болоо ха юм. Бээр сэбэр Балбарта басагад дуратай байбашье, олонхинь энэ дуранһаань хохирхон: Бүтид-Ханда нарайтай болоод, гансаараа үлөө, Даримада энэ дураниинь гансал голхорол асараа.

Ажабайдалдаа юумэ тоодоггүй байһан Балбарай түймэр саралгын үедэ парторг Евсей Даниловичтай, багынгаа нүхэр Владимир Дамбаевтай, Бүтид-Хандатай, колхозой залуу түрүүлэгшэдэ хадамда гараһан Дариматай уулзаһаниинь, эгээл урда урдаһаа ерэжэ ябаһан гал дүлэн мэтэ, туужын геройнууд ажамидаралда, бэшэ зондо өөр өөрын хандасатай гэжэ харагдаа.

Сергей Цырендоржиевай бэшэшые зохёолнууд сюжетэйнгээ саашаа дэбэрэн хүгжэхэ талаар хурса, хөмороотой байһаараа илгардаг гээшэ. «Ондоо бодол байхагүй» гэжэ туужа соогоо хоёр хүнэй – Дэлгэр Шойдонов гэжэ нюдарганай муу ханаатай, мэхэтэй хүбүүнэй, худалаар хардуулһаншые хаа, сэдхэлээ сэбэр байлгажа шадһан, колхоз байгуулһан Жамсаран Норбоев хоёрой хоорондохы хөмороо зураглан харуулаа. «Бизьяа үбгэнэй үдэрнүүд» гэжэ нүгөө туужа соохи геройниинь наһатай болоод лэ ажамидаралай сэн, үриез хүн яажа харюулдаг гээшэб гэжэ ойлгожо абана.

Иимэ зүрилдөөнүүдые зохёолшон хаана хараһан байгаа гээшэб? Ажабайдал соо муу найнай, сагаан хара хоёрой тэмсэхые хараха арга хаанаһаа тэрээндэ байгаа хаб?

– Багшанарай дээдэ хургуули дүүргээд, Яруунынгаа аймагай Иисэнгэ түрэл нютагтаа багшалаад, олон жэлдэ «Буряад үнэн» болон «Буряадай залуушуул» сонинуудта хүдэлжэ байхадаа, элдэб зоноор уулзажа, ажабайдалай удха шанар хүн ямараар ойлгодог, энэ тэрэ байдалда ороходоо, ямар ёһо гурим хэрэглэдэг байгаа хаб гэжэ бодомжолдог байгаабы, – гэжэ Сергей Сультимович хөөрөө бэлэй.

– Танай анхарал мүнөө үеын хүн татадаг байгаа гү? – гэхэдэм:

– Үгы даа. Сурбалжалагшын мэргэжэлтэй бидэ завод, фабрикануудта, барилгануудта ошожо, зоноор уулзадаг байгаа ха юмбиди. Эдэ зоной ехэнхинь найн ханаатай, зоной түлөө оролдожо ябадаг гэжэ эли байгаа хэн. Элдэб зоноор уулзажа ябахадаа, тэдэнэй хуби заяан тухай бодомжолон, нэгэ ханамжатай боло-

жо, зарим нонин хүнийн бүри анхаралтайгаар харахаш. Зохёол бэшэжэ эхилбэл, өөрынгөө хайн мэдэхэ байдалһаа хабагшалжа элдэб хёморолдоо гаргажа зураглахаш. Би хүдөө нютаг хайн мэдэхэ хадаа, туужанууд соомни болодог үйлэ хэрэгүүд тэндэл болодог. Тээд минии зохёолнууд дотор ушардаг асуудалнууд гансал хүдөө нютагай зонтой ушардаг гэжэ хэлэхын аргагүй юм ааб даа. Хүн хаанашье ажаһуугаа бол, сэдхэл доторын боложо байгаа зүрилдөөн, хёморолдоон бүхы хүнүүдтэ адли, хүнэй ханаа зобоодог асуудалнууд хаанашье адли гээшэ. Хүдөөгэйшье, хото городойшье зон нэгэл гуримаар ажаһууна бшуу, – гэжэ хариусаа.

Сергей Цырендоржиевай геройнууд шанга абаритай зон байха. «Бизья үбгэнэй үдэрнүүд» соо Ёндон Тыхеев гэжэ наһажаал хонишон, «Хүлгөөтэ хүни» соо – партияна бүлгэмэй ноён Евсей Данилович ба зоотехник Владимир Дамбаев, «Ондоо бодол байхагүй» гэжэ туужа соо – колхозой түрүүлэгшэ Жамсаран Норбоев.

«Үүрэй солбоной гоё гээшэнь» гэхэн туужа соохи геройнууд хүнэй ханаанда бүхөөр хадуугдаа. Энэ зохёол уншагшадые дайнай үеын хүдөө нютаг абаашажа, элдэб зоноор танилсуулна. Зүгөөр залуу хонишон эхэнэр Дулма Аюшева, Ленинград хотоһоо иишэ ерэхэн Мария Дронова, колхозой хүтэлбэриие бэе дээрээ дааж абаһан Бальжад гэгшэд хайшан гэжэ дайгаа дараха, фронтдо туһалха гээшэб гэжэл бултадаа бодомжолдог, оролдодог зон. Эдэ хүнүүд досоохи жэжэ бужа юумээ, муу ханалаа орхижо, нэгэл эрмэлзэлтэй ажаһууна. Эдэнэрэй үдэр бүрийн ажал хэрэгүүд, арадай баатаршалга автор харуулна. Энэ хэлэһэнээ гэршэлэн баталха гээд, нэгэ зураглал дурдаһуу. Илалтын үдэр суглаанай болоһые иигэжэ зохёолшон зураглан харуулна:

«Бальжадай бууралтан татаһан үһые Үлзйтэ тээһээ үлээһэн нэбшээн хүдэлгэнэ.

– Нүхэд! – гэжэ тэрэ хоолойгоо хашан, дорюунаар эхилбэ. – Президиум хунгая.

Зон шууялдашаба. Зүбшье ааб даа. Дайнай эхилһэнһээ хойшо бүгэдөөрөө иигэжэ сугларһаниинь энэ шахуу юм бэшэ гү.

– Фронтотвигууд булта президиумдэ гараг, – гэхэн ханамжа дэмжэгдэбэ.

Түрүүлэн Шагдар бодобо. Тэрэ таягуудаа тулгалан, урда гараба. Хойноһоонь Содбо уруугаа харанхай аалихан бодобо. Үшөө гурбан фронтовик столой саана һуунад. Һамгад ханаа алданад, хэншьеб шүрхирса уйлажархина, нүгөөдэ нэгэниинь нулимсаяа бүтүүхэн аршаба.

Гэнтэ аалин намдуу байдал тогтошобо.

Мария столдо дүтэ һууһан тула Содбын үһэнэй бууралтажа байһые обёороодхибо. Содбо түрүүлэгшэтэй шэбэнэлдээд, һууриһаа бодожо:

– Хүндэтэ нютагаархидни, энэ Илалтамнай бидэнэй, ганса фронтовигуудай хүсөөр ерээгүй. Таанадгүйгөөр, танай хүсэл, оролдолгогүйгөөр фашис Германиие даража шадахагүй һэмди. Хайрата эжы, абанарнай, эхэнэрнүүднай, залуу үетэн, агуу Илалтадамнай булта хамаатайт, – гээд, медальнуудайнгаа ханхинатар нюргаяа тэниилгэн, зоной урдаһаа хаража: – Улаан Армиимнай командир Жанчиб Аюшеевай Һамган, колхозоймнай эрхим хонишон Дулмые эндэ һуулгайл, – гэхэн дурадхал оруулба.

– Жанчибаймнай орондо ошожо һуу, тон зүб, тон зүб-өө, маша зүб, – гэжэ хүнүүд дэмжэнэ.

– Өөрөөшье һууха эрхэтэй ааб даа, – гэжэ хэншьеб нэмэбэ.

– Нүхэд, – гэжэ Балжид зоной шууяа намхааба. – Бидэнэй дунда агууехэ ород арадаймнай түлөөлэгшэ байлсана. Дулымнай нүхэр Мария Дронова. Октябрийн

хубисхалай үлгы болоһон Ленинградай басаган. Нүхэрын мүн лэ сэрэгэй офицер ябаһан, теэд... – гээд, саашань юушы хэлэжэ шадангүй хоолойгоо заһаба. Тиигээд нэмэбэ: – Мария мүнөө эрхим хонишон болонхой.

«...Хүрөө болыш даа, Балжид, бү зобоогыш даа», – гэжэ Мария хүхиржэрхихы хүсэнэ, теэд ямар бэ даа хүсэн хэлүүлнэгүй.

– Хайрата та табандаа, – гээд, мүнөө урдань нуугша фронтовигуудтаа хандаба, – таанадтаа бүхы нютагайхинойнгаа үмэнэһөө баяр баясхалангаа хүргэхыем зүбшөөгыт. Гэмэлтээшые хаа, амиды бусаат. Дариин амта, утаа үзөөт, үхэлтэ даие даажа гараат. Теэд сэдхэл бодолтнай, эрмэлзэлтнай, зоригтнай хүнөөгүй хаям. Содбо, ши маанадтаа урданайхяараал харагданах... Фронтоо бусан сасуу, амараншыегүй колхозой ажалда гарааш, бусад нүхэдшнишые шамһаа гээгдээгүй. Бураад арадайнгаа заншалаар баатар таанадайнгаа урда доро дохиноб, хайнта даа, – гээд, Бальжид Содбын гар адхан, хасарыень таалаад, буруу харан, нюдээ аршажархиба.

Шагдар эжэлбэгүй янзатай, архида хабдаһан шэгээ шэрүүн болгожо, түрүүлэгшэ руу нэнгээд, һөөлдэнгир хоолойгоор:

– Намае үглөөдэртөө Хорнихооной стан хүргэжэ үгыт даа... Гарнуудни бүтэн ха юм... Архяар хооллохонни хүрөө болоо, һамгандаа ошохом, тэндэ хэхэ юумэ олохоб, – гэбэ.

Түрүүлэгшэ баясангяар дохисогообо».

– Танай зохёолнууд соо би нэгэ һонин онсо юумэ обёорооб. Бэрхэшээл дүүрэн жэлнүүдые даажа гараһан, ажалша малша зон тухай та тон хүндэтэйгөөр, урин дулаанаар бэшэнэт. Эдэ зон арадай ёһо заншалнуудые абажа ябаһан хүнүүд ха. Эдэнэй хэрэг саашань үргэлжэлүүлһэн залуу зон, баһал иимэ, газар дээрэ бүхөөр тогтоһон, тулгатай, найдамтай зон гэжэ харуулна гүт? – гэжэ һурахадам:

– Би аха зондо хүндэтэйгөөр хандаагби. Дайнай үедэ эдэнэр ээм дээрээ ехэ хүндэ ашаа шэрэжэ ябаа. Эхэ ороноо, бидэниие эдэ зон ажал хэрэгүүдээрээ абаралсаа. Эдэ хүшэр жэлнүүдтэ бидэниие хүмүүжүүлжэ, үргэн харгыда гаргахаддаа, этигэл, зориг дүүрэн ябахыемнай үреэгээ. Аха зонһоо сэсэн һургаал абаһан залуу зон зориг түгэлдэр, хүсэтэй, шандааһатай ябаха. Хэрбээ эдэ бүгэдэ минии зохёолнууд соо багаханааршые хаа байгаа болбол, минии хүсэл бээлээ гэхэ байнаб, – гэжэ зохёолшон мийһэрээ һэн.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На бурятском языке:

Һарата һүнинүүд. – Улаан-Үдэ, 1961.

Бусахал даа хабар. – Улаан-Үдэ, 1964.

Хүлгөөтэ һүни. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1972.

Үүрэй солбоной гоё гээшэнь. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1975.

Дуунай шэди. Туужанууд, рассууд. – Улаан-Үдэ, 1977.

Мүнхэ эрьесэ. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1980.

Баяртай, тохорюун шубууд! Туужанууд, рассууд. – Улаан-Үдэ, 1985.

Бусалга. Туужа. – Улаан-Үдэ, 1996.

На русском языке:

Два встречных огня. Повесть. – Улан-Удэ, 1973.

Встречный огонь. Повести. – М.: Современник, 1976, 1984.

Устремленность. Повести. – М.: Советская Россия, 1979.

Поклон старикам. Повести. – Улан-Удэ, 1983.

Устремленность. Повесть. Антология литературы Бурятии XX – начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Осодоев М. О книге С.Цырендоржиева «Встречный огонь». – Буряад Унэн, 1976, 27 августа.

Найдаков В. Состоявшийся дебют. – Правда Бурятии, 1976, 19 сентября.

Дылгыров Д. В далеком улусе. – Литературная Россия, 1976, 22 октября.

Без указ. автора. Цырендоржиев Сергей Сультимович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

Бальбузова Е. О повестях и рассказах С.Цырендоржиева. – Буряад Унэн, 1981, 7 февраля.

Руднев Н. Годы и судьбы. – Литературная Россия, 1982, 2 апреля.

Орлов В. Одержимый мечтой. – Правда, 1983, 28 июня.

Бальжинимаев Э. До свидания, журавли! // Бальжинимаев Э. Приглашение в мир прекрасного. Литературно-критические статьи. – Улан-Удэ, 1983.

Бальжинимаев Э. Разные судьбы. – Буряад Унэн, 1984, 14 июля.

Балданов Ц. Начиналось с голубой Еравны. – Буряад Унэн, 1987, 27 февраля.

Раднаева С. Рождает прекрасные мысли. – Буряад Унэн, 1996, 23 ноября.

Митыпов В. И другие долгие дела. – Бурятия, 1997, 28 февраля.

Галанов Ц. Сгибаясь под тяжестью времени. – Буряад Унэн, 2002, 28 февраля.

Галанов Ц. Творящий добро – Буряад Унэн, 2007, 15 февраля.

Орбодоева Б. Певец озерной Еравны. – Буряад Унэн, 2007, 17 мая.

Пастернак А. Живите с пользой для других. – Правда Бурятии. 2007, 12 апреля.

Ивахинова Я. Цырендоржиев Сергей Сультимович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Ким Николаевич
БАЛКОВ
(1937)**

РЕКА ЖИЗНИ

Мне иногда кажется, что нашими с ним судьбами, уже полвека переплетающимися, распоряжается какая-то сила. Начать с того, что мы родились в один день, с разницей в год. Я появился на свет в байкальском селе Шерашово, а он – в казачьей станице Большая Кудара, под боком у Кяхты, которую наши прадеды называли чайной столицей империи. Но отцу будущего прозаика, учителю литературы, засиживаться на одном месте не давали, и семья в конце концов оказалась на родном для меня восточном берегу Байкала, в живописном Баргузине, давшем название знаменитому ветру и попавшем в легендарную песню.

Когда мальчишками мы встретились в Иркутском университете и поселились в одной комнате студенческого общежития, то, пожалуй, одни, оголодав, могли блаженно вспоминать об омуле на рожне и даже об осетровой ухе. Ким, как и Александр Вампилов, мог бы сидеть на одной студенческой скамье с Валентином Распутиным, но в общий для них год поступления – 1954-й – удача улыбнулась только пареньку из Аталанки. Саня провалился на немецком, а Ким даже не решился сдавать экзамены. В школе он не изучал иностранный язык, и стать студентом ему не светило. Пришлось, походив по университетским коридорам, вернуться в свою глухомань и два года проработать в леспромхозе сучкорубом. В прибрежной, почти северной тайге это занятие не для слабых. Морозы под сорок, снег по пояс, топор полупудовый, а толстые ветви, особенно лиственничные, как железо против железа. Трудней, однако, плотно сбитому парню далась не рабочая наука, а чужеземный язык.

И всё же в 1956 году он выдержал университетский конкурс. Мой земляк оказался поэтом. Порывистый и сильный, двигавшийся как прирождённый боксёр

(а он и был им), Ким становился мягким и нежным, когда читал стихи. Вместе с ним пошли мы в студенческое литературное объединение, которым руководил душевный наставник, тогда уже известный критик Василий Прокопьевич Трушкин.

Позже Ким Николаевич изменил нашему общему поэтическому жанру. Когда после университета мы вернулись в Бурятию, он стал писать прозу. Первый рассказ его появился в печати в 1966 году, а следом и повести – «Рейса не будет» и «На пяточке». Уже в 1971 году молодого автора приняли в Союз писателей.

Всероссийскую известность Киму Балкову принесли повести «Росстань» и «Мост», романы «Его родовое имя» и «Рубеж», пронзительная книга рассказов «Небо моего детства». Писатель привёл с собою необычного для того времени героя. Он вроде бы твёрдо идёт по жизни, а оступает, многое имеет, а страдает, не украл и не обманул, а совесть болит. О шукшинских героях говорили: «чудики». У Балкова они другие, но тоже из жизни выхваченные, с непростыми, своеобразными характерами.

Вот, например, рассказ о деревенском фронтовике Евсее. Таких людей прозаик, сын фронтовика, хорошо знал. Этот Евсей, отпахав свою войну, вернулся домой с надеждой, что теперь-то его, победителя, ждут достаток, работа по душе и жизнь без окрика. А в бабьей голодной и обносившейся деревне его опять ждали тягловая повинность и нищета. И бросился Евсей в бега искать по свету райские кущи. Заглянет раз в год домой, посмотрит на свою бедную Гланю и опять в дорогу. А избёнка после его побывок всё полнится и полнится огольцами. И когда «настрогал» Евсей пятерых, пришлось ему поклясться: всё, набегался, остаюсь дома! Но как-то в степи он упал на землю и стал заворуженно слушать гул дальнего поезда, бормоча: «Идут поезда, идут... А меня в тех поездах нету!...» И опять кинулся мужик на станцию, вскочил в проходящий. Видели, как плакал фронтовик, – конечно, не только от житейской неустроенности, но и от душевной потерянности, от несбывшихся надежд...

Какая это литература? Да та самая, что подарила нам распутинские «Последний срок», «Прощание с Матёрой» и «Живи и помни», шукшинские рассказы из сборника «До третьих петухов», беловское «Привычное дело»... В произведениях Кима Балкова главным было стремление автора не отступать от правды, подталкивать читателя к пониманию сложностей жизни. На страницах его романов, повестей и рассказов шла неухающая, подспудная и явная борьба добра и зла, охранителей и разрушителей вековых народных традиций, нравственных основ. И что бы мы ни говорили о подцензурных временах, а идеологическим надсмотрщикам приходилось считаться с подлинными талантами.

Упомянутые произведения Кима Балкова напечатали крупнейшие издательства страны «Советская Россия», «Современник» и «Советский писатель», его прозу широко публиковали столичные и сибирские журналы. Писателю была присуждена Государственная премия Бурятии, дважды – премия журнала «Смена». О творчестве сибиряка размышляли известные критики Андрей Турков, Юрий Лукин, Лилия Полухина, Владимир Шапошников, Василий Найдаков, писатели Исай Калашников и Борис Костюковский.

В конце восьмидесятых мы с Кимом Николаевичем переехали в город нашей юности Иркутск. Здесь он словно обрёл второе дыхание. А главное – его осмысление жизни, художественное письмо получают глубокие, законченные черты. Первый же иркутский роман «Идущие во тьму», посвящённый гражданской

войне в Сибири, показал новые возможности автора в постижении самых потаённых чувств и переживаний героев. Русские люди, вовлечённые в братоубийственную бойню, впадают то в жестокую ярость, то в позднее раскаяние, их охватывает то ужас от содеянного, то безразличие к чужой боли. Писатель мастерски рисует мотивы противоречивых и неуправляемых поступков своих героев, углубляясь в подсознательное и трудно объяснимое.

Наверно, кровоточащая тема нашей недавней истории не давала покоя прозаику. Через несколько лет он вернулся к ней в романе «От руки брата своего». Если в «Идущих во тьму» речь шла о начале разгрома белого движения в Сибири, то в новом повествовании писатель проследил эту трагедию до конца. Фигуру обречённого на гибель генерала Каппеля из первого романа сменил здесь атаман Семёнов, казнённый уже после Отечественной войны. Новизна всей эпопеи прозаика была в том, что автор не брал на себя роль судьи, определявшего правых и виноватых. Целью его было с предельной правдой, с наибольшей художественной выразительностью воссоздать картину происходившего, дать возможность нам самим поразмышлять и оценить человеческую трагедию.

Заметным явлением в российской литературе стал следующий роман Кима Балкова – «Будда». Как известно, жизнь и деяния основателя одной из древнейших религий, реального исторического лица, почти не освещены в художественной прозе. Нужна была большая творческая смелость, чтобы, с одной стороны, создать не обожествлённый, застывший, а живой образ Будды, сына арийского царя, и, с другой стороны, передать во всей сложности его философские и нравственные искания. Тут потребовалась особая стилистика.

Повествование прозаика раздумчивое, неторопливое, по-восточному живописное и образное. Читая роман, я всё время держал в уме, что дед писателя был известным в Бурятии народным сказителем-улигершином, а отец – знатоком словесности и просветителем в наших краях. Есть какая-то заветная струна, звучащая в книгах писателя. словно бы родные голоса подсказывают ему точные, мудрые слова: «Не теплом тела, но теплом души жив человек», «Истина есть пожар, и не сгорит в нём душу имеющий», «Недолог век царства, основанного противно человеку, в унижение сущему».

Сегодня электронный текст произведения многие читают в Интернете. Автор получает отклики из разных уголков мира.

А в двух следующих романах: «За Русью Русь» и «Иду на Вы» писатель переносит нас в древнюю отчину восточного славянства. Первое произведение рассказывает о деяниях киевского князя Владимира, который вошёл в историю не только тем, что помог православию укрепиться в русских землях, но и тем, что ратовал за их объединение. Причём в борьбе за это Владимир чаще прибегал к доброму слову, а не к оружию. На века вписал своё имя в народную память и герой второго романа, святорусский богатырь князь Святослав. Он положил конец зависимости Древней Руси от хазарского царства. И Владимир, и Святослав нарисованы Кимом Балковым не только как мудрые правители и отважные воины, но и как люди, сознававшие свою ответственность перед отчими землями, перед ратниками и землепашцами. Эта общность судеб, глубинная схожесть характеров обоих героев делают повествование о них единой и впечатляющей художественной картиной.

Хочется и тут подчеркнуть особенность прозаика. Обычно авторы исторических романов уделяют большое внимание этнографическим подробностям. Тщательно выписывают, какие одежды носили герои стародавних лет, что ели и пили, в каких жилищах обретались, как и на чём передвигались. Конечно, всё это интересно, бытовые подробности вносят достоверность в облик эпохи. Но читатель ожидает, что автор с той же достоверностью расскажет о духовной жизни своих героев: что они думали о смысле бытия, к чему стремились, какие нравственные скрепы свято хранили? Ким Балков рисует духовный образ времени. О внутренней жизни героев он рассказывает с таким родственным пониманием, с такой зоркостью, что убеждаешься: это его интересует прежде всего.

А ощущение современности живёт в каждой его книге. В романах об истории Отечества оно помогает извлечь уроки; в произведениях о сегодняшнем дне оно пронизывает горькую правду, связанную с неустройством нашей жизни. Символично в этом смысле название ещё одного романа писателя – «Берег времени». На нынешнем «берегу» своего времени мы никак не можем дать человеку духовное здоровье, житейское благополучие.

Своего рода ревизию российского бытия в романе проводят два героя – буддийский монах и православный священник. Эти несуетные, душевно чистые люди никак не могут понять и, тем более, оправдать жестокость и алчность, развращённость и эгоизм своих современников. Но именно потому что прозаик смотрит на жизнь глазами героев-праведников в романе много сцен, которые позволяют ярче увидеть души чистых людей и их соединённость с другими мирами и другими эпохами. Это в традициях отечественной литературы. Один из наших классиков говорил: «Писатель соединён с глубиной мира, и из этой глубины он черпает не меньше, чем из среды бытовой. Нравственная основа искусства позволяет развёртывать перспективы человеческой души и в земную, и в небесную даль». Ким Балков как раз один из тех писателей, кто неустанно проверяет земное небесным, то есть тем нравственным аршином, что завещан нам.

Оглядывая всё созданное Кимом Николаевичем, поражаешься широте охвата жизни, которую он изображает. Древние арийцы в предгорьях Гималаев и воины восточнославянских княжеств, строители Кругобайкальской железной дороги (роман «Байкал – море священное») и участники русской смуты двадцатого века, сибирские крестьяне – жертвы насилия (роман «Земной крест»), наши сограждане, всё ещё не избывшие земного лиха (роман «Горящие сосны») – все герои прозаика встают как живые, со своими неустанными духовными поисками, трудными обретениями и жестокими ошибками, неутолимой жаждой найти истину. И любое произведение Кима Балкова освящено чутким пониманием жизни и человеческой души.

Меня всегда удивляла его работоспособность. «Отдохни, – убеждаю я Кима Николаевича, – ведь здоровье уже не прежнее. Сделай передышку». «Какая передышка! – смеётся он. – Герои-то опять обступают, требуют слова...» Ну да, реку жизни не остановишь, и долг писателя – вглядываться в её суровый и неостановимый ход – не отменишь.

АЖАБАЙДАЛАЙ УРАСХАЛ СОО

Табяад жэлэй туршада Ким Николаевичтай бидэ танил, ходо харилсажа, хөөрэлдэжэ, элдэб асуудалнуудыг зүбшэлдэжэ ябадагбди. Ким Николаевичтай нэгэ үдэр түрэхэмди, тэрэм намһаа нэгэ жэлээр аха. Би Байгал шадарай Шерашево хууринда түрэхэн, Ким Николаевич Хяагтын хажууда оршодог Ехэ Худара гэжэ хасагуудай станицада түрэхэн намтартайбди. Тээд ерээдүйн прозаигай эсэгэ, литературын багша мэргэжэлтэй хүн нэгэ дороо байгаад ажаллаха аргагүй хэн тула, Байгалай зүүн эрьедэ оршодог гоё найхан Баргажан нютагта ошожо, ажаллаха, ажаһууха баатай болоһон юм.

Эрхүүгэй университеттэ оюутад болоод хурахаа байхадаа, хамтын байрын нэгэ таһалга соо байрлаха боложо, гэдэнээ үлдэбэл, омуль барижа эдихэ бэлэйбди, магад зааһаар шүлэ шанаха байгаа гүбди гэлдэдэг хэмди. Ким Балков, Александр Вампилов, Валентин Распутин гурбан 1954 ондо Эрхүүгэй университеттэ орохо шалгалта бариһан аад лэ, Саня немец хэлээрээ шалгалта гаража шадаагүй, Кимшые шалгалта бариха аргагүй хэн. Юундэб гэхэдэ, хургуулида Ким хари хэлэ шудалаагүй байшоо. Университедэй коридор соогуур урагша хойшоо ханаа зобонгёор ябуултаад, һөөргөө гэртээ бусажа, леспромхоздоо гэшүүнэ сабшаха ажалда ороһон. Хойто зүгэй үдхэн ехэ тайга соо иимэ ажал хэхэнэ хүнгэн бэшэ хэн. Дүшэн градус хүрэтэр хүйтэндэ, үбдэг хүрэмэ саһан соогуур хүндэ гэгшын хүхэ баринхай бүдүүн мүшэрнүүдые (шэнэнэн модоной шэлбүүхэн бүри хүжэр байха) отолходо, эгээл түмэр отолжо байһандал үзэгдэхэ. Хари хэлэ шудалхань энэ хүбүүндэ иимэ ажалһаа долоо дахин хүндэ бэлэй.

Гэбэшье, 1956 ондо университетдэй конкурс Ким дабажа гараа хэн. Нютагайм хүбүүн сэдхэл дотороо поэт хүн байшоо. Хүдэлхэдөө эршэтэй шанга боксёртол түргэн хүбүүн шүлэг уншахадаа нюурын илдам, энхэргэн шарай орошохо. Хоюулан бидэ оюутадай литературна бүлгэмдэ ябадаг байгаабди. Энэ бүлгэмыемнай тэрэ үедэ мэдээжэ шүүмжэлэгшэ байһан Василий Прокопьевич Трушкин хүтэлбэрилжэ байгаа.

Һүүлдэнь Ким Николаевич поэзи орхижо, прозо бэшэдэг болоһон юм. Түрүүшынь рассказ 1966 ондо толилогдоо, һүүлдэнь «Рейса не будет» болон «На пятачке» гэхэн туужанууд толилогдоо. 1971 ондо залуу автор Уран зохёолшодой холбооной гэшүүнээр абтаһан юм.

«Росстань» ба «Мост» гэжэ туужануудаараа, «Его родовое имя» ба «Рубеж» гэжэ романуудаараа, «Небо моего детства» гэхэн гаршагтай рассказуудай номоор Ким Балков уншагшадта мэдээжэ болоһон гээшэ. Тэрэ үедэ литературада урдань үзэгдөөгүй жэгтэй һонин геройе Ким Балков асарһан шуу. Балковой герой болбол эршэтэй жэгдэ алхамаар ажабайдалай харгыгаар ябажа ябаһан хүн хэн. Олзотой омогтой ябажа, хулгай худал хээгүйшые хаа, һэшхэл зүрхэниинь үбдэхэ юм. Шукшинай геройнууд тухай «жэгтэй» зон гэжэ хэлсэдэг байгаа. Балковой геройнууд дан юрын бэшэ, баһал нэгэ тиймэ «жэгтэйшэг» зон, өөрын ондоогоо нэгэ абари зантай хүнүүд хэн.

Жэшээнэ, дэрээбэндэ ажаһуудаг фронтовик Евсей дээрэ тогтоё. Иимэ хүнүүдые Балков һайн мэдэхэ бэлэй. Дайнай дүүрэхэн хойно Евсей гэртээ ажаллахаа, ан-бун ажаһуухаа бусаа. Ганса эхэнэрнүүдэй үлэхэн үлэн хоһон хууринда баһал хүндэ ажал, хүшэр саг дайралдажа, Евсей һайн байдал бэдэрээд, энээр тэрээгүүр тэнэжэ эхилнэ. Жэл соо нэгэ дахин һамгандаа орожо гараад, баһал

хайшаашьеб даа ябана. Гэрээр дүүрэн үхибүүд. Табан үхибүүтэй болоод, гэртээ үлэхэм гэжэ үгээс үгэнэ. Нэгэтэ тала газарта ябатараа, юумэнэй хүүхые дуулаад, газарта хэбтэн, шэхээс няжа шагнахадань, хаанаб даа холошог поездын хүнхинэхэ дуулдажа, поезддо хуугаад, хайшаашьеб ябашаха хүсэлэндэ абтаба. Станци гүйжэ ошоод, ерэжэ ябаһан поезддо хуужа, саашалхадаа, нүдэнһөөнь нулимса дуһажа байгаа. Дайнда ябажа ерэхэн энэ хүнэй ажаһуудалаа найнаар зохёон түбхинэжэ шадаагүй, найдаһан найдалайнгаа хүсэлдөөгүйһөө боложо, эсээд, сүхэрөөд бархиржа хууһыень тэндэ ябаһан зон хаража байгаа хэн...

Энэмнай иихэдээ ямархан зохёол болоноб? Валентин Распутиной «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», Василий Шукшиной «До третьих петухов», Василий Беловой «Привычное дело» гэхэн зохёолнуудые ханаад үзэе. Эдэл зохёолнуудай хажууда Ким Балковой зохёолнууд зэргэлэн зогсохо ёһотой байна хаш. Ким Балковой зохёолнууд соо гол юумэниинь юун бэ гэхэдэ, автор үнэн зүб хэрэгһээ хадуурангүй, ажабайдалай орёо хүшэр юумэнүүдые уншагшадтаа хөөрөжэ үгэхые оролдоно. Романууд, туужанууд, рассказыуд соонь найн муу хоёр ходо тэмсэжэ, арадай ёһо заншалнуудые, гурим журам эбдэхые оролдожо ябагшадые геройнуудынь буруушаһан байдаг. Бэлигтэй хүнэй бүтээһэн зохёол гэжэ хараһаар эли байха.

Ким Балковой зохёолнуудые – «Советская Россия», «Современник», «Советский писатель» – гэхэн гүрэнэй томо томо хэблэлнүүд гаргажа, нийслэл хотодо болон Сибирьтэ гарадаг сэтгүүлнүүд – тон дуратайгаар толилдог байгаа. Ким Балков Бурядай Республикын Гүрэнэй шанда, «Смена» сэтгүүлэй шанда хоёр дахин хүртэхэн юм. Мэдээжэ шүүмжлэгшэд Андрей Турков, Юрий Лукин, Лилия Полухина, Владимир Шапошников, Василий Найдаков, зохёолшод Исай Калашников, Борис Костюковский гээд, зохёолшын бүтээлнүүд тухай һонирхолтой статьянуудые бэшэдэг бэлэй.

Наяад онуудай һүүлээр Ким Николаевичтай бидэ залуу наһанайнгаа Эрхүү хото нүүгээ һэмди. Эндэ Ким Николаевич хоёрдохёо энэ дэлхэй дээрэ түрэхэн хүндэл, бүри гүнзэги удхатай зохёолнуудые бэшэжэ эхилээ хэн. «Идущие во тьму» гэхэн роман эндэ бэшээ. Энэ роман соогоо Сибирьтэ болоһон граждан даие харуулхадаа, ород зон, аха дүүнэр бэе бээе хюдажа эхилхэдээ, нэгэн гээ хаа, бүри хэрзэги боложо, үгы хаа, хэхэн муу хэрэгэйнгээ түлөө бээе ехээр зэмэлдэг гү, али ондоо хүнэй хохилониие анхархаа болижо, шэхэ дүлии, нүдэ һохор болошодог гэжэ харуулаа. Зарим хүнүүдэй ухаа ханаанда орохогүй үйлэ хэрэгүүдые хэдэгыг тон шадамараар зураглан харуулаа.

Үнгэрхэн сагай үйлэ хэрэгүүд зохёолшын зүрхэндэ шарха болон үлэхэн лэ бээе. Тиимэл хадань нэгэ хэды болоод, «От руки брата своего» гэжэ роман бэшэхэн хаш. Хэрбээ «Идущие во тьму» гэжэ роман соонь Сибирьтэ сагаантаниие яжа усадхаһан тухай хэлэгдээ хаа, шэнэ зохёол соогоо энэ ехэ шуһата хэрэг тухай бүри дэлгэрэнгыгээр автор хөөрөө. Нэгэдэхи роман соогоо генерал Каппелиин хосорол тухай бэшэхэн хаа, энэ шэнэ роман соогоо атаман Семёнов тухай, Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай һүүлдэ тэрэниие саазалжа алаһан тухайнь зураглан харуулаа. Энэ томо зохёолой һонирхоһоор нэгэ илгаа гэхэдэ, автор зохёол соогоо хэн зүб, хэн буруу байгаа гэжэ шүүмжэлэн, сүүлдэгшэ болоногүй. Зохёолнуудайнь гол түсэб гэхэдэ, болоһон үйлэ хэрэгүүдые тон зүбөөр зураглажа, өөһэдөө бодомжолжо, эдэндэ сэгнэлтэ үгэхые уншагшадые тэрэ баадхана.

Ким Балковой үшөө нэгэ роман – «Будда» – Орос гүрэнэй литературын түүхэдэ баһа нэгэ нонин, шэнэ юумэ асараа. Эртэ урдын шажанай эхи үндэһэ табиһан энэ хүн тухай зохёол олохонь хомор. Буддын түхэл шарай харуулхадаа, ямар нэгэн хүдэлсэгүй шабар дүрсэ бэшэ, харин арийн хаанай хүбүүнэй дээдын гүн ухаа ба сэдхэл доторой олон асуудал бэдэрхэн тухай зураглан харуулһан гээшэ. Энэ хүнэй тон орёо зан абари харуулха гээшэ эрэлхэг зоригтой хүнэй хэһэн һэдэлгэ, тус зохёол бэшэхэдэ, хэлэ бэшэгэй онсо маяг олохо хэрэгтэй байгаа бшуу.

Тиигэжэ тон өөрэ янзын, зүүн зүгэй үнгэ зураглан тон нонин зохёол болоо юм. Ким Балковой хүгшэн абань Буряадта мэдээжэ үльгэршэн, эсэгэнь – хэлэ бэшэг, эрдэм ухаа тараадаг гэгээрүүлэгшэ байһан гэжэ мартаха хэрэггүй. Тиигээд лэ, энэ нангин хэрэг угайнгаа түүхэ дахан саашаал ябажа, үргэлжэлжэл байһан шэнги. «Бэеынгээ дулаагаар бэшэ, сэдхэлэйнгээ дулаагаар хүн амиды ябадаг», «Үнэн юумэн түймэр гээшэ, сэдхэлтэй хүн дүлэндэнь хосорхогүй», «Хүниие доромжолжо баһаһан хүнэй үе саг охор байдаг» гэжэ түрэл зонийн хэлэжэ байһан мэтэ.

Зохёолнуудынь Интернет соо уншаһан зон дэлхэйн бүхы углуу булангуудһаа авторта бэшэдэг, хонхододог.

«За Русью Русь», «Иду на Вы» гэхэн романуудынь бидэниие эртэ урдын славянуудта абаашана. Киевэй Владимир князийн засаг барижа байха үедэ ородуудай ажаһуужа байһан газар дайдада үнэн алдартанай шажан мүргэлэй нэбтэрэн ороһон тухай, мүн тэдэнэй нэгэ хүсэн болон эблэрхэдэ энэ князь ехэ үүргэтэй байгаа гэжэ автор тэмдэглэнэ. Гэхэтэй хамта, Владимир энэ хэрэг дэлгэрүүлхэдэ, буу зэбсэгэй хүсөөр бэшэ, харин угын хүсөөр зонтой харилсадаг байгаа. Хоёрдохи романынь герой болохо Святослав князь арадай дурасхаалда өөрынгөө нэрэ баһал мүнхэлһэн байна. Эртэ урдын Русь ороной хазаарай хаан шэрээтэдһээ дулдыдажа байһыень Святослав болуулһан гээшэ. Владимир Святослав хоёрой гансашье ухаатай эсээн удамаршад болон эрэлхэг зүрхэтэй сэрэгшэд бэшэ, мүн түрэл газарайнгаа, арадайнгаа урда харюусалга ехэтэй хүнүүд байһые гэршэлнэ. Тэдэ хоёр геройнуудынь хуби заяагаараа, абари зангаараашье адлихан хадаа, энэ хоёр зохёолой бүри гүнзэги удха шанартай байһые гэршэлнэ.

Прозаик эндэшые зүб байгаа. Түүхэтэ романуудые авторнууд бэшэхэдэ, этнографиин зүйлнүүдтэ ехэ анхарал хандуулдаг. Тэрэ үеын геройнууд ямар хубсаһа үмдэдэг, ямар хоол баридаг, ямар гэрнүүд соо ажаһуудаг, ямар унаагаар ябадаг байгаа гэжэ ехэ ханамжатайгаар бэшэдэг. Эдэ бүгэдэ эпохын шарай зураглан харуулхада хэрэгтэй болоно. Тээд геройнууд ямар юумэн тухай бодожо, юун тээшэ эрмэлзэжэ, ямар юумэндэ шүтэжэ байгаа гэжэ уншагшад баһал һонирхохо болоно. Тиигэжэ Ким Балков үе сагай түхэл шарай зураглан харуулхые оролдоно. Эдэ бүгэдые зураглан харуулхадаа тон бэрхэ байһаниень романуудынь гэршэлээ.

Мүнөө үе сагай амисхал Ким Балковой зохёол бүхэндэнь байдаг. Эхэ оройнгоо түүхэ зураглан харуулһан романууд соонь болоһон үйлэ хэрэгүүд ямар юумэнһээ жэшээ абахаар бэ гэжэ харуулха. «Берег времени» гэхэн романинь нонин гаршагтай. Ажаһуужа байһан үе сагайнгаа «эрье» дээрэ байһан зон сэдхэл дүүрэн байдалаа зохёожо, амар тайбан ажаһуужа шаданагүй.

Буддын шажанай монах үнэн алдартанай нангин албатан-священник хоёр Орос гүрэнэй һуудал байдалые шүүмжэлжэ, ревизи хэхэдэ, сагаан сэдхэлтэй эдэ зон мүнөө үе сагай зоной хэрзэги хомхой, өөрһөөнь ондоо хүниие тоодоггүй зан абариень сэдхэлдээ багтааха аргагүй. Сагаан сэдхэлтэй зоной һайхан һанаае,

тэдэнэй ондоо юртэмсэтэй, ондоо эпохотой харилсаа холбоотой байһые геройнуудайнгаа нюдөөр харуулһан олон үзэгдэлнүүд роман соо оронхой. Манай литература иимэл ёһо заншал ходоодоо баримталжа байгаа. «Уран зохёолшо хүн дэлхэйтэй хүйһөөрөө холбоотой хадаа, дэлхэйн гүнзэги оёорһоо олон юумэ бээдээ шэнгээжэ абана», – гэжэ манай нэгэ классигай хэлэһые бү мартая. Ким Балков газар дээрхи байдал тэнгэрийн хэмжээгээр хэмжэжэ үзэнэ...

Ким Балковой бэшэһэн зохёолнуудые абажа харабал, энэ зохёолшон ажабайдалые ямар үргэнөөр харуулдаг байгаа гэшэб гэжэ гайхахаар. Гималайн хормойдо ажаһуудаг эртэ урдын арийцэнүүд, зүүн славянуудай княжествэнүүдэй сэрэгшэд, Байгалай түмэр харгын барилгашад («Байкал – море священное» роман) болон хоридохи зуун жэлэй буһалгаанда хабаадагшад, Сибирийн таряашад («Земной крест» роман) гэхэ мэтэ Ким Балковой зохёолнууд хүнэй сэдхэл доторой байдал тон гүнзэгигөөр харуулһан байдаг.

Ким Балков ходоодоол бэшэжэ, зохёожо ябаха, гар һула байдаггүй хүн һэн. «Амарагты, – гэжэ би Ким Николаевичта хэлэхэб. – Бээ амаруулагты». «Ямар амаралта тухай хэлэнш! – гэжэ энеэхэ. – Геройнуудни намайгаа тойрошонхой, саашаал бэшэхыемни хүлэжэ байна...». Тиимэ даа, ажабайдалай томо далай урдаһаар лэ зандаа, далайе зогсоохо хүсэн байхагүй. Зохёолшо хүнэй уялга болбол – тэрэ урасхалыень найнаар лэ хаража, хадуужа абаха хэрэгтэй, далайн урасхал мүнхэ...

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

На пятачке. Повести. – Улан-Удэ, 1969.

Росстань. Повести. – Улан-Удэ, 1971.

Когда начинается утро. Роман. – Улан-Удэ, 1973.

Рубеж. Роман. – Улан-Удэ, 1977.

Его родовое имя. Роман, повесть. – М.: Советская Россия, 1979.

Дёмкины воробыи. Рассказы для детей. – Улан-Удэ, 1981.

Мост. Повести (Серия «Современная сибирская повесть»). – Улан-Удэ, 1982.

Поезда идут из детства. Рассказы. – Улан-Удэ, 1984.

Небо моего детства. Рассказы. – М.: Современник, 1985.

Струны памяти. Повесть, рассказы. – М.: Советская Россия, 1987.

Ожидание. Повесть, рассказы. – М.: Советский писатель, 1989.

Байкал – море священное. Роман. – М.: Современник, 1989.

Белые деревья. Рассказы. – Улан-Удэ, 1990.

Идущие во тьму. Роман. – Иркутск, 1994.

Будда. Роман. – Иркутск, 1995, 2006.

От руки брата своего. Роман. – Иркутск, 1997.

За Русью Русь. Роман-рапсодия. – Иркутск, 2000.

Берег времени. Роман. – Иркутск, 2002.

Иду на Вы. Роман. – Иркутск, 2005.

Идущие во тьму. От руки брата своего. Романы. – Иркутск, 2006.

Байкал – море священное. Роман. Антология бурятского романа в 10 томах. Том 8. Улан-Удэ, 2006; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 8. – Улан-Удэ, 2012.

- Горящие сосны.* Роман, рассказы. – Иркутск, 2007.
- Звезды Подлеморья.* Рассказы. – Иркутск, 2008.
- Будда.* От руки брата своего. Романы. Серия «Самородки Забайкалья» в 10 томах. Том 5. – Улан-Удэ, 2010.
- А дедушке Шулуңу скажу...* Рассказ. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 2. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Найдаков В.* Каков он, наш современник? // Найдаков В. Традиции и современность в бурятской литературе. – Улан-Удэ, 1974.
- Без указ. автора.* Балков Ким Николаевич // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
- Уланов Э.* Своя тропа, свой почерк // Современная литература Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.
- Уланов Э.* Ким Балков // Земли моей молодые голоса. Сборник критических статей. – Улан-Удэ, 1981.
- Жаркой В.* Верность теме. Штрихи к портрету писателя. – Правда Бурятии, 1982, 16 октября.
- Найдаков В.* Певец Байкальского Подлеморья // Найдаков В. Непроторенными путями. – Улан-Удэ, 1984.
- Митыпов В.* Слово о друге. – Байкал, 1987, № 2.
- Хамаганов М.* Времен связующая нить... – Байкал, 1991, № 1.
- Без указ. автора.* Балков Ким Николаевич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Тулохонов С.* Балков Ким Николаевич. // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.
- Бадуева Г.* «По кругу солнца»: циклы рассказов К.Балкова // Фольклор и литература Сибири. – Новосибирск, 2001.
- Щетинина Л.* Мы, олимпийцы, чтим и любим вас! К 70-летию К.Н.Балкова. – Бурятия, 2007, 15 сентября.
- Уланов Э.* Балков Ким Николаевич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Михаил Михайлович
ШИХАНОВ**
(1937-1988)

О ТОМ, ЧТО ДОРОГО

«Россия, надо мной твои звезды» – так называлась коллективная книга стихов бурятских поэтов, в которой более полувека назад появились первые строки Михаила Шиханова. Авторы не случайно дали сборнику такое название: каждый из них рассказывал о родном крае как о части большой Родины, каждый нес ей сыновнюю признательность.

В стихах Михаила Шиханова и тогда, и позже отчий уголок земли имел приметы скромные, но такие дорогие, неповторимые: саранки в степи, свет гольцов вдалеке, родной деревянный домик. И говорил поэт об этом словами искренними, доверительными:

*Когда бывает трудно,
Когда растерян, смят,
Увижу: утром трубы
В селе родном дымят.*

*И пахнет дым смолою
Да белым калачом,
Нечаянной слезою,
Уплывшим молоком.*

*И веет дым словами
Да смехом матерей,
Мальчишескими снами
Да Родиной моей.*

Со страниц первых книг Михаила Шиханова «Сарана» и «Путь к себе» читателям открывалась сегодняшняя Сибирь – земля скромных цветов и мужественных людей, суровой таежной красоты и новостроек. А еще в поэтических строках жил во всей достоверности день вчерашний – детство военных лет, скупой ломтик хлеба, раннее взросление ребят. Об этой памяти, которая тоже питает любовь к родной земле, мы не раз вели беседу с Михаилом Шихановым.

– У многих твоих ровесников отцы остались на полях Великой Отечественной войны. Твой отец погиб еще раньше – в боях на Халхин-Голе. Но для тебя детство, если судить по стихам, – это не просто годы сиротства и тягот. Скорей всего, это время, которое определило твой характер, взгляд на жизнь и людей.

– Пожалуй, так оно и есть. Детские впечатления, хотя они и яркие, ценны, по моему, не столько сами по себе. Они бросают отсвет на всю жизнь. В этом свете лучше понимаешь доброту и благородство людей, лучше видишь подвиг старшего поколения. И сама земля, все окружающее дороже тебе потому, что люди в этом твоём краю так много пережили.

Хочется подтвердить это признание хотя бы несколькими строками стихов. Об отце:

*У черной речки Халхин-Гола,
Где волн веселых вольный гул,
Планету подложив под голову,
В могиле братской ты заснул.

Поджарый, чуточку скуластый,
И россыпь черная колец.
Я говорю тихонько: «Здравствуй!
Ты узнаешь меня, отец?»*

А вот о хлебе:

*Разминаю колос узловатый.
Зерна, отливающие в медь.
Все в них дорого и все мне свято:
Собирал я колоски когда-то,
Чтобы с голоду не умереть.*

Но продолжу запись разговора.

– Передо мной лежат книги твоих стихов «Первоснежье», «Моя Сибирь», «Тоннель». Первое, что отмечаешь при чтении, – книги тесно населены людьми: охотниками, чабанами, геологами, строителями дорог. Чтобы подтвердить это, достаточно привести названия некоторых стихов: «Рыбаки», «Геологам Молодежного», «Сакманщик». Меня интересует вот что. Обычно в лирическом стихотворении автор добивается большей достоверности, когда говорит о личном, о собственном. А в повествовании о другом человеке легко сбиться на пересказ его судьбы, его чувств. Чем же вдохновляет тебя сюжет такого стихотворения?

– Я уже два десятка лет работаю журналистом. Поездки по заданию газеты, журнала всегда обогащают. Острее становится взгляд на людей. Стремись же понять: а как этот человек относится к делу, которое выбрал, к прошлому, к природе? В конечном счете, это отношение к жизни, к Родине. И вот когда понимаешь

другого человека, лучше постигаешь и самого себя. А коли так, то и пишешь эмоциональней, точнее, понятней для других.

Думаю, эти слова объясняли и тягу Михаила Шиханова к поэме – жанру, который позволяет соединить лирическую взволнованность рассказа с эпическим осмыслением события. Михаил Шиханов – автор нескольких поэм на современную и историческую темы. Крупная поэма «Открытие Сибири» посвящена русским первопроходцам, чьи потомки обжили суровый сибирский край. Тридцатые годы, коллективизация в забайкальской деревне, сопротивление кулаков – тема другой поэмы – «Крутоверть». Жизни сельской молодежи восьмидесятых годов было посвящено еще одно поэтическое повествование – «Сердечная история». А в книге «Тоннель» поэма, давшая название сборнику, рассказывала о строителях БАМа.

Отдельные поэмы не лишены недостатков. Не удалась, в частности, последняя из них. Надуманность сюжета, слабое знание действительных проблем стройки, жизни и быта проходчиков тоннеля – все это не позволило автору создать полнокровного произведения. А вот поэма «Крутоверть» показала М. Шиханова как талантливого эпического поэта: его умение найти главный нерв конфликта, точно, живописными штрихами нарисовать картину или характер героя. Приведу несколько строк из этой поэмы. Немного сказано о сельском богатеере Ермиле Петрове, а портрет этого мироеда получился живой и запоминающийся:

*Он сидит под божницей. Тучный,
Клином бороду в стол забив.
Перед ним баранина жирной кучей
И горчичником диким золотится подлив.
Он подносит к губам (губы – малиной спелой)
Жиром тающее ребро:
– Так о чем Александра Батьковна пела? –
И глазом в Василия метит хитро.
Знает сын этот взгляд с прищуром,
Вбил себе с малолетства в толк –
От отцова взгляда на кабаньей шкуре
Щетина ластится, словно шелк.*

Стремление осмыслить жизнь в многообразии ее человеческих характеров и свершений видно и в прозаических произведениях Михаила Шиханова: в повестях «Леший камень», «Соседи», в многочисленных рассказах, которые публиковались в журналах, коллективных сборниках и вошли в книги, изданные в Москве и Улан-Удэ. В них тоже слышен голос поэта. Узнаешь его поэтические образы, его интонацию, чувствуешь его искренность.

И в этом залог того, что и строки поэта всегда найдут дорогу к сердцу читателя.

ЭГЭЭЛ СЭНТЭЙ ЮУМЭН ТУХАЙГАА

«Россия, надо мною твои звёзды» гэхэн Буряадта ажаһуудаг хэдэн авторнуудай шүлэгүүдэй хамтын суглуулбари-номой гараһаар табяад жэл үнгэрөө шахуу. Тэрэ суглуулбарид Михаил Шихановай түрүүшын шүлэгүүд оролсоһон юм. Тус суглуулбари миин лэ иимэ нэрэтэй бэшэ: ном соо ороһон автор бүхэн өөрынгөө түрэл нютаг, түрэхэн дайда тухай түүрээхэдээ, амяаран газарта бэшэ, үргэн ехэ ороной нэгэ бишыхан хубида байһанаа, эндэ түрэхэн хүбүүншни гээшэб гэжэ баяр баясхаланаа, омогорхол, жаргалаа мэдүүлжэ байһанаа домоглоо.

Михаил Шиханов шүлэгүүд соогоо түрэхэн тала дайдаяа хэтэрмэ гоё үгэнүүдээр аргагүй гоёожо бэшэ, харин юрынхээр, аали намдууханаар, тон өөрынхээрэ дура сэдхэлээ мэдүүлжэ бэшэдэг: тала газарта ургажа байһан сэсэг, холоһоо харагдажа байһан хада хабсагайнуудай оройгоор туяарһан гэрэл, модоор баригдаһан гэрын – эдэ бүгэдэ тэрэнэй зүрхэндэ үнэтэй.

*Хүшэр сагай ерэхэдэ,
Урма зоригой хухархада,
Үглөөгүүрын утаагаа бадхаһан
Үргэн нютагни харагдаха.*

*Пезиэнэйн утаан дабирхайтай,
Сагаан хилээмэнэй үнэртэй,
Һүеэ бусалгаад дэбэргэһэн
Һамгад мэгдүү зугаатай.*

*Эжынэрэй энеэдэнһээ,
Эдир хүбүүдэй зүүдэнһээ,
Эхэ оромни эхитэй,
Энэнь намда үнэтэй.*

«Сарана» болон «Путь к себе» гэхэн түрүүшын номуудай хуудануудһаа сэсэг набшаар, эрэлхэг зоноор, тайгын хангалаар, шэнэ барилгануудаар суурхаһан мүнөө үдэрэй Сибириин хизаар дайда нээгдэнэ. Поэдэй шүлэгүүд соонь дайнай хүшэр сагта үнгэрһэн бага наһаниинь, тэрэ үедэ хомор байһан хилээмэн, ехэшүүлтэй адли ажал хэжэ эрэ болоһон хүүгэдэй саһаа урид хүдэржэһэн нюур шарайнууд – харагдаһандал байдаг. Зүрхэ сэдхэлдэнь үлэшэһэн энэ дурасхаалнууд, тэрэнэй шүлэгүүд тухай Михаил Шихановтай хөөрэлдэдэг хэмди.

– Үетэнэйш эсэгэнэрэй олонхинь Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнһаа бусаагүй, шини эсэгэ дайнһаа үшөө урид, Халхын-Голой байлдаанда унаһан бэлэй даа. Шини шүлэгүүдые абажа харахада, бага наһан гансашье үнэшэрэл, үлэн хоһон үе саг бэшэ, тэрэ үедэ шини абари зан хүмүүжэн бүрилдэжэ, ажабайдалые, тойроод байгаа хүнүүдые ондоо нюдөөр харадаг болоһон хаһа гэжэ эли болоно.

– Тиимэл даа. Үхибүүнэй ханаанда олон юумэн үлэдэг шуу. Һайн ханаан, баатаршалга гаргаһан зон ханаандаш Һайнаар хадуугдан үлэхэ. Бэрхэшээл хамта дабажа гараһан хүнүүд, тоонто дайдашни бүри үнэтэйгөөр ханагдаха, – гэжэ поэт хариусана.

Эсэгэ тухайгаа поэт иигэжэ бэшэһэн:

*Хөөһэ бушхан бурьялан урдажа байдаг
Халхын-Голой хара уһанай эрьедэ
Хурьһэтэ дэлхэе тархи дороо дэрлэжэ,
Хамтын хүүр соо мүнхэ нойроор нойрсонош.*

*Туранхай бэе, урагшаа ёбойһон үргэн,
Үдхэн хара нидхэ,
Хүүртэйш ерэжэ, доро дохин мэндэшэлээб,
– Хүбүүниши ерээб, танина гүш, аба...*

Хилээмэн тухай иигэжэ бэшэнэ:

*Гүрлөөтэй энэ амтан хоолос
Шара зэдтэл шаргал үнгэтэй, нангин.
Туража үхэхэгүйн тула хара хүсөө элсүүлэн,
Хоолос суглуулжа ябадагаа мүнөө һананалби...*

– «Первоснежье», «Моя Сибирь», «Тоннель» гэхэн гаршагуудтай номуудшни урдм хэбтэнэ. Номуудыешни уншахада, ангуушад, хонишод, геологууд, харгын барилгашад гээд, элдэб мэргэжэлтэй зон шүлэгүүдтэшни дүүрэн байна. Зарим шүлэгүүдэйшни гаршагууд «Рыбаки», «Геологам Молодежного», «Сакманчик» минии хэлэһые баримтална. Уянгата шүлэг бэшэхэдэ, ирагуу найрагшад өөрынгөө доторой байдал, ямар юумэн тэрэнэй ханаа зобооноб – тэрээн тухайл түүрээн домоглодог. Ондоо хүн тухай, ондоо хүнэй досоогоо хадагалжа ябаһан юумэн тухай үнэн зүбөөр домоглон түүрээхэ гээшэ хүшэр бэшэ гү? Юундэ ши ондоо хүн тухай бэшэхэ эрмэлзэлтэй байдагбши? – гэжэ һурахадам:

– Хорёод жэлдэ сурбалжалагшаар хүдэлнэб. Сонинуудай, сэтгүүлнүүдэй даабаряар ябахадаа, олон юумэ мэдэжэ абааб. Хүнүүдые ондоо нюдөөр харадаг болооб. Энэ хүн ямараар ажал хэрэгтээ, үнгэрһэн үе сагта, байгаалида хандадаг юм ааб гэжэ ойлгохоо оролдохош. Эдэ бүгэдэ юун бэ гэхэдэ, хүнэй ажабайдалдаа, Эхэ орондоо хандаса болоно. Харин ондоо хүниие ойлгоходоо, өөрыгөө ойлгожо абахаш. Тиимэл һэн хойнонь, шуналтайгаар, зүбөөр, ондоо хүнүүдтэ ойлгосотойгоор бэшэхые оролдохош, – гээ һэн.

Энэ харьюһаань юундэ тэрэнэй поэмэ бэшэхээ эрмэлзэдэгынь ойлгожо абаа һэм. Поэмын жанр болбол уянгата шүлэг үйлэ хэрэгтэй холбоһон хөөрөөн бшуу. Михаил Шиханов мүнөө үеын ба түүхын темэнүүдтэ зорюулһан хэдэн поэмэнүүдэй автор ха юм. «Открытие Сибири» гэхэн томо поэмэнь Сибириин үргэн ехэ хизаарта анхан ерэжэ һуурижаһан ород хүнүүдтэ зорюулагданхай. «Круговерть» гэхэн нүгөө поэмэ соогоо гушаад онуудта Байгалай ара талада оршодог дэрээбэнүүдтэ болоһон хамтарал, баяшуулай, зөөритэй зоной энээндэ үсэрхэһэн тухай домоглоно. «Сердечная история» гэхэн поэмэнь наяд онуудта хүдөөгэй залуушуулай ямараар ажаһуужа, ажаллажа байһые харуулна. «Тоннель» гэхэн поэмэ соонь БАМ-ай барилгашад тухай хэлэгдэнэ.

Зарим поэмэнүүдын дутуу дундануудтай. «Тоннель» гэжэ поэмэ хүрхэй зохёол болоогүй. Һанаанһаа абажа табигдаһан сюжет, тоннелиин проходчигүүдэй ажал, ажабайдал һайнаар мэдэхэгүй байһаниинь эндэ харагдана. Харин «Круговерть» гэжэ поэмэ яһала һайн зохёол болонхой. Энэ поэмэ соо болоһон зүрилдөөнэй гол шалтаг оложо, геройеын дүрэ зураг үнгэтэтүүлэн гоёор зураглажа шадаһаниинь эндэ эли. Тус поэмэһээ хэдэн мүнүүдые дурдая. Хүдөөгэй Ермила Петров гэжэ баян хүнэй дүрэ зураг иигэжэ харуулна:

*Бурханай дүрсин урда нууна,
Бамбагар тарган, нахалаа ханжуулаад,
Тарган хониной мяхан урдань
Табяатай, өөхэтэй хабирга:
– Александра Батьковна юун тухай дуулаа нэм? –
Аргагүй мэхэтэй нюдөөр Василий руу харана.
Онигор энэ хараса хүбүүнийн хайн мэдэхэ,
Одоол багаһаань. Бодон гахайн арһан дээрэ нууһан
Эсэзынь мэхэтэй нюдэд торгон мэтээр елэрнэ.*

Михаил Шиханов «Леший камень», «Соседи» гэжэ прозоор бэшэһэн туужанууд, сэтгүүлнүүдтэ, хамтын суглуулбаринуудта толилогдохон расказууд, Москва, Улаан-Үдэ хотонуудта хэблэгдэн гараһан номууд соогоо ажабайдалые бүхы талаһаань зураглан, олон ондоо хүнүүдэй абари зан тобойсо харуулжа шадаа. Эдэ зохёолнууд соо поэдэй абьян тодо хайнаар дуулдана. Тэрэнэй поэтическа дүрэ зурагуудые, дуу хүгжэмые, үнэн зүрхэнһөөнь домогложо байһаниень мэдэрхээр. Тиимэл хадаа поэдэй шүлэгэй мүнрүүд уншагшын зүрхэ сэдхэлдэ бүхөөр хадуугдан, дура сэдхэлыень хүдэлгэжэ байхань сохом.

КНИГИ ПОЭТА

- Сарана.* Стихи (в кассете «Байкальские зори»). – Улан-Удэ, 1966.
Путь к себе. Стихи. – Улан-Удэ, 1970.
Первоснежье. Стихи, поэма. – Улан-Удэ, 1975.
Моя Сибирь. Стихи, поэмы. – Улан-Удэ, 1977.
Тоннель. Стихи, поэма. – Улан-Удэ, 1981.
Леший камень. Повесть, рассказы. – Улан-Удэ, 1983.
Песнь рассвету. Стихи, поэма. – Улан-Удэ, 1985.
Красное солнце. Историческая поэма, стихотворения. – Улан-Удэ, 1988.
Леший камень. Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1989.
Кедровое молоко. Стихотворения, рассказы. – Улан-Удэ, 2003.
Чудеса под рукой. Стихи для детей. – Улан-Удэ, 2006.
Собираясь в дорогу последнюю. Поэмы и стихи разных лет. – Улан-Удэ, 2007.
Друзья Белой волшебницы. Пьеса в стихах для детей. – Улан-Удэ, 2009.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Щитов А.* Найти путь к себе. – Правда Бурятии, 1975, 2 октября.
Паликова А. Чтоб мир был много вновь осмыслен... – Байкал, 1976, № 2.
Ярневский И. Когда годы набирают зрелость. – Байкал, 1978, № 2.
Уланов Э. Байкальские дороги. – Литературное обозрение, 1980, № 2.
Липатов В. Верность отчей земле. – Правда Бурятии, 1987, 14 ноября.
Хабеева А. Контакт, или Поэтическая родословная Михаила Шиханова. – Правда Бурятии, 1988, 24 июля.

- Без указ. автора.* Шиханов Михаил Михайлович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Паликова А.* Михаил Шиханов // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
- Куницын О.* «Любите, люди, землю, как я ее люблю!» – Бурятия, 1997, 6 ноября.
- Тулохонов С.* Шиханов Михаил Михайлович // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.
- Сизых А.* Честный талант. – Бурятия, 2003, 18 июля.
- Щетинина Л.* Породниться со знаком вечности. – Правда Бурятии, 2007, 2 марта.
- Сурмач Е.* В душе он остался кяхтинцем. – Правда Бурятии, 2007, 8 ноября.
- Голубев Е.* Его поэзии река. – Правда Бурятии, 2008, 17 января.
- Паликова А.* Шиханов Михаил Михайлович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Даши Цыретарович
ДАМБАЕВ
(1938-1975)**

ВЗРЫВНАЯ СИЛА СТРОКИ

Кто в Бурятии не слышал «Песню о Селенге», слова которой написал поэт Даши Дамбаев? Кажется, сама река, текущая в привольных степях, дарит задумчивые и нежные слова, разносит окрест чистую мелодию. Чутким сердцем услышал Даши Дамбаев сокровенные строки о родной земле. Неудивительно, что народный поэт республики Николай Дамдинов, представляя читателям первую (и, к сожалению, единственную) книгу Даши Дамбаева, вышедшую в Москве в 1968 году, вспомнил прежде всего «Песню о Селенге» – она показалась ему счастливым символом в поэтической судьбе молодого автора. «Даши Дамбаев, – писал собрат по перу, – родился и вырос в Селенгинском районе, среди степей, дымчатосиних летними вечерами, ослепительно белых зимой. Красавица Селенга голубой лентой пересекает здесь древнюю землю. Думая о родных местах, поэт однажды написал стихотворение «Селенга», а его друг, молодой композитор Базыр Цырендашиев сочинил музыку к нему. Бывают такие моменты в жизни: «Песню о Селенге» после первого же исполнения по радио подхватил и запел весь народ».

Лишь три маленьких сборника стихов на родном языке оставил Даши Дамбаев. Он ушел из жизни, не достигнув сорокалетия. Но редкий случай: в том небольшом творческом наследии поэта, которое осталось читателю, что ни стихотворение – то песня. С первых же публикаций Даши Дамбаева песни на его слова начали писать и профессиональные, и самодеятельные композиторы. Только в фондах республиканского радио хранится более тридцати песен на стихи талантливого поэта. Их неизменно включают в свой репертуар как молодые, так и прославленные бурятские певцы.

Чем же привлекают и музыкантов, и читателей стихи Даши Дамбаева? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно оглянуться на время, прожитое поэтом, полистать страницы его книг, запечатлевшие это время.

Даши Дамбаев родился в 1938 году, стихи начал писать в конце пятидесятых. Его характер – человеческий и поэтический – был взрывным, деятельным, требующим выхода бурной энергии. Я помню, как Даши читал свои стихи на литературных вечерах. Поднятая голова, энергичные жесты, упоение каждой строкой... Трудно было представить этого человека среди спокойной, размеренной жизни. Он и в судьбе своей делал повороты резкие и смелые, неожиданные.

Даши закончил школу с серебряной медалью, поступил на геологический факультет МГУ. Но на первом же курсе понял, что геология – не его дело. Его страсть – поэзия, а путь к ней – это путь к людям, это жизнь и работа вместе с ними. Даши уходит из университета, едет на целину, на строительство железной дороги в Казахстан. К поэтической учебе (а позже Даши поступает на заочное отделение Литературного института имени Горького) он идет через университеты труда. Вот тогда появляются его лучшие стихи – романтические, звонкие:

*О нет,
я не хилое дерево,
Не оскверню
Мундаргу,
Я солнцу
на знойном дворе его
Петь
светлые песни
могу.
Мной
тонны земли
перебраны,
Я мир
перервать готов,
Чтоб
только найти
серебряные
Слова
для своих стихов.*

Раскованность молодой души, упоение работой, трудной и необходимой, – все это выражалось в стихах энергично и броско. Достаточно привести названия стихов, их первые строки, чтобы подтвердить это: «О, ветры романтики, вейте!». «Вперед, мой поезд, поезд молодости моей!», «Пой, мой атом!». В книге Даши Дамбаева не было дешевого бодрячества, розового оптимизма, которые в иных стихах подменяли истинную романтику, энтузиазм людей, – здесь было ощущение хозяина жизни.

*Жизнь! Я воздух соленый пью.
Жизнь! Я песни степей пою.
Слышишь ты, ветер над головой,
Зовет меня жизнь, я пока живой.*

*В мире тревог дорожных,
В мире победных кликов
Иду я тропой тревожной
С мыслями о великом.*

Вообще у Даши Дамбаева было зрелое отношение к противоречиям бытия, понимание жизни как борьбы. Он видел мир как поэт и философ: красоту и счастье нужно создавать, за них нужно бороться. Об этом он говорил в стихах:

*Неужели и я, как трава, предам
Тело свое земле?
Нет! Я буду греметь в громах,
Молнией разрываться.
Я буду влюбленных сводить с ума
Дурманом акаций!
Я вечен не только в ковре цветов –
Я разумом светлым вечен!*

Это философское осмысление жизни особенно ярко выразилось в стихах Даши Дамбаева об искусстве, о великих его представителях – Бетховене, Григе. Какие образы встают перед поэтом, когда он слушает музыку? Прежде всего, образ борца – человека несломленного, идущего к свету, верящего в жизнь.

*Пусть ночь надо мной леденеет,
Пусть волны меня хватают –
Я вижу тот день,
Что наполнен
Горячим и вечным солнцем,
Я вижу тот день,
Хотя бы
Борьба мою жизнь отнимет!*

А вот лирический монолог о погибшем на фронте отце – «Клятва». В нем печаль, но она соседствует с другим чувством – долгом перед жизнью, который обязывает сына продолжить тропу отца:

*Как знамя, твои пронесу мечты
Сквозь грозы лихих годин!
Верь мне: чего не добился ты,
Сумеет добиться сын!*

Поэт не готовился к смерти. Но теперь, после его ранней кончины, читая стихи, ощущаешь, что он будто предвидел ее. Мудро и мужественно примерял он к своей судьбе смерть на дороге борьбы, завещая юным песни, рожденные горячим сердцем:

*Я грудью, грозой прожженной,
Под самым тяжелым громом,
Под самым тяжелым ливнем,
Совсем истекая кровью,
Пройду – и смеяться буду.*

*Мое пробитое тело
От боли не затрепещет,
И взгляд моих глаз не померкнет,
И самые громкие песни,
В степном рожденных сердце,
Опять устремятся в дорогу,
Как белые голуби – к солнцу!*

Новая юность входит в жизнь, чтобы познавать тайну атома, строить магистрали, растить хлеб. Эта юность возьмет с собой в путь стихи и песни Даши Дамбаева, славящие труд, борьбу, романтику.

*Я землю долблю.
Как каменная.
Лиловые звезды искр.
Лихая земля.
Руками ее
Осилить и не берись.
Бескрайняя степь –
в ожидании:
Дождя бы, да посильней.
Вдали, в голубом дрожании,
Видится город мне.
Фонтаны там.
Тень тополиная.
А здесь, где к целинным хлебам
У железнодорожной линии
Шагать широко столбам,
Мне хочется воду студеную
На голову ведрами лить.
Стремнинами и затонами
От берега к берегу плыть.
Слепая мечта!
Поблизости
Глотка воды не найдешь.
Сухие губы облизывай
И метры траншей итожь.
О, ветры романтики,
вейте!
Отныне и навсегда
Я буду петь
о Человеке
На языке
труда.*

«ДУУЛАН ЯБАХАА ЭНДЭ ТҮРӨӨ НЭМ...»

Даша Дамбаевай үгэ дээрэ найруулагдахан «Сэлэнгэ тухай дууе» мэдэхэгүй, шагнаагүй хүн Буряадта олдохогүй хаш даа. Энэ дууе шагнахадаш, эгээл уһанай урдажа, тала дайдаар хүгжэмэй эдэлжэ байһандал ханагдаха. Түрэл газараа, түрэн дайдаа Даша Дамбаев иимэ гоё үгэнүүдээр магтаһан гүб даа. 1968 ондо Москвада ород хэлэн дээрэ хэблэгдэн гараһан ори гансахан номыень уншагшадта дурадхахадаа, Буряадай арадай поэт Николай Дамдинов «Сэлэнгэ тухай дуун» залуу авторай хуби заяанда тон ехэ удха шанартай байгаа гэжэ тэмдэглэһэн юм: «Үргэн тала дайдын дунда зунай үдэшэ хүхэрэн манатажа, үбэлдөө саб сагаанаар сахилзажа байдаг Сэлэнгын аймагта Даша Дамбаев түрэжэ үдэһэн юм. Түрэн тоонто тухайгаа бэшэһэн шүлэгтэнь, нүхэрын, залуу композитор Базар Цырендашиев хүгжэм найруулаад, радиогоор эдэлхэтэйн адли зон дуулалдажа эхилэһэн».

Түрэл хэлэн дээрэ бэшэһэн шүлэгүүдэй гурбан бишыхан номууды Даша Дамбаев арадтаа үлөөгөөд лэ, дүшэшье хүрэнгүй энэ дэлхэе орхихон ха юм даа. Жэгтэйн гэхэд: шүлэг бүхэниин дуун боложо эдэлһэн гээшэ. Бэшэжэ эхилхэтэйн зэргэ залуушье, дүршэлтэишье хүгжэмшэд шүлэгыень абажа, хүгжэм найруулдаг зантай һэн. Тиигэжэ республикын радиогой жасада гушаадһаа үлүү дуунуудын хадагалаатай, залуушье, мэдээжэшье буряад дуушадай репертуарта Даша Дамбаевай шүлэг дээрэ бэшэгдэһэн дуун заабол байха.

Хүгжэмшэды, уншагшэды Даша Дамбаевай шүлэгүүд юугээрэ татадаг байгаа хаб? Энэ асуудалда харюусахын тула поэдэй ажаһууһан үе саг, тэрэ үе тухай бэшэһэн номуудайн хууданууды хэхэжэ үзэхэ хэрэгтэй.

Даша Дамбаев 1938 ондо түрэжэ, табяад онуудай һүүл багаар шүлэг бэшэжэ эхилһэн юм. Абари зангаар бурьялма ехэ хүсэтэй, эршэмтэй, огсом дорюун, хүдэлсэтэй хүн байгаа. Уран зохёолой үдэшэнүүдтэ Дашын шүлэгүүдэ уншажа байхыень нэгэнтэ бэшэ хараһан байнаб. Толгойгоо үргэнхэй, гараа арбагануулжа байгаад, мүн бүхэндөө һогтон байжа уншаха... Намдуу аалин байдалда байжа шадахагүй хүн хаш даа гэжэ тэрэн тухай бодохоор һэн. Тээдшье ажабайдалда Даша Дамбаев эрид шуумгай, хүнэй ханаанда орохогүй ябуулганууды хэдэг, элдэб ушарта орошоһон байдаг бэлэй.

Мүнгэн медальтайгаар хургууля дүүргээд, МГУ-гай геологическа факультеттэ һурахаа ороһон юм. Геологи – минии хэрэг бэшэ гэжэ нэгэдэхи курсда һуража байхадаа ойлгоһон. Поэзидэ ехэ шуналтай, энэл харгыгаар ябаха байна гэжэ шиидэһэн байгаа ха. Тиигээд лэ Даша университетээ орхижо, Казахстанда түмэр харгын барилгада хүдэлхээ мордобо. Һүүлдэнь тэрэ М.Горькийн нэрэмжэтэ Литературна институтдэй заочно отделенидэ ороһон хойноо огсом солгёон шүлэгүүды мүнделэн гаргаа бэлэй:

– *Мундаргы зобоһон
мушхуу модон бэшэб! – гээд,
Мундуу бээ туршажа,
Хүрһэтэ газарай гүн сооһоо
хүлэр мүнгэн шүлэглэл
Хүрээ баряад уудалнаб.
Хүдэлмэришэ уладай
залан үгын үнсэг дээр
Хүн тухай шэнэ дуугаа һунганаб.*

Залуу наһанай охин, залуу наһанай эршэ хүсэн шүлэгүүдтэнь бурьялжа байха. «Сэнхир хүлэг», «Минии наһан», «Дуулыш, минии атом!» – гэхэн шүлэгүүдэйн гаршагууды, түрүүшын мүннүүды абажа харахада энэ эли. Даша Дамбаев гоё үгөөр ажабайдалы магтан түүрээдэг бэшэ, ажабайдалай эзэн гээшэб гэжэ шүлэгүүдээрээ хоолой дүүрэн хэлэдэг байгаа:

*Хүн бүхэн өөрсэ найхан хангалтай,
Мартагдашагүй мүнхэ сэсэг.
Би – дуушан, ши – дархани,
Бэе бээдээ атаархаадише яахамнайб!
Ажабайдал – зүүдэн бэшэ.
Ажабайдал – дуун.
Найнаар дуулахаа эрмэлзэ
Найхан энэ дуу!*

Поэт гүн ухаанай эрдэмтэн философ хүнэй нюдөөр ажабайдалаа хаража, ажабайдалаа тэмсэл гэжэ мэдэрэн, гоё найханай, жаргалай түлөө тэмсэхэ хэрэгтэй гэжэ шүлэгүүдтээ хэлэдэг байгаа:

*Ши, үхэл, урдаһаам яатараа харанабиш?
Шинии дүрсэ хажуудамни һүүдэртэнэ.
Хамхуул бээш манан соо бүрэлзэнэ.
Хабархуу намай төөрүүлхээ хананагиш?
Зүрхэнэйм сохидол зогсоо гэжэ ханаагиш?
Зүринэм шамда, бүхы хабая зангидажа!
Аманһаам үгэнүүд галтаһаар лэ зандаа,
Айдар наһамни шандааһатан шангадаа.
Аянгата дуумни эриэтэйгээр задархал
Ургын наһа наһалхашье байгуужам
Ухаансар толгойм үһэн дууһан сайгуужан –
Уулыеини, үхэл, тэмсэхээр лэ гаталхаб!*

Ажабайдалы гүн ехэ ухаанай зүгһөө мэдэрэн абаха эрмэлзэл, Бетховен, Григ гэжэ искусствын агууехэ хүнүүд тухай шүлэгүүдтээ ехэ тодоор зураглан түүрээһэн гээшэ. Хүгжэм шагнахадань ямар дүрэ образуудай нюдэндэнь бии болоһые, ажабайдалдаа диилдээгүй, сүхэрөөгүй, гэрэл туяа тээшэ, ажамидаралда этигэн ябадаг хүниие магтан түүрээжэ бэшэһэн байдаг:

*Зоной түлөө, золой түлөө
Зориг хабаяа эриэдхэн,
Холын аян, наранда мүнөөдэр
Хонгёо дуугаа үргэхэб.*

«Абын дурасхаал» гэжэ шүлэг соогоо дайн байлдаанда алдалан унаһан эсэгэ тухайгаа уянгалан түүрээнэ. Ехэ гуниг шаналалаа мэдүүлжэ байбашье, эсэгын-гээ хэрэг саашань үргэлжэлүүлхэ – хүбүүнэйн уялга би мэдэржэ байнаб гэжэ дуулгана:

*Абамни зохёодог байгаа гэлсэдэг –
Ажабайдал дуулахые хүсөө!
Наһанан наһалыень бэлүүлхые оролдон.*

*Гайхан замаарш дабианхайб.
Ханада ориодог дүрыень харахадам,
Харгыдам заяадаг хэбэртэй.
Сэлмэг хурса нюдыень шэртээд,
Сэдьхэл зүрхөө ханадагби.*

Үхэлдэ поэт өөрыгөө бэлдэжэ байгаа бэшэ. Эртүүр наһа бараһан поэдэй һүүлдэ шүлэгүүдын уншажа һуухадаа эртүүр наһа бараха байһанаа мэдэһэн юм гү гэжэ ханахаар. Шүлэгүүд соогоо залуу эдир зондо захяануудые хэлэһэн байдаг:

*Сагай ямаршые һалхин доро
Саһан сагаан сэдьхэл дэгжээн,
Хэзээш, хаанашые Хүн нэрын
Хэтын нангин заршам сахи!
Алмай ехэ алдуу хэжэ,
Амитан шэнги болоогүй һаа,
Үндэр һайхан хүсэл бодолоо
Үеын үедэ мүнхэрүүл!*

Атомай нюуса нээхээс, магистраль замуудые барихаяа, тарья тарихаяа эдир залуу халаан ургана. Эдэ залуушуул Даша Дамбаевай ажал, тэмсэл, ажабайдалай охи магтаһан шүлэгүүд болон дуунуудые замдаа ганзагалан абажа ябахань сохом гэжэ ханагдана:

*Замби ехэ түбин
Залаа болон ориноноб.
Сэсэг гэжэ нэрлэбэл,
Сэгнэшгүй һайхан сэсэгби.
Мүшэн гэжэ нэрлэбэл,
Мүхэшгүй хурса мүшэнби.
Газар, уһан, агаарһаа
Гал дундуур мүндэлөөб.
Бүгэдын түлөө гэхэн
Буддын сэсэн сурталаар
Хүмүүни арюун сэдьхэлтэй
Хүн бүхэн – бурхан.
Мартагдашагүй сэсэг.
Маша һаруул мүшэн.*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Шанха дээрэм наран. Багахан поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1962.

Сэнхир хүлэг. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1964.

Хүбшэргэй. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1967.

Наһанай дуун. Шүлэгүүд, дуунууд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1977.

Алтан зула. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1998, 2008.

Сэлэнгэ. Дуунууд. Улаан-Үдэ, 1998.

На русском языке:

Тетива. Стихи. – М.: Советская Россия, 1968; Таёжная, озёрная, степная.

Стихи. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 13. – Улан-Удэ, 2012.

Живущий, да будь счастливым! Стихи и поэмы. – Улан-Удэ, 1988.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Галсанов Ц. Молодой поэт Даши Дамбаев. – Буряад Унэн, 1958, 20 июня.

Улзытуев Д. Новые книги наших писателей. – Буряад Унэн, 1962, 10 августа.

Бадаев А. К творческой вершине. – Буряад Унэн, 1964, 4 июня.

Дугар-Нимаев Ц.-А. Тугая тетива. – Буряад Унэн, 1967, 6 сентября.

Табудаев К. Стихов чеканный строй. – Молодежь Бурятии, 1969, 7 июня.

Нимбуев В. Крепкий стержень. – Молодежь Бурятии, 1969, 17 июня.

Нимбуев В. Я поднимаюсь вместе с солнцем... – Правда Бурятии, 1969, 19 августа.

Нимбуев В. О книге «Тетива». – Сибирские огни, 1970, № 6.

Намжилов Ч.-Р. Слово о поэте. – Буряад Унэн, 1978, 13 апреля.

Танхаев Л. Звонкий голос поэта. – Правда Бурятии, 1978, 27 апреля.

Намжилов Ч.-Р. Судьба поэта. – Байгал, 1988, № 2.

Дондогой Ц-Д. В необъятной вселенной... – Буряад Унэн, 1988, 13 апреля.

Танхаев Л. Даши Дамбаев // Дамбаев Д. Живущий, да будь счастливым! Стихи и поэмы. – Улан-Удэ, 1988.

Ленхобоева Н. «Я родился, чтоб воспеть родину...» – Буряад Унэн, 1993, 20 мая.

Без указ. автора. Дамбаев Даши Цыретарович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Батоин М. Тернистый путь поэта. – Буряад Унэн, 1998, 30 мая.

Хамгушкеева М. «Жизнь, понял я, как песня...» Штрихи к портрету Даши Дамбаева // Хамгушкеева М. Бурятская поэзия. – Улан-Удэ, 1998.

Рыгзенова О. Поэтический мир Д.Дамбаева. – Буряад Унэн, 1998, 10 сентября..

Жугдурова С. О творчестве Д.Дамбаева. – Буряад Унэн, 1998, 5 ноября.

Жугдурова С. О книге «Золотая лампада». – Буряад Унэн, 1999, 2 декабря.

Жамбуева Ж. Дамбаев Даши Цыретарович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Дугаров Б., Танхаев Л. Даши Дамбаев // Дамбаев Д. Золотая лампада. Стихи и поэмы. – Улан-Удэ, 2008.

Банзаракаева Л. Даши Дамбаев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Георгий Цыренович
ДАШАБЫЛОВ**
(1938-1993)

КАК ХЛЕБОМ, СЛОВОМ ПОДЕЛИСЬ...

*На красном холме песчаном деда похоронили.
Помню у белого камня ямы красный оскал.
Отец на войне... На запад колонны солдат уходили.
Запад, пылая в полнеба, кровь на земле расплескал...*

Читатели, детство которых совпало с Отечественной войной, воспримут эти строки Георгия Дашабылова, как свое личное, выношенное признание. Таково уж свойство стихов искренних, правдивых: раздумья и чувства лирического героя помогают людям лучше осмыслить собственную жизнь.

Какой человек встает перед нами в поэтических книгах Георгия Дашабылова? Мальчуган, помогавший матери-солдатке подвозить на санях сено. Юноша, который продолжил дело отца. Зрелый человек, которому по плечу любой труд – и в степи, на стоянке отары, и в заводском цехе, за станком. Лирический герой этих стихов прошел трудовую и нравственную закалку. И может быть, потому он особенно ценит увлеченность в любом труде, бескорыстие в дружбе, нежность в любви.

*У ласточки, резвушка-красногрудки,
Что взмыла кверху, выгнутые крылья,
Как дуги-брови у моей любимой;
Слежу я в синеве ее полет,
А вижу перед собою образ милой...
...И небо чище мытого стекла,
Таким оно бывает только утром –*

*Улыбчивая радостная синь,
Как песня, широка и беспредельна.
Под этим небом, на степных просторах,
Как дышится мне вольно и легко!*

Георгий Дашабылов вырос на родине Хоца Намсараева – в Кижингинском районе. Стихи признанного мастера бурятской поэзии сопровождали его с детских лет. Это да ещё красота долины, окруженной молчаливым дозором гор, пробудили в сельском мальчишке желание писать стихи самому. Вначале это были по преимуществу пейзажные зарисовки, но вырос автор – и стихи его становились разнообразней по тематике, значительней по мысли. После окончания школы Георгий Дашабылов работал в колхозе чабаном, трактористом, служил в армии, учился в педагогическом институте. Как известно, время не только обогащает поэта, даря ему встречи с новыми людьми, знакомство с новыми краями. Оно еще и заставляет пристальней взглядеться в собственную судьбу, определить свою позицию в жизни. Эта позиция, оформившаяся с годами, выражена в зрелых стихах Георгия Дашабылова четко и определенно:

*Если ты высоко вознесен
И судьба потворствует во всем –
Ни преград тебе, ни испытаний,
Бойся же счастливым колесом
Прокатиться около страданий.

Нету хлеба – словом поделись.
Нету слова – просто улыбнись.*

В книгах Г.Дашабылова «Ветер родного края», «Нож в серебряной оправе», «Первый дождь» тема нравственного долга перед людьми – наиболее важная, наиболее интересная поэта. Он меньше всего стремится говорить об этом риторически, что называется, готовыми истинами. Почитайте стихотворения «Пора подснежника», «Был вечер выпускной...», «День рождения» и некоторые другие, и вы убедитесь, что поэт умеет сказать о главном, отталкиваясь от самого будничного, увиденного в природе, в быту.

*Подснежник, вестник солнечной весны,
Вся жизнь твоя – короткое мгновенье,
Звезды небесной вспышка и паденье,
С ресницы капнувшая вдруг слеза...
Приходишь ты порадовать сердца,
Вдохнуть в них бодрость,
Одарить волненьем
И наделить
прекрасным зреньем
степи.*

*Подснежник, я завидую тебе
И твоему великому уменью
Вселять в сердца
И радость, и волненье,
Судьбе твоей, упорству твоему.*

Как и в лирике других поэтов республики, в строках Г. Дашабылова открывается характер современного буряты. Конечно, каждый автор, в том числе и Г. Дашабылов, рисует его своими штрихами. Советский образ жизни обогатил этот характер. К традиционному гостеприимству, душевной деликатности, участию к человеку прибавились широта знаний, уверенность в будущем и многое другое. Г. Дашабылов не называет эти черты своего лирического героя, но за раздумьями автора, лирическими признаниями, поэтическими зарисовками быта видишь именно такого человека – духовно богатого, открытого, щедрого:

*Погостите у нас. Тарасун подадут после чая,
И продлится застолье, безоблачной шуткой искрясь.
Гость покажет себя, если может, сээр¹ принимая.
Сильный гость или нет – поглядим. Погостите у нас.*

*Принесем вам и лук роговой. Про себя же отметим:
Меткий гость или нет. Хорошо, если меткий, как раз.
Приведем скакуна. Обгоните, не медлите, ветер.
Окажитесь бурятом на миг. Погостите у нас.*

О белом цвете – извечном символе душевной чистоты у бурят поэт говорит такими словами:

*Прошли года.
И голова седа...
Не ждем дорог мы с белыми цветами,
И все же белый цвет, как прежде, с нами:
Вот лебеди плывут над степью, белы,
Вот все вокруг от снега побелело,
Белы отары в долах плодородных,
И Белый месяц празднует народ мой,
И белыми цветами степь одета,
И белым молоком заплещет лето.*

В жизни степняка всегда не последнее место занимала бережная забота обо всем живом на земле. Для него зеленый ковер трав и теплая голубизна неба были так же близки и дороги, как пол и войлочные стены родной юрты. Это хорошо выразил Г. Дашабылов в своем лирическом напутствии новорожденному.

*Ты явился в мир человеком,
Чтобы жить на этих просторах,
Соболиной тайгой бродить.
Твои братья – степные ветры,
Твои сестры – степные речки,
Твое небо – синяя синь.*

В стихах поэта природа родных мест живет, как все одушевленное; облака и звезды, горы и ручьи «равноправны» с человеком:

*Луна, табуница ночная,
остановилась над горой.*

¹ Кость, которую ударяют, пробуя силу.

*В ее сиянье попадая,
табун редееет – звездный рой.*

Или:

*Объяты зябкой дремою цветы,
Беззвучно плачут, бедные, во сне.
Когда б звенящей этой тишиной
Всегда – и день, и ночь – дышать я мог,
Ни радостям, ни бедам никаким
Не удавалось властвовать бы мной.*

*Улыбчивого утра алый цвет –
Точь-в-точь как щечки дочери моей.
Настанет день – молчание степи*

*Преобразится в юный, чистый глас.
И мощь звучанья будет нарастать,
И в полдень в полный голос запоеет
Всей неохватной ширью голубой
Степь – тысячеголосый богатырь.*

*А ночью снова тишина придет.
Слагаем песни вместе – я и степь.*

В таких стихах по-особому чувствуешь своеобразие творчества Георгия Дашабылова, национальный строй его произведений.

С самого начала литературной работы Георгий Дашабылов пробовал свои силы в разных жанрах. Постоянно писал он для юных читателей: издал сказку в стихах «Белая лошадь» и поэтический сборник «Мостик», несколько повестей и рассказов. Сотрудничал он и с театром. На сцене Бурятского академического театра драмы имени Хоца Намсараева была поставлена его пьеса «Подснежники той весны».

Как-то, обращаясь к другу-поэту, Г. Дашабылов написал:

*Степь твою колыбель качала
И растила крылья твои.
Чем ты выше над ней летишь,
Тем она раскрывается шире;
Чем ты больше в степи увидишь,
Тем дороже она и родней.*

Верная мысль. К ней можно добавить одно. Когда перед поэтом шире раскрывалась жизнь, тогда и строки о ней становились точнее и вдохновеннее. Такой высоты в поэзии и стремился достичь Георгий Дашабылов.

НЮТАГАЙ АГААР

*Тэрэ хабарай сагта
Тэнгэри сэлмэн амараа хэн.
Баруунай холын хотонуудта
Буугай дуун замхаа хэн.*

Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай үедэ бага ябаһан уншагшад Георгий Дашабыловай шүлэгэй эдэ мүнрүүдые өөрынгөө хэлэһэн үгэнүүд шэнгээр ханаха байха. Сэдьхэлэй оёорһоо гараһан үгэнүүдэй, ёһоор бодото шүлэгүүдэй хүсэн иимэл ха юм даа: шүлэгэй геройн бодоһон бодолнууд, зүрхэнэйн уярал ажабайдал тухайгаа бодомжолжо, шэбшэжэ үзэхэдэ туһалдаг бшуу.

Георгий Дашабыловай шүлэгүүд соохи хүн ямар хүн гэжэ бидэндэ харагдана гээшэб? Дайнай үедэ эхынгээ үбһэ шэрэхэдэ туһалалсадаг багахан хүбүүн. Эсэгынгээ хэрэгүүдые саашадань үргэлжэлүүлһэн эдир хүбүүхэн. Ямаршые ажал байг – үргэн тала газарааршые, хонидой отарадашые, заводой цех соошые, станогой саанашые – хамаагүй, бултыень хэжэ шадаха наһаа гүйсэхэн хүдэр хүн. Эдэ шүлэгүүдэй герой ажалай болон ажабайдалай хүмүүжэл гээшые яһала гараһан хүн гэжэ харагдана. Магад, эгээл тиимэхэ энэ хүн ажалай, хани барисаанай, инаг дуранай үнэ сэн мэдэхэ, тон гамтайгаар, хүндэтэйгөөр иимэ юумэндэ хандадаг байгаалтай.

*Хангалтай зулгы хэбшээнэй
Хаанаһаашыеб
Хатараад мэнэ ерэхэдэ,
Хабтагай ехэ хотын
Ханха зайдан гудамжаар
Хабарай урын гүйхэдэ,
Хангай хүбишэ – захатай,
Хада уула, талатай
Хандагатаймни
Хаха досоом ханагдаад,
Харихал дурам хүрэшэнэ.
...Эрезн пулаад хиидхүүлһэн
Эдир нариихан басаганай
Энеэбхилһээр дүтэлхэдэ,
Сэнхир огторгойн үнгэтэй
Сэсэн хүхюун нюдөөрөө
Шэртэн намай эмнихэдэ,
Ногоон тужсата Бурядай
Номгон даруу
Норжомодоо
Ниидэхэл дурам хүрэшэнэ.*

Георгий Дашабылов Хоца Намсараевай түрэхэн Хэжэнгын аймагта түрэжэ үдэхэн хүн. Буряад поэзиин нэрэ солотой зохёолшоной шүлэгүүд балшар багаһаань тэрээндэ мэдээжэ хэн. Гэхэхэ гадна, хэбэд номхон Хэжэнгын найхан байгаали шүлэг бэшэхые баадхан, зүрхэ сэдьхэлдэнь шүлэгүүдэй мүрөөр эздэлдэг лэ бай-

гаа аабза. Түрүүшээр байгаалияа магтаһан, гоёшооһон шүлэгүүдые бэшэжэ бай-
тараа, һүүл тээшээ шүлэгүүдынь тематикунгаа талаар бүри үргэн, гүнзэги бо-
ложо эхилээ. Һургууляа дүүргээд, Георгий Дашабылов колхоздоо хонишноор,
трактористаар хүдэлөө, сэрэгэй албанда ошоо, багшанарай институттэ һуралсал
гараа. Саг гээшэ гансашье шэнэ хүнүүдтэй, заха хизаарнуудтай хүниие танил-
суулжа, ажабайдалыень баяжуулдаг бэшэ. Өөрынгөө хуби заяан тухай гүнзэгигөөр
бодомжолжо, ажабайдалдаа ямар тала барихабиб гэжэ тодорхойлхые баадхадаг ха
юм. Наһаа гүйсэжэ, хүдэржөөд ябаһан үедөө бэшэһэн шүлэг соонь энэ эли харагдана:

*Бэлэн дээхэнүүр, бэрхэдээд доохонуур –
Бээл абаад лэ гансал ябахал аад,
Хонгор гэнэн нүхэдэйнгөө
Хохил олон зоболонһоо
Холуур гарахал аргамгүй.*

*Уһан дээхэнүүр үрмыень тогтоогоод,
Урдуур тэгүүлжэл шадан ябахал аад,
Энэл юрын хүн зонойнгоо
Элдэб тодхор, зоболонһоо
Эрьен зайлахал аргамгүй.*

«Нютагай һэбшээн», «Мүнгэн хутага», «Түрүүшын бороо» гэхэн номууд со-
онь энэ газар дээрэ хүн боложо түрэхэн уялгаяа зоной урда дүүргэхэ гээшэ тон шу-
хала гэхэн темэдэ бэшэһэн шүлэгүүд олон гэжэ харагдана. Энэ темэдэ халихайгаар
хандажа, юрын уряа-лозунг мэтэ үгэнүүдээр хэлэхые поэт оролдоногүй. «Ур-
гын һалбаржа байхада», «Һургууляа дүүргэжэ байгаабди...», «Түрэхэн үдэр» бо-
лон бусад шүлэгүүдыеһэн уншаа һаа, байгаалида, хүнэй байдалда ушардаг юрын
юумэнүүдһээ һабагшалжа бэшэхэдээ, гол шухала юумэн тухай поэт хэлэжэ шада-
даг гэжэ ойлгохот.

*Хабарай шдам наранай
Хангай дайдые халаамсаар,
Хайлаһан саһанай урынуудай
Харгы руу урилдамсаар.
Майлын игаабари үбэртэ
Марьяжа һэмээхэн нэгэтэ,
Шарахан голтой ургынуудай
Шагаажа эхилхэнь гайхалтай.
Тэршээ һалхин, жабартай
Тэсэмгэйгээр тэмсэжэ,
Элдин талын үбсүүе
Эгээл түрүүлэн шэмэглэжэ,
Эртын сэсэг ургынуудай
Эрэлхэг үсэд нэтэрүүгээр
Энэ ургадагынь гайхалтай.*

Республикын бэшэ поэдүүдэйл уянгата шүлэгүүд соо мэтэ Георгий Дашабы-
ловай шүлэгүүд соо мүнөө үеын буряад хүнэй түхэл дүрсэ, абари зан бидэндэ
нээгдэжэ үгэнэ. Автор бүхэн, тэрэ тоодо Георгий Дашабыловшыё мүнөө үеын
хүнэй түхэл дүрсэ өөрынхёороо гаргадаг лэ байха. Совет байра байдал зоной

зан абари яһала баяжуулһан, хүндэмүүшэ зандань эрдэм мэдэсэнэ үргэдэжэ, үглөөдэртөө этигэнги, найдалтай байха арга үгөө. Эдэ бүгэдые поэт нэрлэнэгүй, зүгөөр авторай бодолнуудай, зураглаһан байдалай саана дэмбэрэл дүүрэн сэдхэлтэй, һайн һанаатай, түгэс баян хүниие харанабди:

*Бууһан айлишадаа
Сагаан эдеэгээр угтадаг
Буурал эжынэрэйнгээ
Булагай уһандал
Сэбэр һайхан сэдхэлые
Бугатын горхондол
Булангиргүй зандань үлөөхэ –
Нэгэл хүсэлэнтэйб.*

Буряад зоной ехэтэ хүндэлдэг сарюун сагаан һанаанай һүлдэ тэмдэг болохо сагаан үнгэ тухай поэт иигэжэ бэшэнэ:

*Дун сагаан аяниша шубуудай үнгэтэй,
Хун сагаан хонин хүрэгэй үнгэтэй,
Шэрүүн үбэлэй мүнгэн саһанай үнгэтэй,
Шэнэхэн тараг, уураг хүнэй үнгэтэй,
Сагаан далбан, сагаан далбан даллана,
Сарюун тала сагаан долгёор мирална.*

Үргэн уужам тала газарта түрэжэ үдэһэн хүн тойроод байгаа бүхы юумэндэ гамтайгаар хандажа ябаха болоно. Талада ургажа байгаа ногоон, шанха дээрэш хүхэржэ байгаа номин тэнгэри болбол һеы гэрэйш һеыгээр бүтээгдэһэн хананууд болон шала мэтэ дүтэ, түрэл ха юм. Һая түрэһэн үхибүүндэ зорюулжа бэшэһэн шүлэг соогоо Г.Дашабылов энээн тухай ехэ тодоор хэлэһэн байдаг:

*Һүн далай гүнзэгыһье һаа, оёортой.
Һүмбэр уула үндэрһье һаа, оройтой.
Сэнхир тала уужамһье һаа, хилэтэй.
Сэлгээ агаар үдхэниһье һаа, шэнгэнтэй.
Хүнэй үринэрэй сэдхэлэй гүнзэгыдэ
Хүрэжэ шадаагүйл хэниһье дэлхэйдэ.
Хүнэй бодолойнь үргэн, үндэртэ
Хүрэнгүй амияа бүтэхэб нэгэтэ.*

Поэдэй шүлэгүүд соо үүлэд болон одо мүшэд, хада ууланууд болон гол горхонууд хүнтэй «адли эрхэтэй» юумэнүүд мэтэ амилжа, ажамидаржа байһандал үзэгдэхэ:

*Шара набиһын халуун сарюун.
Шагаана шаргал һара.
Таряагаа хуряалгаад хэбтэнэ арюун –
Таламнай, мүнөө амара!*

Үгы һаа:

*Гэрэлтэй горхонһоо шэмэн хорооб,
Гэнтэ нюдэндэм гэрэл ороол.*

*Охин хангал агаарта хэргээб,
Дахин түрээжэ, эхилэн жэргээб.*

*Эдэ горхонууд, нютагай агаарни –
Эди шэдитэй эмнай гээшэл.
Эхэ оронһоо зугадаһан нүхэрни,
Эхиеэ алдаашаи – хэтын гэмшэл.*

Иимэ шүлэгүүд соонь Георгий Дашабыловой зохёолнуудай өөрсэ илгаае одоол найнаар мэдэрхээр.

Зохёохы замайнгаа эхиндэ ябахдаа, Георгий Дашабылов өөрыгөө элдэб жанрнуудта туршажа үзэдэг һэн. Үхибүүдтэ зорюулжа бэшэхэ дуратай байгаа: «Суутайн сагаан хулагшан» гэхэн шүлэглэмэл онтохоной ном, «Дугы» гэхэн шүлэгүүдэй суглуулбари, хэдэн туужануудые болон рассказаудые хэблүүлжэ гаргаһан. Театртайшые суг ажаллаа. Хоца Намсараевай нэрэмжэтэ Буряад драмын академическа театрай тайзан дээрэ «Тэрэ хабарай ургынууд» гэхэн зүжэгын табигдаа бэлэйл.

Поэт нүхэртөө зорюулжа Г.Дашабылов бэшэхэн юм:

*Һүрмэн хоёр нюдээз анижа,
Һүүдэртэ эртүүр ороош.
Дуулим талын мүнхэ наһа
Дуун соогоо олоош.*

*Ая гангын орон нютаг –
Аглаг Бурядайи хүн зон
Һара, наранай байгаа сагта
Һанахал даа, шамайгаа.*

Наһанай ошохо бүри поэдэй шүлэгүүдэйн бадагууд бүри хурса, тодо боложо, хүсэл эрмэлзэлын, зоригын бүри эршэтэй, огсом боложо байгаашы наань, Георгий Дашабыловой хабарайн ургынууд тэрэл хэбээрээ буряад поэзидэ хэтэ мүнхэдөө задаран халбаржа байхал даа.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Хабарай бэшэгүүд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1966.
Ногоон туужа. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1969.
Суутайн сагаан хулагшан. Поэма-онтохон. – Улаан-Үдэ, 1971.
Нютагай хэбшээн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1972.
Эртын жэргэмэл. Туужа, рассказауд. – Улаан-Үдэ, 1974.
Дугы. Үхибүүдтэ зорюулһан шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1975.
Хэжэнгэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1978.
Мүнгэн хутага. Шүлэгүүд, поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1980.
Гараса дээрэ. Туужанууд, рассказауд. – Улаан-Үдэ, 1981.
Түрүүшын бороо. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1984.
Зунай үдэшэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1988.

На русском языке:

Весенние письма. Стихи. – М.: Современник, 1979.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Улзытуев Д. На волнах поэзии. – Буряад Унэн, 1963, 30 января.

Ангабаев С. Весенние письма. – Буряад Унэн, 1966, 28 августа.

Дондогой Ц-Д. Книга Г.Дашабылова для детей. – Буряад Унэн, 1976, 2 июня.

Хамаев Ц-Д. О книге Георгия Дашабылова «Кижинга». – Буряад Унэн, 1978, 14 октября.

Шиханов М. Серебряный узор поэзии. – Молодежь Бурятии, 1979, 14 августа.

Намсараев В. Новая книга. – Буряад Унэн, 1980, 9 марта.

Бахметьева С. «Весенние письма» Г.Дашабылова. – Литературное обозрение, 1981, № 2.

Жимбиев Ц. На переправе речки Кижинги. – Байгал, 1982, № 3.

Цырендоржиев Ц. Влюбленный в свою Кижингу. – Буряад Унэн, 1988, 22 июня.

Данжалов В. О книге Г.Дашабылова «Летним вечером». – Буряад Унэн, 1989, 6 января.

Цырендоржиев Ц. Новая книга для юных читателей. – Буряад Унэн, 1993, 16 января.

Цырендоржиев Ц. «Что прожито мною...» – Буряад Унэн, 1993, 22 июня.

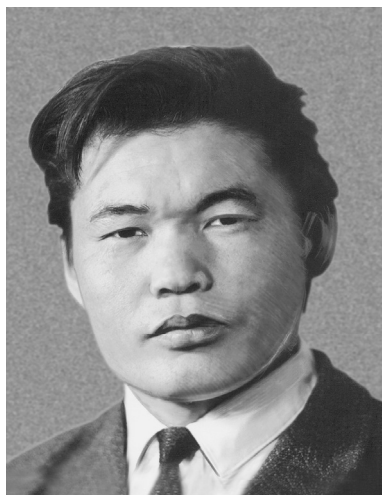
Без указ. автора. Дашабылов Георгий Цыренович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Галанов Ц. Всегда с нами. – Буряад Унэн, 1998, 18 июня.

Дамдинов Н. Певец родного края. – Буряад Унэн, 1998, 18 июня.

Гомбалчим Б. Подобно сверканию молнии. – Буряад Унэн, 2001, 13 декабря.

Румянцев А. Георгий Дашабылов // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Мэлс Жамьянович
САМБУЕВ
(1940-1981)**

ПЕСНЬ, КАК ИСКРА

С Мэлсом Самбуевым мы познакомились в Иркутском университете, где оба учились. Живой и общительный, он быстро сходился с людьми, любил розыгрыши, веселое озорство. К примеру, мог, увидев на улице вывеску радиокомитета, войти в первый попавшийся редакторский кабинет и сказать:

– Я Мэлс Самбуев. Хочу прочитать свои стихи по радио.

Вообще, о том, что он пишет стихи, Мэлс говорил просто, без расчета на эффект. Творчество уже тогда было для него делом естественным и необходимым.

Он и позже удивлял многих способностью на все откликаться стихами, писать их, как говорится, запоем. Передавая для перевода на русский язык двадцать пять восьмистиший, он говорил мне:

– У меня их написано штук двести.

А когда разговор зашел о венках сонетов, опубликованных несколькими поэтами республики, он сообщил:

– Я тоже попробовал. Написал два венка.

И это было правдой. Он писал много, увлеченно, потому что не представлял иной возможности рассказать о своих чувствах, о людях, о жизни. Другое дело – все ли написанное удовлетворяло его? Судя по опубликованному, он умел строго относиться к своему творчеству.

Мэлс Самбуев родился в высокогорном селе Санага Закаменского района Бурятии. Небольшую долину, приютившую дома, окружают лесистые горы, а царит над ними одна каменная вершина – Уран-Душа. На русский язык это название можно перевести так: «гора умельцев», «вершина мастеров». Может быть, табунщик с пастбища, привольно раскинувшегося у подножия горы, придумал это

название, втайне мечтая о том, что его лошади окажутся к осени самыми сытыми, самыми резвыми и его, табунщика, будут чествовать на празднике мастеров – сурхарбане? А может быть, имя вершине дал искусный чеканщик из тех, которыми славится здешняя земля? Или улигершин, который видит поэзию в красоте родной земли и человеческой души?

Как бы там ни было, но Мэлс Самбуев уже в первых стихах не мог не обратиться юным сердцем к сверкающей «вершине мастеров». Она была символом родной земли, которую прославили умельцы – чабаны и охотники, чеканщики и сказители.

*Давно ль перед нею на пестрых лугах
Бродил я, цветы линхуа искал.
Давно ль, не приметен и не лукав,
О той, о единственной тосковал.
Давно ль я сидел у реки Сакир,
Как будто любовь свою сторожил.
Давно ли открыл этот солнечный мир
И первую песню о нем сложил!*

– У моего деда, – вспоминал Мэлс Самбуев, – было много внуков. Бывало, соберет он нас и начинает рассказывать улигер. А то устроит состязание, кто из внуков передаст легенду наиболее живописно и складно. Вот тогда я и начал сочинять – стихи не стихи, сказки не сказки. Первое стихотворение «В лесу» опубликовал в шестнадцать лет. С тех пор стал печататься на страницах республиканских газет и журнала «Байкал», в коллективных сборниках.

Уже первые стихи Мэлса Самбуева, вошедшие в его книгу «Таежный снег», несли качество, свойственное его поэзии: большой эмоциональный напор. Его звонкий и чистый голос словно задыхается от волнения, когда молодой поэт говорит о юности, о родной таежной стороне:

*В шестнадцать лет
Пролег мой первый след
В неведомость
от отчего порога.
И песнь,
как искру,
высекла дорога
Из сердца моего.
Вставал рассвет...
Вставал рассвет,
Зарею подоженный,
Рождался день в пожаре золотом,
И красотой земли завороченный,
Я начал песнь.
Она была о том,
Что радостна,
что празднична дорога,
Что счастлив я,
как вдох, в себя вобрав*

*И синеву Саянского отрога,
И шум воды,
и тихий шелест трав,
И блеск зари,
и звонкий щебет птичий,
И лес,
и горы,
и степную гладь...
Как мудр
бурятский древний наш обычай:
Беду и счастье
в песнях изливать!*

Мэлса Самбуева рано заметили и поддержали. В 1969 году он был направлен на пятое всесоюзное совещание молодых писателей в Москву. Руководитель семинара, в который он попал, замечательный русский поэт Борис Ручьев выделил паренька из Бурятии. В интервью «Литературной газете» он сказал: «Несомненным открытием для меня и для моих коллег была поэма «Дед Доржи» Мэлса Самбуева из Бурятии. Она интересна и самобытна. Молодому поэту удался образ старого бурята, очень милого и симпатичного человека. Читали мы ее в подстрочнике, сделанном самим автором. По единодушному мнению руководителей семинара, если эту поэму хорошо перевести, она станет достижением всесоюзной литературы».

Обсуждение в Москве окрылило Мэлса Самбуева. Он был принят в Союз писателей, в московских издательствах «Современник» и «Советский писатель» почти одновременно вышли в свет его книги «Таежная роса» и «Дед Доржи».

Из родного горного края пришли в стихи Мэлса Самбуева его герои: старый плотник Доржи, пронесший доброту к людям через всю трудную жизнь; молодой пастух Жэмбэ; дед Сэжэб, несломленный горем. И все краски природы, и живые приметы времени взял поэт здесь.

*...Но тайга, словно мать,
мне в дорогу с собою доверила взять
песни вольных ветров, свет таежных костров,
водопадов набат, что могуч и суров,
звон весенних ручьев, летний зной и мороз,
и сосновую стройность, и нежность берез...*

После окончания университета поэт долгие годы работал журналистом радио и телевидения. Живые приметы времени, чувства и мысли людей – все, что видит человек этой беспокойной профессии, не могло не отражаться и в его литературном творчестве. Поэтому стихи Мэлса Самбуева при всей их романтической тональности и эмоциональной наполненности были одновременно и заземлены, приближены к степному быту и труду:

*Я вижу: в цветенье альпийских лугов
Жэмбэ, мой ровесник, пасет сарлыков,
торжественно первым встречая зарю.
Жэмбэ, я тебе эту песню дарю!*

*Всем вам, что сейчас от меня далеки,
всем вам, санагинцы, мои земляки,
за то, что дышу, что живу, что творю,
за то, что вы есть, эту песню дарю!*

Удача с первой поэмой «Дед Доржи» подтолкнула Мэлса Самбуева к новым замыслам в этом жанре. Родилось несколько поэм, в которых лирическая взволнованность органично сочетается с образным повествованием о судьбах людей разных поколений.

В поэме «Смерть партизан» М. Самбуев воскрешает драматические события, происшедшие в таежной Закамне в годы гражданской войны. Три других поэмы можно назвать документальными. Первая, «Таймыр» (она написана для детей), – это поэтический дневник путешествия по суровому северному полуострову. Толчком для создания второй поэмы – «Воспоминания на Мамаевом кургане» стала поездка М. Самбуева в Волгоград. Высокие чувства, которые испытывает каждый в городе бессмертной воинской славы, осветили для поэта новым светом судьбы его земляков – участников Отечественной войны и тех, кто трудился в тылу. Эту поэму-монолог, песнь о подвиге, автор писал с большим душевным подъемом. Крепнущее умение Самбуева построить сюжет поэтического произведения на конкретных фактах жизни человека проявилось и в поэме «Звездный час». Это рассказ о замечательной женщине, Герое Социалистического Труда, чабане Валентине Гончиковне Романовой.

У Мэлса Самбуева всегда было много замыслов, творческих планов.

– Только что сдал в местное издательство рукопись сборника «Ара-Хангай», – говорил он незадолго до смерти. – Закончил подстрочники новых книг для издательств «Советский писатель» и «Детская литература». Пишу поэму о молодежи. А в будущем мне хочется написать поэтический сборник о рабочем классе Бурятии.

Творческим планам, о которых говорил поэт, не суждено было сбыться. Смерть его была неожиданной для всех друзей и почитателей его таланта...

Московский поэт Юрий Панкратов, переводивший стихи Самбуева на русский язык, заметил, что бурятский лирик смотрит на мир юными глазами, что он умеет зажечь читателя своим радостным настроением. А разве не это умение как бы заново открывать красоту помогает народным умельцам выводить солнечный узор на металле? Разве не поиск нового и не желание служить людям ведет по жизни любого мастера? На земле таких мастеров вырос Мэлс Самбуев. Эта земля питала творчество поэта, и здесь его стихам суждено жить долго.

ТАЙГЫН ХҮБҮҮН

Мэлс Самбуевтай Эрхүүгэй университеттэ хамта хураһамди. Хүнтэй түргөөр танилсадаг, хүхихэ, зугаалха, наадалха дуратай һэн. Радиокомитет гэжэ гаршаг үүдэндэнь уншажархёод, ороһоор нэгэ кабинет руунь шагаажа: «Би Мэлс Самбуев гээшэб. Шүлэгүүдээ радиогоор уншахаа һананаб», – гэхэ.

Шүлэг бэшэдэг тухайгаа Мэлс тон юрынхээр, биб гэжэ бардамлангүй хэлэдэг һэн. Энэ тэрэ ушарай болоходо, шүлэг бэшэжэрхиһэн, шүлэгүүдээ тогтон

торонгүй ехэл шуналтайгаар уншадаг хэн. Дүрбэн мүртэй хорин табан шүлэг ород хэлэндэ оршуулхыем намда үгэхэдөө:

– Хоёр зуун иимэ шүлэг бэшэнхэйб, – гээ хэн.

Республикын поэдүүд баглаа шүлэгүүдые-сонедүүдые бэшэнэ гэжэ хөөрэлдөөнэй боложо байхада: «Бишье баһал сонедүүдые бэшэжэ туршааб», – гэхэн юм.

Энэнь зүб байгаа. Мэлс Самбуев ехэл шуналтайгаар шүлэгүүдые олоор бэшэ-дэг, өөрынгөө мэдэрэл тухай, хүнүүд тухай, ажабайдал тухай бэшэхэ тон дуратай бэлэй. Тээд бэшэһэн бүхы зохёолнуудаараа сэдхэлээ хананги үлэдэггүй, бэшэһэн зохёолнуудтаа ехэ харюусалгатайгаар, наринаар хандадаг байгаа.

Захаамин аймагай Санага гэжэ хада хабсагайнуудай дунда оршоһон нютагта Мэлс Самбуев түрэхэн юм. Ой модоор дүрбэн тээһээ хүрээлэгдэһэн энэ нютагта Уран-Дүшэ гэжэ хада бии. Энэ хадын нэрые ород болгоходо, «дархашуулай үндэр» гэхэ гү, али «уран дархашуулай хада» гэжэ хэлэжэ болоно. Юундэ иимэ нэрэтэй болоһыень хэншые мэдэдэггүй, хадын хормойдо нэмжыһэн бэлшээридэ моридоо адуулан ябадаг адуушан Сурхарбаанай найрта моридни эгээл то-бир тарган байжа, шагналда хүртэхэб гэжэ ханаһан байгаа юм гү? Түмэрөөр дархалдаг хүн иимэ нэрэ үгэхэн байгаа аалам. Энэ газарай гоё хайханиие хараһан үльгэршэншые иигэжэ нэрлэһэн байжа болоо.

Юуншые байг, түрүүшынгөө шүлэгүүдтэ эдир залуу Мэлс Самбуев «дархашуулай хадада» хандаха ёһоороол хандаха байгаа. Юундэб гэхэдэ, энэ хада хонишод болон ангуушадай, мүнгэн дархашуул болон үльгэршэдэй магтаһан түрэл хизаарайнь хүлдэ болоһон байгаа ха.

*Үндэрэй ододто наада харуулан,
Үүлэд соогуур һара баруулба.
Үншэрһэн хирээ хаихарна хаа-яа,
Үргэхгүй Сэхир гансаардан шааяна.
Манаанай адуун, хаанашьеб, инсагаалалдана,
Моришон, юундэшьеб, ханаа алдана,
Мартаһан зүүдээ ханажа ядана гэхээр лэ,
Манан соо нойрмог тала эбһээлнэ.*

– Таабаймни олон ашанартай байһан юм. Бидэнээ суглуулаад лэ, үльгэр түүрээжэ эхилхэ. Үгы хаа, бидэнэрэйнгээ хоорондо хэмнай уран гоёор үльгэр домголожо үгэхэб гэжэ мұрысөө үүдхэхэ. Тиихэдэл би шүлэг гэхэ юм гү, али онтохо юм гү, зохёон бэшэжэ эхилһэн хүм. «Ой соо» гэжэ нэрэтэй түрүүшынгөө шүлэг би арбан зургаатайдаа толилуулһамби. Тэрэ гэхээр республикын сонинуудта, «Байгал» сэтгүүлдэ шүлэгүүдээ толилуулдаг, хамтын согсолборинуудта шүлэгүүдни оролсодог болоо хэн.

«Тайгын саһан» гэхэн ном соо ороһон түрүүшын шүлэгүүд соогоо залуу хонгёо аялгаар эдир наһан, хангай тайгын хангал тухай зүрхэнэй гүнһөө гараһан ольһотой, шуналтай, залуу охиной долгиотой уянга зэдэлээ хэн:

*Арбан зургаан наһандаа, айдар залуугаар
Аглаг Буряадайнгаа үргэниие
гайхажа тагнан,
Сүлөөдэ дуратай сүлөөтэ хонгёо дуугаа
Сэдхэлэй гүнһөө эхилээлби – сэгнэжэ шагна.*

*Нютаг оронойм айл аймаг бүхэн,
Намда тулалхыемнай найдаад,
дуулажа эхилээлби.
Алас холо руу эрмэлзээ минии нүхэд,
Анжаран намайгаа шагныт –
дуулажа эхилээлби.*

*Үндэр уулата нэлэнхы Захаамин дайдадаа
Унгын сэсэг үршөөхэн намжар майда
Эртын ногооной хангал соо бодолтой –
болон нуугаад,
Эхилхэлби – эхын юрөөлтэй энэ дуугаа.*

*Арад зоной сэдхэл соогуур тарахан
Аялга хайхан дуунуудыг анжаран суглуулжа,
Хотон айлай шанха урда бадархан
Халуун наран доро эхилээлби дуулажа!*

Мэлс Самбуевай шүлэгүүдэй хэблэлдэ гарахатай сасуу, тэрэниие обёор-жо, дэмжэһэн гээшэ. 1969 ондо Москвада болоһон залуу зохёолшодой табада-хи зүблөөндэ хабаадахыень поэдые эльгээһэн юм. Семинарыень хүтэлбэрилхэн мэдээжэ ород поэт Борис Ручьёв Буряад Республикэһээ ошоһон хүбүүе дары ан-харжа, «Литературна газетэдэ» үгэһэн интервью соогоо: «Буряад Республикэһээ ерэхэн Мэлс Самбуевай «Доржо таабай» гэхэн поэмэ бултанаймнай анхарал татаа. Ехэ һонин бүтээл. Наһажаал буряад хүнэй образ залуу поэт хүбүүн ехэ ша-дамараар гаргажа шадаа бшуу. Авторай өөрөө хэһэн подстрочнигыг уншаабди. Энэ поэмые хайнаар оршуулжа шадабал, бүхэсоюзна уран зохёолдомнай ехэхэн амжалта болохо хаш», – гэжэ хэлэхэн байна.

Москвада иимэ ехэ амжалтатайгаар ошожо ерэхэндээ поэт дали жэгүүр урга-жа, Уран зохёолшодой холбооной гэшүүнээр абтаһан, Москвагай «Современник» болон «Советский писатель» хэблэлнүүдтэ удаа дараалан «Тайгын шүүдэр», «Доржо таабай» гэжэ номуудын хэблэгдэн гараһан юм.

Бүхы наһаараа зондо хайе хэжэ ябаһан наһажаал модошо дархан Доржо, мал адуулдаг залуу хүбүүн Жэмбэ, уйдхар гашуудалдаа дарагдаагүй Сэжэб үбгэн гээд лэ Мэлс Самбуевай геройнууд хадалиг түрэл тоонтоһоонь шүлэгтэнь ерэхэн шуу.

*Сүлөөтэ тайгам заяагаал намда эбхэрмэ
Хүлгөөтэ дошхон хүүюурэйнгээ
нэрьсэтэ хүсэ,
Буржсагар ногоон гээгэтэй хуһадайнгаа энхэрэл,
Бухиндаата омог халхинайнгаа
һэльсэтэ хүсэл.
Ерээлби тиимэхээ, инагни, шамдаа
Ехэ ордонойш сэлгидэхэн үүдэндэ:
Түб ниислэл тухайгаа хөөрыш намда,
Түглэ тужсын эрхэ хүбүүндэ.*

Университет дүүргээд, олон жэлдэ поэт радио болон телевидениин сур-балжалагшаар хүдэлмэрилөө. Үе сагай амиды шэнжэнүүд, зоной һанал бодол,

уйдхар баяр – тэрэнэй зохёолнуудта оронгүй байха аргагүй нэн. Эгээл тиимэһээ Мэлс Самбуевай шүлэгүүд хэдышые уянгатай, хэдышые зүрхэ дайрама ульһа дулаатай бол, даншые дээшээ хөөрөжэ ябашоогүй, талын хүнэй ажал ба ажабайдал тухай юрын хөөрөө дэлгэһэн бэлэй:

*Хаймал мэтэ тэгшэ ташалан уулаар
Хайнаг, харлагууд бэлиэнэ ха,
үбэл зундаа.
Манажса ябана ха
жэсгтэй хүхюун
Жэмбэ үетэмни адуугаа.
Малнуудаа
үглөөнэй манан соо
адуулжа ябахадаа,
Мартаагүйл ёһотой
дүүхэйтэнэй
нэгэн намай.
Жаахандаа, түглэ соо хожулан хадаа
Жажалжал хуугша нэмди,
юндэшьеб,
уляангирай намаа.*

«Доржо таабай» гэжэ түрүүшынгээ поэмын амжалтатай, урагшатай байһанда, Мэлс Самбуев энэ жанрта хүдэлжэ, үшөө олон зохёолнуудые бэшэхэ хүсэлтэй ябаа. Тиигэжэ хэдэн поэмэнүүдые тэрэ бэшэжэ орхихон бэлэй.

«Партизануудай үхэл» гэжэ поэмэ соогоо граждан дайнай үедэ ой тайгаар хүрээлээтэй хадата Захааминда болоһон үйлэ хэрэгүүдые харуулна. Бэшэ гурбан поэмэнүүдын документальна үндэһэтэй. Түрүүшын поэмэ – «Таймыр» (хүүгэдтэ зориулагдаһан), – хойто зүгэй хахад ольтирогоор аяншалһан хүнэй уянгалан бэшэһэн дэбтэр болоно. Волгоград ошоходоо, «Мамайн добуун дээрэһээ» гэхэн поэмэ бэшээ нэн. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агуухэ дайнда хабаадаһан болон ара талада ажаллажа Илалта шэрээлсэһэн нютагаархинайнгаа хуби заяан тухай баатаршалга гаргаһан эрэлхэг тэрэ хотодо ошоходоо, бүри эршэтэйгээр, уянгатайгаар бэшэһэн энэ монолог-поэмэнь, баатаршалга тухай дуун болоһон гээбы. «Мүшэтэ саг» гэжэ поэмэ соогоошые хүнэй ажабайдал тухай шүлэглэн хэлэхэ шадалайнь бүри дээшэлжэ, удха шанар ехэтэй боложо байһые гэршэлээ. Тус поэмэ соогоо Социалис Ажалай Герой, хонишон Валентина Гончиковна Романова тухай домоглоо нэн.

Мэлс Самбуев ходол һонин һонин хараа түсэбүүдтэй ябадаг нэн.

– «Ара-Хангай» гэхэн суглуулбари шүлэгүүдэйнгээ гар бэшэг нютагайнгаа хэблэлдэ тушаагаад байнаб. «Советский писатель», «Детская литература» хэблэлнүүдтэ шэнэ номуудайнгаа гар бэшэгүүдые тушаахамни. Залуушуул тухай поэмэ бэшэжэ байнаб. Бурядай ажалша анги тухай шүлэгүүдэй ном гаргаха хэрэгтэй, – гэжэ тэрэ наһа барахынгаа урдахана хэлэжэ ябаһан юм.

Тээд эдэ хүсэлнүүдын бэлээгүйл даа... Поэдэй талаан бэлигтэ дуратайшуул, нүхэдын – иимэ талаан бэлигэйнгээ охин соо ябаад, иимэ эртээр энэ дэлхэе орхижо ошохо юм гэжэ мэдээгүй...

Мэлс Самбуевай шүлэгүүдые ород хэлэндэ оршуулхан Москвагай поэт Юрий Панкратов, Буряадай ирагуу найрагша дэлхэе онсо өөрын нюдөөр хаймадан, зонхой зүрхэ сэдхэл бадаруулжа, сэлмээжэ, баярлуулжа шададаг хүн гэжэ тэмдэглээ һэн. Хайн хайхан юумые дахинаа нээжэ харуулха арга шадал түмэр дээрэ нараһай угалза ниилэн гаргахата туһалдаг бэшэ гү? Ямаршые уран дархан хүн зондол туһа нэмэри хэхые оролдожо ябана бэшэ гү? Газар дээрэ түрэхэн эдэ дархашуулай тоодо Мэлс Самбуев орохоороол оролсоно. Эндэхи тала дайда поэдэй зохёохы зам үрөөн сүршэжэ, эндэл тэрэнэй шүлэгүүд удаан саг соо халбаржа, зониие баясуулжа байхал даа.

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

- Тайгын саһан.* Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1967.
Таймыр. Үхибүүдтэ зориулагдаһан поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1969.
Санага. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1971.
Мамайн добуун дээрэхэ. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1975.
Үглөөнэй шүүдэр. Шүлэгүүд, поэмэнүүд. – Улаан-Үдэ, 1978.
Ара-Хангай. Шүлэгүүд, сонедүүдэй гүрлөөнүүд. – Улаан-Үдэ, 1981.
Мүшэтэ саг. Поэмэ. – Улаан-Үдэ, 1983.
Зуун дуунууд. Сонедүүдэй ном. – Улаан-Үдэ, 1990.

На русском языке:

- Дед Доржи.* Стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1973.
Стихи (в кассете «Слово о земле бурятской»). – Улан-Удэ, 1973.
Таежная роса. Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1974.
Благодарю. Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1984; Таёжная, озёрная, степная.
Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 14. – Улан-Удэ, 2012.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Намжилов Ч.-Р.* Растущий поэт. – Буряад Унэн, 1963, 16 марта.
Улзытуев Д. Начало большого пути. – Буряад Унэн, 1965, 21 декабря.
Цыдендамбаев Ч. Рецензия на книгу «Таежный снег». – Буряад Унэн, 1967, 9 августа.
Доржиев В. Рецензия на книгу «Таймыр». – Буряад Унэн, 1969, 30 августа.
Очиров С. Рецензия на книгу «Санага». – Буряад Унэн, 1971, 10 сентября.
Гончикова Н. В просторы Бурятии влюбленный... – Правда Бурятии, 1973, 14 сентября.
Шиханов М. В полный голос. – Байкал, 1974, № 6.
Содномов А. Рецензия на книгу «Воспоминания на Мамаевом кургане». – Буряад Унэн, 1975, 16 июля.
Комиссарова Т. (О книге «Таежная роса»). – Новый мир, 1975. № 3.
Тыхешкина Е. Поэт из Санаги. – Наш современник, 1975, № 8.
Пискунов В. Там, восточнее Байкала. – Литературное обозрение, 1976, № 2.
Без указ. автора. Самбуев Мэлс Жамьянович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.

- Дамдинов Н.* Звонит голос поэта // Самбуев М. Благодарю. – М.: Современник, 1984
- Тапхаев Л.* Все звучат его звонкие песни. – Байгал, 1990, № 1.
- Тапхаев Л.* Течение времени. – Байкал, 1990, № 1.
- Хамаев Ц-Д.* Песенная душа. – Буряад Унэн, 1990, 8 февраля.
- Жанчилов Б.* Памяти поэта. – Буряад Унэн, 1990, 27 февраля.
- Шойдоков Б.* Сто песен. – Буряад Унэн, 1995, 31 марта.
- Тапхаев Л.* С мечтой познать весь свет. – Байкал, 1996, № 4.
- Дондокова Ц-Д.* Мэлс Самбуев в записках поэтессы. – Буряад Унэн, 1998, 1 октября.
- Будаин С.* Самбуев Мэлс Жамьянович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Владимир Гомбожапович
МИТЫПОВ**
(1940)

ПО СТУПЕНЯМ СОВЕРШЕНСТВА

Прозаик Владимир Митыпов вспоминал, что последнюю точку в рукописи своей повести «Ступени совершенства» он поставил на заброшенном прииске Орголикан, на севере Бурятии. Двадцатичетырехлетний геолог-поисковик, выпускник Иркутского университета, вместе с обязательным рабочим дневником увлечённо писал своё «полуисторическое, полуфантастическое» произведение. И о ком же? О великом художнике древнего Египта Тутмосе, авторе легендарного скульптурного портрета красавицы Нефертити. Представьте: вокруг нехоженная тайга северного Байкала, громады тёмных гор, клокочущий в каменной щели ручей, а уставший после дневного маршрута паренёк уносится в своих фантазиях из покосившейся хибарки во дворец фараона! Тут надо иметь и обширные знания, и творческую страсть, и способность вдохновенного рассказчика.

К счастью, и то, и другое, и третье у автора повести нашлось. Мне приходилось слышать, как восхищался этим сочинением прозаика главный редактор журнала «Байкал» Африкан Андреевич Бальбуров. Он сразу же опубликовал в своём издании повесть Митыпова, а в последующие годы печатал в журнале чуть ли не каждое новое произведение молодого автора.

Погружение в древнюю историю, с одной стороны, и в фантастические миры будущего, с другой, – эти вроде бы два несхожих увлечения во многом диктовали сюжеты первых книг Владимира Митыпова. А разве это так уж несхоже? И разве геология – профессия автора не давала ключа к разгадке древних и будущих тайн? Как раз давала. Это только в обыденном мнении заботы геологов связаны с поиском полезных ископаемых. А на самом деле, их наука о формировании земли, тысячелетних отложениях, глубинных пластах и проч. – это книга о прошлом и буду-

щем нашей живой планеты. Думается, богатство таких знаний и помогло писателю из Бурятии создать увлекательные произведения – рассказ «Эль-Канно», повести «Зелёное безумие земли», «Внимание: неопитеки» (позднее она получила название «Приход больших обезьян»), наконец «Мамонтёнок Фуф» – книгу, получившую большую популярность у детей и многократно издававшуюся в Москве, столицах советских республик и зарубежных стран.

Пожалуй, венцом этого тематически разнообразного, но всегда строго следующего законам исторического повествования и научной фантастики творчества стал роман «Долина бессмертников».

Завязка его действия проста. Молодой поэт Булат Аюшеев живёт в городе, пишет талантливые стихи. Но творческое самочувствие часто портится из-за бытовой суеты и многолюдья города, шума дружеских компаний. Булат сохраняет нежную память о родовом гнезде, о степи, где он вырос и где с помощью старших открыл большой мир. Но знает он только близкую историю своего края. И когда в его родных местах археологи начинают раскопки городища древних хуннов, он с увлечением помогает учёным: ведь они приоткрывают завесу над интересным прошлым отчей земли.

Действие романа разворачивается в двух временах: многие века назад и в днях сегодняшних. Эта переключка разных эпох, изображение давней-давней жизни и современного бытия приносят читателю поразительные духовные открытия, наталкивают на поучительные раздумья. Земные страсти потрясали души людей всегда, но всегда ли – в прошлом и настоящем – любовь одолевала злобу, доброта одерживала верх над жестокостью, великодушие и прощение оказывались сильней непримиримости и мщения? Оказывается, история, даже тысячелетней давности, может звучать как современная притча, как вечный нравственный урок.

Роман «Долина бессмертников» тоже выдержал несколько изданий, в том числе и в Москве. Когда во второй половине семидесятых годов в Улан-Удэ состоялось выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР и сюда приехали многие известные литераторы страны, о произведении В. Митыпова в их много-талантливой компании было немало восторженных разговоров. Прозаик Ю. Бондарев, критик Ю. Лукин и другие единодушно сочли, что «Долина бессмертников» – один из лучших романов российской литературы.

И всё же «первая» профессия Владимира Гомбожаповича властно требовала от него как писателя обратиться к современной жизни. Говорим «первая», потому что в начале семидесятых годов прошлого века он окончательно перешёл с геологической, изыскательской стези на литературную. В 1975 году В. Митыпов закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького в Москве, и писательский труд стал для него главным. Но профессия, полученная в университете, нелёгкие и увлекательные годы работы в Северо-Байкальской геологоразведочной экспедиции, занятия в архивах, связанные с поиском редких материалов о добыче благородного металла в таёжных захолустьях Сибири – всё это взывало нарисовать художественную картину быта и нравов золотых приисков. Так родился уникальный роман писателя – «Инспектор золотой тайги».

Его можно назвать историко-приключенческим. Действие романа происходит в грозном 1918 году, в дни ожесточённой гражданской войны. Власть в Восточ-

ной Сибири и Забайкалье находилась в руках то Колчака, то Советов, то казачьих атаманов. На Дальнем Востоке начали высадку войск интервенты – японцы и американцы. Свои планы пытались осуществить самозванцы из «Временного правительства автономной Сибири».

Но это фон для романа. Главное же внимание писателя занимают судьбы людей, которых «золотая лихорадка» притягивает или отталкивает, одурманивает или помогает прозреть, толкает на преступления или на защиту народного богатства.

Автор удачно выбрал повод для захватывающего и художественно яркого повествования: на северные прииски с инспекционной поездкой отправляется инженер Алексей Зверев, представитель Горного совета Забайкальской области. Лояльно настроенной к зарождающейся в глухом краю народной власти, он хочет на месте выяснить, кто, как и в каких размерах добывает золото, которое завтра может и должно стать национальным достоянием.

А кто к тому времени наводнил «Золотую тайгу»? Искатели «фарта», перебивавшие старательское дело от отцов и дедов, обитающие в лесной глухомани без доброй еды и теплого жилья, работающие в ледяной воде золотоносных речушек. Беглые каторжники, мечтающие добыть здесь драгоценные крупницы, чтобы в опасном пути на дальнюю родину было чем заплатить за хлеб и одежду. Лихие люди, убийцы и бандиты, для которых ограбить старателя на глухой тропе – привычный промысел. И над всем этим людом возвышаются истинные хозяева «Золотой тайги», «миллионщики», такие, как главный герой романа Аркадий Жухлицкий, владелец приисков и современной драги. Этот может с помощью верных и безотказных подручных уничтожить в таёжном зимовье целую артель, подкупить горную полицию, занять молодую любовницу, построить в городе богатые хоромы.

Всесилие таких хищников, волчья мораль, утвердившаяся в тайге, калечат души людей. Тот, кто попал в эти места, оказывается отверженным, ожесточившимся, потерявшим человеческий облик. Золото, словно живое существо, начинает руководить поведением человека, направлять его жизнь.

Один из героев романа, Захар Турлай, не потерявший себя в таежном беспределе, размышляет:

«Скажем, приходит человек в тайгу и имеет думку: поработаю, дескать, накоплю немного – и домой. А хоть раз увидит золото – пропал, считай. Манит оно его, ан в руки не даётся. Блеснёт в одном месте, в другом, а человек идёт и идёт за ним, как ночью на огонёк, всё идёт, идёт, и нет конца тому пути. Закружило, значит, человека золото, пропащий тот человек».

Алексей Зверев, немало повидавший на стоянках старателей, тоже не утратил способности удивляться: как это человек может отдать свою драгоценную жизнь за мертвый металл? К примеру, старатель по прозвищу Штольник, получивший своё новое «имя» за то, что несколько десятилетий провел в крохотной собственной штольне. Он менял добытое золото на дорогие ткани и украшения для единственной дочери, копил самородки и солнечный песок, но кончил так, как и многие вокруг, – погиб полубезумным старцем. Кстати, металл, приобретенный разбоем (а был у него и такой), Штольник хранил отдельно, как «замазанный кровью». Вот что увидел Зверев в его каменной норе:

«Перед Алексеем открылся нижний лаз, куда можно протиснуться, лишь хорошо согнувшись. Скупой свет огарка явил взору довольно просторную каменную нишу, где на грубо сколоченных широченных лавках охапками лежали целые штуки материи – тончайшие кружевные ткани, шелка, батист, бархат, парча, пуховые платки и прочее, прочее. Всё это покрыто пылью, местами попорчено сыростью и мышами. В ржавых банках из-под монпасье, халвы и других лакомств хранилось множество женских украшений с драгоценными камнями, золотые монеты, а отдельно – самородки и золотой песок.

Да, впору было протереть глаза, увидев такое. Невольно подумалось, уж не грабежом ли промышлял Штольник, не похаживал ли он таким удалым атаманом Кудеяром вдоль таёжных троп, не помахивал ли он кистенём в глухие ночки да не оглушал ли, грозный и могутный, горы-долины леденящим разбойным посвистом? Действительно, когда и как умудрился полубезумный старец собрать в свою берлогу эти немалые и странные сокровища?

Золотая тайга оказывалась поистине неистощимой на причудливые гримасы...

Он (Зверев. – А.Р.)... вдруг вспомнил слова Штольника о том золоте, которое следовало утопить. Где же оно? Алексей поводил свечой, взглянул попристальней и заметил в сторонке невзрачную, наполовину пустую кожаную суму. Не надо было даже раскрывать её, чтобы по одной лишь тяжести, особой, неестественной, понять: оно, то самое золото, на котором, как говорил старец, выступила кровь...

Роман, полный авантюрных приключений героев, заканчивается вовсе не благобно, как иногда завершаются повествования такого рода. Алексей Зверев гибнет от рук капитана Ганскоу, посланца «Временного правительства автономной Сибири». Миллионеру Аркадию Жухницкому наоборот удаётся после инсценировки собственной смерти выскользнуть из посёлка Чирокана, негласной столицы «Золотой тайги», и уехать по маршруту, который он с вожделием наметил себе в начале смутного времени: «...в Баргузин, оттуда в Верхнеудинск, потом в Читу, а дальше – Маньчжурия, Япония, Америка и вообще весь белый свет».

О популярности романа «Инспектор золотой тайги» можно судить не только по изданиям, которые он выдержал. Вскоре после выхода книги Русский драматический театр имени Н.Бестужева в Улан-Удэ поставил по ней спектакль, а Бурятская студия телевидения создала трехсерийный фильм. С героями романа зрители смогли познакомиться и на большом экране: студия «Мосфильм» сняла кинокартину «Утро обречённого прииска».

Следующий роман Владимира Митыпова «Геологическая поэма» по своим художественным особенностям оказался не менее новаторским, чем предыдущий. Слово «геологическая» в заглавии произведения, разумеется, напоминало о принадлежности автора к романтическому племени искателей минералов. Но, пожалуй, и только. Сама стилистика романа, его событийная канва, его композиция – всё было не похоже на размеренное романное повествование. Может быть, слово «поэма», вынесенное в заголовок, пролиvalo свет на структуру нового произведения: роман походил на многозначную эпическую поэму, в центре которой – автор с его тревогой за судьбу этой особенной науки – геологии, боль по поводу того, что в ней нередко крутятся бездари, карьеристы, случайные люди.

В девяностых годах Владимир Гомбожапович активно занимался государственными и общественными делами. Он работал советником президента Буря-

тии по национальным вопросам и взаимоотношениям с религиозными объединениями, возглавлял республиканскую комиссию по содействию семьям незаконно репрессированных граждан.

А в творчестве заметной публикацией стал его исторический очерк «Петр Первый и Бурятия».

Он посвящен поездке представителей хори-бурят во главе с зайсанами, предводителями родов, в Санкт-Петербург, к «белому царю». Петр Первый принял бурятских посланцев и внимательно выслушал их. Это наводит на мысль о том, что у самодержца были свои причины для аудиенции. «В результате встречи, – напоминает писатель, – как бы экспромтом рождается государственный акт – тот самый Указ, которому суждено было на многие десятилетия вперед обеспечить спокойствие и безопасность громадных восточных территорий державы. Нет, походя, по наитию такие вещи не делаются! Представляется, что на всех этапах своей миссии бурятская делегация пользовалась помощью и поддержкой. Даже сейчас, 300 лет спустя, за всем этим предприятием чувствуется продуманность, подготовленность и чья-то влиятельная дружественная рука».

Автор очерка считает, что «дружественная рука» принадлежала графу Федору Алексеевичу Головину, ближайшему сподвижнику Петра Первого, генерал-фельдмаршалу. В 1686 году, еще при царевне Софье, Ф. Головин был направлен в Забайкалье для заключения пограничного договора с Китаем. Именно он двумя годами позже пережил вместе с гарнизоном и жителями Селенгинска осаду городка превосходящими силами монгольско-манчжурского отряда и, вероятно, убедился в мужестве и преданности бурят.

Логично предположить, что Федор Алексеевич рассказал царю о добрых помощниках, содействовавших его миссии. Если это так, то аудиенция, которой монарх удостоил представителей бурятских родов, была обусловлена заслугами забайкальцев в защите интересов Российского государства.

По мнению писателя, поездка забайкальцев в Москву в первые же десятилетия после вхождения Бурятии в состав многонациональной России выглядит событием поистине судьбоносным. Речь шла не просто о возможности дальних гостей лично обратиться к царю с просьбой закрепить за бурятскими родами права на владение «породными», то есть исконно принадлежавшими им землями и оградить от притеснений местного чиновничества. Встреча и беседа Петра с представителями «окраинного» народа имела для обеих сторон историческое значение. Это событие – доказательство того, что становление многонациональной российской державы и ее закрепление на огромных сибирских и дальневосточных пространствах достигалось совместными усилиями как самих народов, так и центральной власти. И мудрость бурятских зайсанов, решившихся на фантастическую по тем временам поездку, состояла в том, что они достойно выразили чаяния своего народа.

Занимательность рассказа о самом путешествии, глубокая оценка его результатов для последующих судеб бурятского народа и восточных окраин нашего государства – все это делает замечательный очерк Владимира Митыпова весомым и важным для утверждения исторической правды.

АЛТААР БАЯН ХҮБШЭДЭНЬ

Буряадай хойто зүгтэ оршодог Орголикан гэжэ орхигдошоһон прииск дээрэ «Ступени совершенства» гэжэ туужынгаа гар бэшэгтэ һүүлшынгөө точко табиһан хүм гэжэ Владимир Митыпов хөөрэдэг. Хорин дүрбэн наһатайдаа Эрхүүгэй уни-верситет дүүргэһэн геолог ажалайнгаа дэбтэр соо ажаглалтанууды бэшэхын хажуугаар, түүхын-фантастическа зохёол ехэ шуналтайгаар бэшэжэ байһан юм. Энэ зохёолынь Нефертити гэжэ гоё найхан басаганай түүхэдэ ороһон скульпту-рээр дүрэ зураг бүтээһэн эртэ урдын Египедэй Тутмос гэжэ агууехэ уран зураа-шан тухай домоглоһон бэлэй. Һанаад үзэгты даа: Байгалһаа хойшоо оршодог бүтүү бүглүү хүжэгэр тайга, харлашаһан хада хабсагайнууд, шулуун хадануудай хоорондуур урдажа байдаг горхоной хажууда үдэр соо хэһэн ажалдаа эсэшэһэн хүбүүн һанги набта хүрэжэ хэлтышэһэн гэрһээ гаража, ухаагаараа фараоной гоё гоомой ордон уруу дэгдэхэ ёһотой һэн. Эндэл одоо ехэ гэгшын эрдэм мэдэсэтэй байжа, зохёолоо шуналтайгаар бэшэхэһээ гадна, ехэ урматайгаар хөөрөжэ шада-ха хэрэгтэй һэн.

Заяаниинь болоходоо, туужын автор дурсагдаһан юумэнүүдэй ямарханиие-шье шадаха бэлэй. «Байгал» сэтгүүлэй ахамад редактор Африкан Андреевич Бальбуравой энэ зохёолыень ехээр магтажа байһыень һананаб. Митыповай энэ туужа сэтгүүлдээ тэрэ дары толилжо, һүүлдэнь залуу авторай шэнэ зохёол дүүргэхэтэй сасуу тэрэниие толилдог байһан юм. Эртэ урдын түүхээр, нэгэ талаһаа, ерээдүйн фантастическа юртэмсэ дэлхэйгээр, нүгөө талаһаа, һонирходог байһан залуу авторай түрүүшын номуудай сюжетүүд иимэл шэглэлтэй байһан. Геолог мэргэжэлтэй хүндэ эртэ урдын сагуудай болон ерээдүйн тайлбарилгаагүй байгааһин нюусанууд ухаагаа эрьюулэн бодомжолхо юумэ үгэдэг лэ байһан гээбы. Геологууд гансал ашагта малтамалнууды бэдэржэ байдаг зон гэжэ хүнүүд һанадаг. Үнэн дээрээ, энэмнай газарай яажа бүрилдэн бии болоһон тухай, мян-гаад жэлнүүд соо ашагта малтамалнуудай яажа хубилһан, газарай ехэ гүнзэгыдэ юунэй боложо байһы тайлбарилһан бүхэли эрдэм наука байхаһаа гадна, үнгэрһэн үе сагууд болон ерээдүйн амида юртэмсэ тухай ном болоно бшуу. Эдэ асуудал-нуудаар һонирходог, олон юумэ уншаһан автор «Эль Канно» гэжэ рассказ, «Зе-лёное безумие земли», «Внимание: неопитеки» («Һүүлдэнь энэ туужаяа «Приход больших обезьян» гэжэ нэрлээ) гэхэн туужанууды, «Мамонтёнок Фуф» гэхэн хүүгэдэй ном бэшээ һэн.

Тиигэжэ Владимир Митыпов түүхэтэ туужа болон романууды, научна фан-тастикаар элдэб темэнүүдтэ зохёолнууды ехэтэ бэшэжэ байха үедөө «Долина бессмертников» гэхэн эгээл суута зохёолоо бэшээ бэлэй.

Энэ роман соо болоһон үйлэ хэрэгүүд ехэ орёо бэшэ. Хото городто ажаһуудаг залуу поэт Булат Аюшеев бэлигтэй найн шүлэгүүды бэшэдэг хүн юм. Зүгөөр томо хото городой үймөөн шууян соо ажабайдалай энэ ехэ хүндэлөөһнөө эсэһэн хүндэ зохёол бэшэхэ дуран үгы болоһоно. Түрэжэ үдэжэ томо боложо, энэ дэлхэе ухаан бодолдоо нээһэн тоонто талаа Булат ходо зүрхэн соогоо һанажа ябана. Теэд тэрэ өөрынгөө заха хизаар тухай ехэ юумэ мэдэдэггүй. Эртэ урда сагай хуннуу-дай ажаһуужа байһан түрэл тала дайдадань археологуудай ерэжэ, газар малтажа, бэдэржэ эхилхэдэнь, хүбүүн эрдэмтэдтэ ехэ дуратайгаар туһална, юундэб гэхэдэ түүхын нюусанууд нээгдэхэ бшуу.

Роман соо үйлэ хэрэгүүдын хоёр сагай оршондо болоно: хэдэн зуун жэлнүүдэй саана ба мүнөө үедэ. Элдэб үе сагуудай һэлгэсэлдээн, тэрэ эртэ ур-

данай үе сагай байдал, мүнөөнэй саг гээд лэ тон һонин юумэнүүдые уншагшадта нээжэ үгэхэдөө, элдэб бодол түрүүлнэ. Газар дээрэ боложо байгаа үйлэ хэрэгүүд зониин ямаршые үе сагта ходол һонирхуулжа байгаа юм аабза, теэд ямаршые үе сагта дуран гээшэ муу ханаа, сагаан сэдхэл, хэрзэгы ханаа, хүниин хайрлаха, хүндэ туһа хүргэхэ хүсэл атаа мэээ диилэдэг байгаа гү – гэхэн асуудал гарана. Мянган жэлнүүдэй саана болоһон үйлэ хэрэгүүд мүнөөнэй байдал гээд, хүниин ходо хүмүүжүүлжэ байдаг гэжэ эли болоно.

«Долина бессмертников» роман Улаан-Үдэдэ болон Москвада хэдэ дахин хэблэгдэжэ гараһан гээшэ. Далаан онуудай хоёрдохи хахадта РСФСР-эй Уран зохёолшодой секретариатай нүүдэл зүблөөн Улаан-Үдэдэ боложо, гүрэнэй суута уран зохёолшод В.Митыповай роман тухай угаа олон дэбжэлгэ-һанамжануудые, энэ зохёолые магтаһан дэмбэрэлтэ үгэнүүдые хэлэһэн юм. «Долина бессмертников» болбол мүнөө үеын орос литературынын эгээл эрхим романуудай нэгэн», – гэжэ прозаик Ю.Бондарев, шүүмжэлэгшэ Ю.Лукин гэгшэд хэлэһэн байна.

Зүгөөр Владимир Гомбожаповичай «түрүүшын» мэргэжэл мүнөө үеын сагта хандахынь зохёолшые баадхаһан гээшэ. Юундэ «түрүүшын» юм гэхэдэ, үнгэрһэн зуунай далаад онуудаар тэрэ геологийнхоо литературада оронгоо ороо бэлэй. Москвагай М.Горькийн нэрэмжэтэ Литературна институтдэй дэргэдэхи Дээдэ литературна курсануудта һуралсалаа 1975 ондо дүүргэжэ, уран зохёол бэшэхэ ажал хуби заяандань гол ажал болоһон юм. Теэд университеттэ һуража, тэндэ абаһан мэргэжэлын, Хойто-Байгалай геолого-бэдэрэлгын экспедицидэ хэһэн хүнгэн бэшэ бэдэрэлгэнүүдын, Сибирийн тайгаар алта бэдэрһэн зон тухай, алтанай приискэнүүдэй ажал болон ажабайдал тухай архивууд соо материалнуудые бэдэржэ, «Инспектор золотой тайги» гэхэн тон һонирхолтой роман бэшэхэдэнь, ехэтэ туһалаа.

Энэмнай түүхын-приключенческэ зохёол болоно. Роман соохи үйлэ хэрэгүүд граждан дайнай түлэг дундаа ябажа байһан аяар холын 1918 ондо болоно. Зүүн Сибирийн ба Байгалай ара талада засаг Колчагай, Соведүүдэй, хасаг атамануудай гарта дамжагдан орожо, хэниинь диилэхэ юм, мэдэгдэхгүй һэн. Алас Дурна зүгтэ интервентнүүд – японцууд болон американцууд наашаа нэбтэрэн орожо эхилнэ, «Амьарлаһан Сибирийн саг зуурын правительствын» засаг гартаа бариһые оролдоһон зон баһал эндэ өөрынгөө хүсэл бэлүүлхые эрмэлзэнэ.

Эдэ үйлэ хэрэгүүдэй боложо байһан үедэ энэ «алтанда шунахайралгын» нүлөөндэ орошоһон зоной хуби заяан тухай, зариманиинь энэ хэрэгтэ шуһа мяхаараа орошоһон, нүгөөдүүлэнь энэ хэрэгы үзэн ядаһан, зариманиинь шунахайраад һогтоһон, зариманиинь энээниинь буруушаажа эхилһэн тухайнь, арадай баялиг хамгаалха гү, али гэмтэ ябадал хэжэ, олзо олохо – энээн тухай энэ зохёол зураглана.

Хүнэй анхарал татажа, һонирхолтойгоор зураглан харуулха тон шадамар арга автор олоһон байна: Байгалай ара талын можын Хадын соведэй түлөөлэгшэ инженер Алексей Зверев хойто приискэнүүдтэ шалгалта хэхээ ошоно. Арадай засагта муу бэшээр хандадаг энэ хүн хэн, хаана, ямар хэмжээндэ алта олзолноб гэжэ байрадань ошожо мэдэхэ ханаатай.

Тэрэ үедэ хэн «Алтан тайгаар» дүүрэшэһэн байнаб? Үбгэ эсэгэнэрһэнь, абанарһаань алта бэдэрэлгэн тухай мэдэжэ абаһан хүнгэн олзо бэдэрэгшэд дулаан байра байдалгүй, хоһо нойтоор мүлһэн хүйтэн уһан соогур махажа, алта олзолно. Зариманиинь хаатаргаһаа тэрьедэһэн зон, алтанай томо хүсөөг гэнтэ олзорхихо аа гүбди гэхэн найдалда абтажа, гэртээ ошоходоо мүнгэтэй ябахаар эндэ

ерэнхэй. Алта олоhon зониие тонохо гэхэн муу муухай зон, алууршад болон бандидуудшые эндэ дүүрэн. Эдэ зониие дээрэхээн хараад, хүлөө жиижэ һууһан зоной, тайгын эзэдэй нэгэн болохо приискэнүүдэй эзэн, хэдэн миллион мүнгэ олодог Аркадий Жухлицкий гээшэ романай гол герой болоно. Өөртэнь үнэн сэхэ зоной арга хүсөөр энэ хүн тайгын үбэлжөөндэ бүхэли артель үгы хэжэ шадаха, хадаа хүдэлдэг полициие мүнгөөрөө өөр тээшэ болгохо, залуу басаганай дура буляаха, городто ехэ ордон барижа бодхохо арга шадалтай хүн.

Тайгада дэлгэрээд байһан иимэ дээрмэшэдэй ехэ хүсэн, шонын мэтэ заншал зоной сэдхэл эрэмдэг болгоно. Энэ газарта ерэхэн зон хүн шарайгаа алдажа, зэрлиг болоно. Алтан гээшэ амида юумэндэл хүниие гартаа абажа, хуби заяаень ондоо болгоно.

Хүн шарайгаа үшөө алдаагүй геройнуудай нэгэн болохо Захар Турлай иигэжэ бодомжолно: «Эндэ ажаллажа, нэгэ бага мүнгэ олоод лэ, гэртээ бусахаб гэжэ хүн тайгада ерэхэдэ һанана. Эндэ алта нэгэтэ харажархибал – одоол халааш. Энэ алташни гар хүлыш зохолгоожо эхилхэ. Нэгэ ялас гээд, ондоо тээ ялас гээд, тэрэнэйнгээ хойноһоо яба ябаһаар, эгээл хүниндөө гэрэлэй хойноһоо ябаһан хүндэл дахахаш. Ябахаш, ябахаш, харгын дүүрээ гэжэ үгы. Тиигээд лэ алтан гээшэ хүнэй толгой эрыюулжэ, тэрэ хүмнай хосорон халаа гээ».

Алта бэдэрдэг зоной байдал нилээд хараһан Алексей Зверев энэ түмэрэй түлөө хүн юундэ хайрата һаһаяа үгэхөөр бэлэн байдаг юм гэжэ баһал гайхадаг. Жэшээн, Штольник гэжэ алташан, энэ нэрээ өөрынгөө штольня соо хэдэн арбаад жэлдэ ажаллажа олоһон хүн. Олоһон алтаяа үнэтэй бүдөөр, шэмэглэлнүүдээр андалдажа, басагандаа бэлэг асардаг байһан, тиигээд лэ бэшэнтэй адли эндээ хосороо. Хүниие дээрмэдэжэ олоһон алтаяа «шуһаар будаатай» гэжэ Штольник аминдань хадагалаад байһан юм ха. Тэрэнэй уурхайда орожо гарахадаа Зверев юу хараа юм гээл: «Тонгойжо байжа арай хабшуулдан орохо нүхэнэй шулуунууд соо бүдүүлгээр бариһан алаабхинууд дээрэ кружева, торгон, батист, парча бүдүүд, ноһон пулаадууд болон элдэб обоо хүбөө юумэн хэбтэбэ. Эдэ тоһондо дарагдаһаһан. Зарим тээгээ шиигтэ абтажа, хулганаануудта хазагдажа үмхиршэһэн. Монпансье-хампедуудай, халваагай болон бусад амтан зүйлнүүдэй баанханууд соо эхэнэрнүүдэй элдэб үнэтэй сэнтэй шэмэдхэл зүүдхэлнүүд хадагалагданхай, эд мүнгэн, амьяаран алтан, алтанай элһэн табятай.

Иимэ юумэ хараһан хүн нюдөө үшөө дахин аршажа хараха байгаа даа. Кудеяр гэжэ хүйхэр атамантай хамта энэ Штольник тайгын уйтахан зүргэнүүдээр махажа, зониие дээрмэдэдэг байгаа бэшэ юм гү гэхэн бодол толгойдо орохо юм. Энэ үбгэн хэзээдэ энэ уурхай соогоо иимэ баялиг нөөсэлжэ үрдибэ гээшэб? Алтан тайга гээшэмнай олон ондоо нюуртай юм байна...

Уһанда шэнгээхэ алтан тухай Штольнигой Зверевтэ хэлэһые тэрэ һанажархиба. Тэрэнь хаана байгаа юм ааб? Алексей тоһон дэнгээ иишэ тиишэнь зүглүүлэн хаража байтараа, хажуу талада хоһоршоһон арһан сүүмхэ обёорбо. Тэрэ хүниие дээрмэдэжэ олоһон алтанинь энэл сүүмхэ соо байһан юм байна гэжэ ойлгохоор байгаа һэн...»

Геройнуудайнь авантюрна элдэб уршагта ябадалнуудта ороһые зураглаһан тус роман даншые һайнаар дүүрэнэ гэхын аргагүй. «Амьарлаһан Сибириин саг зуурын правительствын» түлөөлэгшэ Ганскоу капитанай гарһаа Алексей Зверев хосорно. «Алтан тайгын» ниислэл хото болохо Чирокан һууринһаа үхөө гэжэ өөр тухайгаа һураг суу тараагаад, өөрынгөө маршрудаар «...Баргажанда, тэндэхээн»

Дээдэ Үдэдэ, һүүлдэнь Шэтэ, саашаа – Манжуур, Япон, Америкэ болоод, бүхы дэлхэйгээр» ябахаяа, миллионер Аркадий Жухницкий мултаран гарана.

«Инспектор золотой тайги» гэжэ романай тэрэ үе сагтаа ямар ехэ һураг суутай байһые хэдэ дахин хэблэгдэхээрнь тухайлжа болоно. Энэ романай ном боложо гараһан хойно Улаан-Үдын Н.Бестужевай нэрэмжэтэ Ород драмын театр зүжэг табижа, Буриадай телевидениин студидэ гурбан серитэй фильм байгуулагдаһан. Романай геройнуудтай ехэшье экранда уулзажа боломоор һэн: «Мосфильм» студи «Утро обреченного прииска» гэжэ кинозураг байгуулаа һэн.

Владимир Митыповай үшөө нэгэ «Геологическая поэма» гэхэн роман урдахи романуудһаань дутуу бэшэ һэн. «Геологическая» гэхэн үгэ нэрэдэнь байхадаа, ашагта малтамалнуудые бэдэрэгшэ романтигууд зоной тоодо автарайнь ородог байһые үшөө дахин хануулна. Тээд романай хэлэ бэшэгэй маяг, үйлэ хэрэгүүдэйн мушхалаа, композици хараад, эдэ бүгэдэ юрын хөөрөөн гэхын аргагүй, романшье бэшэ, поэмэ гэхээр, гол геройниинь өөрөө автор геологийн эрдэм шэнжэлэлэй ерээдүйн хуби заяан тухай ханаагаа зобожо байһаниие харуулхадаа, энэ халбарида элдэб хомхой, худал зон, карьеристнууд орошодог гэжэ хануулна.

Владимир Митыповай зохёохы ажалай намтар соо «Пётр Первый и Бурятия» гэхэн түүхэтэ очерк ороно. Энэ зохёол хори-буряадуудай зайсануудтайгаа, угай түлөөлэгшэдтэй Санкт-Петербург Сагаан Хаанда ошоһон тухай юм. Засаг барижа байһан Пётр Первый Буриадай түлөөлэгшэдые тон анхаралтайгаар шагнаха өөрын шалтагтай байгаа ха. «Иимэ уулзалгын һүүлдэ гүрэнэй данса – Хаанай Захиралта бии боложо, гүрэнэй зүүн зүгтэ ажаһуудаг арадуудай ажана тайбан байдалда ехэ туһа нэмэри болоһон гэшэ. Харгыдаа ябахандаа буряад делегаци ехэ харууһатай ябаа. 300 жэлэй үнгэрөөд мүнөө байхада, энэ ехэ аяншалга тон ехэ удха шанартай байгаа гэжэ хэлэхээр», - гэжэ автор тодорхойлно.

Энэ Захиралта гаргахадань нэгэ «һайн хүн» туһалһан гэжэ бэшээтэй. Энэ хүниинь болбол, Пётр Первый хаанай дүтын нүхэр, генерал-фельдмаршал, граф Фёдор Алексеевич Головин байгаа ха гэжэ очеркын автор тухайлна. Үшөө царевна Софьиин байхада, 1686 ондо, Хитадтай хилэ шадарай хэлсээ баталхыень тэрэниие Байгалай ара тала руу эльгээһэн байгаа ха. Хоёр жэл болоод байхада, Селенгинскын ажаһуугшад гарнизонтоёо хамта монгол-манжын отрядтай тулалдаха баатай болоходоо, буряадуудай эрэлхэг зоригтойе, үнэн сэхэ зон байһаниие мэдэхэ болоһон.

Фёдор Алексеевичэй буряадуудай тэрээндэ ехэхэн туһа хүргэһые хаанда дуулгахадань, хаан буряад уг изагууртаниие ехэ хүндэтэйгөөр угтан абаһан байгаа хаш гэлтэй.

Олон үндэһэ яһатантай Орос гүрэнэй бүридэлдэ Буряад республикын ороһоор арбаад жэлэй түрүүшын жэлнүүдтэ Байгал шадар ажаһуугша зоной Москва ошоһониинь хойшодоо ехэ дэмбэрэлтэй, удха шанартай байһан болоно. Буряад уг изагууртан үндэр түрэлтэ хаанда хандажа, ажаһуужа байгаа тала газараа өөһэдөө мэдэн, нютагай баяд ноёдой доромжолгоһоо сүлөөлхые тэдэнэр гансашье гуйгаа бэшэ, Пётрой энэ холо газарай зонтой уулзажа хөөрэлдөөд, захын зоной газартаа эзэн байха зүбшөөл абаһаниинь ехэ удха шанартай байһан. Тэрэ үедэ иимэ сэсэн үйлэ хэрэг эрхилжэ шадаһан буряад зайһанууд арадайнгаа ханажа ябаһан хэрэгые тон зүбөөр шиидхэхэн байна.

Түүхэдэ үнэн зүб хэрэгэй диилэнхэн ушар Владимир Митыповай очерк соо тон дэмбэрэлтэй ушар гэжэ тэмдэглэгдэнхэй.

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

- Геологическая поэма.* Роман. – М.: Современник, 1985.
Долина бессмертников. Роман. – М.: Современник, 1975.
Долина бессмертников. Роман. – Улан-Удэ, 1979.
Инспектор золотой тайги. Роман. – Улан-Удэ, 1978.
Инспектор золотой тайги. Долина бессмертников. Романы. – М.: Советский писатель, 1980.
Инспектор золотой тайги. Роман, рассказы. – Улан-Удэ, 1990.
Мамонтенок Фуф. Повесть-сказка. Улан-Удэ, 1970; М.: Детская литература, 1976; Улан-Удэ, 1982; – Улан-Удэ, 2006.
Ступени совершенства. Повести (Ступени совершенства. Приход больших обезьян. Зеленое безумие земли). Улан-Удэ, 1969; – Улан-Удэ, 2007.
Петр I и Бурятия. Литературно-критическое эссе. – Улан-Удэ, 2010.
Инспектор золотой тайги. Геологическая поэма. Романы. Самородки Забайкалья. В 10 томах. Том 6. – Агинское, 2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

- Бальбуров А.* Владимир Митыпов. – Байгал, 1967, № 1.
Вегин В. Здравствуй, мамонтенок Фуф. – Молодежь Бурятии, 1970, 3 сентября.
Балабуха Н., Балабуха А. В поисках совершенства. – Байкал, 1971, № 5.
Васильева А. Понять свое время. – Правда Бурятии, 1976, 15 мая.
Алиева С. Когда нам молодость дана. – Литературная газета, 1976, 22 сентября.
Без указ. автора. Митыпов Владимир Гомбожапович // Писатели советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
Аюшеев И. Новая высота писателя. – Правда Бурятии, 1978, 13 декабря.
Бондаренко В. Навстречу времени. – Литературная Россия, 1978, 18 августа.
Луний Ю. Пора зрелости. – Литературная Россия, 1982, 27 августа.
Уланов Э. Творчество, как озарение. – Молодежь Бурятии, 1983, 7 июня.
Сосновская Э. Перед чудом вечного творения. – Правда Бурятии, 1986, 14 мая.
Турков А. По трудному маршруту (О романе «Геологическая поэма»). – Литературная Россия, 1986, 23 мая.
Уланов Э. Бережь нашу голубую планету. Беседа с писателем Владимиром Митыповым. – Буряад Унэн, 1987, 29 мая.
Хосомоев Н. В русле времени. – Байкал, 1987, № 6.
Найдаков В. Ступени совершенства. – Правда Бурятии, 1990, 23 августа.
Хамаганов М. «Геологическая поэма» и ее герои. – Байкал, 1990, № 5.
Хамгушкеева М. Литературные достижения. О творчестве В. Митыпова. – Буряад Унэн, 1995, 12, 13 апреля.
Найдаков В. Владимир Митыпов // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
Данчинова М. Картина мира в произведениях В. Митыпова «Геологическая поэма» // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998.
Тулохонов С. Митыпов Владимир Гомбожапович // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.
Бараева О. Ступени совершенства. – Правда Бурятии, 2000 г., 9 июня.
Уланов Э. Митыпов Владимир Гомбожапович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
Имixelова С. Художественная концепция истории в прозе В. Митыпова. – Улан-Удэ, 2011.

**Лопсон Дунзынович
ТАПХАЕВ
(1940-2007)**

СВОЙ СЛЕД

*Я родился весной.
Поднебесною трелью
Меня встретили птицы
В голубой тишине.
А в долине трава
Расстилалась постелью.
И веселое солнце
Опускалось ко мне.
Я пою о горах,
О своей колыбели.
Эту песню Иркут
Подсказал берегам.
Эту песню мне деды
Когда-то пропели.
Эту песню я внукам
Своим передам.*

Это строки из книги бурятского поэта Лопсона Тапхаева «Сияние в Саянах». Название очень точное: стихи сборника пронизаны солнцем. Свет высоких снежных вершин знаменитого горного хребта сияет автору с детства. У подножия Саян, в живописной Тункинской долине, он вырос. Здесь увидел поэт то, о чем только и можно рассказать стихами, – буйные краски степи и гор, людей, полюбовавшихся этот край.

Родина в поэзии всегда понятие нравственное. Родине, имеет ли поэт в виду негромкий край, где родился, или большую Отчизну – он доверяет самое сокровенное в душе, несет сомнения и радость, любовь и тревогу. Лопсон Тапхаев рассказывал о ней то романтически приподнято, то по-сыновьи застенчиво и негромко, то горячо и благодарно. Послушайте – эти строки лучше высвечивают характер лирического героя, его судьбу:

*Горы словно оживают –
так прекрасен грозный вид!
А над снежными гольцами
в синеве орел парит.
Мне бы в тот простор подняться
и кружить там много дней;
Землю всю увидеть разом
и потом пропеть о ней!*

.....
*Уже не окончится встречей
Былая разлука с отцом,
Но, как на отцовские плечи,
Я поднят высоким гольцом.*

*Плывут облаков караваны,
И семьдесят далее у ног.
Саяны, родные Саяны...
И слез удержать я не смог.*

Благодарность родным горам и долам окрашена здесь печалью не случайно. В первые годы войны на фронте погиб отец Лопсона Тапхаева. По стихам поэта хорошо представляешь его детство: как голодный мальчишка ожидал в нетопленной избе мать, как весною искал на оттаявшем поле случайные картофельные клубеньки, как утирал слезы, видя счастливого ровесника с отцом. Но, может быть, тем дороже в этих воспоминаниях радости детства – их-то и дарили родная земля, щедрые люди: веселое купание в реке, праздник сенокоса, когда «пахнет расплетенная коса васильковым цветом и полынью», тепло приютившего дома, где ждал «с запахом хлебным дымок»:

*Я не остался без родственной ласки,
Не перекатная голь, –*

это мог сказать лишь человек, не обделенный теплом родины.

В нашей книге вы найдете созвучные строки у многих поэтов – ровесников Лопсона Тапхаева: у Михаила Шиханова и Георгия Дашабылова, у Мэлса Самбуева и Владимира Липатова. Почему они вновь и вновь возвращались ко времени омраченного войной детства? Чтобы вызвать у читателя жалость? Ничуть. Они обращались к тем годам для того, чтобы уяснить для себя, какая сила, стойкость, доброта помогли одолеть невзгоды и были завещаны им. Вот и Лопсон Тапхаев признавался:

*Я в глубины гляжу бездонные,
Не мигая и не дыша.*

*Вспоминаются люди добрые,
И оттаивает душа.*

Могучие, гордые вершины Саян, стремительные, чистые воды родной реки потому и овеваны особой красотой, что они как бы повторяют людскую силу и гордость, неумность человека, чистоту его души. В книгах Лопсона Тапхаева «Сияние в Саянах», «Золотой корень», «Главная дорога» образ отчего края неизменно сливался с образами земляков. Эти люди придут на помощь любому, они обрадуются цветам летнего луга и детскому смеху, разделят чужую печаль. Рассказывая о них, Л. Тапхаев утверждал лучшее в человеческой душе, обращался к нашей совести:

*Тому, кто в жизни одинок,
Чье счастье призрачно и зыбко,
Нужна, как ступит за порог,
Хотя б случайная улыбка.
А если гостя свалит сон –
Теплей укрой его одеждой.
Пусть будет тихо. Завтра он
Проснется с новою надеждой.*

Ни теплом, ни надеждой не обделила судьба самого поэта. Он закончил педагогический институт, вернулся в родные места и долгие годы работал журналистом районной газеты. Теперь уже к нему шли люди за участием. И он мог с полным правом написать:

*Я тоже, обычай храня,
В родной привечал стороне
Людей, что не знали меня,
Но очень нуждались во мне.*

Приведу лишь один факт биографии поэта. Почти пятнадцать лет Лопсон Тапхаев руководил в Тункинском районе литературным объединением имени Мунко Саридака – самым крупным и творчески активным объединением начинающих писателей в республике. С помощью поэта молодые авторы взяли немало творческих высот: издано сорок пять книг, пять литераторов стали членами Союза писателей СССР. Лопсон Тапхаев и позже, уже в качестве литературного консультанта Союза писателей Бурятии, продолжал помогать начинающим авторам.

Имеет ли отношение этот факт к разговору о творчестве поэта? Да. Притягательная сила стихов Лопсона Тапхаева увеличивалась оттого, что строки его были подтверждены собственной жизненной позицией:

*На веку у любого из нас
И невзгоды, и срывы бывали.
И товарищи наши не раз
Руку помощи нам подавали.
Мы пройдем сквозь тревожные дни,
Мы пройдем сквозь ненастную полночь,
Памятуя, что мы не одни
И кому-то нужна наша помощь.*

Выше шла речь о созвучности, тематической перекличке стихов поэтов того поколения, к которому принадлежал Лопсон Тапхаев. Теперь самое время подчеркнуть, что при всем этом голоса их не были похожи друг на друга. У каждого из поэтов – свой жизненный опыт, свое осмысление пережитого, своя манера общения с читателем, свой темперамент, словом, свой голос.

Лопсон Тапхаев умел говорить и горячо, и застенчиво, негромко, он мог выразить мысль публицистически заостренно и как бы «растворить» ее в образной и красочной картине. В большинстве его стихотворений мысль и чувство имеют ту глубину, ту неоднозначность, которые открываются каждому читателю по-своему и всякий раз по-новому. Возможно, строки, которые приводились мною, не показывают этого качества так ярко: ведь цитата, пусть она и несет основную смысловую нагрузку, всегда беднее содержания стихотворения. Поэтому хочется привести полностью хотя бы одно короткое стихотворение:

ГОДЫ

*Будто чайки прокричали
И растаяли вдали –
Годы счастья и печали
Вереницею прошли.
Чистым полем пролетели
Вслед за топотом коней.
Плачут белые метели
Над следами от саней.

Пролетели молодые
За родимое село.
Стали волосы седые –
Будто снегом замело.*

Каждый из нас по-своему вспомнит прошедшие «годы счастья и печали». Каждая душа по-своему откликнется на строки поэта...

– Я хотел бы, – делился Лопсон Тапхаев своими раздумьями, – соединить в стихах образную энергию, красочность, афористичность бурятского народного слова и современность тематики, новизну чувств и мыслей.

Путь этот всегда оказывался плодотворным. И поэт шел по этому пути.

*Я мудрость постигну
крылатого слова,
Я в море сказаний
уйду с головой,
Протяжною песней
заслушаюсь снова,
Сыграю на струнах
реки голубой...
Так пусть и любовь
меня не забывает,
И тихая песня
от сердца идет.*

*Без корня
прекрасных цветов не бывает,
А корень
в таежных глубинах растёт!*

ГАЗАР ДЭЭРЭ МҮР ҮЛӨӨХЭ

*Хабар түрөөб.
Зүлгэ ногоон хүнжэлтэйб.
Хараасгай намда дуугаа бэлэглээ.
Наранда мээхэй.
Хүйтэндэ тэсэмгэй
Ургын шэнжэ – уян зөөлэн сэдхэлтэйб.
Хабар тухай дуулаха эрхэтэйб.
Хадада үдөөб.
Хүл нюсэгөөр шулуунһаа
Торожо унан.
Тогтожо ядан ябааб.
Хатуугаар үдөөб.
Зоригни – бүргэд шулуунһаа.
Ханхинуурхан горхонһоо хүгжэм абааб.
Хада тухай дуулаха ёһотойб.*

Лопсон Тапхаевай «Саяанай толон» гэжэ ном соо ороһон шүлэгэй мүнрүүдые эндэ дурдабаб. Энэ ном наранай гэрэлээр толоржо байһан шэнги. Саяанай саһан дуулгата үндэр орьёлнуудые багаһаань поэт хаража ябаһан. Саяанай хормойдо оршодог Түнхэнэй гоё хайхан нютагта түрэнэн хүн шуу. Эндэ түрэнэн хүн одоол шүлэгэй гоё мүнрүүдээр нютаг нугаяа магтаха юм.

Багахан хада газарта түрэнэ гүш, али үргэн ехэ орондо түрэжэ ехэ болоһон гүш, сэдхэлэйнгээ эгээл үнэтэй сэнтэй юумые нээжэ, баяр уйдхартайгаа, дура голхоролтойгоо хубаалдаха болонош. Лопсон Тапхаев орон нютаг тухайгаа бээе барид гэнэн намдуу аалин хоолойгоор, шунал охитойгоор түүрээдэг заншалтай нэн. Шагныт даа:

*Габа һабаһаа галтай бурма шэдэлжэ,
Газар-эхын гантажа байха үеэр
Зүүн шэнги хурса шүдэ шүдэлжэ.
Зүүн Саяан үргэн бодоо бээ.*

Түрэл хада, уулануудтаа баяр хүргэжэ хандахадаа, поэт уйдхар гуниглалаа баһал мэдүүлнэ. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай эхиндэ поэдэй эсэгэ байлдаанай үедэ алдалан унаһан намтартай. Шүлэгүүдыеһе уншахадаа, түлигдөөгүй хүйтэн гэр соо үлэн хоһон хүбүүнэй эхээ хүлээжэ байһые, хабартаа саһанай хайлажа эхилхэдэ газарта үбэлжэһэн хартаабха малтан абадагыень, эсэгээ тэбэрийнэн үхибүүдтэ атаархан, нүдэнэйнгөө нулимса хүнһөө нюусаар аршадагыень хараһандал болохош. Бага наһанай дурсалганууд заримдаа баяр шэнгээр ханагдадаг, юундэб гэхэдэ багадаа уһанда шунгадагаа, үбһэ хуряалганда ябадагаа зураглана.

Саяан, шамаяа дуулаха заяан намдаш тудаа.
 Сагаан далайарини хүлдэ хэжэ, гуламтадаа бадаргаад,
 Бүргэд зүрхэтэ хүбүүдтэйи адлихан нишдэлсэхэ
 Бэрхэтэйшье, золтойшье заяан намдаш тудаа.
 Зүрхэнһөөнь хаданууд шэлэгэнэдэг гэгшэл.
 Эгээл тишхэдэ жэжэ юумэ тоодоггүй уула
 Эрхэ бэшэ доторой хүсэнһөө дорьбожсо нуухал.
 Хэлэнэб тишгээд мүнхэшье наһа заяа
 Хэлтынгүй шамтаяа байлсаһайб, Саяан.
 Алтан мундаргадаа гаргажа үргэнэи бэеым дээшэнь
 Аялга дуун соогоо би нэрыень үргэнэ гээшэб.

Нютагайнгаа дулаае баяр баясхалантайгаар дурсажа ябадаг хүн лэ иигэжэ хэлэхэ ха юм даа.

Михаил Шиханов, Георгий Дашабылов, Мэлс Самбуев, Владимир Липатов мэтын тэрэнэй үетэн поэдүүд иимэ үгэнүүдээр түрэл нютагтаа, хада хабсагайдаа, гол горходтоо хандажа болохо байгаа. Юундэ эдэ зон энэ хүшэр хүндэ үе сагтаа дахин дахин хандадаг бэ? Уншагшад бидэниие хайрлаха гэжэ ханаад гү? Үгы ааб даа. Ямар тиймэ ехэ хүсэн, сагаан сэдхэл бии хадаа иимэ хүшэр үе сагые дабаха-дань туһалаа гээшэб гэжэ өөһэдөө ойлгожо абахын түлөө ха юм. Тиигэжэ Лопсон Тапхаев иигэжэ бэшэһэн байдаг:

Арынгаа хормойгоор ешимээн тарья ургуулжа,
 Адуугаа манаад.
 Агнуури эхилээдишье
 Түнхэн голойнгоо эрье дээр иигэжэ
 Түбхинэн нууһан түнхэн зомнай гээшэ.
 Газар-эхын зүрхэн сооһоо мэлмэрһэн
 Гашуун охитой аришаан уужа үдэһэндөө
 Нютагай хүнүүд нюргаар үндэр, шамбай,
 Хүл доронь хүнхинэдэг юм Хэрэнэй талмай.

Саяанай үндэр гоё орьёлнууд, түрэл голойнь тунгалаг сэбэр уһан хүнэй хүсэ, омог зан, сэдхэлэйнь сагаае абаһандал. «Саяанай толон», «Алтан үндэһэн», «Гол харгы» гэхэн Лопсон Тапхаевай номууд соо түрэл хизаарайнь түхэл шарай нютага-архинайнь дүрэ шарайтай холисолдон нэгэ болоһон мэтэ. Эдэ зон ямаршье хүнэй хохидолдо ороод байгаа наа, туһалхаа ерэхэ, зундаа сэсэгээр һалбаржа байһан нуга хараад, үхибүүдэй шаг шууяа табихые дуулаад баярлан хүхилдэхэ, талын хүнэй уйдхар гашуудал өөрынгөө шэнгээр хубаан абаха. Эдэнэр тухай Л. Тапхаев түүрээхэдээ, хүнэй сэдхэлэй эгээл үнэтэй дээрэ юумыень тобойлгон харуулжа, һэшхэлдэнь хандана:

Хараха янзада, үнэн сэхэ
 Хани нүхэдөөр олон,
 Хүл хүнгэн, элүүр энхэ,
 Хүхид гэжэ ябахадаа,
 Урдан гараһан хүлһэнэйи
 Ургы болон задархада,
 Дали ургатар хэнэйшьеб
 Далан худалаар манахада,

*Наран доромни мүнхэ
Нажар байхал юм шэнги.
Хүнэй зэргэ үндыхэ
Гүрхэй бодол түрэгийэ.*

Өөрын хуби заяан тэрэндэ дулаае, найдал дууһыень бэлэглээ. Багшанарай дээдэ нургуули дүүргээд, түрэл нютагаа бусажа, аймагайнгаа сониндо сурбалжалагшаар хүдэлжэ байхадань, зон өөһэдөө элдэб асууудалтайгаар, хэрэгтэйгээр хандадаг болоо һэн. Тиигэжэ поэт бэшэһэн юм:

*Урагшагүйдөөд уйдажа болохол хүбүүн
Ушаргүй хараал – хутага мэтэ зэбүүн.
Гансахан мүнхэ тулгуури –
Гараа, хүнүүд, үгэгты.*

Поэдэй намтар сооһоо нэгэхэн юумэ эндэ дурдаһуу. Арбан табан жэлэй туршада Лопсон Тапхаев республика соогоо эгээл олон гэшүүдтэй Түнхэнэй Мүнхэ Сарьдагай нэрэмжэтэ уран зохёолой бүлгэмые ударидажа ябаа. Лопсон Тапхаевай оролдолгоор залуу авторнууд зохёохы ажалдаа нилээд амжалтанууды туйлажа, дүшэн табан номууд хэблэгдэн гараһан, табан зохёолшод СССР-эй Уран зохёолшодой гэшүүд болоһон ха юм. Нүүлдэнь, Буриадай Уран зохёолшодой холбооной литературна консультантаар хүдэлжэ байхадаа, Лопсон Тапхаев эхилэн бэшэгшэдтэ ходол туһа хүргэхые оролдожо ябагша бэлэй.

Эдэ бүгэдэ нэгэ талаараа поэдэй зохёохы ажалда ямаршые хабаагүй гэхээр. Гэбэшье, Лопсон Тапхаевай шүлэгүүд хүнэй дура бодолые юундэ татадаг хүсэтэйб гэхэдэ, шүлэгэйн бадагууд ажабайдалтай хүйһөөрөө холбоотой, үндэнэтэй бшуу.

*Харин намда
Дүтынгөө хүнүүдэй хэнэйшьеб
Дүмүүхэн гарые барижа,
Адхаһан гарнуудай сахариг соо
Адлихан зүрхэнэй лугшахы
Мэдэрхэнээ ондоо
Гар гараа зүбөөр
Барилсажа ябахыетнай
Харахаһаа ондоо,
Тэрэ гарнуудай үлхөөдэ
Хоёрхон гарайнгаа шадалые
Нэмэлсэхэнээ одоо –
Ондоо жаргал, ондоо хүсэл байхагүйл.*

Наһаараа дүтэ үетэнтэээ поэт темын талаар дүтэрхүү гээ һэмди. Тиибэшье эдэ поэдүүдэй хүн бүхэниинь тон өөрынхёороо үе сагаа, бага наһаяа, үнгэрһэн эдир залуу хаһаяа дурсаһан гээшэ. Юундэб гэхэдэ, хүн бүхэниинь өөр өөрын бэрхэшээлнүүдые дабажа, өөрэ янзаар эдэнээ зураглажа харуулһан.

Лопсон Тапхаев шуналтай шангааршые, хитүү аргааршые, шэбэнэн һагадшые мэдэрэлээ зураглажа шададаг, заримдаа сурбалжалагша мэтээр юумые тобойсо гаргахы, нэгэн гэхээ, элдэб үнгөөр гоёон һагад зураглахадаа шадамар һэн. Ехэнхи шүлэгүүдын удхаараа гүнзэги, мэдэрэлээрээ шэнэ, хүниие дабтаагүй, һажааха һэдэлгэ хээгүй, юумые шанартайгаар зурагладаг, ямаршые үгүүлэлдэ удха оруул-

жа, мууханшые шүлэг өөдэнь үргэн хэргээдэг хүн байгаа. Нэгэ шүлэгиень эхинһээнһэнь һүүл хүрэтэр толилоё:

*Сайбалзаад, сайбалзаад харагдахаа болёошо
Сахали шубуунай ганганаан мэтэ
Саг жэлнүүд яаралтай хайшаа
Сараашые орхингүй хубарин арилбаб?
Хайрата нүхэдэйм хаяад ябаһандал,
Һарабишалан хойноһоонь үлэн гэхээм,
Дурасхаал болгон гараа табиһандал,
Духадам зурлаа нэмэжэрхихэн байбал.*

Үнгэрһэн жэлнүүдээ хэмнайшые өөрынхёороо ханажа, дурсажа ябадаг гээшэ. Хэншые поэдэй шүлэгүүдые өөрын нюдөөр хаража, уншаха...

– Буряад үгын гүнзэгы удха, сэбэр хайхан аялга, далда удха, мүнөө үе сагые харуулха арга шүлэг соогоо харуулхаа оролдоо һэм, – гэжэ нэгэтэ хэлэһэн юм.

Энэ һэдэлгэнь зүб, энэ хүсэлөө поэт бээлүүлжэ шадаһан лэ байна бшуу.

*Тэрэ үндэһэн, өөрымни алтан үндэһэн –
Тэнхээ, хүлдэ, бэе намда үгэхэн
Таагдашагүй гүнзэгыһөө халаатан үндэһэлһэн
Таһаршагүй изагуурайм шуһа дамжаһан үенүүд лэ.
Тэрэ үндэһэн – шэргэшэгүй эхитэй булагтал
Тэдхэжэ байдаг арадайм аман зохёол.*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

Мундаргын сэсэгүүд. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1966.

Зангилаа. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1973.

Хэнгэргэ. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1976.

Алтан үндэһэн. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1981.

Гол харгы. Шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1984.

Угай бэшэг. Поэмэ, шүлэгүүд. – Улаан-Үдэ, 1988.

На русском языке:

Сияние в Саянах. Стихи. М.: Современник, 1976.

Золотой корень. Стихи. М.: Современник, 1981.

Наследство. Стихи. М.: Советская Россия, 1985.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI века в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

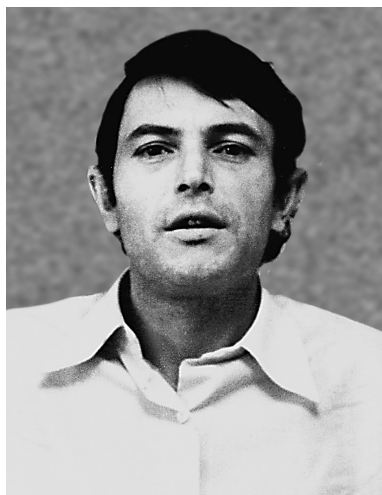
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Балданов С. Вперед, по широкой дороге. – Буряад Унэн, 1963, 10 января.

Бадаев А. Верного сердца гулкий пульс. – Правда Бурятии, 1974, 3 марта.

Намсараев Н. Цельность мироощущения. – Правда Бурятии, 1977, 18 мая.

- Котляревская Е., Константинов М.* Сияние в Саянах. – Литературное обозрение, 1977, № 12.
- Закусина Н.* Золотой корень. – Сибирские огни, 1983, № 5.
- Без указ. автора.* Тапхаев Лопсон Дунзынович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
- Хамгушкеева М.* Лопсон Тапхаев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
- Дугаров Б.* Лопсон Тапхаев. – Вершины, 2000, № 1.
- Данжалов В.* Истоки родословной. – Морин хуур, 2000, № 1.
- Дампилова Х.* От цветов высокогорья до родословной. – Буряад Унэн, 2000, 18 мая.
- Сэрсэгмаа Б.* Певец сияния Саянских гор. – Буряад Унэн, 2005, 1 декабря.
- Балданов С.* Его труд в золотом знаке отличия. – Буряад Унэн, 2008, 17 января.
- Жапов В.* Тапхаев Лопсон Дунзынович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Рыгзенова О.* Лопсон Тапхаев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Владимир Викторович
ЛИПАТОВ
(1940-1999)**

СПАСИБО, ЖИЗНЬ!

*Спасибо, жизнь! Я счастлив! Я влюблен!
Мне каждый день приносит обновление...*

Вот так молодо, влюбленно, счастливо ощущал себя герой стихов Владимира Липатова, когда начинающий поэт принес свои первые стихи в редакцию газеты «Молодежь Бурятии». Таким был и сам автор – рабочий паренек, строитель по образованию. Жизнерадостным, но далеким от наивной восторженности. Влюбленным в мир, но предпочитающим не созерцать, а творить красоту. Вовсе не легко давались ему и работа каменщиком на стройке, и первые шаги в творчестве. Владимир Липатов рос без отца, трудовой хлеб стал зарабатывать рано. Но, может быть, именно рабочие люди, окружавшие его, вера старших в прямой и честный характер юноши помогали Владимиру Липатову свежо и ясно воспринимать многокрасочность и доброту жизни. Он строил дома и одновременно заочно учился в Московском Литературном институте имени Горького, был в гуще комсомольских дел и писал стихи:

*И когда мне о рабочем классе
Говорят с улыбкою шутих,
Гордо вспоминаю дядю Васю,
Бригадира юных дней моих,
Вспоминаю узенькие сходни,
Тачки, развозившие раствор,
И необходимый до сегодня,
Лобовой, рабочий разговор.*

Совсем не случайно первый сборник стихов, вышедший в Улан-Удэ в 1972 году, Владимир Липатов назвал емко: «Вера». В этом слове для автора был свой, личный смысл: названием книги стало имя его жены. Но для читателя, думается, важен был и метафорический смысл: вера в людей, вера в жизнь, вера в мечту. Об этом напоминали стихи молодого поэта. Книга стала дипломной работой Владимира Липатова в Литературном институте.

Руководитель поэтического семинара, в котором занимался паренек из Бурятии, известный поэт Илья Сельвинский отметил тогда выстраданность строк молодого автора, лиричность его голоса.

*Так скупо шутил и смеялся,
Так скудно по свету прошел.
Спасибо – кто в сердце остался,
Спасибо – кто душу ожег.
Не надо бряцать именами.
Не надо поспешной вражды.
Спасибо, что солнце над нами
И прах не заносит следы.*

Осмыслить прошедшие годы, воскресить труд и доблесть старших – к этому стремился Владимир Липатов во второй книге своих стихов «Эхо памяти». Щемлящие строки посвятил он матерям, потерявшим на войне сыновей, бабушке, из рук которой брал в голодные годы крохотный сухарь, фронтовикам, прошедшим испытания честно и мужественно. Сам поэт так сказал о книге «Эхо памяти»:

– Мне хотелось показать, чью эстафету мы продолжаем, кто дал нам возможность жить, мечтать и любить.

При всей суровости судеб, о которых писал поэт, стихи излучали свет: ведь именно доброта и тепло старших больше всего запомнились мальчишкам сороковых годов.

*И было столько тепла и воли,
Что в этот час
Понятней стали земля и поле,
Что входит в нас,
Что входит в нас и остается
До колоска,
Что просто Родиной зовется
Во все века.*

Зимой 1976 года Владимир Липатов едет на БАМ и работает там горнопроходчиком в геолого-строительной экспедиции. Он мог бы увидеть жизнь на трассе со стороны, представить труд и быт строителей по их рассказам. Но тогда в стихах не было бы той выстраданности, о которой говорил в Литературном институте руководитель творческого семинара И. Сельвинский и которая делает строки правдивыми, точными. Так родились два цикла стихов о строителях Бурятского участка БАМа – «Уоянская тетрадь» и «От Улюнхана до Муи». Они составили значительную часть новой поэтической книги Владимира Липатова «Надежда и любовь». В ней, пожалуй, ярче, чем в предыдущих сборниках автора, проявилась особенность его поэтического голоса – светлое восприятие жизни, мягкая

интонация. Рядом с балладой о друзьях-буровиках мы находим философскую поэму «Смеющийся камень», рядом с зарисовками таежной природы – венок сонетов «Твоя любовь», лирические признания:

*Ты сказала: «Первый час весны».
Бог ты мой, я это не заметил.
Белый снег летел из глубины,
Черный свет был на изломах светел.
Все как прежде: та же тишина,
Редких окон желтые квадраты...
Ты сказала: «Чувствуешь, весна!
Тожe мне – товарищ провожатый!».*

Это короткое стихотворение дало название еще одной книге Владимира Липатова – «Первый час весны». В ней автор вынес на суд читателя крупное произведение – драматическую поэму «Полтора Ивана» (она занимает большую часть сборника). Поэма посвящена великому писателю Древней Руси Аввакуму Петрову и рисует последние годы его забайкальской ссылки и короткий период жизни в Москве после возвращения из Сибири. Как известно, движение «старообрядцев», главным идеологом которого был протопоп Аввакум, стало олицетворением глубокого духовного раскола не только в церковной, но и в светской жизни, формой сохранения многовековых традиций и устоев наших предков. В.Липатов показывает в своей поэме, что за время одиннадцатилетней тяжелой сибирской ссылки Аввакум Петров лучше увидел жизнь простого люда и в своих страстных проповедях объективно выразил его настроения. В беседе с Федором Ртищевым, приближенным царя, видным деятелем того времени, человеком образованным и терпимо относящимся к «раскольникам», Аввакум так объясняет народные волнения:

Федор Ртищев

*А здесь, в Москве, во всем неразбериха,
Сам приглядишься вскоре и поймешь.
Народ смущен...*

Аввакум

*Еще бы не смущаться:
Посадский люд до нитки оскудел,
А пахотных навек закабалили¹, –
Аж до Сухоны беспокойство, бунт.
Сей огнепальный край насквозь проехал
Да обличенья ревностно читал...*

Поэма о такой сложной фигуре, как Аввакум Петров, – замысел, требующий изучения обширной исторической литературы, немалого профессионального мастерства. Основываясь на исследованиях ученых, В.Липатов сумел поэтически средствами нарисовать противоречивый образ неистового Аввакума, стойко переносящего муки и не раз прощающего мучителей, яркого приверженца старых церковных догматов и человека острой, ищущей мысли, вспыльчивого в гневе и осуждающего себя.

¹ Соборное уложение 1649 года юридически закрепило крепостное право (Примечание наше. – А. Р.).

Правда, в поэме есть и авторские вольности в обращении с историческими фактами. Этим грешат, например, страницы, которые рисуют взаимоотношения Аввакума и боярыни Морозовой. Вразрез со всей трактовкой образа главного героя звучит то место поэмы, где Аввакум на вопрос дочери:

Что ж бог не спас тебя? Не защитил?

Не покарал злодеев? –

отвечает, что он «глушил в себе неверье (!) с давних пор», «придумал ложь»,

...басенку о добром дурачке,

Который верил искренне, бездумно (!),

Терпел лишенья, вознамерясь стать

Ему подобным, нет, не славой, духом...

Все это снижает ценность поэмы. Вместе с тем, она показала, что автору было под силу освоение сложного жизненного материала, что его мастерство росло.

...С молодым, открывающим жизнь человеком встретились мы в начале семидесятых годов, читая первую книгу Владимира Липатова. Лирический герой его стихов пережил кошмарные годы «демократических перемен», тяжкую болезнь, но он остался по-прежнему мужественным, не растерявшим ни любви, ни благородства, ни преданности поэзии. И строки его последних книг так похожи на сердечные признания прежних, молодых лет! Ими, давними, я хочу закончить свой рассказ о творчестве Владимира Липатова:

Сентябрь, ты ближе, ближе,

легка походка твоя, –

Чуть затянулась рябью

летучая гладь реки.

Вот ты прошел по дугу,

по ровной стрижке жнивья,

Шелестом крыл и листьев

ушли в тишину шаги.

Здравствуй, желанный, здравствуй,

радостен этот миг:

Стало щедрее сердце,

стала душа добрей.

Словно к щеке любимой,

к памяти я приник,

И осватила память

сорок моих сентябрей.

БАЯРЫЕ ХҮРГЭНЭМ АЖАМИДАРЛДАА

*Гайн даа, ажамидарал! Жаргалтайб би, дурланхайб,
Үдэр бүхэн намда шэнэ юумэ асарна...*

«Буряадай залуушуул» сониной редакцида эхилэн бэшэжэ байгаа поэ-
дэй түрүүшынгөө шүлэгүүдые асархадань, шүлэгүүдэйнь геройнууд иимэл за-
луу наһанайнгаа охин соогуур умбажа, золтой жаргалтай хаһадаа ябажа байһан
зон һэн. Авторынь барилгада ажаллажа ябаһан хүбүүн иимэл хүхюу согтой за-
луу наһандаа ябаһаншье хаа, даншье тиимэ гүлмэрхэн, гэнэн хонгор бэшэ, гоё
хайхание гоёшоон хараад лэ, хажуугаарнь гарашадаг бэшэ, хайхание өөрөө бии
болгон бүтээдэг, байгуулан зохёодог хүн һэн. Барилга дээрэ шулуушанаар ажал-
лажа байгаад, хажуугаарнь шүлэг бэшэхэ гээшэ даншье хүнгэн хэрэг бэшэ байгаа
ёһотой. Гансал эхэтээ үндыжэ эрэ болоһон хүбүүн эртүүр ажал хэжэ, хилээмэ-
нэйнгээ мүнгэ олодог болоһон ха. Гэбэшье, ажал хэжэ ябаһан эгээлэй юрын зоной
дунда ябаһаниинь, поэт хүбүүнэй өөрын үнэн сэхэ сэбэр байһанда аха зоной эти-
гэжэ байһан шалтаг ажамидаралые гайн хайхан юумэн гэжэ ханажа, этигэжэ яба-
хадань туһа болоо. Барилгада ябажа байхын хажуугаар, Москвагай М.Горькийн
нэрэмжэтэ Литературна институтдэ заочноор хуралсажа ябахадаа, комсомолой
ажал хэрэгүүдтэ мүн лэ гүн дундуурнь оролсожо, шүлэгүүдээшье орхёогүй.

*Ажалшан анги тухай намда
Аляа энээдэ гаргажа хэлэхэдэ,
Эдир наһанайм минии бригадир
Вася абга ханаандам орошодог.
Тэргэ дээрэ раствор шэрэдэгээ,
Уйтан үүдэнүүдээр арай гарадагаа,
Ажалшадай хоорондын сэхэ зугаа
Анхаржа зүрхэндөө дурдажа ябагдаа.*

1972 ондо Улаан-Үдэдэ хэблэгдэжэ гараһан түрүүшынгээ шүлэгүүдэй суг-
луулбарие Владимир Липатов «Этигэл» («Вера») гэжэ ехэ удхатайгаар, наһа-
найнгаа нүхэрэй нэрээр нэрлэһэн байна. Хүнүүдтэ, ажамидаралда, хүсэл зоригто
этигэдэг удхын тон хэрэгтэй байһые далдалан бэшэһэн байгаа ха гэжэ уншагшад
ханаһан лэ байжа болоо. Энэ номын Владимир Липатовой Литературна институ-
дые дүүргэхэдэнь дипломно хүдэлмэринь болоһон юм.

Владимир Липатовой хабаададаг поэзиин семинарые ударидагша – мэдээжэ
поэт Илья Сельвинский эдэ мүрнүүдые автор ханаанһаа абажа бэшээгүй, өөрөө
бэе дээрээ үзэһэн, даажа гараһан гэжэ тэмдэглэһэн юм.

*Дарууханаар шоглоо, хүхээ тэрэ,
Дарууханаар дэлхэйгээр ябажа гараа.
Зүрхэндэнь үлэһэн зондо – баяр,
Зүрхыень шатааһан зондо – баяр.
Хооһоор нэрээ наяргаһанай хэрэггүй,
Хуурмаг зүрилдөөн хүндэ хэрэггүй.
Дээрэмнай наран туяаржа байна,
Мүрнүүднай халхинда үлээгдэн ошохогүй.*

Үнгэрхэн үе сагаа бодомжолжо үзэхэ, аха зоной ажал хэрэгүүдые һэргээхые Владимир Липатов хоёрдохи «Дурасхаалай сууряан» («Эхо памяти») гэхэн номдонь ороһон шүлэгүүд соогоо эрмэлзээ. Дайнда хүбүүдээ алдаһан эхэнүүдтэ, үлэн хоһон үе сагта хатаһан хилээмээр үл залгуулжа үндылгэһэн хүгшэн эжынэртэ, эрэлхэг зоригтойгоор дайралдажа Илалта туйлаһан дайнай сэрэгшэдтэ зүрхэ уярма зөөлэн үгэнүүдые зорюулаа.

– Ажаһууха, хүсэлдэ абтаха, дурлаха арга боломжо бидэндэ үгэһэн зоной ажал хэрэгүүдые саашань үргэлжэлүүлнэбди гэжэ харуулхаа ханаа хүм,– гэжэ поэт «Дурасхаалай сууряан» гэжэ ном тухайгаа хэлээ һэн.

Дурсаһан зонойнь хуби заяануудай хэды орёо хүшэр байбашье, эдэ шүлэгүүдэйнь мүнрнүүдһээ сэлмэг сарюун гэрэл толон яларжа байһандал. Юундэб гэбэл, дүшөөд онуудай хүбүүд тэрэ үеын ехэшүүлэй сагаан сэдхэл, хайн ханаае ходо ханажа, дурсажа ябадаг бэлэй.

*Энэ дулаанайнь гэрэлынъ гэжэ хэмжүүргүй,
Энэ үедэ,
Газар сабишалан хоёр бидэндэ тон дүтэ,
Манда үгтэһэн юумэд –
Хоолос хүрэтэр мартагдаагүй, үлэхэ,
Эхэ оромнай юм гэжэ
Эдэ бүгэдые нэрлэхэмнай
Эгүүридэ мүнхэ...*

1976 оной үбэл Владимир Липатов ажал хэхээ БАМ ошожо, барилгашад-геологуудай экспедицидэ горнопроходчигоор хүдэлһэн юм. Ехэ харгын барилга дээрэ боложо байгаа үйлэ хэрэгүүдые, тэндэхи барилгашадай ажабайдал хажуу талаһаа хаража зураглаха аргатайл байгаа һэн бээ. Тезд Литературна институтдэ һурахадань, поэгическа семинарайнь ударидагша Илья Сельвинскийн хэлэхээр, шүлэг соо зураглаһан юумээ бэ дээрэ үзөөгүй болболынъ, шүлэгэй мүнрнүүд хүнэй үнэншэмэ болохогүй, ажабайдалай амисхал дуталдаха байгаа. Тиигэжэ, тэндэ ошожо хүдэлөөд байхадаа, «Уоянай дэбтэр» («Уоянская тетрадь») ба «Улюнхаанһаа Муя хүрэтэр» («От Улюнхана до Муи») гэжэ шүлэгүүдэй хоёр ехэ бүлэг бэшэһэн гээшэ. Эдэ шүлэгүүд Владимир Липатовой «Найдал ба дуран» («Надежда и любовь») гэхэн гаршагтай шэнэ номой ехэнхи хубие эзэлэ һэн. Энэ номынъ урид гараһан хоёр номдонь ороходоо ажабайдалые тон хайхан һаруул харасаар хаймадажа, зөөлөнөөр зүрхэндөө абажа ябадаг маягыень тодорхойлон элирүүлэ бэлэй. Барилга дээрэ ажалладаг зон тухай балладын хажууда «Михэлзэхэн шулуун» («Смеющийся камень») гэхэн гүн ухаанай философско удхагай поэмэ, тайгые зураглан харуулһан «Шинии дуран» («Твоя любовь») гэжэ сонедүүдэй баглаагай хажууда уянгата шүлэгүүд тус ном соонь оролсонхой һэн:

*Ши хэлээш: «Хабарай түрүүшын саг».
Бурхан зайлуул, бишни энээниие обёороогүйб.
Сагаан саһан огторгойһоо буужал байгаа,
Хара үнгэ заримдаа сахилзан сайраа.
Урданайхидаал – тойроод аалин. Шэмээгүй.
Үсөөхэн сонхонууд холоһоо шарлан тэбхылдээ.
Ши хэлээш: – «Анхарна гүш, хабар!
Ай даа, хүргэжэ намайе ябаашан...»*

Богонихон энэ шүлэгэй нэрээр Владимир Липатов «Хабарай түрүүшын саг» гэхэн номоо нэрлээ. Тэрэ ном соонь «Нэгэ хахад хэмжээнэй Иван» («Полтора Ивана») – энэ зохёол тус номой ехэнхи хубиие эзэлхэн, үшөө томохон драмын шэглэлтэй поэмэ оронхой. Эртэ урдын агуухэ зохёолшон Аввакум Петровто энэ поэмэ зорюулагдажа, Байгалай ара талада гарахан сүлэлгынэ һүүлэй жэлнүүдые болон Сибирьһээ ерээд, Москвада байхан богонихон хаһыень зураглан харуулна. «Старообрядцы» гэжэ нэршэхэн хүдэлөөнэй гол удамаршан болохо протопоп Аввакум сүмэнүүдэй болон юрын зоной хоорондохи харилсаанай таһарһые тодорхойлоо һэн. Арбан нэгэн жэлэй туршада Сибирьтэ байхан Аввакум Петров юрын зоной хүшэр байдал нюдөөрөө хаража, шуналтай халуун үгэнүүдые хэлэхэдээ, зоной ханаа бодол харуулхан байдаг. Хаанда дүтэ байдаг тэрэ үеын албата хүн Федор Ртищевтэй хөөрэлдэхэдөө, Аввакум арадай ханал бодол иигэжэ ойлгуулан тайлбарилна:

Федор Ртищев

*Эндэ, Москвада, юумэн хуу худхаршоо,
Өөрөө харабал, ши ойлгохо бээши,
Арад зон хүлгүүтэй...*

Аввакум:

*Хүлгэнгүй яахаб теэд:
Зоной байдал зүдэрүү хоохон лэ,
Таряашадые барлагууд болгоо, –
Сухона хүрэтэр буһалгаална,
Энэ хизаараар ябажа би гарахамби...*

Аввакум Петров гээшэмнай тон орёо хуби заяатай хүн, иимэ хүниие зураглан харуулха гээшэ хүнгэн бэшэ, түүхын номуудые уншажа, мэдэсээ үргэдхэхын хажуугаар талаан бэлиг хэрэгтэй. Эрдэмтэдэй шэнжэлхэн зохёолнуудые уншажа, зэргэсүүлжэ үзөөд, ядаха зобохые үзэхэн, бэрхэшээлнүүдые шэн зоригтойгоор дабажа гарадаг байхан, заримдаа өөрыгөө зэмэлдэг, өөрыень зобоохон зарим зониие хүлисэжэ, ходол шэнэ ханал бодол бэдэржэ ябадаг энэ орёо хүнэй түхэл дүрсые поэзийн маягаар Владимир Липатов гаргажа шадаа гэхээр.

Гэбэшье, заримдаа поэт өөрынгөө ханал бодол эндэ оруулжархина. Аввакум боярыня Морозова хоёрой хоорондын харилсаае заримдаа өөрынхёороо зураглана.

*Бурханиши юундэ шамаяа абараагүй юм?
Дайсадыеш юундэ хэһээгээгүй юм? –*

гэжэ басаганайнгаа асуухада: «Һүзэггүйгөө би досоогоо даража ябааб», «Худал юумэ ханааб» гээд:

*Һайн зүнтэг тухай басни зохёогооб,
Үнэн зүрхэнһөө этигэдэг хүн тухай (?!),
Элдэб зоболон гаража, Бурханда дүтэ
Болохоо ханааб, нэрээрээ бэшэ, зоригоороо...*

Эдэ бүгэдэ поэмын удха шанарые муу болгоно. Гэхэтэй хамта, автор томо зохёол бэшэхэ дүй дүршэл абажа, бэлиг талаанаа хурсадхаа.

...Далаад онуудай эхээр хаял ажабайдалай харгыда гаража ябаһан залуу поэдтэй уулзаа бэлэйбди. Владимир Липатовой уянгата шүлэгүүдэйн герой элдэб сагууды, үбшэ хабшан дабажа гараһан хүншье хаа, тэрэл зориг ехэтэй, дура сэдхэлтэй, поэзидэ дуратай зандаа үлөө гэжэ эли һэн. Һүүлшын номуудай шүлэгүүд соо залуугайн охин, сог залиа алдаагүй гэжэ харагдана. Эдэл шүлэгүүдэй мурөөр хөөрөөгөө дүүргэһүү:

*Сентябрь, бүри дүтэ болонош даа, намдаа,
Гэшхэдэлини үдэн шэнги хүнгэн, –
Голой уһан хашарһатан яагаад миралзанаб,
Нуга талын жэсгдэ газараар гэшхэлээш,
Набшаһадые һаршагануулан саашалааш,
Амар сайн, нүхэрни, бишни ехэ баярлааб,
Зүрхэмни сохилоо, сэдхэлни дулаараа,
Инаг гансынгаа хасарта мэтээр дурасхаалдаа
Инаглан няалдахадам, дүшэн минии сентябрьнууд
Һанаае мсэбэрлэжэ дахинаа намдаа үзэгдөө.*

КНИГИ ПОЭТА

- Вера.* Стихи. – Улан-Удэ, 1972.
Эхо памяти. Стихи. – Улан-Удэ, 1975.
Небо пилота. Очерки. – Улан-Удэ, 1978.
Надежда и любовь. Стихи. – Улан-Удэ, 1979.
Первый час весны. Стихи, драматическая поэма. – Улан-Удэ, 1982.
Сентябрь. Стихи. – Улан-Удэ, 1985.
Багульник. Стихи. – М.: Советская Россия, 1985.
Ханыга. Стихи. – Улан-Удэ, 1997.
Чудеса. Стихи для детей. – Улан-Удэ, 1997.
Только любовь. Стихи, венки сонетов. – Улан-Удэ, 1998.
Ее любимые стихи. – Улан-Удэ, 1999.
Чудеса. Стихи для детей. – Улан-Удэ, 2003.
Перекличка. Стихи. Драматическая поэма. Серия «Отцы и дети» в 3 томах. Том 3. Улан-Удэ, 2005; Серия «Самородки Забайкалья» в 10 томах. Том 10. – Улан-Удэ, 2010.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Перекличка. Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 14. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Дондокова Ц.-Д. «Вера», я верю тебе. – Байкал, 1972, № 3.
Соболева Н. Постигение мира. – Правда Бурятии, 1972, 30 июля.
Юшин Е. Надежда и любовь. – Правда Бурятии, 1979, 6 октября.
Шубин С. Горячий пульс строки // Земли моей молодые голоса. – Улан-Удэ, 1981.
Бальжинимаев Д. Поэт Владимир Липатов. – Буряад Унэн, 1982, 31 июля.

Михайлов Ал. Письмо Владимиру Липатову // Михайлов Ал. Азбука стиха. – М.: Молодая гвардия, 1982.

Паликова А., Ярневский И. На уровне сердца. – Байкал, 1983, № 5

Ярневский И. Первый час весны. – Правда Бурятии, 1983, 2 августа.

Дружинин А. Из тайников души. – Молодежь Бурятии, 1984, 6 сентября.

Содномов А. «Память моих сентябрей». – Молодежь Бурятии, 1985, 21 сентября.

Содномов А. О «Багульнике». – Молодежь Бурятии, 1986, 6 января.

Жигмытов Б. Вера в поэзию. Штрихи к портрету. – Правда Бурятии, 1990, 14 сентября.

Паликова А. Владимир Липатов // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Балков Ю. Народный поэт Элеватора. К выходу в свет новой книги В. Липатова. – Правда Бурятии, 1997, 27 сентября.

Тулохонов С. Липатов Владимир Викторович // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.

Никитина Т. Пушинки нефритовых глаз Владимира Липатова. – Бурятия, 1997, 26 сентября.

Паликова А. Липатов Владимир Викторович (1940-1999) // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Баир Сономович
ДУГАРОВ**
(1947)

«Я – НАСЛЕДНИК РОДНОГО ПРОСТОРА...»

Когда-то, в начале семидесятых годов, в Улан-Удэ проходило традиционное совещание молодых писателей республики. Как обычно обсуждались произведения тех авторов, которые уже заявили о себе первыми публикациями и смогли представить рукописи первых книг. В поэтическом семинаре открытием стали стихи Баира Дугарова. Публикаций у него было немного, но стихотворения, вероятно, впервые собранные в тонкой папочке, запоминались зрелостью и точностью поэтической речи. В одном из них, к примеру, были такие строки:

*Невский ветер промчался по миру,
Прошумев и в кедровом краю.
И высокая русская лира
Озарила дорогу мою.*

Было видно: с одной стороны, молодой поэт прочно, всеми чувствами и мыслями связан с «кедровым краем» – родным уголком в Саянах и отсюда в стихах Баира Дугарова запоминающиеся пейзажи Бурятии, живые черточки его земляков, ощущение своего долга перед отчей землей; а с другой стороны, автор радостно открывал для себя большую Родину, приобщался к ее многонациональной культуре, и этот воздух просторной отчизны тоже жил в его лирических строках. Рядом со словами признательности, обращенными к Саянам, речке детства – Иркуту, соседствовали строки о Москве, Прибалтике, Средней Азии. Богатство и разнообразие впечатлений, отраженных в стихах, свежесть чувств не могли не привлекать:

*Я в столетии нашем тревожном,
От вершин материнских вдали,
Все храню амулетом дорожным
Ветку родины – саган-дали.
И о том, как прекрасна планета,
Чьи красоты я видеть могу,
Неизменно сужу по рассвету,
О Байкал, на твоём берегу.*

К этому времени Баир Дугаров закончил Иркутский университет, поработал журналистом республиканской газеты, снова учился – на этот раз в аспирантуре Института востоковедения в Москве, стал кандидатом исторических наук. Но заботы журналистские или научные все эти годы не прерывали его литературных занятий, не притупляли стремления совершенствоваться в поэзии. Это сказано вовсе не для красного словца. Уже вторая книга стихов Баира Дугарова «Горный бубен» (первый, маленький сборничек вышел в «кассете» книжек молодых иркутских поэтов еще в пору студенчества) представила сложившийся поэтический характер – автора приняли в члены Союза писателей СССР.

Наиболее значительная тема стихов поэта – духовное единение людей. Только доброта, приязнь друг к другу, сердечность помогают нам чувствовать себя счастливей, лучше видеть красоту жизни. Об этом – стихи Баира Дугарова. Тут он продолжает прекрасную традицию бурятской литературы, заложенную Хоца Намсараевым, Жамсо Тумуновым, Чимитом Цыдендамбаевым и успешно развивавшуюся Николаем Дамдиновым, Дамбой Жалсараевым и другими писателями республики.

Особой взволнованностью, теплотой отмечены у Баира Дугарова строки о человеческой улыбке, отзывчивости. Вот поэт встречает малыша во дворе детсада на тихой улочке Москвы. Малыш, с иронией пишет автор, может быть, впервые увидел азиата, и я поспешил улыбнуться.

*Я просто улыбнулся пацану.
Он сделал шаг... И улыбнулся тоже,
Как могут только дети. Так похоже
На солнечное утро, тишину.*

«Я помню одних лишь хороших людей», – говорит лирический герой Баира Дугарова. И говорит так не потому, что видит жизнь в розовом свете. Нет, скорее всего, потому что доброта, окрыленность, бескорыстие людей, которых видел и видит поэт: чабанов, земледельцев, охотников, строителей – все рождает в душе светлые, благодарные слова:

*Нечаянный гость к пастуху забредет –
Тайменем на солнце улыбка блеснет.
Живой человек – какая отрада!
Хозяин готов отдать хоть полстада
За голос, походку, глаза, разговор.
Ведь, кажется, вечность один среди гор,
Вдали от жилья, в нелюдимой глуши,
Где як на приволье, луга хороши,
Где лошадь дичает и скромненько ночлег.
Есть праздник на стойбище. Гость. Человек!*

В стихах Баира Дугарова живет обостренное чувство связи поколений. Оно не просто декларируется автором: «Знаю истину: мертвые – вечные корни живых, корни дальних потомков твоих и моих». Поэт все время ощущает себя связующим звеном в человеческом роду, «наследником родного простора».

*Здесь исток мой. Заветный. И в сердце –
все, что есть на земле дорогой:
след грозы с ледниками в соседстве,
прель навоза, звезда над горой.*

*Молчаливый и тихий до срока,
чем же был отчий край знаменит?
В гибких луках таил он тревогу
и не ведал про мир пирамид.*

*И сказанья, пришедшие с Ганга,
от своей колыбели вдали,
сочетались так дивно и странно
с нежным запахом саган-дали¹.*

*И сияла роса на рассвете,
словно вечности трепетный знак.
И прабабка в туманном столетье
для меня разводила очаг.*

*Я наследник родного простора,
чем горжусь и богат на века.
Здесь мой дом, коновязь моя – горы,
аргамаки мои – облака.*

Древняя земля стала для поэта родным домом потому, что она «согрета дедовским теплом». Собственно, и как поэт он пришел для того, чтобы озвучить «молчанье тех, кого уж нет». Но право и долг наследника означают, что он обязан умножить добрые дела предков, передать землю потомкам обновленной и красивой. Он обязан дерзко продолжать дорогу поколений «от стойбища степного, кочевого до светлых звезд пространства мирового». Это уважение к наследию предков и устремленность к новому труду и новой красоте делают поэтическую мысль Б. Дугарова нравственно притягательной и значительной.

И еще одна сторона мироощущения автора – слитность с природой, нерасторжимая связь с ней. Для поэта неоспоримо ее главенство: «Я дитя, а не царь твой, природа». И ее воздействие на человеческую душу несомненно:

*Цветы, капель, деревья, ледостав...
Саянских гор прекрасная частица,
взяла ты, мама, нежность рек и трав,
чтоб дать ей в сыне тайно воплотиться.*

*Не потому ли так во мне поет
гармония земли в любви извечной.*

¹ Высокогорный цветок в хребтах Бурятии.

*И песнь моя – счастливый перевод
с лесного языка на человеческий.*

«...Все мои дороги, ведущие к добру, берут истоки в багульнике, в бору» – это признание можно считать за поэтическую гиперболу, но нельзя не разделить чувства автора. «Я бы многое дал за поэму на забытом лесном языке», – такие строки не только удачная, запоминающаяся метафора. За ними – благодарное отношение ко всему живому на земле, ответственность перед ним. И это тоже добрый нравственный пример для читателя.

Общение с людьми, причастность к их делам и заботам – вот что питает творчество любого поэта. Бывая в городах и селах республики, отправляясь по дорогам страны, Баир Дугаров пристально вглядывается в жизнь своего современника.

– Мне кажется, – говорит он, – писатель всю жизнь стремится постигнуть одно: характер времени и человека. Я думаю об этом, встречаясь со школьниками, студентами, людьми разных профессий, бывая в отчих местах, работая бок о бок с коллегами-учеными. Эти размышления – в стихах.

*След человека – просека в тайге,
След человека – рельсы вдалеке,
Где Киренга извечно и упрямо
Пересекает путь большого БАМа.*

О превращение безлюдных скал – в кварталы,
Деревьев миштых – в книги,
ткани,
шпалы,

*Подземных руд – в железные мосты
Для новой пользы, новой красоты...*

*И время славит это укрощенье
Гордыни леса и ручьев кипенье.
И этот труд во имя человека
Иного поколения и века!*

Поэтический рассказ о времени, о современнике, конечно же, будет продолжен в новых книгах Баира Дугарова.

«ЭХИМНИ – ЭНДЭ...»

Далаад онуудай эхээр Улаан-Үдэдэ республикын залуу уран зохёолшодой заншалта конференци үнгэрөө һэн. Ехэнхинь зохёолнуудаа толилуулжа үрдихэн, хэблэлдэ бэлдэжэ байһан түрүүшынгөө номой гар бэшэг асарһан авторнуудай зохёолнуудые зүбшэн хэлсэлгэ болоһон юм. Поэдүүдэй сугларһан семинарта Баир Дугаровай шүлэгүүд олоной анхарал татажа, сэдхэлдэ хадуугдаа һэн. Олоншые шүлэгүүдые тэрэнэй асараагүй хаа, тэдэнь эдэшэжэ үрдихэн, болбосоронги, үлүү булуу үгэгүй, нарин нягтаар бэшэгдэхээрээ илгаржа байһан юм. Нэгэ шүлэгэйн мүнүүдые эндэ дурдаһуу:

*Невагай халхин дэлхэйгээр зайгаад,
Хушата хизаараарни шууяад үнгэршөө.
Оросой дээдын уянгата аялга
Урдахи замыем гэрэлтүүлэн толороо.*

Нэгэ талаһаа: Саяан уулын хормойдо оршодог нютагтаяа, энэ «хуша жодоото хизаартаяа» бүхы ханаа бодолоороо, хүйһөөрөө холбоотойгоо мэдэрнэ – тиигэжэ шүлэгүүдтэнь Буряад ороной байгаалиин зурагууд, нютагаархинайнь нюур шарайн амида шэнжэнүүд, түрэл газарайнгаа урда уялгатай байһанаа мэдэрһэнийнь; нүгөө талаһаа: үргэн ехэ Эхэ ороноо баяр баясхалантайгаар өөртөө нээжэ, олон үндэһэтэнэйнь соёл болбосоролтой танилсажа байһанаа мэдүүлһэн заха хизааргүй уужам ехэ Оронойнь амисхаал тэрэнэй уянгата мүрнүүд соо мэдэрхээр бэлэй. Саяан ууладаа, бага наһанайнгаа Эрхүү голдо хандаһан бадагуудай хажууда Москва, Балтика шадарай хизаар дайда, Дунда Ази тухай мүрнүүд оршохо юм. Тиигэжэл шүлэгүүдын олон ондоо мэдэрэлнүүдые зураглажа байһан шэнэ амисхаалтай хадаа, хүнэй анхарал, дура татангүй гараха ёһогүй хэн:

*Хүлгөөтэ энэ зуун жэлдэ
Хайрата эжыһээн холо ябахадаа,
Холо оршодог дайдынгаа һахюуһа –
Хангалта сагаан-дали абажа ябадагби.
Үзэмжэ дэлхэйн хайн хайханиие
Үдэртөө анхаржа ябаһан би
Үглөөгүүр эртэ эрьедэш, Байгални,
Үргэлжэ зогсон сэдхэлээ ханадагби.*

Энэ үедэ Баир Дугаров Эрхүүгэй университет дүүргээд, республикын сониндо сурбалжалагшаар ажаллажа байһанаа, дахин хуралсалаа үргэлжэлүүлхэдээ, Москвагай зүүн зүгэй Институдэй аспирантура дүүргэжэ, түүхын эрдэмэй кандидат болоо бэлэй. Гэбэшье, сурбалжалагшын, эрдэм шэнжэлэлгын ажал эдэ жэлнүүдтэ тэрэнэй зохёол бэшэхэ ажалда һаад ушаруулжа, поэзидэ тэрэнэй туйлахые эрмэлзэдэг үндэрэй харгы хаагаад байгаагүй. Иигэжэ хэлэхэдээ, гоё үгэнүүдые үгүүлжэ, хүнэй дура буляаха һэдэлгэ хээгүйб. Баир Дугаровай түрүүшын ном тэрэнэй үшөө оюутан ябахада, Эрхүүгэй залуу поэдүүдэй «кассет» соо ном болгожо гаргаһан суглуулбариде оролсоһон. Шүлэгүүдэйн хоёрдохи «Хадын хэтэ сахюур» («Горный бубен») номой гараһанай һүүлдэ Баир Дугаровые СССР-эй Уран зохёолшодой холбоондо гэшүүнээр абahan юм.

Поэдэй шүлэгүүдэй эгээл шухала темэнь – арад зоной нэгэн һанал бодолтой, эблэрэлтэй байлга. хайн ханаан, бэе бэеэ үргэжэ, хүндэлжэ, бэе бээдээ туһа хайраа хүргэжэ ябахадаа хүн ажамидаралай гоё хайханиие онигошожо, өөрыгөө жаргалтайда тоолоно – энээн тухай Баир Дугаров түүрээдэг. Энэ талаараа тэрэ Хоца Намсараевай, Жамсо Тумуновай, Чимит Цыдендамбаевай, Николай Дамдиновай, Дамба Жалсараевай болон бусад зохёолшодой буряад уран зохёолдо баримталжа ябаһан заншалые саашань үргэлжэлүүлжэ ябана гэшэ.

Урихан налгай зан, хайн ханаан тухай Баир Дугаров ехэ дулаанаар шүлэглэдэг. Москвагай нэгэ хүүгэдэй сэсэрлигэй хорёо соо багахан хүбүүе хараһанаа автор нэгэ бага шоглон һагад бэшэхэдээ, тэрэ хүбүүхэнийнь Азида ажаһуудаг хүниие түрүүшынхэе хараһан байжа болоо, юрэл урдаһаам ехээр миһэрээ хэн гэжэ бэшэнэ.

*Урдаһаань хараад би мihэрээб,
Урдаһаам хүбүүхэн мihэрээ баһа,
Үхибүүд лэ иигэжэ мihэржэ шадаха,
Үглөөнэй нарандал, намдуу байдалдал...*

«Гансал хайн ханаатай хүнүүдые ханаандаа дурсажа ябадагби», – гэжэ Баир Дугаровай уянгата шүлэгүүдэй герой хэлэдэг. Иигэжэ хэлэхэдээ, ажабайдалые ягаан үнгөөр хаража байна бэшэ, хонишод, таряашад, ангуушад, барилгашад – сэр бэр уужам ханаатай, дали жэгүүр эрмэлзэлтэй, хайн хүнүүд тэрэнэй досоо сагаан сэдхэл, баяр баясхалан түрүүлдэг:

*Малишан хүндэ айлшанай орожо ерэхэдэ,
Мihэрэл нюуртань загаһанай хашарһаар яларшахал.
Амиды хүн ерэбэ – амидын агууехэ жаргал!
Үрэжэлтэй амтан ногоондо һула табяатай
Үдхэн нооһотой сарнууд томоотой бэлиэнэ.
Зоргондоо ябаһан зэрлиг болонхой морид.
Зонһоо холо байхадаа, хүнтэй гэнтэ уулзажа
Нюдэ уулзан хөөрэлдэхэ гээшэ – одоол жаргал!*

Баир Дугаровай шүлэгүүдтэ үетэнэй хоорондын залгаа тухай мэдэрэл тон эли байдаг. «Би мэдэнэб – наһаа дүүрэн зон – амида зоной үндэнэн, шинии, минии элинсэг хулинсагай үндэнэд» гэжэ тэрэ юрэл тобшолно бэшэ. Хүн түрэлтэнэй уг изагуурай үргэлжэлүүлжэ ябаха нэгэ шатын үе гээшэб, «түрэл дайдынгаа үргэлжэлэл» гээшэб гэжэ поэт өөрыгөө мэдэрдэг тухайгаа ходол бэшэдэг.

*Эхимни эндэ. Зүрхэн соомни –
Энэ газар дээр сэнтэй хайхан –
Аадарлаһан бороо, мүльһэтэн хабсагай,
Аргалай үнэр, огторгойн одон.

Аалин намдуу түрэл дайдам
Агууехэ югээрээ алдаршаһан байгаабиш?
Пирамиданууд тухай дэлхэйн дуулаагүй байхада,
Һуршадай номой годли сошордуулаа гү.*

*Гаанга мүрэнһөө ерэнэн тэрэ домогууд
Гүн ехэ зайда арадай дунда тарахадаа,
Сагаан-далиш хангалтай холисолдон,
Сэдхэлдэм сэсэг ургуулжа байгаа.*

*Үүрэй сайхада шүүдэр наранда ялархадаа,
Мүнхэ сагай һүлдэ мэтээр үзэгдөө.
Зуун жэлнүүдэй саанаһаа минии эмгэй
Гуламта намдаа түхээржэ байгаа.*

*Түрэл дайдаяа саашань хүгжөөхэ
Түшээг байһандаа омогорхон баярлааб.
Гэрни – эндэ, хаданууд – минии сэргэ,
Хүлэгүүдни – хүбэн сагаан үүлэд.*

Урданай энэ ехэ тала дайда юундэ поэдтэ түрэл гэрынь болоо юм гэхэдэ, «таабайнь дулаагаар жэгнэгдэһэн», тиигэжэл тэрэ «дэлхэйе орхин ошоһон зонной дуугай абьян» гээшэб гэжэ өөр тухайгаа хэлэнэ бшуу. Тээд ямар нэгэн хэрэг өөр дээрээ даажа абаһан хүнэй гол уялга гэхэдэ, элинсэг хулинсагуудайнгаа бүтээжэ ябаһан хайн хайхан хэрэгүүдые үдхэжэ, ерээдүйн үетэндэ гоё хайхан болгоод, дамжуулжа үгэхэ уялга болоно. «Үргэн тала газарта ажаһуудаг нүүдэл һуудалтай зонной байраһаа бүмбэрсэг дэлхэйн ялагар одо мүшэд хүрэтэр» зурын ошоһон үетэнэй замые саашань үргэлжэлүүлхэ ёһотой. Элинсэг хулинсагуудайнгаа орхихон үнэ сэнтэй захяа заншалнуудые хүндэлжэ, шэнэ юумэн тээшэ эрмэлзэн ябаха гээшэ Б.Дугаровай шүлэгүүд соохи ханамжа бодолые бүри сэнтэй, ойлгосотой болгоно.

Байгаалитай нэгэн хамта амисхалтай байһанаа мэдэрдэгынь поэдэй үшөө нэгэ хайн талань юм. «Байгаали, би шинии хаан бэшэ, би шинии – хүүгэн гээшэб» гэхэн бодол досоонь түрэхэдөө:

*Сэсэгүүд, дуһаа, модод, ногоон...
Саяан уулым эгээл гоёхон хубинууд,
Уһа, ногооной энхэрэл намдаа
Ууган эжымни үгөө бэлэйлиш даа.*

*Эгээл тиимэһээ досоомни дуун түрөө,
Эхэ газарай тэнсүүри, мүнхэ дуран тухай.
Дуумни минии – ой модоной хэлэнһээ
Хүнэй хэлэндэ хүрэхэн уянга һэмнай.*

*«...Хайн хайхан руу хүтэлхэн бүхы замуудни
Тэрэлжэ сооһоо, түжэ сооһоо эхитэй»,*

– гэхэдээ, поэт өөрынгөө мэдэрэл бүри гоёожо дээшнэ үргөө юм гү, гэбэшье: «Мартагдаһан ой модоной хэлэн дээр бэшэгдэһэн поэмын түлөө юушые гамнахагүйб», – гэхэн мүннүүдын баһал һонин, далда удхатай метафора болоно. Эдэ үгэнүүдэй саана – газар дээрэ байгаа бүхы юумэнэй түлөө харюусалгатайгаар хандаһанай дүн харагдана гээшэ. Энэмнай болбол, уншагшадта тон ехэ жэшээ боложо үгэнэ.

Зонтой харилсаха, хүнүүдэй ажал хэрэгүүдтэ хабаатай байха гээшэ – поэт бүхэнэй зохёохы ажалай үндэһэн болоно. Гүрэн түрынгөө элдэб углуу булангуудаар, республикынгээ хүдөө нютагуудаар ябахадаа, Баир Дугаров зонной ажабайдалда анхаралаа хандуулдаг.

– Үе сагайнгаа, хүнэй зан абари мэдэжэ абахые зохёолшо хүн бүхы наһаараа оролдодог ха гэжэ ханадагби. Нурагшадтай, оюутадтай, элдэб мэргэжэлэй зонтой ажалдань уулзажа, эрдэмтэдтэй хүдэлжэ байхадаа, энээн тухай бодомжолжо, шүлэгүүд соогоо бэшэдэгби, – гэжэ тэрэ хэлээ һэн.

*Хүнһээ үлэхэн мур – тайгада зүргэ,
Хүнһээ үлэхэн мур – түмэр харгыда,
Хэрэнгэ голой хүүсэ доихоор урдан,
Томо БАМ-ай харгы хүндэлэн гарахада.*

*Хооһон талын кварталнууд болон хубилхада,
Хүбхэтэй мододой – номууд, бүдүүд болоходо,*

*Газарай нөөсын – түмэр хүүргэ болоходо,
Туһа болон, шэнэ түхэл асархада.*

*Энэ шэнэдхэлые магтан алдаршуулһан сагай,
Ой мододой, гол горходой зангые ургалһанай,
Хүнэй ажамидаралай түлөө хэгдэһэн энэ ажал
Хэдэн үеын, зуун жэлнүүдэй гэхэл!*

Үе саг тухайгаа, үетэн тухайгаа Баир Дугаров шэнэ шүлэгүүдтээ түүрээжэл, домогложол байха.

КНИГИ ПОЭТА

Золотое седло. Стихотворения. – Иркутск, 1975.

Горный бубен. Стихотворения. – Улан-Удэ, 1976.

Дикая акация. Стихотворения. – М.: Современник, 1980.

Городские облака. Стихотворения, поэма. – Улан-Удэ, 1981.

Небосклон. Стихотворения. – Улан-Удэ, 1986.

Всадник. Стихотворения. – М.: Современник, 1989.

Лунная лань. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1989.

Звезда кочевника. Стихотворения (Серия «Сибирская лира»). – Иркутск, 1994.

Струна земли и неба. Стихотворения. – Улан-Удэ, 2007.

В тени одинокого дерева. Стихотворения. Серия «Самородки Забайкалья» в 10 томах. Том 10. Улан-Удэ, 2010; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 14. – Улан-Удэ, 2012.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Сутра мгновений. Автобиографическая проза, эссе, стихи. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Григорьева Л. Голос призывный степи. – Литературная Россия, 1977, 11 марта.

Хамаганов М. Саяны, Саяны, я ваша частица... – Байкал, 1981, № 2.

Рославлев С. Степь – колыбель. – Литературная Россия, 1981, 29 мая.

Тапхаев Л. В зените творчества. – Буряад Унэн, 1981, 22 августа.

Бальбуров Э. Дикая акация. – Литературное обозрение, 1981, № 9.

Паликова А. Дугаров Б.С. // Паликова А. Очерки русской поэзии советской Бурятии. – Новосибирск, 1982.

Закурина Н. Городские облака. – Сибирские огни, 1983, № 2.

Содномов А. Молодой поэт и ученый. – Молодежь Бурятии, 1984, 29 декабря.

Без указ. автора. Дугаров Баир Сономович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Дондокова Ц-Д. Голос поэта. – Буряад Унэн, 1994, 16 ноября.

Хамгушкеева М. Прекрасна мелодия родного языка. – Толон, 1995, 23 декабря.

Доржиева Б. «Слагаю стихи о любви...» – Буряад Унэн, 1996, 7 марта.

Хамгушкеева М. «Быть поэтом – божий дар». – Буряад Унэн, 1996, 8 мая.

Галсанов В. С любовью к родной земле. – Буряад Унэн, 1997, 1 февраля.

Тапхаев Л. По велению времени. – Буряад Унэн, 1997, 20 ноября.

Хамгушкеева М. Дугаров Баир Сономович // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Тулохонов С. Баир Дугаров // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.

Дампилова Л. Баир Дугаров // Дампилова Л. Современная бурятская поэзия. Учебное пособие. – Улан-Удэ, 1998.

Хамгушкеева М. Связные эпохи // Хамгушкеева М. Бурятская поэзия. – Улан-Удэ, 1998.

Дампилова Л. Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова // Дампилова Л. – Улан-Удэ, 2005.

Хамгушкеева М. Дугаров Баир Сономович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

**Степан Лукич
ЛОБОЗЁРОВ**
(1948)

«ПО СОСЕДСТВУ МЫ ЖИВЁМ...»

В начале восьмидесятых годов прошлого века Русский драматический театр в Улан-Удэ подготовил постановку, которая имела изящное название – «Маленький спектакль на лоне природы». Написал пьесу недавний выпускник Восточно-Сибирского института культуры Степан Лобозёров. Имя молодого драматурга, автора «своего», местного, сразу запомнилось театрам. Запомнилось потому, что он показал зрителям жизнь вроде бы обыкновенную, будничную, но так ярко высвечивающую значительное и смешное в ней, так неожиданно обнажающую людские характеры, что сидящим в зале приходилось то улыбаться, то удивляться, а то и возмущаться.

...В глухую сибирскую деревушку ненадолго приехали супруги Старковы – художник Владимир Леонидович, решивший поработать за мольбертом «на лоне природы» и Вика, филолог, литературный критик, составившая мужу компанию с одной целью – отдохнуть от городской сутолоки. Но оказалось, что работа одного и отдых другой могут быть испорчены местным шофером Никанором Епифановичем Журавлёвым. Дело в том, что Никанор Епифанович имеет дочку, которая, как ему кажется, хорошо рисует. И папаша страстно хочет пристроить дитя в какое-нибудь городское заведение, где учат будущих художников. Как называется это заведение и какие в нем учителя, Журавлёв не знает. Но он предполагает, что Владимир Леонидович, с которым он случайно познакомился на сельской улице и который по рассеянности пригласил его заходить в гости, ответит на эти вопросы и даже поможет устроить девчонку к большим мастерам кисти. Шофер, не мешкая после неожиданного знакомства ни минуты, заставляет жену Агриппину Антоновну одеться «по выходному», берет бутылку водки и отправляется

с супругой к приезжим. Для Старковых гости оказываются неожиданными. А для зрителя? Простодушными? Да. С житейской хитрецей? Пожалуй. Не теряющими достоинства? Верно. «Маленький спектакль» оказался полон живыми подробностями деревенского бытия, его давних и вновь приобретенных, добрых и дурных традиций. Это был водевиль, непритязательный и весёлый, но он открывал большие творческие возможности автора.

Эти возможности уже вскоре драматург проявил в новых комедиях – «По соседству мы живём» (1986), «От субботы до воскресения» (1988), «Коммерсанты» (1990), «Семейный портрет с посторонним» (1991). К тому времени он получил серьёзную профессиональную подготовку. Степан Лукич окончил в Москве Высшие режиссерские курсы, театральные курсы при институте театрального искусства имени Луначарского, двухгодичные творческие курсы при Литературном институте имени Горького. За пьесу «По соседству мы живём» он получает в 1987 году Государственную премию Бурятской АССР, в том же году становится лауреатом премии «Дебют года», присуждаемой журналом «Театральная жизнь», в следующем – лауреатом Всесоюзного конкурса молодых драматургов. Спектакли по комедиям нашего земляка поставили ведущие московские и ленинградские театры, сценические коллективы многих городов страны. Это был заслуженный успех автора и заслуженная оценка его таланта.

Возьмём пьесу «По соседству мы живём». Она сохраняла чудесную способность драматурга – строить коллизии смешные, почти анекдотические, и видеть за ними проблемы нравственные, определяющие нашу духовную жизнь.

Когда-то деревенский парень Федор не захотел жениться на односельчанке Елизавете. Она вышла замуж за другого своего сверстника – Матвея, но давняя душевная рана ожесточила её. Всё-то в поведении и поступках Федора, его престарелых родителей – бабки Фени и деда Василия не нравится ей. И вор-то её бывший ухажёр, и обманщик-то он, как и все в его семействе. Многолетняя неприязнь уже и души враждующих людей источила, как болезнь.

Но тут в деревню приехал Владимир, молоденький журналист, практикант областной газеты. Замыслы у него грандиозные: он хочет собрать материал не просто для какого-то там очерка или статьи, а для – ни много, ни мало – романа о днях гражданской войны и коллективизации в здешних местах. И по распоряжению председателя сельсовета в дом бабки и деда, «старинных» людей, как выражаются односельчане, корреспондента ведет именно Елизавета. В беседе неопытного и стеснительного журналиста с хозяевами дома она то и дело вставляет «шпильки». Ей очень хочется, чтобы со страниц газеты весь свет узнал, какие это скверные люди – Федор и его родители.

А разговор-то идёт не о буднях деревенской жизни, а о судьбоносных событиях прошлого. Казалось бы, тут не до смешных историй. Но автор пьесы передаёт рассказы деда и бабки, как и реплики Елизаветы, с тем народным юмором, всегда естественным и мудрым, который не затемняет, а наоборот проясняет правду жизни. И всё время любишься самим автором. Вот говорят, что идеология советского времени диктовала писателям, как нужно освещать те или иные события нашей истории. Но писатель правдивый шел не от чужих прописей, а от жизни, от народного мнения. Это хорошо видно в пьесе «По соседству мы живём». Почитайте:

«Владимир. Ну, хорошо, а гражданская война? Ведь здесь она закончилась только в двадцать втором году, вам тогда уже было двадцать лет. Вы не были в партизанах?

Бабка. А не был, не был, батюшка. Он мужик смирный, зачем ему партизаны?

Елизавета. Так погоди, дед, ты же вроде воевал где-то, говорили? Или ты, может, за царя воевал, а теперь и темните?

Бабка. А ничего он не воевал. Это когда к нашей деревне войско подошло, а командёры и давай мужиков звать. А мужики пошли и не пустили то войско.

Елизавета. Погоди, какое войско-то? Это на Омулёвке (гора в родных местах драматурга. – А.Р.), что ли?

Бабка. Ну да. Мужики пошли с ружьями, а бабы за ними, и ребятишки туда же, да все на гору-то и выскочили. А ихние-то атаманы поглядели, сколь народу высыпало, да подумали, что всё это солдаты с пушками, да и убежали. Вот и Василий там был.

Дед. Мне и ружьё тогда выдали – берданку. А патронов всего три досталось.

Владимир. Дедушка, а дальше? Вот вы отогнали карательный отряд, а дальше?

Бабка. А чего дальше? Самустили их, мужиков-то, командёры эти, они и пошли на Семёнова воевать. А тот Изота убил, да кого ещё-то?

Дед. Позвали нас командёры красные, мы и пошли. Я-то не хотел идтить, а они: отдавай, значит, берданку тогда. А берданка-то новёхонькая, как отдашь? Вот и пошёл с ими.

Владимир (*всем*). Ну вот, видите, ведь он участвовал в гражданской войне?

Бабка. Так тут завоюешь. Кабы снова-то Семёнов пришёл? Он раз уже тут был. До этого Прокопа, дядю моего, увели в ров да и убили. А кого дак железками по спине. Тут поневоле завоюешь».

В таком же духе идет разговор и о коллективизации.

«Владимир. Вы сказали, что настоящих-то кулаков в деревне было только двое. А остальные какие же, не настоящие?

Бабка. Да какие там кулаки. А где их взять? Двое были, и те сгинули. Тут кого хошь, того и раскулачивай. А у батюшки-то две коровы, да две тёлки были. Ну и вот, чуть не загремел из-за них.

Елизавета. О, коровы же и виноватые остались.

Бабка. А из-за кого же? За лишних коров да коней-то и разоряли.

Елизавета. Сами виноватые, что много держали.

Бабка. Так, а исть-то чего? Семья-то, что теперь бригада, была, без коров-то разве прокормишь?».

История вражды получает неожиданное продолжение, уже совсем не комедийное. Елизавета в своём стремлении вывести на чистую воду семью Федора, а по сути дела опорочить её, выкладывает перед журналистом последний довод. Дескать, сын Федора Николай обманул её дочь Любу, оставил ту в деревне беременную, а сам убежал в город, искать лёгкую жизнь. Елизавета пытается заставить юную дочку рассказать о подлости обманщика. А Люба открывает правду: Коля ищет в городе квартиру, чтобы увезти туда возлюбленную, он пишет ей нежные письма. И это признание самой молодой героини пьесы, человека, которого родные и неродные считали доверчивой, житейски неопытной, вдруг поражает их своей мудростью: как могут рядом с чистыми, святыми чувствами жить злоба, неприязнь, отчужденность людей?

Вот эта высокая нравственная нота и утвердилась в творчестве драматурга. И обеспечила внимание к его творчеству театральных коллективов и зрителей. Пье-

сы Степана Лобозёрова, по неполным данным, ставили на сценах более двухсот театров нашей страны. К ним обращались Московский академический театр имени М. Горького, столичный же драматический театр имени М. Ермоловой, Санкт-Петербургский Большой драматический театр имени Г. Товстоногова, еще один коллектив из города на Неве – академический театр комедии имени Н. Акимова. Что касается сценических коллективов Бурятии, то достаточно сказать, что республиканский театр драмы имени Н. Бестужева поставил почти все пьесы Степана Лукича, причём большинство из них – первыми в стране. Оценкой творчества писателя стало присвоение ему званий заслуженного деятеля искусств Республики Бурятия и Российской Федерации.

В последние два десятилетия на отечественной сцене часто появляются драмы и комедии, которые оказываются не в ладу ни с моралью, ни с поэзией, ни с правдой жизни. Пьесы нашего земляка – из другого ряда. Они продолжают классические традиции российского многонационального театра. С.Лобозеров в журнальных и газетных публикациях не раз говорил о значении этих традиций для своего творчества. Напомню только одно его размышление на этот счёт:

«...классика – это камертон, без которого невозможно определить, правильную ли ноту взяла современная культура. Без такого камертона гармонию заглушает какофония. И ещё: классика является единственным эталоном, при утере которого рождается множество фальшивых «образцов» и начинается деградация культуры и общества. Наконец, классика – это источник традиции, разрыв с которой превратит наследников подлинной культуры сначала в «новых кочевников», не имеющих никаких корней (что уже и наблюдается в мире), а затем в огромное стадо потомков обезьян, самая главная проблема для которых будет заключаться в количестве бананов. Сейчас сторонниками такого пути ведётся против классики настоящая война, цель которой ослабить, а лучше вообще уничтожить её влияние. Достигается это с помощью современных «подходов», супероригинальных «прочтений» и иного насилия над классикой».

Слава Богу, пьесы самого драматурга трудно исказить с помощью «оригинальных подходов» иных постановщиков или «ультрасовременных прочтений». По меткому замечанию одного рецензента, «пьесы Лобозёрова невозможно испортить на сцене, они «самостояющиеся».

Возьмите, например, комедии «Семейный портрет с посторонним» и «Семейный портрет с дензнаками» сюжетно перекликающиеся. Посмотрев первую из них на сцене Красноярского академического театра драмы, Виктор Астафьев сказал: «Простой, добрый и веселый спектакль. Такого озорного спектакля в наших театрах давно не было». Выдающемуся прозаику, думается, понравились естественность сценического действия, узнаваемость характеров, оправданность каждого поступка героев. Все это нельзя ни затушевать никакой режиссерской новацией, ни испортить очередной пошлостью, добавленной постановщиком-«соавтором».

...Художник Виктор приехал из города в деревню «подзаработать» – оформить местный клуб. Михаил, влюблённый в Таню, устраивает постояльца в дом её родителей, где в одной из комнат устроена «гостиница». Боясь, что Таня увлечётся молодым художником, симпатичным парнем, Михаил по секрету объявляет родителям девушки и её бабушке, что Виктор «не в своём уме». А приезжему внушает, что семейка, в доме которой его селят, «психи», в селе это – не первый случай.

На подозрениях друг к другу – хозяев дома к постояльцу, а того – к «ненормальной семье» и построена вся интрига. Снова перед нами водевиль, искусно выстроенный, естественно звучащий при том, что всё положение героя неестественно. Живой язык, простодушное поведение действующих лиц, нешуточные страсти в ситуации явно шутовской – всё делает внешнее течение действия запоминающимся. Но за простотой забавной коллизии стоит тот очищающий нашу жизнь юмор, о котором говорил ещё Н.Гоголь:

«...смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей, – но тот смех, который... углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугали бы так человека... Нет, не справедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но озарённое силою смеха, не сёт оно уже примиренье в душу...»

Не примиренье, добавим мы, а неприятие подозрительности, лжи, мелкого лукавства, пустоты иных желаний и забот. Как всегда бывает с героями талантливых пьес, персонажи комедии «Семейный портрет с посторонним» в конце всех происшествий оказываются мудрее, добрее и чище, чем до забавного испытания, которое они устроили сами себе. Словно бы глаза у людей открылись, вроде они взглянули на свое некрасивое поведение со стороны.

Если комедия, о которой мы только что сказали, была написана в начале девяностых годов, когда безнравственность, духовная опустошенность, нищета и разруха только замаячили в нашей жизни, то пьеса «Семейный портрет с дензнаками» создавалась десятью годами позже, когда эти спутники российских «реформ» искалечили судьбы многих и многих людей. И, конечно, деформировали духовную жизнь и человеческие характеры. Героям второй комедии, деревенским супругам Тимофею и Катерине, неожиданно прислал сто пятьдесят тысяч рублей их племянник, явно добывающий средства разбойным промыслом. Из разговоров ошеломлённых «богачей», их близких зритель узнает о клубке проблем, которые омрачают жизнь этих людей. Нищие односельчане уверены, что на такие деньжищи позарятся воры. Об этом же думает и семья Тимофея. Всю ночь она, дрожа от страха, ждёт грабителей. Наконец, один, в маске показался в проёме окна и потребовал вынести деньги. В противном случае он пригрозил поджечь дом. Всякий раз, напоминая свое дерзкое требование, он менял голос, но один раз забылся и произнёс угрозу собственным голосом. Тимофей и Катерина узнали в «грабителе» своего зятя Михаила, мужа дочери Татьяны. При той жизни, о которой мы узнали из разговоров героев, при той морали, которую уже усвоили многие, его поступок неудивителен.

«Шутник» получил две зуботычины от Тимофея, и все домашние сели за стол отпраздновать свое новое положение – самых богатых людей в деревне. Только бабка, мать главы семейства, произнесла покаянные слова: «Не дай Ты нам пока, Господи, ни денег этих, ни золота, а вразуми светом Твоего Разума».

Пьесы Степана Лобозёрова тоже вразумляют нас, зрителей и читателей: «Мы все живём по соседству. Так давайте же поступать всегда по совести, утверждать в нашей земной семье доброту, правду и любовь друг к другу». По большому

счёту, истинная литература этим и занимается. И с радостью сознаёшь, что произведения драматурга, отмеченные высокой нравственностью, искрящимся юмором, живописным народным языком, составляют часть этой благородной словесности...

«ЗЭРГЭЛЭЭД АЖАҢУУНАБДИ...»

Үнгэрхэн зуун жэлэй наяд онуудай эхээр Улаан-Үдын Ород драмын театр «Маленький спектакль на лоне природы» гэхэн зүжэг харуулхан юм. Авторынь болбол Зүүн-Сибирийн соёлой институт хаяхана дүүргэнэн Степан Лобозёров байба. Энэ залуу драматургыг зон дары анхаралдаа абажа, үдэр бүри боложо байдаг юрын лэ ажабайдал харуулхан аад лэ, хүнэй анхараагүй энеэдэтэй һонин юумэнүүдые обёоржо, хүнүүдэй абари зан тоб байса харуулжархихадань, шэнэ зохёолнуудыень хүлээдэг болобо.

...Сибирийн нэгэ бүглүү дэрээбэндэ үбгэ һамган Старковууд – городһоо холо ошожо, байгаали зураха хүсэлтэй уран зураашан Владимир Леонидович һамгантаяа – хэлэ бэшэгэй багша, зохёолнуудыё шүүмжэлэгшэ Викэтэеэ ерэнэд. Тээд тэдэнэй зохидоор амарха гэхэдэ, эндэхи жолоошон Никанор Епифанович Журавлёв һаалта хэнэ. Никанор Епифановичай басаган баһал гоёор зурадаг гэжэ элирнэ. Басагаяа уран зураашан болгохо гэжэ тон ехээр хүсэхэн Никанор Епифанович городто һургахыё зууршалжа эхилнэ. Ямар һургуулида басагаяа үгэхэ, ямар багшада даалгахаб гэжэ тэрэ мэдэнэгүй. Энэ хүн Владимир Леонидовичтой хүдөөгэй үйлсэдэ уулзажа танилсахадань, тэрэнь айлшаар ерэхыень урижа, басагаяа ямар багшада заалгахыень хэлэжэ үгэхэ тухайгаа найдуулна. Иимэ һайн танилтай болоһон жолоошон, нэгэшыё минута хүлээжэ байнгүй, Агриппина Антоновна һамгантаяа гоёор хубсалжа, нэгэ шэл хара архи абаад лэ, айлшалжа ошонод. Старковууд айлшадыё хүлээгээгүй байшоо.

Харин харагшадай урда эдэ айлшад нэгэ бага гүлмэр тэнэгхэн, тэрээн соохоноо мэхэтэйхэн, хүн бээ доошонь унагаадаггүй зон гэжэ тодорно. «Багахан зүжэгнай» хүдөөдэхи байдалай элдэб уршагта ябадалнуудаар дүүрэн, һайншыё, муушыё ёһо гуримуудтай байшоо. Энеэдэтэй, хүнгэн водевиль боложо, авторай талаан бэлигэй үргэниё харуулаа.

«По соседству мы живем» (1986), «От субботы до воскресенья» (1988), «Коммерсанты» (1990), «Семейный портрет с посторонним» (1991) – гэхэн шэнэ комединүүдые бэшэжэ, драматург талаан бэлигэйнгээ дундаршагүй арга боломжонуудыё гэршэлхэн юм. Тэрэ үедэ Степан Лукич Москвада режиссёрнуудай Дээдын курсануудта, Луначарскийн нэрэмжэтэ театральна искусствын Институдэй дэргэдэхи театрай курсануудта, М.Горькийн нэрэмжэтэ Литературна институтэй дэргэдэхи Дээдын литературна курсануудта һуралсал гаража, мэргэжэлээ яһала дээшлүүлхэн ябаа. «По соседству мы живем» гэжэ зүжэгэйнгөө түлөө 1987 ондо Бурядай АССР-эй Гүрэнэй шанда, тэрэл ондо «Театральная жизнь» гэжэ сэтгүүлэй «Жэлэй дебют» гэхэн шанда хүртэжэ, 1988 ондо залуу драматургнуудай Бүхэсоюзна мұрысөөнэй лауреат болоһон юм. Нютагаймнай хүбүүнэй бэшэхэн зүжэгүүдые тэрэ үедэ Москва, Ленинградтай эгээл эрхим, гүрэнэй томо томо

театрнууд табижа байгаа. Энэ болбол авторай туйлахаараал туйлахан ехэ амжалта, талаан бэлигэйн габьяата үнэмшэлгэ болоно.

«По соседству мы живем» гэжэ зүжэгыг хаража үзэе. Анекдот шэнги энеэдэтэй багахан ушарнуудай саана манай сэдхэл доторой, нэшхэлэй байдалай ханаа зобомоор асуудалнууд харагдана.

Дэрээбэндэ ажагууһан Фёдор нютагайнгаа Елизаветэ басагантай гэрлэхээ нэгэтэ арсаһан юм. Өөрынгөө үетэн болохо Матвейдэ тэрэ басаган хадамда гарабашье, зүрхэн соонь үлэһэн шарха тэрэниие хэрзэги болгоо. Фёдорой, тэрэнэй хүгшэрһэн түрэлхид - Феня хүгшэн Василий үбгэн хоёрой юушье хээ хаань, Елизаветэдэ найшаагданагүй. Түрэлхидтээ адли хулгайша, худалша хүн гэжэ Фёдоры тоолоно. Олон жэлдэ хоорондоо зүрилдөөтэй зоной энэ байдал тэдэниие бүри үбшэн болгоо.

Энэ үедэ дэрээбэндэ тойрогой сониндо хүдэлжэ байһан залуу сурбалжалагша Владимир ерэнэ. Сониндоо статья, очерк бэшэхээ ханаа бэшэ, харин эндэхи тала дайдаар болоһон граждэн дайн, хамтаралгын үе тухай роман бэшэхэ асари ехэ түсэбтэй ерэнэ байна. Сельсоведэй түрүүлэгшын заабаряар, «урданай» хүнүүдэй – Фёдорой хүгшэн эсэгийн ба хүгшэн эжын гэртэ тэрэниие өөрөө Елизавета асарна. Хирүү номгон зантай, дүршэл багатай сурбалжалагшын эдэ хүгшэдтэй хөөрэлдэхэ хэрэгтэ Елизавета оролсожо, элдэб халхай үгэнүүдые хэлэнэ. Фёдор болон тэрэнэй түрэлхидын ямар муу муухай зон гэшэб гэжэ сониной хууданһаа зон дуулажа байг гэжэ Елизавета шийдэнэ.

Дэрээбэнэй юрын үдэрнүүд, үнгэрһэн үе сагта болоһон найн хэрэгүүд тухай хөөрэлдэжэ байхадаа, хүнэй энеэдэнэ хүрэмөөр юумэнүүд эндэ үгы хэбэртэйшье хаань, үбгэн хүгшэн хоёрой зугаа, Елизаветын энэ хөөрэлдөөндэ оролсожо, нэгэ хэдэн үгэ табиладань, авторай энээниие тон энеэдэтэйгээр харуулхадань, зоной байдал бүри үнэншэмэ зүбөөр харагдана. Совет үе сагай үйлэ хэрэгүүдые хайшан гээд зураглахаб гэжэ тэрэ сагай идеологууд баадхажэ байһан юм гэхэн ханамжа эндэ ямаршье үндэһгүй. Автор эндэ арад зоной байдал нуудал бэшэхэдэ, хүнэй хэлэһые харуулнагүй, ажабайдалһаал үндэһлэн зураглана. «По соседству мы живем» гэжэ зүжэг соо энэнь тобойсо харагдажа байна. Уншаад үзэе:

«Владимир. Зай, найн, найн, граждэн дайн теэд яаһамби? Граждэн дайн 22 ондо дүүрээ, тиихэдэ хоритой байгаат. Партизан ябаагүй гүт?

Хүгшэн. Үгы, үгы. Номгон хүн партизан болоод яаһань бэ.

Елизавета. Хүлээл даа, үбгэн, та хаанаб даа дайралдаа бэшэ гүт? Магад ханай түлөө дайралдаһан аад, мартааб гэнэт...

Хүгшэн. Дайнда ябаагүй. Дэрээбэндэмнай сэрэгшэд дүтэлжэ командирнуудын эрэшүүлы дуудахадань, эрэшүүл ошоожэ, сэрэгшэды энээн руу табяагүй.

Елизавета. Ямар сэрэг тухай та хэлэнэт? Омүлөвкодо (драматургын түрэн газарай хадын нэрэ. – А.Р.) гү?

Хүгшэн. Тиимэ. Эрэшүүл буу баряад ошоожэ, һамгадын хойнонь ябалсаа, үхибүүды дахасалдаа, барандаа хада дээрэ гарахадань, тэрэ атамануудын иимэ олон зониие хараад, пушкатай сэрэгийн гүйлдэжэ арилһан юм. Василий тэдэ зоноор ябалсаа.

Үбгэн. Намда бердаанха барюулһан юм. Гурбахан лэ патрон үлөө бэлэй.

Владимир. Үбгэн эсэгэ, саашань юун болоһон бэ? Эдэ этэгээдүүды танай наһаһанай һүүлээр юун болоо һэм?

Хүгшэн. Юун гэжэ? Эдэ командирнуудын эрэшүүлэй толгой эрьюулжэ, тэдэнъ семёновтонтой дайралдахаа ошоһон юм. Изот алуулаа хэн, үшөөш хэн һэм, мартааб.

Үбгэн. Улаан командирнуудай ябая гэхэдэ, ябаал гүбди. Би ошохош гээгүйб, тиихэдэм тэдэнэр бердаанхем абаха гээ. Бердаанхам шэнэ, яагаад үгэхэбши. Ошоол гүби.

Владимир (*буланда хандажа*). Харагты даа, граждэн дайнда хабаадаа юм ха юм.

Хүгшэн. Дайралдахаш даа. Семёнов баһа ерэжэ болохо. Эндэ тэрэш нэгэ дахин ерэнэн гүб даа. Минии Прокопий абгьем нүхэн соо абаашажа алахан. Заримые түмэрөөр нюргыень сохижо алаа. Дайралдаагүй байхын аргагүй ха юм».

Иимэ зугаа хамтарал тухай баһал болоно:

«Владимир. Дэрээбэндэ оройдоол хоёр нюдарган хулаагууд байгаа юм гээ һэнта. Бэшэниинь ёһотой хулаагууд бэшэ, хэд байгаа юм?

Хүгшэн. Ямар хулаагууд гээбта? Хаанаһаа тэдэниие олохо юм. Хоёр лэ хүн байгаад, арилаа. Хэниеш хулааг гээд, зөөриень буляахада болохо. Эдээнһээ боложо шүүд лэ зэмэтэй болон алдаа бшуу.

Елизавета. О, үнээд лэ зэмэтэй болошобо.

Хүгшэн. Хэнһээ гэжэ тээд? Үхэр мал үлүүтэй байбалшни, буляадаг байгаа гүбэ.

Елизавета. Олон мал барихандаа, өөһэдөө зэмэтэйт.

Хүгшэн. Тээд юу эдижэ байхабши? Юугээрээ гэртэхинээ тэжээхэбши?».

Эдэ хоёр бүлын хоорондохи зүрилдөөн саашаа үргэлжэлхэдөө комеди бэшэ болошоно. Фёдорой гэртэхиние муудхаха һэдэлгэ табиһан Елизавета – Фёдорой Николай хүбүүниинь Люба басагьем мэхэлжэ, хээлитэй болгоод, хүнгэн байдал бэдэрхээе город арилаа гэжэ хэлэнэ. Хайшан гээд намайе мэхэлээб гэжэ хэлэ гээд басагаая Елизавета баадхана. Дуратай басагаая тиишэнь абаашаха гээд, Николай городто байра бэдэржэ байна, дулаахан бэшэгүүдые ходо бэшэнэ гэжэ Любань хэлэнэ. Зүжэгэй эгээл залуу герой болохо энэ гүлмэрхэн басагаханай үнэн юумэеэ нюун нөөнгүйгөөр хэлэхэдэ, яагаад энэ сэбэр ханаатай зоной хажууда хуурмаг худал, хоб жэб таража байдаг юм гэжэ гайхахаар. Драматургын зохёолнуудта иимэ һэшхэлэй дээдэ нангин мэдэрэл байжа, анхарал татана. Степан Лобозёровой зүжэгүүд гүрэнэй 200-гаад театрнуудай тайзан дээрэ табигдаһан. Москвагай М.Горькийн нэрэмжэтэ академическа театр, М.Ермоловагай нэрэмжэтэ драмын театр, Г.Товстоноговой нэрэмжэтэ Санкт-Петербургын Ехэ театр, Н.Акимовой нэрэмжэтэ академическа театр, Улаан-Үдын Н.Бестужевай нэрэмжэтэ Ород драмын театр гээд, хирэ хирэ болоод лэ драматургын зүжэгүүдые харуулжа байдаг хэн. Степан Лобозёров Россиин болон Буядаг Республикын искусствын габыата хүдэлмэрилэгшэ гэнэн нэрэ зэргэнүүдтэ хүртэһэн юм.

Һүүлэй хорёод жэлнүүдэй туршада гүрэнэймнай театрнуудай тайзан дээрэ шанартай драманууд болон комединүүд табигдаагүй. Нютагаймнай хүбүүнэй зүжэгүүд Россиин олон үндэһэтэнэй театрнуудай эрхим заншалнуудые саашань үргэлжэлүүлжэ байһан хадаа, тон ондоо.

«...классика болбол мүнөөнэй соёл болбосорол зүб нота абаад, хүгжэм наадажа байгаа юм гү гэжэ шалгажа үзэхэ зэмсэг болоно. Иимэ зэмсэгэй үгы болбол бүхы юумэн хуу худхаршаха. Классикын үгы байһан хаа, соёлдо болон ниитын

ажалда хуурмаг юумэд бии боложо, бүхы юумэн уруугаа орохо. Классика болбол баримталагдаһан заншалай булаг ха юм даа, ёһото соёл баримталан ябадаг зон энэ булагһаа холодобол, ямаршые үндэһэ, уг изагуургүй нүүдэлшэд түрүүн боложо, һүүлдэнь гансал банаануудые олоор залгяад ябадаг хармагшануудтай адли болохонь гээбы. Иимэ «шэнэ» юумэ баримталагшад классикатай ёһото дай эмхидхэжэ, нүлөөнь һуладуулхые оролдоно», – гэжэ Степан Лобозёров хэлэһэн юм.

Драматургын жүжэгүүдые ямаршые аргаар хубилгахань хүшэр. «Лобозёровой жүжэгүүдые тайзан дээрэ хэншые ондоо болгожо шадахагүй», – гэжэ нэгэ шүүмжэлэгшэ бэшэһэн байдаг.

«Семейный портрет с посторонним» ба «Семейный портрет с дензнаками» гэжэ сюжетүүдээрэ адлихан комединүүдые абажа харая. Красноярскын академическэ театрай табиһан энэ жүжэг хараад: «Үлүү булуу юумэгүй, юрын, энеэдэтэй һонин жүжэг. Иимэ энеэдэ наадатай жүжэг үнинэй хараагүйб», – гэжэ Виктор Астафьев хэлээ һэн. Тайзан дээрэ боложо байгаа үйлэ хэрэгүүдэй һанаанһаа абажа зохёогдоогүй ушар, геройнуудайнь абари зангуудай танил байһаниинь мэдээжэ, зохёолшондо һайшаагдаһан байгаа хаш. Эдэ мэтые ямаршые режиссёр ондоо болгон хубилгажа шадахагүй.

...Виктор гэжэ нэрэтэй уран зурааша хүбүүн хүдөөгэй клубые шэмэглэн гоёожо, мүнгэ олохоёо городһоо ерэнэ. Таня басаганда дуратай Михаил тэрэнэй гэртэ Викторые байрлуулха боложо, Таниин энэ хүбүүндэ дурлашахагүйнь тула «Виктор толгой һамуутай», Викторта – «байрлаһан гэрэйш эзэд – хэрүүл аматай зон» гэжэ хэлэнэ.

Викторые байрлуулһан зон тэрэниие «толгой һамуутай хүн ха гү» гэжэ, Виктор – «хэрүүл аматай зон» гэжэ бэе бээнэйнгээ хойноһоо гэтэлсэһэн – жүжэг соохи бүхы зүришэлдөөн энээн дээрэ үндэһэшлэхэдөө, ехэ тааруу зохид хүнгэн водевиль боложо үгэнэ. Энэ водевиль-жүжэгэй геройнууд хоорондоо харилсахадаа амиды хэлэн дээрэ харилсажа, энеэдэтэй, шог зугаатай зохёол болоо. Теэд энэ хүнгэн энеэдэнэй, шог зугаагай саана манай ажабайдалые сэбэрлэн арюудхадаг шог энеэдэн байна гэхэдээ, Н.В.Гоголиин хэлэһые дурдан һануулһуу: «...юрэнхы энеэдэ наадан бэшэ, саанаа ехэ удхатай энеэдэн. Нэгэ юумэндэ дураа гутаад байһанаа, хоро шараа бусалан, абари зангаа харуулан энеэһэн үбшэнтэй хүнэй саг зуурын энеэдэн бэшэ, харин – юумые гүнзэгы удхатай болгожо, үнгэржэ байгаа һаһанай нэгэ хубиие тобойсо харуулһан, байдалнай досоогоо уг удхагүй, хоһон гэжэ хүнэй ойлгоһые харуулһан энеэдэн. Энеэдэн хүнэй голхорол татадаг гээшэнь буруу. Харанхы бүрүүл юумэнүүд лэ хүнэй голхорол татадаг, харин энеэдэн болбол һаруул сэлмэг юумэн гээшэ. Юумые нүсэгэн зандань харуулаа бол, хүн голхорхо байгаа, зүгөөр энеэдэ наада гаргаһан юумэн хүниие номгоруулжа, досоонь түни байдал асарна...»

Юрэл досоохи сэдхэлээ номгоруулан ханааха бэшэ, харин худал хуурмаг, хоһон юумые саашань болгохо. «Семейный портрет с посторонним» гэхэн жүжэгэй геройнууд анхандаа өөһэдыгөө туршажа үзэхэ гэжэ байһанаа, бүхы юумэнэй үнгэрһэн хойно бодолтой сэсэн, сэбэр сагаан байһанаа гэршэлнэ. Хажуу талаһаа өөһэдыгөө хаража буруушааһан, нүдэдэйнь нээгдэһэн шэнги.

Хүнэй сэдхэл доторой, һанаа сэдхэлэй доройтожо, зоной үгытэй ядуу, хоһон байдалай тогтоһон ерээд онуудай эхээр «Семейный портрет с посторонним» гэхэн жүжэгэй бэшэгдэһэн байбал, «Семейный портрет с дензнаками» гэхэн

зүжэг элдэб хубилалтануудай зоной хуби заяа хуха нуга дарахан үедэ – арбаад жэлэй үнгэрхэн хойно бэшэгдэһэн юм. Энэ комедиин геройнууд – үбгэ һамган Тимофей Катерина хоёртэ зээ хүбүүнийн гэнтэ зуун табин мянган түхэриг эльгээнэ. Энэ мүнгэ зээ хүбүүнийн хүниие дээрмэдэжэ олоһон гэжэ ойлгохоор. Гэнтэ баяжашаһан хүнүүдэй элдэб орёо байдалда байһые харагшад дары обёорхо. Иимэ ехэ мүнгэндэнь хулгайшад обтохо гэжэ нютагайхидын ойлгоно. Тимофей Катерина хоёршые энээниие ойлгоно. Катерина бүхы хүнндөө унтангүй, хулгайшаниие хүлээнэ. Ньюуртаа баг үмдэнхэй хулгайшан үни хүлээлгэнгүй ерэжэ, сонхоор шагаагаад, мүнгэ гаргахыень баадхажа, хэлэһээрнь болоогүй хаань, гэрыеш галдахаб гэжэ занана. Занаха бүхэндөө тэрэ абяагаа ондоо болгодог байба, теэд нэгэ дахин мартаад, өөрынгөө хоолойгоор үгэлхэдэнь, Татьяна басаганайнгаа үбгэнэй, Михаил хурьгэнэйнгөө хоолой танижа, элирүүлнэ.

Иигэжэ «шоглоһон» хурьгэниин тэдэнэйнгээ хэлээлтэдэ хүртэжэ, бултадаа хамта баяжаһанаа найрлахаа шэрээдээ һуунад. Гансал хүгшэн эжынь: «Бурхан багшамни, манда мүнгэ, алта бү үгөөрэйт, ухаа мандаа бэлэглээрэйт» гэжэ хэлэнэ.

«Зэргэлээд һууһан зон хадаа, һэшхэлээ алдангүй, эхэ газартаа һайн һанаатай, үнэн сэхэ, бэе бээ хүндэлжэ ябая», – гэжэ Степан Лобозёровой зүжэгүүд соо хэлэгдэнэ. Үнэн дээрээ, бүхы уран зохёол энээн дээрэл үндэлһэн ха юм. Драматургын бэшэһэн зохёолнууд энэ дэлхэйн литературын нэгэ хуби болоно бшуу...

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ

Вдоль деревни. Публицистика. – Улан-Удэ, 1987.

По соседству мы живём. Пьеса. – Театр, 1987, № 2.

Маленький спектакль на лоне природы. По соседству мы живём // Пьесы молодых драматургов. – М.: Искусство, 1989.

Коммерсанты. Пьеса. Сборник пьес российских драматургов. – Улан-Удэ, 1999.

Семейный портрет с дензнаками. Комедия. – Современная драматургия, 2001, №№ 2, 3.

В ста шагах от праздника. Пьесы. – Улан-Удэ, 2007.

В ста шагах от праздника. Трагикомедия // Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 3. – Улан-Удэ, 2011.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Вегасова И. Очень разные пьесы под одной обложкой. – Советская культура, 1984, 1 сентября.

Потапов А. Парадоксы Степана Лобозёрова. – Восточно-Сибирская правда, 1987, 5 февраля.

Любимов Б. Взлёт после антракта. Премьера драмы С.Лобозёрова во МХАТе. – Советская Россия, 1987, 5 февраля.

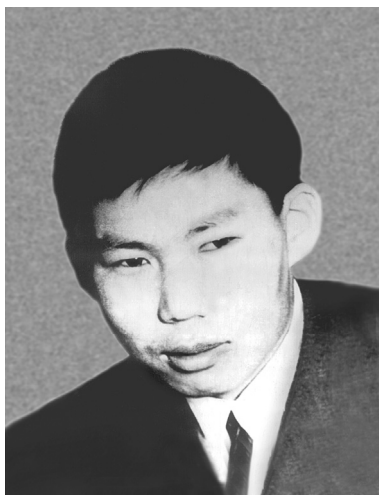
Уфимцева Е. Загадка Степана Лобозёрова. – Театральная жизнь, 1987, № 3.

Трошин В. Новый взлёт. – Правда Бурятии, 1988, 2 мая.

Сосновская Э. Открывая Лобозёрова. – Бурятия, 1993, 27 мая.

Без указ. автора. Лобозёров Степан Лукич // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

- Кожеевникова О.* Алмазы и изумруды Степана Лобозёрова. – Пятница, 1997, 4 декабря.
- Полизов А.* Любовь через театр. – Бурятия, 1998, 10 января.
- Кожеевникова О.* Его алмазы и изумруды. Беседа с С.Лобозёровым в трёх актах, с прологом и эпилогом. – Правда Бурятии, 1998, 28 ноября.
- Тулохонов С.* Лобозёров Степан Лукич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1998.
- Гильмулина Е.* «Семейный портрет...» в развитии. – Центральная газета, 2001, 7 марта.
- Не быть Отечеству без веры.* Беседа с С.Лобозёровым. – Пятница, 2001, 11 апреля.
- Выяснить, кто автор статьи!* Лобозёров Степан Лукич // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.
- Леякина Т.* Живой классик из деревни. – Омская правда, 2009, 6 марта.

**Намжил Ширабович
НИМБУЕВ
(1948-1971)**

О РОДИНЕ МЫСЛИ СВЕТЛЫ...

*Что за весна! В оправах площадей
Черемуха так буйно расцветает,
Как будто стаи белых лебедей
С протяжной песней в воздухе летают.
Исхлестан город белыми цветами.
И я хожу с оглохшими ушами.*

Читая эти строки, сразу понимаешь, что написал их поэт молодой: так свежо и трепетно чувство, выраженное в них, так непосредственны и доверительны слова, исторгнутые из юного сердца! Такими стихами, полными радости и удивления от праздника жизни – от юности, любви, первого знакомства с миром, – и останется в памяти читателей бурятский поэт Намжил Нимбуев. Он ушел из жизни двадцати трех лет, успев подготовить одну-единственную книгу стихов.

Эта книга – «Стреноженные молнии» – была издана в Улан-Удэ в 1974 году, уже после того, как не стало ее автора. Успех сборника у любителей поэзии был несомненным. Душевная открытость лирического героя, полнота и непосредственность чувств, живописность поэтических образов, оригинальность поэтической формы – все это делало мир Намжила Нимбуева близким каждому из нас, рождало горячий отклик. Такие стихи не могли остаться незамеченными. И не--удивительно, что на следующий же год книга молодого поэта была переиздана в Москве.

Шли годы, а интерес к творчеству Намжила Нимбуева не только не затухал (хотя, казалось бы, немногочисленные произведения поэта, чей талант только на-

бирал силу и могли забываться, тускнеть с течением времени), интерес этот креп, усиливался: друзья поэта находили новые строки его стихов, а московское издательство «Современник» заботливо готовило новый выпуск сборника «Стреленные молнии». И вот эта книга, дополненная произведениями Намжила Нимбуева, которые обнаружили уже после его кончины, вышла в свет и привлекла внимание новых читателей.

Стихи поэта глубоко современны и прежде всего тем, что они высвечивают духовный мир сегодняшнего человека – носителя светлых идеалов, равнодушного к тревогам людей земли.

*Я понял, о сердце!
Ты втайне мечтаешь
Не заглохшею быть комнатенкой
Для любви на двоих,
Ты мечтаешь стать крепостью,
Танком,
Пикировать круто,
Взмыть плакатом протеста
Над бурливой рекой демонстраций!
О сердце, я понял!*

Философское осмысление жизни, где побеждают высокие нравственные начала, – вот что особенно привлекает в творчестве Намжила Нимбуева. По-юношески чисто и целомудренно воспеваешь он родной край, находит точные и емкие слова, чтобы поведать своим читателям о «гордой жизни степей и лесов», где «каждый камень и лист вольным воздухом отчизны настоян». Читаешь стихотворения «В родном улусе», «Этой ночью по тихим долинам», «О, Родина, лишь гляну на тебя» и невольно с большим волнением, потрясенно переживаешь свою невысказанную нежность к Отчизне, к дорогим тебе просторам и хочешь служить ей по-сыновьи. Это неотразимое воздействие на читателя и позволяет говорить о поэтической ценности стихов Намжила Нимбуева.

*Стою на планете
Под деревом моей родины,
Играю словом –
Румяным краснощеким яблоком,
Подкидываю и ловлю его,
Подкидываю и ловлю его...
И нет времени слезы вытереть...
.....
Полгода в седле мне качаться
До марев табунной отчизны.
Тоскую о ней и волнуюсь,
Как будто ребенка
Оставил в дому без присмотра.*

В одном из стихотворений Намжил Нимбуев размышляет: «Звезды со страхом думают, что погаснут через миллион лет. А каково людям с их краткой, как выстрел, жизнью?». И многими стихами отвечает на этот вопрос так: дело не в про-

должительности человеческой жизни, а в ее высоком накале, в борьбе за справедливость, счастье, доброту.

*Поэт умрет.
Анатом вскроет тело –
поэзии земную оболочку –
и вынет коченеющее сердце.
И взору изумленному предстанут
вонзившиеся в сердце глубоко
индейских стрел кремневые концы,
гарпуны костяные папуа,
обломки скифских смертоносных копий,
кусочек пули дьявольской «дум-дум»,
осколок разорвавшейся гранаты...
И миру станет ясно, почему
так мало прожил он
и почему
прожгла насквозь стихи его простые
незримая пронзительная боль.*

Намжил Нимбуев с детства приобщился к поэзии (он родился в семье известного бурятского писателя Шираба Нимбуева) и понимал, какое трудное дело выбрал в жизни. Ежегодно летом, окончив очередной курс Литературного института, юноша приезжал из Москвы домой, много ездил по Бурятии, жадно вглядывался в ее жизнь, увлеченно писал. Он стремился не только к глубине постижения жизни, но и к необычной, емкой форме стиха. Такой формой стал для него верлибр. В нем нет рифмы, но богаче и причудливей музыкальный строй, ярче и неожиданней образ:

*Хлебая с невестой
Из чашки единой,
Мы лбами касались друг друга.
И долго так с нею сидели,
Как памятник вечной любви.*

Народный поэт Бурятии Николай Дамдинов писал о Намжиле Нимбуеве: «Юный поэт оказался чрезвычайно требовательным к себе... В поэзии иначе нельзя: идя к людям со своим, выношенным в сердце словом, ты должен быть убежден, что оно необходимо, что оно истинно и что эта его истинность должна высказаться только так, как ты ее высказал. И Намжил Нимбуев трепетному, нежному содержанию своей лирики нашел такую же нежную, изящную – напоминающую крылья стрекозы – форму».

Стихи Намжила Нимбуева – самобытная страница в бурятской лирике. Они как юношески чистая и радостная песня о красоте жизни, любви к Отчизне и ее людям. Песня, которая запоминается прочно, надолго.

САХИЛГАА ШҮДЭРЛЭНЭН ПОЭТ

*Хабар ерээд, хабатай гээшэнь! Талмайгаар
Хабан соогоо мойһон газаа сэсэглэнхэй,
Хун шубууд сагааран дээгүүр ниидэнэд,
Ганганалдаһаар агаар зүһэн хиидэнэд.
Сагаан сэсэгүүдэй дүлэн соо хото умбанхай,
Шэхэмни дүлиирөөд хабарта, манаранхайб.*

Эдэ мүнрүүдые уншаад байхадаа, энэ шүлэг эдир залуу хүн бэшээ гэжэ дары ойлгохош. Наһанайнгаа замай эхиндэ ябаһан эдир залуу хүндэ ажамидарал, ажабайдал гээшэ жаргал баяраар халижа байһан найр наадан шэнги. Иимээр лэ ажабайдалые хорёодтойхон Намжил Нимбуев зураглан харуулжа үрдеэд, энэ дэлхэйтэй хahasажа ошоо һэн шуу. Поэт ори гансахан номоо хэблэлдэ бэлдэжэ арайхан лэ үрдеэд, хорин гурбатайдаа наһаяа түгэсөө...

«Стреноженные молнии» гэхэн номын 1974 ондо, авторай наһа бараһан хойно хэблэгдэн гараһаншые хаа, аргагүй ехэ амжалтатай байшоо. Уянгата шүлэгүүдэйн герой сэдхэл дүүрэн амилжа ябаһан, мэдэрэл дүүрэн залуу хүн. Поэтическэ дүрэ зурагуудайн үнгэтэ найхан, бэшэгэйн түхэл маяг тон онсо өөрын байжа, эдэ шүлэгүүд хүнэй анхарал татангүй гараха аргагүй бэлэй. Хойто жэлын Москвада энэ номой дахинаа хэблэгдэн гараһанин гайхалгүй ааб даа.

Он жэлнүүдэй ошохо тума Намжил Нимбуевай зохёолнууд бүри ехэ һонирхолтой боложо, сагай ошохо бүри бэлиг талаанин бүри ехээр сэгнэгдэжэ, нүхэдын хэблэгдээгүй шүлэгүүдые суглуулаад, Москвагай «Современник» хэблэлдэ энэ номыень наһа бараһанайн хойно олдоһон шүлэгүүдтэйгөөр дахинаа шэнээр хэблүүлэн гаргаа бэлэй.

Гүн ехэ ухаанай талаһаа ажабайдалые шүүмжэлжэ үзэхэдөө, ажабайдал соо харуул найхан, сэлмэг юумэн ходо илажа гарадаг гэжэ зурагладагаараа Намжил Нимбуевай зохёолнууд зоной зүрхэ сэдхэл хүдэлгэнэ бшуу. Залуу нюдөөр хаймадан, гүлмэр залуу сэдхэлээр түрэл дайдаа магтан дуулахадаа, «тала газарай, ой модоной омог байдалые», «шулуун бүхэнэйн, набша бүхэнэйн хангалтама зэрлиг агаарта эдхээтэй» байһан тухай гоё найхан үгэнүүдээр домоглон түүрээһэн шүлэгүүдые уншахада, омогорхол, энхэрэл зүрхэ эзэлхэ. «Түрэл нютагтаа», «Энэ һүниндөө шэмээгүй аалин нуга газараар», «О, Эхэ оромни, шамайгаа бишни хаймадаад лэ» – гэхэн шүлэгүүд хүнэй зүрхэ дайрангүй гарахагүй. Иигэжэ ямаршые хүниие хүлгүүлхэ шэдитэйгээрээ Намжил Нимбуевай шүлэгүүд илгардаг.

*Ойлгооб даа, зүрхэмни!
Олонһоо нюусаар хүсэлһыеш –
Хоёр дуранай
Хаалгатай таһаг болохогүйеш,
Хэрэм боложо, танкаар хүнхинэн,
Иишэ, тишишэ ябахые,
Жагсаалда уряал болон
Хиисэхые хүсэлһыеш,
О, зүрхэмни, ойлгонолби!*

«Миллион жэлнүүдэй үнгэрхэдэ унтаршахабди гэжэ одод халаглан бодомжолдог. Харин бууһаа гараһан һомон шэнги богонихон наһатай хүнүүдтэ ямархан

хаб?» – гэжэ нэгэ шүлэг соогоо асууһан аад, хүнэй наһанай ута богониһоо бэшэ, үнэн зүбэй, жаргалай, найн найхан хэрэгүүдэй түлөө тэмсэн оролдожо ябаха гэшэ дээдын ехэ жаргал гэжэ ондоо нэгэ шүлэг соогоо харюусана:

*Дэлхэй дээрэ зогсоноб,
Эхэ оронойнгоо модон доро.
Үгөөр нааданаб –
Улаан яблокаар мэтэ
Өөдөншүдөөд барианаб,
Шүдөөд лэ барианаб...
Нулимсаа аришаха сүлөөгүй...*

.....
*Адуун хүрэгөөр тооһорһон
Эсэгэ оронойнгоо
Эмээл дээрэ һуугаад,
Хахад жэлээр
Харайлгадаг тухайгаа
Хара буужа сэдхэлдээ
Гансаарань орхижорхиһон
Хүүгэн мэтээр ханаагаа
Зобожо, сэдхэлээ хүмэрюулнэб...*

Хара баганаа поэзиин амисхал мэдэрһэн (мэдээжэ поэт Шираб Нимбуевай бүлэдэ түрэн) хадаа, ямар хүшэр хүндэ зам шэлэжэ абаабиб гэжэ тэрэ ойлгодог лэ байгаа. Литературна институтэ һуража байгаад, зун бүхэндэ амаралтынгаа үедэ Москваһаа гэртээ эрэхэдээ, тойроод байгаа боложо байгаа юумые хомхойгоор хаймадан, бэшэжэл байхые эрмэлзэдэг бэлэй. Бэшэгэйнгээ өөрын маяг олохо гэжэ ехээр оролдоод, верлибр дээрэ тогтоһон юм. Велибр соо рифмэ үгы, зүгөөр мүнүүдын аялга хүгжэмөөр баян, образ-дүрсэнүүдын ялас гэмэ тодо, хүнэй ханаанда ороогүй юумээр зураглаха аргатай:

*Уран найрагшын
Энэ дэлхэе орхижо ошоходо,
Анатом бэеыень нээжэ,
Хүрэшэһэн зүрхыень гаргахадань,
Индейцүүдэй номо хаадагуудай
Эрид хурса үзүүрнүүд,
Папуа зоной яһан хэлмэнүүд,
Скифүүдэй зэмсэгүүд,
Дайсанай һомоной үлөөдэһэнүүд
Тэһэрһэн гранатын хэлтэрхы мэтээр
Гайхалан бидэндэ гаража ерэхэ...*

*Тишэдэл одоо энэ хүнэй
Тон богони наһатай байһан
Шалтагынь элиржэ,
Шүлэгүүдыень һэтэ галдаһан
Шанга үбшэн тодорон гараха.*

«Эдир поэт өөртөө тон ехэ эрилтэтэй хүн байгаа... Поэзидэ ондоогоор болохогүй: зондо ошоходоо, зүрхэ сэдхэлээрээ тэсэжэ гарахан үгэ абажа ошодоо, энэ үгын тон хэрэгтэй, зүб байһые, энэ үгэ хэлэхэл ёһотой байханаа мэдэжэ байха юм. Намжил Нимбуев болбол урихан нугархай уянгата шүлэгүүдтээ тэрмээлжэнэй далинууд шэнги нугархай энхэргэн түхэл олоһониинь хайшаалтай», – гэжэ Бурядай арадай поэт Николай Дамдинов хэлэхэн юм.

Намжил Нимбуевай шүлэгүүд буряад уянгата шүлэгтэ тон өөрсэ хуудаһа нэмээ. Эхэ оронойнгоо, ажамидаралай хайн хайхание харуул сэлмэг дуун шэнгээр магтан түүрээһениинь, мартагдашагүй, эгүүридэ мүнхэ байха.

КНИГИ ПОЭТА

Стреноженные молнии. Стихи. – Улан-Удэ, 1974.

Стреноженные молнии. Стихи. – М.: Современник, 1975.

Стреноженные молнии. Стихи. – М.: Современник, 1979.

Мальчишка с бантиками. Повесть. (Соавт. О.Манджиев). – Улан-Удэ, 1988.

Мелодии лимбы. Стреноженные молнии. Стихи. Воспоминания. Посвящения. – Улан-Удэ, 1998.

Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. – М.: Галерея «Ханхалаев», 2003.

Стреноженные молнии. Стихи. Проза. Серия «Отцы и дети» в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2005.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Стреноженные молнии. Стихи. Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 14. – Улан-Удэ, 2012.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Дамдинов И. Талант и устремленность // Нимбуев Н. Стреноженные молнии. Стихи. – М.: Современник, 1979.

Идашкин Ю. Душа, полная поэзии. – Книжное обозрение, 1979, № 12.

Липатов В. Светлые песни юности. – Байкал, 1975, № 3.

Сергеева Л. «Стреноженные молнии». – Литературное обозрение, 1975, № 12.

Унгинэ Е. Был у него сильный голос. – Наш современник, 1976, № 9.

Хамгушкеева М. Жизнь, как молния. // Земли моей молодые голоса. Улан-Удэ, 1981.

Уланов Э. Как молнию небесную стреножить?.. // Молодые о молодых. Сборник литературно-критических статей. – М.: 1981.

Хамгушкеева М. С любовью к родине. – Буряад Унэн, 1993, 25 июня.

Без указ. автора. Нимбуев Намжил Ширавович // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.

Хамгушкеева М. Намжил Нимбуев // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

Дампилова Л. Намжил Нимбуев. Встреча Запада с Востоком // Дампилова Л. Современная бурятская поэзия. Учебное пособие. – Улан-Удэ, 1998.

Тулохонов С. Нимбуев Намжил Ширавович // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.

Тулохонов С. Н. Нимбуев // Тулохонов С. Историзм литературы Бурятии. – Улан-Удэ, 2000.

Фролова И. Нимбуев Намжил Ширавович // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

Базарова (Нимбуева) Л. Намжил Нимбуев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 2. – Улан-Удэ, 2010.

**Галина Жигмытовна
РАДНАЕВА
(1949)**

ОТ ОЧАГА СОЗВЕЗДЬЯ ЗАЖИГАТЬ...

Галина Раднаева не вошла, а ворвалась в родную поэзию. Раньше, в предыдущие десятилетия, так же стремительно открыли в неё дверь молодые лирики Жамсо Тумунов и Цэдэн Галсанов, Дамба Жалсараев и Алексей Бадаев, Николай Дамдинов и Дондок Улзытуев, Даши Дамбаев и Мэлс Самбуев. Но то были мужчины, им сам Бог велел с юной отвагой начинать творческий путь. А здесь впервые в бурятской литературе сильный и целеустремлённый характер показала молодая поэтесса:

*Нет, время, в мире я не гость,
Коль с нежностью и верой женской
По-своему
землицы горсть
Возделала во мгле вселенской.*

*Мне жизнь отмеряло не ты.
Травинка малая в щёбёнке
Её продолжит,
и черты
Мои останутся в ребёнке.*

*И от напастей вновь и вновь
Не ты,
а я тебя спасала.
Мою пылающую кровь,
А не тебя земля впитала.*

*От вечных мыслей,
как волдырь,
Мой мозг.
Опять взлетаю в стремя.
Идёшь?!
Но я твой поводырь,
Бессмертное, лихое время.*

Это строки из первой, переведённой на русский язык и вышедшей в московском издательстве «Современник» книги «Белый месяц». Стихотворения для этого сборника Галина Раднаева выбрала из трех своих книг, выпущенных к тому времени на родном языке.

Вот они-то и создали автору репутацию поэтической «звездочки». Лирическая героиня очаровывала эмоциональностью и свежестью чувств.

На родине Галины Раднаевой, в Джидинском районе Бурятии, читатели запомнили её имя намного раньше. Начиная с пятого класса, она печатала свои стихи в местной газете, а перед поступлением в Московский Литературный институт имени Горького – и в республиканской газете «Буряад Унэн», журнале «Байгал». За первые книжные публикации на родном языке поэтесса получила премию комсомола Бурятии.

Что же нового внесла Галина Раднаева в национальную лирику? Это разговор не короткий.

Мир родного дома стал сегодня для поэта иным. Он, конечно, включает и тепло родительского очага, и милые приметы быта, и все его устои, освящённые традициями, обычаями, культурой народа. Но он изменился, этот мир. Он включает сегодня такие открывшиеся небесные выси, земные широты, новые знания, что поэт, вглядывающийся в него, обязан быть и философом, и знатоком сущего, и провидцем будущего. Разве не подтверждают это строки из поэмы Галины Раднаевой «Огонь в очаге»:

*«Тас-няс» –
поёт огонь, как человек.
В предвестье гостя? Иль иная сфера
Открылась – и стремительный наш век
Перегнала, как клячу, тень Гэсэра?
Бесстрашные его богатыри,
Чьи жизни в битвах и трудах сгорали.
Несли огонь сквозь грозовые дали –
Как слабый отблеск будущей зари.*

Да, конечно, земной уголок, где стоит отчий дом, идёт дым из трубы, пасутся овцы, где ещё не заросла тропа матери, – воспевали многие поэты. Но ведь есть и дух родины, то высшее начало, что воспитало твою душу, подсказало, каковы твои земные богатства. И это неосознаемое, но самое дорогое сокровище открыла в своей лирике Галина Раднаева:

*Не зная то, что сказки всех старух
Берут начало в красоте, что рядом,
Пошла искать я богатырский дух
Сородичей по стольным чым-то градам.*

*Но ухо к сердцу Азии прижав,
Я слышала не стук её сердечка,
А то, как над седой тишью трав
Позвякивает на коне уздечка.*

.....
*Дань уваженья тысячам обличий
Мной отдана, и не один закон
Чужих людей исполнен, и обычай
Заморских стран был тоже мной почтён.*

*Но чем была почтительнее с ними,
Чем больше слов их узнавала я,
Тем громче я твоё простое имя
Во сне шептала, родина моя!*

*И веселилась меж друзей не раз,
Как будто костерок среди улуса,
Но только слёз не вытирала с глаз,
Впервой поняв святейший смысл их вкуса.*

*Так обрела я родину мою,
Что началась когда-то с колыбели.
Обняв колени, тихо я пою
Здесь, где мои сородичи сидели...*

Такие признания звучали бы в русле сказанного другими лириками, если бы перед нами не был человек философского склада, не только усвоивший книжные знания, но и научившийся слышать голос «мыслящей» природы, воспринявший неписанные откровения народного духа. Надеюсь, что строфы, которые будут приведены ниже, докажут: автор изданных в Москве вслед за первой книгой сборников стихотворений и поэм «Огонь в очаге», «Пробуждение», наделён этим даром:

*Смогла ли я Джиды надеждой стать,
Чтоб, вопреки преградам, выйти к морю?
Нрав буйной речки детства перенять
Мне довелось, а удалось ли волю
К движенью против ветра воспитать?
Мне ощущать течением её
Судьбу свою нередко доводилось –
Не раз как неизбывное, свое
Я чувствовала гнев веков и милость.*

Поэтесса может, как пролог к целому свитку признаний, предупредить читателя:

*Защитник мой и покровитель –
Дух родины моей.
От зла Сансары и избавители –
Душа и совесть мои.
(подстрочн. пер. Г. Раднаевой).*

И тогда уже естественней и понятней будут звучать строки Г.Раднаевой о тревоге за крохотную дочку или боль за уходящую любовь, или скорбь в связи с кончиной старого близкого человека. Ведь природа эти чувства уже переживала многократно:

*Двойник существующего мира –
Это – я.
Простирающейся жизни великой
Вселенная –
Это – я сама.*

*«Дзинь...» – что-то внутри
У меня разбилось.
«Ек...» – почему-то
Сердце моё заныло.*

*Что же случилось?
Что же это будет?
Лишь бы не война
Между землянами!
Почему вдруг стало тревожно?
Был бы вечен этот мир.
(подстрочный пер. автора)*

Лирическая героиня Галины Раднаевой способна жить только в этом многоголосом, откликающемся на её зов, целительном царстве родной земли. И пишет-то поэтесса под диктовку этой «царицы», и образная сила стихов – от неё. Послушайте:

*Спеша в роддом,
купила я цветы
И завернула в свежую газету.
Вдруг пламя сквозь газетные листы
Рванулось,
осветив собой планету.*

Мне кажется, энергичный, бесстрашный лирический характер поэтессы наиболее ярко выразился в её поэмах «Пробуждение», «Огонь в очаге», «Полёт лебедей» и других. Их мощная сила – в утверждении добра и справедливости, стойкости и надёжности, неубывающей любви и нежности. Чеканные мудрые строки Галины Раднаевой запомнит любой читатель, поживший и юный:

*На родине зарос травой двор,
А вместо дома – печка одинока.
Глядит с неё бродячий кот в упор:
В его прищуре – злая поволока.*

В последние годы Галина Раднаева отдала много времени занятию поистине грандиозному и подвижническому: объехала с диктофоном все села своего родного района, записала от старожиллов улигеры, предания, песни, благопожелания,

частушки, поговорки, присказки и опубликовала их в пяти томах. Это огромное духовное богатство одной из национальных ветвей бурят-сартулов легло в сокровищницу народного творчества и уже будет храниться в памяти поколений вечно. Другая, тоже большая и бескорыстная работа, которую выполнила Галина Жигмытовна, – обработала, придала живой литературный блеск интереснейшим воспоминаниям и дневниковым записям супруги писателя Даширабдана Батожабая Лхамасу Батуевны. Мемуары изданы в двух томах.

Но, как и раньше, рождаются новые стихи. Они вошли в сборник 2013 года «Эхо времён».

...Родник поэзии есть чудо. Галина Раднаева причастна к этому чуду. Пусть сегодня у неё рядом с поэтическими есть другие заботы, другие замыслы. Но созданное за предыдущие десятилетия – это такой родник, который всегда останется чистым и свежим. Он омывает души тысяч читателей. Поэтесса и сама с радостью видит это:

*Здесь чуда нет.
Подумаешь, родник.
Но струи пели так светло и нежно,
Что в самый первый миг я неизбежно
По голосу узнала: мой двойник.*

*Поёт родник.
Дыханье затаю.
Я так боюсь движеньем или звуком
Порвать, как струнку, тонкую струю.
Зачем же мне ко всем земным разлукам
Вновь прибавлять ещё одну.
Мою!*

ГУЛАМТЫН ГАЛЬАА МҮШЭДЫЕ НОСООЖО...

Галина Раднаева буряад поэзидэ ааляр гэшхэлээд орошоо бэшэ, бүри эршэм хүсэтэйгөөр, ниидэн шахуу орошоо гээ хаам, алдуу болохогүй ха. Галинаа хэдэн арбаад жэл урид залуу поэдүүд Жамсо Тумунов ба Цэдэн Галсанов, Дамба Жалсараев ба Алексей Бадаев, Николай Дамдинов ба Дондок Улзытуев, Даша Дамбаев ба Мэлс Самбуев гээд лэ залуу ирагуу найрагшад мүн лэ эршэтэйгээр ороо ха юм. Тээд эдэмнай эрэ зон, зохёохы замаа эрэшүүлэй иигэжэ эршэтэйгээр эхилхэдэ, магад Бурхан өөрөө туһа үзүүлхэн байгаа аалам. Харин энэ удаа буряад уран зохёолдо түрүүшынхэ залуу эхэнэр поэт бии боложо, шанга абари зан үзүүлбэ гээшэ:

*Саг,
Энэ дэлхэйдэ айлшан бэшээгэ
Энэ үглөөгүүр түрүүшынхэ ойлгооб.*

*Саг,
Дэлхэй намайе урья бэшэ,
Дэлхэйе өөрөө хубилган ерээб.*

*Саг,
Унтарха наһанайм хэмжүүр бэшэш,
Ургамал бүхэнэй худаһанда амидархаб.*

*Саг,
Хүн ябаһан намайе хамгаалаа бэшэш,
Шуһаяа адхан, шамайе абарааб.*

*Саг,
Заяанайм замай харгышан бэшэш,
Шэнэ үеынйни шүтэхэ заяанби.*

Москвагай «Современник» хэблэлдэ ород хэлэн дээрэ гараһан анха түрүүшын «Сагаан нара» гэжэ ном соонь ороһон шүлэгэй мүнүүдые дурдабаб. Буряад хэлэн дээрэ гараһан «Аялганууд», «Наран тээшэ», «Набшаһадай харшаганаан» гэжэ гурбан номууд соонь ороһон шүлэгүүд ород хэлэн дээр оршуулагдажа, энэ номыень бүридхэнэн гээшэ. Эдэ шүлэгүүдэй героиня уян сэдхэлтэй, уян мэдэрэлтэй хүн гэжэ мэдэхээр.

Өөрын түрэхэн Зэдын аймагай уншагшад Галина Раднаевагай нэрые үнхэнэй мэдэдэг болоһон, юундэб гэхэдэ, Москвагай М.Горькийн нэрэмжэтэ Литературна институттэ орохоһоонь урид, табадахи класста нуража байхаһаань эхилжэ районойнгоо сониндо, «Буряад Үнэндэ», «Байгал» сэтгүүлдэ шүлэгүүдэ толилуулдаг байгаа бшуу. Түрүүшынгөө номуудай түлөө Галина Раднаева Буряадай комсомолой шанда хүртэһэн юм.

Галина Раднаева буряад поэзидэ шэнэ юу асараа гээшэб гэжэ тоолохо болооһаа, олон юумэ хэлэлтэй.

Түрэжэ үдэхэн дайда хизаар, түрэл тоонто гэр, арадай ёһо заншалнууд тэрэ хэбээрэ үлэбэшье, тойроод байгаа оршолон дэлхэй хубилаа. Шэнэ газарнууд нээгдэжэ, шэнэ эрдэм мэдэсэ бии боложо, хүн болбол гүн ухаата философ байхаһаа гадна, мүнөөнэй юумэ һайн мэдэхэ, ерээдүйе уридшалан таажа мэдэхэ онсо мэдэлтэй байхо ёһотой. Энээн тухай Галина Раднаева иигэжэ бэшэнэ:

*Айлшанай ерэхые зүгнөөд галнай
Түргэн дундаа зугаагаа дэлгэбэ гү?
Абай Гэсэрэй һүүдэр ами оронхой.
Түмэн жэлые эбхэжэ али ахиба гү?
«Тас-няс...»
галнай шагшарна...
Дүлэндэ абтаһан саг самнана,
Дороһоонь найдалай ошон сахилна:
«Тас-няс...»
галнай дуулана...*

Түрэл тоонтоёо, түрэхэн гал гуламтаяа, бэлшэжэ ябаһан хонин хүрэгые олон поэдүүд түүрээн дуулаһан байдаг. Тээд энээнһээ гадна сэдхэл зоригыеш үргэжэ, дали оруулан хийсхүүлжэ, баялигыеш үдхэжэ байдаг. Эхэ ороной амисхаал, арюун шарай гэжэ бии ха юм. Энээн тухай Галина Раднаевагай уянгата шүлэгүүд бадаглана:

*Эгээл тиихэдэ
Хари газарые найхаашааха бүрээ
Нютагайнгаа шарайн сэбэрые гайхааб.
Хари нютагуудай заншал хүндэлхэдөө
Нарамни гээд нютагаа ооголооб.*

*Нэгэтэ бэшэ
Нүхэдэй дүхэриг таһалжа ороод,
Нютагайнгаа түүдэг мэтэ ябагдаа.
Нулимсашье хадаа нангин удхатай гээд,
Нюусаар аришааа тиихэдэл болигдоо.*

*Зүрхэмни шэмшэрнэ.
Нулимсаһаа эшэжэ хасараа улайхагүй
Ажаһуудалайм хилэ эндэһээ эхилээ.
Найдал түрүүлжэ гэдэргэм табихагүй
Ажабайдалайм наран эндэһээ дахуулаа.*

*Үншэрэлөөр бэшэ
Ульгэрөөр дүүрэн буусаяа шэртэн,
Үбдэгөө тэбэрээд һуунаб удаан.
Ульгэрэйм эхин ойндом һэргэн,
Утын харгы һуунагтана досоом.*

*Холын харгыда
Үлгы болоһон нютагһаам эхитэй
Хизааргүй Эхэ оронтойгоо мэдэлэйб.
Үндэрэйн оройһоо дали абанхай
Хилэ захагүй байдалдань шунгалайб.*

*Найман зүгэй
Нютаг бүриин золгодоһон бэлиэртэ
Зол жаргалаа зохёожо түбхинэнхэйб.
Нютагайнгаа нарые нангинаар тахижа,
Зонойнгоо заяае шарайдань танилайб.*

*Зүрхэм хаихарна:
Үндэрэй жаргалые мэдэһэн дальбараада
Уурхайнь юрэдөө хэрэгтэй аал!
Дэлхэйн найханиие сэгнэһэн хүндэ
Тоонтоһоонь найхан түрэл юумэн биш аал!*

Буряад поэтессын шүлэгэй эдэ мүрнүүдые уншажа байхадаа, авторынь бодомжолходоо гансашье гүн ухаанай бодолнуудта абтадаг бэшэ, эрдэм ном һайса шудалһан, гүнзэги мэдэсэтэй, байгаалиин «амиды» абья сэдхэлээрээ дууладаг хүн гэжэ ойлгохоор. Москвагай хэблэлээр гараһан «Гал гуламта», «Һэрилгэ» гэхэн шүлэгүүд болон поэмэнүүдэй номууд соо ороһон шүлэгүүд минии хэлэһые батална:

*Дуунай далайда хүрэхөөр мордоходоо,
Дууша Зэдынгээ найдалынь
болоо һэн гүб, үгы гү.
Дошхон солгёо абариинь абахадаа,*

*Дабхижал ябадаг зоригтонь
нураа нэн гүб, үгы гү.*

*Зүгөөр үе сагыг үргэлөөд дууладаг
Урасхалын байханда
нэгэнтэ бэшэ мэдэрдэгби.
Золтой наһаа зондоо үршөөдэг
Юрөөлэйн байханда
хүртэлсөөб гэжэ этигэдэгби.*

Гэхээр гадна, поэтесса олон юумэ уншагшадтаа уридшалан дуулгаха аргатай:

*Сагуудай гүн соогуур
Сэдьхэлни төөришөөгүй юм бээ?*

Бишыхан басагандaa ханаагаа зобожо байханаа, үнгэрхэн дураяа үгылэн сэдь-хэлээ хүмэрюулжэ байханаа гү, али дүтынгөө хүнэй наһа барашахада, үгылэн дурсажа байханаа Галина Раднаева шүлэгүүдтээ зураглан харуулжа шададаг. Байгаа-лиин дүрбэн саг баһал иимэ мэдэрэлдэ абтадаг шуу:

*Байгаа дэлхэйн эхир дэлхэй –
Би – энэ байнаб.
Оршоожо байгаа агуу байдалай
Оршолон гэбэл – өөрөөб.*

*«Хан» гээд, юунишьеб досоом
Хахарһандал бололой.
«Ян» гээд, эгтээ зүрхэм
Яниашабал, ай, татай.*

*Иихэдээ гэнтэ юунишь болошобоб?
Дайн лэ бү байһай.
Иитэрээ юундэ ханаагаа зобонобиб?
Дэлхэймнай мүнхэдөө оршоһой.*

Галина Раднаевагай уянгата шүлэгүүдэй героиня хүнхинөө шууяатай энэ ехэ оршом соо, хүниие эмнэжэ байдаг аршаан булагуудтай дайдада ажаһуужа, Хатан эжы – байгаа-лиин шэбэнээн доро шүлэгүүдээ уянгатуулхадаа, шүлэгүүдэйн бадагуудай хүсэн – эндэһээл эхией абана гэхээр:

*Үхибүүн түрэжэ,
огторгойдо нэгэ
мүшэн нэмээд,
Сэдьхэлдэм һалбарһан
сэсэгэй шүүдэр
нюдэдһөөм һубаба.
Юрөөл үгэнүүдни
баглаа сэсэгэй
хангалтай хамтараад,
Сарюун сагай
һолонго татан,
холуур субаба.*

Минии ханахада, поэтессын шийдэмгэй баатарлиг абари зан «Нэрилгэ», «Гал гуламта», «Хун шубуудай нийдээн» болон бусад поэмэнүүд соонь тодоор гарахан ха. Үнэн зүб, найдамтай бата юумэнэй диилэжэ, ёhoto дуранай, энхэрэлэй халбарһанай хүсэн эндэ:

*Зөөгдэһэн гэрэймнай пезишэн ёдойжо,
Зайран миисгэй оройдонь һажсана.
Хүнэй зүргэ харагдахаа болижо,
Үалхинай буутар хамхуул түбхинэнэ.*

Һүүлэй хэдэн жэлнүүдтэ Галина Раднаева асари ехэ хүдэлмэри хэбэ. Поэтесса диктофон баряад түрэл аймагайнгаа һуурин нютагуудаар ябажа, үбгэд хүгшэдһөө үльгэр домогуудые, дуунууд болон үрээлнүүдые, оньһон үгэнүүд болон таабаринуудые бэшэжэ абаад, табан боти ном болгон хэблүүлжэ, буряад уг изагууртанай нэгэ халаа болохо сартуулнуудай аман зохёолой эрдэни зэндэмэни иигэжэ мүнхэлбэ ха юм. Үшөө нэгэ асари ехэ хүдэлмэри тухайнь хэлэбэл, Галина Раднаева уран зохёолшо Дашарабдан Батожабайн наһанайнь нүхэр Лхамасу Батуевнагай бэшэһэн дурсалгануудые дэбтэр болгожо, уран зохёолой маяг оруулаад, хоёр боти мемуар хэблүүлээ.

Гэхэтэй хамта, шүлэгүүдээ бэшэһээр лэ зандаа. Шэнэ шүлэгүүдынь 2013 ондо хэблэгдэһэн «Сагай суурян» гэжэ ном соонь ороо.

...Поэзиин булаг гээшэ шэди ехэтэ юумэн аабза. Галина Раднаева энэ булаг соогоо бурьялжал ябана. Поэт хүнэй зохёохы ажалай хажуугаар ондоошье ажал хэрэгүүд байгаал аалам. Зүгөөр хэдэн арбаад жэлнүүдэй туршада тэрэнэй бэшэһэн зохёолнууд болбол – булангиргүй булаг мэтэ арюухан сэбэр зандаал үлөөд, мянгаад уншагшадай зүрхэ сэдхэл арюудхаһаар. Тиимэл хадаа, поэт тон баяртайгаар иигэжэ бэшэнэ:

*Ааяма халуунда
ангаад заримдаа,
талын булагһаа
Ундаа харяагаад,
һайниие хүргэхээ
мартадагши нүгэлтэй.
Агаартал үнэтэй
амитанай хэишэ
байһандань гү даа,
Үе наһаа
залгажа ябаһанаа
ойлгодоггүйм халагтай.*

КНИГИ ПОЭТА

На бурятском языке:

- Уянга*. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1972.
Наран тээшэ. Уянгата шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1975.
Набшаһадай һаршаганаан. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1979.
Ээрсэг. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 1983.
Хун шубууд нишдэнэ. Уянгата поэмэнүүд. – Улаан-Удэ, 1987.
Хэтэ, сахюур. Уянгата шүлэгүүд. – Закаменск, 1992.
Үлхөө шүрэнүүд. Уянгата шүлэгүүд. – Закаменск, 1993.
Талын булаг. Уянгата шүлэгүүд. – Закаменск, 1994.
Түрэлгын зоболон. Уянгата поэмэнүүд. – Улаан-Удэ, 1996.
Гуламтын гал. Уянгата поэмэнүүд. – Улаан-Удэ, 1997.
Сагай суурян. Шүлэгүүд. – Улаан-Удэ, 2013.

На русском языке:

- Шелест листьев*. Стихи. – Улан-Удэ, 1979.
Белый месяц. Стихи. – М.: Современник, 1983.
Огонь в очаге. Поэма. – М.: Современник, 1986.
Белый месяц. Стихотворения. Поэмы. – М.: Советская Россия, 1989.
Пробуждение. Поэмы. – М.: Советский писатель, 1990.
Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI веков в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.
Мать-царица Джиды. Фольклор джидинских бурят. В пяти томах. – Улан-Удэ, 2005-2007.
Жизнь, ставшая легендой. В двух книгах. – Улан-Удэ, 2013.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Дементьев В.* Оставаться собой: открытое письмо Галине Раднаевой // Земли моей молодые голоса: сборник критических статей. – Улан-Удэ, 1981.
Без указ. автора. Раднаева Галина (Санжи-Сурун) Жигмытовна // Писатели Бурятии. – Улан-Удэ, 1994.
Хамгушкеева М. Галина Раднаева // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
Хамгушкеева М. Огонь родного очага // Хамгушкеева М. Бурятская поэзия. – Улан-Удэ, 1998.
Цыренова М. Поэтика поэмы Галины Раднаевой «Муки перерождения» // Проблемы бурятской филологии на современном этапе: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию проф. Ц.Цыдыпова. – Улан-Удэ, 1999.
Цыренова М. Метафорическая модель мира Галины Раднаевой // Цыренова М., Дампилова Л. Основные тенденции в развитии современной бурятской поэзии. – Улан-Удэ, 2000.
Цыренова М. Поэма «Белая лебедь» Г. Раднаевой // Указанный выше сборник.
Данчинова М. Мировидение восточного человека в поэзии Г. Раднаевой // Русский текст в евразийском контексте: язык, литература, культура. – Улан-Удэ, 2003.
Дондогой Ц-Д. Всегда в творческой силе. – Буряад Унэн, 2004, 15 января.
Базаржапова-Дашеева Г. Поэты – небесные создания. – Буряад Унэн, 2004, 5 февраля.
Дампилова Л. Поэтика лирики Галины Раднаевой: учебное пособие. – Улан-Удэ, 2007.
Будаин С. Раднаева Галина Жигмытовна // Писатели Бурятии XX-XXI веков. – Улан-Удэ, 2008.

СЕРДЦЕМ НАЙДЕННОЕ СЛОВО

Вместо послесловия

Вы прочитали книгу «Певцы родной земли» и, надеюсь, согласитесь со мной, что написана она с уважением к творчеству всех писателей Бурятии, о которых шла речь, с братской теплотой к каждому из них. К сожалению, очень часто на эти темы у нас пишут с ученой (или псевдоученой) сухостью, скучно, обкатанным, без какой-либо особенки, языком. На этот раз о прозаиках, поэтах, драматургах республики рассказано живо, образно, увлекательно.

И что еще хотелось бы выделить. Есть какие-то «общепризнанные» оценки книг, устоявшиеся взгляды на творчество того или иного писателя. В литературных портретах, предложенных А.Румянцевым, постоянно ощущаешь авторское видение творчества литератора, свое отношение к любому произведению. Это и хорошо. Недаром эссе в переводе с французского означает свободный очерк, личные суждения, высказанные в живой, непринужденной беседе. Видимо, так и нужно воспринимать сборник «Певцы родной земли».

В ней нет очерка о самом Андрее Румянцеве, а это, по-моему, несправедливо по отношению к человеку, который носит звание народного поэта Бурятии. Хотелось бы исправить эту несправедливость.

Я люблю читать стихи Андрея Румянцева, особенно вечером, когда остаешься один. Поэзия подталкивает тебя к правде, к пониманию жизни, и, в конце концов, к пониманию самого себя. А.Румянцев за долгие годы творчества написал немало книг, и во всех он шел от жизни, от своей сердечной, нравственной сущности. Он впитал в себя все светлое и доброе, что дала жизнь, и все горькое, что она принесла. Поэт всегда остро чувствовал наше бытие и мог с возмущением сказать правду в лицо тем, кто унижает жизнь.

Иногда говорят о литераторе: он – писатель такой-то темы. Так узко о поэте не скажешь. Румянцев пишет стихи об Отечественной войне, об отцах и матерях, которые не сломались под ее тяжелой ношей. И с той же страстью, с той же болью он пишет о наших современниках, многим из которых тоже живется не сладко. Диапазон его творчества широк. Начиная с 60-х годов, он постоянно находится на гребне жизни, на гребне русской поэзии. Если нынешний читатель захочет воспроизвести судьбу отчества, народную судьбу во второй половине XX века, то ему стоит почитать стихи таких поэтов, как Андрей Румянцев. Как пронзительны его строки о наших потерях в Великую Отечественную:

*Я так хотел бы верить свято,
Что всех, ушедших в темь пурги,
Встречал родной перрон дощатый,
Он помнит давние шаги!*

*Но сорок семь солдат взяла
Война из моего села...*

Стихи Андрея Румянцева о военном и послевоенном детстве стали одной из первых ласточек в русской поэзии, когда дети войны с болью и любовью заговорили о своих отцах-солдатах, о матерях-солдатках, о вдовах, то есть о тех, кто вытягивал жилы, не жалел ни крови, ни пота для спасения страны. Эти поэты

по-новому взглянули на трагедию войны, более пронзительно, потому что детское сердце переживало страдание тяжелей, чем душа взрослого. Тут поэзия осветилась иным, глубинным светом. И этот свет получил протяженность. Тут, может быть, разгадка того, почему поэзия Андрея Румянцева и правдивая, и чистая. Тут все идет от жизни. Хочется узнать о прошлых десятилетиях из первых рук.

Если говорить о других особенностях творчества А.Румянцева, то нельзя обойти стороной его поэтическое открытие Сибири, России. Родина в сердце у каждого из нас имеет свой образ. Андрей Румянцев сумел показать ее в стихах во всей божественной красоте и во всей трагической неустроенности. Потрясающее впечатление каждый раз производят на меня стихи из его цикла «У черного порога». Это – большая поэзия. Она выплеснулась из сердца, она не могла не выплеснуться, когда у художника горе. Но это, конечно, не просто поэтическое свидетельство о страданиях человека, на его горе наложилась трагедия тысяч российских семей. И читать такие стихи без слез трудно.

Поклонники творчества поэта заметят, что в его стихах всегда – сильные переживания.

Накал чувства особенный. Можно писать о земле, небе – обо всем внешнем, что человек видит; а можно писать о том, как человек воспринимает земную жизнь, небесную даль, о том, что он переживает в душе. Поэзия управляет чувствами, движениями сердца. Многие поэты писали, например, о Байкале: как он красив, чист и прочее. Но это восторги поверхностные. Есть у А.Румянцева отличная, на мой взгляд, поэма «Колодец планеты». Она выделяется и по мощи стиха, и по накалу чувства, и по мыслям, которые рождает:

*Байкал! У крутого прибоя,
У темной, потухшей волны
Горька мне вина пред тобою –
Себе не прощаю вины!*

*Мне б встать перед силой незваной
У этого камня, куста:
«Не троньте колодец, Иваны,
Не помнящие родства!».*

Эти повинные слова повторит любой из нас! Байкал напоминает народную душу, чистую в своей глубине, вечную, как он, одновременно суровую и нежную. Поэма взывает: не будем Иванами, не помнящими родства! Погубим Байкал – погубим душу.

У поэта немало стихов о матери, о других близких людях, о земляках. Без них он не представляет родины в широком смысле слова. И у всех стихов одно свойство: они предельно искренни и душевны. Как сердечно звучат, например, стихи об Александре Вампилове. В них нет фальши, выдумки. В воспоминаниях некоторых знакомых драматурга приходилось читать: мы с ним ездили вместе туда-то, бражничали. И кроме пустого рассказа о случайных встречах и мимолетных беседах ничего нет. Но ведь это Александр Вампилов, уже в молодости проявивший талант! Почему я заговорил о таких стихах? Потому что они открывают читателю наше поколение, в них – сложная судьба человека второй половины прошедшего века. А это для будущего читателя – интересная повесть.

Творчество Андрея Румянцева – это не что иное, как исповедь человека нежного и страдающего. Вот боль. Она в сердце его, но она и в том времени, которому он принадлежит. Поэт не делает и слабой попытки освободиться от этой боли. Больше того, сливается с нею, мучительно ищет в окружающем мире все, что могло бы помочь его современнику не утратить надежды, жить не только сегодняшним днем, но и тем, что грядет.

*Мы с тобой по судьбе азиатки.
Дом наш – снег да седая трава.
Наши песни из проруби взяты:
Были льдинки, а стали слова.*

Тяжелая это работа – превращать льдинки в слова. Но Андрей Румянцев отменно справляется с нею. Не знаю, что больше помогает ему в словотворчестве: отличный ли художественный вкус, уважительное ли отношение к людям, без чего невозможно рождение истинной поэзии, иль глубокое погружение в страдания и муки людские, а еще и в радости, в обыкновенные человеческие радости? Наверное, и то, и другое, и третье...

*Какие кони на лугу!
Таких я в детстве пас ночами.
Я не могу избыть печали,
Умерить радость не могу!*

Вот так-то! Все рядом – и печаль, и радость. А еще – образный строй мыслей, когда слова делаются необыкновенно яркими, и хочется сохранить их в памяти:

*Горит вечерний оком.
Цветет полынь на косогоре.
И, словно женщина – платком,
Шипучим шелком машет море.*

Не правда ли, хорошо? Веришь, что еще обогреет жизнь уставшее от непогоды сердце и сотворится чудесное:

*И я опять услышу над собою
В родной не отцветающей глуши
И вещей голос вечного собора,
И тайный отклик тающей души.*

Все в мире преходяще. И то, что грело вчера, в какой-то момент утрачивает свою прелесть, видится обыденным и скучным, не способным вознести людскую душу. Да, да, случается и так. И что же тогда? Увядание мысли, оскудение чувства? Поэт так не считает. Вслушайтесь:

*Улыбка женщины любимой...
Нет увяданья. Есть полет.
И даже в роце нелюдимой
Любая веточка поет...*

Дивные строки! Хочется выучить их наизусть и все повторять, повторять, согревая душу теплом истинной поэзии.

Передо мной лежит пятитомник Андрея Румянцева. Собственно, все, что вошло в него, создавалось на моих глазах. И стихи разных лет, и книги о русских классиках, написанные в последние годы. То, что он из нового времени взглянул на сокровища русской литературы и рассказал о них свежо, без зауми иных талмудов и скороговорки учебников, – это похвально. Писатель имеет право сказать свое слово о знаменитых предтечах, их великих творениях. Уверен, что книги А.Румянцева будут интересны учителям, школьникам, всем любителям литературы. Ведь чем больше они узнают о классиках, тем лучше будут знать свои духовные сокровища.

Последняя книга пятитомника открывает новую грань творчества писателя. Он обратился к прозе и создал цикл колоритных рассказов о жизни, быте, традициях прибайкальцев, их суровых и отзывчивых характерах. А первый том отдан поэзии. Книга имеет примечательный заголовок: «Государыня Жизнь». Сколько смысла в этом названии! Жизнь и в самом деле Государыня над нами. Царственной рукой она может обласкать, а может и наказать. Хочу, чтобы она дарила больше радостей поэту и всем нам!

*Ким Балков,
лауреат Государственной премии Республики Бурятия,
Большой литературной премии России*

ЗҮРХЭНЭЙ ДУЛААХАН ҮГЭНҮҮДЭЭР

Гүүлдэ хэлэгдэхэ үгын орондо

Үнэн зүрхэнэй оёорһоо гараһан урин дулаахан үгэнүүдээр Бурядай уран зохёолшод тухай бэшээ гэжэ «Түрэл нютагаа түүрэн домоглогшод» гэжэ номой автор тухай хэлэмээр байна. Уран зохёолшод тухай бэшэхэдээ, юрэнхыдөө хуурай хүйтэн юрэнхы үгэнүүдээр бэшэжэрхиһэн байхадань, уншахада һонигүй байдаг гэжэ мэдэнэт. Энэ удаа республикымнай прозаигууд, поэдүүд, драматургнууд тухай уни бутарма ульгам дулаан хөөрөөнүүдые уншажа, сэдхэлээ ханабабди.

Үшөө юун гэжэ эндэ хэлэлтэйб гэхэдэ, зохёолшон тухай, тэрэнэй зохёохы ажалда сэгнэлтэ үгэнэн, бултанда мэдээжэ, зоной һонирхол татахаа болишоһон номууд байдаг гүб даа. А.Румянцева зохёолшодой дүрэ зураглан харуулхадаа, өөрын нюдөөр тэрэ хүниие хаража, зохёол тухайнь өөрынгөө һанамжа хэлэхые оролдоно. Энэнь ехэ һайшаалтай. «Эссе» гэжэ үгыё француз хэлэнһээ оршуулхада, өөрын һанамжа барижа бэшэһэн очерк гэхэ гү, али хүнтэй хөөрэлдэжэ байжа хэлэһэн өөрын һанамжа гэлтэй. Энэ ном тухай хэлэхэ болоо һаа, эссе гэжэ жанр баримталан бэшэһэн статьянуудһаа бүридэнхэй гэхэдэ болохо шэнги.

Тээд нэгэ дутуу юумэниинь гэхэдэ, энэ ном соо Андрей Румянцева тухай очерк үгы байшоо. Буряад Республикын арадай поэдэй үндэр ехэ нэрэ зэргэ зүүжэ ябаһан энэ ирагуу найрагша тухай, тэрэнэй зохёолнууд тухай хөөрэнгүй гарахын аргагүй, энэ тон буруу гэжэ шиидээд, би автор тухайнь хөөрэхэмни.

Андрей Румянцевай шүлэгүүдые би уншаха дуратайб. Гансаараа үлөөд үдэшлэн уншахадам намда таарамжатай байдаг. Ажабайдал тухай гүнзэгыгөөр бодомжолжо, ажабайдалые, өөрыгөө һайнаар ойлгожо абахые зохёолнуудын

уряалхан шэнги байдаг. Андрей Румянцев олон жэл соо зохёол бэшэжэ ябахадаа, зохёолнуудын ажабайдалда үндэхэлхэн, ажабайдалһаа эхиеэ абahan гэжэ мэдэхээр байдагынь эли. Ажабайдалай бүхы найн найхание тодон абажа, муу юумэн тойроод ходо гаража байгаагүйшье мүртэнь, байдалые поэт ходо мэдэржэ, хүние доромжолон баһахаа һанahan зоной нюурта, хэрэгтэй болоо һаань, үнэн юумые үнэн руунь хэлэжэрхидэг зантай.

Зохёолшон тухай хэлэхэдээ, иимэ темэдэ бэшэдэг хүн гэлсэдэг. Андрей Румянцев тухай иигэжэ нэгэ хэдэн үгөөр хэлэхгүйш. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай хэды хүшэр хүндэ байбашье хүрөө дарагдаад, хүнөөгүй эжынэр болон эсэгэнэр тухай, мүнөө үе сагта хүнгэн бэшээр ажаһуудаг зон тухай адли тэгшээр бэшэжэл байдаг. Зохёохы ажалайнь хэмжүүр үргэн. 60-аад онуудһаа эхилжэ, поэт ходол ажабайдалай гүн далай соогуур долгион, ород поэзиин урасхалһаа хадуураагүй зандаа. Эхэ оронойнгоо, арад зонойнгоо XX зуун жэлэй хоёрдохи хахатай үе сагые яажа дабажа гараһан тухай бодомжолжо үзэхэ гэжэ бодоһон хүн Андрей Румянцевай гү, али тэрээнтэй дүтэрхүү темэтэй поэдэй шүлэгүүдые уншаа һаа, олон юумэ ойлгожо абаха гэжэ һананаб. Эсэгэ ороноо хамгаалгын дайнда хэды олон хохидол, хосоролто, гээлтэнүүд болоо гээшэб! Энээн тухай поэт ямар үгэнүүдээр бэшэе гээшэ һэм:

*Шуургата хүни гэрһээ гаража,
Шуһата дайнда мордохон
нютагайхидайм
Шар-шар гэхэн тэрэ алхамуудые
Модон перрон энэ болотор
Мартаагүй үшөө...
Түрэл нутагһаам тиухэ үедэ
Тэрэ холын дайнда мордохон
Баатар хүбүүдэй дүшэн долоониинь
Бусажа һөөргөө ерээгүй бэлэйл.*

Эхэ оронойнгоо аюулда ороод байхада ами наһаяа хайрлангүй дайралдаһан эсэгэнэр, бээе гамнангүй ажаллаһан эжынэр, үбгэд хүбүүдээ алдаһан эхэнэрнүүд тухай дайнай үедэ, дайнай һүүлдэ үнгэрһэн бага наһаяа урин дулаан, гуниг ехэтэ үгэнүүдээр ород поэзидэ анха түрүүлэн домоглон түүрээгшэ поэдүүдэй нэгэн Андрей Румянцев һэн. Эдэ поэдүүд гашуудалта дайнай хохидолые үшөө дахин, үхибүүнэй нүдөөр хаража бэшэхэдээ, энэнь ондоо гэрэлээр гэрэлтээдхёо. Магад иимэхээл Андрей Румянцевай поэзи үнэн сэхэ, тунгалаг арюун байжа болоо. Шүлэгүүдын ажабайдалһаал эхитэй. Үнгэрһэн арбаад жэлнүүд тухай өөрһөөнь һурабал дээрэ ха.

А.Румянцевай зохёохы ажалай ондоо онсо таланууд тухай хэлэбэл, Росси гүрэнөө, Сибириин ехэ хизаар дайдые яажа поэзидоо нээһэниинь тэмдэглэнгүй гарахын аргагүй. Эхэ орон хүн бүхэнэй зүрхэндэ нэгэл дүрсэтэй. Бурханай үгэхэн шэдитэ үнгэнүүдээр Андрей Румянцев Эхэ ороноо зураглан харуулхадаа, байра байдалайнь заримдаа аймшагтай хүшэр хүндэ байһые тэмдэглэнгүй гарадаггүй. «Харанхы богоһын хажууда» гэхэн гаршагтай шүлэгүүдын намайе ехэтэ хүрдүүлэе, гайхуулаа һэн. Эдэ шүлэгүүд – поэзиин орьёлодо гараһан зохёолнууд гэжэ хэлэхээр. Зураашын уйдхар гасаланда абтаад байхада, зүрхэнһөөнь

гарахан мүнүүд бээ. Тээд энэмнай нэгэ хүнэй уйдхар харуулхан үнэмшэлгэ үгэнүүд бэшэ, харин Росси гүрэнэй хэдэн мянгаад айл бүлэнүүдэй уйдхар зоболон харуулхан үнэмшэлгэ бшуу. Иимэ шүлэгүүдые нюдэнһөөнь нулимса дуһаангүй уншахань хүндэ.

Поэдэй шүлэгүүдые уншаха дуратай зон шүлэгүүдын мэдэрэл дүүрэн шүлэгүүд гэжэ хэлэхэ байха.

Газар, тэнгэри тухай бэшэжэ болохо – энэмнай юумэнэй газаа талые харуулхан, хүн тэдэниие хаража байһанаа бэшэнэ; газар дээрэхи байра байдалые, огторгойн гүн тухай, хүнэй досоо юун боложо байнаб, ямар хүсэн тэрэнэй досоо бурьялжа байнаб гэжэ харуулха шухала. Поэзи гээшэмнай хүнэй досоохи мэдэрэл хүтэлжэ байдаг, зүрхэнэй хүдэлөөе ургадажа байдаг юумэн ха юм даа. Олон поэдүүд, жэшэнь, Байгал тухай шүлэгүүдые олоор бэшэхэдээ, Байгалай найхание, тунгалаг уһатайе тэмдэглээ. Энэмнай газаахи талын найхание хаража, гоёшоожо байһанаа харуулхан шүлэгүүд аабза. «Газар дэлхэйн худаг» гэжэ поэмэ А.Румянцевта бии. Шүлэгүүдэйн мүнүүд һүр жабхалантай, бодол, мэдэрэлын хүнэй досоо аргагүй ехэ долгинуудые мушхаруулха аргатай:

*Байгал! Эрyedэш байгаад,
Һүргүй бүүдэгэр долгидойш хажууда
Зэмэтэйгээ мэдэрэн зогсожол байнаб –
Зэмэтэйдээ, өөрыгөө хүлисэхэ аргагүй.*

*Хүнэй уряагүй хүсэнэй урда
Шулуу, һөөгэй хажууда байгаад,
«Худагай ойро бү хүрэгты
Угаа мартаһан Иванууд!» – гэхэ һэм.*

Иигэжэ хэмнайшые хэлэхэ аргатай! Булангиргүй сэбэр тунгалаг, оёоргүй гүнзэги, эгүүридэ мүнхэ, хэрзэгышые, энхэргэншые Байгалнай арад зоной сэдхэл шэнги. Уг унгия мартаһан Иванууд бү болоё гэжэ поэмэ уряална. Байгалай хосорбол – бидэшые хосорхобди.

Эхэ тухай, дүтын хүнүүд тухай, нютагаархин тухайгаа олон шүлэгүүдые поэт бэшэһэн ха юм. Эдэнэргүйгөөр Эхэ орон тухайгаа хэлэһэнэй үлүү. Шүлэгүүдын үнэн зүрхэнэй оёорһоо гарахан хадаа хүниие уяруулдаг. Жэшэнь, А.Вампилов тухай ямар уярма гоё шүлэг бэшээ гээшэб! Тэндэнь нэгэшые худал хуурмаг үгэ байхагүй. Драматургые таниха зоной зариманиинь тэрэнтэй иишэ тиишэ ошодог һэмди, суг нилээд архидаһан байхабди гэжэ байжа, элдэб эсын худал зугаа гаргаһан байдаг. Александр Вампилов үшөө эдир залуу ябахадаа талаан бэлиг ехэтэй зохёолшон гэжэ элирһэн бшуу. Иимэ шүлэгүүд тухай юун гээд би дурдаба гээшэбиб? Юундэб гэхэдэ, эдэ шүлэгүүд манай үеын зониие уншагшадта нээхэдээ, тэдэнэй хуби заяан хүнгэн бэшэ байгаа гэжэ тэмдэглэнэ.

Амиды юумые хайрлаха, энхэргэн зөөлэн сэдхэлтэй хүнэй хөөрөөнүүд гэжэ Андрей Румянцевай зохёолнууд тухай хэлэхэ байнаб. Зохёолнууд соонь тэрэнэй энэ урин дулаан сэдхэлэй үбдэжэ байһые мэдэрхэдээ, энэнь тэрэнэй сэдхэлдэ эли байжа, өөрынгөө үе сагта хабаатай гэжэ харанаб. Сэдхэлэй энэ үбшэ зоболонһоо сүлөөрхые тэрэ оролдоногүй. Гэхэһээ гадна, энэ үбшэндөө дадажа, тэрэнтэйгээ эбсэн нэгэ амин болоод, мүнөө үеын хүнэй гансал мүнөөдэртөө найдаад ябадаг бэшэ, харин үглөөдэртөө, ерээдүйдэ найдалтай ябахые бэдэрһэнэй һэдэлгэ мүн.

*Хуби заяагаараа Азийн зомди,
Гэрнай – саһан, буурал ногоон.
Дуунууднай мұльһэн дороһоо гараһан,
Мұльһэн байгаад, үгэнүүд болоһон.*

Мұльһэдые үгэнүүд болгохо гээшэ – хүндэ ажал. Зүгөөр Андрей Румянцев ехэ шадамараар энээниие бүтээнэ. Үгэнүүдые холбон, шүлэг бэшэхэ ажалдань юун туһалдаг хаб гэбэл – энээндэ абьяастай, бэлигтэй байһаниинь юм гү, али хүн зондо хүндэтэйгөөр хандадагынь туһалһан байгаа гү. Зониие хүндэлжэ һураагүй һаа, ёһотой шүлэг бэшэхэгүйш. Али хүнэй үбшэ зоболониие өөртөө ойлгожо, хүнүүдэй жаргал баярые хубаалдажа шададагынь эндэ туһалдаг гү? Минии һанахада, эдэ бүгэдэ шанарынь бултадаа туһатай байгаа ха.

*Ямар морид нугада бэлшэнэб!
Иимэ моридые багадаа адуулдаг һэм.
Уйдхараа мүнөө мартаха аргамгүй
Баяраа хумижа яашье болохогүйл.*

Иимэл даа! Уйдхар гуниг, баяр, жаргал – хододоо зэргэлжэ байха. Үшөө – бодолнууд ялас гэмэ тодоор бии боложо, һанаанда үлэхэ.

*Үдэшын толон яларна,
Гашуун ногоон добо дээрэ ургана.
Пулаадаараа даллаһан эхэнэртэл,
Торгоор далай даллана.*

Ямар гоёор хэлэнэ гээшэб! Хии бараанһаа эсэжэ сүхэрһэн зүрхые ажабайдалай һэргээжэ, эди шэди оруулһандал:

*Түрэл тоонто дайдадаа
Дахинаа абья дуулахалби.
Мүнхэ хүзэгэй, һумын абьян
Мэлмэрэн байһан сэдхэлэй суурьян.*

Энэ дэлхэй дээрэ юуншье мүнхэ бэшэ. Үсэгэлдэр гоёор гэрэлтэжэ, дулаа үгэжэ байһан юумэн хожомоо үнгөө бууража, юрын лэ боложо хубилаад, хүнэй сэдхэл хүдэлгэхөө болидог. Тиихэдэнь яалтай юм? Бодолой, мэдэрэлэй хүнэжэ хороходо яаха болоноб? Поэт иигэжэ һананагүй:

*Намарай хумиһан шара набишын
Хагдарал, хугшэрэл энэ дэлхэйдэ үгы юм.
Гансал өөдөө, огторгой тээшэ ниидэхэ,
Гандаһан тужа соо мұшэр бүхэниинь дуулаха.*

Шэдитэ үгэнүүд! Эдэниие сээжэлдээд, дабтажал ябаа һааш, ёһото поэзиин гэрэл дулаан сэдхэл зүрхэ жэгнэжэл байха.

Урдамни Андрей Румянцевай табан боти номууд табяатай. Эдэ номууд соо ороһон зохёол бүхэнэй яажа мүнделһые би мэдэхэб. Элдэб жэлнүүдтэ бэшэгдэһэн шүлэгүүд, һүүлэй үедэ бэшэһэн ород классигууд тухай номууд. Мүнөө үеын хүнэй нүдөөр ород уран зохёолой эрдэни зэндэмэни зохёолнуудые үшөө дахин хаража, өөрын тобшолол хээд, элдэб номууд болон учебнигүүд соохиһоо ондоогоор, өөрынхээрэ бэшэхэ гээшэ дэмбэрэлтэй хэрэг. Агууехэ уран зохёолшод,

тэдэнэй агуухэ бүтээлнүүд тухай зохёолшо өөрын үгэ хэлэхэ эрхэтэй ха юм. А.Румянцевай номууд багшанарта, хурагшадта, уран зохёолдо дуратай зондо хэрэгтэй байха гэжэ лаб мэдэнэб. Классигууд тухай ехэ мэдэлтэй байбал, арад зонойнгоо ханаа бодолой баялигыгэ бүри хайнаар мэдэжэ абахаш.

Табан боти номуудайнй һүүлшын ном зохёолшын зохёохы ажалай үшөө нэгэ тала харуулба гээшэ. Юун тухай хэлэхээ ханаабиб гэхэдэ, Байгал шадар ажаһуудаг зоной һуудал байдал, тэдэнэй шангахан абари зан тухай һонирхолтой рассказаудые поэт бэшээ юм. «Хатан Ажабайдал» гэжэ гайхалтай гоё хайхан гаршагтай. Энэ гаршагынь ехэ гүнзэгы удхатай юм. Ажамидарал гээшэ үнэхөөрөөл бидэнэй Хатан юм бээ. Хатанай гараар эрхэлүүлжэ гү, али бүри хэнээжэ болохо. Энэ хатан поэдтэ болон бусад зондо ходол баяр жаргал бэлэглэжэ байхань болтогой!

Ким Балков,

*Буряад Республикын Гүрэнэй шангай лауреат,
Россиин Уран зохёолой эгээл дээдэ шатын шангай лауреат*

КНИГИ ПОЭТА:

Причастность. Стихи (в кассете «Байкальские зори»). – Улан-Удэ, 1966.

Горсть отчей земли. Стихи. – Улан-Удэ, 1970.

Радуга в руке. Стихи. – Улан-Удэ, 1973.

Время отваги. Стихи. – Улан-Удэ, 1976.

Страда. Стихи. – Улан-Удэ, 1980.

Признание. Стихи. – Улан-Удэ, 1983.

Таёжная колыбель. Книга стихов. – М.: Современник, 1984.

Дыхание Байкала. Стихи. Венки сонетов. – М.: Молодая гвардия, 1986.

Кедровая ветвь. Стихотворения. Поэма. – М.: Советская Россия, 1989.

Поле жизни. Стихи. – Улан-Удэ, 1989.

Колодец планеты. Стихи. Поэма (Серия «Сибирская лира»). – Иркутск, 1993.

Александр Вампилов: студенческие годы. Воспоминания. Малоизвестные страницы А.Вампилова. – Иркутск, 1993.

Русская звезда. Стихотворения. Байкальский монолог. Воспоминания об А.Вампилове. – Иркутск, 1996.

Лицом к свету. Стихотворения. Переводы. Над страницами классики. – Иркутск, 2003.

Воздух любви и печали. Стихотворения. Венки сонетов. Поэма. – Иркутск, 2003.

Стихи. Антология литературы Бурятии XX-начала XXI века в 3 томах. Том 1. – Улан-Удэ, 2010.

Государыня Жизнь. Стихи. Серия «Самородки Забайкалья» в 10 томах. Том 9. Улан-Удэ, 2010; Таёжная, озёрная, степная. Произведения бурятских учёных и писателей в 15 томах. Том 14. – Улан-Удэ, 2012.

Певцы родной земли. Литературные портреты писателей Бурятии. Том 15-й указанного выше собрания произведений. – Улан-Удэ, 2012.

На дорогах жизни. Воспоминания. Заметки о творчестве писателей. – Улан-Удэ, 2013.

Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Государыня Жизнь. Стихи. Венки сонетов. Поэма. Переводы. Том 2. Глаголы неба на земле. Книга о великих русских поэтах. Том 3. Увидеть Россию сердцем. Книга о знаменитых произведениях русской прозы. Том 4. К нам едет ревизор. Книга о знаменитых произведениях русской драматургии. Том 5. Рассказы. Очерки. Стихи последних лет. – Иркутск, 2006-2010.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

- Мартинovich А.* «Земля моя таежная...» – Правда Бурятии, 1970, 24 ноября.
- Ханбеков Л.* Открытия и... неудачные дебюты. – Книжное обозрение, 1971, 25 июня.
- Коновалов В.* Обратный адрес. – В мире книг, 1971, № 8.
- Хосомоев Н.* Заявка на зрелость. – Байкал, 1974, № 4.
- Паликова А.* Верность главной теме. – Правда Бурятии, 1977, 18 марта.
- Тапхаев Л.* «Коль это с тобою незримо...». – Молодежь Бурятии, 1977, 14 октября.
- Сергеев М.* О русских поэтах Бурятии // Уверенной поступью: Материалы выездного заседания секретариата правления Союза писателей РСФСР. – Улан-Удэ, 1980.
- Балков К.* Земное тепло. – Молодежь Бурятии, 1981, 2 февраля..
- Антушев С.* Время страды. – Правда Бурятии, 1981, 6 марта.
- Паликова А.* Очерки русской поэзии советской Бурятии. – Новосибирск, 1982.
- Паликова А.* «Сумей понять живую цельность жизни...» – Байкал, 1984, № 1.
- Молонов Г., Ярневский И.* В едином строю. – Байкал, 1986, № 3.
- Байбородин А.* «Взывает время к доброте...» – Молодежь Бурятии, 1998, 9 сентября.
- Дамдинов Н.* Звезды в колодце. – Бурятия, 1998, 15 сентября.
- Тулохонов С.* Румянцев Андрей Григорьевич // Тулохонов С. Силуэты писателей Бурятии. – Улан-Удэ, 1998.
- Тендитник Н.* «Душа моя снова жива...» – Восточно-Сибирская правда, 1990, 29 марта.
- Будаев Ю.* Сибирский корень. – Правда Бурятии, 1996, 24 августа.
- Паликова А.* «Жизнь призывает к любви и труду...» – Сибирь, 2003, № 3.
- Дорин А.* Когда нет расстояния между сердцем и словом. – Российский писатель, 2004, № 9-10.
- Перевезенцев С.* «Великие поэты как близкие люди...» // Румянцев А. Глаголы неба на земле. – Иркутск, 2006.
- Владимирцев В.* Всегда благоухающая классика // Румянцев А. Увидеть Россию сердцем. – Иркутск, 2007.
- Лобозеров С.* Кафедра, с которой можно сказать многое // Румянцев А. К нам едет ревизор. – Иркутск, 2008.
- Щетинина Л.* Неубывающий свет. – Правда Бурятии, 2008, 11 сентября.
- Куняев С.* Из глубины жизни // Румянцев А. Моя Атлантида. – Иркутск, 2010.
- Филиппова В.* «Кудрявой строкой не греша...». – Наш современник, 2010, № 3.
- Имхелова С.* Верность отчей земле. – Педагогический имидж, 2013, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАРШАГ

Намсараев Хоца Намсараевич	3
Уроки мастера	3
Уран үгын дархан, уран зохёолшодой багша	8
Книги писателя	14
О жизни и творчестве писателя	15
Балдано Намжил Гармаевич	17
Талант, обрученный с театром	17
Театртай холбоотой хуби заяан	20
Книги писателя	24
О жизни и творчестве писателя	24
Абидуев Бавасан Доржиевич	26
Сказки из волшебного сундука	26
Шэдитэ сүндүүгэй шэмэглэл онтохонууд	29
Книги писателя	32
О жизни и творчестве писателя	33
Номтоев Цокто Номтоевич	34
Судьба, сравнимая с легендой	34
Домогто заяан	36
Книги писателя	39
О жизни и творчестве писателя	40
Дондокова Цырен-Дулма Дондоковна	41
Горячего сердца слова	41
Халуун зүрхэнэй дулаан үгэнүүд	46
Книги поэта	51
О жизни и творчестве поэта	51
Степанов Михаил Николаевич	53
У мастерства один язык	53
Уран хүн ондоогоо бэлигтэй	57
Книги писателя	61
О жизни и творчестве писателя	61
Жигжитов Михаил Ильич	62
Привычной тропой правды	62
Үнэн зүбэй зүргөөр	67
Книги писателя	70
О жизни и творчестве писателя	71
Тумунов Жамсо Тумунович	72
Полет степного орла	72
Талын бүргэдэй дэлисэтэй нийдээн	78
Книги писателя	84
О жизни и творчестве писателя	85
Галсанов Цэдэн Галсанович	86
Иного счастья не искал	86
Ондоо жаргал бэдэрээгүй	92

Книги поэта	99
О жизни и творчестве поэта	100
Цыдендамбаев Чимит Цыдендамбаевич	101
Судьба героев – судьба народная	101
Геройнуудайнь хуби заяан – арадай хуби заяан	105
Книги писателя	110
О жизни и творчестве писателя	111
Шагжин Цырен Галзутович	112
С ним на сцену пришел Будамшу	112
Будамшууе тайзан дээрэ гаргаһан	115
Книги писателя	118
О жизни и творчестве писателя	119
Бальбуров Африкан Андреевич	120
Двенадцать его драгоценностей	120
Арбан хоёр эрдэни зэндэмэнинь	127
Книги писателя	134
О жизни и творчестве писателя	135
Батожабай Даширабдан Одбоевич	136
Многогранный дар	136
Бурханһаа үгтэһэн талаан бэлиг	139
Книги писателя	143
О жизни и творчестве писателя	144
Мунгонов Барадий Мункуевич	145
На берегах бурливого Хилка	145
Харьялааша Хёлгын эрьедэ	150
Книги писателя	154
О жизни и творчестве писателя	155
Чимитов Гунга Гомбоевич	157
Какая радость — по земле шагать!	157
Амидын жаргал эдлэжэ	160
Книги поэта	163
О жизни и творчестве поэта	163
Жалсараев Дамба Зодбич	165
Резьба по небу	165
Тэнгэрийн хиилүүр	172
Книги поэта	178
О жизни и творчестве поэта	179
Намжилов Чимит-Рэгзэн Намжилович	181
Дороже всех наград	181
Ямаршье шагналһаа үнэтэй	186
Книги поэта	192
О жизни и творчестве поэта	192
Карнышев Константин Григорьевич	194
Рассказать о сокровенном	194
Зүрхэнэйнгөө уута онгилон	197
Книги писателя	199
О жизни и творчестве писателя	199

Бадмаев Цырен-Базар Бадмаевич	200
Чародей в стране детства	200
Үхибүүн үеым үльгэршэн	205
Книги писателя	211
О жизни и творчестве писателя	211
Найдаков Василий Цыренович	213
«Одна, но пламенная страсть...»	213
«Нэгэл шунал байгаа юм...»	216
Книги писателя	219
О жизни и творчестве писателя	220
Бадаев Алексей Данилович	221
Не потерять добытой высоты	221
Абиржа гарахан үндэрөө алдажа болохогүй	225
Книги поэта	229
О жизни и творчестве поэта	230
Жимбиев Цыденжап Арсаланович	231
Лицо сегодняшнего дня	231
Мүнөө сагые харуулха гэбэл	234
Книги писателя	236
О жизни и творчестве писателя	237
Корнаков Владимир Васильевич	238
Под сенью красных берез	238
Улаан хуһадай һүүдэртэ	242
Книги писателя	246
О жизни и творчестве писателя	246
Калашников Исай Калистратович	247
Сага о жестоком веке	247
Шуһата зэбүүн саг тухай домог	251
Книги писателя	255
О жизни и творчестве писателя	255
Дамдинов Николай Гармаевич	257
Дорога, дарующая удачу	257
Хэшэгтэй зам	263
Книги поэта	270
О жизни и творчестве поэта	271
Петонов Владимир Константинович	273
Пенье стальной тетивы	273
Хүдэлмэришэн ангиин түүхэшэн	278
Книги поэта	282
О жизни и творчестве поэта	283
Ангабаев Солбон Дондупович	284
Иду к людям	284
«Одод эмнинэ дээрэхээ намда...»	287
Книги поэта	290
О жизни и творчестве поэта	291
Щитов Анатолий Александрович	292
Тревога сердца	292
Зүрхэнэй зоболон	296

Книги писателя	300
О жизни и творчестве писателя	300
Улзытуев Дондок Аюшеевич	301
Подарок его – ая ганга	301
Ая гангын орондо	306
Книги поэта	311
О жизни и творчестве поэта	312
Цырендоржиев Сергей Сультимович	313
Люди, которых люблю	313
Үүрэйнь солбон үнгэтэн толотоһоор	316
Книги писателя	318
О жизни и творчестве писателя	319
Балков Ким Николаевич	320
Река жизни	320
Ажабайдалай урасхал соо	324
Книги писателя	327
О жизни и творчестве писателя	328
Шиханов Михаил Михайлович	329
О том, что дорого	329
Эгээл сэнтэй юумэн тухайгаа	332
Книги поэта	334
О жизни и творчестве поэта	334
Дамбаев Даши Цыретарович	336
Взрывная сила строки	336
«Дуулан ябахаа эндэ түрөө нэм...»	340
Книги поэта	342
О жизни и творчестве поэта	343
Дашабылов Георгий Цыренович	344
Как хлебом, словом поделись	344
Нютагай агаар	348
Книги поэта	351
О жизни и творчестве поэта	352
Самбуев Мэлс Жамьянович	353
Песнь, как искра	353
Тайгын хүбүүн	356
Книги поэта	360
О жизни и творчестве поэта	360
Митыпов Владимир Гомбожапович	362
По ступеням совершенства	362
Алтаар баян хүбшэдэнь	367
Книги писателя	371
О жизни и творчестве писателя	371
Тапхаев Лопсон Дунзынович	372
Свой след	372
Газар дээрэ мур үлөөхэ	376
Книги поэта	379
О жизни и творчестве поэта	379

Липатов Владимир Викторович	381
Спасибо, жизнь!	381
Баярые хүргэнэм ажамидаралдаа	385
Книги поэта	388
О жизни и творчестве поэта	388
Дугаров Баир Сономович	390
«Я – наследник родного простора...».....	390
«Эхимни – эндэ...».....	393
Книги поэта.....	397
О жизни и творчестве поэта	397
Лобозёров Степан Лукич	399
«По соседству мы живём...»	399
«Зэргэлээд ажаһуунабди...»	404
Книги писателя	408
О жизни и творчестве писателя	408
Нимбуев Намжил Ширабович	410
О Родине мысли светлы...	410
Сахилгаа шүдэрлэһэн поэт	413
Книги поэта	415
О жизни и творчестве поэта	415
Раднаева Галина Жигмытовна	416
От очага созвездья зажигать...	416
Гуламтын галһаа мүшэдые носоожо...	420
Книги поэта	425
О жизни и творчестве поэта	425
К.Балков. Сердцем найденное слово. Вместо послесловия	426
К.Балков. Зүрхэнэй дулаахан үгэнүүдээр. Һүүлдэ хэлэгдэхэ үгын орондо	429
Книги поэта	433
О жизни и творчестве поэта	434

Литературно-художественное издание

В помощь школьнику

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич

**ПЕВЦЫ РОДНОЙ ЗЕМЛИ
ТҮРЭЛ НЮТАГАА ТҮҮРЭЭН ДОМОГЛОГШОД**

Перевод *Н.Д. Гармаева*

Верстка *В.И. Афанасьева*
Корректор *Д.Б. Дашиева*

Сдано в набор 08.07.17. Подписано в печать 22.09.17. Формат 70х108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,5. Усл. кр.-отт. 39,2. Тираж 1000 экз. Заказ №151.

Издательство ПАО «Республиканская типография»

Отпечатано в ПАО «Республиканская типография» РБ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13